

Данилин А.Г.

LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости

Данилин А.Г. - LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. - 521 с.

ISBN 5-227-01464-7

Новая книга А. Данилина, известного врача-нарколога, – это шокирующие откровения, непредвзятая объективность, всесторонняя освещенность, сложный диалог с представителями самых разных мистических, философских, психологических и псевдорелигиозных учений о феномене ушедшего тысячелетия – LSD. Необычная по широте охвата проблемы и своеобразию изложения материала книга несомненно вызовет интерес у огромной читательской аудитории, заставит задуматься о подлинном смысле многих феноменов и глубоко осмыслить проблему – почему люди употребляют наркотики.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, вы держите в своих руках удивительную книгу. Она одновременно является и продолжением авторской серии книг о наркотиках, написанных А.Г. Данилиным, и книгой о самых глубоких тайниках души каждого из нас.

Об этой работе можно сказать очень много:

- это первое отечественное исследование взаимосвязи наркотиков и культуры;
- это, вообще, первая крупная опубликованная отечественная работа, посвященная психоделии и психологии нар-котизма;
- это книга о том, что такое человеческое «Я», и о том, каким образом наше сознание взаимодействует с химическими веществами, и не только с ними одними;
- это первая известная мне книга, описывающая *зависимость* как отдельный феномен человеческой психики и предлагающая теорию его возникновения и функционирования;
- это первая отечественная работа, дающая, ясную мировоззренческую основу для диалога с психоделической культурой и образом жизни, которые в наше время, казалось бы, победили все и вся;
- это первая отечественная монография, основанная на традиции, которая в Европе получила название «антипсихиатрия»;
- и (возможно, это главное) это первая психологическая или медицинская работа новейших времен, которая не боится обсуждать не только психологические, но и духовные основы человеческого бытия.

Вместе с тем, об этой книге можно ничего не говорить – она захватывающе интересна, читается очень легко и скажет все сама за себя.

Я лишь считаю нужным обратить внимание всех, кто привык читать предисловие вместо книги, на некоторые аспекты ее содержания. Они отсутствуют в заглавии, но представляют интерес для каждого человека, который профессионально занимается или просто интересуется проблемами психологии и культуры.

Для того чтобы ответить на главный вопрос всей серии книг – «Почему люди употребляют наркотики?» – А. Г. Данилину приходится «по дороге» объяснять или анализировать целый ряд феноменов, которые, по мнению автора, психологически пересекаются с проблемой зависимого поведения.

В книге, почти на равных правах с наркотиками, «участвуют» (более или менее подробно анализируются): спиритизм и Ницше, сюрреализм и социализм, эпоха Просвещения и нацизм, психоанализ и новейшая философия постмодерна, кино и компьютеры, ведьмы и зомби, русские сказки и греческие мифы, искусство концептуализма и психология современного подростка, хиппи и «жизнестойкие дети».

В ней идет речь о чудесах подлинных и мнимых, о разнице между религиозной верой и самообманом, о разных, порой самых неожиданных, трактовках грехопадения Адама и Евы, о русских мистических сектах и религиозных экстазах хлыстов и скопцов.

И это далеко не все!

Пытаясь понять механизм влияния на психику самых загадочных среди известных человечеству психоактивных веществ, автор анализирует первоисточники таких, невероятно важных для современного мышления понятий, как *внушение* или *манипуляция сознанием*. Следуя логике исследования, он описывает потаенные психологические и духовные механизмы возникновения феномена *групповой психотерапии* и повальной увлеченности восточными «*эзотерическими*» учениями.

Для того чтобы читателю было легче понять, что такое зависимость и независимость, жизненный стиль, автор приводит адаптированную им тестовую методику Д. Роттера и дает практические рекомендации по ее использованию.

Обратите внимание на 28-ю главу книги! Она посвящена популярной музыке и ее связи с наркотиками. Инструментов для анализа молодежной музыкальной культуры у современных педагогов и психологов нет вообще. Это первый отечественный опыт описания *механизмов* влияния музыки на психологию молодого человека. Главное – в главе (и снова впервые, насколько мне известно) предлагается альтернатива разрушительному натиску рейв-движения. Причем эта *альтернатива найдена автором в структуре самой*

популярной музыки. Он приводит, в частности, некоторые образцы, на осно-

4

вании которых думающий педагог или психотерапевт может построить систему профилактики наркоманий или музыкальной терапии.

В главах, следующих непосредственно за «музыкальной», автор исследует *советскую подпольную субнаркотическую, или «эзотерическую», культуру*. Насколько мне известно, никто ранее не пытался рассматривать мистические искания нашей интеллигенции как самостоятельный (и массовый) культурно-психологический феномен – «*отечественную психоделию*». Я думаю, что большинство из нас – психологов нынешнего поколения сорокалетних – в юности ощущали себя причастными к отечественному «эзотерическому» движению. Ощущали, но попыток анализа того, что с нами происходило, не делали. И вновь автор книги идет по непроторенной дороге.

Я думаю, эти главы вызовут множество споров...

В этой книге спорно вообще все.

Но разве возможно существование бесспорных истин в области человеческого духа?

Логика книги подкупает, несмотря на эвристичность многих ее положений. Монография позволяет объединить в единую мировоззренческую концепцию самые страшные и загадочные социальные и психологические феномены только что завершившегося века – она повествует в конечном итоге о разнообразных ликах *зла*.

Чем больше я думаю о работе Данилина, тем больше я понимаю – по-другому об LSD написать было просто нельзя. О необычных феноменах души можно сделать только необычную книгу.

Вполне вероятно, таких книг не существовало до сих пор потому, что потенциальные их авторы прекрасно понимают всю сложность проблем, с которыми придется столкнуться, и отсутствие у официальной (совсем недавно советской) науки психологического инструментария для их анализа. Все это требует от *автора* первой подобной книги смелости и почти невероятной эрудиции.

Может показаться удивительным то, что автор этой книги не психолог и не ученый, а практикующий врач – психиатр, заведующий отделением известной московской клиники. Лично мне это не кажется ни удивительным, ни странным. Врач, а сегодня еще и психолог-практик – это профессии, которые первыми сталкиваются с насущной необходимостью *объяснить* пациенту, что именно является причиной возникновения тех или иных проблем, вносящих сумятицу в жизнь его души.

5

Конкретного пациента не волнует ни уровень развития науки, ни разновидность образования, которое получил консультирующий его специалист. Он хочет лишь знать ответы на два вопроса: «Почему это со мной происходит?» и «Что делать?»

У терапевта или хирурга есть «вооружение» для ответа на эти вопросы – это таблетки или скальпель. Единственным «оружием» педагога, психолога или психотерапевта является его мировоззрение – ясность и глубина его взглядов, позволяющих убедить пациента в том, чтобы он изменил свой взгляд на мир и на самого себя.

В сегодняшнем калейдоскопе теорий и взглядов нам не хватает этого «оружия», как никогда раньше.

Книга А.Г. Данилина – это попытка дать всем, кто в этом заинтересован, подобное психологическое вооружение, позволяющее убедить наркомана или просто человека *зависимого* в его неправоте или непонимании сути того, что с ним происходит. Имея возможность работать с рукописью этой книги до ее выхода в свет, я выписал для себя множество цитат, порой просто необходимых для практических бесед с нашими пациентами (да и студентами тоже). Кроме интереснейшей теории, материал этой книги, видимо, именно потому, что она написана врачом, предоставляет массу возможностей для его применения в каждодневной психологической, педагогической или психотерапевтической работе.

Я думаю, что в этом убедится любой человек, давший себе труд внимательно ее прочесть.

А.Н. Шурыгин

доцент Московского городского
психолого-педагогического института,
сектор проблем медико-социальной реабилитации
при наркотической зависимости

ГАЛЛЮЦИНОГЕНЫ, ПСИХОДЕЛИЯ И ФЕНОМЕН ЗАВИСИМОСТИ

Каждый час имеет свою ось, около которой он вращается.

И всякое «я» вращается по оси своего «я».

Это мы называем «эгоизмами» и плачем. Несимпатично.

Некрасиво. Но что же делать? Иначе бы мир рассыпался. Мир уплотняется. Камешками, а не песком. Звездочки, а не «туман материи». Мог бы ведь и «туман». Так Бог сказал всему: «Смотри в себя». И вот мир эгоистичен.

14.IV. 1916, В.В. Розанов

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга написана ради ответа на вопрос, который автор считает главным во всей нашей серии книг о наркотиках и, возможно, главным вопросом всех наук, которые занимаются зависимостью человека от факторов окружающей среды.

Это вопрос – *почему люди употребляют наркотики ?*

Перед началом работы над этой книгой автор имел возможность в неформальной обстановке задать несколько иной (но имеющий непосредственное отношение к первому) вопрос ряду ведущих московских специалистов по наркологии и психиатрии – профессорам и руководителям клиник.

– Скажите, пожалуйста, – спрашивал автор, – почему LSD – это *плохо!*

Действительно, что ужасного в малотоксичном химическом соединении, когда-то бывшем официально признанным лекарством, которое воспевал целый ряд врачей, например знаменитый С. Гроф. Ведь его наркотические свойства, например способность вызывать физическую зависимость, являются недоказанными и спорными? Ведь автору нужно именно это объяснить своим читателям.

Все специалисты – абсолютно разные люди – ответили примерно одно и то же.

– На самом деле ничего плохого в LSD нет, – говори ли они, – просто существуют знания, которые не должны покидать стены медицинских институтов.

И только... часть вечного как мир разговора о разнице между «толпой», которая недостойна получать знания, и «научной элитой» общества.

9

В действительности, думается автору, даже такая мысль не приходила в голову отвечавшим мне людям. Проблема заключается не в амбициях, не в претензии на элитность собственных знаний, а в *узости медицинских представлений* о взаимодействии человеческой психики с этой группой химических веществ.

Заданный вопрос затрагивает массу других, мировоззренческих, по самой своей сути, проблем. Он «тянет» следом за собой вопросы о том, что «плохо» и что «хорошо» для сферы восприятия вообще. Он заставляет задуматься о том, какие формы *познания* мы будем считать «нормальными», а какие «болезненными». Он затрагивает проблему различия между галлюцинациями и... религиозным откровением и в конечном итоге упирается в наше понимание человеческого «Я».

По всей видимости, с нежеланием медицины ответить на вопрос «чем плохи галлюциногены?», связана и крайняя скудность информации о самих этих веществах и, тем более, о последствиях их хронического применения, содержащаяся в отечественных и зарубежных руководствах по наркологии. В любом из них галлюциногенам посвящено не более нескольких страниц.

Но неспособность профессионалов ясно ответить на вопрос, чем плох тот или иной наркотик, *означает нашу беспомощность в диалоге с пациентами.*

Отсутствие информации в книгах, написанных нами же, приведет (на самом деле уже давно привело) к тому, что сведения об этих наркотиках молодые люди могут получать *только* из книг, написанных... наркоманами – людьми, которые возвели прием LSD в ранг духовного, религиозного откровения (!).

Ни для кого больше не является секретом, что «психоделическая» литература представляет собой крайне влиятельное направление современной культуры, которое включает в себя как «научные» и «мистические» труды, так и целый поток инспирированной употреблением наркотиков художественной литературы. И не только литературы, разумеется...

За последние 10 лет *все* основополагающие «психоделические» книги переведены на русский язык и пользуются большим спросом у молодых.

Более того, все описания галлюцинаторных переживаний, приводимые автором в первой трети книги, взяты из лите-

10

ратуры, опубликованной тиражами несравненно большими, чем тираж нашей работы.

Воспользоваться привычным советским методом и просто запретить их больше не получится.

Их *придется* читать. С ними *придется* спорить.

И первыми людьми, которые *вынуждены* принимать участие в этом споре, становятся врачи и учителя – люди, профессия которых *обязывает убеждать* пациентов и учеников в необходимости выбора *правильного* образа жизни и *правильного* отношения к действительности.

Правильный образ жизни и мыслей сегодня понимается как приемлемый для общества. Но что делать, если врачи и учителя *сами на понимают*, какой образ жизни и какое отношение к действительности приемлемы *для этого общества!*

По всей видимости, для того, чтобы спорить с «психоделией», профессионалам не хватает той мировоззренческой базы, которая на сегодняшний день имеется у них в наличии.

Некоторые специалисты считают, что проблема LSD сегодня «не актуальна». Но наркотик по-прежнему почти свободно продается в ночных клубах, и неизвестно, что произойдет завтра со степенью его «актуальности».

На наш взгляд, еще более актуальной, чем сами химические вещества, является проблема их явного и неявного влияния на культуру. Массовое употребление галлюциногенов в Америке и Европе 60-х годов («психоделическая революция») привело не только к созданию соответствующей литературы, но и к изменению отношения человека к своей собственной личности – к заметному колебанию и без того зыбкой грани между нормой и патологией.

Эта книга не претендует на полноту истины. Она лишь дает почву для размышлений. Автор писал ее ради того, чтобы *спор* с «психоделической» культурой хотя бы начался, стал возможным. А если мы начнем *думать* и спорить, то сможем сформулировать и *честный* ответ на вопрос: чем ужасны галлюциногены?

ЧТО ТАКОЕ ГАЛЛЮЦИНОГЕНЫ?

Наркотики этой группы способны изменять человеческое восприятие и сознание весьма необычным образом. Биохимический механизм их действия до конца не ясен. Многие

11

из них содержатся в растениях, которые с древнейших времен люди использовали в религиозных ритуалах. Некоторые синтезированы в химических лабораториях и стали использоваться в мистических ритуалах новейших времен.

Ряд подобных веществ с точки зрения химической структуры являются индолами (соединениями, сочетающими пятигранную пентаксильную группу с бензольным кольцом). Однако тоже не все. Мескалин химически гораздо ближе к амфетаминам, чем к индолам.

С 60-х годов XX века об этих наркотиках написаны тысячи книг. В них содержится явно больше гипотез, чем доказанных фактов. Известно, что открытие и использование LSD-25 привело к подлинному перевороту в познании душевной жизни; но до сих пор непонятны ни истинные причины, ни следствия этого переворота.

Даже названия этой группы веществ применялись и применяются разные. В первых публикациях – «Fantastic drugs» (фантастические лекарства или «наркотики-фантастики»), в последующих – «Психотомиметики». Некоторое время наука считала, что галлюциногены моделируют или имитируют симптомы шизофрении.

Сегодня это название практически не используется, так как выяснилось, что специфический эффект от употребления наркотиков и течение «естественного» психического заболевания отличны друг от друга. Среди сторонников широкого применения данных веществ появился уже знакомый нам термин «психоделики».

Это слово, введенное в оборот одним из пионеров исследований LSD Хамфри Осмондом, в дословном переводе с греческого означает «расширяющий сознание» или «помогающий психике».

После законодательного запрета на использование подобных веществ в обиход вошел термин «галлюциногены» (по их главному свойству – способности вызывать галлюцинации).

Однако и это название (именно оно будет использоваться при дальнейшем изложении материалов данной книги) применяется не всеми специалистами, так как оно не вполне точно. Изменения, происходящие в сознании под влиянием наркотиков этой группы, затрагивают не только восприятие, но и гораздо более тонкие и глубокие структуры психики.

12

Не привился, к сожалению, из-за психиатрических споров и отражающий подобные изменения наиболее полно термин «диссоциирующие психоактивные вещества».

Для того чтобы как-то начать ориентироваться в этой группе наркотиков (известно 96 (!) видов растений и не поддающееся подсчету количество искусственно синтезированных препаратов), давайте разделим основные из них на восемь условных групп.

1. *Соединения типа LSD*. Большинство из них синтезируется искусственно. Однако их аналоги обнаружены по крайней мере в трех видах выюнок и в грибнице спорыньи (из которой, собственно, LSD и был синтезирован).

2. *Триптаминовые галлюциногены*. К ним относятся: ди-метилтриптамин (DMT), псилоцин и псилоцибин. DMT можно обнаружить в человеческом мозге (это соединение участвует в обмене веществ нервной клетки) и в различных высших растениях: в деревьях семейства Вирола, в химическом составе семейства бобовых. Псилоцибин и псилоцин встречаются в некоторых грибах. Эти соединения близки LSD по химической структуре.

3. *Бета-карболины*. Соединения, относящиеся к бета-карболинам, такие, как гармин и гармолин, встречаются в некоторых тропических лианах и являются основой галлюциногенного снадобья аяхуаска, которое употребляют в религиозных церемониях индейцы, живущие на берегах Амазонки.

4. *Соединения, близкие амфетаминам*. К ним относятся: мескалин, который содержится в кактусе пейоте и в некоторых других кактусах, MDM и MDMA («Экстази»). MDM и «Экстази» не вызывают галлюцинаций и уже описаны нами в книге, посвященной психостимуляторам.

5. *Антихолинергические галлюциногены*. Эта группа наркотиков распространена меньше из-за связанной с их приемом опасностью отравления. Несмотря на это, их очень любят использовать доморощенные отечественные «колдуны» и «ведуньи». Сюда относятся такие вещества, как атропин и скополамин, содержащиеся в корне мандрагоры, в белене, беладонне и дурмане. Антихолинергический алкалоид мускарин содержится в ряде грибов.

6. *Псевдогаллюциногены (диссоциативные анестетики и холинолитики)*. К этой группе относятся такие вещества, как фенциклидин («ангельская пыль» или PCP), кетамин и

13

каллисол. Все они были открыты как средства анестезии при хирургических операциях.

Внутренне близки к этой группе холинолитические лекарства, применяемые медициной для лечения паркинсонизма.

7. *Ибогаиновое семейство веществ*. Единственные растительные галлюциногены африканского происхождения. Содержатся в корнях *Tabernanthe iboga* – невысокого кустарника, близкого родственника кофейного дерева. По структуре ибогаины похожи на бета-карболины.

8. *Марихуана*. В нашей книжке о марихуане не были подробно описаны галлюциногенные свойства препаратов индийской конопли – это заставило бы поднимать все проблемы, которым посвящена данная работа.

Перечисленные группы химических веществ можно классифицировать по-разному. Вместе их объединяют только шесть основных свойств:

1. *Способность вызывать яркие, разнообразные, преимущественно зрительные и слуховые образы* событий и предметов, отсутствующих в окружающей человека реальности, то есть галлюцинации. Для психоделических галлюцинаций характерен феномен *эйдети́зма* – *слитности ощущений, происходящих из различных органов чувств*.

2. Кроме этого, острые эффекты галлюциногенов включают в себя *иллюзии* – искаженное или измененное восприятие реально существующих объектов окружающего мира. Иллюзии возникают на фоне *дереализации* – ощущения тотального изменения реальности, изменения времени, попадания грезящего в «иной мир», в «иные измерения»; и *деперсонализации* – чувства измененности размеров собственного тела и структуры своего «Я».

3. Прием наркотиков этой группы время от времени вызывает необычное эмоциональное состояние, которое можно сравнить с чувством открытия или религиозного откровения. Для описания подобных феноменов существует редкий психиатрический термин «эйкноя». Причем здесь имеет место не просто подъем настроения (эйфория), но и ощущение *внезапного прозрения, открытия истины и т. п.* Некоторые исследователи называют подобное состояние сознания *мистическим* или «*визионерским*».

Для эмоций человека, принявшего галлюциноген, характерно также *чувство доверия и распахнутости* по

отношению к окружающим.

14

Экстатические видения (галлюцинации и иллюзии) не обязательно сопровождаются положительно окрашенными эмоциями. Ощущения могут быть сопряжены с *тревогой, страхом, чувством безнадежности*, доходящими до уровня панической реакции.

4. В основном переживания, испытываемые после приема наркотиков этой группы, *абсолютно индивидуальны* (это не относится к группе псевдогаллюциногенов). Острые эффекты галлюциногенов, вероятно, подлежат классификации, но невозможно предсказать характер галлюцинаций, которые будет испытывать индивид. Доказано, что они зависят от конкретной структуры бессознательных психических процессов. *Как и в сновидении*, могут возникать образы и символы забытого человеком опыта, вытесненных переживаний.

5. Содержание переживаний, которые испытывает человек под влиянием галлюциногенов, напрямую зависит *от установки* (смотрите нашу книгу «Кокаин...»), происходящей как от психического состояния человека, так и из внешнего мира. Доказано, что под воздействием наркотиков этой группы люди разных культурных традиций испытывают разные по содержанию видения. Эксперименты 60-х годов показали, что и сам «визионер», и внешний наблюдатель (врач, шаман или просто партнер по приему наркотиков) способны «направлять» опьянение и изменять образы, которые видит грезящий.

Вообще, человек под воздействием галлюциногенов чрезвычайно внушаем. Внушенные в подобном состоянии мысли и действия будут определять («программировать») поведение человека гораздо более долгий срок, чем, например, сеанс гипноза.

6. Наркотики этой группы не вызывают явлений физической зависимости. Психическую зависимость от них многие исследователи тоже ставят под сомнение (мы будем обсуждать эти феномены в специальной главе).

Говоря о психическом состоянии, возникающем как результат приема подобных наркотиков, довольно трудно пользоваться привычным словом «опьянение». Гораздо уместнее здесь термин «трип» (дословно – «ходка», путешествие), принятый в психоделической литературе. Время от времени мы будем его использовать.

15

ГАЛЛЮЦИНОГЕНЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ибога

В тропических лесах Западной Африки живет загадочное племя фангов. Считается, что свою религию «бвити» они заимствовали от еще более загадочного племени пигмеев во время своих миграций по Африканскому континенту. Так как ни у фангов, ни у пигмеев нет родственного нашему летоисчисления, хронологию религии «бвити» проследить невозможно. Ясно только, что ее начало теряется в седой древности тысячелетий.

В основе этой религии лежит культ кустарника ибоги. Массовые трансы, в которые впадает племя под воздействием выжимки из корней ибоги, являются главным религиозным действием. По «рецепту» фангов надо съесть «много граммов коры» кустарника, для того чтобы *«голова открылась и духи вошли в нее»*. Куст ибоги в тропическом лесу встречается крайне редко, поэтому фанги выращивают его искусственно.

Интересно, что, по мнению антропологов, растение ибога послужило главной причиной того, что фанги сохранились и до наших дней как отдельное племя, имеющее независимую религию и культуру. Туземцы просто не принимали истин, не подтверждаемых духами, с которыми в процессе ритуального приема растения они общались. Тем самым они практически не были подвержены влиянию ни других племен, ни современной цивилизации.

Возможно, не стоило бы вовсе говорить об ибоге, если бы она не стала первым галлюциногеном, с которым познакомилась Европа. В середине XIX века появились первые торговые контакты между континентом и Западной Африкой. На всемирной парижской выставке 1867 года публике был представлен как сам кустарник, так и тонизирующее лекарство ламбарен, которое рекомендовалось в качестве панацеи от всех болезней: от бессонницы до сифилиса.

Главная надежда возлагалась на «ламбарен» как на аф-родизиак (то есть средство, усиливающее сексуальную потенцию у мужчин и женщин). Реклама тех лет подавала его как лекарство для лечения импотенции.

16

В 1901 году из корня кустарника был выделен алкалоид (алкалоиды – активные химические соединения, выделенные из растений), который назвали ибогаином.

Тогда же появились сообщения об «отравляющей» способности этого алкалоида. При больших дозах ибогаина пациент начинал видеть «тени» и образы ярких, цветных объектов. Видения не отличались от реальности, вызывая у пациентов панику.

Вполне вероятно, на подобные ощущения накладывались модные в начале века спиритические настроения. Характерна фраза одного из пациентоз, принимавших ламбарен:

«Я не хочу быть импотентом, но и медиумом я становиться не собираюсь...»

Во всяком случае, и в Европе, и в Америке к 1910 году ибогаин был запрещен. Дальнейшие его исследования прервались; до сегодняшнего дня его психоактивные свойства до конца не изучены.

Очевидно, европейское сознание в лице законодателей испугалось галлюцинаций, вызываемых корой ибоги. Причем испугалось настолько, что растение не стали даже изучать.

Индейцы Южной Америки словами «аяхуаска», «аяваз-ка» или «хаапи» называют известный им с незапамятных времен галлюциногенный напиток.

Первое сообщение о его существовании принесли в Европу ботаники Р. Спрус и А.Р. Уоллес, которые в 1850 году исследовали флору Амазонки.

С языка индейских племен слова эти переводятся как «вино душ» или «вино мертвых». Относится это и к растениям – лианам *Banisteriopsis caapi* и *Banisteriopsis inebrians*, являющимся основным компонентом шаманского напитка.

Сколько веков их галлюциногенные свойства известны аборигенам, не знает никто.

Местных лекарей-шаманов называют «аяхуаскерос», то есть люди, изготавливающие аяхуаску и врачующие с ее помощью.

Европейские путешественники по Амазонке (у нас известен Гарри Райт и его книга «Свидетель колдовства»)

17

рассказывают, что действие хаапи продолжается около 6 часов, вызывая чрезвычайно богатую мозаику зрительных галлюцинаций, преимущественно естественного, «природного» характера:

«Я как будто *превратилась в растение*. Вокруг меня в каком-то невообразимом сексуальном танце, медленно, но в завораживающем ритме, плыли ветви – руки, листья – лица и лианы – тела. Я чувствовала себя такой же мерно колеблющейся живой лианой, и мне хотелось двигаться в этом удивительном танце. Одновременно с удовольствием в глубине души таился страх. Это был не **мой** танец. Это был танец людей и растений, думающих совершенно не так, как я...»

Допкин де Риос

Галлюцинации, возникающие под воздействием напитка, легко, с помощью собственного голоса, управляются самим грезящим. Культура индейцев кечуа основана на «кикарос» – магических песнях. Они служат шаманам для звукового управления галлюцинациями.

Во время лечебных сеансов и пациент, и целитель поют. Содержание и звуковая сторона песни предназначены для направления целительной энергии в различные части тела и души пациента.

Индейцы утверждают, что во время такого сеанса пациент и шаман испытывают одни и те же галлюцинации. По сути, сеанс описывается этнографами как телепатический.

К сожалению, эксперименты европейских исследователей не смогли ни доказать, ни опровергнуть существование телепатии во время коллективных приемов галлюциногенного напитка.

Ткани лиан богаты алколоидами бета-карболинового ряда. Самым важным бета-карболином в составе лозы является гармин. Однако гармин не вызывает галлюцинаций, если только не употреблять его в дозах близких к смертельным.

Считается, что в напиток индейцы добавляют кору различных видов деревьев семейства вилола. Однако это всего лишь догадки этнографов.

Дело в том, что деревья вилола, содержащие мощный алкалоид – галлюциноген ДМТ (диметилтриптамин), произрастают в других районах Южной Америки. Шаманы Бразилии, Колумбии и Венесуэлы для эффекта галлюциноген-

18

ных переживаний используют порошок коры, смолу и сок этих родственников мускатного ореха.

Нередко порошок вилолы используется в погребальных ритуалах, причем его съедают вместе с костями умерших. Цель – проводы души умершего в загробный мир.

Интересно, что гармин никогда не был запрещен в Европе, так как наша культура никогда не использовала его галлюциногенные свойства. Зато это открытое шаманами древней Амазонки соединение стало предшественником современных антидепрессантов (ингибиторов моноаминокси-дазы).

Этого нельзя сказать об алкалоиде вилолы – диметил-триптамине, или ДМТ. В 1956 году чешский химик Стивен Жера, исследуя порошок вилолы (попутно он обнаружил, что некоторое количество этого вещества содержат в себе и бобовые растения), синтезировал алкалоид ДМТ, который и по сей день остается одним из самых сильных среди известных галлюциногенов.

По структуре ДМТ близкий родственник серотонина – одного из основных метаболитов нервной клетки. ДМТ при попадании в организм на очень непродолжительный срок вытесняет серотонин из химических реакций и встает на его место в рецепторах нервных окончаний.

Исследования ДМТ в условиях нормального обмена веществ в нервной системе показали, что он играет активную роль *в процессах воображения и образного мышления вообще*.

По всей видимости, процесс временной (ДМТ, независимо от способа введения, действует не более 15 минут) **подмены естественных процессов воображения** психоактивным веществом и является основой действия ДМТ на человеческую психику.

Знаменитый теоретик психоделического образа жизни и страстный поборник ДМТ Т. Маккена так описывал свои ощущения от его приема:

«Переживание, захватывающее все существо, проскальзывающее под покров экстаза ДМТ, ощущается как проникновение через какую-то мембрану. Ум и «я» буквально разворачиваются перед глазами. Такое ощущение, будто обновился, хотя и не изменился, как будто был сделан из золота и просто перековался в новую форму в горниле своего рождения. Дыхание нормальное, сердцебиение ровное, ум ясный и наблюдательный. Но что это за мир? Что воспринимают чувства?»

19

Под влиянием ДМТ мир становится лабиринтом, дворцом, каким-то более чем возможным марсианским сокровищем, наполненным мотивами, затопляющими изумленный ум невыразимым восторгом. Цвет и ощущение раскрывающей реальность тайны буквально пронизывают все переживание. Есть ощущение иных времен, а

также собственного детства, чуда, чуда и еще раз чуда. Это аудиенция у чужестранца-нунция. В глубине этого переживания – в конце человеческой истории – сторожевые ворота, которые открываются под ревуцим вихрем невыразимой межзвездной пустоты в Вечность.

Вечность, как прозорливо заметил Гераклит, это дитя, играющее цветными шарами.

Здесь находится много мини-сущностей – малышей, самопреобразующихся механических эльфов гиперпространства. Может, это дети, которым предназначено быть человеку отцами; впечатление вхождения в экологию душ, скрывающихся за порталами того, что мы наивно зовем смертью? Не знаю. Может, они – синестезийное воплощение нас как Иного или Иного как нас? А может, это эльфы, утраченные нами с угасанием магического света детства? Здесь – потрясение, которое едва ли можно выразить, богоявление за пределами наших самых диких грёз. Здесь царствие того, что страннее всего, что мы можем предположить. Здесь тайна живая, неведимая, все еще столь же новая, как и тогда, когда наши предки переживали ее пятнадцать тысяч лет назад.

Триптаминовые сущности предлагают дар нового языка: они поют жемчужными голосами, которые рассыпаются цветными лепестками и разливаются в воздухе, как горячий металл, чтобы стать игрушками и такими подарками, какие, наверное, боги дарили своим детям. Ощущение эмоциональной связи потрясающее и жуткое. Раскрытые таинства реальны, и, если когда-нибудь их высказать целиком, они не оставят камня на камне в том малом мире, в котором мы стали так больны».

В отчетах Теренса Маккенны стоит обратить внимание на ощущения от встреч с мини-сущностями, которых визионер сравнивает с эльфами.

В своей книге «Психоанализ и алхимия» Карл Густав Юнг рассказывает о «кабири» – алхимических детях, чье появление или присутствие является обязательным условием последних стадий на путях получения философского камня – главного алхимического делания.

20

«Кабери» для Юнга – один из магических архетипов-символов, присущих очень древним бессознательным воспоминаниям человечества.

ДМТ, по всей видимости, способен высвободить такие воспоминания, сделав их на какое-то время частью **активного воображения**.

Однако никто из тех, кто использовал ДМТ, не смог войти в контакт с сущностями, увиденными во время «трипа».

Индейцам Амазонки удается общаться со «светящимися сущностями». Кто же они для этих людей: духи природы? души собственных предков?

Ясно одно – они естественная часть картины мира древнего человека. Это знание составляет основу его миропонимания и жизнеустройства.

Для «визионера»-европейца «трип» с помощью ДМТ является **зрелищем**. Необыкновенным по силе ощущений, но все-таки зрелищем, чем-то вроде «внутреннего телевизора» с непривычной объемной передачей. «Кабери» не несут для него *смыслового* значения.

Почему?

Чем отличается эффект действия хаапи у индейца от действия ДМТ на нашего современника?

Можно ли в этом случае вообще говорить о наркотическом действии алкалоида? Может ли *зрелище* (телевизионное шоу, например) вызвать зависимость? С точки зрения взглядов, принятых сегодня в медицине, – нет, не может. Ни шоу, ни ДМТ не вызывают никаких значимых последствий для биологии мозга и физического тела человека.

В отличие от **LSD** для ДМТ не было обнаружено отрицательного воздействия на хромосомы и общетоксического действия на организм. Не было выявлено ни синдрома отмены, ни феномена роста толерантности, ни других характерных для наркотиков закономерностей (возможно, наука просто не успела до конца исследовать новое психоактивное вещество – страх «успели» раньше).

Исследования ДМТ были запрещены вместе с исследованиями LSD в 1965 году.

Следовательно, – и это можно утверждать, – европейская и американская культура снова «испугалась» тех *состояний сознания*, к которым приводил наркотик.

21

Большинство людей, использовавших ДМТ, утверждают, что продолжали эксперименты, потому что им было *«безумно интересно»* участвовать в «трипах».

Похоже, что культура испугалась именно этого интереса.

Почему?

Может ли интеллектуальный интерес, естественное стремление человека к познанию мира, перерасти в зависимость?

И если да, то как отличить *болезненный интерес* от той *обычной заинтересованности*, без которой немислима человеческая жизнь?

Пейота и мескалин

В культуре индейцев Мексики кактусы играли особую роль. Древний герб страны ацтеков представлял собой орла, сидящего на кактусе. В их религиозных представлениях было множество богов-кактусов. Жрецы могли причислять кактусы к лику святых, то есть обожествлять их за особые заслуги. Колючки кактусов применялись в качестве жертвоприношения и как самое страшное наказание. Кактусы вешали на дверях и окнах домов для защиты от вампиров...

Совершенно особую роль в религиях ацтеков и всех индейцев Центральной Америке (насчитывающих, как

Орел на кактусе – древний герб страны ацтеков

минимум, 4–5 тысяч лет) играли кактусы, вызывавшие галлюцинации и измененные состояния сознания.

Одним из первых в 1577 году, во времена конквисты, их описал придворный врач испанского короля Фернандо Хернандес.

Самым известным из них стала пейота – маленький шарообразный кактус серовато-голубоватого цвета, который европейские кактусоводы называют лофофорой (*Lophophora williamsii*). Он не имеет колючек, вместо них покрыт мягкими пушистыми «хохолками». Его мякоть – с тошнотворным горьким вкусом, плохо переносима людьми, не привыкшими его употреблять.

Для индейцев этот кактус был особым божеством – богом Юкили, который пожертвовал собой ради людей. Он умалился и стал кактусом. Чтобы почувствовать связь с душой бога-кактуса, индейцы съедали кусок его «тела» – подсушенной мякоти.

В этот момент случалось чудо. Душа покидала бренный мир и сливалась с миром божественным.

Сбор пейоты и доставка ее из мексиканских степей выливались в особое торжество, особую религиозную церемонию. В октябре, во время цветения растений, когда в них содержится наибольшее количество активных веществ – алкалоидов, в степи уходили пейотерос – сборщики пейоты. Пейотерос были священнослужителями и круглый год, кроме времени сбора пейоты, ничем не занимались и жили в атмосфере всеобщего почитания. Для поиска пейоты их сознание должно было быть настроено определенным образом. Считалось, что пейота открывает себя не каждому. Неподготовленный человек не может увидеть пейоту, даже если она растет прямо перед его ногами. Пейота скрывает себя от профанов.

Пейотерос одевались в специальные одежды и вооружались ритуальными стрелами. После того как пейота была аккуратно срезана около корня, они должны были послать стрелы на все четыре стороны света, чтобы разрушить волшебство злых духов, не дающих человеку найти пейоту.

Вот рассказ одного из европейцев, который пытался собирать пейоту:

«...Часто я подолгу стоял на одном месте, пристально разглядывая окружающие камни и землю, но... ничего не видел. И вдруг – у меня словно глаза прояснились: там,

23

где не видно было ничего, кроме камней, я вдруг замечал сразу несколько лофофор. Однажды я нашел таким образом штук тридцать сразу, но, когда я привел на это место своего товарища, он тоже ничего не увидел. Правда, он так и не «прозрел» до конца, даже когда я его просто нагибал над кактусом».

Между тем каждый мужчина многих племен Центральной Америки считал своим долгом хотя бы один раз в жизни превратиться в пейотерос – это был необходимый шаг на пути его духовного становления.

Возвращение пейотерос в деревню сопровождалось большим праздником. Их опрыскивали ароматной водой, стелили под ноги цветочные лепестки. Мужчины входили в огромный, служивший специально для ритуалов вигвам, давали знак женщинам, что они могут войти, и все ели пейоту, разрезав ее на 4 части. Ее ели сырой или добавляли в алкогольный напиток из сока агавы – пульке. Спровоцированное пейотой общение с духами предков продолжалось всю ночь.

Иезуиты и инквизиция пролили реки крови индейцев, чтобы уничтожить обычаи, связанные с пейотой, но кактус победил.

Как и в случае ибоби, ритуал с использованием пейоты служил опорой для национального самосознания использующих его племен.

Христианской церкви даже пришлось пойти на компромисс. В 1911 году в Оклахоме была открыта «национальная церковь Пейота». Прием пейоты в ней совершался в католическом храме и сопровождался христианскими песнопениями. Эта церковь имела неожиданно большой успех и собрала несколько тысяч прихожан из числа индейцев штатов Айова, Канзас, Небраска.

Но с начала 60-х годов в большинстве штатов США изданы законы, запрещающие хранение и употребление пейоты. Даже содержание этого кактуса в коллекциях кактусоводов преследуется в уголовном порядке.

В 1962 году выходящая в Лос-Анджелесе газета «Тайме» сообщила о судебном процессе над тремя индейцами племени навахо, задержанными полицией в момент употребления пейоты. Несмотря на защиту психиатров, фармакологов и антропологов, индейцы были осуждены на срок от 2 до 10 (!) лет тюремного заключения каждый.

Пейота (*Lophophora williamsii*)

Этот случай вызвал скандал в прессе и многолетние юридические споры. Индейцы были жителями США, и на них распространялся закон о свободе вероисповедания.

Газеты писали, что «на фоне разгуливания на свободе общеизвестных гангстеров выносить столь жестокий приговор кучке индейцев, отправляющих свой религиозный культ, является по меньшей мере издевательством над принципами свободы».

25

Только в 1990 (!) году Верховный суд США пришел к выводу, что, несмотря на закон о свободе веры, религиозные культы *не имеют права использовать любые наркотические* вещества во время своих богослужений. Подобные вещества подлежат изъятию, а лица, их использующие, – уголовному преследованию в обычном порядке.

Здесь снова, как и в случае с ибогой, чувствуется *страх культуры* по отношению к веществу, способному вызвать галлюцинации. Общественное сознание отторгает растение, не приемлет его даже в качестве части религиозного культа.

С чем же связан *подобный страх* и неприкрытая жесткость мер по отношению к индейцам?

В 1897 году немецкий фармацевт Льюис Левин привез с собой из путешествия по Центральной Америке несколько головок пейоты. Он первым начал исследование химических веществ, содержащихся в кактусе.

Первым европейцем, испытавшим на себе действие пейоты и описавшим его, стал американский врач и журналист Сайрас Митчел.

В том же 1897 году он писал:

«Картина, разворачивавшаяся в эти несколько волшебных часов, была такова, что я считаю бесполезной всякую попытку описать то, что видел. Невозможно найти язык, который передал бы всю красоту и великолепие: звезды... тонкие, текучие цветные нити... затем резкий порыв бесчисленных точек белого света пронесся по всему полю зрения, как будто незримые миллионы Млечных Путей рассыпались перед глазами искрящейся рекой... зигзагообразные ярчайшие линии... – все это проходило передо мной, прежде чем я мог обозначить что-либо. Затем впервые с появлявшимися разными тонами цвета стали ассоциироваться определенные объекты.

Прозрачное копьё из серого камня выросло до огромной высоты и стало стройной, богато отделанной готической башней, очень сложного и четкого рисунка, со множеством легко одетых статуй, стоящих в проходах или на каменных опорах. Каждый выступающий угол, карниз и даже поверхность камней в местах их соединения были ступенчато покрыты или увешаны гроздьями чего-то, казавшегося мне огромными, драгоценными, но необработанными камнями, чем-то похожими на массу прозрачных плодов...

26

Я понял потом, что это были не просто видения, – все эти предметы что-то для меня значили. Они были священными предметами, частями неизвестного мне, но каким-то образом все-таки моего религиозного опыта».

В том же 1897 году соперник Левина по исследованию пейоты Артур Хевтер выделил и испытал на себе главный из психоактивных алкалоидов, содержащихся в кактусе. Этот алкалоид получил название мескалин.

Открытие Хевтера положило начало целой эпохе не прекращающихся до сегодняшнего дня психиатрических, психологических и культурных дискуссий вокруг галлюциногенов. Вот что писал по этому поводу Теренс Макена:

«Мескалин привел фармацевтов-экспериментаторов еще к одному химическому агенту **«искусственного рая»**, гораздо более мощному, чем конопля или опий. Описание опьянения мескалином не могло не привлечь внимание сюрреалистов и психологов, которые разделили очарованность образами, скрытыми в глубинах вновь обретенного бессознательного».

Немецкий врач Курт Берингер, друживший с Карлом Юнгом и Германом Гессе, в 1927 году опубликовал 400-страничный труд «Мескалиновое опьянение». В книге описывается около 300 экспериментов с приемом мескалина пациентами. Вот рассказ только одного из них:

«...Затем – снова темное помещение. Видения фантастической архитектуры – бесконечные переходы в стиле Мура, движущиеся, словно волны, перемежались с образами каких-то причудливых фигур. Так или иначе, в неиссякаемом многообразии чрезвычайно часто присутствовало изображение креста. Основные линии светились орнаментом, змейками сползая к краям или распускаясь язычками, но всегда прямолинейно. Вновь и вновь появлялись кристаллы, меняя форму, цвет и скорость возникновения перед моим взором. Затем изображения стали более устойчивыми, и мало-помалу возникли две огромные космические системы, разделенные какой-то чертой на верхнюю и нижнюю половину. Сияя собственным светом, они появились в безграничном пространстве. Внутри них показались новые лучи более ярких тонов, постепенно изменяясь, принимая форму удлинённых призм. Системы, приближаясь одна к другой, притягивались и отталкивались».

27

В той же книге Берингера содержится одно из немногих наблюдений о закономерностях течения мескалинового «трипа»:

«Нам представляется, что любую схему, которая детально определяла бы тип видений в соответствии с последовательными стадиями действия мескалина, следует рассматривать как крайне условную. Единственное, что типично в отношении последовательности, – это то, что за элементарными следуют видения более сложного характера».

Курт Берингер был врачом-психиатром. Для него переживания пациентов во время мескалинового «трипа» были не более чем галлюцинации. Он *интерпретировал их как феномен, связанный с временным помешательством*, то есть с патологией нервной деятельности, обусловленной приемом наркотика. Книга стала первой работой, посвященной описаниям галлюциногенов как «психомиметиков», то есть веществ, «моделирующих» подлинное сумасшествие.

Однако ровно через год после публикации «Мескалинового опьянения» в Англии появилась книга врача Генриха Клувера «Мескаль – божественное растение и его психологические эффекты». Книгу эту стоит считать первой работой, открывшей прямо противоположное, «психоделическое» направление в психиатрии. Автор понимал мескалиновые видения как возможный *«ключ» к мистическим и религиозным переживаниям*. Именно Клувер первым отнес подобные переживания к области духовного опыта человечества.

Вот пример его собственного описания:

«Облака – слева направо по всему оптическому полю. Хвост фазана (в центре поля) превращается в ярко-желтую звезду, звезда – в искры. Движущийся искрящийся винт, сотни винтов. Последовательность быстро вращающихся объектов приятных тонов. Вращающееся колесо (диаметром около 1 см) в центре серебристого участка. Внезапно в колесе – образ .Бога, как его представляют в старохристианских изображениях.

Спор двух взглядов на галлюциногены – Берингера и Клувера – как бы определит все последующие воззрения психиатров и фармакологов на проблематику и интерпретацию обусловленных алкалоидами визионерских переживаний.

Исследования мескалина были прерваны после его запрета в Европе в 1934 году.

28

До сих пор непонятно, вызывает ли мескалин зависимость и можно ли описывать его как наркотическое вещество в строгом смысле этого слова.

Чтобы разобраться в этом, как и в других загадках мескалина, рассмотрим один важный вопрос:

Есть ли разница между приемом *кактуса* лофофоры и употреблением выделенного из него активного *алкалоида* мескалина?

С комплексами ощущений, возникающими при употреблении мескалина, вы только что познакомились. Вот еще свидетельство уже нашего пациента по имени Николай:

«В поле моего зрения внезапно выросли тоненькие разноцветные стебельки или трубочки, у основания которых медленно вращались маленькие неправильные шары, очень похожие на сам кактус. Стебельки начали извиваться, переплетаться. Во время движения они издавали звуки, какие обычно издают толстые басовые гитарные струны, причем мелодия была невероятно знакома. Она будто напоминала что-то, из какого-то прошлого, давно забытого, но что я все время безуспешно пытался вспомнить. Корчащиеся трубки вдруг складываются в огромные буквы какого-то неизвестного мне языка. Фон между буквами постепенно заполняется нарастающей синей массой. Внутри нее – какие-то шары, живые и текучие. В их очертаниях мне смутно видятся портреты мамы, каких-то знакомых и вовсе не знакомых мне людей. Каждый раз, когда в очертаниях я угадываю лицо, возникает странное, скорее тягостное, чем приятное, ощущение: я люблю этого человека и отвечаю за него. Любовь легка и приятна. А ответственность звучит как басовая струна и грузом ложится на мою душу...»

Трубки и лица медленно сливаются с синей массой, в ней я смутно вижу двух моих спутников-индейцев. В этот момент я переполняюсь чувством сострадания к ним, даже готов отдать жизнь за покой этих людей...»

Отметим, что чувства священной причастности, любви и ответственности появляются только в описаниях,

связанных с пейотой, и совершенно отсутствуют в описаниях мескалина-новых «трипов».

Рассказ нашего пациента 80-х годов и самый первый европейский отчет о переживаниях под влиянием пейоты – приведенное выше свидетельство Митчела – объединяют

29

отношение грезящих к видениям. Оба чувствуют свою причастность к происходящему, для обоих «трип» – это участие в священном, сакральном действии.

По-видимому, описанные Николаем экстатические ощущения любви и ответственности и есть тот объединяющий племя психический механизм, с которым не могли совладать ни инквизиция, ни современные структуры правопорядка.

«Одним майским утром 1953 года я проглотил 4/10 грамма мескалина, растворенного в стакане воды, и уселся в ожидании результатов, – пишет ставший в 50-х годах одним из главных проповедников мескалина как «ключача» к религиозным переживаниям Олдос Хаксли. – Я принял свое лекарство в 11.00. Полтора часа спустя я сидел в своем кабинете, пристально глядя на небольшую стеклянную вазу. В вазе было всего три цветка – полностью раскрывшаяся роза «Красавица Португалии», пастельно-розовая, как внутренность некоторых морских раковин, с намеком на более насыщенный оттенок у основания каждого лепестка; крупная бордовая с кремовыми пятнами гвоздика и холодный геральдический бутон ириса, бледно-пурпурный на своем сломанном в дюйме от цветка стебле.

Предложенный случайностью, сделанный только на сегодня маленький букет нарушал все правила того, что традиционно называется вкусом.

Еще с утра за завтраком я был ошеломлен живым диссонансом происходящего в вазе. Но все это больше не имело никакого значения. Я уже не смотрел на странную и неожиданную компанию из трех цветков. Я увидел то, что увидел Адам в утро своего появления: чудо, момент за моментом голого существования.

«Приятно?» – спросил кто-то.

«Не приятно и не неприятно, – ответил я. – Это просто есть» (курсив мой. – А.Д.)...

...Слишком мало случаев было объективно описано, чтобы прийти к объективному позитивистскому выводу: все упоминаемые случаи – следствие того, что мескалин уменьшает привычный для мозгов рацион сахара. Но, подытоживая свидетельства принявших мескалин в наблюдаемых условиях, можно прийти к следующим заключениям:

1. Способность вспоминать и вменяемо анализировать происходящее снижается незначительно или не изменяется вообще.

30

2. Визуальные впечатления неизмеримо интенсифицируются, при этом восстанавливаются некоторые особенности восприятия, присущие раннему детству, когда чувственность не была мгновенно и автоматически подчинена Концепции. Интерес к пространству снижен, а категория времени падает практически до нуля.

3. Интеллект остается в рабочем состоянии, а способность к восприятию улучшается и обостряется. Однако область того, что принято определять как воля, переживает глубокий поворот к худшему. Очевидно, что вещи, дела и т. д., возбуждавшие в обычное время желание бороться, действовать и страдать, – теперь, под воздействием мескалина, представляются глубоко и оглушающе неинтересными (выделено мной. – А.Д.). Ибо **теперь** к услугам гораздо более любопытное и интересное, на что можно потратить свое, сейчас не существующее, время.

4. Это «любопытное и интересное» может быть найдено в обоих мирах, внешнем и внутреннем, одновременно или в какой угодно последовательности. То, что оно лучше, – очевидно любому, кто вошел в мескалин со здоровой печенью и незамутненным рассудком...

*...Мне бы хотелось добавить перед тем, как оставить эту увлекательную тему, что нет ни одной формы наблюдения, медитации, даже наиболее ограниченной, которая не имела бы своих этических последствий как для самого размышляющего, так и для окружающего его мира. По меньшей мере половина морализующей догматики **негативна** и в основном пытается предостеречь нас от производства всяческой пакости. **Молитва Господня – около пятидесяти слов, и больше четверти из них – это просьба к Богу не вводить нас в искушение** (выделено мной. – А.Д.). Однобокий размышлялец оставляет недоделанными массу вещей, которые он должен доделать; чтобы как-то компенсировать это, он не делает какое-то количество вещей, которые он не должен делать. Общая сумма зла, как заметил Паскаль, была бы значительно уменьшена, если бы только люди научились тихо сидеть в своих комнатах. У размышляльца и медитативца с очищенной воспринимающей оптикой нет необходимости тихо сидеть в своей комнате. Он может заниматься чем угодно, настолько удовлетворенный возможностью видеть и быть частью божественного порядка вещей, что ему никогда не придет ни в голову, ни в тело углубляться в то, что*

31

называют «грязными приспособлениями мира». Когда мы чувствуем себя единственными наследниками Вселенной, когда «море течет в наших венах и звезды – наши украшения», когда все вещи являются нам бесконечными и безоговорочно сакральными, какой у нас может быть мотив для личной зависти, для попыток удостовериться факт своего существования, для погони за властью, для поисков наиболее угрюмых и унылых форм чувственных удовольствий?..»

В этом фрагменте есть одна важная для дальнейшего изложения деталь. Слова молитвы с просьбой «не вводить нас во искушение» для Хаксли – пустой звук, досадное препятствие на пути собственного духовного поиска. Но ведь ощущение самого себя «единственным наследником Вселенной» с помощью мескалина и есть то самое искушение, от которого должна была защитить молитва.

Что такое вообще искушение?

Святой Григорий Нисский, разъясняя то, что в православии называется Господней молитвой, называет слово «искушение» одним из имен дьявола: «...одно из разумеемых его имен и есть это: искушение... Искушение не может коснуться души, если враг, подобно приманке, возложив на свою коварную уду (удочку. – А.Д.) прелести

мира, не прострет их (не продемонстрирует. – А.Д.) пред очами видящих, чтобы возбудить в них вожделение». Похоже, что святой Григорий описывает... галлюцинацию, в которой дьявол показывает «прелести мира... очам видящих».

Возможно, именно результатом *искушения* является прекрасное *равнодушие* – которое описывает знаменитый английский писатель, принимавший галлюциногены с 1953 года и до самой своей смерти в 1963-м.

Ощущение своей полной непричастности миру и реальности – вот что возникает во время действия алкалоида.

Точнее говоря, внешние и внутренние «реальности» воспринимаются как равнозначно безразличные. Запомним это.

Такое неявное различие между растением и его алкалоидом, с которым мы уже сталкивались во время обсуждения ДМТ, можно объяснить по крайней мере двумя различными способами. Первый из них – химический.

Кактус – гораздо более сложное создание природы, чем его отдельный химический компонент. Из состава растения был выделен целый ряд других алкалоидов, влияющих на психику человека:

32

АНАЛОНИН – замедляет скорость реакций, снижает чувствительность к стрессу, успокаивает.

ПЕЙОТИН – мощное снотворное средство.

АНАЛОНИДИН – повышает скорость реагирования, повышает раздражительность и судорожную готовность.

ЛОФОФОРИН – вызывает депрессию, чувство усталости, подавленности, ощущение бессмысленности жизни...

Наверное, часть алкалоидов еще не открыта...

Появление зрительных галлюцинаций при приеме мес-калина можно объяснить его специфическим воздействием на зрительный нерв.

Сложный, изменяющий *не только восприятие, но и чувства*, эффект пейоты, объединяющий индейцев перед угрозой их национального уничтожения, таким образом уже не объяснить.

Может быть, дело в том, что нельзя объяснить эффект целого эффектом части ?

Второй способ понимания этого различия – чисто куль-туральный и не зависящий от химии.

Пейота – принадлежность традиционной культуры индейцев (так же как и ибоба и аяхуаска – части или сердцевины оригинальных религиозных традиций).

Внутренние *установки* индейцев, собравшихся в вигваме *для встречи с духами предков*, и задачи экспериментаторов-европейцев, принимающих мескалин *ради чистого любопытства*, абсолютно различны.

Для индейца видения пейоты – неотъемлемая часть *его реальности*; для европейца же, как и в случае ДМТ, – своеобразный *театр или экран*, с которого любопытно наблюдать за разноцветными колесами и шариками.

Беладонна, ведьмы и «зомби»

Как известно, в Европе тропическая флора не произрастает. Однако на протяжении веков галлюциногенные свойства таких знаменитых растений, как беладонна, белена и мандрагора, использовались европейскими ведьмами и гадалками.

Новоявленные российские «колдуны» для целей приворота и т. п. добавляют подобные травы в различные эмульсии и настойки. Именно в результате подобных «пищевых

² А. Данилин «LSD» 33

добавок» в токсикологические отделения наших больниц попадают с тяжелым отравлением содержащимися в таких растениях алкалоидами.

Главные из них – атропин, скополамин и наличествующий в мухоморах мускарин (о свойствах мухомора – в следующей главе) – широко используются в медицине, в дозах, разумеется, очень далеких от галлюциногенных.

За тысячу лет до нашей эры растения, содержащие эти вещества, использовались во время знаменитых дельфийских таинств.

В приворотные снадобья средневековых знахарей непременно входил корень мандрагоры. Использование мандрагоры для колдовства и вызывания дьявола было одним из самых частых обвинений в эпоху «охоты на ведьм». Мандрагора же является единственным галлюциногенным растением, упоминающимся в Библии.

Вполне возможно, что описанные в средневековых инкунабулах картины ведьминского шабаша на Лысой горе есть продукт схожих друг с другом галлюцинаций под воздействием опьянения настоем традиционных европейских растений – дурмана вонючего и все тех же мандрагоры и беладонны.

В Средние века их считали носителями темного, женского начала мира, символами грешной женской власти.

Героиня романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» перед своим знаменитым ночным полетом получает баночку «ведьмовской мази», посредством: которой совершается *метаморфоза*: Маргарита на время оставляет человеческую природу и, преображаясь, становится ведьмой.

Судя по отчетам средневековой инквизиции, такая мазь действительно существовала. Известны и ее компоненты.

Во-первых, это яды типа вытяжки из ядовитого болотного аконита и перетертых частей крысиных или человеческих мертвых тел (содержащие трупный яд). Задачей ядов было *временное «убийство» человеческой природы*.

Вторым компонентом мази были вытяжки из галлюциногенных растений (все тех же мандрагоры и белены), легко всасывающиеся через кожу и доходящие до центральной нервной системы. Все те же мандрагора и белена входили в ее состав для выполнения главной задачи мази.

34

Они должны были распахнуть душу для воздействия *иных сил, чуждой души... Они должны были открыть душу*

новому ее хозяину – дьяволу.

Уже отмечалось, что галлюцинации, возникающие под влиянием психоделических растений и их алкалоидов, способны изменяться под воздействием психологической установки человека, принимающего наркотики. *Видения могут выполнять роль «исполнителя» неосознанных желаний, как со стороны самого человека, так и той духовной традиции, которая его воспитала.*

Иными словами, если человек «настроен» всем своим образом мыслей увидеть дьявола после применения мази, то, скорее всего, он его увидит.

Очень интересен тот факт, что описания ведьмами своих видений в разных частях Европы были необыкновенно похожи друг на друга. Пьер Реньяр – французский психиатр XIX века, написавший замечательную книгу о психических эпидемиях, – приводит следующее описание первой встречи ведьмы XVI века с дьяволом:

«...В один прекрасный вечер к ней является изящный и грациозный кавалер; он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, вырастая как бы извне. Он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером (узнаете описание бул-гаковского Мастера? – А.Д.), или же на нем роскошный кафтан, осыпанный драгоценными камнями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы, исполненное ею с помощью колдовских снадобий.

Он предлагает ведьме обогатить ее и сделать ее могущественной; *показывает ей богатство мира, находящееся внутри его шляпы или шапочки* (показывает галлюцинацию, внутри галлюцинации – все как у Григория Нисского. – Л.Д.); но, чтобы удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от Святого Крещения, от Бога и отдаться Сатане душой и телом».

Легендарный русский физиолог и психиатр В.Н. Бехтерев характеризовал ведовские видения следующим образом:

«Не ясно ли, что здесь дело идет о галлюцинациях такого рода, которые выливаются в определенную форму, благодаря представлениям, упрочившимся в сознании пу-

35

тем самовнушения или внушения, быть может, еще с детства, благодаря рассказам и передаче из уст в уста о возможности появления дьявола в роли соблазнителя» (курсив мой. – А.Д.).

Получается парадоксальная вещь – Реньяр и Бехтерев пишут о том, что содержание галлюцинаций определяют не волшебные растения, а... внушение окружающей среды, то есть то, что мы сегодня назвали бы «установкой» культурной традиции.

В 1954 году вышла в свет книга Джеральда Гарднера «Колдовство сегодня». Ее издание в Англии стало возможным после того, как в 1951 году британский парламент отменил принятые в 1735 (!) году законы против колдовства.

Книга вызвала в Старом Свете всплеск увлечений колдовством и старинными ведьмовскими рецептами. Общества и «кружки» ведьм стали таким же нормальным явлением Европы 60-х годов, как и общества поклонников «психоделии» и LSD на противоположной стороне земного шара.

Отечественный зритель, возможно, и не подозревает, что большинство современных голливудских фильмов, посвященных ведьмам и колдовству, – отзвук реальной европейской «эпидемии ведьм».

Благодаря книге Гарднера, мы можем привести перечень растений, входящих в состав ведьмовской «мази для полета». Предупреждаем читателя – названия растений сознательно немного изменены:

- *Дурман болотный* (смертельно опасный для тех, кто не знает рецептов извлечения из его токсинов галлюциногенных снадобий) вызывал собственно галлюцинацию полета и связанных с ним ощущений;

- *Аконит вонючий*, бывший в Древней Греции символом Гекаты – богини воздуха, нарушал ритм сердечных сокращений и провоцировал одышку, вызывая ощущение «воздушных подушек», характерных для взлета и приземления;

- *Ягоды беладонны*. При втирании в кожу полученного из них по особому рецепту экстракта появлялось возбуждение, сопровождающееся головокружением и ощущением измененности реального мира. Усиливалось ощущение полета и «раскрывалось сознание» для соответствующих внушений.

36

Изготовление ведьмовской мази.

Гравюра Г. Бальдунга, 1514.

Приводится по книге Т. Маккены «Пища богов»

- *Белый болиголов*. Вызывает специфическую дереализацию, во время которой все окружающие предметы кажутся уменьшившимися в размерах. Появляется ощущение, что вещи находятся на далеком от наблюдателя расстоянии. Очень похоже на чувство парения высоко в воздухе.

- *Крапчатая кувшинка*. Приготовленный особым образом экстракт из этого растения вызывал специфическое ощущение кожного жжения, похожее на соприкосновение рецепторов кожи со стремительно проносящимся мимо воздухом.

- *Ланчатка*. Ее пятипальчатыми листьями обкладывали намазанные мазью участки тела, для того чтобы осуществить магическую связь пяти органов чувств человеческого тела. Галлюциногенными свойствами не обладает.

- *Серый морозник* {*смертельно ядовит!*). Вкупе с заклинаниями делал ведьму в полете «невидимой». Очевидно, особым образом приготовленный отвар способен вызвать *отрицательные галлюцинации*. На некоторое время теряется способность видеть собственные конечности – руки и ноги (помните – Маргарита, пролетая мимо ворот, должна была крикнуть – «Невидима! Невидима!»).

Отметим еще раз: **все растения смертельно ядовиты!**

Мало было знать рецепты их приготовления – нужно было нанести на специальные, особо чувствительные участки кожи. Кроме того, экстракты растений требовали вся-ких-разных «магических» добавок, таких, как могильный прах, легкое осла и... жир некрещеных младенцев. Так что вряд ли кто-то соблазнится, на основе этой книжки, заняться подобной «ведьмовской практикой».

Однако «современные колдуны» упорно продолжают пользоваться галлюциногенными растениями, даже с риском отравить клиента. Поэтому стоит перечислить и еще несколько рецептов, с тем чтобы читатель понял – с какими опасностями может столкнуться несведущий человек, соглашаясь принимать отвары и настои, составных частей которых не знает.

- *Барвинок* (пятилепестковая фиалка) – истолченный в порошок *вместе с дождевыми червями* считался способным посеять пылкое чувство в душу мужчины.

На деле же это ядовитое растение вызывает небольшую задержку вдоха и кислородную недостаточность. Отсюда ощущение измененности окружающего, которое, под влиянием внушения, можно принять за вспыхнувшее чувство;

- *Роза*. Особым образом приготовленный экстракт смешивался с ядом жабы и добавлялся в приворотное зелье.
- *Белена*. Вместе со своим родственником – смертоносным пасленом – был главным компонентом, «открывающим душу» ведьмы. Позволяли вызывать духов и общаться с преисподней.
- *Мандрагора лекарственная* – основное растение колдовской фармакопеи. Ее зеленые ягоды усиливали страсть и помогали забеременеть. Ядовитые корни мандрагоры, напоминающие человеческую фигурку, содержат галлюциногенные алкалоиды. В средневековой Европе они использовались почти во всех колдовских мазях и отварах, а также магических процедурах: его, например, сжигали с какой-нибудь вещью или волосами врага, чтобы принести ему непоправимый вред.

Средневековые процессы ведьм имели, несомненно, важное, как сказал бы Юнг, **архетипическое** значение для становления европейского образа мыслей и для всей европейской культуры.

Смело можно говорить о том, что сложился *стереотипный страх*. Мы в дальнейшем будем называть его условно – «*страхом ведьм*». Архетип «страха ведьм» характерен для всей истории западного мышления. Он отчетливо ощущался во времена маккартизма, когда общество начало охоту на «коммунистических ведьм», или во время «атомного страха» периода «холодной войны».

В чем истоки этого страха?

Как самих ведьм, так и их снадобий, панически боялись из-за того, что через них, как через открытые ворота, в средневековый христианский мир могло ворваться то, что в Средние века называлось дьяволом, – разрушающая все, неподвластная человеческому разуму, неуправляемая сила **хаоса**.

Носила она и другие имена.

Специалисты по древней мифологии называют эту силу хтонической. Хтонические чудовища в древнегреческих мифах, например титаны или циклопы, – дети, родившиеся из лона земли (богини Геи). Они первенцы, появившиеся на свет в *первый миг творения*.

Они – плод столкновения творящей *разумной силы* Вселенной, **ее Логоса** с **хаосом** несотворенного мира. Они – и ошибка творения, но вместе с тем и его первое, *не вполне*

разумное дитя. Богам и героям Олимпа предстоит исправить «ошибку», «неопытность» Создателя Вселенной и уничтожить чудовищ.

Это нелегкая задача. От одного взгляда на горгону Медузу (одно из хтонических существ древнегреческой мифологии) человек превращается в камень.

Познание этих чудовищ для человека абсолютно запрещено. Они лишают разума и вселяют животный ужас. Воевать с ними могут только герои – полубоги, рожденные от богов Олимпа.

С древнейших времен сей *страх столкновения с силами бездны* был связан с *женщиной и ее лоном* – местом, где непостижимым образом зарождается жизнь нового человека.

Тайна женщины как бы повторяет тайну первых дней Творения; следовательно, из ее лона, как из лона Матери-Земли, могут появляться хтонические чудовища...

..Родила царица в ночь Не то сына, не то дочь, Не мышонка, не лягушку, А неведому зверушку!

Вас в детстве не удивляла странно спокойная реакция царского окружения в пушкинской сказке на безумное сообщение гонца?

...И царицу и приплод Тайно бросить в бездну вод...

«Гуманное», нечего сказать, решение судьбы любимой царицы и ее абсолютно здорового сына!

Возможно, дело в том, что царь, бояре, а вместе с ними и автор сказки, бессознательно верили, что женщина – всегда ведьма. Ее лоно из источника продолжения рода может превратиться во «врата» для явления в мир каких-то чудовищ.

Христианство лишь спрессовало этот страх. Все хтонические создания слились в единый образ павшего ангела – Люцифера. Женщина – ведьма, ее магические растения и ее лоно стали символом *возможности проникновения* сатанинской силы в человеческий мир.

Само слово «ведьма» вызывало у людей Средневековья животный ужас, а сожжение ее на костре – чувство освобождения от страха. Жив страх ведьм и по сей день. На-

Клод Верлинд. Генеалогическое древо. 1984.

Связь женского начала с началом растительным – стихийным, содержащим в себе тайну природы, художники чувствовали во все времена

пример, фильм «Казанова» Феллини весь посвящен этому безотчетному страху мужчины перед женской хтонической стихией.

Порой трудно это понять. В русской культуре не было ничего подобного. Даже хтонические образы волшебных сказок, такие, как Баба-яга, Змей Горыныч или Кощей Бессмертный, страха почти не вызывают, а умному «дураку» – герою сказки – не так сложно с ними *договориться*. Русские «титаны и циклопы» готовы помогать *разумной* жизни, герою н^до просто знать, *как правильно с ними обращаться*.

Даже колдовство в наших сказках страха не вызывает, хотя и в них есть свой аналог «ведьмовской мази». Это предание о «живой» и «мертвой» воде. Мертвая вода – это жидкость, которую должен выпить тяжело раненный герой сказки, или ею нужно полить его тело для того, чтобы расчлененный герой ожил.

Обратите внимание: «мертвая» вода как бы должна сделать богатыря *еще более мертвым*. Она готовит героя сказки к некоторому преобразению, трансформации.

Само оживление героя и его трансформацию к счастливой жизни чуть позже произведет вода «живая». Мы вернемся к ней в следующей главе.

Еще в середине XIX века легендарный русский собиратель и исследователь сказок А.Н. Афанасьев заметил связь между «мертвой» водой и некоторыми болотными растениями – аконитом болотным и все тем же корнем мандрагоры (заметил, но не объяснил: по мнению Афанасьева, «живая» и «мертвая» вода – лишь поэтические образы дождя).

Aconitum lusostopum, называемый в народе лютиком, купальницей, царь-травой, Афанасьев считал одним из цветков Перуна: «С ним соединялась идея не только возрождения природы, но и всеобщего ее омертвления. Смерть же – на древнепоэтическом языке есть *непробудный сон*».

В русских сказках «мертвая» вода тоже не вызывает . страха. Она – не путь к рабству, она участвует в освобождении светлого героя от оков смерти. Глубинный психологический смысл «ведьмовства» и связанного с ним страха абсолютно чужд русской традиционной культуре.

Однако Россия в наши дни пытается *изменить вектор своей духовности*. Вместе с чужой культурой нам придется научиться понимать и чужие страхи.

42

Страх перед эффектами галлюциногенных растений основан, по всей видимости, на страхе перед ведьмами – опасности проникновения в мир человеческого разума и привычной логики каких-то иных, неизведанных и страшных сущностей.

Слово «беладонна» переводится как «прекрасная женщина». В традиционных русских «травниках» она именовалась «сонной одурью».

Человек, принявший отвар подобных растений, впадает в своеобразный ступор, схожий с гипнотическим трансом. Он кажется заторможенным, «не в себе». Однако он же способен описать испытываемые ощущения, если в этот *момент* к нему обратиться.

В опьянении веществами антихолинергического ряда есть две особенности.

Во-первых, будучи вполне контактным с окружающими во время действия наркотиков, человек не помнит ничего из переживаемого, *после того* как действие наркотика прекратилось (большинство ведьм только под пытками вспоминали свои «шабаши» и утверждали, что не помнят ничего из того, что было с ними после употребления мази или напитка).

Практически, человек не способен восстановить в памяти ни одной детали опьянения. Видимо, из-за этого свойства антихолинергические галлюциногены не используются «уличной» наркотической субкультурой. Если не помнишь галлюцинаций, то какой в них толк?

Во-вторых, человек во время опьянения «сонной одурью» является гораздо более внушаемым, чем в состоянии гипноза.

Более того, мысли или действия, которые колдун внушает человеку, выпившему его отвар, могут удерживаться в бессознательной части психики на протяжении по крайней мере нескольких суток после проведения «трипа». Подобного эффекта медицинский гипноз не знает.

Благодаря «кинематографу ужасов» (который заслуживает, несомненно, отдельного обсуждения), в нашу обиходную речь вошло слово «зомби». Под ним подразумевают оживших мертвецов, живых «роботов» злых сил.

Мало кто знает, что подлинные зомби – реальные устрашающие создания гаитянского культа вуду. Это относительно новая религия, ей насчитывается «от роду» не более 200 лет.

43

Зомби представляют собой в реальности то же самое, что и «зомби» в киноиндустрии ужасов. Это мертвец, которого злой колдун выпускает из могилы и использует в качестве абсолютно покорного слуги или убийцы.

Колдуны вуду – по-своему, конечно, – производят те же самые манипуляции, что и средневековые ведьмы. Используются только другие, произрастающие на Гаити растения, содержащие яды и антихолинергические алкалоиды.

Сначала колдун подмешивает к пище жертвы вытяжку из лианы, содержащую очень сильный яд – тетродотоксин. Это вещество относится к группе нейротоксинов, то есть лекарств, подавляющих деятельность центральной нервной системы. Если колдуну удалось оптимально подобрать дозу, то через несколько часов после принятия токсинов возникает «видимая» смерть.

У человека развивается своеобразный паралич, причем функции мозга в этот момент не останавливаются, но деятельность нервной системы резко замедляется. Во время действия токсинов его мышцы напряжены, что очень похоже на трупное окоченение. Жертва не в состоянии двигаться. Зрачки и веки становятся неподвижными. Дыхание сохраняется, но становится настолько медленным, что его не способен заметить внешний наблюдатель. Пульс становится до такой степени редок, что обычные приборы не могут уловить артериального давления...

Человек «умирает». И все это время функции мозга не останавливаются. Сознание ясное. Человек слышит, как его оплакивают родные. Он, сквозь щелочку в веках, может даже видеть, как над ним заколачивают крышку гроба.

Примерно через 12 часов действие тетродотоксина заканчивается. «Умерший» постепенно «оживает». У него появляется способность открыть глаза, двигать руками и ногами. Происходит это, как правило, уже в могиле, в гробу, закопанном глубоко в землю...

Рассчитав время, колдун вытаскивает жертву из могилы и дает ему съесть «огурец зомби» – магическое снадобье, содержащее вытяжку из *Datura stramonium* L. – растения, в котором содержится группа галлюциногенных алкалоидов антихолинергического ряда, близких по своему составу к скополамину.

Теперь черед «сонной одури» – наполненного галлюцинациями трансового состояния, в котором зомби ста-

44

■ "****ИИИ "ИГ"

новится абсолютно послушным орудием колдуна. Последний управляет посредством голоса галлюцинациями зомби, и именно галлюцинации – единственное содержание сознания отравленного туземца.

Если человеку удавалось выжить после превращения в зомби (такие случаи происходили крайне редко), то он мог вспомнить свои переживания в могиле, но абсолютно ничего из того, что делал и переживал после съедения «огурца зомби», он не помнил.

После выполнения роли человека, как правило, убивали уже по-настоящему и до того, как действие «огурца» прекращалось.

Вера народа в ритуал зомби цементировала, сплачивала нацию *страхом*. Долгие десятилетия этот страх поддерживал власть диктаторов на Гаити. Охранники и воины диктатора Дювалье, его «тонтон-макуты», наделенные неограниченной властью над населением, считались среди последнего созданными колдуном-диктатором зомби. Сам Дювалье, естественно, никогда этого не отрицал.

В русской сказке «О мертвой царевне» королевская дочь съедает яблоко, подsunутое ей злой мачехой, и впадает в состояние *сна, неотличимого от смерти* (богатыри даже хоронят ее). Возможно, яблоко в этой сказке – образ растения или реально существовавшей колдовской смеси. Но в русских сказках не сохранилось отзвуков второй стадии процесса «зомбирования».

Ни «мертвая» вода, ни яблоко мертвой царевны, ни чан с кипящим молоком (из «Конька-горбунка») не вызывают состояния абсолютной подчиненности колдуну. Зато они приводят к волшебному преобразению героя. Из мертвого сна он восстает, став *мудрее и прекраснее*. Русские сказки готовят нас к пониманию христианской истины о смерти и возрождении Спасителя.

В других культурах – все по-другому.

Европейские ведьмы «открывали» душу и впускали в нее волю дьявола. Гаитянские растения «открывали» душу зомби *для злой воли* колдуна или диктатора.

Вся информация о гаитянском культе дошла до нас из отчета английского фармацевта А. Дюрана – единственного европейца, пережившего превращение в зомби. Он же доставил коллегам-фармакологам лиану и галлюциногенное растение.

45

Дальнейшие научные исследования галлюциногенных свойств антихолинергических алкалоидов нам неизвестны. Однако в начале 70-х годов стала просачиваться информация по использованию антихолинергических галлюциногенов (и не только их) спецслужбами всего мира для создания собственных «живых роботов» – шпионов и убийц.

Действительно, гаитянские открытия способны проторить дорожку к мечте любой разведки – идеальному шпиону, который на самом деле даже не подозревает о том, что он должен выполнить какое-либо задание. В нужный момент его «бессознательная программа» включается, и он совершает определенный набор действий, о которых потом забывает.

Его невозможно перевербовать, даже допросить, не зная ключа – слов, благодаря которым активизируется заложенная с помощью галлюциногенов разрушительная «программа».

Подобных опытов, еще со времен Третьего рейха, было множество. Большинство из них закончилось неудачей: «испытуемые» умирали, сходили с ума, но «программированию» поддавались плохо.

Вероятно, **потребность** психики человека в сохранении собственной цельности гораздо сильнее любого психоактивного препарата.

Однако в отдельных случаях эксперименты удавались. Иногда это становилось объектом общественного внимания.

В начале 70-х годов по всей Америке прокатилась волна возмущения по поводу программ «модификации поведения» (мы еще вернемся к ним в главе об LSD). Подобные программы подразумевают принудительное перевоспитание взрослых преступников, а также «трудных» школьников и подростков – с целью сделать их поведение «более приемлемым для общества».

В госпитале в Атаскадеро, который фактически является тюрьмой строгого режима, насчитывалось 1500 душевнобольных преступников, попавших сюда за преступления на сексуальной почве. Это учреждение первым применило лекарство анектин (сукцинилхолин). Полученный из антихолинергических алкалоидов беладонны, этот препарат применялся в хирургии для расслабления мышц во время операции.

46

Но если немного превысить дозу и ввести ее внутривенно, анектин не только расслабит мышцы, но и вызовет их полный паралич, сходный со «смертью зомби».

Через 30–40 секунд после укола парализуются пальцы рук и ног, глаза, а затем межреберные мышцы и диафрагма. Биение сердца замедляется до 40–50 ударов в минуту. Появляется ощущение нехватки воздуха. Все время действия препарата (5–6 минут) человек находится в полном сознании.

Как раз в момент, когда заключенный начинает задыхаться, в дело вступает тюремный психиатр, внушая тому изменить поведение – иначе будет подвергнут такому же наказанию вторично.

Из отчетов специалистов выходило, что «сукцинилхолин очень быстро вызывает хорошо поддающееся контролю состояние испуга, при котором больной, оставаясь в полном сознании, становится восприимчивым к внушению».

А вот ощущения самих заключенных. Из отчета калифорнийской тюремной больницы в Вейкавилле:

«16 человек почувствовали, что умирают заживо, трое сравнили действие препарата с уже испытанным состоянием тонущего; все абсолютно сошлись на том, **что** испытали в больнице одно из самых страшных ощущений в жизни».

Таким вот образом, после столкновения с антихолинергическими галлюциногенами на протяжении веков, сначала у инквизиции, а потом и в психиатрии, сложился бессознательный стереотип «модификации поведения» **другого** человека. Мы называем его «*стереотипом ведьмы*».

Заключается он в том, чтобы вызвать у пациента искусственную смерть при сохранении ясного сознания. Пациент испытает при этом нечеловеческий страх – страх смерти души при жизни тела. То будет древний ужас возможности проникновения в душу сил хаоса. «Открыв» таким образом душу пациента, врач попытается «ввести» в нее **свое** собственное мнение, *подменяя тем самым в новой «психиатрической» ситуации «мнение» того же колдуна или... Сатаны.*

Америка переболела «ведьмовской» модификацией сознания еще в начале 70-х годов. Похоже, теперь мы на очереди.

Во всяком случае, доктор Назаралиев использует для своих попыток *модификации поведения* наркомана именно

47

атропин, являющийся одним из алкалоидов выше описанных растений. Применяемый в дозах, близких к смертельным, препарат вызывает еще более тяжелое состояние *искусственной смерти при ясном сознании* (в медицине такое состояние называется атропиновой комой), чем рассмотренный здесь анектин.

Если из человеческой души, пусть на время, убрать личностный аспект, индивидуальное «Я», осознанную волю или подменить какими-то иными, не зависящими от волевого усилия переживаниями, то ЧТО «может войти» в это время к нам в сердце?

Опыт процессов ведьм, гаитянских зомби и американских спецбольниц показывает только одно: сила, которая способна проникнуть в человеческую душу во время искусственного отключения сознания и воли, может быть только злой.

Сон разума порождает только чудовищ!

Посмотрите на «Капричиос» Гойи – художник на своих офортах попытался пластически изобразить, как это

происходит. Его гений словно спешил предупредить своих потомков: не забывать о том, что ослабление разума и веры – «сон цивилизации» – открывает ворота невидимым для нас чудовищам.

Второй раз мы сталкиваемся с очень важной аналогией – *анalogией смерти и сна*.

Хирурги рассказывают, что огромное количество пациентов испытывает *страх наркоза*, то есть бояться не столько самой операции и ее результатов, сколько *состояния необычного сна*, наступающего во время анестезии. Больные говорят в таких случаях, что они боятся сойти с ума...

Страх безумия!

Не это ли прячется за любым насильственным воздействием на нашу плоть и душу, включая и наркотики?

То, что в древности и в Средние века люди называли чудовищными порождениями богини Геи или демонами, человек эпохи Просвещения определил словом «сумасшествие».

Когда-то в Европе сумасшедших изгоняли из городов. Чаще всего их сажали на особые *корабли*, плывущие в неизвестность. Средневековый человек боялся, что через реальное безумие точно так же, равно как через искусственное безумие ведьмы, в мир привычных ему законов может просочиться дьявол – силы хаоса.

48

Есть у этого страха еще один аспект, последний, на котором стоит остановиться.

В человеческом бессознательном страх женщины, точно так же, как и страх безумия, всегда был интимно связан с образами воды. «Корабль дураков» в Средние века не случайно был кораблем, а не телегой.

Вода – это кровь Земли, кровь женщины – древней богини Геи. Первые девять месяцев нашей жизни проходят под водой – в утробе матери. В загадочных водных глубинах планеты могут водиться самые страшные чудовища. Вспомните хотя бы чудовище озера Лох-Несс. Именно в море отправляли безумца жители средневековых городов.

«Корабль дураков» должен был *вернуть его стихии*, которой сумасшествие, по «мнению» древних бессознательных страхов, и принадлежит...

Так можно продолжать до бесконечности. Вода – это стихия безумия, стихия, которой *нельзя доверять*, – она переменчива и неопределенна, как женщина, а в ее безднах водятся чудовища.

Это тот же самый ужас древних мистерий – страх *возможности проникновения* в душу неведомого врага разума в период сна и безумия.

Состояния, которые в древности называли «безумием», современная психотерапия (возникшая после «психоделической революции») предпочитает называть словосочетанием «измененное сознание», но это – синонимы.

«Измененное», значит, *иное, чем нормальное, отличное от разумного*. «Безумие» – в русском языке – это состояние «без ума», то есть такое, в котором человек не в состоянии приложить «ум» к своему поведению. На церковно-славянском языке слово «ум» обозначало и то, что мы сейчас называем «разумом», и то, что считаем «волей». Ровно то же самое обозначает и слово «сумасшествие» – с-ума-сшествие.

Вот что такое страх безумия. Это страх *утраты воли*, страх потери возможности управлять *собой*. Для человека традиционной культуры – в нашем случае культуры христианской – это может означать только одно: **отдать себя во власть иным силам** – неведомым, черным силам зла.

Вот почему страх безумия всегда ассоциировался в традиционной культуре с женским началом мира (ведьмами, водой, страшными хтоническими богинями). Безумие – это

49

начало «безвольное», оно будит в человеке пассивную подчиненность **чуждой человеческому «Я» воле**.

Способность подчиниться, отдаться; вообще мягкость и податливость личности, а следовательно, неспособность к «уму», то есть к проявлению активной, логичной и жесткой позиции, традиционная культура относит к женским качествам человеческой натуры.

Грибные мистерии

Есть в пустыне Сахаре горный район, который называется Тассилин-Аджер. Это место нахождения самых древних наскальных росписей, известных человечеству. Некоторые фрески датируются 12–13-м тысячелетием до нашей эры.

Удивительны на них изображения колдунов и шаманов. Тела их покрыты грибами... Грибы растут из их тел, грибы зажаты у них в руках.

Есть много авторов (О. Осе и О. Эрик, А. Лот, Т. Мак-кена), которые считают Тассили... исчезнувшим раем.

По их мнению, именно здесь, в Африке, 15 000 лет назад и существовал тот самый земной рай – золотой век изобилия, любви и социальной гармонии. Рай библейской Книги Бытия – всего лишь мифологический образ, смутное воспоминание человечества о подлинном земном рае.

Те же исследователи считают, что Древо познания добра и зла на самом деле было... содержащим псилоцибин грибом *Stropharia cubensis*.

«3.6. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

3.7. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания».

Древние наскальные рисунки Тассили, условно и примитивно изображавшие шаманов, покрытых грибами, в восприятии более поздних культур трансформировались в образ... дерева, покрытого яблоками. А образ самого шамана сохранился в виде древесного духа... «змия-искусителя».

Связь притчи о грехопадении с шаманами косвенно подтверждает и сам образ «Древо познания добра и зла». В основе сохранившихся до наших дней шаманских куль-

Шаман, покрытый грибами.

Одна из фресок Тассили.

Из книги О. Осса и О. Эрика «Псилоцибин»

тов (от эскимосов Заполярья до индейцев Северной Америки) лежит представление о вселенском дереве, на ветвях которого лежит весь мир, от человека до духов и верховных богов. На традиционном костюме шамана всегда изображалось это дерево – мир, у его корней видны изображения самих шаманов и... каких-то грибов.

Исследователи считали, что столкновение упомянутого «африканского» золотого века африканской цивилизации с грибами послужило катализатором развития человеческого сознания.

Содержащие псилоцибин грибы вызывали в центральной нервной системе древнего человека яркие, странные зрительные образы, которые требовали понимания и анализа.

От этого примитивный мозг должен был развиваться, и постепенно в нем сформировались новые структуры. Выходит, с точки зрения Т. Маккены, благодаря грибам человек превратился в существо, мыслящее с помощью образов. Галлюциногенный гриб и есть «утраченное звено» происхождения человека (!).

Из образов родились символы.

Из символов возникли буквы. Появился язык.

«Груд сделал из обезьяны человека», – считал Фридрих Энгельс.

«Галлюциногенный гриб помог обезьяне стать человеком», – не без основания утверждает Т. Маккена, находя вместе с коллегами по исследованию психоделических веществ 60-х следы использования грибов, содержащих галлюциногены, в эпохе седой древности.

Один из самых ранних источников письменности индоевропейских народов – это Веды. 116 гимнов «Ригведы» посвящены священному напитку древних ариев – соме. Никто не знает, когда они были написаны. Примерно их возраст датируется 8–10-м тысячелетием до нашей эры.

Жители древнего Ирана называли этот напиток «хаома».

Факт того, что среди священных напитков существует некая общность, доказал тот же замечательный русский этнограф А.Н. Афанасьев. Он же напрямую связывал сому Вед с «живой» водой русских сказок.

Для него «живая» вода связана еще с одним традиционным русским мифо-поэтическим образом – «молодильны-ми», или «золотыми», яблоками.

В книге «Поэтические воззрения славян на природу», увидевшей свет в 1868 году, он пишет:

«...Живая вода – есть сок, испускаемый золотыми плодами... Золотые яблоки получили значение Амриты (сомы)... В стране вечной юности растет дерево с бесценными яблоками, а при нем бьет ключ, воды которого блестят как чистое золото; кто вкусит этих плодов или выпьет этой воды, подобной золотистому искрометному меду, тот снова делается юным, хотя и дожив до седых волос...»

В начале главы речь шла о предположении, что в образе шамана, покрытого грибами, заключена предпосылка дальнейшего символического преобразования в Древо познания добра и зла, с которого Ева (Ева, разумеется, женщина, а стало быть, по средневековой логике, она – «ведьма») срывает *яблоко*. Ева протягивает Адаму плод...

расширяющий его сознание.

Возможно, это галлюциногенный гриб, который женщина-жрица времен матриархата протягивает мужчине.

Тогда и славянские мифы о «золотых» яблоках тоже могут являться отзвуками преданий о галлюциногенных грибах волхвов.

Традиционным напитком Древней Греции было ячменное пиво. Традиционным напитком славянских племен являлся хмельной мед.

Мотив «золотых» яблок все время как бы параллельно идет с мотивом, воспевающим мед.

Может быть, «живая» вода русских сказок и была хмельным медом, а добавлены были... галлюциногенные грибы. Славянская культура, несомненно, часть индоевропейской, арийской культуры, следовательно, отметить подобные параллели нельзя.

«Золотые» яблоки могут явиться в поэтическом образе волхва – шамана, танцующего в костюме, покрытом грибами. Косвенно это подтверждается тем, что у различных славянских народов волшебные плоды в сказках разные: у русских и украинцев – яблоки, у болгар – *орехи*, у сербов часто встречается образ волшебной *вишни*.

Очевидно, должен существовать некий архетипический прообраз, скажем волшебное дерево, с небольшими плодами...

Недаром, может быть, тайные духи русского леса – «старички-лесовики» – появляются перед человеком чаще всего в образе гриба или покрытого грибами пня.

53

Известно, что сома – это сок, отжатый из побегов какого-то конкретного растения. Этот сок очищали и пили. Но растение, из которого его отжимали, никто так и не смог определить.

Ясно одно – такой напиток существовал в действительности, и растение, из которого его получали, явно содержало галлюциногенные алкалоиды. И в Ведах, и в древне-иранской литературе сома и хаома были единственным средством, позволяющим непосвященным увидеть «духи богов» до наступления смерти.

В священной книге зороастризма «Зенд Авесте» мир, в который попадают умершие, называется «меног». Попасть в него при жизни можно было тоже с помощью саумы (сомы).

Исследователи пытались отождествлять сому с эфедрой (травой, содержащей психостимулятор эфедрин), с коноплей, с целым рядом других растений, содержащих психоактивные вещества. Однако ни одно из них не способно вызвать описанных в Ведах и в «Зенд Авесте» переживаний.

В начале 60-х годов американец Гордон Уоссон первым выдвинул предположение о том, что сома была грибом. В 1971 году была опубликована книга «Сома: гриб божественного бессмертия». В ней исследователь доказывает, что источником сомы является гриб *Amanita muscaria*, известный у нас как *мухомор*.

Далеко не все соглашались с тем, что сома могла вести свое происхождение от мухомора. Дело в том, что последний весьма капризное растение. На содержание в нем галлюциногенных алкалоидов влияет климат и характеристики почвы в месте его произрастания.

Amanita muscaria содержит два главных алкалоида: мус-карин и мусцимол. Оба вещества крайне высоко токсичны (*ядовиты*).

Уоссон был убежден, что существовал какой-то утерянный метод приготовления мухоморов, благодаря чему возможны яркие визионерские переживания, описанные в древней литературе.

Речь идет об утерянном рецепте, соблюдая который можно одновременно уменьшить отравляющие свойства мухомора и усилить галлюцинации, которые им вызываются. А усиливать их нужно, уж больно они не похожи на откровение Вед.

54

Вот как выглядит «трип» под воздействием мухомора в описании одного из наших пациентов:

«Вначале комната стала расплываться у меня перед глазами, окружающее стало нечетким и каким-то далеким. Мне стало ужасно жарко. Тело покрылось потом, а в ушах появилась «вата». Вместо звука разговоров я стал слышать какие-то обрывки. Потом начались мелкие судороги во всем теле, изо рта полилась слюна. Любое осмысленное движение рукой или ногой стало практически невозможным. Конечности перестали слушаться волевых усилий. Временами наплывали приступы рвоты.

Окружающее не изменилось. Однако я больше не находился в той комнате, в которой ел грибы, хотя находился по-прежнему тут же. Это очень трудно описать. Я находился в каком-то другом измерении, из которого наблюдал за происходящим в помещении. Наша реальность казалась призрачной тенью того места, в котором я на самом деле находился. Но видеть и описать то, где и в чем я находился на самом деле, я не мог. Я видел какие-то образы, но это больше были образы моих мыслей, чем конкретные видения.

Все это ощущение скорее можно назвать каким-то странным мозговым отравлением, чем опьянением».

Описанные ощущения (видимо, за счет мускарина, ан-тихолинергического галлюциногена), возникающие под воздействием мухомора, приближаются к изменениям сознания, описанным в предыдущей главе.

Приведенный рассказ привлекает тем, что он наиболее развернут (наш пациент по специальности врач). Все остальные имеющиеся у нас описания в той или иной мере лишь напоминают данный отчет.

Вполне вероятно, что мухомор в составе зомбирующих смесей использовался в колдовских и шаманских обрядах Европы и Америки. Возможно (и почти наверняка) – входил в состав таинственного напитка русских сказок, известного как «мертвая» вода. Во многих из них владелец «мертвой» воды предстал перед героем в образе огромного мухомора.

Использовался гриб в древности и в качестве нейротоксического яда – например, колдунами, дабы «открыть» сознание для чужой воли, но не для того, чтобы вызвать какие-то новые переживания.

55

Видимо, мухомор – все же не лучший кандидат в качестве уподобления соме. Компонентом «живой» воды служили какие-то другие грибы. Вполне вероятно, что в ее состав славянские волхвы включали... грибки,

растущие на коровьем навозе. Ведь чего-чего, а навоза было более чем достаточно: славяне издревле были сначала животноводами, а только потом хлебопашцами.

Многие авторы считают, что сома готовилась на основе все тех же *Stropharia cubensis* – мелких грибков, растущих на фекалиях. Чаще всего их можно найти на навозе крупного рогатого скота, чем, в частности, объяснима тесная связь напитка с культом священных животных.

На Крите в знаменитом дворце царя Миноса, возраст которого насчитывает более 5 тысяч лет (минойская цивилизация старше греческой), сохранились ритуальные помещения, каждое из которых имеет в центре круглую, расширяющуюся к вершине колонну. Когда путешественник входит в такой зал, он как бы оказывается под шляпкой грандиозного гриба...

В течение двух тысячелетий до нашей эры недалеко от Афин, на Элевсинских полях, каждый сентябрь собирались тысячи людей, чтобы участвовать в легендарных элевсинских мистериях. Существует множество предположений о том, что же происходило с людьми во время этих таинств. Точно мы не будем знать этого никогда.

Элевсинские мистерии были частью культа плодородия. От участников не требовалось никаких «общетеоретических» убеждений. Главным в таинствах были *ощущения*.

Каждый посвящаемый выпивал какой-то загадочный напиток и во время ритуала видел нечто до крайности неожиданное и странное, способное преобразить человеческую личность, изменить ее отношение к жизни. Воспоминания об этом сохранялись до конца жизни.

«Найдется ли хоть один грек, хоть один варвар столь невежественный, столь неблагочестивый, чтобы не считать Элевсин общим храмом всего мира?!»

Аристид

Какое же вещество могло вызвать столь значимые переживания у участников элевсинских мистерий?

56

Несомненно, это действие некоего конкретного, физически осязаемого напитка. В 415 году до нашей эры афинский аристократ Алкивиад был подвергнут штрафу за то, что у него в доме оказалось «элевсинское таинство». Он использовал его для... угощения друзей.

Возможно, «элевсинским таинством» было ячменное пиво. Только пиво это было приготовлено из ячменя, пораженного каким-то видом спорыньи.

Спорынья – мелкий грибок, род плесени, поражающий своей грибницей злаковые культуры. Именно при ее исследовании и был синтезирован «главный» галлюциноген XX века LSD-25. В этом грибке содержится большое количество галлюциногенных алкалоидов.

Однако большинство разновидностей спорыньи *смертельно ядовито*. Заражение пшеницы этим грибком не раз приводило Европу к массовым отравлениям. Так, в 994 году во Франции по этой причине умерло около 40 тысяч человек... Перед смертью отравившийся спорыньей видел галлюцинации: как правило, «огоньки» над колосьями ячменя или пшеницы. В старину эта болезнь так и называлась – «огни святого Антония».

Возможно, в глубокой древности знали рецепт очищения пива от ядовитых токсинов спорыньи. Скажем, использовалась какая-то разновидность *Stropharia cubensis* (?).

Так это или не так – неизвестно, но гипотеза о «ячмен-но-грибном» происхождении «элевсинского таинства» до сих пор считается наиболее вероятной.

В «Одиссее» Гомера есть история о том, как Одиссей и команда его корабля высадились на затерянном острове. Здесь жила Цирцея, высланная богами за то, что отравила своего мужа. Чарующие звуки пения Цирцеи увлекли спутников Одиссея к мраморному дворцу, где обитала волшебница. Вскоре перед ними явилась сама Цирцея и пригласила их к столу для праздничного пиршества.

Во дворе Цирцея усадила гостей и стала потчевать блюдами из сыра и ячменя; подавалось и *вино с медом*. Все герои с большим аппетитом поглощали яства, не подозревая, что в вино добавлено то, что Гомер называет «*щепоткой предательства*». Едва лишь пригубив зелье, гости сразу *стали беспомощными, как младенцы*. Отважные воины, они потеряли способность сопротивляться магической власти хозяйки дома.

57

Цирцея, обходя вокруг стола, касалась каждого волшебным жезлом, после чего все они превращались в свиней. Завершив черное дело, Цирцея заперла своих новых пленников в хлев и бросила им пищу – немного желудей.

У этой истории счастливый конец. Одиссей не участвовал в пиршестве. Ему, с помощью богов, удалось найти «антидот» магического растения Цирцеи – легендарную траву «моли». Он спас свою команду...

Но сам «попался» на другом, тоже наркотическом, приеме Цирцеи – не заметил, как во время пира, который, с его точки зрения, продолжался *несколько часов*, в реальном мире *прошли годы*.

Речь у Гомера явно идет о каких-то реальных растениях. Но о каких?

По мнению исследователей, «щепоткой предательства», «открывшей» для волшебства Цирцеи волю спутников Одиссея, была беладонна.

Однако ближе все-таки версия тех этнографов, которые обратили внимание на стол Цирцеи. Яства на нем стояли из *ячменя, меда и сыров* (сыр – это в конечном итоге продукт взаимодействия *молока с грибами плесени*). Скорее всего, средством волшебства были какие-то галлюциногенные грибы – возможно, как раз то самое «элевсинское таинство».

И на острове Цирцеи, и в Элевсине все сопряжено с *женским началом природы*. Путешествие Одиссея – это *плавание по океану (по воде)*, на островах которого живут *хто-нические* чудовища. Одиссей, недавно *вернувшийся живым из путешествия в царство мертвых*, никак не может найти способ вернуться домой (к себе самому) из путешествия в мир... *безумия*. Причем отправил героя в это бесконечное путешествие разозлившийся на него

Посейдон – бог морской пучины.

Гомерову Цирцею можно считать... первой европейской ведьмой, описанной в литературном произведении.

Использование в религиозных церемониях майя и ацтеков произрастающих в Центральной Америке грибов началось по крайней мере с 1–2-го тысячелетия до нашей эры. Изображения грибов обнаружены почти на всех священных табличках этих цивилизаций.

Ацтеки называли содержащие псилоцибин грибы «теона-накатл», что переводится как «тело богов». Грибы считались священными, охранялись и выращивались искусственно.

58

Некоторые виды галлюциногенных грибов

Вместе с кактусами и некоторыми выюнками культ галлюциногенных грибов лежал в основе всего древнего уклада у населявших Центральную Америку. Вот как испанский путешественник и писатель Де Сахагун описал использование грибов ацтеками в 1500 году:

«Эти грибы вызывали у них отравление, вызывали видения и возбуждали в них страсть... Они ели грибы с медом и, когда становились достаточно возбужденными под воздействием грибов, принимались танцевать, в то время как некоторые пели, а иные плакали; те же, кто не хотел петь, сидел в своих жилищах, задумавшись; другим чудилось, что они умерли; кто-то видел, как их едят дикие звери; кому-то представлялось, что они стали пленниками; или, наоборот, что разбогатели и теперь у них много слуг; были и такие, которым казалось, что они совершили прелюбодеяние и им проломили за это головы...»

Мы можем уверенно сказать только одно: динамика поведения человеческой души во время религиозного ритуала и галлюцинаций, вызываемых потреблением особо приготовленных грибов, сыграла несомненную роль в становлении сознания. Грибы, как и другие священные растения, были важнейшей частью отношения людей к богам природы.

Подчеркнем, что это были очень жестокие боги...

Известно, что утонченная цивилизация Эллады существовала за счет непрерывных войн и торговли рабами, а

59

цивилизация ацтеков была одной из самых агрессивных, известных истории человечества.

При освещении главного храма Теонанакля (древней столицы Майя, на территории которой вырос современный Мехико) в жертву богам было принесено одновременно около 80 тысяч рабов. Ацтеки не признавали никаких жертвоприношений, кроме человеческих; древняя «грибная» вера требовала человеческой крови.

Секреты ритуалов, где применяли священные напитки, изготовлявшиеся из галлюциногенных грибов, хранились жрецами особо тщательно. Первые христианские миссионеры, пришедшие в Америку вместе с конкистадорами, так же тщательно и планомерно уничтожали малейшие следы подобных ритуалов, так и тексты, в которых они описывались.

Скорее всего, и жрецы и миссионеры понимали какую-то опасность, которая таилась в самом факте грибных мистерий.

Боялись, очевидно, что с помощью грибов *через «ворота» открывшегося сознания*, через галлюцинации, смысла которых профан не понимает и поэтому не способен справиться с ними, в человеческую душу, а через нее – в мир могут проникнуть древние боги – боги хтонические, несущие в себе абсолютную жестокость, требующие человеческой крови.

«Какое все эти мифы имеют отношение к сегодняшним проблемам?» – спросит читатель.

Чтобы ответить на этот вопрос, придется обсудить разницу между древней культурой, которую мы называем языческой, и культурой, повернувшей духовный вектор от Матери-Земли и природы к самому человеку. Эта культура, в которой мы живем, возникла после откровения Христа.

Живущий в Мексике австриец Пауль Реко был первым, кто в 1919 году познакомил европейских ученых с фактами использования шаманами некоторых мексиканских племен не кактусов, а галлюциногенных грибов. Добыть образцы и переправить их в Швецию Рико удалось только в 1937 году. Через год вместе с небольшой группой европейцев он впервые принял участие в ночном грибном ритуале племени масатеков. Удалось отправить в Гарвард еще целый ряд образцов. Там грибы пролежали до 1958 года, откуда попали к отцу LSD Альберту Хофману, который в том

60

же году выделил из них наиболее активный галлюциногенный алкалоид псилоцибин.

Использование псилоцибина было запрещено в 1967 году.

Однако уже к середине 70-х годов в мире вышло не менее 18 руководств для желающих употреблять и выращивать галлюциногенные грибы. Появилась даже отдельная наука – этномикология, изучающая влияние грибов на человеческое поведение. Но прорыва к его пониманию так и не случилось. Исследователи грибов были объявлены персонами нон грата для серьезной науки. Работы их стали частью «подпольной культуры», всерьез с ними никто не полемизировал. Среди богословов католической церкви отношение к «грибникам» было снисходительным; никакого серьезного анализа проблемы почему-то не последовало.

Смысл происходящего понят не был.

И снова... марихуана

«Ощущение ограничения – заключения наших органов чувств в границы плоти и крови – тут же пропало. Стены моего обрамления распались и рухнули; и, не думая, в какую форму я облечен, даже утратив всякое представление о форме, я чувствовал, что существую во всей безбрежности пространства. [...] Дух – я сказал бы, скорее демон – гашиша полностью овладел мною. Я был ввергнут в поток его иллюзий и беспомощно уносился им, куда бы он меня ни выносил. Трепет, пробегавший по моим нервам, оживлялся и обострялся, сопровождаемый ощущениями, которые заливали все существо мое несказанным восторгом. Я был окутан морем света, в котором играли чистые гармоничные цвета, рождающиеся из него. Я вдруг очутился у подножия великой пирамиды Хеопса. Сходящиеся конусом пласты желтого известняка отсвечивали золотом на солнце, и вся громада возносилась так высоко, что, казалось, упирается для поддержки в голубой свод небес. Мне захотелось подняться на нее, и одно это желание тут же перенесло меня на ее вершину, вознеся на тысячи футов над полями пшеницы и пальмовыми рощами Египта. Я бросил взгляд вниз и, к своему удивлению, увидел, что она построена не из известняка, а из огромных квадратных слоев плиточного табака! Не передать словами неодолимого ощу-

61

щения той беспредельной смехотворности, какое я тогда испытал. Я скорчился в кресле от дикого хохота, который поутих лишь от растворения этого видения...»

Т. Маккинли, 1822 год

Если читатель внимательно прочел нашу книжку о марихуане, то он, наверное, уже понял, что опьянение коноплей до некоторой степени соответствует всем общим свойствам галлюциногенов.

В отдельной маленькой книжке мы не могли обсуждать галлюциногенные свойства конопли. Нам пришлось бы поднимать весь комплекс проблем, о котором мы пишем сейчас.

Вне всякого сомнения, как в Древней Индии, так и в исламских странах конопля с древнейших времен использовалась именно в качестве священного растения, «открывающего ум».

«Попытка понять влияние этих сильных растительных снадобий на ум странствующих монахов, которые их обычно употребляют, могла бы вылиться в интересные философские исследования. Мы можем быть уверены, что снадобья из конопли, в разных вариантах известные Востоку, ответственны за некоторые из его наиболее диких грез».

Джордж Оман (английский исследователь Индии конца XIX века)

По всей видимости, именно конопля стала постепенно заменять сому и амброзию в более поздних, чем описанные в Ведах и «Зенд Авесте», мистериях и ритуалах Индии и Ирана.

Ислам запрещал правоверным употреблять алкоголь, но в Коране не существует запрета на употребление марихуаны. Поэтому на Ближнем Востоке конопля была столь же распространена, как алкоголь в европейских странах.

Возможно, именно с тысячелетней историей постоянного употребления продуктов конопли связано столь разительное, бросающееся в глаза любому путешественнику отличие *национального характера* жителей мусульманских стран от особенностей личности европейцев.

О мягкости, кажущейся податливости, *женственности* культуры Востока сложено немало легенд. Восточный муд-

62

ВД&

рец во время беседы с иноверцем во всем с ним согласится, но думать будет все равно по-своему...

Но во всем, что касается учения Магомета, этот «женственный» характер будет абсолютно непреклонен и абсолютно жесток.

Возможно, крайняя агрессивность и нечеловеческая жестокость некоторых исламистских сект по отношению к иным религиозным конфессиям стала возможной не только по чисто идеологическим причинам, но и из-за того, что постоянное употребление наркотика членами сект уничтожало в человеке все, что относится к категории *совести...*

Легендарный путешественник Марко Поло в 1291 году первым принес в Европу историю Гасана ибн-Сабаха – главаря ассасинов, тайного шиитского культа гашиша, игравшего заметную роль во времена Крестовых походов в Персии и Палестине. Задачей фанатиков было искоренение «неверных» любой ценой, в том числе ценой

собственной жизни.

На отправление культа одного из ответвлений ассасинов – «колен» – средства добывались с помощью... заказных убийств. Главой «колена» был шейх Гасан уль-Дже-баль, ставший известным истории под именем «горного старца».

Молодым людям, желавшим стать адептами тайного учения, давали очень большую дозу гашиша. На фоне опьянения коноплей глава секты проводил с ним ту манипуляцию, которую в XIX веке стали называть «сеансом гипноза».

С помощью внушения юношу вводили в «райскую долину» – некое тайное и священное место, в котором были экзотические сады, гуляли прекрасные девушки, готовые любить юношу тогда, когда он сам этого пожелает, а звери преданно жались к нему в поисках ласки.

После того как действие гашиша и «сеанс гипноза» заканчивались, молодому человеку объясняли, что он может вернуться в эту тайную страну только после того, как совершит несколько заказных убийств.

Слово «ассасин» (assassin) приобрело в арабском языке значение «убийца», и слова «гашишист» (hashishin) и «убийца» теперь тесно связаны этимологически.

Ряд исследователей предпочитают считать эту историю, рассказанную Марко Поло, легендой. Однако подобные истории повторялись и в новые времена.

63

Гасан ибн-Сабах, первый Великий Старец ассасинов, предлагает вино с подмешанными наркотиками юношам, добывающимся приобщения к культу, французская картина XIV века

На протяжении веков путешественники по Индии гибли от рук тагов – членов тайного братства убийц. С помощью специальной ритуальной веревки – «румали» – таги душили всех, кого удавалось обманом увести в сторону от людных мест. Преступления совершались во имя культа *Кали* – женского божества смерти и хаоса в индуизме.

Членами секты были как индусы, так и мусульмане. Совершая убийства, таги верили, что этим сохраняют связь со своей «черной матерью» (хтоническим – женским началом бытия), помогая ей искоренять зло. Изуверы разрубали трупы на части способом, каким, по преданию, Кали разрубила тело демона.

Таги часто усыновляли потомков своих жертв, посвящая мальчиков в свою веру. После омовения облаченному в новые одежды неопиту вручалась священная мотыга, которой он потом будет разрубать и закапывать умерщвленных.

Затем он съедал «священную пищу» Кали – все тот же гашиш. Собратья по ритуалу в этот момент просили богиню подать знак одобрения, и перед юношей, находящимся в трансе от опьянения коноплей, разворачивались... картины райского сада, в который превратится земля после того, как таги задушат всех мыслимых демонов.

64

В 1826 году полковник Уильям Шлиман – английский колониальный управляющий одного из округов Центральной Индии – был вынужден устроить 14-летнюю войну с тагами. К судебной ответственности было привлечено 3689 членов секты. Последний известный таг был повешен в 1882 году.

Интересно, что марихуана использовалась здесь практически точно так же, как несколькими столетиями позже колдуны Гаити будут использовать «огурец зомби».

Принцип в сущности один – посредством свойств продуктов конопли: а) подавлять ощущение вины человека перед обществом; б) в качестве «мертвой» воды открыть сознание человека для посторонней воли; в) делать человека зависимым... но не от гашиша (?).

Неофит становился *зависимым от тех образов и переживаний*, которые внушал ему «учитель».

Таким образом, проблема снова видится не в физическом и психическом аспектах, а в своеобразной *интеллектуальной зависимости*.

Врач Йоханнус Вейер, описывая употребление гашиша ведьмами в Германии XVI века, отмечал, что его использовали с теми же целями, что и «ведьмовскую мазь».

Французский врач Жак Моро де Тур издал в 1845 году книгу «Гашиш и душевные болезни», в которой описывает марихуану как успокоительное средство и *«средство, способствующее влиянию воли врача на поведение больного»*.

Что касается собственно марихуаны, *то она действительно редко вызывает у человека тяжелую психическую и*

физическую зависимость... Тяжелейшую психическую зависимость вызывают те внушения, которые можно внедрить в человеческое сознание во время опьянения продуктами конопли...

Нужно сказать, что самый тонкий, актуальный и по сегодняшний день психологический анализ опьянения продуктами конопли оставил не врач де Тур, а... легендарный французский поэт Шарль Бодлер. Его книга «Искусственный рай» появилась в середине XIX века – в 1856 году. Вот как Бодлер описывает истоки внушаемости личности под воздействием гашиша:

«...При опьянении гашишем с особенной силой проявляется чувство симпатии к людям, даже незнакомым, своего рода филантропия, основанная скорее на жалости, чем на любви (здесь уже дает знать о себе зародыш сатанинс-

3 А. Данилин «LSD» 65

кого духа, которому предстоит развиться до необычайных размеров), но доходящая до опасения причинить кому-либо малейшее огорчение...

Преклонение, обожание, молитвы и мечты о счастье несутся в опьянении стремительно, с победоносной силою и фейерверчным блеском... Нет такого сочетания чувств, которое казалось бы невозможным для *гибкой любви* поработанного гашишем. Склонность к покровительству, отцовское чувство, горячее и самоотверженное, могут соединяться с *преступной чувственностью*, которую гашиш всегда сумеет извинить и оправдать».

Здесь кроется разгадка одной из самых «страшных тайн» древних мистериальных культов.

Когда в XXVIII веке до нашей эры китайский император Шен Нун повелел выращивать коноплю, его придворный врач сообщал, что конопля – это растение, несущее в себе «Инь» – женское начало природы в традиционной китайской философии.

«Конопля порождает в человеке начало влажное, теплое и податливое».

В 204 году до нашей эры на Дворцовом холме в Риме был сооружен храм в честь жестокой богини – матери древних

Римлян – Кибелы. Уроженцев древнего царства Фригии

привозили в Рим, где они становились жрецами богини.

В ритуальном действе принимали участие только мужчины, у них были длинные женские прически и такие же одежды. Преклонение перед богиней выражалось с помощью разнузданных сексуальных плясок. По всему периметру танцевальной площадки храма были установлены священные лампы Кибелы. В них непрерывно горела и дымила конопля – священное растение богини-матери... Жрецы танцевали до тех пор, пока не падали на землю без сознания.

Култ Кибелы был, наверное, самым древним предшественником современного танцевального марафона.

Энциклопедист от психоделии, Теренс Маккена, писал:

«Длинные волосы у мужчин, появившиеся одновременно с массовым потреблением в США марихуаны в начале 60-х годов, были наглядным примером притока явно женских ценностей, сопровождающих употребление этого, растворяющего границы «Я», растения».

Действительно, если вдуматься, культура хиппи была «женственной» культурой. Ценности не шли дальше пол-

1 ■ 66

ы

ной свободы восприятия. Марихуана почему-то считалась одним из лучших средств достижения такого рода свободы.

Вот как описывал Шарль Бодлер свободу гашишиста:

«...В состоянии, сопровождающем опьянение гашишем, нет никаких сверхъестественных явлений; вся суть в том, что наши внутренние аналогии приобретают необыкновенную яркость: они проникают в нас и овладевают нами, поработают мозг своим деспотическим характером...

Случается, что личность исчезает и объективность воспринимается вами настолько ненормально, что созерцание окружающих предметов заставляет вас забыть о своем собственном существовании, и вы сливаетесь с ними. Ваши глаза останавливаются на стройном дереве, раскачиваемом ветром: через несколько секунд то, что вызвало бы только сравнение в мозгу поэта, становится для вас реальностью. Вы переносите на дерево ваши страсти, ваши желания или вашу тоску; его стоны и раскачивания становятся вашими, и вскоре вы превращаетесь в это дерево. Точно так же птица, парящая в небесной лазури, в первый момент является как бы олицетворением вашего желания парить над всем человеческим; но еще момент – и вы превратились в эту птицу. Вот вы сидите и курите... и вот, в силу какой-то странной перестановки, какого-то перемещения или интеллектуального переворота, вы вдруг почувствуете, что вы испаряетесь, и вы припишете вашей трубке (в которой вы ощущаете себя сжатым и сдавленным, как табак) поразительную способность курить вас...

Но вот новый порыв мыслей уносит вас: он окружит вас еще на минуту в своем безумном вихре, и эта новая минута будет для вас новой вечностью. Ибо соотношение между временем и личностью совершенно нарушено благодаря количеству интенсивности ощущений и мысли. Нет прежнего равновесия между органами чувств и переживаемыми наслаждениями; и это последнее обстоятельство служит наиболее существенным обстоятельством вреда этих опасных экспериментов, во время которых полностью исчезает свобода личности...

Человек ищет всего лишь сна, и гашишевый сон овладевает человеком, но этот сон будет настоящим сыном своего отца. Пребывая в бездействии, человек искусственным путем вводит сверхъестественное в свою жизнь и в свое

мышление;

67

но, несмотря на этот внешний, спонтанный подъем его чувств, он остается тем же человеком, тем же числом, лишь возведенным в очень высокую степень. **Он поработан; но, к несчастью, поработан самим собою, той частью своего «Я», которая господствовала в нем; он хотел сделаться ангелом, а стал зверем, в данный момент могущественным зверем, если только можно назвать могуществом чрезмерную чувствительность при отсутствии воли, сдерживающей или направляющей ее»** (все выделения мои. – А.Д.).

Эти слова Бодлер написал о гашише. Обратите внимание на выделенные места – они окажутся необходимыми во всем последующем изложении.

В рассказе Тейлора Маккинли, с которого начинается эта глава (а это был первый в истории отчет, познакомивший европейцев с эффектами действия марихуаны), появляется интересный образ, который потом будет сопровождать описания очень многих «трипов» под влиянием галлюциногенов:

«Обрамлявшие меня стены распались и рухнули...»

Одно из программных музыкальных произведений хиппи «The Wall» («Стена») рок-группы «Pink Floyd» практически целиком посвящено ощущениям и образам, возникшим под воздействием конопли.

Какую же стену пытался разрушить лирический герой диска и знаменитого художественного фильма Алана Паркера?

В ленте, кстати говоря, очень легко проследить «женственную» позицию главного героя. *Он абсолютно пассивен* – от одного внешнего внушения к другому, от «зом-бирования» за школьной партой до «ведьмовского полета» в компании неонацистов. Он занят только тем, что *отдается* очередному внушению.

Это и есть так называемое открытое сознание или абсолютно «свободное восприятие», что, по сути, одно и то же.

Фритц Ладлоу – литератор, «певец» гашиша конца XIX века, покончивший жизнь самоубийством в результате неумеренного потребления конопли, писал:

«...Человек, который не верит ни во что, что не касается органов его собственного тела, будет инстинктивно прятаться в крепости того, что он считает стародавним здравым смыслом...»

В конце XX века Т. Маккена пишет:

68

«Конопля – проклятие для культуры власти, поскольку у употребляющих ее людей она снимает обусловленность поведения принятыми в обществе ценностями...» (Курсив в обеих цитатах мой. – А.Д.)

Итак, «Стена», которую пытается разрушить человек, употребляющий марихуану, по признанию самих же «апологетов культа конопли», **сложена из кирпичей здравого смысла и принятых в обществе ценностей – то есть этики и морали.**

В этом смысле России, как ни странно, даже «повезло», ибо «стена» принятых ее обществом ценностей разрушалась уже два раза – в 1917 году и в 1991-м. Кому, как не нам, судить, может ли такое внезапное разрушение приносить пользу отдельному человеку или обществу...

Хиппи так и не смогли понять, что их «полная свобода», усиленная марихуаной, мескалином и LSD, означает... полную пустоту.

Восприятие необходимо смысл как некоторая ось, на которую человек может нанизывать то, что он воспринимает. Если такой оси не существует, то любые приходящие извне образы, внушенные мнения и т. п. будут восприниматься **как абсолютно равные** по своему значению – а в результате приоритет останется за теми из них, которые воздействуют наиболее интенсивно. Поведение будет определяться *не качеством*, обусловленным анализом приходящего сигнала, а всего лишь его *количеством*.

Это и есть абсолютная внушаемость. Человек слышит не то, что для него важно, а то, что звучит громче.

Он становится неспособным сделать выбор между вещами, которые имеют для него значимость, и вещами, которые к нему отношения не имеют.

Полная свобода подразумевает отсутствие собственного мнения. Если собственного мнения нет, принципиальным становится мнение чужое.

Под воздействием марихуаны человек теряет ощущение своего «Я», собственной индивидуальности, у него пропадает ощущение важности себя как существа отдельного...

Чувство «Я» и есть та самая ось, точка отсчета, с которой начинается осмысленное восприятие.

Человек, утративший уверенность в себе, не способен оценить «что такое хорошо, а что такое плохо», и ему легче всего подчиняться, выполняя прямые команды.

69

Такую внушаемость придворный врач Шен Нуна определял как «податливость», а психоаналитики считают *женским началом в человеке.*

Пользуясь терминами Карла Юнга, марихуана поднимает из тайников мужской психики аниму – образ женского, влажного, податливого, коллективного начала в бессознательной части души мужчины.

«Почему это начало коллективное?» – спросит читатель.

«Коллективное» – это понятие прямо противоположное понятию «индивидуальное». Когда собственное (индивидуальное – мое) мнение пропадает или атрофируется, человеку остается только полагаться на мнение окружающих людей. Его индивидуальные взгляды на жизнь как бы растворяются в пользу мнения группы или общества.

В начале 70-х годов, уже после того, как оборвалась психоделическая революция, марихуана вновь завладела молодежным сознанием. Самое прямое отношение к этому в качестве неформального лидера имел основатель музыкального стиля регги знаменитый певец и гитарист Боб Марли.

Марли приехал в Америку с Ямайки.

С собой он привез религию бога Раста.

Пророком этой религии он объявил самого себя, а главным ее ритуалом., свою музыку. Все последователи нового религиозного движения одновременно должны были стать и адептами нового музыкального стиля. Они называли себя «rast's people» – люди Раста. У нас их стали называть «растоманами».

Общаться с Растом было занятием непростым: для свидания с ним требовался своего рода проводник. Инстанция эта, присутствовавшая в растении *Cannabis sativa*, или все в той же конопле, получила имя Джа.

Бог Джа должен был открыть сознание курильщиков конопли для получения ценных указаний от бога Раста. А чтобы указания слышались особенно внятно, сопровождалась они музыкой Раста. Часто через музыку или сопутствующие трансы такие указания непосредственно и передавались.

Как видите, здесь действует все тот же знакомый нам стереотип: марихуана открывает сознание для воздействия – не важно, образы ли это «райского сада» тагов или, как в данном случае, «сладкая музыка». Курение конопли создавало нужный резонанс для особого восприятия *регги*, чтобы **именно музыка вызывала привыкание – психическую зависимость**.

70

Большинство растоманов, особенно отечественных, конечно, не понимали, что Раст – крайне жестокий бог-разрушитель одного из ответвлений культа вуду, распространенного на Кубе и Ямайке. Когда колдуны того же культа создавали своих зомби на Гаити, их коллеги на островах пытались проделать те же самые манипуляции с помощью конопли...

У европейских и российских последователей растоманов постоянное курение марихуаны формировало тот же фон поведения, который еще недавно существовал у хиппи.

Те же длинные волосы (теперь их стали скатывать в десятки мелких засаленных косичек – «дредцов»), одежда слегка иная, но тоже с длинными рукавами и свободными, ниспадающими длинными брюками, как бы препятствующая какому-либо труду; все те же медленные, женственные движения и влажные глаза с расширенными, остановившимися зрачками.

Конечно, музыка – дело субъективное. Но среди меломанов существует стойкое мнение, что музыку в стиле регги слушать невозможно. Приведем высказывание одного из наших пациентов:

«Она (музыка) сладка настолько, что ты ею наедаешься, тебя начинает тошнить после первых же трех аккордов».

Боб Марли говорил в одном из интервью:

«Мы никому не сопротивляемся, ничего не добиваемся и ничего не хотим. Только слушать музыку, открыть свой ум, курить марихуану и различать сквозь нее слова нашего прекрасного Бога...»

Хотел ли Боб Марли через открытое с помощью марихуаны сознание фанатов впустить в европейскую культуру своего страшного Бога или жб *просто хотел властвовать над наркоманами, «сидящими» на его музыке, как на игле*, сказать трудно. Однако и в Америке, и в нашей стране любые клубы или сборища любителей регги немислимы без постоянного курения конопли.

Сочетание галлюциногенного эффекта марихуаны и музыки производит тот же самый закабаляющий душу эффект, которого добивался «горный старец» Гасан ибн-Сабах, вызывающий у членов своей секты галлюцинации рая на Земле с помощью конопли и внушения.

«Всякая привычка скоро превращается в необходимость, – писал Бодлер. – Кто прибегает к яду, чтобы

71

мыслить, вскоре не сможет мылить без яда». Так и хочется дописать Бодлера и сказать: он будет мыслить как яд.

Временами появлялись сообщения о совершенных рас-томанами убийствах. По своей ли воле шли на это или по приказу, – осталось неизвестным...

В последнем анимационном эпизоде «Стены» А. Паркера именно стена разума (которую главный герой пытался разрушить на протяжении всего фильма) оказывается единственной защитой от жуткого символа женского начала, пытающегося (в прямом смысле) поглотить Пинка. Этот кошмарный образ анимы в фантазии (или галлюцинации) героя фильма является символическим отображением наркотика, угрожающего растворением, уничтожением его души.

Из глубины XIX века по-прежнему звучит предупреждающий голос Шарля Бодлера, и его по-прежнему никто не слышит:

«Говорят – и это, кажется, верно, – что это вещество не причиняет никакого физического вреда, во всяком случае, никакого серьезного вреда. Но разве можно назвать здоровым человека, непригодного к деятельности и способного только мечтать, хотя бы все члены его и были невредимы? Мы слишком хорошо знаем природу человека и можем утверждать, что человек, который с ложкой варенья может получить все блага земли и неба, не станет и тысячной доли их добиваться трудом.

Возможно ли представить себе государство, все граждане которого опьянялись бы гашишем? Каковы были бы эти граждане, эти воины, эти законодатели!... В самом деле, человеку, под страхом духовного разложения и интеллектуальной смерти, не дозволено изменять основные условия своего существования и нарушать равновесие между своими способностями и той средою, в которой ему суждено проявлять себя; словом, не дозволено изменять свое предназначение, подчиняясь вместо того фатальным силам другого рода...

Легко увидеть связь между демоническими образами в по- эзии и живыми существами, предавшимися употреблению возбуждающих средств. Человек захотел стать богом, но в силу неуловимого нравственного закона он пал ниже своей действительной природы. Это душа, продающая себя в розницу...*

...Нужно ли прибавлять, что гашиши, как все одинокие наслаждения, делает личность бесполезной для общества, а общество – лишним для нее, побуждая ее к постоянному

самовосхищению, толкая ее изо дня в день к краю той сверкающей бездны, в которой она находит свое отражение – отражение Нарцисса» (выделено мной. – А.Д.).

Читатель нашей книги сможет убедиться, что люди не послушались предупреждения Бодлера. Человека конца XX века ведущие философы и психологи уже наших дней и будут описывать как Нарцисса, бесконечно любующегося своим отражением.

«АПОЛЛОНИЧЕСКОЕ» И «ДИОНИСИЧЕСКОЕ»

Если мы, пусть в качестве предположения, возвели *первое* употребление *наркотика-галлюциногена* к временам изначальным, к Книге Бытия, то мы должны каким-то образом закончить эту мысль.

Какой же род абсолютно греховного знания могла приобрести Ева, отведав яблоко (гриб?) с Древа познания добра и зла? И почему знание это стало причиной проклятия человеческого рода?

Возможно, в культуре Нового времени первым, не осознавая того, на этот вопрос ответил Фридрих Ницше в своей работе «Рождение трагедии из духа музыки»:

«Как среди бушующего моря, с ревом вздымающего и опускающего в безбрежном своем просторе горы валов, сидит на челне пловец, доверяясь слабой ладье, – так среди мира мук спокойно пребывает отдельный человек, с доверием опираясь на *principium individuationis*. (здесь Ницше цитирует Шопенгауэра.. – А.Д.). Про Аполлона можно было даже сказать, что в нем непоколебимое доверие к этому принципу и спокойная неподвижность охваченного им существа получили свое возвышенное выражение, и Аполлона хотелось бы назвать великолепным божественным образом *principii individuationis*...»

В приведенном месте Шопенгауэр описывает нам также тот чудовищный ужас, который охватывает человека, когда он внезапно усомнится в формах познания явлений, и закон достаточного основания в одном из своих разветвлений окажется допускающим исключение. Если к этому ужасу прибавить блаженный восторг, поднимающийся из недр человека и даже природы, когда наступает такое же нарушение *principii individuationis*, то это даст нам

73

понятие о сущности дионисического начала, более всего, пожалуй, нам доступного по аналогии *опьянения*. Либо под влиянием *наркотического напитка*, о котором говорят в самых гимнах все первобытные люди и народы (курсив мой. – А.Д.), либо при могучем, радостно проникающем всю природу приближении весны просыпаются те дионисические чувствования, в подъеме коих *субъективное исчезает до полного самозабвения*. Еще в немецком Средневековье, охваченные той же дионисической силой, носились все возраставшие толпы, с пением и плясками, с места на место; в этих плясунах св. Иоанна и св. Вита мы узнаем вакхические хоры греков с их историческим прошлым в Малой Азии, восходящим до Вавилона и оргастических сакеев.

Работа Ницше посвящена двум началам, существующим в природе человека. Первое начало соответствует началу *личному* – «принципу индивидуации», который позволяет человеку чувствовать себя отдельным, «находясь среди мира мук». Это начало, позволяющее человеку усваивать информацию из внешнего мира, *не разрушая при этом самого себя*.

Второе начало Ницше напрямую связывает с опьянением и с уже знакомой нам загадочной *сомой* древних. Это начало, *уничтожающее принцип индивидуальности, растворяющее личность* в водах безумия.

Култ Диониса, явившийся на материковую Грецию из ближневосточных культов в VI–VII веке до нашей эры, русский поэт и философ Вячеслав Иванов характеризует как «*массовую психическую эпидемию, незримой волной захлестнувшую население Греции*».

В основе ритуалов Диониса лежало опьянение их участников вином и неизвестными нам наркотическими (возможно, тем же самым «элевинским таинством») смесями, приводившее собравшихся в «буйный экстаз», в котором достигалось чувство единения с божеством. По разным источникам, дионисийские экстазы переходили в оргии, в которых чувство единения с божеством достигалось как гомо-, так и гетеросексуальными способами. Человек, по словам В. Иванова, должен был «*убежать из себя самого в свою же собственную, но чувственную природу*».

Характерно, что главные среди современников враги культа Диониса – орфики относили его культ к «титано-ву началу» в человеческой природе, следование которому

74

приводило людей к озверению. Имеется в виду прямой, а отнюдь не переносный смысл этого слова.

Титаны – это те самые хтонические силы, с которыми столкнулся в своем странствии Одиссей, – циклопы, Цирцея и горгона Медуза были их детьми.

Вячеслав Иванов писал о двух причинах повальной увлеченности греков оргастическим культом Диониса:

«Прежде всего, таким путем люди возвращались от логической организации города к своему естественному, природному – освежающему началу...»

Была и вторая причина: «Дуализм двух царств и двух святынь, – пишет Иванов, – ночи и дня, темных <...> подземных царей и светлых богов – был, до пришествия Диониса, началом непримиримого душевного противоречия и раскола. С Дионисом наступило примирение обоих богопочитаний и человек перестал равно, но разное трепетать от ночной бездны и отвращающихся от нее олимпийцев».

Говоря психологическим языком, Иванов утверждает, что культ Диониса помогал человеку классической древности преодолевать неустойчивость собственного психического мира. Эту неустойчивость поэт объясняет тем, что в подсознании человека тех времен постоянно существовал конфликт между духовным началом души, воплощающемся в относительно новых разумных богах Олимпа, и ее еще не преодоленным первобытным «полузвериным, по сути, природным началом». Второе начало находило свое мифологическое воплощение в чудовищных хтонических богах древности – в порождениях хаоса.

Вячеслав Иванов утверждал даже, что культ Диониса «спас эллинизм от безумия», к которому вело его двоеверие, знаменовавшее... антиномию и противоречивость таинств неба и земли, законов жизни и смерти, явленного Космоса и незримого Аида.

«Спасение от безумия» заключалось в том, что в страстном сопереживании смерти Диониса «человек дает возможность выйти наружу самым потаенным своим чувствам». Получается, что психологическая задача мистерии Диониса, с точки зрения Иванова, абсолютно идентична... с главной задачей Фрейдова психоанализа – сделать бессознательные, инстинктивные импульсы психики частью сознания.

В своей повести «Тутанкамон на Крите» Дмитрий Сергеевич Мережковский описывает шествие вакханок – *жен-*

75

цин, участниц дионисийских ритуалов. Многие историки отмечали точность, с которой в этой повести переданы разрозненные сообщения об этом культе, содержащиеся в древних источниках.

«У-у-у! – точно волки провыли где-то далеко-далеко на небе...

Что-то было в этом звуке – не звериное, но и не человеческое, такое страшное, что у Туты мороз пробежал по коже.

Провыли – умолкли, а потом опять – все ближе и ближе, все громче. Волки выли на небе, а под землей ревели быки. И волчий вой, и бычий рев сливались в шуме налетающей бури.

Вдруг между стволами сосен, на верхней просеке, полыхнуло красное зарево, посыпались искры от факелов, и заплясали черные тени в багровом дыму.

Волчьим воем выли трубы-раковины, бубны ревели бычьими ревами, флейты визжали неистовым визгом, и тяжкие гулы тимпанов раскатывались подземными громами.

Бурей неслись исступленные женщины, девушки, девочки и старые старухи: головы закинута; змеи сплелись в живые венки; волосы по ветру; белая пена у рта; лица, точно в крови, в красном отблеске факелов. Дряхлые бабушки нянчат новорожденных ланят, а молодые матери кормят грудью волчат (человек во время культа полностью отождествляет себя с соответствующим животным. –

АЛ)-

...Жрицы-фиады стеснились в кругу так, что не видно было, что они делают: ноги не двигались, а руки шевелились, ходили проворно туда и сюда, как у чешущих гребнями шерсть.

– Что они делают? – вглядывался Тута и все не мог понять. Вдруг показалось ему, что какое-то кровавое лохмотье между ними треплется; и с чувством дурноты закрыл он глаза, чтобы не видеть».

Первоначально участницами и жрицами мистерий Диониса могли быть *только женщины* – вакханки. Человеческие жертвоприношения, по всей видимости, имели место в ритуале *соучастия женщины в смерти бога* – умирая, *он возвращался назад, в лоно матери*. Об этом рассказывает еще древний миф об Орфее, который погиб, растерзанный вакханками.

76

«Демонические силы, таящиеся в человеке, легко овладевают им, когда он бросается в водоворот экзальтации, – писал протоиерей Александр Мень, – упоение бытием у поклонников Диониса нередко выливалось в упоение кровью и разрушением. Бывали случаи, когда женщины тащили в лес младенцев и там, носясь по горам, рвали их на куски или швыряли о камни. В их руках появлялась тогда сверхъестественная сила».

Именно вакханалии стали прообразом будущих ведовских шабашей. Сопровождающие вакханок козлоногие сатиры, скорее всего, явились прообразом европейского черта. Самая жуткая часть «сатанинской мессы» – умерщвление новорожденного младенца на алтаре, по всей видимости, имеет корни в ритуальной практике вакханалий.

Отец Александр Мень напрямую связывал ведовство с мистериями Диониса:

«Много веков спустя, в эпоху Ренессанса, когда пробудилась тяга к античному язычеству, темная дионисийская стихия приняла облик того явления, которое принято называть «ведовством». Тайные радения «ведьм» были не чем иным, как попыткой найти забвение в диких обрядах, подобных Дионисовым».

Мистерии Диониса и ведовство немыслимы без растительных галлюциногенов.

Если, на минуту, допустить, что Адам и Ева (*женщина-прародительница*) съели растительный галлюциноген, то их грехом был возврат к тому, что Иванов называл «полузвериным», а Ницше – «дионисическим» началом в человеке. Произошла утрата полученных нашими предками богоподобных свойств *личности*.

Отведав запретный плод, люди не продвинулись вперед, к новому знанию, а вернулись *назад*, к собственным животным инстинктам. Знание о половых различиях, которое упоминает Библия, было «дионисическим» знанием. Став доминирующим, половое знание *подменило* собой знание о божественной природе человека. Знание стало *развоплоще-нием* – *утратой Божественного Образа* будущих властителей Вселенной.

В Новом Завете Бог *воплотился* – стал личностью, обрел индивидуальные, теплые, человеческие черты. Может быть, в этом одна из главных *Вестей* Евангелия, создавшие-

му

го нашу культуру? Христос указал своим примером путь к преодолению первородного греха.

В Книге Бытия Бог, проклиная человека и изгоняя его из рая, велит ему жить – *в поте лица своего...* Может быть, главный *пот* заключен именно в поиске *своего лица*, утерянного в миг первородного греха?

Логос, луч божественного творения, несомненно, заключен в человеческом сознании. Он действует через личность и разум человека. Сознание и личность – лишь лучики организованной материи, противостоящие массиву «хтоничес-ких» энергий человеческого бессознательного.

Чему бы ни учили нас философия и наука прошедшего века, мы все равно не в силах принять, что главными энергиями, которые управляют нашей душой, являются *половой инстинкт, рефлекс или импульсы агрессии*.

Наша жизнь все равно оказывается поиском смысла *своего* собственного существования. Такой поиск Ницше

считал стремлением к «аполлоническому началу», а автор этой книги называет метафизической потребностью, которую считает началом *христианским*.

Наркотические экстазы со времен Древней Греции и до наших дней будут по-прежнему принадлежать «дионисическому» – женскому, бессознательному, стихийному, непредсказуемому – и родовому началу человеческой природы. Начало это от наркотиков, как таковых, не зависит. Оно может подниматься из глубин души безо всякого их участия.

Но галлюциногены помогают человеку *забыть себя* – вновь стать животными. Именно поэтому жрецы так боялись попадания секретных растений в руки профанов, а секреты галлюциногенных напитков прятались в стенах храмов.

Все это так, скажет искушенный читатель. Но почему же тогда Ницше и Иванов – величайшие поэты и мыслители своего времени – относились к «дионисическому» началу как к чему-то положительному? Каждый из них, пользуясь своими терминами, считал мистерии, подобные Дионисо-вым, лекарством от вечного противоречия человеческого духа – противоречия между добром и злом, Богом и хаосом.

Быть может, ответ кроется в том, что они ощущали и, как истинные поэты, отражали в своем творчестве главную тенденцию человеческого духа и культуры своего времени – *их*

78

бегство от «аполлонического» сознания к «дионисической» первобытности.

Может быть, именно за преклонение перед «дионисической» стихией Ницше и поплатился своим разумом?

Возможно, что-то похожее произошло и с миллионами поклонников «мессии» LSD?

Проявления «дионисического» в культуре XX века мы и будем иметь в виду в этой книге, используя вместо термина Ницше его *современный синоним* – слово «*психоделия*».

РОЖДЕНИЕ LSD-25

В 1938 году швейцарский фармацевт Альберт Хофман исследовал алкалоиды спорыньи в лаборатории фирмы «Сандоз». Он занимался поиском средств для облегчения схваток у рожениц (связь галлюциногенов с женским началом мира иногда просто поражает).

За несколько предшествующих лет Хофман постепенно синтезировал много различных соединений, содержащих главный алкалоид спорыньи – лизергиновую кислоту. 25-е из вновь полученных веществ называлось тартрит ди-этиламида d-лизергиновой кислоты. В его структуре к чистому алкалоиду были искусственно добавлены метиловые группы. На бутылке с этим экспериментальным соединением значилась пометка «LSD-25».

Реактив уже прошел проверку на лабораторных животных и, не вызвав никакого особого внимания ученого, был лишь отмечен им в отчете как завершение синтеза вещества. Неизвестное доселе химическое соединение занесли в каталог и поместили на полку хранилища.

На этой полке вещество хранилось еще 5 лет. *То были 5 самых страшных лет в истории Европейского континента.*

В 1943 году Хофман решил перепроверить результаты своих довоенных исследований. Во время введения крысам ученый случайно просыпал небольшое количество лабораторного вещества на тыльную сторону ладони. Как стародавняя ведьминская мазь, LSD-25 всосался через кожу, и Хофман оказался вынужден вскоре прервать работу.

Вот как он описал свои ощущения:

«•-В районе 12 часов я пошел домой, чувствуя необычную оживленность, сопровождаемую небольшим голово-

79

кружением. Дома мне захотелось прилечь, и я погрузился в очень приятное состояние, характеризующееся резко усиленным воображением. Состояние было похоже на сон. Я лежал с закрытыми глазами и наблюдал, как привычные образы моего сознания постепенно превращаются в непрерывный поток фантастических картин, похожих на описания сюрреалистов. Я видел, как обычные предметы в моем воображении превращаются в необычные геометрические формы с необыкновенно яркой калейдоскопической игрой красок».

Хофман понял, что его необычные переживания являются следствием попадания на кожу нового реактива, и решил проверить это предположение.

При первом эксперименте он принял 250 миллиграмм вещества, что тогда считалось крайне низкой дозой вообще любого лекарства (обычная, вызывающая галлюцинации при приеме через рот доза колеблется от 25 до 125 мг активного вещества). В своем журнале отчетов он написал:

«Появилось головокружение, возбуждение и беспокойство, нарушение восприятия, симптомы паралича, желание смеяться».

В этот момент действие наркотика настолько усилилось, что ученый больше не мог писать. Участвующий в исследованиях ассистент проводил Хофмана домой. Последующий отчет он написал уже после окончания первого в истории LSD-«ТрНна»:

«По пути домой мое состояние начало принимать угрожающие формы. Абсолютно все, что попадало в поле моего зрения, качалось, плыло волнами, воспринималось как отражение в кривых зеркалах. После нашего прихода домой я едва-едва сумел попросить моего ассистента пригласить нашего семейного врача... После этого вся окружающая меня обстановка преобразилась угрожающим образом: все в моей комнате приняло гротескные, устрашающие формы. Все кружилось, все находилось в постоянном движении, все стало одушевленным. Предметы приходили в движение, как будто они обладали внутренней нетерпеливостью. Мне принесла молоко женщина, соседка, которую я с трудом узнал. Она не была больше миссис Р., а стала злобной коварной ведьмой в разноцветной маске. В первый момент ее появления я весь сжался от страха и попытался забиться под кровать, но кровать меня не пустила...»

Несмотря на то что этот первый в истории LSD-трип» сопровождался устрашающими галлюцинациями и тревожным эмоциональным фоном, позже в отчете Хофман написал, что ему «в целом понравились галлюцинации и вызванные ими изменения процесса мышления».

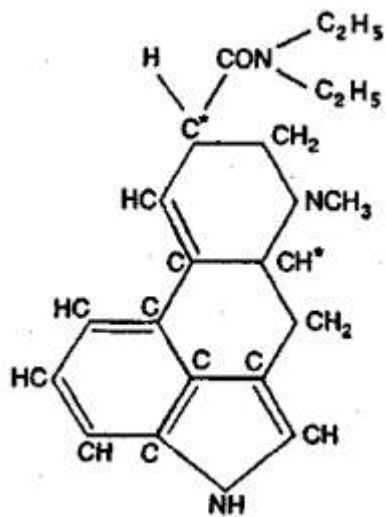
Хофман поставил еще несколько экспериментов на себе и о результатах сообщил фармацевту В. Столлу, который участвовал в исследованиях спорыньи еще в 1938 году.

Интерес был настолько велик, что в 1944 году Столл организовал в целях научного изучения эффектов LSD первый сеанс на добровольцах, включая сюда и пациентов цюрихской психиатрической больницы.

Опубликованные затем в 1947 году материалы послужили основанием фирме «Сандоз» начать распространение LSD среди психологов и психиатров с целью применения в качестве препарата, способствующего *психоанализу*.

LSD И ОФИЦИАЛЬНАЯ МЕДИЦИНА

Результаты первых экспериментов Столла дали основание предположить, что наркотик в состоянии «*пробить брешь*» в защитных механизмах личности пациента, в его

«Портрет героя» – структура молекулы LSD

сознании и позволить потоку бессознательного проникнуть в область, контролируруемую психикой.

К началу 50-х годов LSD-25 стал достоянием официальной медицины. По лицензии фирмы «Сандоз» производством LSD занимались солидные фармацевтические компании по всей Европе, в том числе и в странах бывшего социалистического лагеря – Чехословакии, Венгрии, Польше, Югославии.

В те годы медицинское исследование LSD сводилось в основном к трем направлениям:

Во-первых, LSD, в реестре официальной фармакологии, использовался как лекарство для лечения депрессии и улучшения памяти у больных, страдающих амнезиями. Считалось, что галлюцинации LSD способны влиять на процессы регенерации памяти у людей, забывших под воздействием физической или эмоциональной травмы какую-то часть своей жизни (окончательно констатировать подобный терапевтический эффект никому, кстати, не удалось).

Уже знакомую нашим читателям по предыдущим книгам ошибку совершила и наркология. Несколько лет LSD в качестве лекарства широко применялся для лечения алкоголизма и зависимости от героина и кокаина. Но только к середине 60-х годов исследователи поняли, что у таких больных как ответ на прием LSD возникают другие, еще более коварные формы зависимого поведения.

Во-вторых, приблизительно с 1948-го по 1954 год LSD применялся в экспериментальной психиатрии в качестве препарата, способного вызвать у психически здоровых добровольцев «временное безумие». Так, ученые с помощью подобного конструирования психики надеялись продолжить исследования самого загадочного из описанных психиатрией заболеваний – шизофрении.

В некоторых странах прием LSD стал едва ли не нормальной процедурой в ходе преддипломной подготовки психиатра. Предполагалось, что опыт «трипа» поможет начинающему врачу *лучше понимать* своих психотических пациентов (эта проблема, к сожалению, никогда не волновала отечественную психиатрию).

К середине 50-х годов психиатры всего мира пришли к выводу, что LSD не вызывает специфических, характерных для шизофрении, изменений личности (так называемых синдромов первого ранга по Курту Шнайдеру), а

82

характер галлюцинаторных переживаний при приеме LSD имеет иную, чем при психической болезни, природу.

Мы с вами сможем убедиться, что эти симптомы проявились не в самом «трипе», а в его влиянии на культуру.

В-третьих, с конца 40-х годов в официальной медицине начало набирать силу новое направление психоанализа, получившее название «LSD-терапия».

Истоки этой формы терапии – в первых отчетах о LSD В. Столла. Она занималась исследованием LSD-«трипов» своих пациентов, точно так же, как Фрейд и его последователи исследовали сновидения обратившихся к ним больных.

Точно так же LSD-терапевт, для того чтобы получить право на использование своих знаний на практике, должен был пройти через серию приемов LSD. Правда, если в случае классического психоанализа на это тратился примерно год, то LSD-терапевту для «инициации» было достаточно пять раз принять LSD самому и около тридцати – участвовать в «трипах» пациентов под руководством уже практикующего коллеги.

Во время такого терапевтического «трипа» опытный терапевт-проводник играл еще одну очень важную роль – *управлял ходом переживаний пациента*, препятствуя тем самым «сорваться» в пропасть страха и безнадежности.

Фактически, LSD-терапевт осуществлял функции шамана культа «бвити», координирующего с помощью магических песен эффект принятой аборигеном аяхуаски.

Именно LSD-терапия породила неписанный закон психоделических 60-х – *никогда не принимать LSD в одиночку, дабы избежать невыносимых подчас переживаний, способных привести к сумасшествию или самоубийству.*

Исследования по LSD-терапии доказали еще один факт, хорошо знакомый нам по предыдущим главам: человек, находящийся под воздействием LSD, *почти абсолютно внушаем* для любого находящегося рядом партнера: LSD-терапевта или более опытного «психонавта».

Появился даже специальный термин: «*предпрограммирование* и ситуация» (set and setting). У нас он иногда переводится как «*создание установки*». Понятие «установка», вообще, пришло в медицину из LSD-терапии.

Выяснилось, что переживания пациента во время LSD-«трипа» зависят от концепции, которую ему предлагает врач {*то есть от предварающего внушения*}, и от психоло-

83

гических ожиданий больного и людей, которые окружают его как во время самого сеанса, так и в обычной

жизни. Были описаны техники предварительного «программирования» «трипов».

Кроме того, пациент и сам оказывается способен научиться управлять галлюцинаторными образами. Он может, под руководством опытного терапевта, разыгрывать целые спектакли из своих галлюцинаций и «отрегулировать» таким образом свои детские страхи и невротические фиксации.

Такого рода терапия с участием LSD была названа английским юнгианским психоаналитиком, одним из пионеров исследований LSD, Рональдом Сандисоном, «психолитичес-кой» терапией. Корень «dysis» подразумевает **растворение** бессознательного конфликта (слово передает характерное «водное», «женское» начало, свойственное описаниям наркотического трипа, и мы будем в дальнейшем часто использовать это понятие).

Для многих пациентов «растворение» конфликтов в LSD-втрипе стало привычным явлением. Сандисон первым из терапевтов обратил внимание на то, что «несмотря на отсутствие объективных данных о болезненном привыкании к LSD-25, на прием обращается одна и та же ограниченная группа пациентов...».

Похоже, присутствует какая-то иная форма зависимости, не входящая в традиционные медицинские представления о болезненном привыкании. Может быть, и здесь мы сталкиваемся с зависимостью не столько от химического вещества, сколько от интеллектуального интереса к такого рода переживаниям, с одной стороны, и от «set and setting» – *внушений и установок врача – с другой!*

Иную форму терапии с помощью LSD – «психоделическую» обосновал самый известный в нашей стране LSD-терапевт и также юнгианец Станислав Гроф. Главной целью своей терапии он считал:

«...объединить LSD-переживания и события личной жизни пациента в одно целое».

Если сформулировать эту мысль уже привычным нам способом, она прозвучит примерно так: *нужно выпустить галлюцинации в реальность, сделав так, чтобы иное было неотличимо от нашего.*

Вот как Гроф описывает стадию «предпрограммирования»:

84

«Во время подготовительного периода, длившегося обычно от 15 до 25 часов до принятия LSD, врач изучал прошлое пациента, помогал ему осмыслить симптомы заболевания и *обсуждал с ним его философскую и духовную ориентацию* (курсив мой. – А.Д.). Он давал пациенту основную информацию о действии LSD и логическое обоснование лечения».

Но вот этично ли врачу, пусть и психотерапевту, «обсуждать философскую и духовную ориентацию» пациента, а если да, то с каких позиций: атеистических, мистических, религиозных?

Обратите внимание: до «психоделической революции» отцы LSD-терапии занимались психоаналитической практикой в юнгианской традиции. Скорее всего, мечты сюрреалистов, алхимиков и... Карла Юнга о «волшебной таблетке», открывающей сознание человека на откуп языческому, и являлись основой особой психиатрической духовности в XX веке.

И еще один вопрос: если «духовное обсуждение» входило в «предпрограммирование» сеанса терапии, то не могло ли оно, за счет резко повышенной внушаемости пациента, **не направлять, а полностью определять** ход переживаний во время LSD-втрипа)?

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ «ПСИХОДЕЛИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Не существует психических феноменов, которые являлись бы абсолютно новыми. Каждое движение человеческой души в той или иной степени обусловлено, имеет свою, внутреннюю логику и свою историю.

Судя по некоторым литературным источникам, галлюциногены к середине 60-х годов регулярно принимали... около 10 000 000 человек. Почему это произошло?

В истории XX века (почти как в марксизме) можно обнаружить множество примеров «психоделии» без использования химических веществ. Давайте рассмотрим по крайней мере «три источника и три составные части», подготовившие психологию к «психоделической революции», сделавшие ее возможной.

Первым источником, подготовившим всплеск духовной анархии 60-х, был салонный спиритизм и оккультизм.

85

Блаватская и Штайнер, Папус и Бадмаев создали в первые десятилетия века моду на «таинственное». Их учения, в которых фигурировали элементы из иных, запредельных миров, незаметно подминали под себя последние остатки здоровых духовных запретов и традиционного – для последних двух тысячелетий – понимания смысла жизни.

В высших кругах русского общества на рубеже XX века считалось неприличным ни разу не побывать на спиритических сеансах, так же как не состоять, скажем, у масонов или в членах оккультного кружка.

Такого рода кружки существовали, разумеется, не только в России. Более того, в Европе они были изначально связаны с «растительной магией», а стало быть, и с наркотиками.

В 1920 году знаменитый «черный маг» и глава оккультного ордена Алистер Кроули снял для своей секты на Сицилии небольшой рыбацкий домик, который стал называться «Телемское аббатство». Через полгода в «аббатстве» погиб Рауль Лавдей – ближайший помощник и ученик Кроули. Жена Лавдея сообщила одной из лондонских бульварных газет, что «муж погиб в результате непрерывного четырехмесячного приема наркотиков и отвратительной сексуальной магии».

Разумеется, мы не можем в масштабах этой книги пытаться подробно анализировать ту, существующую на протяжении веков, духовную тенденцию, для обозначения которой мы, не совсем верно, используем общее название «масонство».

С точки зрения автора, вызывающие смутный, смешанный с любопытством страх понятия: «розенкрейцерство», «масонство», «оккультизм», «тайные общества», «мистические секты» и т. д. – являлись лишь разными описаниями существования в человеческой культуре «дионисического» – *развоплощающего* начала. Забегая вперед, можно даже сказать, что эпидемия LSD являлась, с нашей точки зрения, лишь одной из попыток сделать

знания, которые столетиями считались «тайными», всеобщим достоянием.

Эпидемия спиритизма и в России, и в Европе была *первой* в истории Нового времени подобной массовой попыткой вернуть в *устоявшиеся христианские общества языческую религию* предков.

86

Еще к середине XIX века спиритические фенсыены проявились в Северо-Американских Соединенных Штатах (там же, где через 100 лет случится и «психоделическая революция») – причем в эпидемическом, массовом порядке. В 1852 году там насчитывалось до 30 тысяч медиумов и несколько миллионов убежденных спиритов.

Из США в эти годы спиритизм стремительно перекочевал в Европу и Россию, превратившись и здесь в массовое социальное явление. У нас нет статистических данных, однако знаменитый московский спирит В.П. Быков, ставший затем одним из самых последовательных борцов со спиритизмом, писал об «эпидемической силе» распространения этих феноменов в России. Уже в 1853 году митрополит Филарет Московский счел необходимым выступить с публичным обличением спиритизма.

На всемирном конгрессе спиритов в Бельгии в 1910 году количество организованных в общества спиритов исчислялось в 14 000 000 человек, а число сочувствующих, принимавших участие в экспериментах и собраниях, но еще не вступивших в конкретные кружки, — еще в 10 000 000 человек.

Количество спиритических кружков в России в те же годы, по данным Быкова, превышало 3,5 тысячи, из которых на долю Петрограда приходилась тысяча, а на Москву. – 672.

Спиритизм, то есть контакт с духами умерших и расшифровка проявлений таких контактов в реальности, стал организованным религиозным движением после того, как в 1858 году некий Ипполит Ривайль, взявший себе псевдоним Аллан Кардек, написал шеститомное произведение, содержащее в себе основы философии спиритуализма.

В целом учение это сводится к следующему.

Вселенная разделена на два «плана». Первый – это план незримых духов, которых Кардек называет духами *невоплощенными*. Второй план – духи *воплощенные*. Именно воплощенными духами, собственно говоря, и являются люди. Судьбами их управляют невоплощенные сущности первого плана. Бог есть, но злых духов нет. Все безграничное пространство между Богом и человеком заполнено душами умерших людей. По степени духовной эволюции, которую эти души прошли как на Земле, так и в других невидимых мирах, они разделяются на сущно-

87

сти низшие, чуждые явлению самосовершенствования, и высшие.

Люди, мало сведущие в спиритуализме, считают низших – демонами и Сатаной. Души умерших постоянно воплощаются и перевоплощаются. Каждый из нас уже неоднократно был во плоти. Целью перевоплощений является исправление несовершенства своего прежнего бытия в человеческом теле. Вполне совершенные – могут *посылаться в новое тело* только с миссионерской целью дальнейшей проповеди спиритизма.

Первое время адепты этого учения весьма осторожно высказывались по поводу христианства. Но уже в посмертных статьях Алана Кардека в 1871 году божественная природа Христа прямо отвергается. Ближайший ученик Кардека Леон Дени утверждал, что Христос был одним из великих медиумов и что таковым может сделаться каждый спирит.

Интересно, что занятия спиритизмом считала вредными для души не только христианская церковь, но и, казалось бы, близкие ему по духу оккультисты и теософы.

Вот что писал французский оккультист Элифас Леви:

«Всякое вызывание какой-либо неизвестной нам и чуждой духовной сущности, стремящейся дать нам свое направление взамен нашего разума и свободной воли, может быть рассматриваемо только как интеллектуальное самоубийство, ибо это призыв к безумию».

Автор чрезвычайно авторитетной в среде русских оккультистов книги «Свет Египта» Томас Генри Бургон писал, в частности, вещи еще более созвучные нашей книге:

«Необходимое условие всякого транса или физической медиумичности заключается в пассивности. Главный опасный пункт в этих формах медиумичности – разрушение индивидуальности. Процесс развития этой медиумичности сопровождается разрушением воли. Такое разрушение воли – величайшее несчастье медиумизма».

Не обсуждая здесь степень реальности или нереальности спиритических переживаний, вернемся к упомянутому выше Владимиру Павловичу Быкову, 25 лет проводившему собственные опыты, издававшего несколько спиритических журналов и наблюдавшему огромное количество людей, по его же собственным словам «разрушающих свою душу этим утонченным способом».

88

Так вот, он категорически отрицает реальность спиритических явлений: «Этого общения (с духами. – А.Д.), по желанию спиритов и по способам и методам, ими рекомендуемым, не существовало, не существует и никогда не будет существовать». Происходящее на спиритических сеансах, по мнению В.П. Быкова, обусловлено тремя причинами:

1. «...Вследствие различных болезненных состояний и еще не изученных процессов человеческой психофизиологии».

2. «...В чрезвычайно сильной степени – спиритические явления представляют бесконечный ряд обманов и подделок, то есть относятся к области фокусов».

3. Наконец, – эту часть явлений Быков считает самой существенной, – спиритические феномены есть дело «силы сатаны» и его планомерной политики».

Если «вселение духов» в человека рассматривать с точки зрения современной психиатрии, то иначе, чем *галлюцинациями*, этот процесс никак не назовешь, но никакие наркотики или ведовские растения в формировании подобных обманов восприятия участия не принимали.

Как видите, обсуждая спиритизм, мы сталкиваемся с каким-то сложнейшим духовным процессом, напрямую связанным с непримиримой борьбой с христианским мировоззрением. Процесс этот ставил своей задачей *привлечение в структуру реальной человеческой личности иных, загадочных, духовных сущностей*.

Последние во многом служат замещением человеческой воли. По Мнению адептов спиритизма, именно эти сущности, а не сам человек ответственны за его судьбу и поступки. Целью медиумов, главных персонажей спиритического сеанса и своего рода посредников между духами и присутствующими на нем людьми, является хоть и временная, но полная *замена своей личности* на некую чуждую духовную сущность.

Более того, именно эта *потребность перенести ответственность за свою судьбу на «плечи» духов умерших* и явилась, по мнению В.П. Быкова, причиной столь массового распространения спиритизма.

«Сущности» спиритизма до боли схожи с «триптамино-выми сущностями» Т. Маккены. Вызывание духов умерших людей с помощью медиумов или столоверчения представляет собой действие, едва ли не тождественное ритуалам ин-

89

дейцев, общающихся с духами природы и предками с помощью галлюциногенных растений. Похоже, что мы сталкиваемся с одним и тем же феноменом – воспоминанием коллективного бессознательного человечества, которое Юнг назвал архетипом «кабири». Индейцы используют аявазку, а спириты... экстатические эмоции и собственную внушаемость.

Медиум – почти полный аналог шамана, но только в условиях европейской культуры.

Было одно лишь различие. Оно, на наш взгляд, заключалось в том, что большинством участников спиритические сеансы воспринимались *как модный увлекательный аттракцион*.

Спиритизм первым в истории культуры вызвал новое отношение к религиозным духовным феноменам. Участники спиритических сеансов относились к ним *как к развлечению – необычной игре*.

Игра (в смысле заведомой несерьезности) отличается от обычной деятельности тем, что подразумевает *отсутствие подлинной ответственности играющего за результаты своей деятельности* во время игры. Из-за отсутствия ответственности *в ней нет места для страха*. В период игры мир становится проще, реальность, а стало быть, и *последствия взаимодействия с ней личности* ограничиваются искусственными «полем» и «правилами». Реальность в игре заменяет ее *упрощенная модель*.

Упрощение мира приносит радость, отвлекает от реальности. Человек участвует в игре с удовольствием. Именно поэтому она всегда считалась идеальным «транспортом» новых знаний в человеческую культуру (именно компьютерные игры сделали сложнейший прибор частью повседневного быта).

Страха (в подлинном, серьезном смысле слова) «вызванные души» почти не вызывали (если не считать «сладкого ужаса» от тайных, испытываемых внове ощущений). Всерьез спиритизм воспринимали лишь относительно немногочисленные адепты (которых, кстати, общество считало вполне сумасшедшими) и некоторые мыслители православной направленности, чувствовавшие в этой «игре» *скупающей интеллигенции* угрозу духовному *равновесию* нации.

Но через игру в спиритизм «духи» проникли в культуру! Именно благодаря давнему «шлейфу» этого увлечения

90

мы воспринимаем духов, «привидения» и «зомби» из фильма ужасов как нечто естественное, часть привычной *игровой*, но все же, заметьте, *реальности*, имеющей к нам непосредственное отношение. Наука, называющая себя парапсихологией, и вовсе уже не одно десятилетие обсуждает спиритические феномены как реальность...

Эпидемия спиритизма столетней давности незаметно преобразила отношение общества *к религиозным феноменам, к вопросам духовного познания, превратив все это в азартную игру, в развлечение, за последствия которых можно не отвечать*.

Пусть читатель не считает, что эпидемия спиритизма закончилась. Социальные опросы, проводившиеся в конце XX века, показали, что в Европе и США 20 000 000 человек считают себя спиритуалистами. Примерно 2 000 000 из них уверенно отвечают, что к вере в спиритизм их привел опыт приема LSD.

Спиритизм и оккультный мистицизм начала века укрепили еще одну не осознаваемую большинством населения психологическую тенденцию – сформировалась *потребность в «мгновенном озарении»*.

Игра, в отличие от мировоззрения, требует немедленных результатов, иначе пропадает азарт – ее главная составляющая.

Поиск «мгновенного озарения» – «инсайта», «кайроса» —станет, как мы увидим далее, одной из главных причин массового употребления галлюциногенов. Но существует и еще одна, неясная, связь между «игрой в духовное» и наркотиками.

Русский оккультист-теософ П.Д. Успенский считал разработанное им под руководством абхазского мистика Г. Гурджиева учение «четвертым путем духовности». Он говорил, что истинное духовное учение XX века (имеется в виду учение Г. Гурджиева) *«должно представлять из себя таблетку, которую ученик может лениво жевать во рту, лежа на диване, – истина откроется независимо от его усилий»*.

Елена Блаватская говорила, что ее книги являются *«таблетками от страха»*.

Мечта о «магической таблетке» возникла не в XX веке. В сущности, она лишь отзвук надежд средневековых алхимиков на обретение «философского камня».

91

Между прочим, алхимия и спиритизм даже в нашем веке не резко отличались друг от друга. Самые оригинальные и крупные отечественные труды по спиритизму оставили потомкам Бутлеров и Менделеев – два великих русских химика. Может быть, они чувствовали генетическую связь химии и магии?

Алхимия всегда подразделялась на два течения.

Одно из них было явным и занималось поиском средства для обращения «неблагородных» металлов в золото.

Называлось это «трансмутацией» (изменением природы) металла.

- Другое – тайным. В русле его деятельности был поиск средств для «трансмутации» души. Чтобы научиться превращать золото в металлы, душа самого алхимика должна была очиститься и превратиться в душу мага – преобразователя Вселенной.

Сам «философский камень» – по сути, то же, что мы сегодня называем «таблеткой», – волшебная палочка, прикосновение которой к металлу вызывает его превращение в золото.

Такая же «таблетка» была необходима алхимику и для того, чтобы преобразить душу. Главное направление поиска связывалось средневековыми алхимиками с получением «квинтэссенции» растения – вычлениением из его состава (посредством «алхимического делания») главного химического компонента.

Результатом поиска «философского камня души» явилось, например, получение крепких алкогольных напитков (мы расскажем об этом в отдельной книге) и открытие морфия как квинтэссенции опийного мака.

Однако сами алхимики постепенно убеждались в том, что действие отдельного компонента растения сказывается на человеческой душе губительно. Известный английский алхимик XIV века Сидурий Скотт писал: «Главное, братия, чтоб квинтэссенции эти не коснулись рук профанов – вспыхнет молния и погибнет и сок, и сам профан» (цитируется по русскому изданию 1785 года). Видимо, Скотт оказался прав...

Алхимические ожидания и игра в спиритизм формиро- вали «таблеточную» модель отношения к духовным знаниям. Открываешь книгу – получаешь просветление. Заплатил «духовному учителю» – обрел истину.

92

*Духовные откровения, толки о «мгновенном озарении» и т. п. превращались в игру, которая становилась все более и более **выгодным товаром...** На этом специфическом рынке появилась конкуренция. Возникла нужда в рекламе.*

В человеческом же сознании происходило неминуемое обесценивание любых, в том числе и религиозных, истин.

Как всегда, первым ощутило это на себе искусство.

Вторым источником, подготовившим почву для психоделической революции, стали искания художественной элиты столетия.

Один из основателей течения дадаизма Альфред Джери выразил предчувствие психоделии в своей книге «Страсть, считавшаяся увлечением высокогорными велосипедными гонками», увидевшей свет еще в 1894 году.

Герой книги ощущал какую-то силу, стоявшую за его безумным желанием кататься на велосипеде в горах. Он говорил: «Следующий век обязательно найдет простой способ прорваться к этой силе, прячущейся за моей страстью. Умные люди *найдут таблетку, которая сделает Бога понятным*».

В 1954 году англичанин Олдос Хаксли издал книгу «Двери восприятия». Эта книга была целиком посвящена интеллектуальному осознанию опыта приема мескалина (мы уже приводили цитату из нее). Хаксли определял в ней ощущения, вызываемые мескалином, как аналог художественного *гения*:

«То, что все люди способны видеть только под воздействием мескалина, художник, по природе своей, от рождения наблюдает постоянно.

Его восприятие не ограничено тем, что полезно природе или обществу» (выделено мной. – А.Д.).

В своей книге Хаксли описывает творчество художника как высшую и потому абсолютно положительную ценность, как, впрочем, и любую другую форму *«ничем не ограниченного восприятия»*.

Но возможно ли в принципе восприятие, которое *не ограничено ничем* ?

Не потеряет ли такое восприятие содержание и смысл?

*Может быть, восприятие всегда и принципиально чем-то ограничено, но критерии этого ограничения в каждом случае – **разные?***

93

Вот что писал в сюрреалистический период своего творчества Пикассо:

«...Рисовать – значит разрушать... Творчество – это, прежде всего, акт разрушения. Художник – это тореедор (вспомните, коррида – остаток культа Митры – Диониса. – А.Д.); его задача – это прекрасное убийство объекта творчества... Я рисую женское тело, как хирург, который разрезает его на составные части...»

Кажется, -что эти высказывания Пабло Пикассо – одна из самых лучших характеристик художественного творчества XX века.

Но разве такое восприятие творчества художником можно считать *ничем не ограниченным*!

Или это род *иного* ограничения? И что-то, несомненно, способно все-таки проникнуть в мир и через открытые художником двери восприятия, а не только под влиянием ведьмовских мазей?

«1924: в этом числе, волочащем за собой полную урожая рыб-лун сеть, в этом числе, разукрашенном катастрофами, бедствиями и провалами, со странными звездами в волосах, *зараза сна* распространяется по кварталам и деревням».

Луи Арагон, Волна снов

За 40 лет до психоделической революции произошла другая «революция» – *сюрреалистическая*.

Давайте откроем первый «Манифест сюрреалистов», увидевший свет в том же 1924 году.

«...Одним словом, наш мир – это мир Разума, ставшего теоретическим и практическим разумом нашей культуры. Можно сказать, что это мир первичных состояний, противопоставленных состояниям вторичным.

*Подавленных же сил, к которым надо обратиться, чтобы **одновременно обрести и истину и дыхание**, – много, и зовут их – Воображение («Прекрасное воображение/ Больше всего мне нравится в тебе то, что ты не умеешь прощать»), Свобода («Только свободное слово еще воодушевляет меня»), Чудесное («Скажем раз и навсегда: чудесное всегда прекрасно, любое чудо прекрасно и только чудо-то и прекрасно»), Сон и Мечта, Бессознательное (и даже галлюцинация) и Безумие».*

Не правда ли, всюду встречаются странно знакомые понятия: сон, расчлененное женское тело, безумие, галлюцинация?

Не «психонавты» 50-х, даже не спириты, а художники начала века объявили своей главной программной задачей *борьбу с разумом*.

Весь век пройдет под знаком этой борьбы...

В контексте наших размышлений важно понять, что на рубеже XX века «дионисические» понятия, еще недавно связанные с определенными запретами, вдруг стали вызывать пристальный, почти болезненный интерес. Причем не только со стороны упомянутых здесь сюрреалистов. Последние лишь *выразили суть* влечения культурного сознания общества к проблемам пола (инстинкта), *сна и безумия*. Вся русская поэзия серебряного века, например, была обуреваема теми же темами и настроениями.

Почему, скажем, образ *закрытой двери* стал одним из ведущих символов всего нового искусства XX века, от Модильяни до сюрреалистов и Пикассо?

Почему в телах изображенных на картинах Сальвадора Дали *женщин* «прорублено» такое количество квадратных проемов?

Почему в образы женских тел «вставлены» дверцы и ящички?

Это «*образы раскрытых дверей подсознания*» – отвечал сам Дали.

«Расширение познания, открытие его дверей ощущается как освобождение жизни. Нужно прорубить дыры в познании. Требуется удовлетворить человека, от дня ко дню все больше недовольного своей судьбой».

Из того же «Манифеста сюрреалистов»

По-прежнему не ясны лишь два вопроса.

Во-первых, *Кто* или *Что* прячется за этими дверьми?

И во-вторых. Если мы этого не знаем, то как же с помощью этого «незнаемого» будем удовлетворять человека? Или ему все равно, *чем* удовлетворяться, *было бы только само это участие в удовлетворении, а смысл и цели – не важны. Так это же и есть наркотик...*

Дали, конечно, был уникальным художником, возможно, в чем-то и гениальным, а гений – это всегда предви-

С. Дали. The Weaning of Furniture-Nutrition. 1934 Само название этой знаменитой картины: «Отнятие от груди и перевод на мебельное (фурнитурное, «ручное») вскармливание» – вызывает массу ассоциаций с порочностью, «испорченностью» женского начала

дение и всегда искренность. На его картинах человеческие фигуры, в которых «прорублены» двери, *явно не испытывают удовлетворения...*

Зато они точно испытывают страх. Это страх от проникновения в душу неведомой силы, которая жесточайшим образом искажает их тела и сам тот мир, в котором они существуют. Если картины Дали подразумевают являющиеся нам сны, *то это кошмарные сны цивилизации.*

В области живописи до явления дадаистов и сюрреалистов *властвовал смысл*: идея и исполнение. Картина имела сюжет, а если и не сюжет, то конкретную изобразительно-символическую задачу. Творчество передавало *что-то, пы-*

талось чему-то научить. Живопись находилась в контексте существовавшей вокруг художника культуры.

До самого начала XX века смысл, а зачастую и контекст живописи был христианским. Во всем присутствовал христианский Логос.

«Прорыв» традиции состоялся, но в сторону *от присутствия* в искусстве смысла, неотъемлемого от целых веков европейской цивилизации. Художник больше не обязан был ставить перед собой задач, которые поддавались бы прямому прочтению и осмыслению.

Своим «спонтанным письмом», или «живописью вне сознания», сюрреалисты не просто постулировали эстетическую задачу – они стали заносить на холст и бумагу буквально те образы, что спонтанно (без отбора) приходили в голову. Тем самым – избавившись от «фильтра разума» – они пытались вызвать «неограниченный, стихийный поток восприятия, лишенного всяких преград»... Они пытались *перестать быть собой*, уничтожить взаимоотношения личности и того, что она рисует. Рукой художника отныне должна водить какая-то иная сила.

Их задачей было превращение живописи из «аполлонического» искусства в «дионисическое».

Сальвадор Дали. Фигура с ящиками. 1934

4 А. Данилин «LSD»

Выходит, встававшие перед художниками и спустя полвека перед поклонниками «мессии LSD» задачи были абсолютно одинаковыми.

Сюрреалисты создали невероятно шокирующие образы. Они первыми начали открывать двери «новому восприятию» – ровно за 30 лет до упоминавшегося здесь Хаксли, «вооруженного» мескалином.

Безумие и его inferнальные образы, несколько столетий назад вызывавшие у христиан неподдельный ужас, легально вошли в двери нашей культуры и из фактов искусства постепенно стали преобразовываться в повседневность.

Образы сюрреалистов создали *готовность современной культуры* воспринимать психоделические галлюцинации как что-то вполне естественное, давно ожидаемое и знакомое.

Однако с сюрреалистами все было не так просто. Они искали способы прорыва к иному миру не только с помощью «спонтанного рисунка». Художники стремились получить доступ к тому, что Луи Арагон определял как «скрытую реальность», которая «дает вопрошанию человека возможность обновиться в ней; то, чего он был всегда лишен в бренном мире, – источника воды, которую он жаждет».

Вероятно, Арагон даже не задумывался о том, что, говоря об «источнике воды», он пользуется христианской метафорой. Арагон не учитывал предупреждения Спасителя – «не из всякого источника пейте».

Христианство было не в чести. «Источник» для вдохновения искали в «помутнениях человеческого разума». Гипноз, например, представлялся сюрреалистам вполне оправданным инструментом для этих целей.

В 1922 году группа художников проводит эксперимент, который в текстах сюрреализма называется «Сны». В один из сентябрьских вечеров член группы Рене Кревель подвергается экспериментальному гипнотическому сну, о чем и извещает своих друзей, котрые решают проводить совместные сеансы гипноза. Они проходят в студии Андре Бретона, в доме № 42 по улице Фонтен. На первом этаже дома – кабаре «*Рай и ад*»; в доме напротив – еще одно, с названием «*Небытие*».

В экспериментах будут участвовать все художники, но героем опытов с гипнозом станет поэт Робер Деснос.

98

Введенный в гипнотическое состояние, Деснос будет говорить, писать, рисовать и разговаривать с окружающими.

Вот как Арагон вспоминает о Десносе в «Волне снов»:

«В кафе, в шуме голосов, при ярком свете и толкотне, Роберу Десносу достаточно было закрыть глаза, и вот он уже говорит, и среди пивного дыма словно вдруг обрушивается на головы, с пророческим грохотом и клокотанием, Океан... Из неведомой, крошечной глубины исходят эти откровения; в них чувствуется революционер, древний фанатик, апостол...»

Гипноз это или самогипноз – во всяком случае, игра становится уже серьезной. Серьезной настолько, что покончить со всем этим Бретон решает в конце 1923 года. Причиной послужило следующее: во время одного из сеансов Деснос в сонном трансе схватил нож и бросился с ним на Элюара, и Бретону с Максом Эрнстом остановить его удалось с трудом.

«Как правило, в таком состоянии Деснос становился крайне агрессивным. Часто повторяемые опыты приводят к постоянному раздражению и крайней возбудимости. Испытуемые худеют. Их сон длится все дольше. Они не хотят, чтобы их будили. Засыпают, если видят, что кто-то спит; и во сне продолжают двигаться, ведут себя, точно они из какого-то иного мира. Иногда приходится вырывать у них из рук нож. Губительные физические последствия и то, что почти невозможно в обычных условиях вывести из подобного каталептического состояния, – все это заставляет по-иному взглянуть на необыкновенный эксперимент; и уже те, кто вчера еще, небрежно облокотившись на перила, взирали на происходящее, – сегодня настоятельно требуют прекращения», – записывает Арагон.

Поразительно, но с Десносом происходит то же самое, что и со многими медиумами и спиритами. В своем «гипнозе», который сегодняшний психолог определил бы как аутогенный транс (или спонтанную медитацию), художник пытается расширить границы личности, выйти за пределы обычного восприятия. Взамен – *получает истощение и вспышки немотивированной агрессии*. Бретон прекращает эксперименты, потому что чувствует, куда они ведут, – к подлинному безумию.

Однако публика вокруг всего этого не знает. Для нее лишь важна эта шокирующая новая эстетика «открытого

99

" сознания». Постепенно частный художественный идеал становится привычным – сюрреализм становится формой массового сознания.

Галлюцинации, сошедшие с картин и вышедшие из поэтических сборников, скоро буквально оживут под воздействием LSD. К новым зрительным образам привыкают, они перестают казаться опасными.

Кроме того, разумеется, существовали и всегда будут существовать прямые контакты «дионисической» живописи и наркотиков. Дадаисты открыли для культуры Томаса де Квинси с его опийными грезами, а сюрреалисты провели невероятное количество экспериментов не только с гипнозом, но и с марихуаной в качестве средства «открывания» дверей творчества. Современная критика с большой неохотой признает, что в специфических художественных открытиях сюрреалистов «повинны» не только фантазия и сеансы гипноза, но и эксперименты с гашишем, ибogaином и, позднее, пейотой.

Третьим источником, подготовившим «психоделическую веру», была... медицина, точнее, та ее область, в прерогативу которой входили болезни души – психиатрия.

Какую роль на протяжении истории человечества играла профессия врача? Гиппократ, например, считал, что главной задачей врачевания является преодоление боли. Однако Гиппократ был жрецом божества Асклепия, покровителя медицины, и в том, *какую боль нужно лечить, а какую человек должен преодолевать* усилием собственной воли, исходил из откровений сдрей религии.

Ибн Сина, известный в Европе как Авиценна, расширил понятие боли и описал главную задачу врача как

избавление человека от страданий. Однако Авиценна был мусульманином и одним из учителей суфизма – тайного мистического учения в структуре ислама. Определяя, что есть страдание, он опирался на Коран.

У медицины XX века уже отсутствует подобная духовная опора.

Материализм, как таковой, здесь абсолютно беспомощен. Принимая то или иное решение, врач может ориентироваться лишь на собственное «моральное чутье», которое – условно – считается непогрешимым.

Взять, положим, ту же боль. Она является защитным механизмом человеческого тела при адаптации (приспособ-

100

лении) к внешней среде. То есть боль – сигнал того, что некоторое действие неприемлемо для тела. Если мы дотрагиваемся рукой до раскаленного утюга, то испытываем боль и отдергиваем руку. Если боли не возникает, нет и необходимости отдергивать руку, а значит, наша плоть будет медленно сгорать.

Значит, от боли, как от феномена, человека полностью избавлять нельзя – он погибнет. Как же все-таки определить, какую боль необходимо лечить, а какую – нет?

Аналог такой физической боли, но уже в человеческой душе, называется депрессией. *Депрессия – одно из нормальных состояний нашей психики.* Если мы поступаем или ведем себя неправильно, то испытываем душевную боль – депрессию. Она – сигнал того, что в нашей жизни что-то не так.

Преодолевая эту боль, мы учимся поступать правильно, уже не в мире физических объектов, но в обществе других людей.

Если, например, у меня умер близкий человек, то я должен испытывать депрессию. Посредством ее я соотношу себя с потерей близкого. Все это время во мне перебегают мысли о жизни и смерти, и я учусь жить дальше вместе с этими мыслями, притом что отсутствие любимого существа тоже включено в их строй.

Если же в подобном случае я не испытываю депрессии, то, по всей видимости, я ненормален – в моей душе существует дефект нравственного чувства, недостаток способности к *состраданию*.

А если считать эту способность страдать и сострадать залогом моего развития как личности среди других людей, то отсутствие такой способности означает только одно: душа моя не развивается.

Даже более того, можно смело сказать: способность страдать и сострадать есть залог развития моей души.

Если я страдаю, значит, я чувствую, что я не прав. В результате страдания я понимаю, что мне необходимо измениться – углубить свои знания о мире или изменить свои реакции на окружающее. Значит, я ищу способы преодоления собственной неправоты, вызвавшей страдание. Моя душа развивается.

Если с помощью таблетки я избавлен врачом от любого вида душевного страдания, у меня просто не может быть повода для того, чтобы что-то менять в своей жизни.

101

Мне не нужно ничего понимать.

Меня не покидает чувство собственной правоты. Какое бы решение я ни принял, я ощущаю его как правильное.

Я не способен взглянуть на свои поступки со стороны.

Я не чувствую ударов судьбы, и мне не нужно их анализировать.

Я живу с абсолютно счастливой улыбкой на лице, из-за нее я не способен понять, что постепенно становлюсь идиотом...

Одним из главных заветов Христа, сущностью христианского учения, можно назвать возможность *понимания истины только через преодоление страдания*.

Поиск «магической таблетки» – это прямо противоположный путь. Это путь, ведущий свое происхождение от ереси гностиков, через алхимию, к магическим оккультным учениям XX века.

Это путь поиска «запретного чуда», которое прячется на той самой «дионисической» *темной стороне сна и безумия*, которая вызвала напряженный интерес в начале XX века.

Как отличить болезненную депрессию от состояний естественных и необходимых человеку для осознания и преодоления *страдания*? Можно, конечно, отделаться чисто «количественным» различием. У психически больных людей конкретно-психологических причин для депрессии найти не удастся или длительность самой депрессии не соответствует той объективной причине, которая ее вызвала.

Однако, читая эти строки, вы, наверное, уже чувствуете хлипкость такого рода объяснений. Ведь событие, не имеющее никакого значения с точки зрения врача-естественника, может быть необыкновенно значимым с точки зрения, например, человека глубоко верующего.

В требующемся критерии должна быть очевидна какая-то нравственная основа.

Но в эпоху, объявленную Ницше «эпохой сумерек богов», роль, которую во все предшествующие времена играл жрец или священник, современный *врач* вынужден был принять на себя...

В поисках критерия, с помощью которого болезнь души можно отличить от ее нормального, свойственного ей страдания, психиатры, сами того не заметив, пошли двумя различными путями.

102

Часть врачей начала создавать теории близкие религиозным. Профессиональные течения внутри «научной» психиатрии стали все больше и больше походить на секты...

Для рассмотрения этой проблематики нужна, очевидно, отдельная книга. Здесь же хочется лишь обратить внимание на то, что чем дальше новые течения уходили от христианской доминанты, тем больше они, часто незаметно сами для себя, скатывались в обиталище языческих богов и в дух язычества.

Главная задача психоанализа всегда была, по существу, той же самой, что и задача сюрреалистов: «раскрыть дверь» между бессознательным и сознанием.

По сути, это обозначало, что в «аполлоническое» «Я» должно проникнуть «дионисическое» знание.

В случае Фрейда эта задача была завуалирована тем, что в его модели бессознательного на поверхность

исследования выходил такой сугубо биологический фактор, как инстинкт продолжения рода. Фрейд хотел, чтобы человек встретился лицом к лицу со своим главным биологическим влечением – сексуальной потребностью и именно эту потребность осознал... как основное содержание своей души.

Но ведь именно это и сделали Адам и Ева в первый миг после совершения первородного греха!

Получается, что Фрейд пытался выступить перед культурой если не в роли змия-искусителя, то в образе яблока с Древа познания добра и зла. Но оно, по принятой в психоделической среде гипотезе, на самом деле было... галлюциногенным грибом.

Создатель психоанализа знал и писал о том, что за тысячи лет до него фактор полового влечения был главной цементирующей основой практически всех языческих культов и религий.

Ведущим в этих религиях было понятие рода. Священные животные – духи древних племен – воспринимались как *прямые* предки живущих ныне индейцев. Жизнь племени определялась тщательной регламентацией полового влечения внутри его. Приоткрытая Фрейдом завеса бессознательного способствовала возврату из небытия всего того, что так или иначе соотносится с *древними культурами рода*. Его учение вновь, спустя тысячелетия, сделало половое влеч-

103

чение одним из главных факторов, определивших культуру XX века.

Благодаря Фрейду, секс и его символы вновь стали «богами» для цивилизации.

Его первый и ближайший ученик (а чуть позднее, и ближайший противник) Карл Густав Юнг уже, не вуалируя, совершенно четко назвал вещи своими именами. *«Мы должны выпустить древних богов человеческой культуры из забвения коллективной памяти»*, – писал он.

Юнг обнаружил в общечеловеческом бессознательном живых богов древних культов, богов конкретных, с образами и именами. Врач Юнг считал показанным, в целях избавления человечества от страданий, возврат к культуре... языческих богов. Ричард Нолл в конце века написал книгу, в которой доказывал, что Юнг всю жизнь стремился создать отнюдь не новое направление в психологии – *он создавал оккультную секту*, считал исследователь.

Психоанализ открывал путь *назад* к духовному прошлому (и не скрывал этого!). И именно поэтому, как никакое другое направление в психологии, психоанализ изучил структуру «дионисического» начала человеческой души. Не случайно для описания проблем, связанных с галлюциногенами, во всем мире пользуются терминами Карла Юнга, и наша книга – отнюдь не исключение.

Один из учеников Фрейда, создатель малоизвестного в нашей стране направления психоаналитической терапии, получившего название «микрпсихоанализ», итальянский врач Сильвано Фанти, подтвердил наш тезис совершенно неожиданным образом.

Фанти ни в чем, в отличие от Юнга и Адлера, не противоречил Фрейду. Его терапия отличалась от Фрейдовой *только* большей продолжительностью самого сеанса психоанализа (около 5 часов) и большей частотой встреч аналитика со своими пациентами. Это позволило доктору и его ученикам, как писал Фанти, «поднести к бессознательному пациента аналитический микроскоп». Интересно, что удлинить сеансы психоанализа автор методики решил в 1953 году – накануне психоделической революции.

Под микроскопом в глубине бессознательного Фанти обнаружил... *пустоту*. Поиск пациентом пустоты в глубине самого себя стал основой лечебной методики Фанти. Вот к каким выводам привело автора это открытие:

104

«пустота есть источник жизни.

Это открытие дает не только гарантию, основу и авторитет микрпсихоанализу. Оно показывает также, что ничто не имеет смысла, в том числе и человеческие знания, если не рассматривать их сквозь призму микрпсихоаналитического мировоззрения...»

Пустота – несомненный источник жизни, только существовала она до начала жизни. Она была прежде мига творения. Жизнь возникает в пустоте. Для того чтобы жизнь возникла, *пустота хаоса должна быть оплодотворена Логосом разума*. *Возврат к пустоте – это возврат к небытию, хаосу, к источникам страхов христианского мира*.

Ибо сказано: «Не из всякого источника будете пить».

«Источник», к которому припадает Фанти, абсолютно закономерно приводит его к следующим выводам.

«Тщательно взвешивая слова, я считаю себя вправе утверждать, что нормального человека не существует. Изучая тот вклад в науку, который был сделан долгими сеансами, я могу пойти дальше этого утверждения и заявить, что на низлежащем постоянном уровне

нормальный человек – это человек душевнобольной.

И, в свое время, он непременно даст волю и полную возможность развернуться своему безумству. Это та общая психическая данность, которая ежедневно подтверждается микрпсихоанализом. Она действительна как для психоаналитика, так и для псевдоаналитика, как для Папы Римского, так и для антипапы, как для короля, так и для анархиста».

Именно благодаря откровениям психоанализа, расстояние между психиатрами, художниками и «учителями оккультизма» с каждым годом XX века становилось все меньше и меньше.

В 1917 году, за год до окончания войны, Андре Брето-на приписывают психиатрическому центру 2-й французской армии и командируют в Париж на фельдшерские курсы. Здесь он интересуется работами знаменитого французского психиатра Пьера Жане, изучает сновидения, «бес-

105

контрольные идеи» – вообще его интересуют «помутнения человеческого разума». Два художника

сюрреалистической группы – Френкель и Буаффар – станут врачами-психиатрами. Макс Эрнст увлекается искусством сумасшедших, регулярно посещает психиатрическую больницу в Бонне. Именно он познакомил дадаистов с открытиями Фрейда; а о себе писал, что является *«его страстным и пожизненным иллюстратором»*.

Раз в новом веке врач, а не священник отвечает за душу своего пациента, то и мировоззрение пациента, обратившегося к врачу за помощью, должно быть схоже со взглядами специалиста.

Так способно ли мировоззрение врача-психиатра принести желаемый результат?

Еще в конце XIX века гипноз – лечебный сон, который на время сеанса лишает человека воли, – из медицинской манипуляции превратился в моду, и моды этой не избежали представители культурной элиты. Гипнозом пытались заниматься Волошин и Блок. Легендарные врачи-гипнотизеры Бернгейм и Шарко вызывали едва ли не религиозные почтения в среде тех же сюрреалистов и близких к ним художественных групп.

Может быть, на первый взгляд это незаметно, но гипноз – идеальная психологическая модель преодоления культурой «страха ведьм». Гипнотический сон, по своей задаче, почти идентичен «смерти зомби». Без посредства всяких магических растений какая-то часть человеческого «Я» на время «умирает», для того чтобы на ее место заступила чужая воля или представления и образы, извлеченные этой волей из глубин испытываемой на прочность человеческой психики.

Споры вокруг гипноза и учение Фрейда и Юнга так или иначе стали основой всех тех приемов взаимодействия душ врача и больного, которые в XX веке получили название *«психотерапия»*.

В частности, все результаты экспериментов с LSD были описаны в терминах и характерной лексике психоанализа.

Помимо психотерапии существовало и второе направление, которое занималось непосредственными поисками универсального лекарства для преодоления душевных страданий. Это направление в 50-е годы получило название *«психофармакология»*.

106

Врачи-психофармакологи всю первую половину столетия были напрямую заняты... «алхимическим делом». Можно даже не помещать это понятие в кавычки. Целью исследователей было выделение из растений *активных химических веществ – алкалоидов, то есть той самой «квинтэссенции» растения, к которой стремились средневековые алхимики*.

Сегодня принято «забывать», что мескалин, псилоци-бин и, затем, LSD были исторически первыми результатами поиска наукой психоактивных лекарственных веществ.

В годы юности автора в нашей стране был очень популярен роман Аркадия и Георгия Вайнеров «Лекарство против страха». Не пересказывая сюжет, отметим только, что речь в романе идет о создании нового психоактивного лекарства под названием «метапропизол». Это лекарство должно было произвести революцию в медицине. «Раскрывшись, как зонтик, над мозгом больного», оно должно спасти человека от-всех видов страха и неуверенности.

Подобное универсальное лекарство против страха не может быть ничем иным, кроме... наркотика.

Любой наркотик можно описать как универсальное средство от страха и неуверенности. На деле же человек *попадает в кабалу не к составу порошка, таблетки или жидкости, зависимость возникает не от самой химической формулы вещества, а от эффекта действия его на организм, то есть от полученного после приема таблетки психического состояния – чувства временной свободы от страха и неуверенности*.

Интересно отметить, что герой романа – фармаколог Панафидин – изображен авторами фактически как... алхимик. Протестуя против социальной несправедливости, он уходит из института и создает лекарство, что называется, «на коленке», в домашней лаборатории, опережая при этом огромный НИИ с его возможностями.

Причем, вольно или невольно, авторами романа демонстрируется действие еще одного универсального бессознательного стереотипа: волшебное лекарство для спасения человеческой души (наркотик) может создать только алхимик (Панафидин), а современная наука на это не способна.

107-

Иначе говоря, подлинное открытие «философского камня» души может прийти только из среды неформальной – «магического подполья» культуры.

У всех «предшественников» эпидемии LSD была одна общая неприметная глазу особенность – все они представляли собой разные формы *духовного товара*. Духовность больше не проповедовалась – она продавалась.

Книгу Блаватской или Успенского можно было просто пойти и купить, точно так же, как билеты на концерт Малера или картины сюрреалистов.

Услуги врача во всем мире, кроме коммунистической России, являлись товаром дорогостоящим. Психоанализ побил все рекорды «ценообразования» не только в медицине, но и среди продавцов оккультных знаний. Учение психоаналитиков стало одним из самых дорогих и престижных товаров на рынке «духовных услуг».

Возник новый бессознательный стереотип – никто больше не хотел тратить усилий, соблюдать посты и ритуалы, преодолевать ограничения, испытывать страдания, чтобы на подступах к истине духа испытать минуты просветления от личной встречи с Богом.

Зачем? Когда можно просто пойти и... купить. Купить книгу, пластинку, выложить деньги за урок у «учителя», который якобы уже овладел духовной истиной и может передать ее ученику.

«Истина» продавалась в товарном, готовом к употреблению виде, в соответствующей упаковке, не нарушала пищеварение и пережевывания не требовала... Такая истина *воспринималась как нечто абсолютно внешнее по отношению к человеческой душе*. Душа отдельно – истина отдельно...

На поверку большая часть «духовных товаров» оказывалась пустышкой, однако продавались они хорошо.

Само их обилие (на любой вкус) убеждало покупателя, что рано или поздно какое-нибудь универсальное и простое средство для «просветления» души и приобщения ее к искомо-тайному будет создано, появится то самое «лекарство против страха».

Уже не хотелось тратить время ни на лекции, ни даже на консультацию у психоаналитика. Сама идея

«духовного товара» заключала в себе формулу: *«проглотить не разжевывая»*...

108

Думать, сопоставлять и анализировать торговая цивилизация больше не желала. Очевидно, недосуг ей было понять, что «товар», о котором идет речь, и «философский камень» алхимиков – в сущности, одно и то же. Поиски ученых могли закончиться только тем же, что и поиски «философского камня» их давними коллегами.

Попытки найти универсальное «лекарство против страха», *лекарство для просветления души* могли обернуться только одним – *синтезом «дионисического»* лекарства *от души*.

После двух мировых войн, после резни революций и ужасов тоталитарных режимов бессознательное ожидание подобной таблетки, открывающей путь к иным, лучшим реалиям жизни было сильно как никогда.

Западное сознание решило еще раз «наступить на грабли».

В самом начале 50-х годов пронизанная сюрреализмом культура, психоанализ и религия, которые всю первую половину века существовали, казалось бы, отдельно друг от друга, решились наконец выяснить отношения вокруг проблем, связанных с LSD-25.

Некоторые LSD-втрипы» очень напоминали религиозные или мистические переживания, следы которых можно было встретить разве что в священных сводах мировых религий, в житиях святых, свидетельствах пророков и отшельников всех времен и народов.

Сама возможность возбуждения с помощью «лекарства», возможность подобных переживаний привела к дискуссии вокруг темы *«химического мистицизма»* (слово «алхимия» во время споров почему-то не употреблялось).

Врачи-экспериментаторы полагали, что явленное на сеансах LSD-терапии *окончательно побеждает религию*. Религиозные феномены, никак не поддававшиеся научной интерпретации, превращались в... лабораторные эксперименты.

«Религия, – говорили исследователи, – должна получить свое объяснение в терминах биохимии и нейрофизиологии».

В рядах католических теологов находились такие, что предлагали рассматривать LSD и другие галлюциногены как *нечто таинственное*; сам прием LSD объявлялся ими *религиозным таинством*. Предлагали и даже прекратить эк-

109

сперименты, и перенести прием LSD из лабораторий в стены церкви.

Лишь единицы отказывались принять LSD-переживания как Божественную Благодать, считая LSD происками Антихриста. .

«Благодать является результатом стоического духовного служения... Благодать – это высшая духовная награда, которую может получить человек в результате поклонения, отречения и покаяния. Химическая благодать не может обернуться ничем, кроме обмана – главного его (врага Христа. – *А.Д.*) оружия, падения и ничтожества...» – писал американский православный священник Серафим Роуз.

Однако таких авторов почти никто не слушал. История ничему не научила европейскую цивилизацию. Ей по-прежнему хотелось, не тратя усилий на постижение смысла существования, ожидать магической таблетки, которую можно было купить, – а пока что:

- В 1954 году Хаксли издает «Двери восприятия». Книга становится абсолютным бестселлером, продано около миллиона экземпляров.

- В том же 1954 году Джеральд Гарднер издает бестселлер «Колдовство сегодня» – книгу, прославляющую ведьм и галлюциногенные растения Европы, – продано не менее 500 000 экземпляров.

- В 1956 году Стивен Жерар выделил и провел искусственный синтез уже описанного нами ДМТ.

- В феврале 1957 года врач Хамфри Осмонд опубликовал отчеты, подтверждающие вызываемые LSD эффекты озарения, близкие религиозным переживаниям. В отчетах содержались рекомендации о необходимости применения LSD для «религиозных исследований».

В работе была впервые отмечена уникальная сила LSD как галлюциногена. Автор с восторгом писал, что «всего из одного грамма вещества можно получить 10 000 открывающих сознание («психоделических») доз препарата».

Для медицины 50-х, еще не знавшей, что такое психотропные лекарства, это было почти чудом... Сотни лабораторий начали синтез LSD.

- В мае 1957 года В. и Г. Уоссоны опубликовали в журнале «Лайф» знаменитую статью, в которой сообщали об открытии психоактивных веществ в навозных грибах. Ста-

110

тья содержала прямой призыв к возвращению древней «грибной» религии Центральной Америки.

- В 1958 году «отец» LSD Альберт Хофман выделил из *Stropharia cubensis* алкалоид псилоцибин, определил его структуру и опубликовал способы его искусственного синтеза...

После религиозных диспутов в печати все эти вещества уже не могли оставаться достоянием сугубо медицинских институтов.

Ящик Пандоры был открыт...

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ОСНОВНОЙ ТЕМЫ, или ГЛАВА, КОТОРУЮ МОЖНО НЕ ЧИТАТЬ

В обсуждении сложнейших вопросов духовного процесса, связанных, в частности, с психологическими корнями психоделической революции, нередко забывают, что в истории Европы XX века было событие, в ходе которого оккультизму, не без участия психоанализа, *удалось* вызвать языческих богов и сделать их реальностью нашего времени.

В 1955 году в Париже вышла книга Жака Бержье и Луи Повеля, которая называлась «Утро магов». В ней подробно описываются призывы оккультистов и алхимиков века к языческим богам.

В этой же книге феномен нацизма описывается как «оккультная революция». Впервые продемонстрирована не только явная, но и тайная идеология нацизма. Она прослеживается от тайных орденов начала века, через орден «Золотой зари», к тайному обществу «Туле», к посвященным оккультистам Горбигерру и Хаусхофферу. Бержье и Повек доказали, что «СС» была не какой-нибудь там привычной нам полицией или вообще политической структурой; «СС» являлась оккультным черным рыцарским орденом. Эта организация должна была находиться «по ту сторону Добра и Зла».

Ее тайная тайных представлял собой секретный институт «Аненербе». Нацистские мистики лихорадочно искали следы древних властителей земли. Институт руководил нацистской экспедицией на Тибет, целью которой был прямой поиск убежищ древних магов-великанов, *спящих*, по убеждению Хаусхоффера, в загадочных пещерах под Гима-

111

лаями. Занимался он поисками Грааля и магическими обрядами братства Креста и Розы.

Гитлер говорил Раушнингу:

«Я открою Вам секрет – я создаю орден...

Вы ничего не знаете обо мне. Мои товарищи по партии не имеют никакого представления о намерениях, которые меня одолевают. И о грандиозном здании, по крайней мере фундаменты которого будут заложены до моей смерти. Мир вступил на решающий поворот. Мы – у шарнира времени. На планете произойдет переворот, которого вы, непосвященные, не в силах понять... Происходит нечто несравненно большее, чем явление новой религии».

Бержье и Повек пишут:

«Для нацизма западная наука и еврейско-христианская религии были заговором, который следовало сокрушить. Были заговором против эпического, магического чувства, которое живет в сердцах сильных людей. Широким заговором, посредством которого перед человечеством закрыли ворота в прошлое и будущее, оставив ему коротенький кусочек учтенных цивилизаций. Так людей оторвали от корней, от сказочного будущего, унизили их, лишили права на диалог с богами...

...Необходимо разбудить спящих богов-властителей и вернуть их в историю настоящего. Это главная весть *медиума нового спиритизма* – Гитлера...

...Вот почему некоторые заседания на Нюрнбергском процессе были лишены содержания – у судей не получался диалог с нацистами. В зале трибунала присутствовали два мира, и между ними не было контакта. Подобное могло бы произойти, если бы по земным кодексам пытались судить марсиан.

Нацисты и были нечто вроде того – представителями мира, который явно отделился от нашего. От мира, сложившегося за последние 6–7 веков жизни Европы.

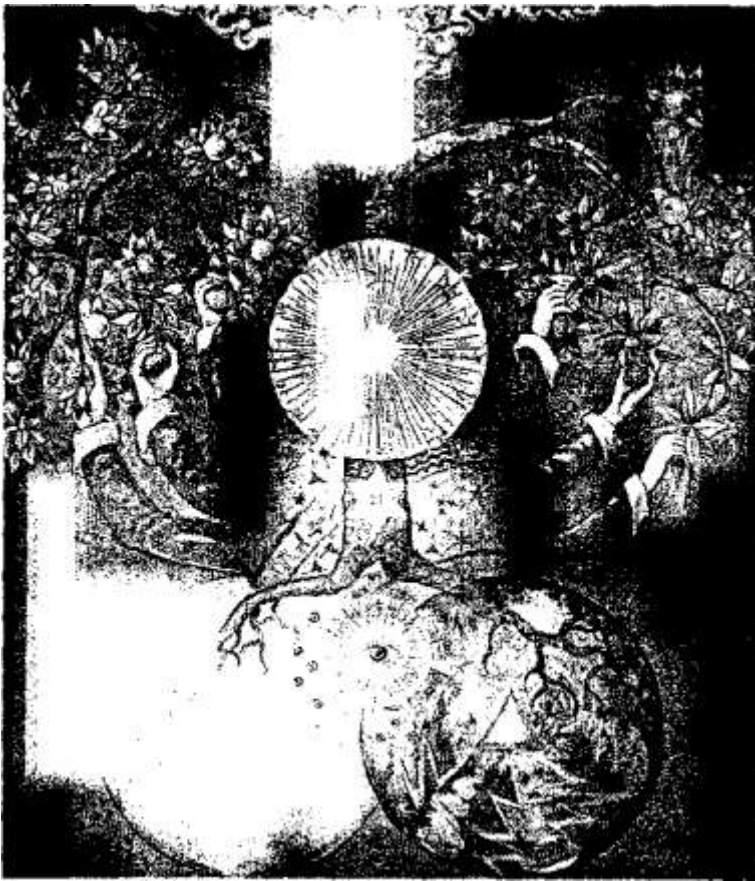
На несколько лет в Германии утвердилась цивилизация, тотально отличная от нашей, а мы этого никак не могли, да и не хотели понять...»

Мы не будем целиком пересказывать содержание важнейшей части труда Бержье и Повеля. Эта книга доступна в переводе на русский язык, и мы отсылаем к ней всех желающих постичь феномен нацизма.

112

<http://www.christianstvo.org.ua/>

Древо познания Добра и Зла.

Акварель из анонимной немецкой масонской рукописи 1943 года. На ней можно отчетливо видеть роль магических яблок (грибов?) как символа «дионисических» знаний

Автор просто хочет, чтобы читатель понял, что за 10 страшных лет фашизму *удалось вызвать языческих богов в реальность европейской цивилизации*. «Разбудить» их можно было только в человеческом сознании.

Нацизм фактически был грандиозным оккультным экспериментом, поставленным над человечеством. Современным вариантом древних оргий Диониса. Именно поэтому

ИЗ

и сегодня неонацистские организации представляют собой не политические движения, а секты – тайные религиозные общины со своим ритуалом и обрядом. Именно поэтому празднование в Аргентине и других потайных местах планеты «дня рождения фюрера» проходит не как праздник, а как тайная «дионисическая» мистерия.

Вот почему Карл Юнг был единственным крупным психоаналитиком, не эмигрировавшим из Германии и сотрудничавшим с фашистскими властями. *Юнг и его «аналитическая психология» ставили перед собой задачу, внутренне очень близкую той, которая была у нацизма.*

Юнг психоаналитическими методами пытался вернуть языческих богов германских племен в сознание человека и считал это единственным путем объединения немецкой нации.

Гитлер пытался превратить Вотана и других языческих богов древних германских племен в *реальных вдохновителей общественного процесса* в современной ему стране. Он выступал в роли спиритического медиума, посредством которого боги диктуют свою волю народу и миру. Самое главное – Гитлер *даже не пытался этого скрывать*. Это мы не в состоянии поверить в то, что за всеми «дионисическими» ужасами фашизма стояла оккультная философия и спиритизм.

Но мы, люди нового времени, не можем не признать – на какое-то время фюреру *удалось выполнить свою задачу*. Самый культурный народ Европы, народ, давший миру гениальных философов, писателей и музыкантов, *впал в безумие*. **Целая нация** стала *полностью внушаемой*, *целая культура подчинилась* воле бесноватого мистика. Огромная масса людей, без всякого влияния наркотиков, совершила преступления настолько чудовищные, что разум отказывается постигать их масштабы...

По сравнению с этими преступлениями душители-«таги» вместе с их богиней Кали кажутся смехотворными...

В феномене нацизма встретились тайные «дионисические» ожидания художественной элиты, членов тайных обществ и... врачей и психологов, находящихся на переднем крае исследования бессознательных психических процессов.

«Аненербе» и медицина нацизма проводили в концлагерях массовые эксперименты по управлению человеческим

сознанием. Результаты этих экспериментов по большей части засекречены и до сих пор используются спецслужбами всего мира.

Один из самых мощных «химических инструментов» управления человеком – LSD-25 все годы Второй мировой войны пролежал, никем не замеченный, на полке лаборатории «Сандоз» в Базеле.

Трудно даже представить себе, какого ужаса удалось избежать человечеству благодаря тому, что Альберт Хофман просыпал себе на ладонь реактив только спустя три года после окончания войны...

Но, говоря о «дионисических» корнях национал-социализма, можно ли обойти вниманием свою собственную страну, культивирующую социализм большевистского образца?

Для того чтобы понять, какой духовный смысл несут наркотики нашей культуре, необходимо понять: а внутри *какой* цивилизации мы с вами жили на протяжении почти всего XX века?

Хотя по этому поводу сегодня издано множество книг, доказать, что Ленин и Сталин всерьез интересовались оккультизмом или другими тайными учениями, не удалось никому... Зато ими интересовался Карл Маркс.

Несомненно, ВЧК, ОГПУ-НКВД, а позднее и КГБ не проходили мимо оккультных феноменов и галлюциногенных алкалоидов, но, по всей видимости, участвовали в этом в той мере, что и все крупные спецслужбы мира.

Нет, русский коммунизм не пытался призывать древних языческих богов, как это делал национал-социализм. Происходил какой-то другой «духовный» процесс...

Все древние и новые культы Сатаны строились на основе христианских ритуалов. С той лишь разницей, что христианство в них напрямую выворачивалось наизнанку – крест вешался вверх ногами, на алтаре нужно было заниматься сексом, а вместо вина поклонники сатанинских культов причащались мочой... и т. д.

Похоже, что советская управленческая структура представляла собой *вывернутую наизнанку модель христианской общественной организации*. Внешние черты до известной степени были схожими, а вот цели и задачи – прямо противоположными.

Сравним.

115

Хозяйственными и административными функциями христианской общины в ранние века руководили особо выбранные лица – епископы. В дальнейшем последние, особенно в католицизме, стали брать на себя все больше и больше *духовных* функций, что не было им свойственно в первые века христианства.

Должность Генерального секретаря ЦК ВКП(б) изначально тоже воспринималась партией как должность чисто административная, не претендующая на особый приоритет в сфере идеологической. Таким образом, Сталин полностью повторил эволюционный путь стародавних епископов.

И такого в большевистской истории можно найти немало; но вот что главное:

Одной из кардинальных задач христианства было преодоление родовых культов во имя новой Веры, объединяющей людей в Духе. Возникал абсолютно новый тип человеческого сообщества, в которое люди объединялись по *собственной воле*. Каждый из них веровал в Христа. Это были *разные* люди, объединенные верой и стремящиеся к Преображению. Такое общество называлось Церковью.

Советская же власть, самовольно объявившая себя *«новой общественной формацией»*, стремилась *силой навязать* свою веру огромным массам людей. Ее лидеры присвоили себе право распоряжаться человеческой личностью. Они были убеждены, что знают человеческие потребности лучше, чем сами носители этих потребностей. Для того чтобы отдельный человек признал право большевиков принимать решения *вместо себя*, нужно было покалечить его индивидуальность, его чувство собственного достоинства.

Для этого нужно было, например, уничтожить его *память*. Разрушить родовые связи жителей страны. «Советский человек» превращался в «Ивана, не помнящего родства».

Нити, связывающие как страну в ее прошлом и настоящем, так и каждого отдельного гражданина, его семью с предшествующими поколениями, а стало быть, и с вековым укладом жизни, оказались порванными. Разрыв проходил так же болезненно, как и, к примеру, в античные времена, когда кто-то покидал семью и уходил в первую христианскую общину.

Родовые связи неминуемо отменялись в христианстве во имя создания нового человека – человека, который, буду-

116

чи независимым от родо-племенной религии предков, мог бы обрести *лично* Бога, а вместе с ним истинную свободу – чувство *уверенности в собственных духовных силах*, зная в своей новой вере о духовной победе над смертью. Христианство объявляло *каждого* человека, который прошел обряд крещения, образом и подобием Божиим.

Социалистическая власть в СССР также ставила своей задачей создание человека новой формации – «советского человека». В 70-е годы Брежнев объявил, что такая новая разновидность человека наконец-то создана.

Новый человек создавался христианством для вечной жизни в Боге. Поэтому ему требовалась *свобода* от оков рода и племенной религии. Как это ни странно, эту *свободу приносила... ответственность*. Каждый христианин, прошедший таинство крещения, становился не рабом нового культа, а *посвященным*. Простым актом принятия веры он достигал того уровня духовного знания, которое в языческих религиях считалось уделом жреца или шамана. Каждый христианин становился *священником*. *Равным среди равных*.

Такая форма равенства делала человека полностью ответственным за свою судьбу, более того, эта ответственность распространялась не только на короткую человеческую жизнь, но и на судьбу существования человека в вечности, длящейся и после его смерти. Личность оставалась наедине с Богом. За свою судьбу она отвечала, но отвечала только перед Христом. Ничто человеческое больше не могло превратить личность в раба. Христианство давало личности свободу, но эта свобода была неотделима от ответственности и страдания.

В языческой религии страдания членов племени преодолевали жрецы. Только они знали, как нужно поступать правильно и какие ритуалы исполнять. Теперь преодолевать собственные страдания должен был отдельный человек, опираясь лишь на собственную веру.

Новый человек социализма представлял собой нечто прямо противоположное. Появилась новая каста жрецов,

которая сняла с человека ответственность за его страдания и поступки. Только члены «партии-касты» знали, как человек должен себя вести для того, чтобы избежать страдания.

Социализм, казалось бы, брал на себя искупление человеком его первородного греха. *Нет ответственности*

117

нет и ощущения греховности или собственной несостоятельности.

На деле ситуация оказывалась совершенно другой. Первородного греха не совершали *животные*. Им *неведомо чувство ответственности*. За основную часть их поведения отвечает инстинкт – биологическая программа поведения, за рамки которой не в состоянии выйти ни одно животное, кроме человека.

Коммунизм лишил человека ответственности за свою собственную жизнь. Роль руководителя поведением отдельной личности взял на себя аморфный коллектив. *Это было попыткой подмены свободы **отдельной личности системой новых «идеологических инстинктов».***

Христианское объединение личностей, ответственных перед Богом, незаметно подменялось сложно организованным муравейником, каждый член которого, точно так же, как и в муравейнике реальном, отвечал своей жизнью за сохранение раз и навсегда предписанного «идеологическим инстинктом» порядка.

Шла незаметная подмена Священной иерархии иерархией инстинктов.

Социализм оказался лишь одним из вариантов погружения человека в его животное «дионисическое» начало. Только инстинкты, в которые возвращали тоталитарные учения, были преимущественно *не половыми, а стадными*.

«Новый человек» социализма создавался для жизни раба, который во всем подчиняется функционерам от идеологии – адептам провозглашенной новой религии, обладающим абсолютной властью над своим же «новым человеком». Раб полностью лишен индивидуальной воли, он во всем подчинен хозяину. В идеале раб – это человек, полностью *лишенный личности*: послушная машина.

«Социализм, – писал Фридрих Ницше в самом начале века, – превосходит самый жестокий деспотизм в своем стремлении уничтожить человеческую личность, считая ее непозволительной роскошью природы».

Вот где кроется «дионисическая» тайна коммунистического учения.

Скрывается тут и сокровенный смысл понятия *внушение* в иных, скажем государственных, масштабах – такое внушение в любом случае будет направлено на *низложение личностного* начала в человеке. Внушаемое население – это

118

население *безличное, предварительно лишенное лиц*. Тотальная внушаемость – это *обезличивание в тотальных масштабах*, зачастую полная невозможность выражения человеком собственной индивидуальности.

Вот где на самом деле таится синдром «страха ведьм» – страха перед «дионисическим» началом бытия. Ужас женского (возврат в «мать» – для раба спасительная ниша), миазмы снов и безумия оказываются *страхом умереть при жизни*, лишиться *собственной индивидуальности – своего «Я»*.

Россия в лице СССР, в отличие от Германии, не проходила через возрождение языческих богов, но подданные этой коммунистической «империи зла» прошли не менее страшный путь: *то был путь растворения личного начала в цивилизации антихриста*.

70 лет такой цивилизации во многом определили особенности нашего отношения к себе, к собственной душе, а следовательно, и к наркотикам.

Взять, к примеру, психиатрию. Многие удивляются сегодня, почему Сталин своим распоряжением отменил развитие в СССР психоанализа и психотехники. Казалось бы, науки настолько же «материалистические», как и сам марксизм.

С позиций идеологических догм это вряд ли объяснимо. Однако если допустить, что Сталин строил цивилизацию антихриста – нечто прямо противоположное христианскому обществу, то многое становится понятным.

Антихрист – то единственное существо на планете, которое даже в годы «атеизма» точно знает о существовании Христа. Он осознает, что человек есть образ и подобие Бога. В этом сокрыта *тайна личного*. *Значит, нельзя допускать человека в глубины его собственной психики:*

Он может встретиться там с Богом, то есть с собственной свободой.

Сталина вполне устраивала «феноменологическая» наука о душе. Наука, которая просто наблюдала душевные процессы, составляла комбинации из своих наблюдений и, подытоживая, давала новые определения, дефиниции, названия. Заглядывать же в человеческую душу глубже имели право только соответствующие «закрытые» структуры, особо приближенные к «престолу» жрецы религии антихриста (или его «зомби», что в данном случае одно и то же).

119

Скорее всего, именно поэтому разрешенные в 40-х и 50-х годах в восточноевропейской медицине исследования LSD и терапия с его помощью (Гроф, например, начинал свои работы в Праге, и они не были секретными) в нашей стране были дозволено проводить только «закрытым» научным институтам и имевшим допуск к секретным разработкам специалистам – еще одно подтверждение сталинского использования вывернутых «наизнанку» православных архетипов.

Дело в том, что по мере развития западной ветви христианства – католицизма – понятие Бога в нем становилось все более и более внешним по отношению к человеческой душе. Можно сказать, что Бог католиков по преимуществу *трансцендентен*, то есть находится *вне человека*, действуя как *внешний* надзиратель за его поведением.

В этом, кстати говоря, одна из главных претензий к христианству со стороны одного из самых непримиримых его критиков – того же Карла Юнга (но Юнг не ссылаясь в своих работах на восточную, православную традицию,

он просто-напросто не знал о ее существовании!).

Тогда как именно в православном бессознательном Бог, по преимуществу, *имманентен*: Христос не только внешняя, управляющая миром сила, он существует и в глубинах человеческой души как *скрытая основа личности, залог ее свободы*.

В России крайним выражением этой, не вполне сознательной, тенденции религиозного бессознательного явилось учение Льва Николаевича Толстого. Для православной церкви был неприемлемым, разумеется, тот факт, что Толстой в своих трудах полностью лишил Спасителя трансцендентности. Однако философский максимализм великого писателя чутко уловил ведущую духовную склонность православия и отразил ее в своем творчестве.

В этой, не всегда заметной непосвященному, разнице в религиозных архетипах (или бессознательных установках) народов коренились и особенности личности и поведение тиранов.

Бог, ощущавшийся европейской религией Средних веков как внешний (трансцендентный), мог светить сознанию только и исключительно *извне*. Но в греховном мире через «открытое» с помощью ведьмовского снадобья созна-

120

ние, *извне*, с равным успехом мог проникнуть в душу человека кто угодно...

Раз Бога внутри (в человеческой душе) нет, следовательно, защитить человека от вторжения «иног», враждебного, некому.

И *враг* забирался в душу! Оттуда, от ведьмовского архетипа, берут начало средневековые эпидемии *одержимости* бесами и то внимание, которое католицизм (в отличие от православия) уделял «экзорцизму» – ритуалам их изгнания.

Возможно, здесь – корень психологии всего европейского средневековья: защиты от врага *внутри* души не было, отсюда – массовые страхи и обязательные *внешние ритуалы*, служащие методом избавления от страха, к примеру костры инквизиции.

Любой же внешний *ритуал* имеет свою *форму*; форма стремится к упрощающейся предметности – появлению *духовных товаров* «обереги», «слезы святых» и т. д., католическая, а следом за ней и протестантская церкви доводят этот процесс до логического конца, начав *продажу индульгенций* (больше не нужен *духовный труд* по *преодолению собственной греховности, достаточно заплатить деньги и купить бумажку, «отпускающую» грех*).

Западная культура пыталась лечиться от своих страхов путем поиска *внешних*, по отношению к телу и душе человека, факторов. Она пошла путем поиска «таблетки» – *психической и физической алхимии*.

Вера в Бога имманентного, по преимуществу Бога *внутри души*, создавала ощущение естественной *защиты от «вражеского» вторжения*. Страха ведьм не возникло. Православию не понадобилось Средневековья... История наша не знала ни эпидемий *одержимости бесами*, ни продажи *индульгенций*, ни алхимических исканий (книги по алхимии издавались в России масонами конца XVIII – начала XIX века, но никакого энтузиазма и упорных поисков «философского камня» не вызвали. Князь Лопухин признавался, что ему, как масону, гораздо ближе «алхимия духа»).

Вот в чем суть такого забытого ныне понятия, как «*Народ-Богоносец*»\

Для того чтобы «зомбировать» свой народ, Гитлеру понадобились новые *ритуалы* для *покорения* уже имеющегося, засеянного в сфере бессознательного стародавнего «страха ведьм»...

121

Размах и масштабы нацистской пропаганды общеизвестны. Митинги создавали ощущение *единства* толпы и *коллективной* защищенности от бесов «старого» мира; но, врачую *бессознательное*, они незаметно открывали шлюзы для бесов «новых».

Для того чтобы «зомбировать» страну, Ленину и Сталину было необходимо не только уничтожить народную веру.

Им было необходимо *новое средневековье*, нужно было *вновь создать* отсутствующий в традиционном укладе и мышлении «*страх ведьм*» – *страх утраты личности*. Только он мог сделать «*Народ-Богоносец*» *полностью внушаемым и, следовательно, полностью управляемым*.

Для этого вначале нужно было сотворить с православным Богом некую метаморфозу – сделать его из имманентного (внутреннего, личного) *трансцендентным* (то есть внешним, не «нашим», враждебным).

Нужно было превратить Бога *во внешнего* врага. Православию была объявлена война – настоящая война и в лозунгах, и в реальности.

Война велась ради самой войны, а не ради уничтожения реальной земной церкви. Уничтожить безоружного можно было легко и бесшумно. Нет, дело не в этом! Это была *война не с церковью, а с Богом внутри человеческой души!*

Дело в том, что для любого бойца враг – *понятие внешнее, не имеющее к нему никакого отношения* (именно поэтому он и является врагом). В «бойцов» с Богом превратилось все население страны. Только после того, как каждый принял посильное участие в этой войне, а злоба на Бога и его служителей стала явлением *нормальным*; была объявлена победа.

После «победы» Сталин сохранил церковь как социальный институт и даже вернул ей главу (!) – через 200 лет после отмены патриаршества. Но и это было сделано ради того, чтобы церковь воспринималась как *внешний* («отделенный от государства») по отношению к народу и поэтому *чужой* институт. Такой шаг гораздо эффективнее, чем порождающее ненужные легенды полное уничтожение. Он позволил «антихристу» контролировать деятельность церкви, используя ее в своих интересах.

После «удачной» войны с Богом можно было приступить к созданию отсутствовавшего страха.

122

И он был создан! «*Страхом ведьм*», страхом «открытого» сознания в представлении Антихриста стал ужас перед органами ЧК-НКВД. Человек сталинской эпохи ощущал постоянный, безраздельный страх перед

неопределенностью своей судьбы. Он не знал, когда за ним или его семьей придет «черный воронок» с доверенным представителем антихриста в характерном облачении: «...казалось, что... наблюдают за тобой днем и ночью, заглядывают в твою постель, твои сны; как на рентгене видят твои раздумья, и некуда спрятаться от этого «сталинского всевидящего ока» и «ежовых рукавиц», которые готовы в любой момент, как средневековый «сапожок дьявола» (орудие пытки, применявшееся на допросах ведьм. – А.Д.), раздавить твою судьбу». (Из неопубликованных мемуаров покойной О.Л. Инфлянд – школьной учительницы автора.)

Сколько раз описывались все эти черные кожаные куртки, коверкоты, шляпы, надвинутые на глаза... И не только в мемуарах, но и в... оккультной литературе, сравните:

«...Сатана прячется повсюду... Стоит только на секунду оторваться от молитвы, и он успевает проскочить в мысли и притаиться... Бесы наблюдают за нами постоянно: нет слова и нет мысли, которую они не слышат и не используют для борьбы с Господом и проникновения в мир...»

Шпенгер и Иститорис. Молот ведьм

Все революции произошли на пике *материалистической* идеологии в ходе одного и того же XX века. И все привели к тотальному разочарованию. Мир, в котором мы живем сегодня, – это мир, лишенный надежды. Увы, надежды все на то же чудо...

Возможно, не случайно «психоделическая революция» (она же фактически и «молодежная революция» 60-х) была *последней* в XX веке. Лекарство, осуществляющее «трансмутацию души», то есть лекарство от страха, *заменяющее* Господа Бога, найти не удалось.

Как не удалось и найти человека, который бы, заместив собою Бога, создал для материалистов некое подобие Божьего царства на Земле.

Надежды на заменители (в людском ли обличий, в лекарственной ли упаковке) оказались не шагом вперед, а дву-

123

мя шагами назад – не вперед от христианства, а назад, во тьму язычества и родо-племенных отношений.

Заменитель Бога открывает дверь к хтоническим силам мистерий Диониса.

Соотнесенность «психоделии» политическим институтам, внутреннюю близость наркотиков и тоталитаризма остро чувствовал тот же «певец мескалина» Олдос Хаксли. Кстати, по сравнению с антиутопией Джоржа Оруэлла «1984» антиутопия Хаксли – «О, дивный новый мир!», написанная им задолго до «эпохи мескалина», в 1932 году, в нашей стране известна куда меньше.

Совсем неизвестна написанная в 1958 году – в самый разгар «эры LSD» – небольшая книжка того же автора, которая называлась «О, дивный новый мир, – 27 лет спустя».

Позволим потому привести из нее несколько больших цитат.

*«В моем романе «О, дивный новый мир!» не было виски, табака, незаконного героина и контрабандного кокаина. Люди не курили, не пили, не делали себе инъекций. Когда кто бы ни чувствовал себя угнетенно или ниже нормы, он принимал таблетку или две химической смеси под названием «сома». Изначально сома, от которой я взял название гипотетическому наркотику, была неизвестным растением (возможно, *Asclepias acida*), которое использовали древние арийские захватчики Индии в одном из своих наиболее торжественных религиозных ритуалов. Опьяняющий сок выжимался из стеблей этого растения и выпивался священниками и знатными особами в ходе сложной церемонии. В ведических гимнах говорится, что потребители сомы благословлялись многими путями. Их тела крепили, сердца наполнялись мужеством, радостью и энтузиазмом, умы их просветлялись, и в своем непосредственном опыте вечной жизни они получали подтверждение своего бессмертия. Но даже у святого сока имеются свои недостатки. Сомы была опасным наркотиком – настолько, что даже великий Бог неба Индра порой чувствовал себя плохо после его употребления. Обычные смертные могут даже умереть от передозировки. Но опыт был столь трансцендентально блаженным и просветляющим, что потребление сомы рассматривалось как наивысшая привилегия. За нее можно было заплатить любую цену.*

У сомы «О, дивного нового мира» не было никаких недостатков ее индийского оригинала. В небольших дозах она приносила чувство блаженства, большие дозы вызывали ви-

124

дения, а три таблетки приводили к погружению в освежающий сон. И все это при нулевых физиологических или психических затратах. Жители «Дивного нового мира» могли отдохнуть от своих мрачных настроений или от постоянных ежедневных неприятностей без жертвования своим здоровьем или постоянного снижения своей производительности.

В «О, дивном новом мире» обычай употребления сомы не был частным пороком – это был политический институт; сама суть жизни, свободы и поиска счастья, гарантированных Биллем о правах. Но эта наиболее ценная, неотъемлемая привилегия субъектов одновременно являлась одним из наиболее мощных инструментов правления в диктаторском арсенале. Систематическое накачивание индивидов наркотиками для пользы государства (и случайно, конечно, к их личному удовлетворению) было основным пунктом в политике Мировых Контролеров. Ежедневная норма сомы была страховкой от личной непригодности, социальной нестабильности и распространения подрывных идей. Как заявил Карл Маркс, религия является опиумом для народа. В «О, дивном мире» – ситуация противоположная. Опиум или, скорее, сома была религией для народа. Подобно религии, наркотик имел власть утешать и вознаграждать, он вызывал видения другого, лучшего мира, он предоставлял надежду, усиливал веру и способствовал милосердию...

В LSD-25 фармакологи воссоздали недавно другой аспект сомы – улучшение восприятия и галлюциноген, который, с точки зрения фармакологии, практически бесценен...

То, что диктатор мог бы, если бы захотел, использовать эти наркотики в политических целях, не вызывает никаких сомнений. Он мог бы обезопасить себя от политических волнений, изменяя химию мозгов своих субъектов и заставляя их таким образом соглашаться со своими рабскими условиями. Он мог бы использовать транквилизаторы,

чтобы успокаивать возбужденных; стимуляторы – чтобы поднимать энтузиазм у индифферентных; галлюциногены – чтобы отвлекать внимание несчастных от их страданий. Но как диктатор может заставить своих субъектов принимать пилюли, вынуждающие их думать, чувствовать и вести себя таким образом, как ему этого хочется? По всей вероятности, ему будет достаточно лишь того, чтобы они были доступны...

Наряду с транквилизирующим, галлюциногенным и стимулирующим свойствами, сома в моем сюжете имела силу

125

повышать внушаемость и потому могла быть использована для усиления эффекта правительственной пропаганды. Менее эффективно и с большей физиологической ценой некоторые наркотики в фармакопее уже могут быть использованы для той же цели (выделено мной. – А.Д.). Существует, например, скополамин, активный элемент белены, в больших дозах – мощный яд; существует пентозал и ами-тал соды. Пентозал, по какой-то странной причине получивший прозвище «сыворотка правды», использовался полицией в разных странах в целях получения (или, возможно, внушения) признаний от упрямых заключенных. Пентозал и амитал соды снижают барьер между сознательным и бессознательным разумом и имеют огромную ценность в лечении психических травм, полученных в ходе боевых действий, по методике, известной в Англии под названием «абреативной терапии», в Америке – «наркосинтеза». Говорят, что эти наркотики иногда используют коммунисты для подготовки к открытому появлению в суде важных заключенных...

Олдос Хаксли конечно же чувствует, но нигде не формулирует следующего: *бытийную, экзистенциальную близость феноменов тоталитаризма и эпидемии галлюциногенов. Того, что в основе действия и тех и других – попытка избавиться от личности, растворить, рассеять индивидуальное творчество и ответственность. И «любой социализм», и химические вещества стремятся не допустить духовного возрастания человека на пути «очеловечивания мира и обожения человека»* (пользуясь словами отца Сергия Булгакова).

Однако тоталитарные режимы не использовали «рецепт» Хаксли. Они боялись галлюциногенов, не выпускали их за пределы «закрытой» науки. Видимо, эти наркотики ощущались «хозяевами» как «конкуренты» во влиянии на человеческую душу. Они боялись их, так как *не понимали* и не могли предсказать результатов столкновения с ними.

Не использовались, скорее всего, галлюциногены и организаторами открытых процессов «врагов народа».

Европейскому наблюдателю казалась невозможной сама мысль о том, что явный самооговор подсудимых, их публичные признания на суде в не совершенных ими никогда, абсолютно фантастических преступлениях были сделаны *добровольно* – ради сохранения «целостности партийной идеологии».

126

Сознание Хаксли – человека западной культуры – никак не могло допустить, что бывшие партийные лидеры, выступавшие на этих процессах с саморазоблачениями, обрекали себя на смерть и проклятие собственного народа *без наркотика* – ради абстрактного «общего мнения».

Однако это же сознание допускает, что наркоманы обрекают себя на бессмысленную смерть ради выделенного химического вещества!

Хаксли не осознавал социализма и нацизма как формы «дионисических» духовных наркотиков.

Хотя многие участники «психоделии» прекрасно это понимали!

Пинку, герою уже упоминавшегося нами психоделического фильма «Стена» А. Паркера, мерещится, что, находясь на грани разрушения личности *из-за чрезмерного употребления наркотиков*, он, подобно бабочке, превращается в «куколку», а из нее, как бы выйдя на следующий виток своего бытия, становится... *лидером нацистской организации.*

«Легописец» психоделической революции Том Вулф пишет об одном из развлечений психонавтов:

«Перво-наперво они выкрасили автобус в неяркий красный цвет, цвет высохшей крови... Потом, поверх высохшей «крови», они принялись изображать милитаристские символы: свастики, железные кресты, кресты викингов, красные кресты, серпы и молоты, черепа и кости – все, что, как они считали, подходило под эту гнусную категорию...

...Во главе колонны предполагалось пустить... Ангелов Ада, походным порядком, увешанных свастиками. Сваст и к а м и . Это наверняка должно было посеять в толпе прикольную панику».

Продолжая мысль предыдущей главы, нельзя не вспомнить, что сюрреалистическая «революция» закончилась в 1929 году. Во всяком случае, в тот год перестала существовать сплоченная едиными выставками, манифестами и общественными акциями группа художников.

Причиной ее распада послужило... вступление Андре Бре-тона во французскую коммунистическую партию. Лидер сюрреалистов требовал, чтобы остальные члены группы сделали тот же шаг.

Бретон был убежден, что коммунизм является «*единственным до конца последовательным политическим выражением принципов сюрреализма*». Другие члены объедине-

127

ния, теоретически *соглашаясь с ним*, не хотели, как писал Рене Магрит, «переносить чистое искусство в политическую грязь».

ЭПИДЕМИЯ МИСТИЧЕСКОГО АНАРХИЗМА

Галлюциногены начали вызывать всеобщий интерес.

В США к 1966 году не менее 8 тыс. подпольных лабораторий производило и распространяло LSD. На местном черном рынке LSD-25 превратился в самый популярный наркотический товар. Крупные города, такие, как Нью-Йорк и Лос-Анджелес, приобрели целые «кислотные» районы. В них люди всех возрастов могли приобрести LSD

круглосуточно. По данным статистики, до 50% (!) жителей таких районов употребляли «кислоту».

Появились «профильные» кафе, в которых без LSD не обходилась ни одна вечеринка. Атмосфера там весьма напоминала знаменитые кафе художников на Монмартре начала века.

«Кислотой», разумеется, дело не ограничивалось.

«...В Калифорнии хранение пейотля, в отличие от LSD, было уже запрещено законом. – пишет Т. Вулф. — Приходили чертовски большие ящики этой дряни, 1000 ростков и корней – 70 долларов; одни ростки – немного дороже. Если тебя схватят – ты с х в а ч е н , потому что никакого оправдания не было. Не могло быть никакой другой цели приобретения этих гнусных вонючих растений, кроме как уторчатся до умопомрачения. И все они садились и принимались резать эту гадость на длинные узкие куски, а потом выносили их на улицу сушиться, это отнимало не один день, после чего они стирали все это в порошок, который расфасовывали в капсулы из-под желатина или кипятили в воде до состояния смолы и тогда уже запихивали в капсулы, а то и попросту готовили нечто вроде гнуснейшего на свете бульона, такого мерзкого, такого невероятно отвратительного, что приходилось с целью отбить дурной вкус замораживать его до состояния студня, да еще и целый день поститься, пока не опустеет желудок, – и все для того, чтобы проглотить восемь унций этого дерьма и не сблевать. Но зато потом – улет. Перри-Лейн, Перри-Лейн...

128

...А потом все летали под – чем? – кислотой, пейот-лем, семенами пурпурного выюнка, проглотить которые было адски трудно, миллиарды отвратных семян, прорастающих во вздутом животе в намокшие одуванчики, – но летали ведь! – или ИТ-290, или декседрином, бензедрином, метедрином – винт! – или под винтом с травой – бывало, примешь винт в сочетании с травой, и оказывается, что... элэсдэшные двери открываются в разуме без того неукротимого смятения чувств, что вызывает ЛСД... А Сэнди принимает ЛСД, и свет... рампы... и волшебный приют превращаются в... н е о н о в у ю пыль... теперь уже точно: пуантилистские пылинки. Золотые пылинки, яркие зеленовато-лесные пылинки, каждая подхватывает свет, и все струятся и блестят неоновой мозаикой – чистая калифорнийская неоновая пыль...

...У проказников были огромные запасы ДМТ. Кто-то однажды сказал, что если ЛСД – это долгое и удивительное путешествие, то ДМТ – это как если бы тобой выстрелили из пушки. Там, в домике на ветвях, среди мерцающих прикольных штучек, они угощали Ангелов Ада ДМТ, и Горянка видела некоторых из них, после того как те спускались с дерева. Слегка накренившись, они бродили без всякой цели, с вытарашенными, подернутыми пеленой глазами.

– И все были голые, как и положено Ангелам, – полный отпад, – рассказывала она...»

Средства массовой информации относились к наркотикам и вызываемым ими ощущениям скорее позитивно. Выступления употреблявших LSD знаменитостей транслировались на всю страну, поддерживая и без того почти неконтролируемую моду на психоделические переживания.

Легендарный киноактер Кэрри Грант во всеуслышание заявлял, что «LSD изменил всю его жизнь и вызвал мир и благополучие в сознании».

Глава гигантской корпорации массмедиа «Тайм» Генри Льюис признавался, что во время LSD-«Трппа» он слышал голос ветхозаветного Бога. Принадлежавшие корпорации газеты публиковали вдохновляющие отчеты о переживаниях под воздействием LSD.

Английский писатель Олдос Хаксли переключился с мескалия на LSD; в его публикациях на эту тему о кислоте говорилось как о средстве, ведущем к новому витку эволюции человека как биологического вида.

5 А. Данилин «LSD»

Слово «полеты» воспринималось буквально – использование LSD должно было научить человека летать (вспомните полеты ведьм). Целью употребления наркотика Хаксли считал превращение человека из «куколки» в «бабочку» (стоит вспомнить, в какую именно «бабочку» превратился Пинк в «Стене» А. Паркера).

LSD причисляли к наркотику интеллектуалов и богемы. Впервые в европейской истории *университеты* (!) стали оплотом и главным рассадником наркотической субкультуры.

Гарвардский психолог Тимоти Лири сыграл роль своеобразного «вируса», вызвав резонансом собственных три-пов целую эпидемию приема LSD в университетской среде.

Лири пришел к выводу о невероятной *духовной* ценности наркотика. После его отчетов начались открытые эксперименты с LSD в Гарварде. Масштаб опытов превзошел все ожидания. Некоторое время LSD принимали практически все студенты и добрая треть профессорско-преподавательского состава университета. Студенческие вечеринки превратились в коллективные «трипы».

Еще находясь в университете, Лири объявил себя «пророком» и «верховным жрецом» новой религиозной секты и первым сформулировал понятие об LSD как о «*новой божественной сущности*». Именно ему принадлежит определение LSD как «*Химического мессии*» нового времени.

«Химический мессия – это дар древних богов своим потомкам, – говорил Лири в одном из интервью, – это осуществление мечты человечества. Один прием лекарства приводит к расширению сознания и вхождению в широко открытые ворота Духовного Просвещения... Сообщение всему миру вести об LSD – моя главная планетарная миссия».

Справедливости ради, не только Тимоти Лири настроил гарвардский мир на психоделическую волну. Ричард Шульц и Майкл Холлинсхед занимались здесь же изучением псилоцибина и, соответственно, мексиканской тематикой, но LSD оказался доступнее для получения в достаточных для исследования количествах.

Вокруг Лири постепенно складывалась группа его почитателей и поклонников. Его гарвардский коллега Ричард Олперт (позже он стал известен в «кислотных» кругах как

индуистский учитель Баба Рам Дасс) и писатель Кен Кизи стали учениками Лири и адептами нового учения.

Ссылаясь на своего тайного духовного учителя – брамина, Рам Дасс писал: «*LSD – это Христос, пришедший в Америку в Кали-югу* (эпоху владычества богини Кали в мифологии индуизма. – А.Д.). *Америка – наиболее материалистическая страна из всех стран мира. Она хотела прихода Аватара в форме матери. Поэтому они имеют LSD*».

Руководство университета было вынуждено изгнать Лири из Гарварда. И он стал... одним из героев массмедиа. Официальное гонение, ореол мученика; к тому же *простота* учения (хотите получить божественное откровение – просто примите наркотик) – все способствовало тому, чтобы люди потянулись в «новую веру». Цивилизованный мир с изумлением узнавал о новых чудесах и откровениях LSD.

Автор популярной в нашей стране книги, по которой был поставлен одноименный фильм «Полет над гнездом кукушки», Кен Кизи стал одним из главных адептов новой религии. «Кислотные испытания» проходили во время массовых вечеринки в его доме. За одну проведенную у Кизи ночь более 200 человек «подключались» к LSD.

Несколькими строками выше мы цитировали книгу Тома Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест». Вулф считается основателем так называемого нового журнализма – литературного стиля, проповедующего максимально возможное приближение писательского текста к действительности. Такая позиция автора делает его книги документальным свидетельством своей эпохи.

«Кислотный тест» многие критики и до сегодняшнего дня считают лучшей книгой о хиппи. Первое издание этого романа относится к 1968 году, когда калифорнийское «лето любви» уже миновало, а легендарный последний фестиваль хиппи в Вудстоке еще не состоялся. Эта книга по форме является летописью жизни и грез Кена Кизи и окружавшей его группы единомышленников, которые называли себя «Проказниками».

Человек, который хочет понять, что такое хиппи и LSD, должен в обязательном порядке прочесть эту книгу. Мы же позволим себе привести из нее еще несколько разрозненных цитат, чтобы наш читатель смог почувствовать саму атмосферу психоделической революции:

«Кизи пытался найти новые формы самовыражения. Они занимались чем-то вроде... ложатся все, к примеру, на пол и принимают перекикиваться, а Кизи сует в каждый рукав по микрофону и делает у них над головой пассы руками, словно колдун, и их голоса по мере движения рук записываются то громче, то тише. Иногда результаты получались довольно...»

...скорее всего, для нормального человеческого уха это была невнятная тарабарщина.

Поэтому они испробовали и более фантастические импровизации... вроде Человеческих Лент – громадных рулонов кровенепроницаемой бумаги для упаковки мяса, развернутых на полу. Они брали цветные карандаши для вошеной бумаги и чертили друг другу непонятные знаки для импровизации: Сэнди видел розовый барабанный бой и издавал звуки типа ч и-у н-ч а н, ч и-у н-ч а н и так далее, Кизи видел гитарные стрелы: б р о и н ь-б р о и н ь , б р е н ь - б р е н ь (ну чем вам не «спонтанное письмо» сюрреалистов. – А.Д.).

...а когда настало время для горьких сентиментальных рассуждений, этот детина Кизи взамен выволок из своего домика пианино, все уселись и принялись оглушительно на нем брэнчать, а потом его подожгли, именуя при этом «старейшей живой вещью на Перри-Лейн», только все время почему-то глупо хихикали и торжествующе вопили...

...Бэбс, Кизи и Пола – с криками вприпрыжку бросаются к озеру, Пола прыгает в воду – и выныривает в образе водяного, с головой, покрытой какой-то дрянью и прядями зеленого ила, и вдобавок сияет такой лучезарной улыбкой, что свет ее заливал всю поверхность озера и едва ли не всю пустыню. Всплыв, она ощущает эйфорию...

– Ого-го-ооо! Все сверкает!

...и вытягивает в сторону длинные пряди своих илистых, скользких волос, что приносит ей прикольное

наслаждение...

– Ого-го-ооооо! Все сверкает!

...капли воды на ее илестых прядях кажутся ей бриллиантами, и все в тот же миг начинают чувствовать то же, что и она, даже Сэнди...

– Ого-го-ооооооо! Все сверкает!

...всплыв, она ощущает эйфорию!., в своей эйфории она украшена длинными сальными гирляндами озерного ила – самая счастливая илестая прикольщица на всем Западе...

132

...и Бэббс тоже ощущает ее эйфорию...

— Чаровница Гретхен, Королева Ила! – орет он, размахивая тростью в небесах.

— Ого-го-оооо! Все сверкает!...

Тем временем, однако, хейдженовская Красотка Колдунья, поддавшись разрушительному воздействию происходящего, прокралась к холодильнику и приняла немного кислоты, и теперь она вышла из автобуса на песок пустыни, в облегающей черной блузке и черной накидке, с длинными черными волосами, ниспадающими на накидку, как на картине прерафаэлитов, и с космической улыбкой на белом, как у ведьмы, лице улеглась на песок, принимает театральные позы и декламирует стихи. Одурела она до потери пульса, однако находит в себе силы выразить свое состояние безумными, маниакальными виршами...

...На одной полке койки любви лежит спальный мешок, и любой, кому невтерпеж потрахаться, может в этот мешок вползти – занимайся своей вещью, малыш, совершенно открыто, играйся себе сколько влезет, – и Сэнди всматривается во тьму и видит человеческое существо... трясущееся в спальном мешке, по которому под рев мотора скользят лучи автомобильных фар, – сказочная койка любви, и все – с и н х р о н н о – видят, как спальный мешок воистину наполняется спермой, как бешено плывут в этой жиже крошечные чертенята, просачиваясь в жалкую волосяную гадость, которой они пропитывают мешок, – их миллионы, биллионы, триллионы, этих мечущихся во всех направлениях крошечных самобичующих хитрюг, стремящихся добиться о б л а д а н и я , что совершенно естественно, и заползи в этот спальный мешок вздремнуть часок-другой после обеда самая рафинированная девственница на этом свете – через три минуты она вылезет оттуда неуклюжим брухатым чудом...

...а эти странные типы вываливаются из автобуса, половина в маскарадных костюмах: огненно-яркие рубахи в красно-белую полоску, некоторые причудливо раскрасили себе лица, как индейцы из книжки комиксов, под глазами огромные круги, глаза красные, носы не синие, отнюдь не синие, зато глаза красные...»

Возможно, что-то очень похожее могли бы рассказать участники древних мистерий Диониса – если бы смертный обет сохранить тайну не связывал их уста. Описание

133

вакханалий Мережковским удивительно похоже на рассказ Вулфа. Не хватает только одного – жертвоприношений. Но человеческие жертвы возникали как бы сами собой.

Масло в огонь «подливала» музыка. Композиции Джимми Хендрикса, Дженис Джоплин, «The Doors» (свое название, кстати говоря, группа получила в честь книги Хаксли «Двери восприятия» – «The Doors of Perception»), the «Grateful Dead», «Jefferson Airplane», написанные под влиянием постоянного приема LSD и объединенные спустя некоторое время в понятие «кислотный рок», оказывали ни с чем не сравнимое влияние на распространение наркотических «полетов».

«The Beatles» и «Led Zeppelin» начинают экспериментировать с приемом «кислоты». Трагедии музыкантов, связанные с наркотиками, – самоубийство лидера «The Doors» – Джима Моррисона и смерть Джимми Хендрикса – ничему не учат поклонников «Химического мессии». ореол мученичества играл лишь на возрастание популярности психоделического образа жизни. Происходила страшная вещь. Гибель молодых людей под воздействием отрицательных трипов становились событием обыденного ряда – *привычной жертвой «химическому идолу»*.

Что-то было не так. Под воздействием галлюциногенов человек неуловимо менялся. Эти, незаметные на первый взгляд, перемены начинали беспокоить беспечных участников психоделии.

В чем выражалось это «что-то»?

«...– Так вот, этот парень пытался открыть секретер... и при этом прищемил палец. Однако вместо того, чтобы выругаться: «А, черт!..» – или как-нибудь в таком же духе, он делает из этого случая притчу и говорит:

– Это же с и м в о л и ч н о . Разве не видишь? Даже бедолага, придумавший эту штуковину, и тот играл в ту игру, в которую его заставляли играть... Видишь, как эта штуковина сделана? Она открывается н а р у ж у ! . . Она должна выскакивать наружу, чтобы войти в твою жизнь, все время вот так в о н з а т ь с я... понимаешь?.., они об этом даже не думают... Видишь тот кухонный стол? – За дверью виден старый кухонный стол, покрытый эмалью. – Так вот, он наверняка з а д у м а н л у ч ш е , да-да, это так, я имею в виду – лучше всего

134

этого цветистого дерьма, этот кухонный стол мне правда по душе, потому что все в нем находится в н у т р и... понимаешь? – оно внутри, чтобы получать, вот в чем все дело, он пассивен, ведь что из себя представляет стол? Фрейд говорил, что стол – символ женщины, женщины с раздвинутыми ногами, и в своих снах ты его трахаешь... понимаешь?.. А это что символизирует? – Он показывает на секретер. – Это символизирует, то, что е...т тебя. Е...т тебя, верно? – И так далее...

Однако подобные разговоры неистребимы. *Каждый хватается за любое, самое незначительное происшествие так, словно оно представляет собой метафору самой жизни. Каждую минуту жизнь каждого человека содержит в себе больше вымысла, чем самая фантастическая книга. Это же фальшивка, черт побери... но мистическая... Проходит немного времени, и вы подхватываете ее, как заразу, как зуд, как краснуху»*

«Его вещь» – синоним равнозначности людей и вещей. Его вещь – это *его* дело, *ко мне* оно никакого отношения не имеет и иметь не может.

Веселое путешествие продолжается.

Точное число «отрицательных «трипов» по сравнению с «положительными» посчитать практически невозможно. Однако в легендарном автобусе Кизи психоделическое путешествие совершали 6 человек. Одна из них – «Совершенно Голая» – сходит с ума. Это и есть примерная цифра, которую сообщают многие другие авторы. Примерно 15–20% обречены на медицинский диагноз – шизофрения.

Для нашего изложения интересен сообщаемый и Вул-фом, и Тимоти Лири факт.– *первым признаком приближающейся шизофрении у наркомана являлось его ощущение наличия у себя... экстрасенсорных способностей.*

В Америке второй половины 60-х годов резко возросло число психотических пациентов.

В эти годы в США было открыто около 6000 пунктов психиатрической помощи. Они получили название «кризисных центров».

Самоубийства и другие «вещи», происходящие под воздействием LSD, не пугали хиппи и «адептов» психоделии, но они начали серьезно пугать пуритански настроенных родителей «революционеров».

Последнюю каплю терпимости к LSD испарила история «семьи» Чарльза Менсона.

«Семья» Менсона была мистической сектой, практиковавшей и индуизм, и LSD-«Трпнби», и сексуальные извращения. Таких сект в Америке 60-х насчитывалось несколько десятков. В «семье» употребление LSD в больших дозах было частью ежедневной «духовной» практики.

В один летний день 1967 года около 300 членов «семьи» Менсона были найдены мертвыми на принадлежащей ему ферме. До сих пор никто в точности не знает, что там произошло. Налицо было лишь коллективное самоубийство, совершенное по приказу главы секты.

138

LSD удалось «раскрыть» сознание сектантов. *Все*, по одному, подходили к «отцу» и принимали *яд*, несмотря на то что рядом умирали – и они видели это! – те, кто стоял ближе в жуткой очереди (потом этот сюжет неоднократно использовался в боевиках и иной кинопродукции Голливуда).

С помощью LSD Менсон сделал «своих детей» абсолютно внушаемыми... Они, как скот, шли на бойню, не задумываясь, послушные его приказу.

Так *самоубийство* стало убийством.

Сбежавший Менсон был пойман и окончил жизнь на электрическом стуле.

Массовое сознание, а вкупе с ним и юридические инстанции что-то поняли и, поняв, содрогнулись.

Интересно, что в том же 1967 году вышла книга биолога Джона Лилли. Она называлась весьма симптоматично: «Программирование и метапрограммирование человеческого биокомпьютера». Фактически, материал был целиком посвящен приему LSD как методу тотального изменения мировоззрения и поведения человека. Новое для тех лет слово «программирование», собственно, и имело в виду методы систематического внушения во время LSD-«Трпна».

Правда, Лилли имел в виду самовнушение и «самопрограммирование». Ирония судьбы заключалась в том, что работы Лилли использовались в ЦРУ для создания шпи-онов-«зомби». Вообще, взаимодействие психоделических «гуру» со спецслужбами было отнюдь не редкостью. Выяснилось даже, что «верховный жрец» Тимоти Лири стал... штатным осведомителем ФБР.

В 1967 году LSD был полностью запрещен к применению в США и Европе. В Америке была объявлена национальная программа борьбы с галлюциногеном, которая явилась причиной прямо противоположного развития событий.

Тот же Джон Лилли писал: «Программа... вызвала панику населения, сравнимую разве что с войной, чумой или голодом». Можно, вероятно, сказать, что снова повеяло средневековым «страхом ведьм».

Причину едва ли не любого преступления или любого самоубийства теперь начали видеть в употреблении наркотика. Пресса 60-х годов приводила случаи массового избиения людей, подозреваемых в употреблении LSD. Полиция арестовывала целые коммуны наркоманов.

139

Однако запрет первоначально лишь переместил центр тяжести психоделических «полетов» в сторону мескалина и псилоцибина.

Для мистически настроенной интеллигенции (в том числе и нашей страны) стала «библией» серия из 9 книг американского этнографа и этнопсихолога Карлоса Кастанеды под общим названием «Путешествия сознания», рассказывающая о галлюциногенном опыте мексиканского шамана, носящего в книгах имя Дона Хуана.

Однако к середине 70-х годов даже неформальные круги стали испытывать разочарование в галлюциногенах. «Психоделическая революция» закончилась как бы сама собой. Как будто заложенная в ней потенциальная энергия выдохлась, исчерпалась.

В книге Вулфа сам Кизи говорит:

«Энергия кислоты иссякла... мы подошли к какому-то пределу. Мы больше никуда не движемся, настало время искать новый путь».

Но энергии, однажды проявившиеся, не исчезают просто так. Чаще всего они переходят на некоторый иной уровень, выливаются в иные формы человеческого поведения.

Не последним событием, нарушившим «труды и дни» психоделического экстаза, стали психологически связанные с историей «семьи» Менсона факты применения LSD американским ЦРУ.

Третьего августа 1977 года на слушании в сенате США адмирал Стенсфилд Тернер, директор ЦРУ, признал, что его ведомство еще с начала 60-х годов проводило с помощью LSD опыты по «промыванию мозгов» множества американцев без их ведома и согласия. Одни из них были заключенные, другие – пациенты психиатрических больниц, третьи – онкологические больные в соответствующих центрах. Но было и неизвестное число лиц, не находившихся в лечебных учреждениях, ничего не подозревавших об уготовленной им роли

подопытных кроликов.

Агенты ЦРУ, например, подсыпали в стаканы завсегдатаев баров в Нью-Йорке, Сан-Франциско и других, не указанных Тернером, городах США LSD и другие психотропные вещества.

Подобного рода эксперименты проводились не только на пациентах психиатрических и онкологических клиник, но и на медсестрах и «другом медицинском персонале».

Л

При этом у некоторых из них «появились первые симптомы шизофрении».

Тень экспериментов ЦРУ и ФБР начала тяжким грузом ложиться на мир хиппи. «Психонавты» стали бояться, что им «вывернут наизнанку мозги».

«Движение ширится, Кен, – обращается к Кизи один из героев книги Вулфа, – и тысячи людей уже нашли для себя нечто прекрасное, они очень искренни и преисполнены любви, однако страх и паранойя, Кен, ожидание стука в дверь приводят к страшным вещам, Кен. Все это ответственно *за множество скверных улетов*. Люди ловят не тот кайф, Кен, ведь стоит им принять кислоту, как они начинают чувствовать, что в любой момент может раздаться стук в дверь».

Все это на официальном языке называлось «Программами по изучению модификации поведения». Они имели, конечно, самое прямое отношение к исследованию LSD, но, разумеется, только этим веществом не ограничивались.

То были программы, изучавшие возможность изменения поведения групп населения на фоне принятия ими галлюциногенов. Данную тематику еще можно было бы обозначить как *изучение возможности внушения «нужных мыслей» большим массам людей...*

Вот как Гюнтер С. Томпсон описывает ту эпоху:

«В «Путешествиях» в стиле Тимоти Лири обнаружилась роковая ошибка. Он гремел на всю Америку, наживаясь на пресловутом «расширении сознания», не обращая внимания на жестокие последствия, ожидавшие людей, которые принимали его слишком серьезно. Все эти патетически настроенные чудаки верили, что они могут купить Мир и Понимание за 3 доллара. Но их неудачи и разочарования – это и наши неудачи. С именем Тимоти Лири связаны широко укоренившиеся иллюзии; и благодаря ему целое поколение искалеченных на всю жизнь, потерявших надежду людей никогда не поймет старое как мир заблуждение – что якобы кто-то – или, по крайней

мере, какая-то сила – может зажечь Свет в конце туннеля» (приводится по книге «Наркотики и общество». – А.Д.).
Число употребляющих LSD значительно уменьшилось в 80-е годы, достигнув минимума в 1991 – 1992 годах. Однако с 1993 года во всем мире вновь начался стабильный рост употребления LSD.

141

И за рубежом, и в нашей стране появляется все больше информации о постоянном использовании LSD и «Экстази» во входящей в моду молодежной культуре рейва.

Многочасовые, длящиеся до 1,5 суток танцевальные марафоны рейва практически обязывают своих участников принимать наркотики. Телекомпания CBS утверждала недавно, что *«рейвы больше похожи на 60-е годы, чем сами 60-е годы похожи на себя»*... Вновь употребление наркотиков оказалось тесно связанным с молодежной музыкальной культурой.

Но главное все же не в этом. Эпоха психоделической революции пролегла водоразделом в судьбах культуры XX века. Кислотные краски, музыка и, главное, «кислотное» отношение к людям и вещам вышли из мира галлюцинации и стали частью реальности.

«Дионисическое» восприятие стало преобразовываться в действительность.

ЧТО ТАКОЕ «ТРИП», или ОСТРЫЕ ЭФФЕКТЫ ДЕЙСТВИЯ LSD

LSD является самым мощным среди известных галлюциногенных препаратов. Даже чрезвычайно малые дозы – от 10 до 20 микрограмм (1 микрограмм = 1. миллионной части грамма) – способны вызывать психические изменения.

Галлюциногенный эффект LSD не зависит от способа его приема. Реактив глотают или вводят внутримышечно или внутривенно. От способа введения зависит только время наступления требуемого эффекта. Латентный период (время от приема препарата до появления галлюцинаций) находится в промежутке от 10 минут до 3 часов.

LSD-переживания всегда обусловлены окружающей обстановкой и психологическим настроением как самого человека, так и тех, кто рядом с ним, окружающих его людей. Интенсивность LSD-переживания может быть временно ослаблена усилием воли наркомана при открывании глаз и совершении произвольных движений.

Интенсивность усиливается в позиции *сна* – лежа с закрытыми глазами, а также искусственной изоляцией. Наркоман выключает свет, занавешивает окна плотной

142

тканью, может надеть на глаза повязку. Часто используется музыка или просто ритмичные звуки – скажем, работающий метроном.

Физические симптомы

Появляются при приеме LSD практически всегда. Эти симптомы абсолютно аналогичны ощущениям, которые появляются при употреблении психостимуляторов. Здесь же отметим, что проявление вегетативных реакций на прием наркотика может включать в себя реакцию как симпатической, так и парасимпатической ветви периферической нервной системы.

Симпатическая реакция – учащение пульса, подъем артериального давления, расширение зрачков, трудности фокусировки зрения на отдельных предметах, густая липкая слюна, потливость, подъем волос на теле, посинение рук и ног, запор и озноб за счет сокращения периферических артерий.

Парасимпатические реакции – замедление пульса, снижение артериального давления, слезоточивость, слюнотечение, понос, тошнота и рвота.

Обе эти реакции могут перемежаться, но, как правило, преобладает либо одна, либо другая точка.

Могут возникать и общие симптомы – нарастающее чувство усталости, разбитость, ощущение ломоты в руках и ногах.

Общестимулирующее действие наркотического вещества практически у всех пациентов вызывает увеличение мышечного напряжения, дрожь пальцев рук. Часто возникают подергивания различных групп мышц, доходящие до судорог или сложных выкручивающих движений конечностей.

Хотя избыточную мышечную напряженность отмечают большинство пациентов, некоторые из них испытывают полную расслабленность мышц тела, доходящую до невозможности двигаться.

Под влиянием стимулирующего действия наркотиков на периферическую нервную систему могут возникать разнообразные боли, чувство тяжести в конечностях и в половых органах.

143

Эмоциональные симптомы

В период действия LSD симптомы изменения эмоционального состояния появляются первыми. И эти симптомы практически ничем не отличаются от вызываемых кокаином или первитином. Можно смело говорить о том, что все рассуждения, приведенные в нашей книге о психостимуляторах, в том числе и метафизическое значение *поиска новых ощущений*, имеет прямое отношение и к приему наркотиков галлюциногенной группы.

Для большинства здоровых испытуемых, принимающих средние дозы LSD, характерна эйфория, то есть различные проявления радостного или приподнятого настроения. Человек может осознавать такое настроение как оживленное, как чувство безмятежного покоя, как переполняющую его радость и даже... как оргазм.

Однако при более высоких дозах возрастает склонность к смене настроения и отрицательным эмоциям.

Во время «трипа» может появиться тревога, переходящая в панику – например, от внезапного страха смерти. Или же возникнуть «спокойная» или «пустая» печаль (депрессия), сопровождаемая мыслями о бессмысленности существования, когда единственным выходом из тупика видится самоубийство.

Очень часто человек во время «трипа» мучительно ощущает собственную неполноценность, вплоть до тотального чувства собственной вины перед всем миром.

Подобные переживания могут сопровождаться агрессией, истерическими реакциями и криками. Вообще, реакция опорно-двигательного аппарата на прием наркотика будет соответствовать эмоциональному состоянию. Человек способен беспричинно смеяться, двигаться или набрасываться на кого-то с кулаками без всяких на то причин.

Подводя итог, можно сказать следующее: во время LSD-«трипа» человек испытывает практически любое известное в современной психиатрии патологическое эмоциональное состояние: от выраженной мании до глубокой депрессии. В какое именно попадет человек после приема наркотика, зависит от индивидуальных особенностей его нервной системы и *от желания людей*, находящихся рядом во время наркотического «путешествия».

144

Сексуальные симптомы

Чаще всего, независимо от эмоционального состояния, сексуальность заторможена. «Психонавт» отказывается говорить о сексе. Кажется, что для него нет ничего менее интересного, чем секс.

Однако случается, что весь «трип» ориентирован именно на интенсивные сексуальные влечения и фантазии. В этом случае они носят странный и необычный характер – как правило, связаны либо с половыми извращениями (переживаниями собственного садизма, гомосексуальности и т. д.), либо принимают формы «мистического» секса – сатанинский ведьминский шабаш или, скажем, оплодотворяющий природу вселенского масштаба половой акт.

Таким образом, отношение к сексу человека, находящегося под влиянием LSD, является живой иллюстрацией к доказанному психоанализом тесному соседству агрессии, гомосексуализма и мистицизма.

Симптомы изменения сознания

Изменений сознания собственно в психиатрическом смысле, то есть появления сопора, ступора или комы, не отмечается. Наркоман сохраняет основные виды ориентировки. Он осознает собственное существование, продолжает понимать время и место приема наркотиков.

По всей видимости, можно охарактеризовать изменение сознания человека во время «трипа» как *качественное*. Это состояние очень напоминает состояние сновидца. Сохраняя бодрствование, человек видит сны наяву. Даже его электроэнцефалограмма в этот период очень походит на соответствующую энцефалограмму во время активного сна (так называемой REM, или парадоксальной, фазы, которую приборы отмечают, когда человек видит сновидения).

Симптомы изменения мышления, интеллекта и памяти

Происходит своеобразная трансформация мышления. Логическое и абстрактное мышление возможно, но требует видимых сознательных усилий. На передний план выступает *мышление алогичное*.

145

Это мышление – как бы по типу сновидений, ибо оперирует не словами, а *образами*. Связи (ассоциации) между ними наступают без всякой логики, *случайно*, за счет *видимой похожести* одного образа на другой. Современные исследователи сказали бы, что мышление во время LSD-«трипа» похоже на *виртуальное* мышление или мышление посредством случайных образов – *артефактов*.

Мышление с помощью случайных ассоциаций развивается из-за ощущения равнозначности всех воспринимаемых объектов. Как правило, наркоману и во время «трипа», и после него очень трудно выделить главное как в переживании, так и в окружающем мире. Пациенты при попытке пересказать содержание галлюцинаций «утопают» в деталях и подробностях, а события и объекты окружающей реальности воспринимаются как имеющие равно-символическое значение для личности. Психиатры называют такое мышление крайней степенью «патологической обстоятельности».

Спонтанная (случайная) связь зрительных образов может сделать мышление абсолютно неожиданным и привнести к внезапным решениям как внешних, так и внутренних проблем личности.

Случайное совпадение образов может восприниматься как интуитивная проницательность, позволяющая соединять вместе доселе несовместимую информацию из самых разных областей знания. Модные в 70-х годах психологические техники разрешения сложных задач, известные у нас как «мозговой штурм», сформировались под влиянием участия их авторов в LSD-«трипах».

В самом «трипе» большая часть таких «прорывов» мышления – явления скорее случайного порядка. Произвольное взаимодействие галлюцинаторных образов вызывает ошибочное объяснение внешних событий и нередко может приводить «путешественника» к состоянию, похожему на манию преследования или манию величия (см. «Синхроничность»).

Логическое, то есть *последовательное*, мышление во время сеанса замедляется, следовательно, *интеллектуальные возможности «психонавта» резко снижаются*.

Память об ощущениях, пережитых во время LSD-«Трипа», практически полностью сохраняется.

Однако это не относится к применению высоких доз наркотика и смесям из LSD и антихолинергических ал-

калоидов. Именно при их использовании грозит полная амнезия всего того, что происходило с человеком во время действия химического вещества. Видимо, этот феномен использовался спецслужбами.

«Забывание» содержимого сеанса может быть вызвано и прямым внушением со стороны присутствующего постороннего наблюдателя. Эффект при этом будет гораздо более стойким, чем от внушения гипнотического.

Внушаемость

Равнозначность объектов и образов во время сеанса LSD – это неспособность человека логически объяснить, связать в единую смысловую систему свои переживания. Хаотически наплывающие образы приводят к ощущению, которое наши пациенты описывают как *«потерю возможности ориентироваться в собственном внутреннем мире»* или просто *«потерю самого себя»*.

Вот, например, типичный рассказ:

«Где-то глубоко во мне как будто лопнул какой-то очень тонкий, но тем не менее- способный удерживать осколки моей души рядом друг с другом мыльный пузырь. С момента этого беззвучного лопания я перестал осознавать, что я такое. Меня больше не было. Точнее говоря, вокруг плавали какие-то куски, в которых я себя узнавал. Эти куски когда-то были мною, но собрать их снова вместе никакой возможности не было. Это было очень смешно. Потом мне говорили, что я ржал как безумный. Но в этом ощущении отсутствия меня внутри меня я не мог ничего делать – меня же не было. То аморфное и глуповатое «оно», которое существовало на месте меня, вдруг испугалось отсутствия всяких ориентиров в продолжающемся вертеться мире. «Оно» остро нуждалось и с нетерпением ждало любых слов или приказов из внешнего мира. Казалось, что звук, который придет извне, может "Посадить все осколки на какую-нибудь ось. Эта ось превратится во что-то наподобие меня, моего бывшего пузыря. Я вдруг осознал, что жить совсем без такого пузыря мое обезумевшее «оно» не в состоянии...»

Из этого LSD-состояния можно понять, что мы имеем в виду под тотальной внушаемостью. «Психонавт» во вре-

мя LSD-«ТрНпа» испытывает ощущение *растворения границ собственного «Я»*. Такое ощущение в психиатрии носит название *деперсонализации*. Однако у психически больных людей это состояние, как правило, бывает частичным, неполным. Во время LSD-«Трппа» мы сталкиваемся с *тотальным* ощущением – деперсонализации в ее наиболее законченном и полном виде.

«Однако это все с л о в а , старина! – говорит один из героев Т. Вулфа. – А словами этого не выразить. Белым Халатам нравилось облекать это в такие слова, как галлюцинация и диссоциативные явления... Стоило предоставить им убедительные доказательства превращения пепельницы в венерианскую мухоловку или глазного кино про хрустальные храмы, и они с упоением втискивали все это в теоретическую колею... Ну и на здоровье. Только разве не **ясно?** – *в случае с ЛСД зрительное восприятие было всего лишь декором*. Мало того, можно было испытать все ощущения без единой настоящей галлюцинации. *Все состояло из... ощущения... этого неизбежного, непередаваемого чувства... Непередаваемого, потому что слова способны лишь пробуждать воспоминания, а если воспоминаний нет... Ощущение исчезновения грани между субъективным и объективным, личным и безличным, «я» и «не-я»... то самое чувство!..»*

Чувство потери «Я» приводит к тому, что **место «Я»-ощущения** (Эго, Самости, Личности, Индивидуальности – пока мы не будем различать эти понятия) может занять на какое-то время результат **любого постороннего внушения**. Вот что имеется в виду под понятием «повышенная внушаемость» наркомана.

Первое в отечественной науке определение понятия «внушение» сформулировал В.М. Бехтерев. Вот что он писал в 1903 году:

«Все, что входит в сферу личного сознания, вступает в соотношение с нашим **чувством «Я»**, и так как все в личном сознании находится в строгом соответствии и сочетании с **чувством «Я»-субъекта** – сочетании, *служащем выражением единства личности*, – то очевидно, что *все, входящее в сферу личного сознания, должно подвергаться соответственной критике и переработке со стороны «Я»*.

Внушение есть не что иное, как *вторжение* в сознание или прививание ему *посторонней идеи без непосредственно-*

го участия в этом акте «Я»-субъекта, вследствие чего последнее является или совершенно, или почти безвластным его отринуть и изгнать из сферы сознания даже при том условии, когда оно сознает его нелепость. *Проникая в сознание помимо активного участия «Я»-субъекта, внушение остается вне сферы личного сознания, благодаря чему и все дальнейшие его последствия происходят без контроля «Я» и без соответственной задержки*. Благодаря этому, внушение приводит к той или иной навязчивой идее, к осуществлению положительных и отрицательных галлюцинаций» (курсив мой. – А.Д.).

Именно состояние «исчезновения грани между «Я» и «не-Я», то есть *утрату* того, что Бехтерев называет *«чувством «Я»*, адепты психоделии и называли *«расширенным»* или *«открытым»* сознанием – *главным* ощущением, которое приносит прием наркотика.

Симптомы изменения восприятия

Изменение восприятия есть видимая суть воздействия наркотика. Прием LSD искажает работу всех органов чувств: зрения, слуха, осязания и обоняния. Искажает он и специфическую внутрителесную (проприорецептивную) чувствительность. Доминировать, почти во всех случаях, будут визуальные (зрительные) видения и

галлюцинации.

Для удобства описания разделим эти симптомы на несколько групп.

Изменение восприятия в области невизуальных органов чувств

У большинства пациентов во время LSD-«Трипа» проявляется сверхчувствительность к звукам. В связи с тем, что слуховой анализатор мозга перевозбуждается, очень тихие и очень громкие звуки воспринимаются как *равнозначные*. Их трудно отличить друг от друга. Точно так же трудно отличить слуховые иллюзии (искажения реально существующих звуков) от слуховых галлюцинаций (звуков, не существующих в реальности).

149

Поэтому большую часть звуковых феноменов принято обозначать как псевдогаллюцинации. Звуки могут восприниматься как неразличимый гул, а могут быть дифференцированы. Пациент может слышать звуки мебели или роста травы. Звуки могут приобретать цвет, перейти в зрительную область восприятия.

Почти аналогичная картина и там, где речь идет о вкусовых и обонятельных изменениях. Вообще, подобные галлюцинации и иллюзии свойственны людям с врожденной слепотой, которые даже под воздействием LSD не испытывают зрительных галлюцинаций.

У обычного человека ощущения запаха и вкуса во время «трипа» подавлены, и только иногда, ближе к концу действия наркотика, появляются разнообразные изменения. Пациенту кажется, что он может различать специфические запахи отдельных предметов (запах дивана, материала, из которого сделан шкаф, и т. д.). Привычные же запахи – сигарет, цветов или духов – он, напротив, не ощущает.

Искажения возможны и со стороны вкуса. Например, вкус воблы трансформируется во вкус сладкого пирожного (*особенно если кто-нибудь внушит пациенту, что ест он непременно пирожное*). Может возникать иллюзия того, что во рту находятся какие-то посторонние предметы с неприятным вкусом. Как правило, иллюзии эти связаны с образами зрительных галлюцинаций, то есть возникают вторично, приходят *из воображения*.

В тактильной области могут появляться как гиперчувствительность различных зон и участков кожи, в особенности эрогенных, так и полная потеря чувствительности. Причем повышение чувствительности может доходить и до прямой боли или отвращения при самом осторожном прикосновении.

Изменения визуального восприятия

Изменения зрительного восприятия – визуальные иллюзии и галлюцинации, вне всякого сомнения, являются ведущими факторами сеансов LSD. В диапазон расстройств зрительного восприятия во время LSD-«трипа» входят все виды описанных врачами иллюзий, галлюцинаций и псевдогаллюцинаций – от простых вспышек света, геометрических

150

фигур и разноцветных движущихся картинок до сложнейших образов, включающих иные вселенные.

Зрительные восприятия, как правило, не обособляются. Им принадлежит лишь ведущая роль в картине сенсорных феноменов. Описанные ниже симптомы человек не только видит, но и чувствует – например, пациент чувствует, что у него увеличилась рука, и видит это своими глазами. Частым феноменом являются синестезии – способность «видеть» звуки или, наоборот, «слышать» цветовую гамму.

Симптомы дереализации

Во время приема LSD постоянно отмечаются искажения в восприятии *основных характеристик реальности* – пространства и времени.

Расстояния между предметами изменяются. Предметы по отношению к наблюдателю могут казаться более отдаленными или приближенными, чем на самом деле. В зависимости от субъективного восприятия наркомана подобное ощущение может описываться как увеличение или уменьшение отдельных предметов.

Изменяема и сама перспектива пространства. Оно может казаться сжатым по вертикали или горизонтали; некоторые пациенты ощущают пространство как плоскость (теряется ощущение трехмерности).

Кроме того, пространство и предметы могут менять плотность. Вещи кажутся прозрачными и нематериальными или, скажем, имеющими зернистую структуру; причем «психонавт» уверен, что зерна, из которых состоят предметы, имеют самостоятельную жизнь. Пространство может, наоборот, увеличить плотность и стать мрачным, непроницаемым, и тогда предметы покажутся лишь вкраплениями или выпуклостями в бесконечной каменной громаде.

Имеет место и иллюзия своеобразного растворения в окружающем пространстве. Ощущения при этом могут быть как приятными, так и подавляющими (слияние с пространством часто воспринимается как *уничтожение индивидуальности*, то есть переходит в деперсонализацию).

Восприятие времени изменяется почти у всех испытуемых. Оно то резко ускоряет, то замедляет свой бег. Порой минуты воспринимаются как целые прошедшие века. День,

151

проведенный в LSD-переживании, воспринимается как несколько улетевших секунд. Испытуемый может ощущать время и как полностью остановившееся. Прошлое, настоящее и будущее для него едины и равнозначны. Они существуют одновременно. Ощущение того, какие из переживаемых в воображении образы и факты имели

отношение к прошлому, а какие – к настоящему, может исчезнуть.

Станислав Гроф выделял как особый феномен деперсонализации переживание пациентом «путешествий» в собственное раннее детство.

Изменения «схемы тела»

Человек имеет особый вид чувствительности, о котором обычно не задумывается. В медицине она обычно носит название «экстерорецептивной». Существует род рецепторов, посредством которых мы чувствуем свое тело, его нахождение в пространстве. Именно эти рецепторы посылают мозгу информацию о том, что какой-то из внутренних органов находится в дисбалансе с остальным организмом.

Эти ощущения во время LSD-«Трипа» также могут претерпевать трансформацию. Человеку вдруг покажется, что он «вырос» – увеличился в размерах. Или, наоборот, резко уменьшился, превратился в карлика. Возможно, Алиса, попавшая по воле Льюиса Кэрролла в «Страну чудес», для того чтобы увеличить или уменьшить свой рост, отнюдь не случайно откусывала кусочки именно... *ГРИБА*.

Менять таким образом размеры тела могут и отдельные его части. Например, пациентам часто кажется, что их голова стала огромной, а ноги и руки – крошечными. (Не из подобных ли переживаний возникли модные в 70-х годах «портреты космических пришельцев»?) Огромной и неповоротливой может казаться рука или нога, «разбухшими», заполняющими все тело, отдельные органы.

Сложные иллюзии

Началом «трипа» очень часто служит резкое искажение восприятия сложных гармонических сигналов из внешней среды.

152

«Психонавты» часто описывают такие переживания используя термины, принадлежащие сфере искусства. За счет искажения восприятия формы и цвета, а также изменения звукового тона такие художественные образы претерпевают в сознании значительные метаморфозы.

Один из наших пациентов, например, рассказывал, что в знаменитой картине Пикассо «Девушка на шаре» он понял то, что шар представляет собой не что иное, как живую свинью, а девушка на самом деле – пастушка, которая забыла покормить подопечную (характерно, что пациент этот постоянно жаловался на свою жену, которая не хочет готовить ему горячие обеды).

Столь же необычно воспринимается и музыка. Она «переполняет организм», «плещется через край», каждый звук «превращается в живой вирус», готовый «сожрать» тело. Музыкальные каскады слышатся в шуме воды. Голоса соседей превращаются в камерный хор... и т. д.

Галлюцинации воображения

Внутри LSD-переживания каждый сдвиг восприятия отдельно (как это выглядит здесь, на бумаге), то есть сам по себе, не существует. На деле, LSD-«Трип» представляет собой некий галлюцинаторный комплекс, управляемый как извне, так и усилием воли самого пациента.

Выраженные, обусловленные индивидуальностью различия, относимые к таким сложным переживаниям, говорят о том, что их структура зависит как от характеристики обмена веществ и конституции «психонавта», так и от процессов, протекающих в его психике.

Можно считать доказанным, что ощущения, испытываемые в LSD-переживании, напрямую зависят от структуры бессознательного в человеческой психике.

Образы LSD-переживания, с точки зрения исследовавших их врачей, могут нести функцию, которую Фрейд приписывал сновидениям, – *«удовлетворение дневных неосознанных желаний»*. По всей видимости, «трип» и является химически обусловленным «сновидением наяву».

Единственный психиатрический термин, который в какой-то мере применим к подобным проявлениям комплекс -

153

ного переживания, затрагивающего все органы чувств, – это *галлюцинации воображения*.

Для того чтобы было понятно, какой именно род переживания имеется в виду, приведем основные моменты «картографии» среза бессознательного в человеческой психике, изложенные Станиславом Грофом в его книге «Области человеческого бессознательного». Всех желающих подробнее разобраться в проблеме отсылаем к этой любопытной книге, уже несколько раз издававшейся на русском языке.

Станислав Гроф описывает несколько уровней галлюцинаций воображения в зависимости от «глубины залегания» той части бессознательного, откуда и рождаются все эти картины и образы.

1-й уровень – абстрактные и эстетические переживания

При использовании небольших доз наркотика наблюдается, в начале или в конце сеанса, усиление сенсорной чувствительности. В переживании появляется уже упомянутая нами «игра» художественных ассоциаций.

Человек видит крайне динамические абстрактные геометрические цветовые построения или пятна. В

зависимости от уровня образования и культуры испытуемого спонтанные образы или пятна описываются с помощью -разнообразных эстетических сравнений.

Описания могут включать восприятие солнца, ярко горящих разноцветных лампочек, абстрактных архитектурных построений. Испытуемые описывают их как интерьеры неземных дворцов, нефы соборов или картины абстракционистов, таких, как Василий Кандинский. Перед глазами могут возникать образы, напоминающие разноцветные вращающиеся фонтаны или вспыхивающие фейерверки.

При восприятии того же уровня с открытыми глазами контуры световых и цветowych фигур расплываются и начинают сплетаться с реально существующей обстановкой.

Человеческие лица и предметы переплетаются с различными орнаментами и включаются в его структуру. Кажется, что галлюцинация является составной частью окружа-

154

ющих вещей. Такие иллюзорные ощущения часто сравнивают с картинами Жоржа Сера и Винсента Ван Гога.

В это время уже могут встречаться все описанные нами иллюзии, связанные с изменением формы собственного тела, пространства и времени.

Испытуемые говорят, что в результате таких изменений окружающей обстановки она начинает напоминать картины знаменитых кубистов – Пабло Пикассо или Фернана Леже.

Возможны и так называемые парейдолические иллюзии. Пятна и трещины на полу и стенах, световые блики, одежда могут выглядеть как фантастические животные, гигантские искаженные лица или ландшафты загадочных стран.

В этой же стадии сеанса появляется гиперчувствительность к звукам. Человек начинает слышать звуки, которые раньше не слышал, но одновременно теряет способность ясно различать привычные звуки. В результате формируются акустические иллюзии.

В монотонных звуках, таких, как шум воды или гудение холодильника, человек слышит странную музыку, напоминающую отчасти музыку Шенберга. К этому же уровню переживаний Гроф относит и появление того, что в психиатрии называют «синестезиями». За счет перевозбуждения возникает реакция несоответствия типовым представлениям со стороны органов чувств. Человек говорит, что он «слышит звук цвета», «видит музыку» или «чувствует вкус красного цвета».

Сам термин «синестезия» принадлежит Альберту Хофману. Подобные, встречающиеся практически во всех «трипах» переживания были названы им «константными» и впервые были им описаны в подробном отчете об эффектах собственного приема LSD.

Среди константных переживаний, относящихся к разряду абстрактно-эстетических, стоит отметить описанные в том же отчете Хофмана «вихреобразные образы», «спиральные взрывы» и «решетчатые», напоминающие шахматную доску, преобразования гладких поверхностей.

Ряд авторов относят к константным образам и проекцию человеческого лица на тело партнера (соски воспринимаются как глаза, а низ живота – как рот и т. д.)

К этому же уровню относится и необычное восприятие предметов искусства. Нужно только учитывать, что в этом

155

иллюзорном мире ассоциации складываются *случайным* образом и смысловой нагрузки нести не могут.

Все перечисленные переживания, не углубляясь далеко в бессознательное, представляют для пациентов вид увлекательного зрелища. Многие испытуемые сравнивают их с ощущениями от цветомузыкальных установок или от искаженного сигнала в телевизоре.

Собственно, только этот уровень переживаний и приносит наркоманам удовольствие. Как только доза превышает некоторую «среднюю» величину, а это понятие для LSD абсолютно индивидуально, удовольствие прекращается и на его место заступает страх.

2-й уровень – системы конденсированного опыта

При небольшом увеличении доз во время LSD-«Трипа» появляются константные переживания особого рода, которые Станислав Гроф описывал как особое *сгущение воспоминаний*. На поверхность сознания всплывают образы, в которых сконцентрирован личный опыт и связанные с ним впечатления и фантазии, относящиеся к различным периодам человеческой жизни.

Такие воспоминания и фантазии, как правило, имеют некую общую образную «ось», то есть схожий по формальным признакам жизненный опыт выражает себя в LSD-переживании в схожих по форме фантастических образах.

Каждая система конденсированного опыта (в дальнейшем – СКО) несет в себе то, что можно обозначить как общий эмоциональный знаменатель всех событий, имеющих отношение к данной конкретной системе образов.

Выражаясь современным языком, СКО представляют собой эмоциональные «файлы» – папки, в которые компьютер нашего мозга «складывает» воспоминания. Каждый такой «файл» у любого человека имеет свою «иконку» – один или несколько индивидуальных базовых образов или символов.

Точно такие же «файлы», организующие деятельность бессознательной части психического мира, Карл Юнг называл «архетипами». Для Юнга архетип – это наследуемая часть психики, связанная с инстинктом. Эту гипотетическую сущность невозможно представить саму по себе. Ее

156

d

можно зарегистрировать лишь с помощью анализа образных проявлений.

Юнг сформулировал гипотезу об архетипах, наблюдая в культуре, сновидениях, поведении как самого себя, так и своих пациентов повторяющиеся образы и схемы поведенческих реакций. Можно сказать, что архетипы – это древние, наполненные энергией образы, способные определять различные формы человеческого поведения и мышления. Образы и поведенческие паттерны в единый архетип связывают общий *смысл* символической деятельности человека.

СКО Грофа можно назвать попыткой разработать оригинальную, отличную от Юнга систему базовых архетипов.

Интересно, что русский физиолог А.А. Ухтомский еще в начале века описал такого рода психологические «знаки души», которые он называл «образными доминантами жизненного опыта». Ухтомский и Юнг шли, не зная друг о друге, удивительно похожими путями. Еще до формирования термина «архетип» в 1917 году Юнг писал о «безличностных доминантах» или «узловых точках в психике, которые притягивают энергию и влияют на личные действия».

Но ни Юнг, ни Ухтомский, ни Гроф, разумеется, не могут претендовать на первенство самой мысли о существовании в структуре человеческой психики узловых идей или образов. Согласно Платону, идеи изначально присутствуют в разуме богов и служат моделями всех сущностей человеческого космоса. Иммануил Кант описывал такие *изначальные* идеи под названием «априорные категории восприятия», а Шопенгауэр называл их «прототипами воли».

Каждый архетип или СКО связан с сильным эмоциональным зарядом одного и того же качества. Каждый образ, появляющийся во время LSD-переживания, сопровождается суммой эмоций, включающей в себя все воспоминания, которые образовали данную СКО.

Можно сказать, что наш жизненный опыт складывается в основном из отрицательных эмоциональных переживаний. С раннего детства наши мечты и желания сталкиваются с внешними запретами. *В большинстве случаев реальность приносит нам боль* – желания оказываются невыполнимыми или не удовлетворяются сиюминутно. *Мы*

157

учимся взаимодействовать с реальностью на собственных ошибках.

Наши *ошибки и боль* память просеивает и в упрощенном виде концентрирует как ряд символических образов, несущих отрицательный эмоциональный заряд. Если мы будем повторять ошибку, пытаться «наступить на те же грабли», – наша память *подаст нам сигнал*. Это будут или образы (например, в сновидении или LSD-переживании), или некая отрицательная эмоция, причину возникновения которой можем не осознавать.

Поэтому большая часть эмоционального заряда, который содержат СКО, является суммой *отрицательных* эмоций.

Вот что пишет С. Гроф:

«Различные слои одной системы могут содержать все воспоминания о столкновениях индивида с унижительными ситуациями, разрушившими его уважение к себе. В других случаях общим элементом может оказаться тревога, которая переживается по отношению к шокирующим и пугающим событиям прошлого. У испытуемого может возникать чувство клаустрофобии (боязнь замкнутого пространства. – *А.Д.*) или удушья, которое вызвано различными безвыходными ситуациями, в которых человек не имел возможности сопротивляться, защитить себя или бежать; также может возникать крайне интенсивное чувство собственной вины и внутренней неправоты, связанное со множеством жизненных ситуаций. Переживания эмоциональной депривации (изолированности и одиночества. – *А.Д.*) и отверженности в различные жизненные периоды – еще один очень частый мотив многих СКО. Столь же часто встречаются темы, изображающие секс опасным и отталкивающим, или темы, включающие в себя агрессию и насилие. Особенно важными являются СКО, представляющие и конденсирующие опыт столкновения человека с ситуациями, ставящими под угрозу его жизнь, здоровье и целостность тела».

Приведем в качестве иллюстрации пример СКО-переживаний из собственной врачебной практики.

К нам на консультацию был доставлен Володя К. Володя был возбужден, переживал галлюцинации, но контакту с врачом не препятствовал. Выяснилось, что ночью на танцплощадке он «съел десяток (!) марок с LSD».

158

Володя рассказывал, что видит себя в образе караса в пруду. Видит он и собственного отца с рыболовной сетью в руках, которой хочет его поймать. Образ отца искажен преломлением света. Отец кажется уродливым и жестоким. Раз за разом в пруд опускаются корявые и окровавленные руки отца, вызывающие у Володи приступы животного страха.

Для того чтобы оказать пациенту помощь, автору пришлось фактически провести сеанс LSD-терапии, то есть находиться в течение 5 часов рядом с ним, комментируя испытываемые ощущения.

За это время Володя прошел через несколько слоев СКО. Сцена с карасем в пруду завершилась тем, что Володя «попался» в расставленные отцом сети. Он бился в судорогах, напоминая пойманную рыбу. У него началось удушье (отец вытаскивал рыбу из воды). Врачу пришлось внушать пациенту, что он, врач, – вовсе не врач, а соседний рыбак, – пользуясь тем, что отец пациента, отошел за дерево, распутывает сеть и выпускает пойманного караса обратно в воду.

После того как видение с прудом закончилось, Володя увидел самого себя с окровавленными по локоть руками. Он сообщил, что только что изнасиловал и с наслаждением убил маленькую девочку 6–7-летнего возраста. Пациент сказал, что на самом деле он – насильник и убийца, который охотится за детьми.

В следующем слое СКО Володя увидел себя ребенком, подглядывающим в щелку двери, как отец зверски избивает мать. Причем внутри переживания мать казалась ему чем-то абсолютно мягким и податливым – чем-то вроде резиновой куклы, а отец бил эту куклу для того, чтобы добыть из нее кровь...

На следующий день после всего этого выяснилось, что отец Володи был алкоголиком, умершим во время запоя, – подростку тогда было 14 лет. Мать пациента, малообразованная и очень добрая женщина, всегда пассивно подчинялась требованиям и отца и сына. Володя рассказал, что 7 лет он испытывал сильнейшее половое влечение к своей старшей сестре и много лет занимался онанизмом. Из беседы с Володиной матерью удалось узнать, что в 5-летнем возрасте он действительно видел, как отец бил ее, после чего мальчик ушел из дома и

159

3 суток прятался в подвале, прежде чем его нашел и избил отец.

Для того чтобы объяснить взаимосвязь между реальными событиями жизни Володи и тем, что он увидел в LSD-«трипе», пришлось бы воссоздать некий образчик классического психоанализа. Однако связь между реальностью и образами LSD-галлюцинаций читатель может почувствовать и без этого.

Хочется отметить несколько основных положений.

Во-первых, возникающую во время переживания СКО отрицательную эмоцию «психонавт» не в состоянии контролировать. Ухтомский описывал этот феномен как «неспособность к управлению доминантными эмоциями». Если бы Володя в описанной ситуации остался бы один на один с собственными переживаниями, он мог бы погибнуть от внушенного самому себе удушья, совершить самоубийство или акт насилия по отношению к окружающим.

Во-вторых, хотя Володя и не первый раз принимал LSD на танцах, «провал» на более глубокий, нежели привычный уровень переживаний, оказался для пациента полной неожиданностью. Трудно подсчитать, сколько самоубийств и проявлений немотивированного насилия связано с подобными внезапными «падениями» на непосильную для психики глубину LSD-переживания.

Вероятность таких событий подтверждается и тем фактом, что при переживании СКО реакция на различные внешние стимулы всегда неадекватна и чрезмерна.

Дело в том, что *на сигналы из внешней среды здесь реагирует не столько сама личность, сколько доминанта или синдром конденсированного опыта*. Этот факт станет крайне важен для нас при обсуждении изменений личности под влиянием LSD.

В-третьих, уровень СКО-переживаний является тем самым уровнем LSD-втрипа», на котором человек становится *управляемым*.

Как явствует из приведенного случая, терапевт, вовлеченный в орбиту переживаний пациента, может «войти» внутрь галлюцинации и «выйти» из нее. Он может стимулировать дополнительные отрицательные ассоциации у того, кто находится в данный момент в «трипе». Автор, например, мог легко внушить Володе какие-то иные черты облика отца и перенести тем самым ненависть и страх,

160

которые сын испытывал по отношению к отцу, на любого другого человека.

Так как на следующих «кругах» Володя «видел» собственную сексуальную агрессию, то человек, находящийся на месте врача, мог бы связать эту агрессию с необходимостью, скажем, убийства человека, образ которого в момент внушения заменил бы образ отца. Не так ли точно поступали колдуны со своими «зомби» и прочие гуру с членами своих сект? Возможно, так же «кодируют» своих испытуемых спецслужбы.

LSD-терапевты доказали еще одну очень важную вещь: если бессознательный материал при переживании СКО не исчерпан до конца, то пациент может остаться под влиянием конкретных проявлений своего конденсированного опыта и *после, собственно, сеанса* – даже если действие препарата прекратилось.

Пользуясь терминологией Ухтомского, опасная доминанта «зафиксирует» состояние сознания пациента после окончания действия наркотика.

Отдельные системы конденсированного опыта могут как бы «зависать» в сзнании, фактически отделившись от личности и определяя ее поведение в реальном мире.

3-й уровень – перинатальные переживания

При еще большем увеличении доз LSD или при частом приеме наркотика человек может соприкоснуться с еще более глубоким уровнем бессознательных воспоминаний. Станислав *Гроф доказал, что во время LSD-«Трипа» можно вспомнить даже процесс своего биологического рождения.

Переживание *собственного рождения* является, с точки зрения Грофа, одной из универсальных систем конденсированного опыта, берущих начало в глубинах бессознательного каждого человеческого существа. Исследователь не без оснований считает, что не только данность биологического рождения, но и бессознательное воспоминание о нем во многом определяет поведение человека в его взрослой жизни. Согласно его наблюдениям, в этом универсальном СКО проявляется эмоциональная сторона отношения человека к физической боли, к старению и смерти.

6 А. Данилин «LSD»

Иными словами, у человека нет иного опыта смерти, кроме опыта рождения на свет.

Вот как описывает подобное переживание один из наших пациентов:

«Я умер и оказался, видимо, в одном из котлов дьявола. Вокруг меня было розовое, заполненное мутноватой жидкостью, замкнутое, пульсирующее пространство. Я находился внутри его и дышал им. Жидкость была наполнена болью. Тысячи и тысячи жалящих и сосущих кровь пиявок были там растворены. Я не видел их, но они мучили меня. Замкнутое пространство вокруг беспрестанно пульсировало и было наполнено невероятной угрозой. Я неожиданно понял, что эта боль не пройдет никогда, что мне придется нести ее не только через жизнь, в которой я живу сейчас (а каким-то невообразимым образом я понимал, что на самом-то деле валяюсь на полу в собственной комнате). Единственным способом избавиться от боли и пульсирующего пространства было самоубийство. Я понимал, что, если я сейчас пойду в ванную и вскрыю себе вены, эта пытка немедленно прекратится, а пульсирующий пузырь вытечет из меня вместе с кровью.

Как будто в наказание за мои мысли, пространство сомкнулось, залепило мне нос и рот. Я больше не мог ни дышать, ни кричать. Я переживал смерть внутри смерти. Мое крошечное «я» было сдавлено страхом настолько, что ничего, кроме него, не осталось.

Но что-то, какая-то жуткая сила стала пихать меня вперед. Я, мертвый и недышащий, двигался внутри какой-то бесконечной эластичной трубы. Мало того что эта труба затыкала мне дыхательные пути, она одновременно снимала с меня кожу. Сознание гасло и было уже не моим, потому что меня – не было...

Неожиданно пытка кончилась. Я, бесспорно, был живым и, хватая ртом воздух, выпал из трубы на пол собственной комнаты. Каждая клеточка моя болела, но это все-таки была жизнь...

Именно с этих пор я панически боюсь «кислоты», да и любой другой химии и наркотиков. Мне все время кажется, что они могут вернуть меня в ад. Последнее время я боюсь громких звуков и стараюсь как можно меньше выходить из дому. Все вокруг как будто хочет засосать меня обратно в тот пульсирующий ужас.

Как избавиться от этого, доктор?»

Это сложное переживание. Его связь с *родами, женским началом и смертью очевидна*. Нам пригодятся образы этого видения для того, чтобы систематизировать подобные переживания.

Станислав Гроф выделяет четыре базовых типа переживаний биологического рождения во время LSD-втрипа. Он называет их «перинатальными матрицами»: каждая из них соответствует конкретной, описанной в акушерстве стадии родов.

Естественно, БПМ («базовые перинатальные матрицы») не возникают под воздействием галлюциногенов, а являются структурами бессознательного в психике любого человека. *LSD в данном случае работает в качестве «скальпеля 'психоаналитика» или «луны», позволяя извлечь на поверхность психики глубинные ее слои.*

Любая матрица может являться эмоциональной «осью» положительных и отрицательных воспоминаний человека, находящегося под влиянием LSD (как, впрочем, и находящегося на приеме у психоаналитика).

Базовая перинатальная матрица I – переживание изначального единства с матерью и внутриутробной жизни до начала родов.

Гроф считает, что переживания этой матрицы зависят от условий протекания беременности до начала родов, в ходе которой сам испытуемый появился на свет.

Целостные внутриутробные переживания (переживания «хорошей» матки) ассоциируются «психонавтом» с наиболее блаженными состояниями сознания. Переживания этой матрицы называют «медитациями с ощущениями космического единства», чувством «выхода в нирвану».

Испытуемые во время сеанса LSD говорят, что они соприкасаются с бесконечным. Они говорят об «океаническом экстазе». «Вхождение» в эту матрицу очень напоминают те ощущения, для которых Абрахам Маслоу предложил термин «пиковые переживания».

По мнению Грофа, положительные аспекты воспоминаний об этом периоде родов представляют собой некую энергетическую основу (если хотите, специальный файл) для записи всех более поздних жизненных ситуаций, в которых человек так или иначе испытывает блаженство.

На эту ось ложатся беззаботные периоды младенчества и детства, особенно приятные мгновения родительской ласки. Сюда же «записываются» воспоминания о безмятежной в ту пору природе – былых рассветах и закатах, спокойной «близкой» глади воды, звездном небе, лесных ландшафтах и т. д.

В тот же «файл» память заносит светлые образы произведений искусства: гармоничные образы картин, скульптур, ювелирных изделий и, особенно, архитектуры – прекрасных замков, храмов и дворцов. Эта же матрица участвует в сновидениях, в которых мы испытываем блаженство от плавания в теплых морях, реках, озерах.

Нарушение гармонии внутриутробной жизни приводит к прямо противоположному эмоциональному состоянию во время LSD-сеансов. Описание одного из вариантов встречи с «плохой» «маткой» приведено выше. Встречаются и более мягкие, щадящие ощущения «плохой» внутриутробной жизни. Так, видения звездной ночи или прекрасного храма на фоне голубого неба могут неожиданно оказаться стертими, словно подернутыми серой пеленой. Ощущение блаженного плавания в прозрачном озере может внезапно смениться чувством опасности от засасывающего водоворота. Из водных глубин могут неожиданно появляться холодные острые плавники рыб, которые то грозят ранить пловца, то кажутся омерзительно склизкими на ощупь.

Блаженные переживания могут внезапно перемежаться своего рода «отпечатками» внутриутробного дискомфорта – приступами слабости, головной боли, озноба, мелких судорожных подергиваний мышц – или пищевого отравления – тошнотой, усилением перестальтики, газами, неприятным вкусом во рту.

Вообще, за 20 лет общения с людьми, которые бесконтрольно принимали галлюциногены, автору не удалось услышать ни слова, окрашенного в более или менее радужную тональность, когда речь заходила о переживаниях первой перинатальной матрицы.

По-видимому, это связано с тем, что сами социальные условия на протяжении десятилетий – экология, пьянство родителей, наплевательское отношение государства к будущим поколениям и многое другое – привели к тому, что «блаженных» воспоминаний о зачаточной жизни в утробе у отечественных психонавтов просто-напросто не существует.

164

К каким последствиям для личности приводят различные факторы патологии беременности – нашим ученым еще только предстоит осознать.

Очень важно понять, что описанные Грофом воспоминания психонавта о собственном пребывании в матке и появлении из нее *подтверждают реальность всех страхов* человека и культуры по отношению к галлюциногенам.

Галлюцинации во время «трипа» для «психонавта» являются реальностью. Но это же и есть *реальный* возврат к материнскому – женскому – началу природы! Это символический возврат... в матку.

Существование плода в утробе матери обусловлено только биологией. Он имеет индивидуальную *форму*, но в нем нет никакого персонального *содержания*. Человек *до и во время* своего рождения является лишь *потенцией бытия*, а не самим бытием – *заданностью*, но не данностью.

При путешествии в потаенную глубину собственного бессознательного человек утрачивает свое «Я». Личность умирает. «Нирвана» становится равной смерти.

Вот где корень страха ведьм, его близость к смерти и хаосу. Человек боится умереть, то есть потерять черты неповторимости собственной личности, а вместе с ней и возможность всякого проявления собственной воли – любых самостоятельных действий. Но единственный опыт смерти (когда личность уже разрушена) – это опыт рождения на свет (пребывания внутри матери, когда личности еще нет).

«Вернувшись в мать», хотя бы в области собственного бессознательного, человек может оказаться в зоне блаженства, но здесь же он может встретить иные, темные, «*кто-нические*» силы.

Возможно, именно с воспоминаниями о своем пребывании внутри матери связано *отношение* человека к *собственной индивидуальности* вообще и к опыту ее столкновения с галлюциногенами в частности.

«Блаженные» перинатальные воспоминания могут приводить личность к неосознаваемому желанию... *избавиться от собственного «Я»*. Такая потребность будет выражаться не только в желании *растворения* границ собственной личности в медитациях и нирване буддизма, но и в получении тех же ощущений с помощью наркотиков. Такие люди будут испытывать от LSD только удовольствие.

165

Человек из «блаженной» матки может иметь тайным мотивом своей жизни бегство от любой ответственности – постоянной спутницы яркой индивидуальности. К сожалению, они же будут испытывать неосознанную тягу... к самоубийству. И галлюциноген способен сделать это желание из тайного – явным.

Наоборот, люди, матери которых перенесли тяжелую беременность, будут вести борьбу с жизнью за сохранение своей отдельности, своих личностных черт. Они склонны брать ответственность на себя, а медитации и прием LSD будут восприниматься ими как изнасилование своей психики.

Мы постараемся ниже проанализировать это предположение.

Так или иначе:

«Потрясающее столкновение с этими критическими аспектами человеческого существования и связанное с ними понимание бренности и непостоянства биологического существования человека и человеческой жизни в целом неизбежно сопровождается несущим мучения экзистенциальным (смысловым или мировоззренческим. – А.Д.) кризисом».

Станислав Гроф

Все сказанное лишь подтверждают другие варианты переживания перинатальных матриц.

Базовая перинатальная матрица II – переживание антагонизма или борьбы с матерью. Эта матрица передает воспоминания о схватках в начале родов – схватках в закрытой матке.

Внутриутробное существование плода подходит к концу. На этой стадии родов схватки начинаются внутри самой матки, но ее шейка еще закрыта, и *пути наружу нет*. Мать и ребенок становятся источником боли друг для друга и вступают в биологический конфликт.

Вот как описывает Гроф ощущения LSD-«Трипа» на этом уровне переживаний:

«Элементы БПМ II могут встречаться в LSD-сеансах в чисто биологической форме как реалистическая память об этой стадии родового процесса. Однако гораздо более часто активизация данной матрицы ведет к довольно характер-

166

ному переживанию безысходности или «ада». Человек ощущает себя запертым в замкнутом мире и испытывает невероятные физические и психологические муки из-за этого. Описываемое переживание характеризуется поразительным затемнением визуального поля и зловещими цветами. Подобная ситуация совершенно невыносима, она представляется бесконечной и безнадежной: бежать некуда ни во времени, ни в пространстве. Часто возникает ощущение, что даже самоубийство не прекратит ее и не принесет облегчения».

Если читатель внимательно изучил отчет нашего пациента, то он, наверное, почувствовал, что переживания этой матрицы соответствуют *переживанию смерти заживо*. Это именно те ощущения, которые гаитянский зомби испытывал лежа в гробу с открытыми глазами и ощущая полную неспособность шевелить руками и ногами.

Если наркоман принимал LSD в одиночку и случайно встретился с переживаниями БПМ II, то у него еще более повышаются по сравнению с БПМ I шансы пережить период пассивной подчиняемости.

Галлюцинация, после прекращения действия наркотика, исчезнет, а вот доминантная эмоция, которой была

заряжена матрица переживания, будет определять поведение человека еще долгий срок после прекращения действия LSD.

Переживание перинатальных матриц как бы настраивает человеческую психику на тот эмоциональный заряд, который в них содержится.

Личность, которая «настроила» свои переживания на элементы БПМ II, оказывается в состоянии глубокой депрессии, безнадежности и отчаяния. Прочитываем еще раз С. Грофа:

«...Человеческая жизнь кажется лишенной всякого смысла. Существование представляется не только нелепым, но и уродливым и абсурдным, а поиск любого смысла жизни – совершенно пустым и заранее обреченным на неудачу... Единственно надежным в жизни оказывается тот факт, что она когда-нибудь прекратится... Мучительное чувство обособленности, отчуждения, метафизического одиночества, беспомощности, безнадежности, неполноценности и вины представляют собой стандартные компоненты БПМ II».

Для того чтобы эмоция *безнадежного отчаяния* не «застряла» в психической реальности, она должна быть пере-

167

жита до конца. *Пережить до конца* какую-либо эмоцию или образ означает *проанализировать и понять смысл* чувств и образов, встретившихся на пути восприятия, – *включить их в состав своего сознания, своего «Я»*.

Но как раз отсутствие желания понимать и анализировать свойственно любому наркоману... Автору за годы практики встретились по крайней мере 3 достоверных случая самоубийств молодых людей, которые после приема LSD на танцах в состоянии острой депрессии покончили с собой (на фоне переживания элементов БПМ II).

В реальной жизни на «ось» этой матрицы нанизываются любые воспоминания, связанные с безнадежностью и безвыходностью. Гроф, в частности, считал, что на комплекс БПМ II настроена вся философия экзистенциализма.

Действительно, наши наркоманы-интеллектуалы 70–80-х годов, пытаясь передать пережитые ощущения, сравнивали их с «Путешествием к краю ночи» Луи Фердинанда Селина, с романом Жана-Поля Сартра «Тошнота» или с его же пьесой «Без выхода».

Гроф, с точки зрения проблематики БПМ II, интерпретировал описание ада в «Божественной комедии» Данте. Таким же образом он объясняет и творчество Достоевского с атмосферой страдания, безумия и сценами бессмысленной жестокости из его романов. Здесь же гнездятся и кошмары Иеронима Босха, «черный» период творчества Франциско Гойи и... *апокалиптические видения Дали и других сюрреалистов*.

Именно ощущение безнадежного отчаяния, тупика культуры в условиях «безбожия» пытались передать сюрреалисты. В их творчестве... *спрятан призыв к внушению*. Художественные образы, будучи «абсолютно спонтанными», как бы призывают *кого-то извне* указать выход из тупика, *бессмыслицы существования*.

Само мышление «психонавта», переживающего или уже пережившего БПМ II, зависит во многом от того, кто находится рядом, – *ибо только он может вывести из критического состояния. Но он же может и манипулировать в нужном ему направлении сознанием наркомана*.

Как будет относиться тот же зомби к человеку, который вызволил его из могилы? Скорее всего, с чувством *абсолютного доверия и готовности служить*.

168

Пользуясь выражением Грофа, можно сказать, что все неоднократно упоминавшиеся ранее методы, направленные на внедрение в сознание феномена «страха ведьм» (включая сюда и «метод» Сталина), базируются на различных способах возвращения человеческого сознания к пережитому им однажды *ужасу схваток в закрытой матке*.

Для того чтобы ужас стал *внушением* (начал определять поведение), нужно уничтожить личность. Одним из путей к этому будет химическое возвращение ее назад *в прошлое личности – в утробу матери*. Человек потеряет при этом всякую систему ориентиров и станет беспомощным, как младенец. Внешний наблюдатель превратится... в карающего отца.

Базовая перинатальная матрица III – галлюцинаторные ощущения навеяны воспоминанием о проталкивании плода через родовой канал.

Воспоминания, заключенные в «файле» этой матрицы, связаны со второй клинической стадией родов.

Для самого плода этот процесс означает серьезнейшую борьбу с механическим давлением на тело и удушьем, первую в человеческой жизни борьбу за выживание.

В LSD-переживании, связанном с этим первичным воспоминанием, и появляются образы титанической борьбы. Испытуемые переживают болезненное чувство сдавливания и напряжения, доходящее до степени, превышающей все, что может выдержать человек.

Именно здесь, по-видимому, истоки мифологических представлений о борьбе греческих богов-олимпийцев с *кто-ническими* чудовищами.

Период напряжения, связанный с огромной концентрацией энергии, сменяется ее взрывным высвобождением. Галлюцинации и видения, сопровождающие эти ощущения, чаще всего представляют собой сцены природных катаклизмов – землетрясения, извержения вулканов, ураганы, циклоны, столкновения земли с кометами и многое другое, что запечатлено в десятках и сотнях лент голливудского кинематографа катастроф.

Нельзя исключить, что эти фильмы на уровне *«коллективного бессознательного»* отражают примерно то же, что и галлюцинации во время сеанса LSD – на уровне *бессознательного индивидуального*, а именно невыносимость борьбы с силами зла, окружающими человека в конце XX века, и вместе с тем надежду на победу разумного начала.

169

Станислав Гроф, говоря о сюжетах, которые, мы сегодня привычно воспринимаем как кинематографические –

библейский Армагеддон, гибель Атлантиды, нашествие инопланетян, – отмечает:

«Когда страдания достигают абсолютного предела, переживание теряет качество агонии: оно сменяется буйным экстагическим восторгом космических размеров, который можно назвать вулканическим экстазом...»

В подобном состоянии полярные ощущения и эмоции сплавляются в единый комплекс, содержащий в себе, очевидно, все возможные крайности человеческого переживания. *Так, боль и страдания становятся неотличимы от столь же мучительного удовольствия; обжигающий жар от ледящего холода; агрессия от страстной любви; тревога от религиозного восторга и смертельная агония от экстаза рождения.*

Внутри LSD-переживания человек проходит серию сцен, испытывая при этом пик разрушительных энергий. Пациенты называют их «садистскими» или «садомазохистскими» оргиями.

Испытуемый видит себя участвующим в пытках и убийствах, кровавых жертвоприношениях, революциях. Ощущает себя религиозным фанатиком, совершающим акт самооскопления или участвующим в кровавых жертвоприношениях.

На этом уровне переживания пациентам начинает казаться, что они – реальные во плоти известные в истории тираны (наши наркоманы обычно отождествляют себя со Сталиным или с Гитлером. Многие отмечают, что в этот момент настолько проникаются мотивацией садистов и убийц, что вполне и сами способны совершить подобные преступления).

Однако, повинувшись внушению врача, они с готовностью могут переменить роль и ощутить себя, к примеру, камикадзе, летящим на смертельное задание, или иной жертвой. Двое пациентов говорили автору, что они видели и чувствовали, как их прибивают гвоздями к кресту, и испытывали при этом... сексуальное удовлетворение.

Вообще, возбуждение явно выраженного сексуального характера является одной из главных особенностей этой матрицы, при ее прохождении, как правило, садомазохистские галлюцинации сменяются чисто оргиагическими.

170

К видениям оргий практически у всех испытуемых примешивается определенная доля брезгливости и отвращения, связанных с присутствием в галлюцинациях крови, слизи, кала и мочи. Эти «биокомпоненты» всегда сопровождают как садомазохистские «удовольствия», так и естественные роды.

Возможно, что описанные в нашей книге для родителей каловые ассоциации, возникающие у подростков в связи с героином, имеют место потому, что героиновое опьянение, дающее иллюзию нормального секса, избирательно стимулирует в сфере бессознательного и весь комплекс ощущений, относящихся к БПМ III.

В структуре нормальной психики на оси этой матрицы, по мнению Грофа, находятся почти все переживания, связанные с сексом, агрессией и мазохизмом.

Человека, находящегося под действием LSD, можно с помощью внушения очень легко перевести из матрицы БПМ II в матрицу БПМ III; это часто происходит и спонтанно. Таким образом, чтобы «запрограммировать» наркомана на преступление, ничего не стоит связать чувства страха и безнадежности (БПМ II) с проявлением агрессии (БПМ III).

Базовая перинатальная матрица IV включает воспоминания об отделении от матери и «выпадении» в мир – о самом моменте рождения.

В ее «файле» хранится то, что имеет отношение к третьей клинической стадии родов. Муки проталкивания через родовые пути завершаются внезапным расслаблением и облегчением. Удушье сменяется первым глубоким вдохом новорожденного. Плод физически отделяется от матери.

Однако в структуре этого переживания появляются новые неприятные факторы. Новая среда оказывается вовсе не такой приспособленной для нужд младенца, как привычное еще недавно материнское чрево. Это касается и перепадов температуры, и посторонних шумов, изменения освещенности, неприятных тактильных ощущений.

Мы несколько раз сталкивались с тем, что во время приема LSD человек переживал момент своего появления на свет – находился в позе эмбриона, совершал волнообразные движения, раскрывал глаза и издавал «первый» крик. Некоторые люди могут в деталях вспомнить сопутствующие шумы, стуки хирургических инструментов. Один из пациентов вспомнил даже лицо акушерки в мас-

171

ке и ощущение крепко схвативших его страшных «ручищ» (может быть, ужас, который внушали в России 30-х годов плакаты с «ежовыми рукавицами», обусловлен воспоминаниями о... руках акушерки). Но это лишь *биологическая сторона* базового воспоминания.

Гроф считает, что проявление БПМ IV на уровне символически-духовном состоит в *переживании смерти – возрождения*:

«Страдания и агония достигают кульминации в переживании тотального уничтожения на всех уровнях – физическом, эмоциональном, интеллектуальном, этическом и трансцендентальном. Человек переживает окончательное *биологическое разрушение*, эмоциональный разгром, *интеллектуальное ниспровержение* и *крайнее моральное унижение*. Обычно это иллюстрируется быстрой последовательностью образов, связанных с событиями его прошлого и настоящего. Он чувствует себя абсолютной ошибкой в жизни. Кажется, что весь его мир коллапсирует и утрачиваются все ранее значимые для него точки отсчета. Это переживание обычно называют *смертью ЭГО*».

Хочется обратить внимание на то, что подразумеваемая, но не вполне ясно ощущаемая психонавтом в предыдущих матрицах гибель «Я» здесь сопряжена с ощущением подлинного безумия. Пациент переживает ни с чем не сравнимый шок – *от смерти ЭГО, то есть смерти души при жизни тела*. Это, видимо, именно тот предельный кошмар, который вообще может быть пережит человеком.

«Эмоциональный разгром, интеллектуальное ниспровержение и крайнее моральное ниспровержение». Здесь в гиперболизированном виде заключено как раз то состояние, которого добивается от своих подданных любой тоталитарный режим.

В таком состоянии – и внутри матки, и внутри LSD-переживания, и внутри тирании – человек остро нуждается в одном: в ощущении выхода – возрождения. Как ни странно, именно это делает его абсолютно управляемым.

«После того как человек пережил до самых глубин тотальное уничтожение и «ударился о космическое дно», – пишет Гроф, – он зачастую бывает поражен видением слепящего белого или золотого света и чувством облегчения и расширения пространства. Общей атмосферой становится атмосфера освобождения, искупления, спасения, любви

172

и всепрощения. Человек чувствует себя очищенным и освобожденным от чувства вины, как если бы он снял с себя невероятное количество грязи, вины, агрессии и тревоги. *Его переполняет любовь к ближним*, он ощущает огромную ценность теплых человеческих отношений, солидарности и дружбы. Такие чувства *сопровожаются смирением и желанием оказать помощь* (курсив мой. – А.Д.), совершать добрые дела. Неразумные амбиции, жажда денег, общественного положения, престижа или власти кажутся в этом состоянии абсурдными: трудно поверить, что эти ценности представлялись ему крайне важными и что он так усердно их домогался.

«Ближний», любовь к которому переполняет человека под воздействием LSD, – это тот, *кто находится ближе*. Ближе не в духовном смысле, а в чисто физическом. Именно ему будет благодарен «психонавт» за вспыхнувшее чувство освобождения.

Конрад Лоренц описал инстинкт *следования* только что появившихся на свет детенышей птиц и млекопитающих за объектом, который новорожденный увидел *первым* в своей жизни. Крошечный зверек будет считать *своим родителем* то живое существо или предмет, который *был ближе* в его поле зрения. «Возвращение в мать» после приема наркотика есть возвращение к животному, инстинктивному периоду человеческой жизни. «Только что родившийся» «психонавт» будет покорно следовать за ближайшим к нему объектом.

4-й уровень – религиозные и мистические переживания

Переживания, которые исследователи LSD относят к этой категории, невероятно сложны. В их перечень можно включить почти все мистические и оккультные феномены, которые когда-либо описывались в духовной и псевдодуховной литературе самых разных направлений.

Вот только небольшая часть приводящего Станиславом Грофом перечня.

Переживания прошлых воплощений.

Предвидение, ясновидение, яснослышание и «путешествия во времени».

173

Отождествление с животными.

Отождествление с растениями.

Единство с жизнью и со всем творением.

Сознание неорганической материи.

Планетарное сознание.

Экстрапланетарное сознание.

Внетелесные переживания, ясновидящие и яснослышающие путешествия, «путешествия в пространстве» и телепатия.

Спиритические и медиумические переживания

Переживания встреч со сверхчеловеческими духовными сущностями.

Переживания других Вселенных и встреч с их обитателями.

Архетипические переживания и сложные мифологические эпизоды.

Переживания встреч с различными божествами.

Интуитивное понимание универсальных символов.

Активизация чакр и подъем змеиной силы (Кундалини).

Сознание Универсального Ума.

Сверхкосмическая и метакосмическая пустота.

Переживания такого рода появляются, как правило, не во время первых контактов с LSD. Их появление зависит как от числа пройденных LSD-«ТрНноВ», так и от дозы препарата.

Вот что пишет по этому поводу все тот же Гроф:

«Им (религиозным переживаниям. – А.Г.) должны способствовать специальная подготовка, предпрограммирование и искусственное создание ситуации при помощи приемов психоделической терапии».

Остается не до конца понятным, что же оказывает решающее влияние на то, чтобы возникли подобные состояния сознания. Они появляются из безликого коллективного бессознательного под влиянием «скальпеля LSD» или их вызывает к жизни внушение LSD-терапевта?

На практике нам всего несколько раз приходилось сталкиваться с переживаниями такого рода, возникающими спонтанно после длительного приема LSD. Вот наглядные свидетельства нашего пациента по имени Константин:

«...Я оказался во Вселенной розового цвета. Что-то вроде розового тумана наполняло пространство. Туман лез в глаза и мешал видеть. Какие-то смутные тени мерещились мне в этом тумане. Тени эти меня пугали... Одна из них

174

стала приближаться. Фигура была холодной, холодной настолько, что казалось, будто ее ледяные лапы проникают внутрь моего сердца и пытаются поймать и остановить его. Лед, пополам со страхом, сковал мое тело, когда фигура выступила из розового тумана и стала полностью видна. Это был обнаженный мужчина с головой льва. В правой руке он держал змею или посох в форме змеи. В его левой то ли руке, то ли лапе было зажато что-

то вроде короткого серпа без ручки. Вид этого серпа почему-то вызывал во мне особый ужас.

По мере того как эта фигура приближалась ко мне, я чувствовал, что тени, кишащие в розовом тумане, начинают смыкаться вокруг меня. Они были полны какой-то мрачной решимости. Я неожиданно понял: обнаженная фигура – какой-то бог, неизвестный мне, и я должен быть принесен ему в жертву. Откуда-то ко мне пришло знание: мне вырежут сердце и человекозверь съест его и будет пить мою теплую кровь...

Я попытался закричать и забиться, но **мой** рот, легкие, руки и ноги были плотно залеплены **розовым** туманом... Последнее, что я помню, – это странное физическое ощущение, только не смейтесь, доктор, это было очень страшно, – что на голове у меня появились короткие и кривые, похожие на коровьи, рога. Пришла ясная мысль: единственный способ избавиться от всего этого – покончить с собой, и это нужно сделать немедленно, иначе погибнет не только моя жизнь, но и что-то еще, и это было страшно, страшно настолько, что мое сознание отказывалось это принять...»

Однако пациент обратился к нам не из-за того, что он испытал эти галлюцинации. Он хотел избавиться от эмоционального состояния, возникшего спустя неделю после переживания (и последнего приема наркотика).

«Я сошел с ума. Не знаю, та ли встреча с ужасным божком сделала это со мной или нет, но я изменился. Я потерял уверенность в себе. Не могу описать этого ощущения. Весь мир стал каким-то зыбким, что ли. Я боюсь открыть дверь в магазин не потому, что я боюсь магазина, а потому, что за этой дверью может оказаться вовсе не магазин, а все, что угодно. Я боюсь переходить улицу не потому, что боюсь машин, а потому, что асфальт в местах обозначенного перехода может раздвинуться, и я провалюсь в бездну.

175

Я могу только лежать на собственном диване и дрожать. Но даже и здесь – если не задумываться о самом диване. Если начать сосредоточиваться на нем, то начинает казаться, что он тоже раздвинется и я провалюсь куда-то».

Конечно, то, на что жалуется больной, – это уже описанная нами дереализация. Но дереализация специфическая. Зыбкость реальности, напоминающая картины Дали, свидетельствует о крайней степени «открытости сознания».

Совершенно очевидно, что твердая почва или поверхность дивана – это то небольшое, на что человек может опереться, – материальная константа восприятия. Если *материя* становится зыбкой, человек не может быть уверен уже ни в чем. Он теряет способность доверять реальности.

Зачем этот пациент пришел к нам?

Он пришел к врачу, чтобы врач попытался внушить ему, что то, что с ним происходит, – лишь иллюзия. Врач должен объяснить, что окружающее по-прежнему . цельно и плотно, что на асфальт по-прежнему можно наступать.

А вот если бы, скажем, врачу захотелось внушить что-нибудь прямо противоположное...

Знакомый с мифологией или с юнгианским психоанализом врач может сказать, что Костя, по всей видимости, столкнулся в своем LSD-«ТрНне» с одной из главных фигур персидского культа Митры – богом Лионом.

Айон был олицетворением времени и хранил ключи к потустороннему миру. Центральным моментом культа Митры и Айона был тайный обряд посвящения. Во время ритуала в жертву приносился бык, в крови которого купали посвящаемого в веру. Испанский «бой быков» – коррида – является дожившим до современности остатком древних митраистских культов (некоторые исследователи считают их лишь разновидностью религии Диониса).

Костя, по всей видимости, в своем видении уподоблялся то неофиту, готовящемуся к соприкосновению с силами запредельного, то жертвенному животному, готовому к закланию.

Религия митраизма достигла своего высочайшего рас-• цвета в Древнем Риме. Поклонение Митре стало на несколько веков основной религией римской армии. Ее легионы распространяли свою веру во все уголки империи.

176

Отец Кости, грек по национальности, увлекался историей своего народа; в домашней библиотеке были книги по истории Древней Греции и Рима.

Но сам Костя, вероятно, не мог понять ни значения этой галлюцинации, ни ее смысла. От всего переживания остался только страх. Он возник потому, что чуждый сознанию образ языческого божества поколебал подводную часть психического айсберга – бессознательные структуры архетипов, сформированные на протяжении тысячелетнего опыта христианского мышления в России.

В начале терапии Константин воспринимал свое переживание как нечто чуждое своему «Я» – как *внушение со стороны*. Такое чувство как бы предполагает, что Айон или что-то похожее на него существует вне тела – во внешнем мире. Но мировоззрение не может этого допустить! Возникает противоречие в основных, базовых взглядах человека на мир. Оно выражается в иллюзии того, что весь внешний мир стал незнакомым и чужим – опасным. Мы называем это ощущение *чувством «измены» мира* – человеку изменяет не близкий, но вся реальность одновременно.

Пользуясь терминами главы о внушении, мы можем сказать, что галлюцинация вызвала страх в сознании пациента, так как его *чувство «Я»* было не только подавлено наркотиком – оно изначально было «пассивным» (Бехтерев) по отношению к мистическим переживанием – неспособным *понять истинного смысла* переживания. По В.М. Бехтереву, человек был «не в состоянии выработать логического отношения к предмету внушения».

Восприятие передало сознанию пациента свое ощущение колебаний в фундаменте психического здания *в виде чувства зыбкости и ненадежности реальности*. Как только мы вместе смогли разобраться в происхождении галлюцинации и в ее значении для появившегося страха, как только *образ стал понятен*, дереализация исчезла.

В порядке небольшого отступления заметим, что проблематике мистических феноменов во время LSD-сеансов посвящен целый свод специальной литературы. И даже коротко пересказать выборочный перечень ее не представляется возможным. Ясно одно: для того чтобы не сойти с ума в ходе подобных состояний, нужны *знания*, отнюдь не только медицинского характера. В проблеме LSD смыка-

177

ются целые пласты человеческой культуры – психологии, психоанализа, философии и богословия.

Вот несколько описаний другого, но столь же характерного пласта мистических LSD-переживаний:

«...Я стал клеткой «сотового» мозга. Вся Вселенная вокруг состояла из миллиардов сот, и я, моя духовная сущность, заключалась в одной из ячеек этого мира. Стенки моей ячейки были полупрозрачными и текучими. Усилием воли я мог вывести сознание за ее пределы и взглянуть на все со стороны, но это не имело смысла. Можно было догадаться, что эти ячейки складываются во что-то наподобие колонн или что весь этот мир представляет собой один мыслительный аппарат, задачу которого я не знал или забыл...»

«...Космос, в который я внезапно вылетела, был перепончатым. Все обозримое пространство состояло из дуг и арок, образованных слегка светящимися мембранами. Эти мембраны были живыми – во всяком случае, внутри их свершалось нечто похожее на равномерное дыхание. Эта красотища вызывала восторг, смешанный с ужасом. Восторг возникал во мне от красоты неведомого, а ужас – от ощущения, что Вселенная пытается овладеть мною, всасывая меня в себя, и, таким образом, мое бестелесное «Я» сольется с этими мембранами и станет их частью».

Психиатру весьма трудно ответить на вопрос, существуют ли подобные вселенные в качестве неких внутри-или внепсихических реалий. Однако нельзя не обратить внимание на присутствующее в структуре почти всех мистических LSD-состояний ощущение.

Его проще всего описать как ощущение самого себя в качестве некоей части (в наших примерах – «ячейки» или «мембраны») вселенского мыслящего механизма, исполнинского компьютера.

Причем если для одних «психонавтов» это ощущение является скорее *блаженным*, то для других, напротив, *вызывающим ужас* и даже сопротивление в процессе самого видения.

Хочется обратить внимание на то, что подобный «трип», собственно, и есть выражение наиболее полной подчиненности, управляемости и внушаемости, которую только может представить себе человек. Это *воплощенное в образе чувство полной зависимости – воплощенное отсутствие отдельного «Я» – сюрреалистический социализм*.

178

Можно предположить, исходя из сообщений мемуаристов, что многие мистические секты Америки 70-х годов использовали галлюциногены с целью достижения подобного уровня переживаний. Человеку во время LSD-«Трипа» очень легко внушить, что данная секта и ее лидер и являются основной «программой» такого «вселенского биокомпьютера».

Произойдет, пользуясь термином Джона Лилли, «мета-программирование» – внушение будет внедряться на *уровне бессознательного* и, таким образом, станет *неотличимым для человека от его собственного мнения*, то есть само человеческое сознание выступит во вторичной роли программиста:

«...Явно увеличивается сила программ, расположенных ниже обычных уровней сознания...»

...Улучшается программируемость на уровне метапрограмм (внушаемость), что часто приводит к более полному программированию самометапрограммиста внешними источниками или *гипервнушаемости* по Г. Бернгейму (1888)...»

Лилли пишет далее:

«Прежде чем участвовать в работе по самопрограммированию с использованием LSD-25, вы обязаны пройти серию консультаций у своего психоаналитика;

...определенные аспекты некоторых LSD-программ несут возможность разрушения вашего собственного биокомпьютера (мозга. – *А. Д.*);

...до тех пор пока в LSD-состоянии не найдены и не поняты ваши летальные (смертельные. – *А. Д.*) программы, рекомендуется персональный профессиональный контроль».

Прекрасно понимал Лилли и роль наблюдателя или внешнего участника во время LSD-сеанса. Ведь это момент наивысшей внушаемости личности психонавта.

«Следует учесть, что любое действие, выражение лица, слово, предложение, тон голоса или жест со стороны человека, присутствующего на сеансе (проводника), могут быть использованы личностью в LSD-состоянии в процессах проникновения на подсознательные уровни, извлечения тех или иных программ и перепрограммирования. Здесь ошибки проводника не должны допускаться. Только зрелые, прежде подвергавшиеся подобным экспериментам личности могут находиться во внешней реально-

179

сти в этот ответственный момент. Чем меньше присутствующих, тем лучше. Идеально – это единственный человек: либо высококвалифицированный мастер-психоаналитик, либо кто-то из наблюдателей, особо подготовленный в результате профессионального отбора. Любой потенциальный участник эксперимента должен пройти тест на исключение».

Однако большинство мистических экспериментов проходило без какого-либо патронажа со стороны профессионалов – не бралась в расчет ни личность наблюдателя, ни тем паче продавца наркотиков. Невозможно даже представить, сколько уникальных «биокомпьютеров» (то есть единиц человеческой жизни) было разрушено в результате самонадеянных экспериментов с LSD-25.

Синхроничность

«Марок мы с Ольгой наелись часов в 11 вечера, ну, сексом занимались, руки как будто светятся, и вообще

улетаешь куда-то... Спать, конечно, не спали, а около десяти утра, уже совершенно нормальные, без всяких глюков, решили поехать к барыге, взять еще марок. Барыгу мы никогда не видели. Телефончик дал мой приятель. Кличка у барыги была Володя Голубь. Не редкая, наверное, кличка, но и не частая. Звонить нужно было в определенное время, а жил барыга около станции метро «Щелковская».

Короче, сели мы с Ольгой в метро и поехали. Заговорились. И, как потом выяснилось, перепутали. Приехали на станцию метро «Щукинская». Подхожу к телефонной будке, набираю номер, записанный на бумажке (я-то уверен, что я на нужной станции метро нахожусь). Трубку снимает мужчина.

— Володя Голубь? – спрашиваю.

— Да, – отвечает голос.

— Говорят, ты значками торгуешь, – произношу условную фразу.

— Торгую. У тебя адрес записан? – отвечал голос.

— Записан.

— Ну, приходи.

Две буквы, правда, в названии улицы – другие. Ну, ничего, от дури, вероятно, неправильно записал. Так и

180

есть, сидит барыга, весь марками обложенный и кайфует. Говорю: «Я – от Сережи, это я звонил».

И тут оказывается, что барыга этот никакого Сережи не знает и что приехал я не на «Щелковскую», а на «Щукинскую». И еще выясняется, что вблизи двух разных станций метро, которые на одну и ту же букву «Щ», на улицах с почти одинаковыми названиями, в домах и квартирах с одними и теми же номерами, с телефонами, на одну цифру отличающимися, – два совершенно разных барыги живут, но обоих кличут Володя Голубь и оба кислотой торгуют!.. Разве это может быть случайностью?

А вы, доктор, говорите, что чудес не бывает. А у меня, да и у всей моей тусовки после кислоты еще и не такое случилось...»

Историй, подобных этой, в нашей практике было столько, что смело можно говорить о «системах случайных совпадений» как закономерном «остром эффекте» LSD.

Современная нам наука не имеет до конца ясных представлений о взаимоотношениях психики и физического мира. Столкновение человечества с LSD послужило еще одним доказательством того, что рациональный (или «картезианский») тип мышления, который в ходу сегодня, далеко не всегда в состоянии объяснить то, что легко объясняло древнее «аналогическое» мышление.

Действительно, рациональное мышление требует от нас найти известную сегодняшней науке причину возникновения того или иного факта или события. Если такой причины не находите, то проблема просто отбрасывается, как несуществующая. В таком случае сама возможность как-то влиять на «terra incognita» равна нулю.

В русском языке описываемое «сгущение» похожих по смыслу событий имело одно точное традиционное название.

Вот еще одна история, поведенная женой нашего пациента:

«Ночью Саша не давал мне уснуть и рассказывал, что в своей галлюцинации он плавал в гигантском аквариуме, наполненном огромными и отвратительными на ощупь рыбами. На следующий день рыбы преследовали нас повсюду. Так, на завтрак я смогла найти в холодильнике только завалившийся кусочек рыбного филе. В автобусе какая-то старуха орала на Сашу, что он «снулый

181

и потный, как рыба». Кричала: «Ты рыба, рыба, рыба...» На работе сотрудники перевернули висевший на стене календарь, и на листе предстала фотография аквариумной циклиды.

А вечером Саша попал под машину. Водитель не нарушил правил. Саша просто поскользнулся на тротуаре: под ноги попался кем-то оброненный еще живой карп, купленный, очевидно, неподалеку, в магазине.

Вот такая **чертовщина**, доктор».

Что же имели в виду наши предки, называя такого рода совпадения словечком «чертовщина»?

Вероятно, они считали, что за всем этим стоит проникновение **черта** в реальность. То есть *в привычный нам мир иногда пробивается нечто не вписывающееся в закон причинности*.

Человек существует в *пространстве* и времени, ориентируясь в этом потоке посредством **понимания** происходящего (мировоззрения). Если нарушить их взаимодействие и взаимосвязь, жизнь человека изменится.

Судя по изложенному выше материалу, наркотик способен решающим образом повлиять на систему взглядов человека на мир. Возможно, в истории нашего пациента имело место психическое переживание, *изменившее или отменившее* на какое-то время базовые принципы, лежащие в основе его мировоззрения. Можно сказать, что в жизнь на время проникнет смысл и причинность из иного измерения.

Что же это за измерение?

В случае LSD это область символов бессознательного.

Карл Юнг – а именно ему принадлежит обобщающий «случайные совпадения» термин «синхроничность» – доказал, что даже в состоянии ясного сознания поток заряженных энергией символов продолжает свое движение в нашем бессознательном психическом мире, определяя наше *отношение* к реальности.

Символы способны просачиваться в сферу сознания, побуждая личность к сопоставлению себя с реальным миром. Бессознательная часть души способна проецировать символ на внешнюю среду. Например, люди и предметы *привлекают или не привлекают наше внимание*, они нравятся или не нравятся нам в зависимости от актуальных (активных в данный момент) символов бессознательного.

182

В нашем культурном пространстве, как это час гме-чал Юнг, нет места и времени для сферы символич. кого. У нас не осталось желания как-то осознать область . рез и сновидений – и на этой основе проанализировать наши

действия и наши ошибки. Мы не понимаем, что хотят нам сказать наши сны, – из-за этого они оказываются способными навязать нам свою волю.

Столкновения с символами во время LSD-«Трипа» не проходят даром для обыденного рассудка. И после прекращения действия наркотика они могут определять поведение человека и его реакции. Образуется, как сказал бы А.А. Ухтомский, *символическая доминанта*.

В качестве примера можно привести наши привычные предрассудки. Мы не задумываемся о том, почему черная кошка, перебежавшая дорогу, является предвестником несчастья; но разворачиваемся и идем другой дорогой. Мы не знаем, почему нужно трижды плюнуть через левое плечо, но делаем это. Видимо, такие реакции соответствуют древним символам нашего бессознательного. *В них символ определяет наше поведение в реальном мире.*

Индивид, который относится к пережитым галлюцинациям как к развлечению или зрелищу, теряет способность отличать символы «трипа» от конкретной внешней реальности. Если человек не в состоянии сопоставить пережитый образ с опытом собственного сознания и не может включить его в свое мировоззрение, символ и начинает управлять человеком.

Быть может, проблема в узости и слабости этого мировоззрения, в несостоятельности человеческого «Я».

Юнг, во всяком случае, утверждал, что *«явления синхро-нистичности проявляются гораздо очевиднее и ярче при низком уровне сознания... при отчетливом понижении умственного уровня».*

Понятия «сознание» и «Я» («эго») для психоанализа абсолютно идентичны. «Понижение умственного уровня» на самом деле не словесный оборот, а отдельный термин из ранних работ К. Юнга. Это понятие («Abaissement du niveau mental») впервые использовал его учитель – французский психиатр Пьер Жане – для объяснения симптомов истерии.

Вслед за Жане Юнг понимал под «понижением умственного уровня» уменьшение роли «Я» («эго») – осла-

183

бление *напряжения сознания* в психической деятельности. В результате происходит снятие внутриспсихических ограничений. *«...Внимание перестает концентрироваться на значимых вещах, – писал Юнг, – через расслабленные психические барьеры могут всплывать (из бессознательного. – А.Д.) неожиданные содержания... каждое из них вызывает относительную переоценку ценностей».*

Это состояние соответствует исходному миру сознания, в котором первоначально формировались мифы».

«Понижение умственного уровня» личности предшествует развитию синхронистичности и является обязательным условием ее возникновения. Тот же механизм, по всей видимости, определяет поведение психотических больных.

Юнг отмечал: ослабление напряженности сознания личность ощущает как равнодушие, безразличие или угрюмость, поскольку человек больше не может управлять энергией своего «эго». Такое состояние рассматривается в аналитической психологии как соответствующее чувству *«потери души»* первобытного человека.

Для нас важно понять, что «понижение умственного уровня» по Жане и Юнгу окажется почти полным аналогом состояния, которое Бехтерев называл «внушаемостью».

Еще в 20-е годы Юнг считал, что подобное *понижение порога сознания* наблюдается чаще всего при употреблении определенных *лекарств* и, в частности, эфира при медицинском наркозе. Давайте запомним этот факт, он пригодится нам в следующей главе.

Можно сказать, что синхронистичность – это *предрассудок, ставший бредом*, точно так же, как можно сказать про *LSD-«трип»*, что это *воображение, превратившееся в безумие*.

Наши суеверные предки чувствовали, что столкновения со смыслами бессознательного могут привести и к забавному эпизоду (как в первой истории), и к смерти (как в истории второй).

Лейбниц создал теорию о божественной гармонии, в которой взаимозависимо существуют человек и мир. *Если химическое вещество нарушает гармонию одного отдельно взятого человека, гармония мира вокруг него тоже неуловимо меняется. Для того чтобы мир сохранил Божественную гармонию, человек не должен изменять себе – иначе реальность в ответ начнет изменять ему.*

184

ПСЕВДОГАЛЛЮЦИНОГЕНЫ

Эта условная группа веществ разительно отличается от галлюциногенов растительного происхождения и LSD. Все эти вещества разрабатывались фармакологами как лекарства, предназначенные для конкретных медицинских целей. Они высокотоксичны и вызывают опасные для жизни побочные эффекты. При злоупотреблении препаратами очень скоро возникают классические признаки физической и психической зависимости, развивается прямая угроза поражения мозга и слабоумия.

Описываемая группа препаратов вызывает не галлюцинации воображения, а типичные медицинские психозы. Галлюцинации не имеют характерного для LSD разнообразия – напротив, достаточно однотипны и стандартны. Тем не менее большое количество людей злоупотребляет подобными психоактивными лекарствами.

Диссоциативные анестетики, или Тайна «ангельской пыли»

В 1956 году было синтезировано новое лекарственное вещество – фенциклидин. В начале 60-х годов он появился в клиниках Сан-Франциско под фирменным названием PeaCePШ, от которого и произошло традиционное сокращение – РСР.

В экспериментах на животных это лекарство оказывало общее обезболивающее действие. Во время хирургической операции животное не теряло сознания и не ощущало боли.

Однако, когда начались клинические испытания на людях, выяснилось, что обезболивающий эффект РСР у человека выражен гораздо слабее, а некоторые испытуемые в результате его действия впадали в состояние возбуждения и испытывали галлюцинации.

В 60-е годы РСР перестали применять на людях. Одно время – под названием «сернил» – он еще находился в продаже как успокоительное и обезболивающее средство Для животных.

О РСР не вспоминали до самого конца 60-х годов. Но после запрещения LSD наркотическая субкультура начала

185

поиски не запрещенных законом галлюциногенных веществ. РСР «нашел», говорят, все тот же Тимоти Лири.

В конце концов он стал широко продаваться на улицах – как под собственным названием, так и в качестве фальшивого «Экстази», ТНС, МДА или мескалина. Самым распространенным сленговым обозначением РСР в Америке стало словосочетание «ангельская пыль».

Хотя фенциклидин вызывает галлюцинации при любой форме приема, предпочтение отдается курению. Зачастую им просто посыпают сигарету или специально набивают в папиросу.

Сопровождающиеся бредом, депрессией и страхом психозы, которые вызывает РСР, могут продолжаться от недели до месяца и более. Причем, по данным американской статистики, в некоторых регионах США их число превышает шизофренические и алкогольные психозы.

Малейшая передозировка (свыше 10 мг) может вызвать эпилептический припадок, длительную кому и даже смерть от удушья.

Из анкетирования самих наркоманов в США и во Франции выходило, что в 80% случаев курения РСР возникли «плохие «трипы», то есть сопровождавшиеся отрицательными эмоциями, паническим страхом или тяжелой депрессией.

Однако, несмотря на все это, сложилась довольно устойчивая группа молодых людей, постоянно употребляющая этот наркотик. Из статистических данных начала 90-х годов видно, что около 1% выпускников высших учебных заведений Америки злоупотребляют РСР и кетамином.

Как правило, эффект наступает через 5–15 минут после курения и через 1,5–3 часа после проглатывания наркотика. Он очень плохо выводится из организма. Продукты распада находят в моче наркомана в течение целого месяца после однократного употребления.

Небольшая доза РСР (1–10 миллиграммов) вызывает приподнятое настроение и легкое притупление чувствительности, в чем-то сходное с алкогольным опьянением.

Так же как и при употреблении алкоголя, человек либо впадает в заторможенность и сонливость, либо испытывает чрезмерную активность, возбудимость и агрессию. Координация движений ухудшается, артикуляция смазывается, речь становится невнятной.

186

Повышается кровяное давление, увеличивается частота сердцебиений, появляется повышенная потливость. Для опьянения диссоциативными анестетиками характерны нарушения со стороны зрительного нерва. Имеет место непроизвольное подергивание глазных яблок, называемое в медицине нистагмом. «Двоится» в глазах, зрение становится нечетким, окружающие предметы расплываются или «затуманиваются». Эти симптомы закономерны и встречаются гораздо чаще, чем аналогичные изменения зрения у алкоголиков.

Из изменений восприятия наиболее характерны осязательные галлюцинации. Они также напоминают некоторые проявления, возможные при «белой горячке» у больных, страдающих алкогольными психозами. Больному может казаться, что все предметы вокруг стали либо очень горячими, либо очень холодными. Появляется ощущение, что под кожей ползают «змеи» или «насекомые», а во рту находится клубок ниток, который пациент тщится «вытащить» и никак не может «размотать».

Зрительные галлюцинации у курильщиков РСР и ке-тамина появляются достаточно редко (по американским данным, в 10–15% случаев). Если они возникают, то, как правило, ограничиваются дереализацией и специфическими изменениями схемы тела.

«Я стала совсем маленькой. Я сидела, потерявшись в складках гигантской софы. Очень хотелось в туалет. Но туда я попасть не могла. Для этого мне нужно было пройти комнату, раскинувшуюся на десятки километров, и после этого еще пройти жутким черным тоннелем коридора, который мало того, что тянулся тоже на десятки километров, так в нем еще таилось и пряталось что-то ужасное, и я это точно знала... Я предпочла сходить под себя, прямо на диван...»

А вот воспоминания еще одного нашего пациента:

«...Тихая жуть. Мне казалось, что руки стали как у шимпанзе, в два раза длиннее, чем все тело, и передвигаться я могу, только опираясь на них. Но естественно, руки оставались обычными. Поэтому когда я попытался таким вот образом пройтись, то тут же разбил себе физиономию об угол стола».

После высоких доз человек может находиться в психозе до месяца. Причем время для самого больного пресуется в каких-нибудь несколько часов.

187

Как и психостимуляторы, диссоциативные анестетики могут обострять у наркомана любые психические заболевания и депрессии, «прячущиеся» в глубинах его бессознательного. Депрессии, возникающие после однократного приема кетамина, могут продолжаться до 2 месяцев и часто без специальной медицинской помощи не прекращаются.

Самое же страшное заключается в другом.

«Дегенераты, которые курят «ангельскую пыль», способны сделать что угодно и по любому приказу, если им еще пообещать за это хоть немного их любимой дрянью».

«Среди всех галлюциногенов самым неприятным эффектом обладает кетамин. Люди, длительное время употребляющие его, превращаются в биороботов. Несмотря на присущую им агрессию, они полностью теряют свободу воли и оказываются управляемыми со стороны тех, кто первым выкажет желание управлять этой мерзостью».

Джон Лилли

«Спаси вас, неведомый Господь, от «ангельской пыли». Единственное, к чему она может привести, так это к тому, что у человека остается только одна возможность поведения – это подчиняться... Все пугается у него в голове настолько, что единственное, на что он способен, – это подчинение, подчинение и еще раз подчинение».

Кен Кизи

Сначала не заметившие «*понижения умственного уровня*» (или повышенной внушаемости) в результате действия LSD пророки психоделии увидели эти свойства в «трипах» РСР и кетамина. Увидели и ужаснулись.

Злоупотребляющие РСР даже в больницу никогда не обращаются сами. Их приводят на прием к психиатру родственники или просто посторонние люди, ставшие невольными свидетелями их странного поведения – внезапной и немотивированной агрессивности, безрассудного поведения в опасных местах (такие пациенты могут, например, спать на проезжей части дороги или, как сомнамбулы, выходить на карнизы балконов и т. д.) или членовредительства.

188

Все подобные феномены наркоман после лечения объяснить не может, хотя помнит большинство из них. В лучшем случае он скажет врачу: «*Меня толкала какая-то чертовщина*». Поступки окажутся проявлением своеобразной *синхронистичности* – прорывом бессознательных импульсов.

Кроме того, из-за развившейся вследствие применения РСР нечувствительности к боли наркоманы в опьянении могут демонстрировать невероятную силу, не испытывая страданий даже при разрывах мышц и переломах костей.

Подавляющее большинство потребителей фенциклиди-на регулярно курят его вместе с марихуаной. Стоит ли говорить, что *порабощающие* эффекты обоих химических соединений резко усиливают друг друга.

В отсутствие РСР и кетамина у пациентов развивается типичный синдром отмены. В течение месяца, а то и двух они испытывают своеобразную апатическую депрессию – становятся малоподвижны: могут неделю просидеть на одном месте, практически не меняя позы и не смещая взгляд с какой-нибудь выбранной точки. Любую их активность может вызвать только команда, исходящая из внешнего источника. Это почти предельное проявление «понижения умственного уровня», жаль, что Юнг не мог встретить подобных пациентов.

Подобное состояние проходит либо после психиатрического лечения, либо после длительного перерыва в приеме наркотика.

При приеме РСР возникает уже знакомая потеря способности к самостоятельному принятию решений и *центр управления собственной личностью переносится вовне* – это на самом деле единственное свойство, объединяющее эти вещества с остальными галлюциногенами.

Ослабление напряжения сознания («потеря души»!) быстро становится ведущим психическим расстройством у лиц, курящих РСР вкупе с марихуаной или злоупотребляющих циклодолом.

Все описанные ощущения при приеме диссоциативных анестетиков *страшны*, а не приятны. Язык не поворачивается назвать все это «кайфом».

Само слово «диссоциативный» подразумевает расщепление сознания – диссоциацию. Сознание как бы распадается на две «части». Одна – пассивная – это «умершее»

189

«Я», слабое воспоминание о существовавшей до приема наркотика индивидуальности.

Вторая часть – галлюцинаторная, то есть психотическая, – переживания неких неприемлемых для первой и потому пугающих изменений (прорывающихся через ослабленное «Я» «неожиданных содержаний» бессознательного), касающихся как тела, так и окружающей обстановки.

В 80-х годах в нашей стране появилось новое средство для медицинского наркоза под названием «каллипсол». Выяснилось, что по своей химической структуре он близок к РСР и кетамину.

При внутривенном введении препарат вызывает острый краткосрочный галлюцинаторный психоз. Сутью переживаний является всегда ощущение «распадения» окружающего мира.

«Возникает чувство, будто все окружающее представляет собой что-то вроде картонной модели или декора-^{*}ции. В момент попадания лекарства в вену кажется, что эти декорации рушатся и ты вылетаешь куда-то в абсолютно пустое и жуткое пространство...»

При внутримышечном введении схема галлюцинаций становится очень похожей на испытываемые от приема кетамина. Ведущее ощущение – все та же искусственность окружающего мира и изменение размеров собственного тела, тот же страх перед приближением к некоей пугающей «бесформенной бездне».

Известны попытки использовать каллипсол в психиатрии и наркологии с целью резкого повышения внушаемости пациентов. Такие «опыты» проводились, в частности, при психотерапевтической процедуре «кодирование», описанной нами в книге «Как спасти детей от наркотиков».

Пытались использовать каллипсол и «народные целители». Во всяком случае, в конце 80-х годов некоторые из этой категории пытались советоваться с автором – в частности, можно ли использовать каллипсол для «изменения поведения» пациентов.

Суть всего этого в том, что «народному целителю» – то есть обыкновенному жулику, не обладающему, естественно, никакими «магическими» способностями, да и вообще знаниями, – интуитивно хотелось

использовать пресловутый «страх ведьм». Подобные люди часто ищут у профес-

190

сионалов информацию о препаратах, способных вызвать у пациента модель «искусственного безумия».

Если такой препарат подмешать в «народный» травяной сбор (а тайна его состава, разумеется, держится в секрете), то у пациента, попросту говоря, «все смешается в голове», и собственные странные видения он отнесет к магическим способностям «целителя». Доверие, таким образом, увеличится, и он станет... внушаемым, подчиняемым и зависимым *не от* подмешанного к травам наркотика, а... *от целителя* и его указаний.

В конце 80-х годов каллипсол был практически единственным доступным у нас галлюциногеном (его получали больницы как средство для наркоза). Автору пришлось столкнуться по крайней мере с 74 (!) достоверными случаями использования этого лекарства «народными целителями» и пятью доказанными ситуациями применения каллипсола *тоталитарными религиозными сектами* (мы подробно поговорим об этом в следующей книге).

В настоящее время каллипсол не входит в отечественную фармакопею. Однако в 90-х годах были доступны множество других легальных и нелегальных наркотических средств. Некоторые «барыги» признавались в частных разговорах, что ряд «ясновидящих», «потомственных колдунов» и «магов» входит в число *их самых надежных и постоянных клиентов*.

Циклодол

Циклодол – самый старый из лекарственных препаратов, применяющихся для лечения паркинсонизма. В качестве одурманивающего средства препарат начал использоваться в нашей стране в конце 50-х – начале 60-х годов и по степени распространенности и последствиям злоупотребления им стал советским аналогом РСР.

«Мода» на циклодол пришла из психиатрических больниц. В медицинской практике тех лет появился аминазин, произведший революцию в существовавших ранее подходах к психическим болезням. Препарат получил невероятно широкое распространение – его получали практически все страдавшие шизофреническими психозами пациенты. Но имел он и побочные эффекты. В частности, нейролеп-

191

тик вызывал нарушения координации движений – так называемый нейролептический или экстрапирамидный синдром. Поэтому практически всем больным для предупреждения осложнений одновременно с аминазином назначался *циклодол*.

Пациенты довольно быстро выяснили, что малейшая передозировка циклодола вызывает опьяняющий эффект, а еще большее увеличение дозы (при отмене аминазина) приводит к галлюцинациям.

В советское время судьбы пациентов психиатрических больниц и заключенных нередко пересекались. К началу 70-х годов циклодол проник в тюремную и лагерную среду, где его принимали вместе с алкоголем, барбитуратами, вываренным чаем – «цифирем» и т. д.

Циклодол и ряд других аналогичных препаратов и сейчас продается у нас на улицах наравне с наркотиками, но особенное распространение получил в школьной среде. Судя по рассказам наркоманов, немалое количество торговцев наркотиками предлагает школьникам 2–3-го класса попробовать «безвредные таблетки, которые используются как лекарство». По крайней мере у 24% наших пациентов, страдающих зависимостью от героина, *наркотический опыт начался с согласия принять циклодол в школе или на танцах*.

Фазы цикл од олово го опьянения описаны Э.А. Бабаяном в руководстве «Наркология», выпущенном в 1987 году. Опираясь в целом на это руководство, мы использовали отдельные аспекты собственного клинического опыта.

Первая фаза. Она связана с подъемом настроения, или эйфорией. Развивается через 20–30 минут после приема таблеток. Появляется чувство тепла, в первую очередь в руках и ногах. Самочувствие – приятное, в теле легкость. Звуки представляются четкими, краски – яркими и привлекательными. Житейские неприятности отходят на задний план. Наркоман становится болтливым; движения, вначале плавные, заметно ускоряются. Все вокруг вызывает смех. Такое возбужденное состояние длится еще около двадцати минут и сменяется второй фазой.

Вторая фаза. Через 40–45 минут эффект уже иной – появляется заторможенность в движениях, желание прилечь, головокружение и своеобразное ощущение невесомости. Человека может бросать «то в жар, то в холод». Нар-

192

i

коман как бы видит себя, лежащего на диване, со стороны. При этом меняется вся окружающая обстановка – предметы становятся зыбкими, текучими, «мерцающими». Разными пациентами ощущения воспринимаются по-разному: и как приятные, и как устрашающие. В любом случае в этом состоянии подросток не в силах четко формулировать мысли и даже просто общаться. Именно в этой фазе наркоман теряет ощущение собственного «Я», становясь абсолютно безвольным и внушаемым. Одна из наших пациенток именно в такой момент была изнасилована 11 (!) молодыми людьми. Характерно, что, в отличие от некоторых других галлюциногенов, картина опьянения цик-лодолом хорошо запоминается. Эпизод изнасилования отразился на всей жизни молодой девушки (хотя она больше ни разу не притрагивалась к наркотикам).

Вторая фаза продолжается от 2 до 3,5–4 часов, в зависимости от принятой дозы циклодола.

Третья фаза является периодом возникновения галлюцинаций, но фаза эта может и не развиваться. Все зависит от принятой дозы препарата и индивидуальной переносимости.

На фоне «невесомости» пациент перестает ориентироваться во времени и пространстве. Сначала появляются своего рода обманы восприятия – щелчки, звонки, странные звуки. Затем – внезапно возникающие образы, главным образом людей или животных. Образы двигаются, разговаривают и отдают приказания. Один из наших пациентов рассказывал, что по приказу «странного деда без глаз» – дело происходило на подмосковной даче – он дошел до станции и лег на рельсы. По счастью, был перерыв в расписании электропоездов. Наркоман понимал, что «деда» нет в реальности, что это галлюцинация. Однако сопротивляться не мог: было легче слушаться, чем сопротивляться. Такого рода галлюцинаторные переживания также могут продолжаться от 2 до 4 часов.

Далее наступает *четвертая фаза*. Вместо легкости тело наливается тяжестью, наваливается усталость до чувства полного изнеможения. Очень хочется спать, но большинство наркоманов уснуть не может. Приблизительно через 8–12 часов состояние постепенно нормализуется.

Подросток, пользующийся циклодолом как наркотиком, имеет характерный внешний вид: на фоне бледно-восково-

7 А. Данилин «LSD»

го лица появляется заметный румянец на щеках и резко выделяются ярко-розовые губы. Складывается впечатление, что он «намазался» неестественной косметикой.

Отмечаются мелкие подергивания мышц лица и конечностей. Чаще всего бросаются в глаза мелкие судороги рта и пальцев.

Интересно, что из 82 подростков в возрасте от 12 до 18 лет, которые обращались к нам за помощью, 66 (!) описывают свои ощущения от первых опытов с циклодолом как резко неприятные. Чаще всего применяются слова «кошмар» или «ужастики». Даже легкость и парение во второй фазе для них вещь скорее пугающая и вызывающая тревогу: «Мысли становятся легкими, кажется, вот-вот взлетишь. Но одновременно полностью перестаешь соображать и становится страшно. Если ты не способен соображать, то не знаешь, что случится в следующий момент, не понимаешь, где ты находишься, и это очень страшно».

Несмотря на это, все же 90% из числа обследованных нами подростков *продолжают прием циклодола*.

При приеме препарата несколько раз в неделю подросток начинает испытывать стойкий дискомфорт, если не может удовлетворить привычную потребность в дозе.

Через несколько месяцев развивается стойкая психическая зависимость. Потребность в приеме препарата увеличивается. Интервал между приемами сокращается до 24–36 часов. При попытке отказаться от приема препарата наблюдается снижение мышечного тонуса, появляется раздражительность и злоба на окружающих. Мысли о циклодоле вытесняют все. Ребята оставляют работу и учебу, пропадают из дома.

Примерно через год после начала систематического приема общая картина становится удручающей. Мелкие мышечные подергивания оборачиваются частыми судорогами лица и рук – например, непрерывным разжиманием и сжиманием в кулак пальцев рук. Молодой человек постоянно неусидчив, не может долго находиться на одном месте, развинчен, непрерывно вскакивает, совершает массу бессмысленных произвольных движений. В период отмены психоактивного вещества (период абстиненции) подобные расстройства усиливаются. К ним относятся и слабость, психическая глупость, тошнота, понос, летучие боли в мышцах и суставах.

При малейшей врожденной органической ослабленности нервной системы «неестественное» повышение мышечного тонуса и интенционный тремор легко могут переходить в развернутые эпилептические припадки.

Еще более частое явление – токсические психозы. Например, циклодоловый делирий (циклодоловая «горячка»). Особенно страшен тем, что грань между собственно галлюцинациями, наступающими во время приема циклодола, и приступами «горячки» (отека мозга) практически незаметны для самого подростка. Психоз и удовольствия становятся абсолютно неотличимы.

«Я валялся в комнате и беседовал с огромной добродушной говорящей собакой. Собаку я боялся, но не очень. Вдруг за окном раздалось что-то вроде удара грома и в комнате образовалась толпа разъяренных людей с палками в руках. Они стали лупить собаку и обвинять меня в том, что я с отцом ее откуда-то выпустили. От дикого страха я вылез в окно (15-летний мальчишка, к счастью, жил на втором этаже). Дальше я ничего не помню. Знаю только, что отец нашел меня утром у двери избитым, с выбитыми зубами и с зажатой в руке палкой. Отец говорит, что я ничего не соображал, только бормотал, что должен немедленно кого-то убить; и палку отнять у меня было невозможно. Дальше помню только больницу и себя под капельницей...»

Практически все подростки, которых пришлось наблюдать, перенесли до трех подобных психотических эпизодов. Стоит отметить, что большого числа подобных состояний организм перенести не может. Во время 4–5-го делирия молодые люди, как правило, умирают...

Циклодоловая токсикомания быстро приводит к нарушению нормального развития головного мозга и прямой атрофии нервных клеток. Уже через полгода систематического приема циклодола появляются нарушения памяти. Подросток не в состоянии запомнить даже телефонного номера. Падает способность к логическому мышлению. Самооценка становится невозможной – подросток больше не видит себя со стороны. Развивается глубокая органическая деменция, привычно называемая нами слабоумием.

В рамках юнгианских представлений она будет описываться как исход, конечное состояние процесса «понижения умственного уровня» – слабой интенсивности работы сознания.

Мы напоминаем читателю клиническую картину цикло-доловой токсикомании, так как имеем основания считать, что число подростков, злоупотребляющих аналогичными препаратами, вновь стало стремительно увеличиваться в конце 90-х годов. Вместе с тем специалисты, внимание которых поглощено волной «сильных» наркотиков, почти совсем перестали обращать внимание на «таблеточки», незаметно появляющиеся в школах и на танцплощадках.

ПАРАДОКСЫ ПСЕВДОГАЛЛЮЦИНОГЕНОВ

В нашем распоряжении нет зарубежных данных о злоупотреблении циклодолом или другими холинолитиками. По всей видимости, только в нашей стране стереотипы поведения душевнобольных и заключенных являются привычным образцом для подражания молодежи.

Можно утверждать тем не менее, что циклодол у нас является своеобразным «психологическим» аналогом РСР в западных странах. Все та же крайняя опасность приема препарата, все так же быстро проявляется и нарастает «понижение умственного уровня». *Так же мало людей, даже находящихся в зависимости, описывают эффект от приема психоактивного вещества как приятный или приносящий удовольствие.*

В этом главный парадокс подобных препаратов.

К чему в этих ощущениях может стремиться наркоман? Должен же человек испытывать если не удовольствие,

то хотя бы удовлетворение своих бессознательных потребностей в ходе приема химического вещества, в зависимость от которого он попадает?

Видимо, использование с целью достижения специфического опьянения совершенно различных и крайне опасных химических веществ свидетельствует о существовании некоей *скрытой потребности* не в веществе, а в *эффекте*, который им вызывается. Причем эта *потребность настолько сильна, что способна победить инстинкт самосохранения* – один из главных защитных механизмов личности.

Быть может, эти люди испытывают потребность быть управляемыми, потребность в ослаблении свойственной человеку «напряженности сознания»?

196

Во всяком случае, пациенты, постоянно употребляющие циклодол, РСР и кетамин, являются на первый взгляд наглядной демонстрацией существования такой потребности.

Похоже, что наркоман испытывает удовлетворение не в результате самого описанного процесса диссоциации личности, а от ее «побочного», но обязательного эффекта – «понижения порога сознания» (который, в свою очередь, вызовет пассивную подчиняемость).

Среди людей, злоупотребляющих LSD, только 5% женщин. Среди злоупотребляющих РСР женщин еще меньше – около 0,5%.

По всей видимости, прием фенциклидина и кетамина в еще большей степени, чем прием остальных галлюциногенов, пробуждает в мужчине женское начало – *начало пассивное, хаотичное, перекадывающее ответственность за принятие решений на внешние источники. Мужчина стремится к веществам, временно освобождающим от биологически свойственной его полу активности, то есть к тому, что Юнг называл понижением умственного уровня.*

Женщина, наоборот, чувствует в нарастании пассивности угрозу своему психическому равновесию.

Вполне вероятно, что это правило распространяется не только на конкретные, используемые наркотической субкультурой химические вещества, но и на все психические феномены, вызываемые любыми формами медицинского наркоза – обезболивания в лекарственном сне.

Здесь коренится весьма важная деталь, позволяющая нам понять парадоксы псевдогаллюциногенов: прямая связь галлюцинаторного состояния и сновидения. Феномен засыпания *тоже заключен в потере ощущения реальности* своего собственного бытия и бытия мира.

Именно с этим ощущением связан детский страх засыпания. Ребенок боится отпустить взрослого из своей комнаты, так как ему необходимо ощущать себя видимым и слышимым для другой личности в минуту перехода *из реальности бодрствования в иной, призрачный мир сновидений.* Перед засыпанием человек испытывает то, что Юнг называл «понижением умственного уровня», – сознание «расслабляется». Благодаря этому свойству сна возможен медицинский гипноз, врач *использует для внушения* дремотное расслабление сознания.

197

Ребенок просит оставить свет в комнате включенным из-за того же страха провала в темноту, в которой нет никого и ничего, в том числе и *самой личности ребенка.*

Темнота как бы поглощает индивидуальность, которую он привык в себе осознавать. Свет же дает уверенность, что во время сна реальность сохранится неизменной и ребенок сможет в нее вернуться. А если возвращение возможно – значит, и он сам останется прежним. Пробуждение тоже начинается с «расслабленности» сознания. Мы «выбираемся» из нее в реальность концентрируя на ней свое внимание.

Страх засыпания – это страх растворения «Я» в пустоте, в ничто.

Среди большого числа пациентов, обращавшихся к автору с просьбой о помощи в преодолении страха перед хирургической операцией (62 случая), а боязнь операции *всегда сводится именно к страху наркоза, не было ни одного мужчины.*

У женщин в гораздо большей степени развит «страх ведьм» – ощущение опасности столкновения женского бессознательного с аналогичной ему стихией *наркоза.* Женщины интуитивно боятся галлюциногенов. Для них гораздо существеннее опасность попадания в зависимость от веществ, пробуждающих противоположную агрессивную и активную – мужскую – часть их бессознательного.

В противоположность женской стихии мужского бессознательного, которую Юнг называл анимой; мужская стихия в женском бессознательном носит в его работах название «анимус».

Мужчины склонны прятаться от ответственности (за активность приходится нести ответственность) с помощью химических веществ, которые стимулируют Аниму.

Примером бегства мужчины от активности – бегства, доходящего до *убийства собственной индивидуальности,* – является использование средств для медицинского обезболивания в качестве... наркотика.

Женщины, наоборот, пытаются бороться со свойственной им пассивностью с помощью веществ, стимулирующих анимус. Примером веществ такого рода является алкоголь и некоторые психостимуляторы.

Подтверждение этим взглядам можно найти у Альфреда Адлера. Он считал естественный для человека комп-

198

леке недостаточности (к обсуждению которого мы еще вернемся) проявлением *женского* начала в человеке:

«И нормальное стремление ребенка приютиться возле кого-то, и преувеличенная покорность невротически предрасположенного индивидуума, и наплывы слабости, и ощущение несостоятельности, усиливаемое постоянной чувствительностью, и понимание своей никчемности, и тягостность минут, когда кажется, что тебя постоянно отталкивают куда-то в сторону и что преимущества не на твоей стороне, – все это, вместе взятое, *ощущается как нечто женское.*»

Крайне низкий процент принимавших длительный срок галлюциногены женщин объясним тем, что эти вещества усиливают *комплекс недостаточности – неуверенность «Я»,* и без того свойственные женскому бессознательному. Иначе говоря, сегодня женщина гораздо более чувствительна, чем мужчина, к той

подстерегающей опасности *развоплощения*, что таится за приемом наркотика.

Мы с вами, однако, помним, что вакханками и ведьмами изначально были только женщины. По всей видимости, страх «дионисического» относится не к числу врожденных, *генетически свойственных* человеку страхов, а к числу опасений, «воспитан[^]Иркультурой. Скорее всего, этот страх окончательно сформировался в Средневековье, одновременно со становлением *христианских представлений о личности*.

Мужчина же продолжает бегство от самого себя в *патологический сон*. Не в переносном, а в прямом смысле этого слова – в случае РСР или каллипсола он *считает удовольствием...* вызывающее «понижение умственного уровня» *состояние медицинского наркоза*.

На пути подобных рассуждений возникает еще один парадокс.

Если мы считаем, что вызываемая галлюциногенами пассивная подчиняемость входит в число человеческих *потребностей*, то мы тем самым объявляем *ее нормой*. Если потребность эта существует, то в этом факте кроется... оправдание желанию Сталина и Гитлера низвести личность до толпы, уничтожить индивидуальность, возродить языческий тип мышления.

Кто-то может сказать – они лишь шли навстречу человеческой природе...

199

Однако нормальному человеку такая мысль кажется абсолютно недопустимой и отвратительной. Мы чувствуем несовместимость тиранов со своей природой, несмотря на то что каждый из нас способен найти в себе *потребность в подчинении, в уклонении от личной ответственности*.

Откуда тогда берется интуитивное отвращение к Сталину, Гитлеру, наркоманам и безумцам? Откуда берется «страх ведьм»?

Сущность вопроса скрывается в истоках нашего *мировоззрения*.

Если мы смотрим на мир как *последовательные* материалисты, то наше представление о человеке сведется к набору инстинктов, рефлексов и биохимических реакций. В этом случае мы будем вынуждены говорить о том, что потребность в подчинении (в ослаблении работы сознания) является одной из ведущих инстинктивных потребностей человеческого существа. Действительно, в процессе дарвиновского естественного отбора *отдельный организм не в состоянии выжить*.

Ему необходим *стадный инстинкт* – только сплотившись в стадо, животные и первобытный человек могли дать отпор врагам и стихийным бедствиям. При наводнении у зайца нет времени на индивидуальные раздумья. Он должен мгновенно развернуться и бежать вместе со всеми. В критических ситуациях животному необходимо стать *внушаемым* и иметь *потребность* подчиняться воле вожака или группы (стада).

Несомненно, все мы имеем биологическую природу и в ее структуре сохраняется стадный инстинкт. Такие способности человека, как способность впадать в транс или в состояние индуцированного сна (гипноза), объясняются именно его существованием.

Весь вопрос в том, одна ли биологическая природа определяет наше поведение?

Чистый материализм никак не может в своих построениях найти место для *личности* и индивидуальной *человеческой души*. Он и пытается действовать исходя из того, что *ее не существует*, пытаясь манипулировать людьми, как вещами.

Против этого внутри нас протестует какое-то другое, давно забытое чувство, заставляющее человека противо-

200

стоять бесчисленным попыткам века разрушить *личность*, заставляющее нас, несмотря на любые невзгоды, сохранять то, что мы называем *собственным достоинством*. С точки зрения автора, за этим чувством прячется забытое нами христианство – мировоззрение наших предков.

Если, с точки зрения этого мировоззрения, *личность существует* как Образ и Подobie Бога, то мы не можем считать потребность в *подчинении* (в *потере души*) одной из главных человеческих потребностей. Наоборот, инстинкт самосохранения будет противостоять желанию полного подчинения, вызывая «страх ведьм» – страх растворения личности.

С точки зрения личностного, персоналистического взгляда на мир, потребность в исчезновении чувства «Я» есть *желание человека перестать быть человеком*.

Разве такое возможно?

Существует и еще один парадокс, особенно явно заметный на примере псевдогаллюциногенов. Мы уже отмечали, что в психоанализе, заложившем основы научной психологии нашего века, понятия «Я» и «Сознание» *примерно равны друг другу*. Чувство собственной индивидуальности, в сущности, синоним ясного сознания.

Стремление к «снижению умственного уровня» в такой ситуации оказывается синонимом стремления... к потере сознания.

LSD «психонавты» употребляли *для расширения сознания*, а РСР... *для его утраты*РЛ Но ведь эти препараты часто принимали одни и те же люди. Каким образом это стало возможным?

Через некоторое время после запрета LSD выяснилось, что бывшие поклонники «химического мессии» начали искать аналоги пережитых ими состояний отнюдь не только среди незапрещенных химических веществ. Они начали поиск чисто психологических техник, приемов и мировоззрений, позволяющих остаться в «галлюцинаторном состоянии», не используя химических веществ.

Прежде чем анализировать возникшую ситуацию, давайте попробуем понять, насколько чисто материалистический взгляд на вещи поможет объяснить причины возникшей потребности в психоделиках и вызываемых ими состояниях.

201

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О МЕХАНИЗМАХ ХИМИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ ГАЛЛЮЦИНОГЕНОВ

Знаем мы очень немногое.

Благодаря парадоксам галлюциногенов стало понятно, что эти вещества родственны структурам ретикулярной формации и других отделов мозга, отвечающих за смену сна и бодрствования. Еще Хамфри Осмонд показал, что галлюцинации воображения представляют собой «сновидения наяву».

С середины 50-х годов ученые поняли, что LSD и аналогичные ему вещества нарушают ту часть передачи электромагнитного импульса между нервными клетками, которая связана с нейромедиатором серотонином.

Такие препараты относятся к химическому классу индо-лалкиламинов, или просто индолов. Сходство их химического строения с серотонином натолкнуло исследователей на предположение, что наркотики могут имитировать се-ротонин и парадоксальным образом активизировать серо-тониновые рецепторы нервных клеток головного мозга.

Уже в 90-х годах было отмечено, что индолы обволакивают серотониновые рецепторы и что сила и скорость этого процесса напрямую зависят от мощности галлюциногена (Скажем для врачей, что мощность, то есть выраженность галлюциногенного действия, зависит от степени сродства наркотика по отношению к постсинаптическому 5-ГТ2-ре-цептору.)

Однако теория эта не является доказанным фактом. Так, весьма трудно объяснить действие, например, того же мес-калина. По своей химической природе он больше похож на амфетамины, чем на индолы, но в отличие от других амфетаминов мескалин – мощный галлюциноген, по эффектам практически неотличимый от LSD.

Более того, мескалин и LSD имеют перекрестную толерантность. Этот термин означает следующее. После приема LSD человеку для появления галлюцинаций требуется гораздо большая дозировка мескалина, чем до приема LSD, и наоборот: после приема мескалина – большая доза LSD.

Возможно, что не сам мескалин, а один из продуктов его распада также способен обволакивать серотониновые рецепторы. Однако это тоже лишь предположение.

202

И даже в том случае, если наука точно докажет «серо-тониновую» гипотезу, это мало что прояснит. Сам серото-нин и по сей день является одним из самых загадочных нейромедиаторов, и его функции в центральной нервной системе человека понятны далеко не до конца. Серотонин находится в каждой клетке головного мозга. Известно, что он играет важнейшую роль в формировании эмоционального фона нашего поведения. Но это знание позволяет объяснить лишь эмоциональную часть всего спектра действия наркотика. Сам же механизм возникновения галлюцинаций, как и зоны мозга, участвующие в этом, науке до сих пор неизвестны.

Много споров об LSD велось вокруг побочных эффектов. На сегодняшний день считается, что LSD вызывает изменения в человеческих хромосомах, нарушает наследственную информацию в ядрах кровяных клеток. Эти данные получены «в пробирке» и основаны лишь на лабораторных экспериментах. Однако в связи с запретом LSD доказательств непосредственно на человеке получено не было.

Современная биология считает, что лабораторных экспериментов достаточно, чтобы утверждать:

У постоянно принимающих этот наркотик мужчин и женщин вероятность рождения неполноценных детей или детей с врожденными аномалиями развития в 2–3 раза выше, чем в среднем по популяции.

Что касается фенциклидина и родственных ему средств для медицинского наркоза, то эта группа наркотиков не имеет никакого отношения к метаболизму серотони-на. На наш взгляд, это подтверждает «случайное» попадание РСР, кетамина и каллипсола в группу галлюциногенов.

РСР вызывает неестественный сон, а LSD – искусственное безумие. Психологически это сходные феномены, а механизм химического действия – различный.

Фенциклидин и схожие с ним препараты взаимодействуют с совершенно другими, чем индолы, рецепторами нервной клетки. Эффекты РСР опосредуются рецепторами возбуждающих аминокислот, особенно N-метил-О-ас-паратат подтипом глутаматного рецептора.

Препараты этого класса разрушаются в печени, и происходит это очень медленно.

203

Закономерности фармакокинетики галлюциногенов

Самым мощным галлюциногеном является LSD. Для появления галлюцинаций достаточно в среднем 25 мг активного вещества. У нас на улицах продается наркотик, представляющий собой фильтровальную бумагу, пропитанную небольшим количеством раствора кислоты («марка», «салфетка»); одна «марка» содержит 25–50 мг LSD. На Западе LSD можно купить в виде таблеток, капсул, вязкого раствора-геля или в тех же «марках». В Амстердаме, например, можно купить «марки», содержащие большее количество наркотика – 75–250 мг.

LSD всасывается быстро как через желудочно-кишечный тракт, так и через слизистую оболочку рта («марки» обычно рассасывают во рту).

Первые симптомы могут появиться в течение 10 минут. Сначала следует соматический симптом – повышение температуры тела, кровяного давления и т. д. Психические эффекты появляются спустя 20–60 минут после приема наркотика, легко преодолевающего иммунный барьер между кровью и мозгом, чтобы попасть в нервную систему.

Острый эффект LSD продолжается от 8–12 часов, после чего вещество быстро перерабатывается и удаляется из организма. Имеющееся в нашей стране оборудование не позволяет обнаружить следы индоловых галлюциногенов уже после 48 часов, прошедших с момента приема.

Псилоцибин наркоманы обычно принимают либо с грибами, либо в виде самодельного напитка, изготовляемого из тех же грибов.

Дозу вещества в грибах установить очень трудно – разные виды псилоцибиновых грибов, произрастающих в различных природных условиях, содержат разное количество псилоцибина. В среднем 10 граммов грибов содержит около 15 мг активного вещества. Эту цифру и считают средней дозой. Исходя отсюда, можно подсчитать среднюю мощность псилоцибина как галлюциногена. Она составляет примерно 1% от мощности LSD. Продолжительность галлюцинаций псилоцибина – примерно 4–6 часов. Скорость выведения из организма

такая же, как у LSD.

Мескалин обычно принимают в виде подсушенных кусочков лофофоры – «подушечек». Индейцы съедают их около 15, то есть в организм попадает примерно 600 мг

204

мескалина. Последний в 3000 раз слабее LSD. Минимальная вызывающая галлюцинации доза составляет 200 мг. Галлюцинации продолжаются около 8–12 часов.

Практически неотличимые химически от LSD эргин и изоэргин – галлюциногены, содержащиеся в семенах некоторых видов дикого винограда, – действуют примерно в 10 раз слабее, чем LSD.

ДМТ (диметилтриптамин), содержащийся в дереве виро-ла, по своим галлюциногенным эффектам близок к LSD. После приема измельченной в порошок коры действие наступает очень быстро и резко – через 1–2 минуты. Эффект химически чистого алкалоида ощущается практически мгновенно («психонавты» называли «приход» ДМТ «боксерским ударом»), но и продолжается не более получаса. Обнаружить ДМТ в биологических средах принимавшего его человека можно в течение 4–6 часов.

ПРЯМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПСИХОДЕЛИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, или ЧТО СМОГЛО СРАЗУ ПРОНИКНУТЬ В «РАСКРЫТЫЕ ДВЕРИ» ВОСПРИЯТИЯ

После запрета LSD психоделическая культура, разумеется, не прекратила своего существования. Часть бывших «адептов LSD» увлеклась поиском альтернативных, не запрещенных законом галлюциногенов.

Однако безнадежность химического образа жизни была уже ясна. Ричард Блум в 1972 году писал в своей книге «Утопияты»:

«Они уткнулись в тупик поиска галлюцинаций ради галлюцинаций, который, в сущности, ничем не отличается от просмотра телевизора ради просмотра телевизора, только вероятность самоубийства при первом способе получения визуальной информации несравнимо выше, чем при втором».

Но общество и закон, привыкшие к простым и ясным ответам на сложные вопросы, обвинили во всем *сами химические вещества*, фактически обойдя вниманием **проблему психического состояния**, вызываемого галлюциногенами.

В книге «Целебное путешествие» Клаудио Наранджо писал: «Нам не нужна «кислота»! Нам нужно сохранить *особое состояние сознания* (курсив мой. – А.Д.) – состо-

205

яние острых переживаний, открывающих сознание. Мы приветствуем «Экстази» и ибogaин как усилители наших чувств, но мы можем обойтись и без них...

Мы можем научиться сохранять свою душу открытой».

Психоделическая культура, сначала внутри самой себя, а потом и в психологии и психиатрии, создала осевой термин **«особые состояния сознания»**. Вокруг этого понятия пролегли в самых разнообразных направлениях поиски способов вернуть то характерное для LSD *«особое состояние»*, но уже без использования наркотиков.

Главной целью объявлялось тотальное переключение внимания от внешнего мира к внутриспсихическим переживаниям. Причем чем эффективнее, с помощью соответствующего тренинга, человек мог *отключаться от внешней реальности*, тем более «просветляющим» считалось соответствующее учение.

«Внутренняя реальность – является совершенно другой реальностью, которая не требует подтверждения. И самым элементарным требованием для вступления в контакт с ней является простое переключение внимания от сенсорного контакта к внешней реальности».

Из книги «Естественный разум», Эндрю Уэйл, 1972 год

«Поворот внутреннего зрения в сторону третьего сознания обещает более возвышенные цели, более человеческое общество и новую, освобожденную личность».

Из книги «The Greening of America», Чарльз Райх, 1971 год

После запрещения LSD первой общественно значимой попыткой «жить в особом состоянии сознания» стало движение, направленное на организацию молодежных коммун.

В книге «Коммуны в противоположной культуре», изданной в 1972 году, Кейт Мелвил писал:

«При исследовании колоний наркоманов в Беркли в 1967 году мы с Джеймсом Керри обнаружили следующее: те коммуны, что принимали LSD, так же как и те, кто просто занимался медитацией и «третьим сознанием», полностью отрицали возможность какой бы то ни было активной личностной позиции. Не говоря уже о какой бы то ни было общественной деятельности, направленной, напри-

206

мер, на изменение политического строя, **они обходили** стороной даже такой, казалось бы, сугубо **частный** момент, как необходимость создания семьи. Перед **ними** вставал какой-то *совершенно иной образ жизни, прославляющий пассивность*» (курсив мой. – А.Д.).

Но по всей видимости, пассивность как главный принцип поведения не может выступать в качестве средства, объединяющего и удерживающего людей вместе. *Пассивность – это состояние, близкое к юнговскому «понижению умственного уровня», суть которого в ожидании указаний извне*. Если указаний, то есть прямого внушения, не следует, группа неминуемо распадается.

Большинство коммун не просуществовало больше двух-трех лет. Некоторые превратились в притоны,

приторговывающие наркотиками, – они закрывались полицией. Дольше продержались лишь те, где имелись активные, как правило религиозно-харизматические, лидеры...

Такие коммуны являлись, по существу, не чем иным, как мистическими сектами.

Последствия эпидемии LSD и провал идеи коммун привели к усилению влияния тех учений, которые во главу угла ставили психические методы изменения сознания. В молодежной контркультуре они проявились в форме повального увлечения восточным мистицизмом – медитацией, гуру и дзен.

В области медицинской поиск особых состояний сознания привел к разработкам групповой психотерапии и к так называемым «восточным» психологическим техникам.

В области социально-политической опыт психоделии открыл дорогу так называемым программам «модификации поведения».

Мистика Востока

«Трансцендентальное состояние бытия находится по другую сторону всего видимого, всего слышимого, всего осязаемого, всего обоняемого и ощущаемого; по ту сторону всего реального, всего мыслимого и всего чувствуемого; это состояние непроявленного, абсолютно чистого сознания бытия есть предельное и лучшее состояние жизни» – так говорил Махариши Махеш Йоги, основавший

207

движение трансцендентальной медитации в Америке и сколотивший на нем многомиллиардное состояние.

Движение «Трансцендентальной Медитации» (ТМ) произвело фурор. Разочаровавшиеся в LSD The Beatles увлеклись ТМ, и это стало лучшей рекламой для Махариши. В начале 70-х годов в Америке насчитывалось около 5 тысяч учителей медитации. Часовой урок стоил от 75 до 125 долларов. Доза LSD в это время стоила в 10 раз дешевле.

Целью ТМ, по словам того же Махариши, являлось достижение «...космического сознания, самого источника существования абсолюта... и *тотальное избавление от опостылевшей реальности*».

Кейт Уоллес, физиолог Гарвардского университета, сообщил, что под влиянием ТМ у человека происходят определенные физиологические изменения, сходные с теми, что возникают при употреблении психоактивных препаратов: значительно снижается потребление кислорода и выделение углекислого газа, замедляются сердечные сокращения, уменьшается темп дыхания, регистрируется изменение электромагнитной активности мозга.

Но не только в естественных, в общем-то физиологических изменениях была замечена аналогия ТМ с наркотиками. Сходство очевидно, если прочесть отзывы некоторых поклонников медитации:

«...Жизнь в отсутствие учителя становится пустой и бессмысленной. Она, как будто снова, как это было до встречи с ним, сплошь лишь в черных красках... Если я в течение недели не занимаюсь ТМ под его руководством, мне кажется, что жизнь прекратилась...»

«Если вы начали заниматься ТМ, то не сможете прекратить уже никогда. Душа не в состоянии жить без этого упоительного восторга, без ощущения того, что ваше эго целиком и без остатка отдано высшей Радости, высшей красоте и вашему Учителю».

«Существует, видимо, тип человека, который не может существовать без ТМ. Для него, как для меня, медитация является наркотиком, только наркотиком естественным, помогающим забыть о трудностях реальной жизни, а не создающим новые трудности».

Приведенные цитаты взяты нами из двух авторитетных американских газет «Daily World», May 30, 1973 и «New York Daily News», April 16, 1974.

208

С точки зрения врача-нарколога, смысл этих высказываний – в своеобразной форме *психической зависимости*; зависимости от *особого состояния сознания*.

Сам Махариши многократно пояснял, что под понятием «трансценденция» он понимает расширение души к глубинам гармонии:

«Внутренняя гармония – это красота бесформенного, это сама красота, в своей божественности лишенная искажающих ее оболочек...»

В свою очередь, автор позволяет себе пояснение. Под красотой бесформенного подразумевается *гармония... пустоты*. «Божественность» пустоты может быть только «*божественностью*» хаоса, то есть *состояния мира до акта творения*. *Пустота и бесформенность лишены Логоса, лишены закона разума, который творит, лишь создавая мир индивидуальных форм*.

Прикосновение к миру бесформенного лишает разум свойственного ему напряжения, оно может вызвать *глубочайшую релаксацию*.

Подобное расслабление и растворение души в мире без форм лишено *всякого содержания, всякого смысла*, кроме, конечно, расслабления ради него самого.

Более того, подобного рода релаксация души (и тела) будет оголять «женскую», пассивную часть нашего бессознательного, ее аниму.

Мир без форм, мир до акта творения, вернуться к которому призывал Махариши, – это женственная (пассивная) субстанция хаоса в *ожидании внедрения в нее Логоса – смысла*.

Библейский акт творения, по сути, и есть внедрение Божественного смысла в «женственную» сферу бесформенного. Известно ведь, что в женщине до оплодотворения не существует еще иная жизнь (форма), но явлена *потенция этой жизни*. Потенция жизни проявляется в желании оплодотворения (внедрения смысла).

Состояние глубокой медитации ничем в духовном смысле не отличается от состояния опьянения галлюциногенами. Это та же пассивная готовность к внушению любого рода. Фактически – та же пустота в ожидании некоего разума, способного оплодотворить ее.

Учитель ТМ способен «внедрить» в своих научившихся достигать «гармонии бесформенного» учеников почти все, что пожелает, *любой смысл, любое мировоззрение.*

209

Сказанное о ТМ вполне приложимо ко всем особым или мистическим состояниям сознания, к достижению которых призывали и другие «восточные» гуру. Само понятие «бесформенного» Махариши, разумеется, присвоил из буддизма. Дзен-буддизм – наиболее мистическое направление среди ветвей буддизма – призван способствовать достижению нирваны (мира бесформенного) посредством сатори – *внезапного мистического просветления.*

Нельзя забывать, что все эти понятия: медитация, дзен, нирвана, сатори – принадлежат *древней религиозной традиции, которая* подразумевает отнюдь не только достижение определенных состояний сознания.

Целостная традиция диктует и *целостное мировоззрение*, на котором покоится многовековая *буддистская культура.* Но даже это целостное и гармоническое мировоззрение для нашей культуры является все тем же *язычеством.*

Люди языческого Востока, которые исповедовали буддизм, совершенно по-иному воспринимали свою индивидуальность, по-иному чувствовали самих себя.

Модные же в конце 60-х – начале 70-х годов XX века гуру, такие, как 15-летний Махарай Джи, Мехер Баба, Махариши Махеш Йоги или Свами Прабхупада Харе Кришна, не имели никакого отношения к традиционной древней культуре Индии или Китая. Некоторые из них (Свами Прабхупада, например) даже никогда в жизни не посещали родину своих учений и имели вполне европейское образование.

Вся их задача сводилась **к упрощению** – механическому переносу набора вырванных из древнего духовного контекста психологических упражнений и банальных, «доступных» сознанию современных американцев и европейцев истин в «свое» учение.

Новоиспеченные учителя пытались *выделить* из целостного мировоззрения голую технику, замешанную на мистике и психологии, точно так же, как алхимики пытались выделить из цельной структуры – *из гармонического растения – алкалоид.*

И у тех и у других в результате получился наркотик.

Харрисон Поуп в книге «Восточный путь» в 1974 году писал:

«...Многие из тех, кто использовал психоделики для достижения «мгновенного счастья», сейчас обратились к «ес-

210

тественному счастью» восточных религий... Кроме того, эти, новые для большинства, религии создали и новых богов, занявших место прежних и которым теперь, после эпопеи с LSD, можно поклоняться...»

Известнейший американский философ и психотерапевт Алан Уотте изложил в своих книгах преимущества восточных методов психотерапии перед западными. Вот, в двух словах, суть его аргументации:

«Только находясь в состоянии медитации, человек способен постичь, что его **«Я» является лишь иллюзией...**» (выделено мной. – А.Д.).

«Психотерапия Востока и Запада», 1969 год

«Человеку должно быть чуждо и удовольствие, и страдание; и выгода, и потеря; и успех, и неудача; забота о других, и наслаждение, и страх. Если он достигнет такого состояния, он не захочет ни с кем объединяться.»

«Это и есть то», 1973 год

Любопытно: специалист по восточной терапии Уотте призывает к тому же состоянию потери «Я», к которому приводят галлюциногены. Состояние, в котором возникает ощущение иллюзорности или отсутствия «Я» (первая цитата), ведет к некоему идеалу, которого должен достичь человек в *результате лечения.* Идеальное состояние сознания – это состояние полного равнодушия... или бездушия, если хотите (вторая цитата).

Свято место пусто не бывает: кроме гуру религиозных, были и гуру от психологии. Психолог Эндрю Уэйлл в книге «Естественный разум: новый подход к высшему сознанию» объявил *невроз и психоз... высшими достижениями человеческой психики:*

«Я испытываю искушение назвать психотиков эволюционным авангардом нашего вида. Они обладают секретом *изменять реальность, изменяя сознание.* Если они научатся пользоваться своим талантом по *растворению эго* в позитивных целях, для них откроются безграничные возможности (курсив мой. – А.Д.)».

Если следовать «психоделической» логике, то это рассуждение вполне последовательно и логично. Если LSD – «духовный мессия», то и медицинское безумие является

211

«эволюционным авангардом» (по-русски – целью развития) человека!

Уэйлл делил человеческое мышление на два типа. Первый – прямое мышление – включал в себя интеллектуальную и чувственную (связанную с внешним миром) форму. Второй тип мышления он называл *окаменевшим* и включал в него безумие, мечты, трансы и медитацию. *Окаменевшее мышление*, по его мнению, дает возможность постижения внутренней сути вещей, ибо зиждется на интуиции.

Гуру от мистики и психологии в конце 60-х – начале 70-х годов пытались мыслить и действовать так, будто вообще не подозревали о почти двух тысячелетиях христианского сознания и мышления.

Но человеческая индивидуальность, пресловутое «Я» – не иллюзия. Без ощущений индивидуальности невозможно ни чувство собственного достоинства, ни отношения собственности, ни ответственности за свои деяния, ни какое бы то ни было понимание себя и *другого.* Без индивидуальности не могло бы в принципе возникнуть такое, например, понятие, как демократия.

Сам того не сознавая, этим своим термином – «окаменевшее мышление» – Уэйлл вызывает у читателя

ощущение слепого архаизма, окаменелости тех форм психической жизни, к которым фактически призывает его книга. «Сознание камня» вызывает прямые ассоциации с древними порождениями Земли – хтоническими чудовищами.

Психоделической революции удалось сотворить, казалось бы, невозможное – объявить древний ужас перед проникновением хаоса в мир разума... целью существования человеческой души.

В 80-е годы в кабинете автора не прекращался поток людей, испытавших на себе все то, что мы назвали «синхронистичностью». Переживания некоторых из них были близки к бредовым и галлюцинозорным психозам – после непосредственного участия в медитациях и иных поисках «особого состояния сознания».

В 90-е годы их сменили люди, искалеченные сектами...

«Особое состояние сознания», как выяснилось, почти ничем не отличалось от галлюциногенного «трипа».

«Мистические психонавты» хотели расширить себя, свою душу за счет таинственного, а в результате получили лишь распадающееся «Я». Они хотели приобрести уве-

212

ренность *в себе* и в жизни с помощью медитаций, а получили ощущение собственной неполноценности и зыб • кости реальности.

В нирване – небытии они хотели испытать свободу, но добивались лишь зависимости.

Групповая психотерапия

Осенью 1971 года бывший адепт LSD Вернер Эрхард путешествовал по Калифорнии. Внезапно его посетило откровение.

Как выразился он сам, его «ОСЕНИЛО». Откровением стало для Эрхарда «переживание мира таким, каков он есть, *без посредничества человеческой логики и понимания*».

Испытанным, разумеется, нужно было поделиться, и он создал Тренировочные семинары Эрхарда (ЭСТ).

В 1977 году 83 тысяч американцев проходили лечение в семинарах Эрхарда; при этом каждый платил 350 долларов за четыре выходных дня, потраченных на получение «откровения». Сумма доходов ЭСТ в 1975 году составлял 9,5 миллионов долларов.

В задачу нашу входит подробное описание семинаров Эрхарда; по этому поводу существует большая литература. Вкратце же обстановка на семинаре выглядела следующим образом.

Обучающиеся проходят 60-часовой курс – 4 дня по 15 часов. В каждой группе с одним «тренером» обучаются и «лечатся» (избавляются от неврозов, депрессий и т. д.) около 250 человек. Тренинги идут по жесткому временному расписанию. В зале для занятий нет часов, обучающимся нельзя есть, курить, говорить, вставать и ходить, делать записи, принимать лекарства.

Люди, проводящие тренинг, не улыбаются и стараются не проявлять эмоций. Основные тезисы Эрхарда облекаются в форму отрывистых монотонных приказов.

Главным способом достижения «озарения», по Эрхарду, является *непрерывное унижение* личности участника тренинга, вкупе чередуемое с короткими лекциями и примитивными медитативными упражнениями. Журналист Лео Литвак в статье «*Обратите внимание, бараны!*» описал тренировочное занятие, проводимое самим Эрхардом:

213

«Ассистент выкрикнул основные правила. Далее Эрхард прочитал коротенькую лекцию с изложением цели ЭСТА – что-то невразумительное о необходимости изменения способности к переживанию... Еще несколько часов прошли в *непрерывных оскорблениях* обучающихся, которых Эрхард называл баранами и олухами, чья жизнь и взгляды не стоят и гроша» (курсив мой. – А.Д.).

«New York Times Magazine», May 2, 1976

После приемов, направленных на подавление индивидуальности (посредством унижения), Эрхард излагает основные идеи ЭСТА. Они заключаются в том, что понятия «хорошего и плохого» просто-напросто не существует – это мешающий нам разум навязывает свои суждения, в то время как внешний мир по отношению к нам холоден и равнодушен. А стало быть, в этом навязанном нам воспитанием мире ничего нет – никаких живых отношений, *никому нет дела ни до чего*.

«То, что существует, существует. И вы должны принять это!»

Это значит, что обучающийся полностью отказывается от разума и от всей своей «системы убеждений, прежних представлений и моделей поведения».

Вера, разум, логика и понимание – априорны, то есть не основаны на опыте. И все это следует отбросить, чтобы достичь сути личного бытия.

Отказ от разума и понимания означает только одно: реальными в человеческой жизни являются восприятие и практический опыт. Через происходящее *здесь и сейчас* – на семинаре – пациент Эрхарда должен осознать «что он есть, существует и что единственный способ быть счастливым – это делать то, что он делает».

Понятна, наверное, генетическая связь галлюциногенного «трипа» и того состояния сознания, достижению которого служат семинары Эрхарда.

С помощью приемов тоталитарной секты, всячески унижая личность (все обучающиеся мужчины должны одеваться так же, как Эрхард и его ассистенты; участники не имеют права на проявление эмоций, они обязаны выполнять все предписанное абсолютно покорно), «учитель» добивается от «учеников» крайней степени *неуверенности в себе*, того же чувства *размытости границ собственного «Я»* (и,

214

как следствие, внушаемости), которое мы неоднократно описывали как результат воздействия наркотиков или, скажем, трансцендентальной медитации.

Вивиан Горник писала для газеты «New York Times Book Review», от January 25, в том же 1976 году:

«Моей любимой цитатой из Эрхарда является следующая: «Я хочу теперь рассказать вам Правду О Жизни: То, Что Есть. – Есть; То, Чего Нет, – Нет. Можно сказать лишь одно: что не только король голый, он еще и невидим».

Многие наблюдатели сравнивали ЭСТ с сектой Муна. Некоторые журналисты прямо называли ЭСТ *психоделическим фашизмом*.

Схема, которая лежит в основе «тренинга» Эрхарда, является до боли узнаваемой. Это все та же схема «зомби-вания». Сначала вызвать у человека с помощью шоковых переживаний ощущение утраты собственного «Я», а потом в ставшее мягким и податливым пространство сознания, посредством внушения, ввести принадлежащее «учителю» мнение о жизни.

К сожалению, этот ведьмовской прием управления сознанием, взятый «психотерапевтами» новейшего времени из древних магических практик, в эпоху, последовавшую за психоделической революцией, широко применялся не только псевдогуру и тоталитарными сектами. На нем базировалась и «революция» в области психотерапии.

Несмотря на разочарования, связанные с LSD и медитацией, желание чудесного преображения своей жизни по-прежнему бредило души. В 70-е годы эти ожидания связывали с людьми, которые, по мнению большинства, владели *тайными* знаниями о человеческой душе, то есть... *специалистами в области психологии и психиатрии*.

Профессионалы тоже хотели зарабатывать не меньше, чем «восточные учителя». Для того чтобы сделать психотерапию товаром, нужны были методы простые, понятные и требующие от пациентов не больше усилий, чем обычный прием наркотиков.

«Отец» психоделической терапии Станислав Гроф, например, разработал на основе опыта LSD так называемую «технику холотропного дыхания».

«New York Times» в январе 1974 года писала:

«Ныне более 4 миллионов американцев соприкоснулись, прошли курс и обсудили свой образ жизни с помощью од-

215

ного из видов групповой терапии. Групповая терапия – это общий термин для соответствующих методик – таких, как Т-группы, сенситивная тренировка, сенсорное сознание, Сайнанон, психодрама, гештальттерапия и других, применяемых как *средства развития личности явно здоровых людей*».

Групповая терапия ставила своей задачей реализацию скрытого человеческого потенциала, развитие самосознания, лучшее понимание жизненных обстоятельств – увы, посредством *избавления от оков... все того же разума*.

«Вера, интеллект и мышление оказались негативными ценностями для участников любых форм групповой терапии... вы должны избегать думать головой и повторять то, что говорят вам ваши собственные внутренности, – писал Б.М. Ливер в той же «New York Times».

Читатель может ознакомиться с методикой групповой психотерапии по одному из руководств, имеющих сегодня на русском языке. Однако за всем разнообразием ее форм легко усмотреть общие черты.

Обычно группа состоит из 8–18 человек, возглавляемых «тренерами», или людьми, которые способствуют более легкому выполнению задания. Их в групповой терапии стали называть «фасилитаторами». Фасилитаторы побуждают членов группы открыто, с помощью слов, жестов, прикосновений, массажа, интенсивного дыхания и т. п., выражать свои эмоции друг другу.

Задачей этого этапа является полное взаимное доверие, естественность и открытость, которые должны проявиться у членов группы по отношению друг к другу. При этом человек должен освободиться от правил принятого общезнания, привычных мыслей, а также от любых внешних запретов. Он должен сосредоточить свое сознание на сиюминутных чувственных переживаниях.

Посредством такой крайней открытости и сосредоточенности на чувственном достигается *особое состояние сознания*. В групповой терапии оно носит название «*пиковое переживание*». По сути же – как, впрочем, и «озарения» Эрхарда, и «холотропный экстаз» Грофа, – есть полный психологический аналог наркотического «кайфа»; разница лишь в том, что в групповой терапии он достигается чисто психологическими методами.

Для многих групп основным источником «пиковых переживаний» является тело. Пол Пиндрим, лидер групповой

216

терапии в обнаженном виде, утверждает, что «*обращение к наготу, по-видимому, уничтожает барьеры между людьми, снимает торможение, уменьшает ощущение личной изоляции, отчуждения и вызывает чувство свободы и любви*».

Ему вторит доктор Александр Лоуэн, создатель так называемой биоэнергетической терапии: «*То, что происходит в нашем сознании, – это то, что происходит в нашем теле*».

Вполне закономерно, что при опоре терапевта на телесную чувственность «пиковое переживание» автоматически превращается в *переживание сексуальное*.

Психиатр Мартин Шепард признавал, что групповая терапия дала ему возможность «*реально пережить все свои сексуальные фантазии, вплоть до группового секса*». После своего участия в группах биоэнергетики он стал *открыто призывать к сексуальному общению врача с пациентом*.

В примечательной книге «The Encounter Game» Брюс Малливер приводит откровенное высказывание одного из лидеров групповой терапии Раймона Орсини: «*Групповая терапия – это разновидность утонченной оргии. Где еще уважаемый мужчина может положить руку на грудь обнаженной женщины и высказать ей свои самые запретные мысли?*»

Вслед за Уэйллом и Эрхардом другие фасилитаторы явно или не явно признают: возврат к животным инстинктам, к духу запретных мистерий Диониса, вытаскивание из бессознательного «дионисического» начала – единственный путь развития человеческого духа.

Не так явно, как в случае ЭСТ, но и в других групповых направлениях сохраняется ведьмовской стереотип как главный технический прием лечения.

Впервые попавшего в группу человека помещают на условное «горячее место» и подвергают резкой критике. Все участники открыто говорят о недостатках, которые заметили в новичке; сам же он, лишенный возможности защищаться, должен научиться видеть в себе все угадываемые качества («негибкий... не может общаться... лживый... слишком умный... евнух...»).

Все это, конечно, повергает человека в эмоциональный шок, связанный с ощущением *несостоятельности* всей преществующей картины своего «Я». Человек *теряется* и становится внушаемым.

217

То же самое – и в случае, когда от новичка требуется обнаженность. Тот же шок, но страдает уже его *телесная идентификация*.

Аналогичные вещи происходили и в так называемых группах «марафона». Сутки или двое неопита лишают права сна. Усталость резко ослабляет психологическую защиту личности, снова делая ее внушаемой.

Более того, во время «марафона» появляются «сновидения наяву» (нервная система не может долго обходиться без естественного сна и вынуждена периодически «включать» наяву режим сновидения). Появляются почти *те же галлюцинации воображения*, что и при приеме небольших доз галлюциногенов. Недаром лишение сна – традиционный прием допроса «второй степени».

Роза Густайтис, которая описывает в книге «Turning On» свои впечатления от различных форм групповой терапии, возможно, наиболее убедительно продемонстрировала те крайности, до которых доходила групповая терапия в 70-х годах.

«Безумие, промискуитет, все формы эксцентричности... Богатые любители хорошо провести уик-энд стекаются сюда из Лос-Анджелеса и Сан-Франциско, чтобы дать вы-фдЭ&бим эмоциям... Какая-то сумасшедшая сцена возникает передо мной. Полуобнаженные или покрытые с головы до пят какой-то рваниной всевозможных ярких тонов и красок, люди стремительно двигаются под музыку. Они корчатся, вращаются по кругу или вертятся на крашеном полу. Все они из лаборатории Перлза...»

...Многие признавались мне, что уже не могут обходиться без развлечений Эссалена. «Если я хотя бы раз в месяц не пройду тренинга, – говорит один из участников, – жизнь начинает казаться бессмысленной, работоспособность падает, по ночам, как земля обетованная, снятся блаженные холмы Эссалена...» (местечко в США, где сосредоточилось большинство школ групповой терапии. – А.Д.).

...Возможно, Фриц (Ф. Перлз – создатель гештальт-терапии. – А.Д.), Лоуэн и компания придумали новый наркотик – без всякой химии – и сами не успели этого заметить?»

Фриц Перлз неоднократно говорил, что его психологические «путешествия в здесь и сейчас» (основа гештальт-техник) «находят однозначное подтверждение в опытах с

218

LSD». Кен Кизи и его «Проказники» были частыми гостями в Эссалене, где они проводили «кислотные семинары».

К изложенному хочется добавить лишь следующее:

Во-первых, «пиковые переживания» групповой терапии, точно так же, как «особые состояния сознания» восточных практик и «трипы» поклонников LSD, в пике своего развития стали «воротами», ведущими отнюдь не к улучшению психического состояния человека.

Во-вторых, групповая терапия в своем «чистом», первичном виде зовет сознание прочь от индивидуальных – «аполлонических» – ценностей мышления – назад к *групповым, коллективным ценностям язычества*. Главная задача участника – не задумываясь, «потерять» самого себя во имя групповых целей «путешествия в сейчас» или сексуальной чувственности.

Индивид теряет «Я»; подобно индейцу, который с помощью галлюциногенного напитка аяхуаска сливался с племенем, предками и шаманом.

В-третьих, мы снова сталкиваемся с зависимостью, которую назвали «интеллектуальной», – с зависимостью не от вещества, но от психического состояния.

Профессор психологии Зигмунд Кох дал следующую характеристику групповой терапии:

«Эпидемическая увлеченность групповой терапией объясняется тем, что все эти методы являются целой серией хорошо разрекламированных *экзистенциальных товаров*. Здесь торгуют свободой, цельностью, гибкостью, общностью, любовью, радостью. Начинают с такого освобождающего потребления, а заканчивают психическим стриптизом и рабской покорностью участников».

Раз формируется подобная *зависимость*, значит, в глубинах бессознательного существует и потребность в возникновении таких состояний сознания. Но факт ее существования приводит к еще одному, страшному последствию «психоделической революции» – методам прямой манипуляции человеческим поведением.

Автор хочет отметить, что все, что написано выше о групповой терапии, имеет отношение не к ее техническим приемам. Групповая психотерапия начинает выступать в роли наркотика только в том случае, если она подает себя – некую *религиозную, сектантскую ценность* – как очередную абсолютную истину.

219

Если же только приемы групповой терапии или медитации ставят своей целью улучшение состояния конкретного человека и *не претендуют на создание какого-либо универсального мировоззрения («религии»)*, то они, разумеется, теряют свой «наркотический» смысл и используются в психотерапевтической практике без всякого вреда для пациента.

Модификация поведения

Небезызвестный психоделический пророк Тимоти Лири в своей статье 70-х годов утверждал, что главной задачей человеческой жизни является достижение *«необусловленного чувственного наслаждения, соматического восторга, генетической трансценденции, нейроэлектрического экстаза»*.

По мнению Лири, достичь этих состояний человеку помогают **«LSD, мескалин, марихуана, Перлз, йога и психогенетические хирургические операции и электрическое раздражение мозга»** (выделено мной. – А.Д.).

С первыми пятью факторами «максимального удовольствия», по Лири, мы уже достаточно хорошо знакомы, а вот что он подразумевает *под электрическим раздражением мозга и генетической хирургией* – понятно, наверное, не всем.

Как мы видели, в истории человечества проблема галлюциногенных наркотиков и попытки насильственного вмешательства в человеческое поведение и сознание всегда существовали в неразрывной связи друг с другом.

С помощью галлюциногенного растения, трансцендентальной медитации или шока групповой терапии человеческое сознание *открывалось*. Однако в это открытое сознание **нужно было что-то вложить**. И всегда это «что-то» оказывалось тем, что считали полезным для себя, а значит, «правильным» для остальных властители, «гуру» или «психотерапевты».

Незаметно для многих «дионисические» аспекты разных «психоделии» – художественной, медицинской, политической и химической – привели к возврату в реальность глубоко языческих по духу форм организации общества.

Общество стало делиться не на классы, как долгие десятилетия думалось, а на *касты и кланы*. Вновь появи-

220

лись: недостижимая каста «жрецов» (тех, *кто знает, как нужно жить всем остальным*), «воинов» (выполняющих приказы жрецов и защищающих их) и «шудр» (то есть быдла, толпы или неорганизованных индивидуумов – нас с вами – *людей, которых нужно заставить жить и вести себя «правильно»*).

Думается, что корни этих «каст» (кланов) – там, где произошел тотальный поворот мышления общества XX века в сторону язычества. Формирование кастового (кланового) мышления – «заслуга» в первую очередь тоталитарных европейских режимов, использовавших для манипуляции сознанием массы те же древние приемы «зомбирования».

Может быть, именно поэтому попытки «коррекции» поведения личности против воли самого человека, составлявшие когда-то прерогативу спецслужб, мало-помалу превратились в некие «научные», а то и «философские» теории – произошло это сразу после окончания «психоделической революции».

Различные методики и техники манипуляций поведением и сознанием «шудр», то бишь людей, не причисленных к элите общества, стали явлением «белого дня» *сразу после того*, как галлюциногенные растения и вещества стали достоянием массовой культуры.

Возможно, именно поэтому Тимоти Лири (в 70-х годах появились сообщения, что он был штатным осведомителем ФБР) в серьезном психологическом журнале объявил *самые страшные формы принудительного управления человеческим сознанием – хирургические операции на головном мозге и вживление в мозг радиоуправляемых электродов... – источниками... максимального человеческого удовольствия наряду с LSD, йогой и марихуаной*.

Отцы «поведенческой инженерии», изучив последствия психоделических 60-х, тайно или явно утверждали: *если эти «бараны» так хотят быть управляемыми, если они испытывают потребность в том, чтобы их сознание было «открытым», если они считают, что «элита» должна думать за них и внушать им «нужные» мысли, так давайте сделаем их абсолютно послушными роботами*.

Б.Ф. Скиннера, психолога, который в 60-е годы участвовал в экспериментах с LSD, в 70-е стали *считать* самой выдающейся фигурой в науке о поведении человека. В 1978 году члены американской психологической ассоци-

221

ации называли его *психологом века* – человеком, внесшим в эту науку наибольший вклад (смешно, но Фрейд был назван ими вторым).

Книга Скиннера *«По ту сторону свободы и достоинства»* (выразительное название, не правда ли?) стала в 1971 году абсолютным бестселлером. В ней содержался призыв использовать систему «поведенческой инженерии» в качестве инструмента контроля за поведением каждого американца. Естественно, Скиннер считал это необходимым для уничтожения потенциальной агрессивности, возможного насилия, предрассудков и всех остальных социальных зол, вместе взятых.

Скиннер сконцентрировал свою научную мысль на тезисе «обусловленности» поведения человека системой вознаграждения – наказания. Иначе говоря, он утверждал, что животные и люди будут вести себя «желательным» образом, если за определенные формы поведения они будут получать поощрение, а за другие не получать его или получать наказание. Люди будут вести себя «правильно», если и то и другое будет носить систематический характер.

Скиннер считал, *что эмоции и чувства не имеют никакого значения и легко заменяются системой вознаграждения*.

«...Мы называем человека храбрым на основании его поступков, а он ведет себя смело только тогда, когда внешние обстоятельства вынуждают его поступать таким образом. Именно обстоятельства меняют поведение человека, а вовсе не какие-либо *имеющиеся у него качества* и свойства».

Скиннер смеется над тем, что он называет «автономным человеком»:

«То, что *упраздняется*, – это *автономный человек, внутреннее «Я», – гомункулус, одержимый демон-чепожк*, защищаемый литературой, стоящей на принципах так называемой свободы и достоинства».

Скиннер продолжает все то же языческое дело, в котором поучаствовали и наркотики-галлюциногены, и гуру, и ЭСТ. Он пытается объявить индивидуальность – «Я» – фикцией, а всю полноту человеческой деятельности

свести к набору реакций на внешние обстоятельства...

Обратите внимание: нормальная личность, по Скинне-ру, – это, фактически, человек в состоянии опьянения одним из галлюциногенов, то есть человек растерянный, потерявший

222

ощущение своего «Я», а вместе с ним и способность выражать собственную точку зрения и совершать поступки, то есть человек, по Бехтереву, абсолютно внушаемый...

Автору всегда казалось крайне интересным узнать, распространялись ли теории Скиннера об «иллюзорности личности» на самого Скиннера...

Скорее всего, нет. Судя по книгам, Скиннер безоговорочно относил себя к касте людей, которые имеют право управлять «автономными человечками». Его утопическое общество «Уолден-2» управляется (посредством «поведенческой инженерии») наследственным «Советом психологов-проектировщиков». А сам автор учения выступает как «психолог-император».

Журналист Макс Блек сказал по поводу скиннеровско-го «прекрасного нового мира»: «Лучше умереть, чем находиться на положении социально откармливаемого крупного рогатого скота». А поэт Стивен Спендер назвал идеи Скиннера разновидностью «фашизма без слез».

Однако весь спектр модификации поведения в 70-х годах – это не только «поведенческая инженерия» Скиннера...

Электрический шок. Психирургия. Сенсорная депривация (изоляция органов чувств). Гипнотические внушения с использованием наркотиков. Внушение отвращения с помощью рвоты. Вживление в мозг электродов. Тотальный социальный контроль поведения – вот далеко не полный перечень ее приемов.

«Я думаю, что наступит день, когда мы сможем комбинировать сенсорную депривацию с лекарственной терапией, лекарственную терапию с гипнозом (по всей видимости, автор имел в виду внушение на фоне приема галлюциногенов. – А.Д.), и все это с искусственной системой поощрения и наказания. Тогда мы сможем достичь почти полного контроля за поведением индивида».

Из открытого письма Джеймса Мак-Коннела, профессора психологии мичиганского университета

Впрочем, ожидая возражений, профессор тут же добавляет:

«Вы не в состоянии понять, какова была ваша личность до сих пор, и поэтому у вас нет оснований думать, что вы имеете право отказаться от возможности стать новой личностью, если прежняя была антисоциальной».

223

Еще бы! *Правом понимать* обладают только жрецы!

Очевидно, имеются в виду те, которые «отбились» от общепринятых норм поведения (хотя никто так и никогда не определил, что же это такое – злополучная норма по-ведения. Предполагается, что все это знают, но никто не может сформулировать).

Во все времена такими «отбившимися» считались преступники и душевнобольные.

В главе, посвященной антихолинергическим галлюциногенам, уже излагалась часть «гуманных экспериментов», проводившихся с преступниками и душевнобольными. Здесь пришла пора сказать, что все они были основаны на теории Б.Ф. Скиннера.

В штате Коннектикут в ходе модификации поведения заключенных подвергали воздействию электротоком во время просмотра слайдов со сценами насилия. Головы испытываемых были вставлены в специальные фиксаторы, чтобы человек не мог закрыть глаза или отвернуться. *Сразу после пытки проводился сеанс гипноза (внушения).*

В штате Миссури применялась тотальная изоляция. Заключенные, которые вели себя «неправильно», помещались в одиночные камеры, имеющие круглую форму без окон; люди лишены были даже радио. Если заключенные обещали соблюдать ограниченно жесткий регламент поведения, их переводили из камеры «одного уровня» в камеру «другого уровня», где имелись некоторые «привилегии». В случае отказа заключенного или неспособности следовать «правилам игры» он мог провести здесь несколько лет.

Поразительно, но эта программа стала известна под названием «Специальное лечение и реабилитационный тренинг». То был один из первых случаев, когда издевательства подобного рода как бы оправдывались необходимостью медицинского, врачебного вмешательства.

В штате Айова нарушавшим правила тюремного поведения, без согласия заключенных, вводили апоморфин (производное морфия – сильнейшее рвотное средство). Доза выбиралась с таким расчетом, чтобы спустя четверть часа начиналась неукротимая рвота. Такая рвота могла продолжаться до часа. Рвоте сопутствовало падение давления, приводящее к обморокам и даже коме.

В штате Калифорния в ходу была практика так называемых неопределенных «приговоров». Суд штата в те годы

224

мог, например, приговорить преступника за кражу со взломом к сроку заключения «от одного года до 15 лет». При этом сколько в действительности лет человек проведет в тюрьме – решала тюремная администрация.

Даже сталинские «тройки» не додумались до издевательств, логически вытекавших все из той же скиннеровской «науки».

В 1969 году в журнале Американской медицинской ассоциации было опубликовано письмо врачей-психиатров Ф. Эрвина, В. Марка и У. Суита. В нем, в частности, рекомендовалось:

«...ставить диагноз «патология мозга» всем непокорным жителям трущоб и лечить их с помощью психирургии».

Психирургия – это разрушение или удаление ткани головного мозга с целью изменения поведения.

В 70-е годы психирургию преподносили как оптимальный метод лечения неправильного поведения у детей (!). Считалось, что «небольшая операция» на лобных долях и гипоталамусе является лучшей профилактикой, позволяющей ограждать общество от насилия, которое *может* проявить ребенок, когда вырастет...

Психиатрия была настолько увлечена возможностью «модифицировать поведение», что пренебрегала не только этическими нормами, но и таким очевидным для медицинской науки постулатом, как хрупкость и незаменимость нервных тканей и отсутствие жесткой структурированности нервной деятельности (в мозге не существует анатомически определенных зон, отвечающих за разные формы поведения; эти зоны функциональны, они работают совместно – как бы в сложнейшем пространственно организованном ансамбле).

Ни в 70-х годах, ни сегодня наука не имеет четких, пространственных представлений о деятельности мозга. Мы до сих пор не знаем, как работают наша память, мышление и чувства.

В штате Миссисипи доктор О. Энди проводил операции на мозге детей. По поводу одного из наблюдаемых случаев он писал: «Для того чтобы улучшить поведение ребенка, его пришлось оперировать четыре раза (!)». Спустя несколько лет доктор сообщает про того же больного: «*И. стал более подчиняемым... однако у пациента отмечаются сильное ослабление памяти и явная дегградация с точки зрения интеллекта.*»

А. Данилин «LSD» 225

Выясняется, что скрытая задача психирургии ровно та же, что и всех остальных «модификаторов поведения».

Побочные эффекты нейрохирургической операции известны любому психиатру или невропатологу. Она может сопровождаться нарушением памяти и речи, утратой способности к абстрактному мышлению, невозможностью сдерживать собственные эмоции, параличами, недержанием мочи, эпилептическими припадками и т. д.

Выходит, что все это теряет всякое значение, если где-то маячит главная задача, а именно: *сделать человека внушаемым до полной управляемости.*

Еще один вариант модификации поведения предложил занимавшийся в середине 60-х годов вопросами нейрофизиологии влияния LSD на нервную клетку профессор Йельского университета Хосе Дельгадо в книге с характерным названием «Физический контроль за разумом: путь к психоцивилизованному обществу» в Нью-Йорке в 1969 году.

Профессор Дельгадо подхватил упоминавшееся Лири понятие ЭРМ (электрическое раздражение мозга). С помощью вживленных в мозг электродов Дельгадо предлагал устанавливать дистанционный контроль за людьми. С помощью компьютера разрабатывалась программа для избирательного подавления различных эмоций по мере того, как их фиксирует электроэнцефалограмма.

«Между мозгом субъекта и компьютером, с помощью радиоволн, можно установить систему двусторонней связи... Когда прибор распознает тревогу, депрессию или гнев, автоматически включается стимуляция специфических тормозящих структур».

Дельгадо опробовал компьютеры на пациентах больниц для душевнобольных. Приборы были запрограммированы так, чтобы «посылать тормозящие импульсы в случае резких изменений характеристик энцефалограммы – свидетельстве грозящего непредсказуемого поведения» (!). Однако доктор Дельгадо не намерен был ограничиться ЭРМ на подобных пациентах. Он, а за ним и целый ряд его высокоученых коллег предсказывали, что ЭРМ должна превратиться в «основное средство запрограммированного контроля человеческого поведения на социальном уровне».

Дельгадо считал, что некий гигантский компьютер с обратной связью должен со временем заменить... правительство.

226

Самой же последней новинкой в этой области является генная инженерия. Работы в этом направлении ведутся с 70-х годов. Уже тогда предлагался массовый генетический скрининг с целью выявления генетически дефектных людей и с их *последующей стерилизацией* или специальной операцией, проведенной на их семенном материале. *Дабы «неправильное» поведение не было передано потомству.*

Думается, нет нужды комментировать и дальше эти «подходы». Запах печи концлагеря озонирует подобную науку.

Когда-бывший «пророк LSD», говоря об удовольствиях, связанных с приемом галлюциногенных наркотиков, ставил их в один ряд с «психогенетической хирургической операцией» и «нейроэлектрическим экстазом», он, безусловно, знал, что говорит.

Лири имел в виду не удовольствия отдельной, самодостаточной личности, но – *наслаждение, которое может испытывать идиот, когда кто-то со стороны указал ему, что следует делать и как себя вести.*

К чему могут привести «удовольствия» Лири, продемонстрировала история еще одной секты – «коммуны».

Ночью с 18-го на 19 ноября 1978 года в поселке под названием Джонстаун в джунглях африканской Гайяны покончили с собой 911 человек. Духовный глава секты «Человечное время» («Peoples temple») Джин Джонс заставил свою паству, включающую 250 женщин и 211 детей, выпить лимонад, к которому был примешан цианистый калий.

По официальной версии, во всем был виноват фанатизм самого Джина Джонса. Однако помощник конгрессмена США Джозеф Холсинджер отправился расследовать тайну секты. Холсинджер доказал: Джонс поддерживал постоянные связи с ЦРУ и по крайней мере два его ближайших помощника являлись штатными сотрудниками этой организации.

В своем докладе конгрессмену Лео Райену Холсинджер Делал выводы: секта служила лабораторией для отработки «МК-ультра» – секретной программы воздействия на человеческое сознание. Разведка испытывала эффекты действия наркотиков, лишения пищи и сна, сеансов психологического «промывания мозгов» на психику. Задачей «исследований» была подготовка людей, способных по сигналу, как

227

роботы, совершить убийство или самоубийство. Испытывались возможности уже знакомого нам «предпрограммирования». Уединенное общение в джунглях представляло собой идеальный полигон.

Через некоторое время Холсинджер был убит телохранителями Джима Джонса.

Высший пик удовольствий по Лири полярно противоположен высшему *благу* многовековой христианской культуры. В ней каждый человек согрет началом индивидуальности, ведь он – образ и подобие Божье.

После явления Христа человек получил право на высшую *самостоятельность* и чувство автономности поведения. Он мог теперь сверять свои поступки не с *внешними* силами (жрецами или «маной»), а лишь со своей *внутренней* Верой – совестью.

В язычестве поведение человека полностью определялось родом или кастой. Языческий человек не мог быть индивидуальностью, не имел права мыслить самостоятельно. За него думали и принимали решения старейшины или жрецы. От эпидемии приема LSD (попытки вернуться к древнему обезличенному восприятию) до манипулирования сознанием (насильственной попытки привить «массам» обезличенное мышление) расстояние меньше чем один шаг – это разные стороны одного и того же процесса.

Интересно, что, в отличие от большинства зарубежных классиков психиатрии и психологии, именно работы Скиннера и Дельгадо в нашей стране, в конце 60-х – начале 70-х годов, переводились и издавались. Конечно, издавались они в урезанном до неузнаваемости виде, микроскопическими, доступными лишь советской элите тиражами, но все-таки издавались.

Из предисловий к ним явствовало, что эти работы, хотя и написаны они авторами, имеющими несчастье жить в обществе загнивающего капитализма, тем не менее содержат в себе определенную «идеологическую близость».

Технические приемы модификации поведения стали у нас широко использоваться с возникновением отдельной наркологической службы. Советские и постсоветские специалисты относились и продолжают относиться к людям, страдающим алкоголизмом и наркоманиями, как к «низшей касте», к существам, которые не в состоянии управлять собственным поведением, – а следовательно, их

228

поведение должна, имеет право направлять психиатрическая или наркологическая «элита».

Большинство так называемых «новых» и «универсальных» методов лечения алкоголиков и наркоманов, как раньше, так и теперь, сводилось и сводится к приемам, описанным Скиннером и иже с ним. Как правило, такие методы рекламируются и подаются как дающие определенную гарантию. Хотя все они взяты из канонов давно изжитой на Западе «поведенческой инженерии».

В начале 70-х годов в Сайнаноне (США) была разработана особая форма групповой терапии для наркоманов. Дж. Наэм рассматривает эту программу как «психологическое карате», целью которого является «унижение, оскорбление и эмоциональное подавление наркоманов». Уже упомянутый нами Б. Маливер писал, что, в отличие от обычных форм групповой терапии, программа Сайнанона *«приспособлена к низкому происхождению пациентов и вероятности того, что они окажутся неграми или пуэрториканцами»*.

В 90-х годах в нашей стране появилось множество абсолютно неотличимых от сайнанонской «оригинальных» программ лечения алкоголиков и наркоманов. Каждая из них объявляется в рекламе новейшим открытием в области медицины.

«Минимальный унифицированный курс лечения больных хроническим алкоголизмом» – приказ Минздрава СССР, который должны были выполнять все врачи-наркологи начала 80-х годов, – включал в себя так называемую УРТ – условно-рефлекторную терапию. Она подразумевала обязательную выработку отрицательного рефлекса на алкоголь посредством серии «апоморфино-рвотных сеансов». То есть врачи показывали или давали понюхать спиртной напиток на фоне введения апоморфина. Возникла неукротимая рвота – в точности как и у заключенных американских тюрем.

Через «строй» подобного рода методик были проведены у нас сотни тысяч человек....

Доктор Назаралиев объявляет принципиально новой свою методику модификации поведения наркомана, основанную на атропиновых комах и приемах групповой терапии. Другой современный терапевт основывает свой метод на одной из быстро вызывающих психическую зависимость форм восточной медитации...

229

Широко разрекламированное «кодирование» является просто-напросто осколком, техническим приемом пресловутого «зомбирования». «Открыванию сознания» пациента способствуют длительные и изнуряющие беседы с врачами – то есть приемы, описанные в западной литературе как «групповой марафон». После того как нужная степень внушаемости группы достигнута, проводится само «кодирование» – врач отдает пациенту приказ, сопровождаемый дополнительной шоковой процедурой (она должна отвлечь внимание от основных моментов «терапии», произвести «колдовское действие»).

Что же получается? Значит ли это, что в нашей стране людей, попавших в состояние *зависимости от наркотиков*, фактически лечат с помощью *других, психологических наркотиков*?

Да, именно так все и выходит. Зависимость от химического вещества мы сегодня пытаемся снимать путем конструирования *альтернативной психической зависимости* – от все той же медитации, психологической группы (она же коммуна) до врача-«кодировщика», использующего принципы «поведенческой инженерии». Мы не делаем почти ничего, что вело бы к формированию и укреплению *личностного* начала в человеке, к росту его чувства ответственности за собственную судьбу и судьбу мира. Случайно ли это?

КАК ЛЮДИ ОТНОСЯТСЯ К ПРИЕМУ LSD?

Как ни странно, вопрос эмоционального *отношения* человека к наркотику, который он пробует или систематически принимает, почти не интересовал ученых. Предполагалось, по-видимому, что если кто-то принимает наркотик, то это ему *нравится*.

Но так ли обстоит дело в действительности?

С самого начала 80-х годов автора очень интересовал отечественный психоделический опыт. При сопоставлении большинства переживаний «психонавтов» от опыта приема LSD выяснилось, что лица, так или иначе сталкивавшиеся с галлюциногенами, делятся на две большие группы.

Пациенты, входившие в первую из них, характеризовали свое пребывание в измененном состоянии сознания как

230

безусловно приятное. Вот примеры характерных высказываний.

«...Больше не существует меня и моих проблем. Больше не нужно ни о чем думать. Тебя как будто затягивает в воронку нового, необычного мира... Это высшая радость, какую только может испытать человек».

«Я целиком отдалась потоку текущих через меня картин... Это невыразимое чувство не имеет никакого отношения к суете и пошлости окружающего. Когда принимаешь мескалин, ты больше не принадлежишь себе, ты – часть чего-то удивительного и иного».

«Я не могу этого объяснить, но через 30 секунд после укола тебя как бы больше нет. Нет границ, которые бы сдавливали и сжимали тебя со всех сторон... Ты – в растворении, ты выплеснут в какой-то поток – это ощущение и есть самое приятное в приеме LSD... Все остальное может пугать. Но чувство растворенности... Это как вселенский оргазм, только вместо спермы вылетаешь из себя ты сам».

«Я не знаю, как у других, но меня сами глюки скорее ' пугают, чем радуют, и все же при этом ты вроде бы и не действуешь сама, потому что тебя ведет какая-то посторонняя сила. Все решено за меня, и все предопределено. Когда ты в потоке, не нужно думать, – все, что произойдет, все равно произойдет. Моя воля и мои попытки трепыхаться в этой жизни просто больше не нужны. У мира, в который ты попадаешь, свои законы, и к ним я не имею никакого отношения. Это и есть удовольствие – не иметь отношения. Не знаю, кто как, а я ем грибы именно ради этого ощущения».

По статистике (127 отчетов), подобные ощущения назовут приятными около 80% (92 человека).

А вот что говорят остальные.

«Для меня это не кайф, далеко нет. Это скорее самый любопытный психологический эксперимент на свете. Первое ощущение – не то что неприятное – отвратительное; кажется, что кто-то или что-то пытается против твоей воли пробраться куда-то в самое интимное, что у тебя есть. Какие-то лапы трогают тебя за мозг... изнутри. Б-р-р-р... Какая-то сила хочет тебя изменить, и ты ничего не можешь с этим поделать...»

«Для того чтобы «трип» стал приятным, ты должен научиться отдавать себя незнакомой воле. Ты как бы иссле-

231

дуешь это, ты теряешь право на сопротивление, и потому это жутко болезненно. Я прекратил опыты, потому что понял, что отдаться этой чужой воле для меня самое непереносимое, что только может быть в жизни».

«Не могу объяснить... Когда мне было 17, меня довольно некрасиво изнасиловали. Так вот, LSD так же отличается от медитации, как изнасилование от секса с любимым мужчиной... Лезет кто-то с липкими пальцами тебе в душу, а ты, не можешь сопротивляться».

«Нет, это неприятно. Интересно, конечно, но неприятно. Неприятно то, что ты не в состоянии управлять собой. Не знаю, как это правильно называется, но можно сказать, что интересно кому-то другому, не мне, поскольку моей личности во всем этом как бы и нет. Ты как бы видишь сны инопланетянина. Они не теплые, не холодные, они просто чужие. Лучше уж видеть собственные».

И наконец, из отчета пациента – кандидата психологических наук:

«Я, наверно, слишком люблю себя. Мне нравятся мои мысли, задачи, которые я перед собой ставлю. Мой собственный интеллектуальный процесс. Я несколько раз принимал LSD, пытаюсь представить и почувствовать себя на месте хиппи. Для себя я понял достаточно, но не смог понять только одного: каким образом эти переживания могут приносить удовольствие? LSD размывает личность, я теряю себя в этих пространствах – а я себе нравлюсь».

*Особенность этих высказываний в следующем: первая группа воспринимает ощущение **потери индивидуальности** в ходе LSD-сеанса как нечто исключительно приятное; вторая же – как крайне неприятное.*

Для одной категории людей ощущение того, что их сознанием управляет какая-то неведомая сила, связано с наслаждением; для другой – такое ощущение влечет за собой страх и отвращение.

Видимо, все зависит от степени ощущения своего собственного «Я». Если для одних собственная индивидуальность есть величайшая ценность, то для других – тяжкое бремя. Первые, даже внутри LSD-переживания, хотят *остаться самими собой*, вторые испытывают потребность в растворении, *исчезновении своей личности* внутри наркотического переживания.

232

Именно поэтому, вероятно; Бодлер ощущал гашишевые галлюцинации как кошмар, угрожающий личности, а очень многие люди из его богемного окружения те же самые ощущения описывали как удовольствие. Возможно, по той же причине в золотой фонд человеческой культуры попал именно Бодлер, а поэты и художники его круга, продолжавшие прием марихуаны, канули в неизвестность.

ЛSD И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Большинство людей обладает постоянным ощущением своего присутствия в мире в качестве отдельной самостоятельной и *абсолютно реальной* единицы. Чувствовать себя отдельным элементом мироздания человеку позволяет ощущение границ самого себя, которыми являются тело и возможности его органов чувств.

Такой человек воспринимает мир и других людей как в *равной мере* реальных и имеющих право на

самостоятельное существование.

Но существует и другая категория людей. Это люди, имеющие очень слабое чувство собственной отдельности. Они предпочитают ощущать себя как часть некоей общности: семьи, дружеского коллектива, профессиональной группы и т. д. Они обычно теряются при попытке принять самостоятельное решение, выразить собственное мнение или даже просто рассказать врачу о себе самом. Такая личность испытывает постоянное чувство неуверенности во всем, даже в том, что его «Я» составляет некоторое единство со своим собственным телом.

Мы сейчас говорим о двух экзистенциальных вариантах бытия в мире.

В первом случае бытие личности покоится на надежном осознании реальности; человек воспринимает себя как реальную сущность, находящуюся в непрерывном развитии.

Во втором случае – картина обратная: человек находится в перманентной тревоге, так как его неуверенность в факте существования себя самого как отдельной, значимой единицы перерастает в гнетущее ощущение зыбкости, эфемерности не только собственного «Я», но и окружающего мира. *Он не способен воспринимать свои мысли и ощущения как неразрывное целое.*

- 233

Человека, условно причисленного к первой категории, английский психиатр Р. Лэнг назвал «*онтологически уверенной*» личностью. Под словом «онтология», означающим в философии *тип познания*, в данном контексте понимается наличие у человека необходимой для познания окружающего мира *точки отсчета*, которой является *ощущение самого себя как единого целого*.

Личность, у которой такая «точка отсчета» ослаблена или отсутствует, Лэнг называет «*онтологически неуверенной*».

Для «онтологически неуверенной» (неуверенной в себе, в своем праве на существование) личности всегда характерны две противоречащие друг другу базовые психологические особенности:

С одной стороны, она будет испытывать постоянную потребность в своем «метапрограммировании» со стороны окружающих людей. Эта потребность будет связана с тем, что личность не в состоянии выработать собственную стратегию взаимодействия с жизненной реальностью. Такой человек попытается перенять как модель особенности поведения других людей. Она будет присваивать себе чужое поведение как некую «компьютерную программу» по управлению самим собой.

Но с другой стороны, такое «метапрограммирование» будет сопровождаться страхом оказаться поглощенным другим индивидом.

В итоге в человеке соседствуют как бы две личности, претендующие на одно и то же тело. Одна (защитная) – состоит из внешних программ, присвоенных от окружающих. Другая (воспринимающаяся как «истинное Я») – глубоко спрятана и постоянно испытывает страх быть поглощенной другими людьми. Такое состояние психики, по Лэнгу, – основа личности больного шизофренией.

Интересующихся проблематикой «онтологической неуверенности» мы отсылаем как к самой книге Р. Лэнга «Расколотое Я», так и к знаменитой книге Ж.П. Сартра «Бытие и ничто», особенно к впечатляющей третьей части ее. Да и все творчество Франца Кафки можно свести к изображению переживаний личности с тотальной онтологической неуверенностью.

В 1984 году автору довелось столкнуться со следующим случаем. Компания молодых «хиппующих» интеллектуалов

234

уговорила в подпитии некоего родственника, слесаря одного из московских заводов, сделать себе инъекцию LSD. 54-летний мужчина получил дозу порядка 80 миллиграммов наркотика и испытал сравнительно часто встречающееся переживание «сотовой» Вселенной.

В видении он оказался заключенным внутри полупрозрачной ячейки, сквозь которую видны были миллиарды таких же – с просвечивающимися человеческими телами. Субстанция ячеек «питалась» человеческой плотью, высасывая что-то из организма грезящего. Где-то на периферии угадывалось еще нечто, что невольному наркоману представлялось в виде гигантской, покрытой иглами, стальной руки, вызывавшей ужас.

Слесаря привели на прием *спустя два месяца после эксперимента*. Он жаловался на то, что боится сойти с ума, так как все окружающее теперь кажется ему зыбким и нереальным. Любой неожиданный звук или яркий свет вызывали страх. Пациент осознавал – да, он ^онится, что его снова «столкнут» обратно в тот страшный мир, управляемый гигантской рукой.

Он боялся *засыпать* – вдруг *во сне* видения вернутся?

Взрослый человек, находящийся под действием наркотика, испытывает подобный же страх растворения в чем-то, абсолютно несовместимом с привычным опытом и мировоззрением. Это тот самый, знакомый нам по главе о парадоксах псевдогаллюцинозенов, страх засыпания (безумия или столкновения с женским началом мира, хтоническими силами, «дионисическим» хаосом).

Приводя случаи нашего пациента как пример совершенно особой формы нестабильности «Я»-ощущения, отметим, что человек этот, по привычным нам представлениям, имел достаточно жесткую структуру «Я». Он точно знал, что является промышленным рабочим, чувствовал свою меру ответственности за семью и труд, имел достаточное представление о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Однако в его представления о себе и реальности не входило ничего, что хотя бы отдаленно имело отношение к проблемам души или «абстрактным вопросам» смысла человеческого существования. Воспитавшая мужчину культура считала все эти вопросы глупостью, не имевшей ничего общего с реальной жизнью.

235

Несколько поколений жителей нашей страны воспитывались и жили в *фактическом отчуждении от собственного внутреннего мира*, благодаря чему и сложилось стойкое мнение, что его просто-напросто не

существует, а даже если сны зачем-то человеку и снятся, то для реальной жизни это никакого значения не имеет. Мы не задумываемся о том, что такое «Я». То, что называют взрослением, на деле оказывается лишь принудительным отчуждением от наших сокровенных переживаний и чувств.

Как только индивидуальность нашего пациента, с виду вполне устойчивая, столкнулась со сложным внутриспихическим переживанием, последнему просто не нашлось места в системе «простого и крепкого» мировоззрения промышленного рабочего.

Его лечение в конечном итоге превратилось в обучение. Нам пришлось на простом и понятном ему языке расширять границы его мировоззрения. Понадобилось на доступном языке разъяснить такие понятия, как «бессознательное в человеческой психике» и роль сновидений в жизни человека.

Он отыскал в своей памяти плакаты с изображением «ежовых рукавиц», страшных, утыканных шипами, служащих для напоминания «врагам народа» о карающем мече пролетариата. Вспомнил он и школьные уроки биологии, на которых подростком удивлялся клеточной структуре человеческого тела. Постепенно галлюцинаторный образ стал понятен, ибо был и с самого начала неотделим от основ его памяти, – и страх ушел. Возникшая синхроничность была преодолена с помощью расширения «Я».

С такой кажущейся диссоциацией личности – синхроничностью – мы встречались почти во всех нам известных случаях регулярного приема LSD.

Известно, что существуют только две психологические области, в которых онтологически неуверенная личность чувствует себя достаточно комфортно, – это, во-первых, случаи социально запрограммированного поведения (служба в армии или работа на промышленном предприятии), а во-вторых, сфера собственно фантазий. В воображении человеческое «Я» свободно управляет миром, которого так боится в реальности.

Галлюцинации воображения, вызываемые LSD и подобными препаратами, можно смело отнести к «галлюцинаци-

236

ям фантазий». Поэтому личность, которой свойственна онтологическая неуверенность, с большей вероятностью получит удовольствие от LSD-переживания.

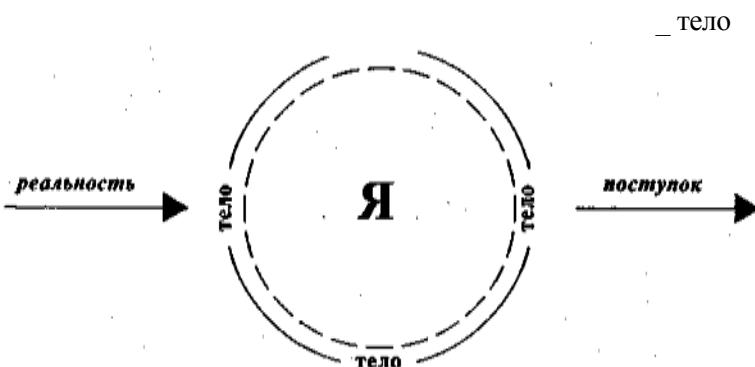
Если пользоваться терминами Юнга, то исходная «интенсивность работы сознания» такой личности, ее изначальный «умственный уровень» ниже, чем у онтологически уверенного человека. Внутри галлюцинации, лишенная груза ответственности и необходимости принимать решения, она будет чувствовать себя более уверенно. Неуверенная личность будет пытаться обрести в галлюцинациях реальное бытие, так же как раньше она пыталась обрести его в своих фантазиях. Труднее всего такой личности дастся возврат из фантастического видения в опасную и чуждую реальность.

Может произойти полное поглощение экзистенциально слабенького «Я» галлюцинаторными переживаниями. Возникнет растворение «Я».

В возникшей онтологической модели «я – LSD-переживание – тело» среднее звено все больше и больше будет вовлекать «Я» в свою орбиту и может слиться с ним. Со стороны это будет выглядеть уже как форма чистого бреда, ведь действия человека будут продиктованы не реальностью, а малопонятными внутренними импульсами (синхроничностью).

Вот как схематически будут выглядеть изменения, вызвавшие ощущение синхроничности:

В норме:

237

«Я» «спряталось», и LSD-переживание опосредует совершение действия

В своих «Книгах пророчеств» – одном из лучших художественных описаний чувства неуверенности в собственном «Я» – Уильям Блейк называл это «**попыткой человека стать тем, что он воспринимает**». Можно, исходя из нашей тематики, перефразировать эту мысль так: *попыткой человека превратиться в LSD-переживание*. Недаром, в приведенной выше цитате, Допкин де Риос пишет: «Я как будто бы превратилась в растение...»

Отвратительное, всасывающее человека – пятно на рисунке Блейка – это... матка. Попытку человека превратиться в свое переживание сам Блейк ощущает как ужас возврата в «дионисическую» бездну материнского начала.

Вот еще одна иллюстрация к сказанному:

«...Кислота научила меня мыслить с помощью красок. Если я не приняла кислоту, то не увижу и красок, из которых состоите вы и другие люди. Только особый цвет, который показала мне кислота, способен открыть всю правду о человеке, с которым я общаюсь; потому-то и общаюсь, только приняв кислоту. Вот сейчас, например, у вас глаза ярко-красные, а вместо щек – бирюзовые пятна, – значит, вы сердитесь и вам нельзя доверять. Будет лучше, если все ваше лицо я буду видеть как бирюзовое пятно, так чтобы различить можно было только очки. Тогда я растворюсь в зеленом и смогу смешаться с вами. Вот тогда мы будем говорить правду. А без кислоты между нами непреодолимый барьер: мы – отдельные. Барьер растворяет только кислота».

238

На иллюстрации к «Книгам пророчеств» (У. Блейк, 1794) Демиург (творец Вселенной) одновременно пытается

организовать хаос женской первоматерии Вселенной («плаценты») и боится слиться с ним, раствориться в равной ему бездне женственного хаоса

Обратите внимание: снова проблема *зависимости*. Но зависимости своеобразной. Пережитое пациенткой изменение восприятия стало полностью определять тип ее мышления и манеру взаимодействия с людьми. Она зависима, но *не от препарата*, а от *вызванного им искажения восприятия*. Она может быть уверенной в себе только при наличии «оболочки», как бы *отделяющей* ее восприятие от реальности.

«Краски» стали барьером между сигналами внешнего мира, которые воспринимают рецепторы тела девушки и ее мозг. Наркотик стал своеобразным «фильтром» информации из внешней среды. Он провел селекцию поступающих сигналов и, тем самым понизив «порог сознания» (он же «умственный уровень»), ограничил способности пациентки к общению.

Пациентка чувствует себя уверенно, только «пропуская» реальность через фантастический мир галлюцинаций. Для того чтобы воспринимать реальность без опасений, девушке нужно ее упростить. Личность не справляется со сложностью мира. Она испытывает потребность в понижении своего умственного уровня. Она не в состоянии быть собой.

ПРОБЛЕМА «Я»

Проблема индивидуальности – главная психологическая проблема XX века.

Разрушить границы «Я», свести индивидуальность к нулю, дабы подчинить личность человека различным влияниям, идеологиям и т. д., пытались все, кому не лень.

Спириты, например, – возложить ответственность за человеческую жизнь и принимаемые им решения на «плечи» душ умерших. «Я» медиума замешалось иллюзорными фантомами – «духами», своего рода формой галлюцинаций.

Карл Юнг пытался растворить индивидуальность в понятии *коллективного бессознательного* как главного фактора, *навязывающего сознанию формы поведения*:

Гитлер сделал это посредством ночных (а нередко и дневных) вгонявших человека в транс магических сборищ-мистерий. Сталин «зомбировал» с целью вогнать в онтологическую неуверенность – создавая всеобщую ат-

240

мосферу ужаса неопределенности судьбы отдельного человека.

Галлюциногены химически растворяли индивидуальность.

Групповая психотерапия требовала подобного от личности – в коллективном волеизъявлении группы. Психология Скиннера и ему подобных полностью игнорировала индивидуальность как фактор слишком ничтожный в типовой модели человеческого поведения.

Восточные и «эзотерические» учения, которые определяли европейское «новое» мышление второй половины XX века, провозглашали личность, индивидуальность и деятельность, обусловленную ими, лишь иллюзиями и объявляли истинной реальностью Ничто (нирвану)...

Идеалом, целью существования становилась та самая *пустота* Сильвано Фанти – бездна небытия, хаос, женственное состояние мира, онтологическая неуверенность, – которой человечество так боялось во все прошедшие века!

Последняя известная автору крупная работа, основанная на буддийской традиции, принадлежит перу одного из ведущих специалистов в области психологии – профессору Элеоноре Рош Хайдер. В ее вышедшей в 1991 году книге утверждается, что *самый главный опыт человеческой жизни – ощущение собственной индивидуальности – является полностью иллюзорным.*

«Ни одному учению или духовной традиции еще не удалось обнаружить независимое, единое и постоянное «Я» в мире опыта и впечатлений».

Почему-то, говоря об этом, Э. Рош *вовсе не учитывает традицию христианства*, внутри которого многое зиждется . именно на понятии *персональной* свободы и ответственности перед Богом.

Видимо, в конце XX века «учитывать» христианство стало настолько немодно, что им попросту пренебрегали.

Без *разрушения границ «Я»*, без *попранья чувства отдельности* личности, на котором базируется *осознание ею собственной ценности и достоинства*, невозможно никакое «метапрограммирование» – тотальное внушение и подчинение человека чуждой воле.

Что, в сущности, происходит с настоящим зомби? Что чувствует человек, которого хоронят заживо, зарывая в землю в ясном сознании при полной неспособности двигаться? Он испытывает смерть при жизни. Он ощущает полный

241

и тотальный крах всех своих представлений О мире вообще и себе самом в частности. Его «эго» гибнет в ужасе этого переживания. Его тело больше не его тело, его душа отказывается принять происходящее...

Состояние «понижения умственного уровня» оказывается лишь «входными воротами» в хаос *полного паралича сознания*.

Только теперь, при «нулевом» состоянии тела, духа и души зомби, колдун может внушить ему абсолютно любую *программу* поведения.

Вот что прекрасно понимал В.М. Бехтерев и не учел Джон Лилли: для того чтобы осуществить «метапрограммирование», *нужно сначала стереть в сознании человека ощущение отдельности, неповторимости личности.*

Что, собственно говоря, происходит? Можно ли каким-то образом выявить доминанту того процесса, в условиях которого человеческая индивидуальность на протяжении целого века становится *нежелательным элементом* для разнообразных по своему звучанию идеологий?

Можно. Если вспомнить, что наше представление об индивидуальности, наше *чувство собственной*

отдельности в достоинства есть с точки зрения исторической чувство сравнительно *новое*.

Современное ощущение человеком своей *персональнос-ти* как не подлежащей сомнению ценности возникло только после откровения Христа. «Я» *существует как значимое чувство лишь две тысячи лет*.

До христианства человек языческий и человек ветхозаветный не только по-иному мыслил, но и по-иному ощущал то, что сегодня понимают под человеческой личностью.

Не в словесных, дошедших до нас мифах, а в реальном повседневном мышлении древний человек ощущал себя только и исключительно как *некую протяженность – континуум*, неизменным компонентом которого было ощущение длящегося живого бытия душ предков и тотемных животных как части собственной души. Именно они стояли за судьбой каждого члена рода и управляли поступками людей.

Другой полюс континуума принадлежал природе, частью которой человек себя ощущал. Не было четкой границы «тело – природа». Предки, род, природа и ее духи ощуща-

242

лись как *естественная часть личности*, мышления под знаком «Я» еще не существовало. Над всем главенствовало «мы». Порог сознания, «умственный уровень» по Юнгу, у языческого человека был изначально ниже, так как ничего другого не требовала культура и ее главное содержание – традиционная религия.

Такой тип мышления Люсьен Леви-Брюль называл «первобытно-магическим». В ветхозаветные времена континуум «предки – я – природные духи» был заменен аналогичным «род – я – закон Бога».

Выглядит это примерно так:

Из схемы, которая *ничем не отличается от схемы с LSD*, видно, что в дохристианскую эпоху человек не ощущал *персональной* ответственности за свои поступки. Мотивы и формы поведения оправдывались влиянием духов, а определялись указаниями главы рода и жреца-священника как носителей соответствующей духовной традиции. Человеком управляли предки и духи. На них перелagалась и ответственность за деяния человеческие перед своими богами и другими родами.

Помните речение короля в «Обыкновенном чуде» Е. Шварца?

«К о р о л ь . Я страшный человек!

Х о з я и н (*радостно*). Ну да?

К о р о л ь . Очень страшный. Я тиран!

Х о з я и н . Ха-ха-ха!

К о р о л ь . Деспот. А кроме того, я коварен, злопамятен, капризен.

243

Х о з я и н . Вот видишь? Что я тебе говорил, жена?

К о р о л ь . И самое обидное, что не я в этом виноват...

Х о з я и н . А кто же?

К о р о л ь . Предки. Прадеды, прабабки, внучатые дяди, тети разные, праотцы и праматери. Они вели себя при жизни как свиньи, а мне приходится отвечать. Паразиты они, вот что я вам скажу, простите невольную резкость выражения. Я по натуре добряк, умница, люблю музыку, рыбную ловлю, кошек. И вдруг такого натворю, что хоть плачь.

Х о з я и н . А удержаться никак невозможно?

К о р о л ь . Куда там! Я вместе с фамильными драгоценностями унаследовал все подлые фамильные черты. Представляете удовольствие? Сделалась гадость – все ворчат, и никто не хочет понять, что это тетя виновата».

Вот вам образец современного *неязыческого мышления*, черты которого так тонко почувствовал драматург.

Только Христос объявил каждого отдельного человека, вкуче с его смертным телом, образом и подобием Бога. Именно он дал принявшему христианское вероисповедание человеку возможность стать *отдельным* – личностью, обладающей свободой воли, бессмертием души и ответственностью только перед Богом.

Произошла удивительная метаморфоза. Любого человек, принявший Христа в сердце свое, становился священником. Отвечал за его поступки перед другими людьми, перед Богом уже не жрец, как это было в язычестве, а он сам.

«...Сознание равенства как солидарности в избранности... христианство распространяет на всех людей без исключения...»

«...Равенство между людьми есть следствие *всеобщего священства*. Каждый человек в своей основе есть избранный Богом свободный слуга Божий, свободный соучастник Бо-жииго дела... Равенство в истинном, онтологически обоснованном своем смысле есть не что иное, как всеобщность служения...» – писал русский философ Семен Франк.

Только в христианской культуре появляется современное «Я», чувство индивидуальности, непрерывно

связанное с понятиями свободы и ответственности.

Вот что на деле обозначали Его слова: «**Нет больше ни эллина, ни иудея**».

244

В языческих религиях, метафизической вершиной которых был буддизм, индивидуальность исчезала, растворялась в лишенном личностных черт абсолюте божественного бытия. Буддийский священник играл и играет роль проводника к этой бесконечности – к окончательному растворению ненужного, мешающего языческому мышлению «Я».

В христианстве личность не только не исчезает. Более того, она впервые утверждается в своей одухотворенной частности и отдельности, в душевном и плотском единении, преображенном в законченное единство.

Христос одновременно:

Бог

Человек (дух)

Плоть (преображенная и одухотворенная). Христос воскрес во плоти.

«Сам Бог – есть личность. Бог – есть любовь, Бог – есть общение: он всегда говорит, а мы отвечаем».

Протоиерей И. Мейендорф

Духовность христианина всегда персоналистична. Сам используемый в Евангелии термин «член церкви» относим исключительно к отдельному человеку и никогда не применяется по отношению к единицам коллективным, социальным – таким, как род, национальность или государство.

Вот почему один из основателей современной психиатрии, выдающийся философ-экзистенциалист Карл Ясперс писал:

«Современная демократия, основанная на чувстве свободы и достоинства личности, никогда не смогла бы возникнуть помимо христианства... Чувство отдельности личности – единственная возможность для осуществления ее свободы... Современный свободный мир создали верующие христиане».

Но почти за век до Ясперса проблему эту удивительно точно понимали отечественные религиозные мыслители. Вот что писал в 1886 (!) году незаслуженно забытый русский философ Петр Бакунин:

«Верить (имеется в виду христианская вера. – А.Д.) – значит утверждать самым существом своим как самое значение, так и порядок *своего* существования; чтоб утверж-

245

дать собою какое-либо значение, какой-либо порядок, – необходимо быть *твердым в себе самом*; иначе никакое утверждение невозможно: так как *без твердости в себе все собою утверждаемое оказывается по необходимости не твердым, а шатким, – не утверждением, а только колебанием и сомнением*; не жизнью, которая в своей действительности есть всегда несомненное утверждение, – только отрицанием или приостановкою и замиранием всякой жизни.

Всякая жизнь есть жизнь лишь насколько она есть сама собою и стоит на той истине, в которую верит; *когда же она утрачивает веру свою, ей уже не на чем стоять в себе – и она вынуждена опираться о что-то другое; вследствие она перестает быть сама собою, перестает быть жизнью, и неминуемо пропадает...*

Верить – значит иметь в себе твердый принцип или собственное начало бытия, которым весь порядок существования определяется независимо от внешней среды и вещей ей.

Не верить – значит не иметь в себе принципа своего или собственного начала бытия и потому, определяясь не из себя самого, но из внешней среды, быть вещью между другими вещами и подчиняться господству и определению вещных вещей (выделено мной. – А.Д.).

Перед вами, уважаемый читатель, законченное определение онтологической *уверенности и неуверенности, сформулированное* за сто лет до Р. Лэнга!

Для русскоязычного человека интимная связь ощущения «Я» и веры не может не быть очевидна. Ведь само русское слово «*у-веренность*» лишь подчеркивает укорененность в *вере* – неотрывность человеческого бытия от религиозного чувства.

Среди европейских мыслителей XX века эту связь яснее других выразил знаменитый этнограф Мирча Элиаде:

«Любая религия, даже самая простая, является *онтологией* – она рассказывает «наличие» священных вещей и божественных образов, выделяет «то, что воистину есть» и, таким образом, создает мир, который больше не является мимолетным и непостижимым, как в ночных кошмарах, и не таким, как он всегда становится при опасности погружения существования в «хаос» абсолютной относительности, в котором *не просматривается никакого «центра», никакого «Я», обеспечивающего ориентацию*» (выделено мной. – А.Д.).

246

Стало быть, мы можем смело определять человека «онтологически неуверенного» как человека лишенного религии.

Лишь только ушло ощущение присутствия трансцендентного *как внутренней реальности*, мир людей стал равнозначен миру вещей. Последний же, как известно, нуждается в управлении, в определенном подчинении, в... «*метапрог-раммировании*». Закончилась человеческая свобода...

Беда в том, что от признания любого человека вещью, то есть объектом, подлежащим манипулированию, и до признания такой же вещью себя самого – всего лишь шаг. Когда индивидуальность не прояснена, когда смысл собственного существования неинтересен, когда «умственный уровень» низок, у человека появляется *потребность* стать чьей-то вещью – формируется «экстерналь-ная» позиция личности по Роттеру (смотрите следующую главу). Нет, недаром «Проказники» Кена Кизи пользовались словом **«вещь»** по отношению к людям и к тому, что с ними происходит!

Человек-вещь нуждается в том, чтобы кто-то или что-то помогло ему выбрать нужную форму поведения. Он хочет, чтобы кто-то другой принял за него то или иное важное решение. Фактически, он не жаждет оставаться индивидуальностью. Ему самому хочется, чтобы его поведением управляла «партия» или, на худой конец, начальство, а эмоциями – психотропные лекарства или наркотики. В любом случае он подпадет под знакомую уже нам схему «Я» языческого человека.

Если рассматривать духовные процессы XX века с позиций христианской метафизики (а автор не смог найти иной последовательной точки зрения), то все их можно подогнать под одну фразу: *XX век есть попытка вернуть^ ся к духовному состоянию язычества, к первобытному родовому и племенному магическому мышлению.*

Читатель уже увидел это на двух наших схемах «Я» – языческой и наркотической. *Мы прошли через век борьбы с христианским представлением о человеке.*

Естественно, речь не только о сознательном противоборстве христианству (сталинская эпоха тому подтверждение) – мы говорим о том, «что свято место пусто не бывает». Сумерки религии, попытки свести на нет трансцендентное измерение *внутри* человеческой души могли привести и приводили в ходе каждого «эксперимента»

247

только к одному – к возрождению языческого начала; к подъему из глубин бессознательного внеличных, древних архетипов безумия к чертовщине синхронистичности.

Логос сознания, для которого аксиомой является ясное понимание смысла и назначения своего бытия, медленно отступал под натиском древнего хаоса. За сто лет человек-вещь уничтожил, по самым скромным подсчетам, около 100 000 000 таких же, как он сам.

Это плата за попытку повернуть вспять духовную историю человечества. Плата за попытку снять с себя ответственность, растворив свое «Я» в учениях мракобесов или химических веществах.

В начале века знаменитый русский философ и священник отец Сергей Булгаков писал в своих «Автобиографических заметках»: «...грехи против свободы... духовное самопорабощение, во имя чего бы оно ни принималось, есть хула на Духа Святого, которая не простится ни в сем веке, ни в будущем».

Оказывается, к нынешним реалиям давняя мысль философа имеет самое прямое отношение. Ведь и «химический мессия» тоже оказался мессией *языческим*.

Независимо от того, положительным или отрицательным было отношение исследователей к LSD, все они едины в одном:

Главное, что может получить «психонавт» после употребления LSD, – это ощущение растворенности своего «Я», а следовательно, и грехов своих, и своей персональной ответственности – в ледяных пространствах личного или общечеловеческого духовного прошлого – языческого коллективного бессознательного или индивидуального опыта рождения.

Многие задаются вопросом, почему в 1917 году так быстро рухнул многовековой русский православный уклад жизни. Суть ответа в том, что крепостничество препятствовало воспитанию в народе представлений о человеке как об *отдельном, свободном* и ответственном перед Богом существе. Без таких представлений «умственный уровень» Юнга – уровень *осознания* себя как личности – повыситься не мог.

Под влиянием крепостнической психологии земная церковь не до конца внедрила христианские взгляды на личность. В народном бессознательном сохранились остатки патриархального коллективного мышления. Коллек-

248

тивное сознание было *проще и привычнее*. Оно приняло **подмену христианской свободы привычным** языческим представлением о *коллективной индивидуальности как нечто естественное и долгожданное*. Тяжесть ответственности была вновь перенесена с личности на коллектив. И тогда все последующее оказалось возможным.

Почему Кен Кизи и другие лидеры психоделии начали свой отход от LSD в сторону мистических и психологических практик? Почему в конечном счете они начали опасаться LSD?

Представим на минуту ощущения человека, индивидуальность которого начинает растворяться.

Как мы уже знаем, они будут связаны с неуверенностью не только в себе, но и во внешнем мире. И первым объектом такой неуверенности окажется собственное тело. Из наших схем видно, что тело – этот посредник между «Я» и внешним миром – тоже «отгораживается» от «Я» в процессе LSD-переживания.

Даже если физически человек чувствует себя нормально, появляется необходимость в приложении некоего дополнительного усилия для того, чтобы, скажем, правильно ходить или правильно подносить ложку ко рту. Приходится сосредоточиваться на простейших действиях, которые до приема наркотиков совершались автоматически. У наркомана теряется уверенность в том, что его органы чувств правильно отражают реальность; он сомневается в надежности окружающего мира (все эти ощущения испытал промышленный рабочий в приведенном выше примере).

Это рождает страх. Причем подвержен ему не только неподготовленный человек – даже у самого опытного «психонавта» страх, пусть и подспудно, будет существовать и накапливаться. Это страх *столкновения с миром иной причинности*, страх растворения, возврата в чрево матери. Вспомните ледяной ужас безумия, охватывающий ученых, оказавшихся во власти разумного *океана* на планете «Солярис» в романе Станислава Лема и фильме Андрея Тарковского.

Вглядитесь еще в рисунок Блейка.

Психонавты боялись смерти при жизни – они боялись того, что их «Я» перестанет существовать.

«Я начинаю бояться, что перестану быть Кеном и стану океаном кислоты». Кен Кизи.

249

На протяжении книги мы неоднократно и абсолютно свободно пользуемся понятием «Я». Но можем ли мы попытаться его определить?

Несмотря на то что такие термины, как «эго», «самость» и «идентичность», стали общеупотребительными в современной психологии, они вместе с тем являются и самыми противоречивыми – неопределенными до конца понятиями этой науки.

Допустив некоторую условность, можно утверждать, что сегодняшняя психология все процессы ощущения личностью самой себя описывает понятием «Я»-концеп-ция. Термин отражает *сознательную способность личности к отражению собственной идентичности*.

Впервые представления о «Я»-концепции были сформулированы Маргарет Мид в 1934 году. Мид описывала это понятие как способность человека к описанию того, *каким он является на самом деле*, и того, *каким ему следует быть*. Таким образом, термин включает в себя два понятия: «Я»-реальное и «Я»-идеальное. Мид доказала, что человек, воспринимающий два этих собственных «Я» не слишком далеко отстоящими друг от друга, с большей вероятностью становится зрелым и приспособленным к жизни, чем тот, который ощущает свое *реальное «Я»* существенно более худшим, чем *«Я» идеальное*.

Психология развития считает, что «Я»-концепция начинает формироваться в 5–7-летнем возрасте за счет сравнения ребенком самого себя с родителями и сверстниками. В процессе такого сравнения формируются слова – понятия, используемые затем взрослеющим человеком для описания самого себя.

Ребенок постепенно узнает, кто в семье старший, а кто – младший; кто более упитанный или более худощавый и т. д. По мнению ряда исследователей, «Я»-концеп-ция формируется к 10–12-летнему возрасту, так как в этот период ребенок уже может давать словесную оценку собственных качеств.

Ученик 4–5-го класса, уже способен характеризовать самого себя как авторитетного или неавторитетного среди сверстников; хорошо успевающего или отстающего; спортивного или неспортивного. Эти характеристики ло-

250

гически обоснованны и организованы в непротиворечивую систему.

В подростковом возрасте самооценка принимает более отвлеченный характер. У ребят появляется заметная озабоченность тем, как их воспринимают окружающие. По мнению Л. Хартера, собрать из мозаики знаний и понятий *«словесный портрет»* собственной личности становится главной задачей для юношей и девушек. Их интеллект в этом возрасте достигает того уровня развития, когда они способны развить в себе *идентичность «Я»* – целостное, логически связанное представление о себе.

Но формированием подростковой «Я»-концепции ее развитие не заканчивается. На протяжении всей жизни она одновременно стремится сохранить свою стабильность и непрерывно изменяется. Значимые события – женитьба, рождение детей, смена работы, войны и личные трагедии – заставляют наш рассудок перестраивать свое отношение к себе.

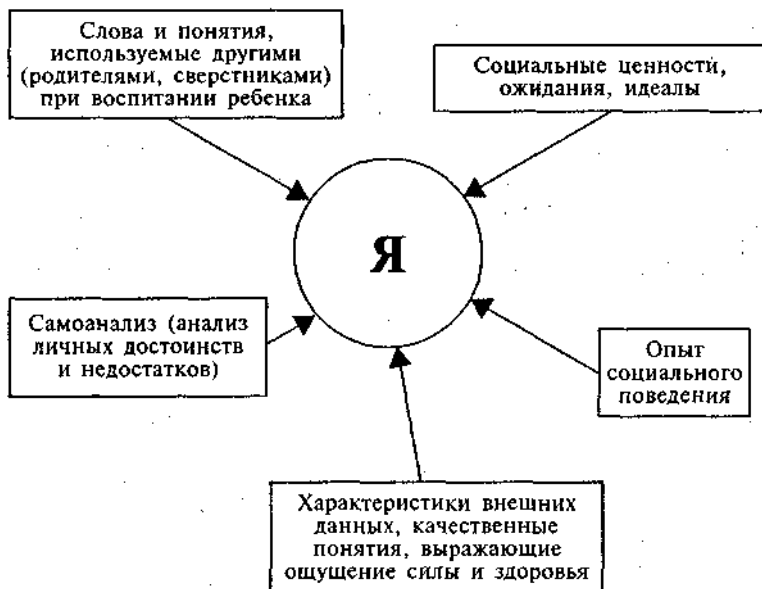
«Я»-концепция способна выполнять по отношению к своему носителю как функцию «обвинителя», так и функцию «защитника». Когда поведение человека согласуется с его «Я»-концепцией, он может обойтись без одобрения со стороны окружающих: он доволен собой и ему не надо других наград.

Наоборот, человек, описывающий себя как неудачника, может подсознательно мешать самому себе исправить неприятную жизненную ситуацию, с тем чтобы сохранить свой прежний образ. Известны, например, многочисленные описания безработных, которые при возможности трудоустройства неосознанно делают все, чтобы их не приняли на работу.

Однако описание человеческого «Я» только в терминах «Я»-концепции оставляет неразрешенным огромное количество сложных психологических проблем.

Прежде всего, такой взгляд на вещи как бы лишает ребенка младше 8–10-летнего возраста права называться индивидуальностью. Подавляющее большинство детских врачей, педагогов и психологов не согласны с этим. Уже в три года ребенок явно демонстрирует яркие индивидуальные черты. Легендарный детский доктор Бенджамин Спок утверждал, что до трех лет личность формируется полностью и перевоспитать ее уже невозможно. Воспитание в более позднем возрасте может лишь вносить изме-

251

Факторы, влияющие на «Я»-концепцию

нения в структуру уже сформированной в основе своей личности.

Не менее значимое противоречие часто демонстрируют жители нашей страны. Например, промышленный рабочий, случай которого мы описывали выше, был не в состоянии рассказать о себе ничего связного, кроме анкетных данных. Культура не учила его таким «глупостям», как способность характеризовать собственную личность.

Еще больше парадоксов приносит изучение наркоманов. Довольно быстро выясняется, что подавляющим большинством пациентов наркотик воспринимается как фактор абсолютно чуждый представлениям молодого человека о самом себе, не только в структуре идеального «Я», но и при описании «Я» реального.

Психоактивное вещество играет роль «обвинителя», постоянно грозящего разрушить «Я»-концепцию. Внутри ее возникает диссонанс, не дающий личности сформировать чувство собственной идентичности. Выражается это в повышенной тревожности и постоянном чувстве неуверенно-

252

сти в себе. Но этот кризис не приводит к прекращению употребления наркотика. Более того, молодой человек начинает применять наркотик как «лекарство» от тревоги и неуверенности, что приводит к повышению частоты приема вещества и, разумеется, к еще большему диссонансу в структуре «Я»-концепции...

Такого рода противоречия попытался преодолеть в 1982 году Роберт Кеган, создавший теорию «развивающегося «Я». Кеган выделял этапы развития так называемых смысловых систем, подразумевающие логически определенное осознание человеком смысла собственного существования на различных этапах своего развития.

Первой такой смысловой системой является, например, возникновение телесного «Я» – выделение младенцем своего собственного тела из континуума внешнего мира. В младенческом возрасте ребенок постепенно убеждается, что тело существует независимо от внешнего мира и принадлежит только ему. Однако и теория Кегана не в состоянии ответить на вопрос, кому же все-таки «ему» принадлежит это тело? Если «Я» в младенческом возрасте не существует, то кому адресовано *само ощущение принадлежности* ?

Психологическая ситуация наркомана с этой точки зрения является формированием в структуре «Я»-концепции новой, патологической «смысловой системы». Но такой взгляд не позволяет избежать противоречия, которое подобная «система» вводит в представления личности о самой себе.

Возможно, поэтому попытка выделения смысловых систем все равно свелась к рассудочному постижению человеком картины мира и самого себя. В 1992 году М. Миллер с соавторами показали, что смысловые системы структурируются в так называемые «личные сценарии», то есть все в то же словесное, рассудочное, описание личностью самой себя – в «Я»-концепцию.

Миллер с соавторами были вынуждены ввести понятие «Я»-образа, описывая его как некую неопределяемую аксиому человеческого бессознательного. Задолго до них именно также вынужден был поступить Карл Юнг, описывая в последних трудах своей жизни *архетип самости* как единственное *неделимое и абсолютное начало бытия человеческой души*.

Юнг называл самостью архетипический образ единства личности как целого, выражающий максимально возмож-

253

ный человеческий потенциал. Самость как объединяющий принцип в области человеческой психики занимает центральное место в формировании воли – он является высшей- властью в судьбе индивида.

«Самость есть не только сам центр, – пишет Юнг, – но и вся окружность, охватывающая как сознание, так и бессознательное; она – центр этой целостности, всеобщности, так же как эго (пржектор, владеющий вниманием) есть центр сознательного разума».

В психологии Юнга самость одно из самых сложных, противоречивых и не доработанных до конца понятий.

Следуя его концепции, можно определить самость как выражение человеческой потребности уменьшить в своей душе напряжение противоположностей. Только в образе самости человек может примирить внутри самого себя мужское и женское, добро и зло, человеческое и божественное (имманентное и трансцендентное). Самость способна выделить из противоположностей единственного и высшего для личности судью – открываемый ею индивидуальный *смысл* человеческого существования.

Юнг подчеркивал опытный, экспериментальный или научный характер понятия «самость», отрицая в нем философский или богословский смысл. Однако его многочисленные критики указывали на сходство понятия самости с христианским *образом Бога* в человеческой душе.

Сам Юнг, считавший себя врачом-материалистом, категорически отрицал подобное соответствие. Но из отрицания почему-то рождалась противоположность. Он подчеркивал, что самость *«надо уподобить демону, некоей императивной силе, не обремененной совестью»...*

Но ведь совесть существует хотя бы потому, что она болит; боль совести пытается вернуть человека к его подлинному «Я». Возможно, только эта боль и отличает «Я»-чувство от бесконечно меняющихся масок рассудочной «Я»-концепции.

Если читатель вернется к главе о внушении, то он увидит, что для В.М. Бехтерева, как и для всей русской психиатрии и психологии начала XX века, со всей несомненностью существует некий феномен, который он называет чувство «Я». Более того, Бехтерев не мыслит себе описание процессов внушения без учета этого феномена. То, что было *несомненным для Бехтерева*, почему-то стало вызывать

254

С. Дали. Ядерная голова ангела. 1952.

Серия «ядерных» работ Дали является, на наш взгляд, идеальной иллюстрацией к юнговскому понятию «архетип» (или СКО Грофа). Многогранные, различные по форме «обломки» объединяются в единое смысловое целое благодаря энергии центральных «ядер»

ожесточенные споры у всех последующих поколений ученых, занимавшихся проблемой человеческой души.

Быть может, это произошло потому, что чувство «Я» по самой природе своей есть религиозное, христианское чувство?

Наука методологически представляет собой *анализ*. Для того чтобы сформулировать некое новое понятие, она нуждается в понимании его составных частей. Похоже, что человеческое «Я» есть чувство, ставящее предел всякой возможности анализа. Мы не в состоянии найти даже подходящего имени своему чувству «Я». Мы называем его то личностью, то сознанием, то душой, то самостью, но не можем подобрать единой дефиниции.

Наиболее эффективный способ описания собственного «Я» – это описание его с помощью системы понятий *«мое – не мое»*. Мы выделяем «мое тело», «мои мысли», «мои вещи» и даже «моих и не моих» людей. Однако мое тело – это, несомненно, мое «Я». И вместе с тем это *не я, а мое*. То есть *принадлежащее мне... Кому это «мне»?*

Со времен Гегеля постепенно становится ясно, что чувство «Я» недоступно аналитическому разложению на составляющие его компоненты. Даже диалектический материализм признал, что *сознание не является материей*.

Но если в мире, с точки зрения материалиста, не существует ничего, кроме элементов материи, а мое «Я» – мое сознание не имеет материальной природы, то, следовательно, никакого «Я» не существует. *Я – это в сущности ничто...*

Именно это, скрытое внутри материалистической науки, утверждение и делает ее ближайшей родственницей... буддизма.

Большинство населения земли составляют не философы, а простые люди. Они смело называют себя *собой* и инстинктивно считают, что самое главное из всех реальностей практической жизни – это человеческое «Я».

Мы знаем, что «Я» – это нечто, что выше нашего тела и чувств. Идут годы, случаются беды. Мы взрослеем, меняются наши представления о самих себе – наша «Я»-концепция, или «личный сценарий». Лишь одно остается неизменным – это наше «Я». Мы по-прежнему Саша, Лена, Коля. И если это, последнее, ощущение внутреннего постоянства исчезнет, нам не миновать безумия.

Вот как описывает это чувство А.Ф. Лосев:

256

«После явления Христа... Неповторима и неуничтожи-ма субъектная индивидуальность. Ее нельзя получить ни из каких составных частей. Я не состою ни из каких частей. Не только мое тело, множественное и многосложное, не есть мое «я», мой субъект, но так же и многосоставлен-ность моей душевной жизни не есть обязательная принадлежность моего «я». Как бы сложна ни была моя жизнь, но я – всегда я, мое имя всегда говорит о моей неменяющейся и нераздельной сущности. Я – во всех своих переживаниях, поступках, мыслях и жизни, но я – абсолютно прост, неделим, во всей сложности – один и неповторим, абсолютно индивидуален и не имею частей, не состою из них. Не может быть никакой истинной философии без отчетливого чувства своеобразия субъективного бытия, или, лучше сказать, субъектного».

Гораздо проще выразил эту мысль замечательный русский богослов, профессор и протоиерей М.Д. Муретов:

«Душа, по природе своей, христианка».

Чувство «Я» и есть образ Бога в человеческой душе.

Противоречат ли такие представления учению о «Я»-концепции? Вне всякого сомнения, нет. Существование «Я»-чувства является основой и причиной *потребности* в формировании сознательной «Я»-концепции.

Для нашего дальнейшего изложения представляется крайне важным разделять эти два понятия. LSD изменяет «Я»-концепцию, но не разрушает ее, более того, «психоделическая эпидемия» 50-х возникла, вероятно, именно потому, что *галлюциногены способны вызвать иллюзию быстрого расширения «Я»-концепции*. Если бы они не имели такого свойства, то не возникло бы никаких разговоров о том, что новый наркотик является «духовным мессией».

Как один из мощнейших факторов «дионисического» начала языческой цивилизации, галлюциногенные наркотики грозят разрушением не «Я»-концепции, а тому самому изначальному и неделимому чувству «Я».

ПРОБЛЕМА «ЖИЗНЕСТОЙКИХ ДЕТЕЙ»

В психологии существует еще одно косвенное, но крайне значимое для нашего исследования подтверждение существования чувства «Я». Это феномен жизнестойких детей.

9 А. Данилин «LSD»

В наш жуткий век множеству детей довелось вырасти в ужасающих условиях. Достаточно вспомнить судьбу умственно отсталых детей в нашей стране, детей из неблагополучных семей, особенно тех из них, которые выросли в семьях алкоголиков. Условия, в которых растут дети, лишенные семьи, в наших детских домах, можно смело назвать нечеловеческими.

С раннего детства такие дети сталкиваются с нищетой, проституцией, преступностью, невыносимыми жилищными условиями. Кто-то оказывается предоставлен самому себе, кто-то переносит побои, кто-то сталкивается с такими унижениями личности, описать которые не поворачивается язык.

Мы знаем, что душевные раны и язвы, возникшие у ребенка в первые годы жизни, останутся с ним навсегда. Чувство одиночества и ненужности чаще всего является постоянным спутником их взрослой жизни.

Такие дети всегда и во всем мире относятся к категории людей потенциально опасных для общества. Когда они становятся взрослыми, они склонны к жестокости по отношению к собственным близким, начинают выпивать или употреблять наркотики, совершают уголовные преступления.

Но абсолютно очевиден тот факт, что это относится далеко не ко всем детям, выросшим в неблагополучных условиях. Часть из них почти невредимыми выходят из тех испытаний, которые их заставила пройти жизнь в раннем детстве.

Чем же такие дети, которые получили название жизнестойких, отличаются от других детей, находящихся в экстремальных условиях?

Автор знает по крайней мере одного профессора филологии, родившегося без отца у матери, страдающей алкоголизмом. Его мать имела восемь детей от разных отцов, за которыми практически не ухаживала. Из восьми братьев и сестер, кроме профессора, остались в живых к сорокалетнему возрасту еще два человека. Каким образом этот человек, которому предназначалась совсем иная судьба, смог достичь положения уважаемого члена общества?

Проведя наблюдение за сотнями жизнестойких детей, западные специалисты! (Pines, 1984; Rutter, 1984; Werner, 1989) обнаружили у них 5 общих качеств:

258

1. Высокую адаптивность. Такие дети социально компетентны и умеют себя вести непринужденно как в обществе своих сверстников, так и среди взрослых. Они умеют расположить окружающих к себе.

2. Уверенность в себе. Трудности только подзадоривают их. Непредвиденные ситуации не смущают.

3. Независимость. Такие люди живут своим умом. Хотя они внимательно прислушиваются к советам взрослых, но умеют при этом не попадать под их влияние (Бехтерев сказал бы, что *они мало подвержены внушению*).

4. Стремление к достижениям. Такие дети стремятся демонстрировать окружающим свою высокую успеваемость в школе, спортивные успехи, художественные или музыкальные способности. Успех доставляет им радость. Они на собственном опыте убеждаются, что могут изменить те условия, которые их окружают. Если пользоваться терминами предыдущей главы, то можно сказать – их поведение с раннего возраста согласовано с «Я»-концепцией. Складывается впечатление, что их концепция «Я» формируется гораздо раньше, чем у большинства, и с самого начала выполняет функцию «защитника».

5. Ограниченность контактов. Обычно их дружеские и родственные связи не слишком обильны. Они уста навливают лишь несколько устойчивых и постоянных контактов с другими людьми. Малое количество связей способствует их чувству безопасности и защищенности.

Эми Вернер и ее коллеги длительное время наблюдали за жизнестойкими детьми, жившими на одном из Гавайских островов. Исследование длилось более 30 лет. Из 201 ребенка, отнесенного исследователями к группе риска из-за тех неблагоприятных условий, которые складывались у них дома, 72 с возрастом превратились в компетентных, отзывчивых людей, умеющих справляться с трудностями и принимать решения.

Исследование Вернер сильно расширяло те условия, которые постулировались как «неблагоприятные». Ребенок входил в изучаемую группу, даже если он жил в неполной семье с абсолютно нормальными материальными условиями существования.

Самое первое исследование жизнестойких детей (Pines, 1979) проходило в негритянских кварталах и трущобах

259

Миннеаполиса. Эта работа показала меньший процент жизнестойких детей, выживающих в неблагоприятных условиях. Их оказалось 14 человек среди 102, участвовавших в исследовании.

Мы считаем, что можно утверждать, что феномен жизнестойкости и то, что Роберт Лэнг упоминал как *врожденную онтологическую уверенность*, есть феномены чрезвычайно сходные, если не аналогичные. Пять перечисленных выше психологических свойств жизнестойких детей характеризует их как людей, обладающих врожденно высоким чувством собственной отдельности (независимости их «Я» от окружающих внешних условий).

Пользуясь языком предыдущей главы, такие дети имеют от рождения хорошо сформированное, устойчивое и ярко выраженное «Я»-чувство. Именно «Я»-чувство, а не «Я»-концепцию, так как максимальные тяготы их жизни приходится на период раннего детства, на протяжении которого «Я»-концепция считается ^сформированной.

Только стойкое чувство «Я» может позволить таким детям чувствовать себя *уверенными* перед лицом агрессивной по отношению к ним внешней среды.

Чрезвычайно интересным в этой связи нам представляется тот описанный в литературе факт, что около 10–15 % людей в популяции, сталкиваясь с наркотическими веществами, причем не только с галлюциногенами, но и с самыми сильными из них, например с героином, испытывают минимально выраженные симптомы зависимости. За годы работы нам пришлось столкнуться лишь с 14 подобными случаями. Если рассматривать жизнь этих

пациентов ретроспективно, то выяснится, что судьба по крайней мере восьми из них позволяет причислить этих людей к повзрослевшим «жизнестойким детям».

Как мы уже видели выше, примерно те же 10–20% людей будут относиться к ощущениям во время приема LSD как к субъективно-неприятному внедрению в душу чего-то чуждого их индивидуальности. По всей видимости, мы можем предположить, что эти люди, точно так же как и жизнестойкие дети, имеют врожденно сильное и устойчивое «Я»-чувство.

Именно оно позволяет им сохранять *онтологическую уверенность* при воздействии *агрессивного химического фак-*

260

тора, угрожающего личности уничтожением или необратимыми изменениями. Точно так же врожденно могучее «Я»-чувство ценности собственной индивидуальности позволяет жизнестойким детям сохранить уверенность при воздействии агрессивных факторов социума.

Если социализм представляет собой «дионисический», растворяющий личность «социальный наркотик», то мы вправе ожидать, что даже в самые страшные времена его воздействия среди населения нашей страны сохранится от 10 до 20% «жизнестойких детей», которые пронесут факел значимости человеческой личности через горнило любых испытаний.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СПОСОБ ИЗМЕРИТЬ СОБСТВЕННУЮ ОНТОЛОГИЧЕСКУЮ УВЕРЕННОСТЬ?

Насколько известно, не выработано еще сколько-нибудь корректных психологических методик, чтобы напрямую, количественно исследовать структурированность, границы и динамику человеческого чувства собственной индивидуальности.

Можно подступить к подобной задаче, используя естественную составляющую самого чувства «Я» – *ответственность*.

Американский профессор психологии Джулиан Роттер (специализировавшийся поначалу в области химии и участвовавший одно время в экспериментах с LSD) утверждал, что наблюдается серьезное различие в психологии людей, зависящее от того, на кого человек возлагает ответственность за происходящие в его жизни события.

Роттер, исходя из теорий Скиннера, ввел понятие «ожидания». Подразумевалось, что каждый человек в любой психологической ситуации находится как бы в ожидании поощрения.

В ходе экспериментов выяснилось, что есть люди, уверенные в том, что их собственное поведение создает положительное подкрепление их деятельности. Такие испытуемые были убеждены, что наказание и поощрение существуют внутри их самих, являются продуктами деятельности их собственной психики. (По М. Мид «Я»-концепция таких людей

261

выполняет функцию «защитника».) Ответственность за результат своих действий они возлагают прежде всего на самих себя.

Роттер назвал эту группу лиц «людьми с интернальным (внутренним) локусом контроля» (имеется в виду, что рычаги контроля и ответственности за поведение помещены «внутри» их личности). Само существование таких людей полностью опровергало теории Скиннера – эти люди не предоставляют экспериментатору возможности управлять собой с помощью поощрения или наказания.

С другой стороны, выяснилось, что существует группа испытуемых, которым свойственно любые результаты собственного поведения считать делом рук судьбы, случая или расположения (нерасположения) начальства; то есть ответственность за свои поступки они возлагают на некие внешние факторы, находящиеся за пределами их собственного тела и души. Таких людей психолог назвал «людьми с экс-тернальным (внешним) локусом контроля».

В первом случае человек объясняет значимые для него события как результат своей собственной деятельности. Во втором – он считает такие события результатом деятельности чуждых его личности сил.

Роттер доказал, что «локус контроля» (позиция личности на спектре «интернал» – «экстернал») универсален по отношению к любым ситуациям, с которыми сталкивается человек. Один и тот же тип контроля характеризует модель его поведения как в полосе неудач, так и в дни успехов.

«Экстерналы», по Роттеру, страдают неуверенностью и беспомощностью. Они склонны к конформизму (соглашательству), у них гораздо слабее, чем у «интерналов», выражена воля к осуществлению своих целей.

Все это позволяет предположить, что понятие «экстер-нальности» отражает *внешние, осознаваемые* элементы человеческого поведения, соответствующие *внутреннему, бессознательному* состоянию картины онтологически неуверенного «Я» в модели Роберта Лэнга.

Допустив, что человек со слабо выраженным чувством собственной индивидуальности испытывает потребность переложить ответственность (локус контроля) за свои поступки на кого-то или что-то вне себя, можно предположить, что «экстерналы» склонны к быстрому формирова-

262

нию зависимости от галлюциногенов, равно как и от любых других психоактивных веществ. Они будут *зависимы* и от других, не химических, факторов внешней среды, в том числе и от людей, которые возьмут на себя ответственность за их поведение – «начальства», терапевтов-фасилитаторов, жен и мужей и т. д.

«Интерналы», наоборот, воспринимают наркотики и авторитарную идеологию как факторы, мешающие реализации их самостоятельной жизненной позиции, – *чуждые врожденно стойкому чувству «Я»*.

Автору за длительный промежуток времени удалось обследовать по тесту Роттера 11 человек, судьба которых

позволяла уверенно относить их к числу повзрослевших «жизнестойких детей». Все они, по всем шкалам теста Роттера, были классическими «интерналами».

Нужно остановиться еще на двух, очень важных вопросах:

Во-первых, Дж. Роттер и Р. Лэнг не считали свои представления о «локусе контроля» и, соответственно, «онтологической уверенности» некими новыми типологиями личности. Все эти термины описывают экзистенциальные характеристики человеческого «Я» – как бы полюса или полярности многогранного и многомерного кристалла индивидуальной человеческой души. Понятия отражают не типы личности, а ее свойства.

Во-вторых, состояния души, которые описывают термины Роттера и Лэнга, близки, но не идентичны юнговскому «понижению умственного уровня» (или «снижению порога сознания»). Жане и Юнг определяли с их помощью патологическое, возникающее под влиянием определенных условий (при воздействии лекарств, например) состояние сознания. Роттер и Лэнг своими понятиями характеризуют людей, для которых некоторое «понижение умственного уровня» является постоянной и нормальной формой существования сознания.

Предлагая адаптированный нами тест Дж. Роттера как косвенный метод определения степени онтологической уверенности, мы, конечно, осознаем, что «экстернальность» и «онтологическая неуверенность» – понятия, отнюдь не дублирующие друг друга, но полагаем, что экспериментальная методика поможет читателю лучше разобраться в обсуждаемой проблеме.

263

Методика диагностики локуса контроля Джулиана Роттера

Вам будут предложены охватывающие разные стороны жизни 44 тест-фразы. Степень вашего согласия или несогласия с ними выразит шестибальная шкала:

полное –3 –2 – 1 1 2 3 полное
несогласие согласие

Пожалуйста, поставьте против каждой фразы один из шести предложенных баллов с соответствующим знаком «+» (согласие) или «-» (несогласие).

1. Продвижение по службе больше зависит от удачного стечения обстоятельств, чем от личных способностей человека.
2. Большинство разводов происходит от того, что люди не хотят приспособиться друг к другу.
3. Болезнь – дело случая; если уж суждено, то ничего не попишешь.
4. Люди оказываются одинокими потому, что сами не проявляют интереса к окружающим.
5. Осуществление моих планов часто зависит от везения.
6. Бесплезно предпринимать что-либо для того, чтобы нравиться окружающим.
7. Внешние обстоятельства влияют на семейную жизнь не меньше, чем взаимоотношения самих супругов.
8. Я часто чувствую, что почти не влияю на то, что происходит со мной.
9. Действия руководства более эффективны тогда, когда начальство полностью контролирует действия подчиненных, а не полагается на их самостоятельность.
10. Мои отметки в школе чаще зависели от случайных обстоятельств (например, от настроения учителя), чем от моих собственных усилий.
11. Когда я строю планы, то, в общем, верю, что смогу осуществить их.
12. То, что многим людям кажется удачей или везением, скорее всего, является результатом долгих, целенаправленных усилий.
13. Думаю, что правильный образ жизни больше поможет здоровью, чем врачи и лекарства.

264

14. Если люди не подходят друг другу, то, как бы ни старались наладить семейную жизнь, они ее все равно не наладят.
15. То хорошее, что я делаю, обычно по достоинству оценивается другими.
16. Дети вырастают такими, какими их воспитывают родители.
17. Я думаю, что случай не играет важной роли в моей жизни.
18. Я стараюсь не планировать далеко вперед, потому что многое зависит от того, как сложатся обстоятельства.
19. Мои отметки в школе всегда обусловлены моими усилиями и каждодневным трудом.
20. В семейных конфликтах я чаще чувствую виноватым себя, чем других.
21. Жизнь большинства людей зависит от простого стечения обстоятельств.
22. Я предпочитаю такое начальство, при котором можно действовать самостоятельно, исходя из своих функциональных обязанностей.
23. Я считаю, что мой образ жизни ни в коей мере не является причиной моих болезней.
24. Как правило, именно стечение обстоятельств мешает людям добиться успеха.
25. В конце концов, за неполадки производства ответственны сами люди, которые работают на предприятии.
26. Я часто чувствую, что уже ничего не могу изменить в сложившихся семейных отношениях.
27. Если я очень захочу, то смогу расположить к себе почти любого.
28. На подрастающее поколение влияет так много разных факторов, что одного родительского воспитания часто оказывается недостаточно.
29. То, что со мной происходит, – результат моих собственных действий.

30. Часто бывает трудно понять, почему руководитель поступает так, а не иначе.
31. Человек, который не смог добиться успеха в работе, скорее всего, не приложил достаточно усилий.
32. Чаще всего я добиваюсь от членов моей семьи того, что я хочу.
33. В неприятностях, которые случались в моей жизни, чаще был виноват не я, а другие люди.

265

34. Ребенка всегда можно уберечь от простуды.
35. В сложной ситуации я предпочитаю не торопиться действовать: проблемы, чаще всего, разрешаются сами собой.
36. Успех является венцом упорного труда и почти не зависит от везения или случая.
37. Я чувствую, что от меня больше, чем от кого бы то ни было, зависит благополучие моей семьи.
38. Мне всегда было трудно понять, почему я не нравлюсь одним людям и нравлюсь другим.
39. Я всегда принимаю решение самостоятельно, не ожидая помощи других людей.
40. К сожалению, заслуги человека часто не замечаются окружающими, даже если они чрезвычайно значительны.
41. В семейной жизни бывают ситуации, на которые невозможно влиять даже при большом желании.
42. Способные люди, не сумевшие себя реализовать, должны винить в этом только себя.
43. Многие мои успехи были бы невозможны без участия и помощи других людей.
44. Большинство неудач в жизни происходит вовсе не от невезения, а от моей собственной лени и ошибок.

Ключ

Обработка результатов теста включает три этапа:

1-й ЭТАП

Подсчет «сырых» (предварительных) баллов по 7 шкалам с помощью ключа № 1.

ПОКАЗАТЕЛИ (ШКАЛЫ):

1. И. о. – шкала общей интернальности;
2. Й. д. – шкала интернальности в области достижений;
3. И. н. – шкала интернальности в области неудач;
4. И. с. – шкала интернальности в семейных отношениях;
5. И. п. – шкала интернальности в области межличностных отношений;
6. И. з. – шкала интернальности в отношении здоровья и болезни.

266

Таблица 1 для подсчета «сырых» баллов по 7 шкалам: Подсчитайте сумму ваших баллов по каждой из 7 шкал, при этом вопросы, указанные в столбце «+», берутся со знаком вашего балла, а вопросы, указанные в столбце «-», изменяют знак вашего балла на обратный.

1.И.о.	+	-	3.И.н.	+	-
	2	1		2	7
	4	3		4	24
	11	5		20	33
	12	6		31	38
	13	7		42	40
	15	8		44	41
	16	9			
	17	10	4. И.с.	+	-
	19	14			
	20	18		2	7
	22	21		16	14
	25	23		20	26
	27	24		32	28
	29	26		37	41
	31	28			
	32	30	5.И.п.	+	-
	34	33			
	36	35		19	1
	37	38		22	9
	39	40		25	10
	42	41		31	30
	44	43		36	43
2. И.д.	+	-	6.И.м.	+	-

12	1		4	6
15	5		27	38
• 27	6			
32	'14	7. И.з.	+	-
36	26			
37	43		13.	'3
			34	23

Итак, вы получили 7 сумм баллов.

2-й ЭТАП

Перевод «сырых» баллов в стены (стандартные оценки).¹ Стены представлены в 10-балльной шкале и дают возможность сравнивать результаты различных исследований.

Таблица 2 для перевода «сырых» баллов в стены.

БАЛЛЫ _» СТЕНЫ

1. И. о.	от -132	До -13	->	1
	-13	-2		2
	-2	+ 10		3
	10	22		4
	22	33		5
	33	45		6
	45	57		7
	57	69		8
	69	80		9
	80	132		ю
2. И. д.	от -36	До -10 .	⇒	1
	-10	-6		2 •
	-6	-2		3
	-2	+2		4
	2	6		5
	6	10		6
	10	15		7
	¹⁵	19		8
	19	23		9
	23	36		10
3. И. н.	от -36	ДО -7	->	1
	-7	-3		2
	-3	4-1		3
	1	5		4
	5	8 •		5
	8	12		6
	12	16		7
	16	20		8
	20	24		9
	24	36		10

4. И. с.	от -30	до -11	->	1
	-И	-7		2
	-7	-4		3
	-4	0		4
	0	4		5
	4	7		6
	7	11		7
	11	14		8
	14	18		9
	18	30		10

5. И. п.	от -30	до -4	->	1
	-4	0		2
	0	4		3
	4	8		4
	8	12		5
	12	16		6
	16	20		7
	20	24		8
	24	28		9
	28	30		10

6. И. м.	от -12	до -6	->	1
	-6	-4		2
	-4	-2		3
	-2	0		4
	0	2		5
	2	5		6
	5	7		7
	7	9		8
	9	11		9
	11	12		10

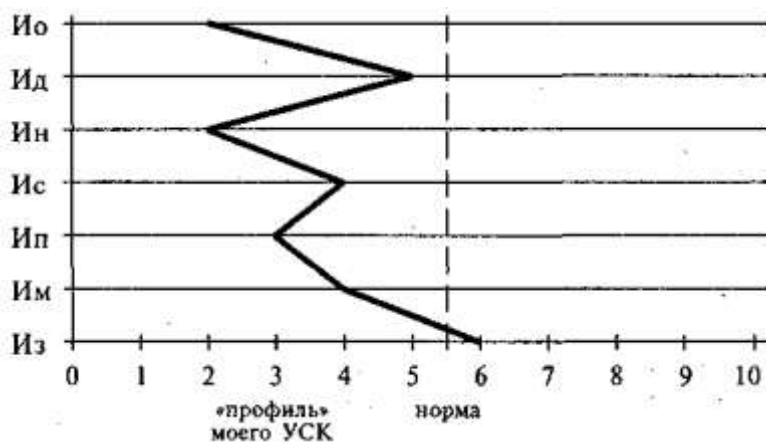
7. И. з.	от -12	до -3	->	1
	-3	-1		2
	-1	1		3
	1	3		4
	3	4		5
	4	5		6
	5	7		7
	7	9		8
	9	11		9
	11	12		10

3-й ЭТАП

Построение «профиля УСК» по 7 шкалам.

Отложите свои 7 результатов (стендов) на 7–10-балльных шкалах и отметьте там же норму, соответствующую 5,5 стенов.

Например:

Анализ результатов

Проанализируйте количественно и качественно ваши показатели по 7 шкалам, сравнивая свои результаты (полученный «профиль») с нормой. Отклонение вправо (более 5,5 стенов) свидетельствует об *интернальном* типе контроля в соответствующих ситуациях. Отклонение влево (менее 5,5 стенов) свидетельствует об *экстернальном* типе локуса контроля.

Описание шкал:

1. Шкала общей интернальности (И. о.).

Высокий показатель по этой шкале соответствует высокому уровню субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. Такие люди считают, что большинство

270

важных событий в их жизни явилось следствием их собственных действий, и они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом.

Низкий показатель по шкале И. о. соответствует низкому уровню субъективного контроля. Такие люди не видят взаимосвязи *между своими действиями и значимыми для них* событиями жизни, не считают себя способными как-то влиять на эту связь и полагают, что в большинстве своем все решает случай или действия других людей. Низкий показатель шкалы отражает поведенческую сторону *онтологической неуверенности*.

2. Шкала интернальности в области достижений (И. д.).

Высокие показатели по этой шкале соответствуют высокому уровню субъективного контроля, в результате которого реальные жизненные события оказывались для таких людей в целом положительными и благоприятными. Они считают, что они сами добились всего того хорошего, что было и есть в их жизни, и что они способны с успехом добиваться желаемого в будущем.

Низкие показатели по шкале И. д. свидетельствуют о том, что человек приписывает свои успехи и достижения внешним обстоятельствам – везению или судьбе.

3. Шкала интернальности в области неудач (И. н.). Высокие показатели по этой шкале говорят о развитом чувстве субъективного контроля по отношению к событиям и ситуациям отрицательного толка, что проявляется в склонности обвинять в неудачах себя. Низкие показатели И. н. свидетельствуют о том, что человек склонен ответственность за подобные события относить на счет других людей. Он может считать сами события результатом невезения, или «недоброго расположения звезд» (например, гороскопа или «кармы»), или даже прямого влияния магических сил («колдунов», «порчи» или «экстрасенсов», как это сейчас часто выглядит у нас).

Ответы и результаты, продемонстрированные пациентом по второй и третьей шкале, могут дать терапевту огромный материал для оценки «Я»-концепции человека, обратившегося за помощью. Высокие результаты по второй шкале могут свидетельствовать в том числе о неадекватно завы-

271

шенной самооценке больного, которая, не получая положительного подкрепления из социальной среды, может заставить его добиваться авторитета в среде наркотической. Наоборот, высокие показатели по третьей шкале будут свидетельствовать о крайней неуверенности человека в себе. Такие пациенты могут прибегать к наркотику как к лекарству, позволяющему избежать бесконечных отрицательных влияний из внешней среды.

4. Шкала интернальности в семейных отношениях (И. с.).

Высокие показатели И. с. означают, что человек считает себя ответственным за то, что происходит в его семейной жизни. Низкий И. с. – свидетельство того, что человек склонен не себя, а своих домашних связывать со всем тем, что происходит.

Пациенты с низким показателем по этой шкале будут обвинять своих родителей и родственников в том, что их неправильное отношение к пациенту и вызывает прием наркотиков. Терапевтическая работа с такими пациентами требует обязательного включения семейной психотерапии.

5. Шкала интернальности в области производственных отношений (И. п.).

Высокий И. п. свидетельствует о том, что человек считает свои действия важным фактором не только собственной производственной деятельности, но и влияющим на отношения в коллективе, а также и на свое продвижение по службе. Низкий уровень И. п. указывает на то, что человек склонен больше придавать значения чисто внешним факторам – руководству и товарищам по работе.

Пациентов с низким уровнем И. п. всегда будет очень трудно трудоустроить. Наркоман, который демонстрирует значимо низкий результат по этой шкале, всегда будет воспринимать товарищей по работе как врагов, а зарплату всегда не соответствующей своим потребностям.

6. Шкала интернальности в области межличностных отношений (И. м.).

Высокий показатель И. м. свидетельствует о том, что человек считает нормой влиять на свои отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию. Низкий И. м., напротив, указывает на то, что человек не может

272

активно формировать свой круг общения и склонен считать свои межличностные отношения результатом активности партнеров.

Наркоман, демонстрирующий значимо низкий результат по этой шкале, должен с самого начала терапии вовлекаться в групповую работу. Такой человек не верит в собственную значимость среди своего круга общения. Фасилитатор должен убедить его в возможности достижения авторитета в группе.

7. Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (И. з.).

Высокие показатели И. з. свидетельствуют о том, что человек считает себя во многом ответственным за свое здоровье: если он болен, то не обвиняет в этом других и полагает, что выздоровление во многом зависит от его действий.

Человек с низким И. з. относит и здоровье и болезнь на долю случая, а свое выздоровление связывает всякий раз с действием других людей, прежде всего врачей. Таких наркоманов традиционному наркологу легко вывести в ремиссию, пугая их развитием соматических заболеваний. Однако такая ремиссия будет крайне неустойчивой. Наркоман прекратит употребление наркотика ровно на тот срок, который врач назовет ему как время действия несовместимого с наркотиком препарата.

Есть еще одна очень важная особенность людей, демонстрирующих низкие результаты по седьмой шкале. Такие люди очень часто находятся не в ладах с собственным телом. Они испытывают чувство неуверенности в том, что их телесная оболочка действительно отражает их «Я». Подходя к зеркалу, они порой испытывают смешанное со страхом удивление от того, что человек, который отражается в зеркале, и есть он сам.

Такое чувство свойственно детям примерно от 2 до 5 лет, но очень часто оно сохраняется и во взрослом возрасте, являясь отражением общей «онтологической неуверенности» личности.

В строгом смысле этого слова это ощущение входит в общий психиатрический термин «деперсонализация». Однако снижение идентификации с собственной телесной оболочкой вовсе не обязательно сочетается с другими феноменами, входящими в описание термина.

273

Пациенту, демонстрирующему низкие показатели по 7-й шкале, всегда будет недостаточно как индивидуальной, так и групповой *психологической* терапии. Такие люди для достижения ремиссии в обязательном порядке должны участвовать в телесно ориентированных тренингах – не важно, это конкретные тренинги по Райху или Лоуэн или обычная ЛФК с участием психотерапевта.

Исследование самооценок людей с разными шкалами субъективного контроля показало, что те, кому свойствен низкий УСК, характеризуют себя как эгоистичных, зависимых, нерешительных, несправедливых, суетливых, враждебных, неуверенных, неискренних, несамостоятельных, раздражительных. Люди с высоким УСК считают себя добрыми, независимыми, решительными, справедливыми, способными, дружелюбными, честными, самостоятельными, невозмутимыми.

«Локус контроля» сам Роттер связывал с ощущением человеком своей силы, достоинства, ответственности за происходящее, с самоуважением, социальной зрелостью, то есть со всем тем, что характеризует личность как абсолютно самостоятельную и самодостаточную, то есть с тем, что Р. Лэнг характеризовал как «онтологическую уверенность».

ПОЧЕМУ ЛЮДИ УПОТРЕБЛЯЮТ ГАЛЛЮЦИНОГЕНЫ?

Во всех предыдущих книгах из серии прослеживается базовая, с точки зрения автора, проблема человека – потребность поиска и осознания смысла собственной жизни. Вслед за русскими религиозными мыслителями мы назвали эту потребность **метафизической потребностью**.

Мы пытались доказать – химическое вещество становится наркотиком именно потому, что способно подменять те или иные стороны этой *главной* потребности личности.

В книге о кокаине, например, речь шла о том, что психостимуляторы способны *стимулировать* такое естественное человеческое желание, как потребность в новизне ощущений.

В этой книге мы уже видели, что большинство галлюциногенов не только химически, но и «психически» родственны психостимуляторам. Действие этих наркотиков,

274

как правило, начинается с эффекта, аналогичного (а в случае с LSD и вовсе тождественного) эффекту психостимуляторов. Собственно, галлюцинаторный эффект наступает либо позже по времени, либо при увеличении дозы наркотического вещества.

Однако после приема этих препаратов большинство наркоманов испытывает не только приятные ощущения. Сотни тысяч «экспериментаторов» в ходе «психоделической революции» покончили жизнь самоубийством.

Вне всякого сомнения, неприятные ощущения тоже могут быть *новыми*; и хотя человек инстинктивно старается обойти стороной подобную «новизну», тем не менее нередки случаи, когда люди упорно продолжали «отрицательные «трипы». Причина такого упорства, возможно, прояснится из еще одного фрагмента ранее цитировавшегося нами пациента-психолога:

«Почему после всего этого ужаса я все-таки продолжал эксперименты? Вы – психиатр; я – психолог. Вы должны это отлично понимать... Мне было невероятно интересно! Казалось, я получил отмычку ко всем тем ксероксам книг, что доставались мне с таким трудом (в самиздате. – *А.Д.*). Мне как человеку инстинктивно сами эти «глюки» страшны невыразимо. Но как психологу они мне в то же время и в высшей степени *интересны*. Кислота – это *ужас*, но замешанный на высочайшем *интеллектуальном кайфе*... Я же работаю. Обыкновенно, мои попытки медитировать начинаются и заканчиваются тем, что у меня нет для этого ни места, ни времени: дома – семья, на работе – сотрудники; а кислота... это, кроме всего прочего, еще и очень простой способ попасть в тот самый,

влекущий меня мир. Вы меня поймете».

Здесь, кроме чувства «новизны» переживаний, обнаруживается новый компонент – *интеллектуальный интерес*, потребность в расширении сферы познания. Очевидно, он настолько силен, что способен на некоторое время отодвинуть даже страх *растворения*, исчезновения собственного «Я» – составляющую тотального страха смерти.

По всей видимости, здесь вырисовывается новая черта метафизической потребности. Многие люди связывают свое желание принять очередную дозу наркотика с, «интеллектуальным», или «умственным», интересом. Можно говорить о том, что с помощью галлюциногенов человек удовлетворяет

275

часть своей потребности в познании себя и мира, которую мы выше назвали потребностью в формировании «Я»-концепции.

Добывать сведения об окружающей *реальности* посредством галлюциногенов, согласиться, трудно. Следовательно, речь должна идти о потребности в познании иного рода. Т. Лири в своих «проповедях» называл LSD не иначе как «обретенным «*философским камнем*» алхимиков».

О чем мечтали древние алхимики? В чем суть их кропотливой работы?

Они пытались отыскать в мире физическом, трехмерном, некое тайное, но *подвластное «избранным» человеческим рукам* средство, мгновенно открывающее доступ к предвечному. Именно так – мгновенно открывающее и, следовательно, мгновенно *преображающее* человеческую душу.

Какая же потребность руководила ими?

Не только из растений – из всей природы они хотели выделить «алкалоид». Найти квинтэссенцию – суть – божественного творения. Эта «квинтэссенция» должна была преобразить вещи, с которыми взаимодействовала, – она и была мечтой о «философском камне». Он должен был обладать способностью «трансмутации» не только металлов, но и *человеческой души*.

«Мастера... работали для единого испытания природы. Ибо, искушивши уже в высокой науке, не щадили ни прилежания, ни издержек, дабы избежать страдания во человеках... предстали бы оные *целые* в величии их».

Иоанн Исаак Голанд,
«Сочинение о философическом камне»
(цитируется по единственному русскому изданию
1787 года)

Золото материальное избавило бы человечество от бедности; «золото души», прекратив вечные *страдания*, **сделало бы ее *цельной***.

Цельная душа – это душа не разделенная. Не разделенная на противоположности – *на человеческое и божественное, на духовное и материальное; на душу и тело, на мужское и женское, на сознательное и бессознательное*. «Золото души» алхимиков – это «самость» Карла Юнга.

Живя лишь в материальном мире вещей, человек теряет ощущение божественного смысла собственного существования, чувство духовной наполненности бытия. Эта

276

потеря кажется материалисту ничтожной, но ее результатом становятся в конечном итоге насилие и наркотики.

Без трансцендентного измерения своей души человек одинок и потерян. Он жаждет целостности, он хочет *преобразиться*, дабы в новом бытии своей «самости» обрести смысл – цельный смысл самого себя. Но человек слаб, и ежечасное познание трансцендентного *внутри* самого себя через пост, молитву и духовное *трезвение* представляется выше его сил. Он хочет, чтобы вожеленное преобразование произошло *здесь и сейчас*, чтобы оно случилось *мгновенно, как по волшебству*. Человек не хочет *достигать* преобразования, он желает, чтобы кто-то со стороны *дал* ему ощущение собственной цельности.

Поиск «философского камня» есть все то же желание мгновенного преобразования своей природы с помощью посторонней силы – «волшебной палочки».

Причина широкой распространенности психостимуляторов, рассмотренная в предыдущей книге как *потребность в новизне* ощущений, – лишь эмоциональная составляющая давней нашей *потребности в чудесном преобразении своей жизни*.

Потребность в галлюциногенах – это потребность в *чуде*.

Но что такое чудо? В жизни большинства из нас чудес не происходит. День за днем тянется череда обычного существования. Засасывает **скука**.

Человек постепенно приходит к выводу, что чудеса случаются в каком-то ином измерении, ином по отношению к его «Я», к его телесной оболочке. Это обозначает, что жизнь, исполненная ощущения неполноты и тревог, – жизнь, определяющаяся чувством онтологической неуверенности, – может преобразиться, найти бы только подходящее влияние *из внешнего мира*. Подобная мысль абсолютно естественна для цивилизации, выросшей на католических представлениях о Боге *как внешней* (по сути, колдовской – управляющей человеком) силе.

Но *внешние силы* для реального человека XX века – это силы отнюдь не божественные. Внешний мир материалиста ограничивается «объектами» – вещами, аппаратами, врачами или химическими веществами...

Заметим, что наш пациент-психолог не говорил о потребности в чуде. Он говорил лишь о том, что ему было

277

«интересно»; но само выражение «интеллектуальный кайф» обнажает стародавнюю потребность в чуде, только выраженную языком человека конца XX столетия.

«Интеллектуальный кайф» – это чувство осуществления *потребности в знании*, которая является составляющей глубинной потребности в *преобразении самого себя*.

Прием галлюциногена для пациента-психолога – это попытка с помощью нового знания (нового

эмпирического опыта) достичь цельности своего чувства «Я», с помощью магического химического вещества – волшебной палочки.

В эпоху Просвещения, несомненно, само это слово являлось для массового сознания понятием основополагающим. Постепенно, по мере своего укоренения в жизнь, оно подменяло собой религиозное понятие *преображения*. Французский философ Рене Декарт первым в истории объявил *логический разум* священным и *самодостаточным* началом.

Учение Декарта способствовало отчуждению человеческого ума как мыслящей субстанции от любой зависимости. Декарт отделял категорию ума не только от Бога, но даже от естественной связи с телом – гарантом жизнедеятельности человека.

Человеческий разум, по Декарту, абсолютен. Не апеллируя ни к Богу, ни к каким бы то ни было авторитетам, он способен изнутри самого себя извлечь весь полный и окончательный свод знания, разделенного на ряд ясных и простых истин, прирожденных разуму априорно (как сказали бы сейчас – генетически) и постигаемых простым актом интуиции.

«Простое рассуждение здравомыслящего человека имеет больше ценности, чем все, усвоенное из книг и школ, так как основывается на непосредственной уверенности интуиции... которая не может обмануть».

Рене Декарт

Откуда берет свое происхождение *сама интуиция*, философа почему-то не интересовало...

Он объявил тем не менее, что накопление знаний является единственной «пищей», которой человек имеет право «кормить разум». Кормление и стало единственной задачей *просвещения*.

278

Возникший культ разума оказал огромное воздействие не только на прижизненное Декарту XVIII столетие. Новая «религия» создала такие понятия, как «*наука*» и «*прогресс*». Следующие поколения принимали эти слова как данность, не задумываясь об их смысле.

В дальнейшей духовной истории Западной Европы Бог окончательно стал чем-то абсолютно внешним по отношению к «Я». Ведь он не мог оказать никакого влияния на человеческий разум!

Понятия «разум» и «Бог» отделились настолько, что стали противоположны друг другу. Человеческое «Я» начало связывать свою истинную, вознившую вместе с первородным грехом, потребность в *преображении* лишь с возможностью получения *интеллектуальной информации* – знания. Это и стало единственным значением слова «*просвещение*».

Но отнюдь не Декарт придумал само это слово. Святой Дионисий Ареопагит в своей легендарной книге «О церковной иерархии», написанной в первом веке от Рождества Христова, использует это греческое слово совершенно в ином смысле. Таинство Крещения – обряд посвящения в христианскую веру – он именуется *Таинством Просвещения*. Крещение для христианина – *истинное чудо* – первый миг его *духовного преобразования*.

Поклонение разуму *произвело подмену*. Слово, которое несло в себе значение *чуда* (в русском языке «просвеще-ние», «про-свет» означает «стяжание света», то есть божественного начала), приобрело смысл накопления информации.

Неожиданным образом подтверждает сказанное и другой факт. Понятие «прогресс человечества» в философии Просвещения обозначало не поступательную и постепенную эволюцию человеческой души, но *внезапные (скачкообразные) взлеты* человеческого знания. Для того чтобы как-то объяснить это, нам придется понять еще один неосознаваемый образ (архетип), лежащий у самых истоков происхождения понятия «просвещение».

Многие поколения людей ждали истинно чудесного события. Откровение Иоанна Богослова утверждало, что мир будет внезапно и полностью изменен в акте *Апокалипсиса*, по-русски – *Светопреставления* (сравните с русским звучанием слова «просвещение»). Страдания всех прошлых поколений и самой размышляющей над их судьбой личности

279

обретут в миг *Апокалипсиса* свое завершение и смысл. Человечество обретет высшую и лучшую точку своего развития.

Христианская церковь всегда стремилась освободиться от излишней буквальности понимания Откровения Иоанна. Вопрос этот был окончательно решен в сфере церковной догматики в V веке нашей эры на Вселенском соборе в Эфесе.

Собор заключил, что все конкретные трактовки понятия «Конец Света», как, например, принадлежащая осужденному собором Иринею, являются *ересью*. Человеку, как подобию Бога, но вовсе не Богу, не дано знать двух главных дат своей жизни: времени окончания собственной жизни и даты *конца мира*. Оба этих знания могут сделать человеческую жизнь невыносимой.

Но абсолютно запретное знание обладает абсолютно притягательной силой. Знание «точного» дня Светопреставления давало человеку *преимущество и власть* над другими людьми. Может ли человек повлиять на грядущее преобразование или нет – он может пытаться *узнать* о нем, *вычислить* его сроки, описать его характер. Так *дело высших сил становилось предметом рассудка*.

Человек мог стать равным Богу, только получая знания. Именно эта человеческая *гордыня* и обеспечила возможность подмены *преображения* – просвещением.

Предсказывая полную переделку мира и человека, постулируя чудо и не стесняясь соображениями реальности, апокалиптические тексты показывают мир таким, каким сделал бы его автор, если бы был Богом; и авторы эти с поразительной регулярностью объявляли себя богами.

Некоторые из них в силу личного таланта или случайностей истории оказывались лидерами кружков, сект, а иногда и вооруженных масс. Тогда они получали подтверждение своей мистической власти над душами и телами

других людей. На пути к достижению «великой» цели никакие препятствия не имеют значения; и потому большие мечты всегда вели к столь же большому насилию.

Человеческая самонадеянность – попытка возомнить себя богом – делала хилиастические (апокалиптические) учения – одним из главных «дионисических» начал истории. Пророки хилиазма освобождали человека от личной ответственности (если спасешься ты, то какое тебе дело до других!).'

280

Это они провозгласили лозунг, ставший одним из главных в *среде хиппи*: «После нас – хоть потоп» (потоп все равно скоро – развлечемся властью). Именно это – преобразование для себя с полным равнодушием к брату своему – делает «психоделическую революцию» не чем-то принципиально новым, а всего лишь одним из бесчисленных «маленьких апокалипсисов» самонадеянного разума.

Норман Кон в своей классической книге об апокалиптических движениях Европы прослеживал развитие одних и тех же идей на протяжении всего Средневековья. Именно апокалиптический тип мышления он видит истоком и *гностицизма* первых веков христианства и мистических движений XI–XVI веков. Тоталитарные режимы XX века стали возможными из-за сохраняющихся в коллективном бессознательном древних апокалиптических ожиданий.

Именно такое мышление вдохновляло вождей Французской революции в их безумной попытке переделать общество. Вот как это выражено в одном из декретов «Комитета общественного спасения» в 1794 году:

«Переход от угнетенной нации к демократии подобен внезапному усилению, с которым природа поднимается от небытия к разуму... *Вы должны всецело и одновременно переделать человека, которого хотите освободить, разрушить его предрассудки, изменить его привычки, очистить его желания*» (курсив мой. – А.Д.).

Мнение самого носителя разума – отдельного человека – в расчет не принималось. Во времена Французской революции «религия абсолютного разума» впервые, наглядно, с помощью гильотин, продемонстрировала скрытую в ней «дионисическую» стихию разрушения личности.

Тот же дух сохраняется во всех последующих социальных революциях. Все они несли черты апокалиптической уверенности в возможности просвещения – одномоментной и полной перестройки человеческого общества.

Только внезапно просветить его должно было не божественное откровение, а декартов разум. В каждую революцию разум провозглашал «истинное» знание, дающее право его носителям «преобразовать» жизнь других людей (именно *других*; сам же «просветитель», считая себя обладателем «окончательного знания», чуть ли не богом, в преображении не нуждался).

281

Это был тупиковый путь. Если по представлениям традиционно христианской культуры, становление подлинной человеческой личности связывалось с восхождением от имманентного к трансцендентному по вертикали бытия, то человек эпохи Просвещения ощущал внутренний запрет на трансцендентное: его душа должна была удовлетворяться только имманентным – набором знаний, не противоречащих прямолинейной бытовой логике.

Единственное, что оставалось возможным, – это идентифицировать себя с получаемой в процессе жизни информацией сугубо конкретного, например, профессионального, характера. Сказать самому себе: «Я – плотник», «Я – врач», «Я – инженер» – стало почти максимальной возможностью для *формирования «Я»-концепции*.

Видимо, именно в эпоху Просвещения сформировался тот взгляд на человеческое «Я», который оказал решающее влияние на психологию XX века. Христианское понимание чувства «Я» (для становления целостности которого и было необходимо Таинство Просвещения – Крещение), было постепенно ограничено «словесным портретом» – описанием себя с помощью собственного *разума*, то есть именно тем, что М. Мид назвала «Я»-концепцией.

Однако представление рассудка о собственном «Я» и, в частности, профессиональная идентификация – достаточно узкая, а следовательно, весьма хрупкая и неустойчивая конструкция (как в случае с приемом LSD нашим пациентом – немолодым слесарем), и при ее разрушении возможно все, вплоть до безумия.

В качестве примера давайте возьмем такую привычную для автора парадигму, как система идентификации «Я – психиатр».

Представим себе, что на прием к врачу-психиатру, возвращенному советской школой психиатрии, попадает пациент – православный монах или священник. Кстати, ситуации, когда священника, в связи с запретной «религиозной пропагандой», принудительно помещали в психиатрическую больницу, были отнюдь не редкостью.

Итак, священник рассказывает человеку в белом халате об опыте своего религиозного преобразования – обращения в веру.

Если психиатр будет интерпретировать рассказ священника с позиций своих профессиональных знаний и

282

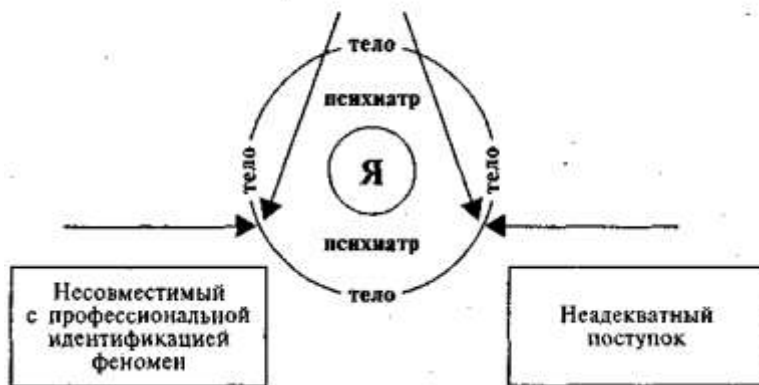
начнет лечить его от «религиозного бреда» препаратами, предназначенными для терапии шизофрении, то он имеет все шансы необратимо искалечить психику священника. Понимание этого факта противоречит медицинской совести – Гиппократову принципу «не навреди!».

Если же профессионал захочет поступить по-другому, то будет вынужден признать *нормой* переживания священнослужителя, которые полностью противоречат материалистическому мировоззрению того же врача. Возникнет кризис психиатрически узких рамок профессионального взгляда на мир.

Врач в результате будет вынужден либо изменить свое обусловленное профессией мировоззрение, включив в него бытие трансцендентного (то есть сделать шаг к вере), либо... сойти с ума. С точки зрения его коллег, принятие психиатром веры в результате бесед с пациентом-священником будет безумием в любом случае.

"Л

/\

Из схемы видно, что мировоззрению врача как бы недостает вертикали. Отсутствует духовное измерение – вектор, благодаря которому чувство «Я» может расширяться и вобрать в себя непривычное мировоззрение. Если «Я» ограничено лишь разумом («Я»-концепцией), оно закрыто для чувств и взглядов другого человека. Такое «Я» лишено гиб-

283

кости, оно может принимать иные взгляды на мир, только полностью разрушая свои собственные.

Тайной мечтой любого психиатра (автор сам психиатр) является доступ к некоему универсальному знанию, которое позволяло бы

врачу управлять душой другого человека. Скорее всего, именно поэтому были так популярны среди профессионалов взгляды Скиннера и ему подобных. Многие специалисты тратят на поиск таких знаний долгие годы, обучаясь все более и более современным методам психотерапии в надежде на обретение универсальной «отмычки» к чужим душам. Это – «психотерапевтический» вариант поиска «философического камня» – общечеловеческой потребности в чуде...

Врачи-профессионалы, специалисты по болезням человеческой души, вслед за другими героями эпохи Просвещения очень многое перепутали.

Врач или психолог призваны *помогать* душе другого человека, а вовсе не *управлять* ею. Для того чтобы пытаться *управлять*, человек должен накапливать интеллектуальные знания. Они способны расширить его рассудочную «Я»-концепцию. Для того чтобы *помогать*, необходимо расширять и укреплять *чувство «Я»* – то, что христиане называют образом Бога в человеческой душе. Лишь «Я»-чувство способно принести ощущение *сопричастности* к судьбе другого человека.

Управлять можно лишь вещами. Помогать можно только людям.

Потребность в галлюциногенах, вызвавшая эпидемию психоделии, это потребность в чудесном расширении «Я», но «психонавты» неосознанно желали расширения «Я»-чувства, а добивались лишь иллюзии внезапного расширения «Я»-концепции.

Приводило это только к тому, что «психонавт» терял способность к выделению *главного* для самого себя, как внутри LSD-переживания, так и в реальном мире.

Если вы перечитаете цитату в главе о «психоделической революции», то поймете, что равнозначность предметов и образов – это их *равная значимость* для *рассудочного анализа*. Все одинаково интересно – обозначает, что неинтересно ничего.

Точно так же, как и революции социальные, «психоделическая революция» 60-х верила в *чудесную силу разума*,

284

только на этот раз его продуктом были не вожди и их идеологии, а химическое вещество.

Истинное чудо преображения, которого жаждет человек, заключается в расширении чувства «Я» на весь воспринимаемый мир. Чудеса, которые приносит только разум, всегда оказываются ложными.

Имеет ли право врач обсуждать такие проблемы, как истинность и ложность чуда, истинность и ложность знания – вопросы, которые испокон веков считались прерогативой богословов?

Со времен Фрейда стало очевидным, что в материалистической культуре XX века врач вынужден принимать на себя функции, которые раньше являлись прерогативой священнослужителей. В 1914 году Карл Юнг отвел врачу роль «психопомпа»:

«В человеческом мире священник, шаман и врач – как раз те самые люди, которые восполняют потребность в духовном руководстве и являются посредниками между священным и светским мирами... Врач выступает как связующее звено между эго (сознательным «Я». – А.Д.) и бессознательным».

В мифологии «психопомп» – это фигура, которая сопровождает душу во время ее инициации (посвящения в веру) или после смерти. В греческих мифах, например, эта функция приписывается Гермесу, поскольку он сопровождал души умерших в царство смерти и имел способность проникать через полярные понятия (он считался посредником не только между жизнью и смертью, но между богами и титанами, между днем и ночью, между землей и небом).

Поэтому даже если постижение религиозных проблем не входит во врачебную «Я»-концепцию, то специалистам по человеческой душе все равно необходимо попробовать разобраться в том, что понимали под истинным чудом христиане. Особенно если врач хочет разобраться в тех сложнейших проблемах, которые приводят личность к добровольному саморазрушению с помощью наркотиков.

В 1915 году Феофан, епископ Кронштадтский и наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, выпустил работу «Чудо. Христианская вера в него и ее оправдание». Эта книга до сих пор считается самой авторитетной на русском языке научно-богословской апологией христианской веры в чудо.

285

«...В понятии чуда надо различать три элемента, из которых оно складывается.

Первый элемент назовем психологическим. Этот элемент точнее можно разграничить на две составные части. Из

них первая соответствует психическому состоянию человека при виде или, вообще, при переживании чуда; вторая – самому содержанию деяния или сверхъестественной сущности чуда.

Далее, чудо предполагает субъект, его производящий. Субъектом, производящим чудо, является Бог, в особом обнаружении Своей премудро-любвеобильной, творчески-промысли-тельной, всемогущей воли. Это и будет второй элемент понятия чуда, который назовем онтологически-динамическим.

Наконец, чудо имеет определенную цель, дающую смысл его совершению. Здесь мы имеем третий элемент; назовем его телеологическим».

Слово «телеологический» значит «смысловой», «имеющий смысл». Какой же смысл вкладывает христианин в понятие чуда?

Вот что пишет далее епископ Феофан:

«Поистине, чудеса суть знаки, знамения, которые подает нам Господь Бог в критические моменты нашего жизненного пути. Это – вехи на безбрежном просторе свободной деятельности человека; они не дают ему окончательно отдалиться от намеченной Творцом цели. Как и все в творческой деятельности Бога, чудеса находятся в необходимой и гармонической связи с остальным творением. Они связывают идею благой цели мироздания с идеей свободной воли человека, как будто противоречащей первой по своей несовершенной природе. Отсутствие чудес, в смысле указующих путь законов, означало бы, что люди, уклонившиеся раз от истинного пути, указанного непрерывно действующим Промыслом, тем самым окончательно обрекаются на гибель. Но Господь Бог, не хотящий окончательной гибели грешника, зовет его своими знамениями на путь спасения и раскаяния...»

...Чудо всегда знаменует проявление его воли; отсюда и названия для него: знак, знамение. Знамения, будучи, по словам Василия Великого, «явной вещью, содержащую в себе объяснение чего-либо сокровенного и темного», – в то же время сами не что иное, как поразительная по силе и убедительности проповедь...»

Итак, неизменяемость предначертаний судьбы мира в связи с свободой человека обуславливают Божественную помощь

286

человеку в его исторической жизни, или, иначе говоря, эта помощь и есть именно естественный и сверхъестественный или чудесный промысел в истории народов».

Мы видим, во-первых, что истинное чудо происходит по произволению Бога и никогда не может быть результатом человеческих помыслов.

Во-вторых, истинное чудо является подтверждением существования внутреннего смысла как в жизненной истории отдельного человека, так и в ходе всего исторического процесса.

Более того, сам факт свершения чуда способен разъяснить желающим его постичь – смысл «темных» мест как в истории человечества, так и в истории отдельной души.

Как правило, врач имеет дело с чудесами, происходящими в душе отдельного человека. В своем труде епископ Феофан определяет такие чудеса как *психологические или интеллектуальные*.

Как они проявляются?

«...Возсозидаемся мы, наконец, и обновляемся... Я получил благодать на благодать... К моему восхождению и преуспеянию даны были и другие восхождения и преуспеяния, а в конце восхождения – свет; к этому свету – другой свет – светлейший; среди сего света возсияло блестящее солнце, из которого явился луч, исполнивший всяческая. Что бы это значило – было недомыслимо. В это время я только проливал сладкия слезы, удивляясь неизреченному. Тогда Божественный первый ум стал беседовать с моим собственным умом и так поучать его: «Понял ли ты, в какое дивное состояние возвело тебя оное человеколюбие? Се, подлежа смерти, ты сделался бессмертным и, одержим будучи тлением, стал нетленен. Се, живя в мире, ты пребываешь со Мною. Се, нося тепло, не бываешь влачим сластями телесными. Ты мал телом, но умом созерцаешь все». Слышанное мною слышал я тайношвенно... Сверхъестественное созерцание привело меня в удивление. Неизреченная красота, явившись, поразила сердце мое и подвигла к беспредельной любви... Нередко восхожу я на высоту созерцания без воли моей и опять схожу с нея волею моею, чтобы не забыть миры человечества и безопаснее соблюсти смирение».

Святой Василий Великий

287

Как ни кажется это кощунственным, но не подлежит сомнению, что большую часть свидетельства святого Василия о переживании собственного преображения многие «психонавты» сочтут весьма похожим на свои LSD-переживания.

Они так и считали.

Возможно, читателю в соответствующей главе осталось не до конца понятным, за счет чего определенный тип «галлюцинаций воображения» относился к *религиозным переживай иям*!

Вот главные аргументы поклонников психоделии, в формулировке одного из героев книги Т. Вулфа (автор писал, что этот фрагмент полностью документален – приведен по дик-тофонной записи).

«В воздухе, в самой атмосфере жизни Проказников, присутствовало нечто в высшей степени р е л и г и о з н о е , и все же нацунать это было невозможно. На поверхности была всего лишь группа людей, которые обретали необычное психологическое состояние, опыт восприятия ЛСД...»

Вот именно! В о с п р и я т и е – самое подходящее слово! . оно все ставило на свои места. И в самом деле, ни одна из великих фундаментальных религий – христианство, буддизм, ислам, джайнизм, иудаизм, зороастризм, индуизм, – ни одна из них не начиналась ни с философского каркаса, ни даже с главной идеи. Все они начинались с потрясающего опыта н о в о г о в о с п р и я т и я , с того, что Иоахим Вах называл «восприятием, на которое способны святые», а Макс Вебер – «одержимостью божеством», оиущением сосуда божественного, Всеединого. Помню, когда я впервые прочел о подобных вещах, мне никак не удавалось до конца уразуметь, о чем идет речь, Я попросту принял их убедительные немецкие слова на веру. Иисус, Мани, Заратуштра, Га-утама, Будда – в самом начале

лидер не сулил тесному кругу своих приверженцев ни лучшей доли в загробном мире, ни усовершенствованного общественного строя, ни какой-либо награды, кроме некоего «психологического состояния здесь и сейчас», как выразился Вебер. Думаю, я так и не мог уразуметь до конца именно то, что он говорил об опыте подлинного психического восприятия, который все они обрели, короче говоря, об э к с т а з е . В большинстве случаев, согласно священным книгам и легендам, это происходило наподобие мгновенной вспышки. Магомет постится и размышляет

288

на склоне горы близ Мекки, и – « в с п ы ш к а » – экстаз, величайшее откровение и зарождение ислама. Заратуштра пригубляет у дороги напиток «хаома» и – « в с п ы ш к а ! » – наталкивается на огненное воплощение архангела Воху Маны, посланца Ахура Мазды, и – зарождение зороастризма. Савл Тарсянин идет по дороге в Дамаск – « в с п ы ш к а ! » – и он слышит глас Божий и становится христианином. Вдобавок одному Богу известно, сколько за прошедшие с тех пор две тысячи лет возникло менее значительных фигур-христиан. Розенкрейц со своим «озаренным Богом» братством розенкрейцеров, Эмануэль Сведенборг, чей разум внезапно «открылся» в 1743 году, Мейстер Экхарт со своими учениками Сузо и Таулером, а в двадцатом веке Садху Сундар Синх и его – « в с п ы ш к а ! » – видение в возрасте шестнадцати лет, неоднократно повторявшееся впоследствии: «...нередко, выходя из состояния экстаза, я думаю, насколько же слеп весь мир, если он не видит того, что вижу я, ведь все так близко, так ясно... не существует языка, на котором можно было бы выразить то, что я вижу и слышу в божественном мире души...» Несомненно, это напоминает слова кислотного торчка. То, что все они видели во вспышке, было выходом из того ужасного положения, в которое попадает к а ж д ы й человек, «Я», пойманное в ловушку, смертное и беспомощное в огромном безликом «Оно», в окружающем меня мире. И вдруг! – Единение! – всеобщее слияние, «Я» – внутри «Оно», «Оно» – внутри «Меня», и в этом потоке я ощущаю могущество – так близко, так ясно, – могущество, которого слепо не замечает весь мир. Все современные религии, да, коли на то пошло, и оккультные науки, толкуют об Ином Мире – будь то мир Брахмы или мир летающих тарелок, – которого не способен увидеть серый, рациональный мир. Этот – так называемый, друзья! – «рациональный мир». Если бы только им, мамаше – папаше – дружку – сестренке, милым – но – замшелым, дано было познать к а й р о с, высочайшее мгновение... В ходе истории в и д е н и я истолковывались по-разному: как следствие эпилепсии, самовнушения, изменений в обмене веществ ввиду длительного поста или же действительного вмешательства богов – или наркотиков; зороастризм зародился в огромной ванне, наполненной напитком «хаома», который являлся тем же, что и индусский «сома», и, бесспорно, был наркотиком. В о с п р и я т и е ! »

10 А. Данилин «LSD» 289

Восприятие по Ки:»и – «кайрос», «вспышка», – в сущности, то же самое, что и «пиковое переживание» групповой психотерапии, «откровение» Эрхарда или «окаменевший разум» Уэйла. Что же, теперь нам нужно считать каждую из этих теорий истинной религией!

В чем же кроется отличие? Врачу необходимо это понять – иначе придется объявлять любые галлюцинации истинным чудом.

Предательская разница заключается именно в том, о чем говорит герой Вулфа, – «Я»-чувство при приеме наркотиков **растворяется в «оно»**. То, что Мирча Элиаде называл «**центром**, обеспечивающим ориентацию», исчезает, вызывая равнозначность всех возникающих образов.

Экстаз и «кайрос» («Восприятие!»), которые герой Вулфа считает полными аналогами религиозного откровения, отличаются от переживаний Магомета и Заратуштры тем, что основатели религий *вместе с восприятием обретали понимание смысла* существования Вселенной.

«Психонавт» в LSD-переживании, наоборот, *теряет* это знание, которое скрывается от него в равнозначности (рав-носмысленности) всех идей и объектов, проникающих в его восприятие.

Истинное интеллектуальное чудо открывает святому *главное* – смысл существования мира. Психоделическое переживание *приводит к исчезновению самой способности выделять главное в своей душе и окружающем мире*.

Если человек не способен различить главное для себя в потоке воспринимаемых ощущений, то теряет качество, которое и делает его личностью, – свою свободу. Вдумайтесь, человек в таком состоянии обречен на то, чтобы *значимость* вещей и идей в его собственном восприятии определял за него кто-то другой? Это и есть абсолютная внушаемость, превращающая LSD в один из инструментов манипулирования сознанием, делающая психи хирургию и *вживление в мозг электродов формами получения удовольствия*.

Суть отличия в последней фразе приведенного высказывания святого Василия:

«...схожу с нея волею моею, чтобы не забыть меры человечества...»

Вот как описывает *результат* чуда в области психического (чудесного преображения) епископ Феофан:

290

«Душа истинно верующего становится, как говорит преподобный Макарий Египетский, единым духом со Христом и единым смешением.

Результатом такого единения души с Богом являются ду-ховныя дарования, как-то способность к откровению и пророчеству. Сила Божия, как непосредственное проникновение всего существа человека Божеством, в интеллектуальной жизни души проявляется как *сверхъестественная мудрость*. Бывает, – продолжает преподобный Макарий, – что скудный разумом *возрождается духовно, преобразуется в мудрого* (выделено мной. – А.Д.) и известны делаются ему сокровенные тайны мира, а, по естеству, он – невежда. Есть очи, которые внутреннее этих очей. И есть слух, который внутреннее этого слуха».

Итак, венцом интеллектуального чуда является мудрость. Как предпосылка к ней – способности к внутреннему слуху и внутреннему зрению, благодаря чему человек как бы проникается зримо Божественным промыслом. Но что же такое сама мудрость? Что означает в русском языке это удивительное слово?

Вот как толкует его словарь Даля:

«Мудрый – основанный на добре и истине; соединяющий в себе любовь и правду; в высшей степени разумный и благонамеренный...»

Мудрость – свойство мудрого; соединение истины и блага... смешение любви и истины...»

Кажется, яснее не становится. Сплошные антиномии: добро – истина, любовь – правда, разумный – благонамеренный...

Дело в том, что в русском языке многим словам и понятиям свойственны перемежающиеся оттенки имманентного и трансцендентного – Божественного и мирского. Например, слова «истина», «любовь» и «благонамеренность» имеют Божественный оттенок. *Благонамеренный* человек в традиционной русской христианской общине – это человек, сверяющий свои намерения с Богом (ведь иного критерия понятия «благо» не существовало).

Не здесь ли кроется разгадка!

Мудрым называли человека, совмещающего в себе любовь (Божественную) и правду (мирскую). Мудрость – это соединение трансцендентных слуха и зрения со слухом и зрением имманентными; «горнего с дольным».

291

Мудрость – это и есть то самое расширение души в сторону трансцендентного, тот самый вектор, которого недостает на наших схемах. Это способность присутствовать одновременно в двух мирах – мире Божественного Света и человеческой тьмы; способность понимать Божественный промысел и его проекцию в мир, не разделяя одно и другое – *целостно*.

Мудрым в России считали людей – носителей тех качеств души, которые Юнг определял словом «психопомп».

Вот критерий истинности, которого недоставало нашему анализу.

Подлинное Чудо – Преображение – Знание расширяет возможности нашей души. Чудо расширяет границы не только «Я»-концепции, но и «Я»-чувства. Человеку преображенному становится легче понимать реальность, в которой он существует, *выделять в ней главное* независимо от внешних обстоятельств.

Стать *мудрым* – значит постичь духовно, включить в состав своего «Я» общую закономерность бытия, куда наша реальность включена на правах *частного случая*.

Чудо не отрывает человека от реальности; оно возвращает его в реальность обогащенным чувством целостности Божественного промысла.

Истинное чудо не может привести человека к пресловутому бегству от мира по той простой причине, что феномен преображения и заключен в понимании законов, которые движут этим миром.

Это и есть ощущение *смысла* существования мира и себя в нем. Только это состояние (состояние мудрости) и есть полное и законченное чудо *преображения личности* – достижение ею *цельности* – свободы от противоречий – преодоление *первородного греха*.

Не забывайте, что сущность *первородного греха* мы с вами в этой книге, опираясь на труды все тех же апологетов психоделии, поняли как прикосновение души к запретному – «дионисическому», развоплощающему, растворяющему личность (образ Бога в душе человека) знанию.

Возвращаясь на круги своя, отметим, что массовый прием LSD в 60-х годах стал трагическим апофеозом неосознанной вечной потребности человека в *чуде* духовного преображения, в мудрости, в нахождении *«центра, обеспечивающего*

292

ориентацию», в поиске истинного «Я», лишенного противоречий и страха.

Но психоделия лишь симулировала удовлетворение этой потребности. Как и всякая симуляция, она привела лишь к прямо противоположному результату – увеличению меры рабства в человеческой душе.

Цивилизация, исповедующая узкую «религию разума в пределах одного лишь разума», не нашла ничего лучшего, чем, потворствуя человеческой гордыне, подтолкнуть ее к поиску чуда, сотворенного рассудком.

«Психонавты» лишь повторили, по-своему, ошибки алхимиков и революционеров... И их жертва оказалась не напрасной! «Чудеса» психоделии, включая сюда и неспособность к выделению *главного* в человеческой жизни, во многом определили судьбу культуры всей второй половины только что закончившегося века.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ LSD?

Главным признаком психической и физической зависимости от психоактивных веществ является формирование синдрома отмены. Его определяет плохое психическое или физическое самочувствие человека, возникающее после прекращения приема наркотика. В конечном счете желание вернуть себе «хорошее» состояние, при неспособности или нежелании найти иные, не наркотические пути к достижению адекватного состояния организма, мы и называем зависимостью от того или иного химического фактора.

Но вот отзывы разных людей, *прекративших* прием LSD:

«Как будто тяжелый камень упал у меня с души».

Знакомый уже нам пациент, *психолог*

«В душе осталась какая-то пустота. Так бывает после болезненного разрыва отношений с мужчиной. Как будто внутри есть что-то не высказанное до конца. И вместе с тем жить стало гораздо легче. И это снова похоже на чувство освобождения после затянувшегося и ненужного уже обоим любовного романа».

Пациентка *Л.*

«Через кислоту стоит пройти хотя бы потому, что, прекратив «трипы», ты опять способен радоваться окружающе-

293

му – травке, солнышку, красивым девочкам. Все это опять имеет для тебя значение».

Пациент *К.*

Если вместо тягостного синдрома отмены пациенты испытывали чувство, говорящее скорее об удовлетворении или освобождении, то о какой зависимости, казалось бы, может идти речь? Нужно учесть, что приведенные высказывания принадлежат пациентам, регулярно, более чем по году (хотя и с разной частотой) участвовавшим в LSD-«трипах».

Что же вызывало желание *продолжать* прием наркотика?

Из написанного выше следует, что на продолжение экспериментов толкала иссякавшая в их душах **потребность в преобразении**. Теперь мы можем попытаться структурировать эту потребность, выявив два ее «направления».

Первое такое направление понятно. Это уже описанный нами интеллектуальный интерес – голод познания.

«После каждого сеанса становится все интереснее и интереснее и все страшнее и страшнее. Каждый раз, когда все заканчивается, кажется, что ты не прошел какой-то барьер, не прорвал какую-то пленку. Ты все время считаешь, что в следующий раз тебе удастся проникнуть куда-то еще глубже и еще дальше. Ты ждешь проникновения в гораздо более значимые миры, чем те, в которых уже побывал. Каждый раз тебе кажется, что сможешь проникнуть в первопричину мира...»

Это не болезнь, это безумная увлеченность новым опытом».

Феномен, который описывает пациент (все тот же кандидат психологических наук), мы назвали «*интеллектуальной толерантностью*». Суть ее в том, что полученную в ходе «трипа» информацию пациент ощущает как недостаточную (для преобразования), и он пытается увеличить дозу или изменить условия приема наркотика, дабы получить доступ к некоей «абсолютной» информации, к «первоисточнику» интеллекта.

Как мы уже выяснили, пациент-психолог, по тесту Рот-тера, относится к группе «интерналов» – людей «онтологически уверенных» (Р. Лэнг) – обладающих врожденно сильным «Я»-чувством.

Здесь все очень похоже на сценарий развития физической зависимости от наркотиков, разница лишь в том, что

294

«интрига» сосредоточена в области человеческой души, а не тела.

Социальный психолог Леон Фестингер назвал подобную ситуацию, возникающую в обычной человеческой жизни, независимо от наркотиков, «когнитивным (познавательным. – *А.Д.*) диссонансом».

Сущность его теории заключается в том, что когнитивный диссонанс появляется тогда, когда человек располагает двумя взаимосвязанными познавательными элементами (например, верованиями, намерениями, убеждениями или сознательными установками), которые противоречат друг другу. Диссонанс между сходными установками порождает тревогу и желание уменьшить его и сохранить гештальт {образ происходящих событий и самого себя как их части – сложное понятие современной психологии, которое мы не рассматриваем в этой книге).

Возникновение когнитивного диссонанса у нашего пациента связано с внешним сходством испытываемой им потребности в преобразении своего «Я» (достижении цельности) и желанием открыть, расширить границы своего восприятия с помощью LSD.

Потребность в преобразении человек не осознает. Она существует на уровне «Я»-чувства и полностью отринута (вытеснена) культурой и воспитанием. На уровне сознания (рассудка) существует лишь «Я»-концепция. Разум материалиста *объясняет* себе потребность в преобразении как желание получить новые знания с помощью механизмов восприятия. *Возникает когнитивный диссонанс между истинной потребностью «Я»-чувства и его отражением в структуре «Я»-концепции. Диссонанс этот становится главным энергетическим механизмом формирования зависимости.*

Человек не может объяснить себе причину диссонанса – появляющейся тревоги. Сознание «психонавта» в^е время продолжает считать, что беспокойство вызвано тем, что он недостаточно глубоко проник в новый способ познания (в галлюцинаторные переживания). И вместо того чтобы серьезно задуматься, увеличивает дозу наркотика или частоту его приема.

С несколько иной, по всей видимости, ситуацией мы сталкиваемся в случае пациентки, для которой важно было видеть окружающих «раскрашенными» в кислотные цвета.

295

LSD использовался ею вовсе не для расширения интеллектуальной сферы. Потребность пациентки в наркотике относилась скорее к сфере изменения чувственного восприятия. Ей было *проще взаимодействовать* с окружающим миром, находясь под воздействием наркотика. Похоже, что она хотела совсем иного «чуда», чем упоминавшийся неоднократно психолог.

Пациентка неосознанно стремилась сделать мир более *понятным* для себя, *свести его сложность к игре понятных ее образному мышлению красок*. Она неосознанно хотела упростить реальность и значимые межличностные отношения, в которых до приема наркотика окончательно запуталась.

Изменить степень сложности реального мира личность не в состоянии. Зато человек может попытаться *упростить свое восприятие*.

Упрощение *восприятия* под воздействием наркотика субъективно будет восприниматься человеком как упрощение мира. Личности будет казаться, что ее чувственное восприятие проникло к краскам как к истинным «источникам» реальности – ее «базовым», а потому *простым, закономерностям*...

Но ведь желание упрощения реальности – это тоже желание чуда преобразования, только *имеющее обратный знак*.

Человек не всегда справляется с приходящим к нему из внешнего мира потоком эфферентных сигналов. Реальность воспринимается как непереносимо сложная – *непонятная*. Пациентка испытывает уже знакомый нам страх того, что мир поглотит, растворит его хрупкое «Я». Пациентка хочет *сузить* свой разум, она *не хочет понимать мир*, который ее окружает.

«Экстернал» видит выход *онтологической неуверенности* либо в том, чтобы упростить саму реальность (что

невозможно), либо – в упрощении собственного восприятия.

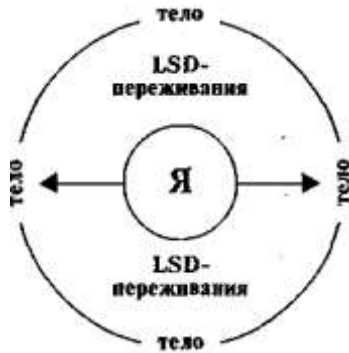
Мы имеем две противоположные тенденции. Психолог-пациент пытается обрести или укрепить свое «Я» посредством увеличения объема знаний. Для него чудо – это беспредельный рост интеллектуального пространства с помощью того самого «кайроса» – расширенной с помощью наркотика сферы восприятия.

Пациентка «с красками» с помощью LSD хочет достичь прямо противоположного – спрятать, сузить свое «Я», от-

296

радить от реальности наркотическим «барьером», упростив тем самым свои взаимоотношения с миром.

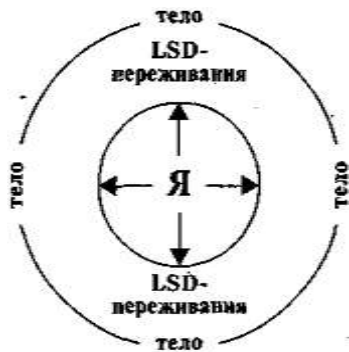
В первом случае («интернал») для утверждения собственной самости работает как бы центробежная потребность в преобразении.

Австрийский психоаналитик Леопольд Сцонди, исходя из своей оригинальной теории влечений «Я», по аналогии с сердечной деятельностью, называл такой вариант влечением к **эгодиастоле** (диастола – момент работы сердечной мышцы, во время которого сердце максимально расширяется и вбирает в себя кровяные потоки).

Во втором случае («экстернал») та же самая потребность в преобразении действует центростремительно, «сжимает» «Я», прячет его от действительности.

Л. Сцонди называл этот вариант потребности, соответственно, влечением к **эгосистоле** (систола – момент максимального сокращения сердечной мышцы, во время которого она выталкивает из себя кровь по сосудам,

297

оставаясь максимально «пустой»). «Эгосистола» – это влечение к «понижению умственного уровня» (!) по К. Юнгу.

Но в обоих случаях действует закономерность «интеллектуальной толерантности» (когнитивного диссонанса). В первом пациент отмечает недостаточное «расширение» своего «Я» в момент воздействия галлюциногена. Во втором – галлюциноген всегда недостаточно глубоко прячет «Я» пациента от жестоких глаз реальности.

В результате там и там желаемый эффект не достигается. Первый так и не становится пророком, а вторая – отшельницей, до которой мир не в состоянии добраться.

Развитие интеллектуальной толерантности в схемах 20 и 21 должно, теоретически, привести к следующим результатам.

В случае эгодиастоле: В случае эгосистоле:

Итак, в первом случае тело и его органы чувств должны как абсолютную реальность воспринимать галлюцинации, а во втором «Я» должно попросту заместить себя ими. Читатель уже понял, наверное, что в обоих случаях исход абсолютно одинаков – он должен сводиться к исчезновению «Я».

По счастью, такой ход событий невозможен из-за наличия того, что условно можно назвать внутриспихическими

+

Г

защитными механизмами. Полному растворению «Я» препятствует опыт взаимодействия с реальным миром, который имел человек до столкновения с наркотиком, и его врожденная психическая структура – на свет божий он был призван *личностью*. Он от рождения имел «Я»-чув-ство.

Конфликт между окунувшимся в растворяющую трясину наркотика «Я» и защитными, препятствующими этому механизмами *памяти* личности о мире и самой себе влечет собой внутренний *взрыв «Я»*, который принято называть *диссоциацией личности*.

«Я»-чувство не исчезнет, но распадется на эмоциональные осколки, состоящие из «кусочков» пытающегося спастись личностного единства. Такие частички несут в себе остатки «Я»-чувства – они будут пытаться обрести *автономность*. Внутри хаоса *каждая* из них постарается стать центром восприятия – создать новое «Я» (новое единство).

«Осколки» личности в структуре распадающегося сознания будут образовываться отнюдь не случайным путем. Память и бессознательное, как вы помните, структурированы энергетическими образованиями, которые Юнг называл архетипами, а Гроф – СКО. «Взрыв» диссоциации отбросит частички личности назад – в прошлое психики.

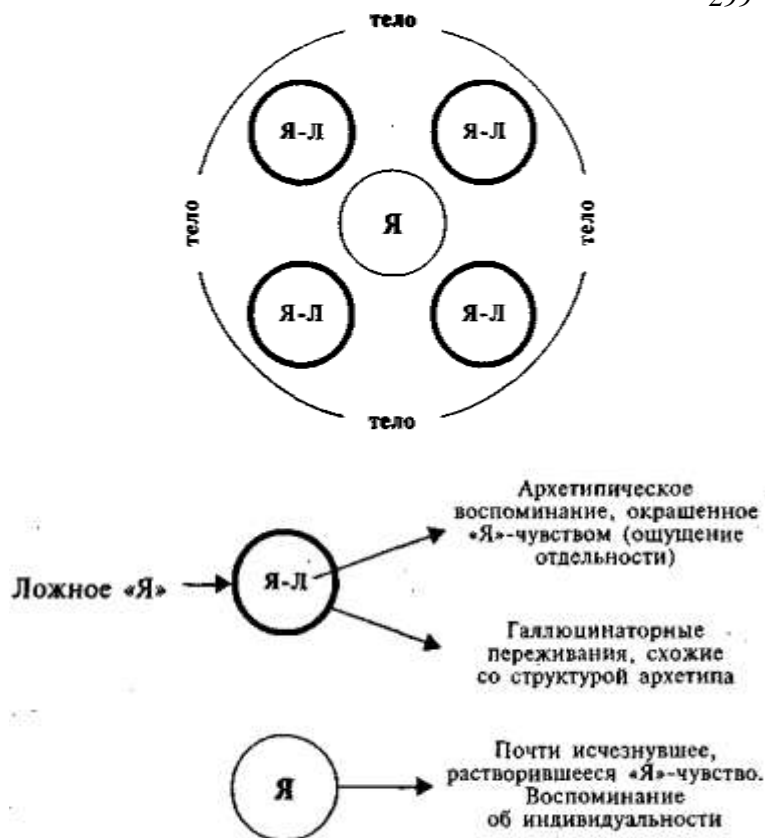
Каждый «осколок» чувства «Я» окажется связанным с каким либо «файлом» – архетипом. При этом он неминуемо потянет за собой сходные по образной системе LSD-переживания. Образуется *система равнозначных и равноправных по отношению к разрушившемуся «Я»-чувству ложных «Я»*.

Этот процесс является закономерным *конечным* этапом взаимодействия личности и наркотика. Но он же знаменует собой *этап сформированной психической -зависимости* от галлюциногенов.

- Система ложных «Я» не сможет существовать в отсутствии LSD. Только постоянный приток галлюциногенных образов, отгораживающих психическую структуру от реальности, сможет оправдывать отсутствие «Я» – единого центра личности.

Однако искушенный читатель уже понял, что мы делаем попытку описать экзистенциальное состояние психики, которое современная клиническая психиатрия определяет как *шизофреническую* диссоциацию личности.

299

С точки зрения сегодняшней медицинской науки, прием LSD мог спровоцировать приступ скрытой до этого шизофрении у пациента. То есть склонность к заболеванию скрывалась в глубинах его бессознательного. Сам же фактор действия LSD имеет лишь «пусковое» значение. Шизофрения рано или поздно выявилась бы у больного независимо от наркотика – как результат других провоцирующих влияний внешней среды.

Автор придерживается иной точки зрения. Принято считать, что зависимости от LSD не существует, – но не потому ли, что подавляющее большинство *принимавших наркотик почти никогда не принимали*

300

LSD в достаточных количествах и в течение достаточно долгого срока, чтобы феномен «интеллектуальной толерантности» сформировался в полной мере.

Объяснение этому есть. Неосознанно «психонавтов» останавливает «страх ведьм» – он же ужас смерти «Я», который теперь мы можем назвать еще и «страхом диссоциации».

Человек прекращает прием LSD, как правило, тогда, когда его сознание начинает с тревогой отмечать нарастание специфического отчуждения от реальности (дереализации). «Психонавт» чувствует, что его «Я» и поведение стало еще более неуверенным, чем это имело место до встречи с наркотиком. «Сигналом» к отказу от вещества является вызывающее страх появление **синхронистичности**

Более того, этот феномен и есть начальный синдром диссоциации личности: неясное ощущение чуждых сил, которые изменяют реальность, на самом деле является, как мы видели, «переключением» сознательной активности на бессознательные структуры. Отдельные СКО и (или) архетипы постепенно «оживают», притягивая к себе энергию распадающегося «Я»-чувства. Центр личности начинает разрушаться, его активность пытается принять на себя периферия.

Однако синхронистичность пугает лишь личность преимущественно «жестерального» типа. В данном случае имеются в виду не только ярко выраженные «интерналы» по тесту Роттера («жизнестойкие дети»), но и те люди, которые демонстрируют смешанные (преимущественно интернальные) варианты «локуса контроля». По нашим наблюдениям, для того чтобы испытать страх растворения собственного «Я», пациент должен давать «интернальный» результат минимум по трем шкалам Роттера.

Зато по тесту Л. Сконди все пациенты, прекратившие прием наркотика из-за «страха ведьм», будут демонстрировать ярко выраженную «эгодиастилическую» характеристику влечений «Я» (этот проективный тест крайне сложен, и мы не имеем возможности останавливаться на его методике подробно).

«Экстернальные» же личности за счет собственной «онтологической неуверенности», желая спрятать свое «Я» от реальности («эгосистолического» влечения) не опасаются нарастающей «синхронистичности», наоборот, они ощу-

301

щают иллюзию упрощенной реальности как *защиту* своего неуверенного «Я». Они переживают сужение своего чувственного восприятия как *удовольствие*.

У «экстерналов» формируется *интеллектуальная зависимость от иллюзии защищенности «Я»*, которую помогает создать наркотик.

Но такие пациенты никогда не рассматривались медициной как больные, страдающие какой-либо формой зависимости от химического вещества. «Автоматически», в силу традиций медицинского взгляда на мир, они попадали к специалистам по шизофрении, полностью выпадая при этом из поля зрения наркологов.

Понятия «экстернальность» и «онтологическая неуверенность» гораздо шире принятого в психиатрии понятия «шизоидная личность». «Экстерналы» сегодня составляют несомненное большинство населения России. Подобный «локус контроля» воспитан социалистической культурой.

До момента диссоциативного психоза зависимость от галлюциногенов субъективно ощущается пациентом не как порабощающая отрицательная привычка, а как влечение к преобразующему (эгодиастола) или защищающему (эгоси-стола) *чуду познания*.

Эту *потребность превращает в зависимость* надежда получить чудо из человеческих рук. Именно незаметная подмена Божественного чуда «чудом» рукотворным выворачивает метафизическую потребность наизнанку. Человек начинает прием галлюциногенов с целью расширить границы своего «Я». А получает в-результате либо тотальную внушаемость на уровне «метапрограмм», либо шизофренический психоз.

Внушаемость человека, неспособного различать *значимое и не значимое* в своем восприятии, можно назвать «*гиперзависимостью*» – зависимостью от *любого* фактора или идеи, попадающих в поле восприятия, – тотальная свобода оборачивается тотальным рабством. Нельзя освободиться от индивидуальности. Человеческая свобода может проявляться только через чувство «Я».

Чем более личность *онтологически уверена* в себе, чем сильнее ее «Я»-чувство, тем больше у нее возможностей для проявления собственной свободы.

Это легко понять человеку мыслящему как христианин. Вот что пишет епископ Феофан:

302

«Представляя собою высшую форму бытия, личность человеческая обладает особым свойством, делающим ее не подлежащею тем законам, которым подчиняется все существующее. Свойство это – свобода. Каждый человек получает умственное достояние свое от окружающей среды, но не усваивает его рабски, а перерабатывает его сообразно с индивидуальными способностями своими и затем действует более или менее самостоятельно; тем самым он вносит новый элемент в общую жизнь, не давая ей застояться в одном положении».

Исходя из христианской точки зрения, подлинно свободным человеком является лишь человек *мудрый*, то есть, как мы теперь понимаем, достигший преобразования. Только такой человек существует в состоянии единства имманентных и трансцендентных свойств личности. Мудрец *зависим* только от Бога, который, по самой сути этого понятия, есть беспредельность и высшее оправдание жизни, – и ни от чего более. Никакие факторы внешнего мира не способны сделать мудрого зависимым от себя.

Но это в идеале. В обыденности же каждый из нас в течение жизни в разных формах *зависит* от тех объектов и идей реальности, с которыми *идентифицирует* свое «Я».

Сам термин «идентификация» также принадлежит Карлу Юнгу, который понимал его как проекцию личности на нечто иное, будь то другая личность, вещь или какое-либо дело. Другими словами, это неосознаваемое отождествление человеком самого себя как с внешними по отношению к нему людьми или группами людей, так с различными процессами или образцами поведения (*идеалами*). Прохождение человеком через различные идентификации Юнг считал важной частью нормального развития личности.

Идентификации типа «я – собиратель марок», «я – коммунист», «я – психиатр» – вполне привычны. Равно и такие, как «я – немыслим без своего автомобиля» или «я – машина для зарабатывания денег». В итоге каждое подобное самоотождествление приводит к разной степени зависимости – несвободы.

Никто, разумеется, не утверждает, что идентификация своего «Я» с объектами реального мира в существе своем вещь вредная и ненормальная. Важно, чтобы человек понимал всю относительность *таких форм* самосознания.

Недопустимо ограничиваться *лишь только ими*.

303

Врачам очень часто приходится слушать от пациентов слова:

«Я боюсь любить кого-нибудь и боюсь доверять... Я страшно боюсь *разочарования*».

Слова «разочарование» и «развоплощение» в контексте нашей книги обозначают одно и то же. Человеку необходима «очарованность» кем-то или чем-то. Без такой идентичности – «очарованности» он не в состоянии найти внутри души самого себя. Отсюда и страх развоплощения.

Само слово «о-чарованность» в русском языке имеет «ведовской» оттенок. Оно первично означает «околдованность» (наложение чар). Корень возникающего страха – там же, в онтологической неуверенности – в неспособности к самостоятельному *отдельному* существованию.

Ситуацию, в которой человек воспринимает самого себя равнозначным другому объекту внешнего мира, Юнг обозначал термином «*идентичность*». Этот термин по смыслу абсолютно аналогичен русскому слову «очарованность».

Юнговское понятие нельзя путать с введенным Э. Эрик-соном и принятым сейчас повсеместно термином «личностная идентичность» – обозначающим ощущение единства, непротиворечивости личности.

Вполне возможно, что Эриксон *подменил* юнговский термин потому, что психология, которая *подменяет* «Я»-чувство «Я»-концепцией, *не в состоянии представить себе целостное «Я» вне его материальных идентификаций* с объектами и идеями внешнего мира. В результате понятие аналитической психологии приобрело сегодня прямо противоположное смысловое значение.

Например, младенец, по Юнгу, находится в состоянии *идентичности* со своими родителями, в особенности с матерью. Ребенок участвует в их психической жизни и до годовалого возраста почти не имеет своей собственной. Возникновение подобной *идентичности* во взрослом возрасте может приводить к тому, что Юнг называл «*инфляцией*» (*обесцениванием*) личности.

Понятие «*идентичность*», на взгляд автора, наиболее полно отражает экзистенциальную (бытийную) ситуацию, которую в наркологии принято описывать термином «*зависимость*».

Все мы зависимы от внешнего мира – от своих лекарств, автомобилей, компьютеров и т. д. Большинство из

304

нас идентифицирует себя со своей профессией и социальной группой. Основатель «трансактного анализа» Эрик Берн называл такие идентификации «масками», которые человек надевает на себя во время общения. Все мы имеем «маски» – главное, чтобы «маска» (часть рассудочной «Я»-концепции) не превратилась в личность.

Обратите внимание: описывая патологическую (юнговскую) идентичность, мы имеем в виду то самое ощущение, которое Бодлер, рассказывая о гашишевых галлюцинациях, передавал фразой «Не вы курите трубку... а трубка курит вас».

Опять же речь лишь о *степени* соотнесенности себя с «масками» и вещами. Все определяется тем, как внутри себя самого человек задает и отвечает на вопрос: «Что важнее – вещи или живые люди, которые меня окружают: мой автомобиль, мои компакт-диски или, скажем, единственный друг, жена, родственник?»

Тот же самый вопрос можно сформулировать и по-другому – исходя не из «Я», а из реальности. Тогда он будет звучать, например, так: «Что реальнее – виртуальное пространство компьютера или живой мир вокруг?»

Если автомобиль важнее жены, а виртуальная реальность – «реальнее» мира, то это значит, что в сознании человека, в его психике произошло *качественное* изменение – *инфляция*: психический мир человека *стал зависеть от вещи*. Внешний объект, с которым человек обрел свою *идентичность* (по Юнгу), превращается или уже превратился для него в наркотик.

Так же обстоит дело и с «психонавтами». Большинство из них пытались соотнести свое «Я» с «психоделическим» опытом, и *только с ним одним*. Соотнесение же себя с факторами реальности и, в первую очередь, с *другим человеком* воспринималось как *несвобода*.

Хиппи не могли включать свои переживания в систему более целостного мировосприятия, прикоснуться хотя бы краем к тому, что и составляет, фигурально выражаясь, систему *мудрости*. Галлюцинации, превратившиеся в самоцель, становились неотличимы от воспринимаемой реальности, *подменяли* ее.

То состояние, которое мы описывали как *неспособность выделить главное*, значимое в восприятии, Юнг тоже определял как *идентичность*. Только идентичность по отноше-

305

нию не к внешним, а к *внутренним объектам и идеям* (в данном случае это галлюцинаторные образы).

Идентификация и идентичность окажутся, в свою очередь, этапами развития зависимости от LSD. По времени они будут предшествовать развитию синхронистичности и следующей за ней диссоциации личности.

Случай нашей «разноцветной» пациентки можно описать как *идентичность «Я – цветовая гамма»*. Влечение к эгосистоле – потребность спрятать, уменьшить свое «Я» – окажется, по Юнгу, формой *инфляции* личности.

Получается, что человек должен в один прекрасный момент испугаться ощущений, которые вызывает наркотик (интернальный локус контроля), либо потребность в эгосистоле неминуемо проведет его через обесценивание собственного «Я» (инфляции) к неминуемой диссоциации личности.

Ход рассуждений автора в этой главе заставил его описывать формирование зависимости от LSD, изменяя порядок появления психических феноменов. Рисунок 24 поможет вам разобраться в психологической динамике развития зависимости от галлюциногенов. Мы считаем, что эта схема помогает понять механизм воздействия на личность не только галлюциногенов, но и других «дионисических» сил природы и общества.

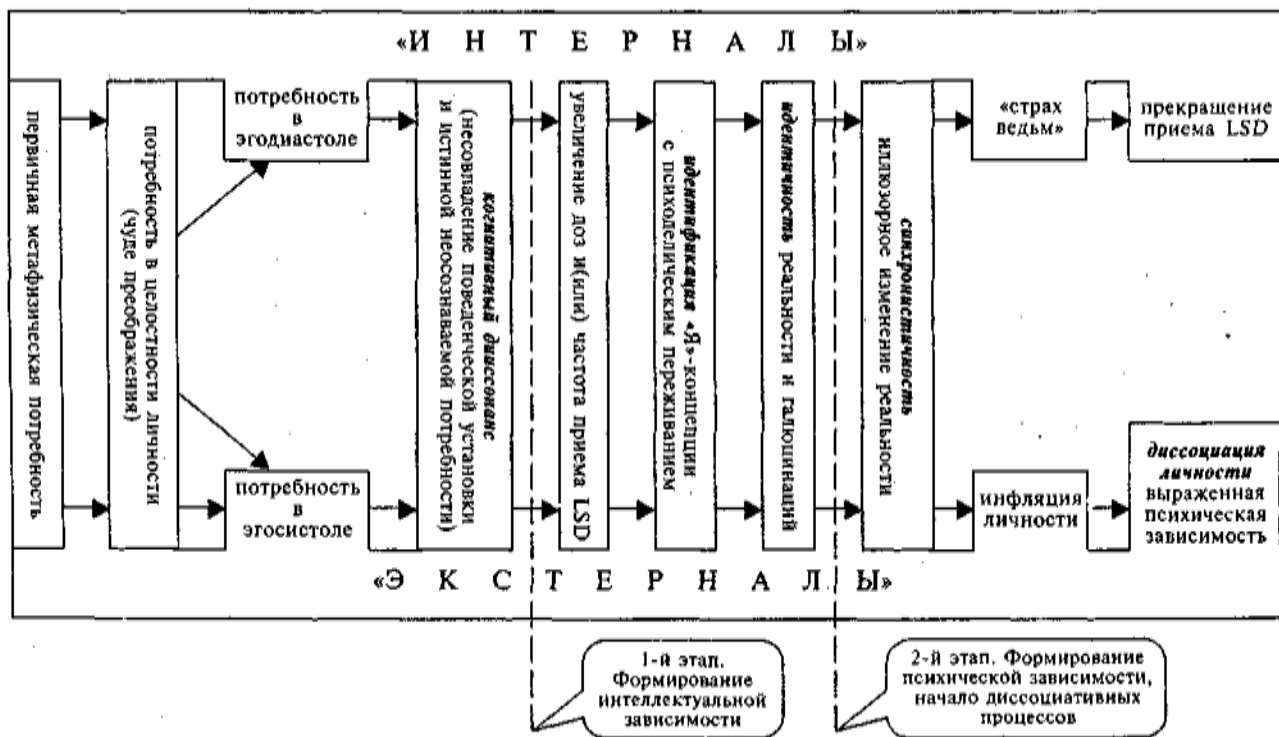
Остается не до конца проясненным только один вопрос.

Почему даже «интернальная» личность не начинает испытывать страх до начала диссоциативных процессов, на этапе развития идентичности? Зачем человеку идентифицировать себя с галлюцинаторными образами и вещами?

Ту же самую *идентификацию человека с объектами внешнего мира*, нашу «запрограммированность» реальностью, Дон Хуан – герой и альтер эго Карлоса Кастанеды – называл «гlossами». В «Путешествии в Икстлан», третьей из серии книг Кастанеды, посвященных его учению, подробно рассказывается о том, как южноамериканский шаман учит белого человека преодолевать «гlossы» (обусловленность реальностью) с помощью галлюциногенных растений.

После того как «гlossы» растворяются в галлюцинациях, на место личности (через двери «открытого восприятия») может проникнуть духовная сила, разлитая повсюду во вселенной. Эту священную силу Дон Хуан называет тем же словом, что и индейцы Меланезии. Он называет ее «*мана*».

306

Однако Карлос Кастанеда отнюдь не является первым исследователем, который описал представления индейцев об этой магической силе.

В 1926 году английский этнограф Рафаэль Карстен писал:

«Представления об обезличенной духовной силе возможны только в обществе, в котором личность и духи предков представляют собой практически одно и то же...

Мана доступна только в случае благорасположения духов... Является ли объект обиталищем духовного существа или просто обладает обезличенной магической силой – это абсолютно незначительный вопрос, на который и сами индейцы не могут дать точный ответ. Ясно, что для них между личным и обезличенным не существует четкой разницы...» (курсив мой. – А.Д.).

«...Результатом является абсолютно непривычная для нас интерпретация индейцами личной ответственности. Мана может сосредоточиться в любом объекте, как одушевленном, так и неодушевленном. Поэтому за значимые события в жизни племени отвечают не люди, а потоки и водовороты безличной духовной силы».

Вот где кроется ответ на вопрос: зачем человеку нужно идентифицировать себя с наркотическими образами или превращать в наркотик вещи из внешнего мира. Перенос своей индивидуальности на вещи или галлюциногенные переживания приводит к утрате чувства личной ответственности за людей и события окружающей реальности.

Отвечать за состояние своего автомобиля, видимо, легче, чем отвечать за членов своей семьи. В виртуальной реальности действуют игровые законы; а игра тем и отличается от жизни, что ответственность в ней – условная. Но даже компьютер и автомобиль требуют от человека *какого-то личного участия*. Галлюциноген же растворяет ответственность напрямую, непосредственно, без затраты каких бы то ни было усилий.

Жить в мире и не отвечать за него. Вот подлинное желание, от которого зависят «психонавты». Это желание сильнее страха безумия и смерти. В нем самая суть подмены метафизической потребности – зависимостью от химического вещества.

Человек может «открыть сознание», только став тотально внушаемым, утратив ответственность за окружающих и самого себя, обесценив (инфляция) «по дороге» свое «Я».

Но мы уже говорили выше обо всем этом!

Совершенно верно. Утрата ответственности – это всегда возврат в стихию язычества. Ибо именно чувство ответственности – краеугольный камень христианского понятия свободы.

«Мы ответственны за мир. Мы – то слово, тот Логос, в котором он высказывается, и только от нас зависит – богохульствует мир или молится... Только через нас космос, как продолжение нашего тела, может воспринимать благодать».

Владимир Лосский

Однако такая ответственность для человека, осознающего ее, – тяжкий груз, нести его, пусть даже и неосознанно, способны только выраженные «интерналы» («жизнестойкие дети»). Погружаться в самого себя, потихоньку растворяя свою личную ответственность в коллективном бессознательном с помощью наркотиков, гораздо *проще*, чем преодолевать фетиши внешнего мира, включая их, как и себя самого, в очищающий и просветляющий поток – целостное мировоззрение.

Мы снова, как и в предыдущих книгах, сталкиваемся с *потребностью в простоте* как с главным способом подмены метафизической потребности.

МЕЖДУ ЛОГОСОМ И ХАОСОМ

Идентификация человека с объектами окружающей его действительности – вот то, с чем боролась «психоделическая революция». Джон Лилли называл «зависимость» человека от реального мира «первичной» или «ложной» программой человеческого «биокомпьютера». Ее и нужно было «стереть» с помощью LSD. «Открыв» человеческое сознание и сделав его носителя «гипервнушаемым», в него надлежало ввести «новые» программы.

Какие именно – Лилли в точности не указал. Он предположил лишь, что создать такую новую «программу» должен был для себя сам «психонавт».

309

Задача была невыполнима в принципе.

Человек в своей безумной попытке развоплотиться – выйти за границы своего «Я» или, наоборот, максимально «спрятать» его под масками – неминуемо *теряет точку отсчета*, а значит, и саму возможность анализа происходящего.

Внутренний мир человека оказывается в постоянном брожении раздробленных частиц гибнущей личности. *Это хаос, нуждающийся в Логосе – организующем начале*. Но что, какая инстанция выступит в этой роли?

Произойдет вот что. *Метод познания* (механизм, посредством которого в хаос вносится определенный порядок, – в этой роли теперь выступает химическое вещество) *превратится в самоцель*.

Из внешнего мира в «открытое» наркотиком сознание не поступит ровно ничего, никаких принципиально новых сигналов. И сознанию придется удовольствоваться не чем иным, как самим собою. А познавательных объектов (то есть «действительностей») окажется никак не меньше, чем образов в структуре самого галлюцинаторного переживания.

И все они окажутся равноценными.

Таким образом, произойдет глубочайшая онтологическая ошибка: искаженное сознание примет *метод познания за сам объект*, а следовательно, подлинной реальностью, *бытием* в восприятии «психонавта» станет... *небытие*.

Небытие, применимо к рассматриваемой ситуации, равнозначно всебытию; в сущности, это одно и то же.

И то и другое – мир плавающих, равноценных иллюзий, лишенных какой бы то ни было точки отсчета на шкале актуальной реальности. Небытие является предельным выражением эгосистолы; всебытие – соответственно – эгодиа-столы.

В памяти сразу же появляются ассоциации с христианскими текстами.

«...поработивший себя злу пребывает как бы в небытии».

Святой Григорий Нисский

Чем представления о зле из святоотеческих писаний отличаются от только что описанных представлений о диссоциации личности?

310

По всей видимости, тем, что в нашем сознании наркотик – это химическое вещество, а стало быть, начало неодушевленное, лишенное способности проявлять собственную волю.

Между тем как зло (та же «чертовщина» синхронистичности), как принято у нас считать, начало одушевленное, имеющее собственную волю и «посещающее» человека по своему собственному желанию.

Но это не верно!

Православие содержит иное учение о природе зла. Начиная с III века нашей эры отцы церкви расценивали взгляд на носителя зла как на некое со-вечное Богу, имеющее качество личности, но иноприродное, злое начало – как гностическую и манихейскую *ересь*.

Митрополит Сергей в начале XX века, характеризуя гностицизм, писал:

«...Гностики же искали философского познания, а так как откровенное учение о Боге непостижимом не давало конкретного материала для их построений, то недостающее гностики заполняли воображением, придавая безобразному бытию воображаемые чувственные образы. Получалась иногда грандиознейшая по своему размаху поэма, поражающая глубиной и красотой.

Но это была не истина, а воображение, «прелесть», обман и самообман».

Похоже, что само учение об олицетворенном зле было плодом... галлюцинаций воображения гностиков.

Один из немногих православно мыслящих публицистов сегодняшней России СВ. Николаев пишет:

«У Всеблагого, «единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым» нет и не может быть никакой сущностно самостоятельной контрпартии. Бог не создавал зла, точно так же, как не творил он и обусловленной грехом и потому неизбежной в мире сем, но онтологически всегда противостоит естественной смерти. Зло вначале возникло в результате мятежного отпадения от Творца ангела света, в гордыне возжелавшего стать Богом в своем самобытии и увлекшего за собой некоторых других ангелов. Но это отпадение не нарушило гармонически устроенного порядка ангельского «невидимого» мира, поскольку каждый из ангелов есть ограниченная самой собой природа, отдельный мир. Видимый же, органический мир, а вместе с ним и

311

весь тварный космос был поврежден только в результате грехопадения человека, соблазненного диавольским примером. Созданный по образу Божию и являющийся в силу этого центром и венцом Вселенной, наделенный Богом свободной волей, человек своим грехопадением повредил, нарушил все мироздание, внося в него возможность зла и смерти, то есть небытия.

По убеждению отцов, зло, хотя и обладает (по промыслительному попущению Божию) своей действительной силой в истории, не существует само по себе. Зло не есть природа, но состояние природы. Оно не существует, но

«присутствует», по мысли Псевдо-Дионисия Ареопагита. Оно только возможно. Оно – модально, не субстанциально (С. Булгаков). И потому зло никогда не абстрактно и не безлично, но обязательно персонифицировано. Нельзя сказать, что мир зол и несовершенен сам по себе. Он неустроен и поврежден исключительно в силу несовершенств и духовной поврежденности составляющих его свободных личностей. Иначе говоря, **зло представляет собой небытие, имеющее свою активность в человеческой воле и через нее привносимое в мир.**

...Зло может быть уподоблено раку, который, не имея собственной сущности, паразитирует не живой клетке, на организме, разрушая и умерщвляя их. Правда, в отличие от рака, зло заразительно: **чем дальше личность отстоит от Бога (который есть источник всякого бытия), тем больше возможность заражения злом, тем зло опасней»** (выделено мной. – А.Д.).

По мнению средневековых философов-схоластов, в своем падении бывший ангел света и преданные ему ангелы *отчасти* утратили свою бестелесную ангельскую природу, превратившись в материю. Но их материальность до конца *не обрела формы каких-либо существ.*

Писали еще, что та материальность как бы «разрезана между телесным» – то есть представляет собой лишь «злые частицы, а не злые существа». Очевидно, следуя за Демокритом, некоторые авторы полагали, что дьяволы-демоны состоят из «отдельных атомов огня».

В нашем мире Сатана не присутствует; наличествует лишь его замысел – *частички* его ненависти к миру.

Скатывание «Я» в бездну хаоса, растворение личности вследствие воздействия галлюциногенов можно легко вы-

312

разить одной фразой: *«Небытие души, имеющее свою активность в человеческой воле»...*

Схожие мысли, наверное, и позволили великому поэту Шарлю Бодлеру в уже упоминавшейся нами книге написать следующие слова:

«Я хочу определить и проанализировать нарвственное опустошение, причиняемое этой опасной и соблазнительной гимнастикой души (имеется в виду прием наркотиков. – А.Д.) – опустошение столь великое, опасность столь глубокую, что люди, которые выходят из борьбы, отделавшись лишь незначительными повреждениями, кажутся мне храбрецами, ускользнувшими из пещеры многоликого Протея, Орфеями, победившими преисподнюю. И пусть мой способ выражения принимают, если угодно, за преувеличенную метафору, но я должен признаться, что возбуждающие яды кажутся мне не только одним из самых страшных и действенных средств, которыми располагает Дух Тьмы для завлечения и покорения злосчастливого человечества, но и одним из самых удивительных *его воплощений*».

Любой наркотик-алкалоид представляет собой выделенную из химического состава растения специфическую молекулу – «*частицу*»... Ну чем не «*атом огня*»>>|

Естественно, ни средневековые европейские схоласты, ни святые отцы православия не знали ни наркотиков, ни языка научной химии. У них не было возможности прямой аналогии.

У нас она есть.

По мнению отцов церкви, «частицы» эти человек способен *добровольно* накапливать в себе, а накапливая, он способствует воплощению зла в собственном теле. И медленно гибнет – *растворяется, становится небытием.*

«...С тех пор явились во множестве неземные злобы, демоны, последователи злого царя – человекоубийцы, немощные, темные, зловещие призраки ночи, лжецы, дерзкие, наставники во грехах, бродяги, винопийцы, смехолюбцы, смехотворы, прорицатели, двуречивые, любители ссор, кровопийцы, преисподние, скрывающиеся, безстыдные, учителя волшебства. Они, проходя, манят и ненавидят тех, кто им отдается. Они вместе и ночь и свет, чтобы уловлять то явно, то обманом. Таково это воинство, таков и вождь!»

Святой Григорий Богослов

313

Обратите внимание, сколько знакомых нам человеческих ипостасей, «масок идентификации» упоминает святой Григорий. Именно они сегодня проникают в душу, растворяют ее, *«уловляя то явно, то обманом».* В том числе и посредством ложного знания.

Однако с этой точки зрения, именно «враг рода человеческого», не как частица, но как личность, виноват в отпадении человеческого рода от Творца. Дьявол в образе змия соблазнил Еву вкусить плод познания Добра и Зла...

Стоп!

По версии, приведенной в этой книге, «плод», который ела Ева, на самом деле был галлюциногенным грибом. Если предположить на минуту, что так оно и было, то можно совершенно по-новому понять предупреждение Книги Бытия.

Первородным грехом для человечества в этом случае явилось не прикосновение к познанию вообще, не способность человека мыслить независимо от Божьей воли, а совершенно особый «дионисический» род знания – рассмотрению которого посвящена вся эта книга.

Тот, **особый** род знания предназначен развоплотить, или «растворить», личность. Ведь именно личность – *носитель образа* Божьего, именно она, постигая себя и развиваясь, *должна в конечном итоге стать подобием* Бога. Познание же, внушенное змием, делает человека – раз-воплощенным, а, следовательно, абсолютно внушаемым. Образ больше не может стать подобием. Его душа открыта для злой воли.

В конечном итоге это есть наркотический «метод познания», приводящий «образ и подобие Бога» к хаосу – к *небытию во время бытия.*

Страдающая русская философская мысль с самого начала века прекрасно понимала последствия «метода познания», избранного цивилизацией:

«В стремлении к «познанию добра и зла» не было и не могло быть ничего дурного, – писал Г.В. Флоровский в

1920 году. – Падение состояло в том, что этой цели люди пожелали достигнуть не путем творческого подвига, свободного искания, жизненного Богослужения, **а магическим путем, механически:** «они в сущности захотели того, чтобы их жизнь и судьба определялись не ими самими, а внешними материальными причинами», и этим «унизили себя до

314

положения простых вещей мира», «подчинили свою душевную жизнь физическому закону механической причинности и, значит, ввели свой дух в общую цепь мировых вещей» (в кавычках Флоровский цитирует легендарного русского философа – В.С. Соловьева. – А.Д.).

Не в нарушении закона, а в суеверии – сущность грехопадения, в убеждении, что познание есть пассивное восприятие, а не творческий подвиг.

И искупление состояло не в чем ином, как именно в разрыве фаталистической сети причинных связей, в новом утверждении начала личного над вещным, в раскрытии вечной жизни, лежащей вне и над плоскостью стихийных сил» (выделено мной. – А.Д.).

Такое определение зла может привести нас к огромному количеству выводов, жизненно важных для отношения человека к миру.

Мы, например, говорили о том, что возврат века к языческому мышлению начался с попыток *растворить личную ответственность* в «мане» ответственности групповой. Следовательно, человеческая общность (племя, клан, группа или «класс») будет накапливать «атомы зла» с гораздо большей легкостью, чем индивидуальность.

Зло окажется «племенным» атрибутом (прием наркотиков – процесс тоже, по преимуществу, коллективный), а добро – уделом отдельной личности.

Доброта – дело интимное.

Читатель, знакомый с тем, что такое наркотик, прочтет следующий фрагмент из писаний святого Григория Богослова как имеющий к нему самое непосредственное отношение:

«Злобный враг демон для немощных измыслил... тысячи невидимых глазу жал смерти, часто под благовидною личиною скрывая жалкую пагубу, чтобы уловить противоборствующего; он также готовит гибельный конец людям, как уда в воде приносит **смерть рыбам, которые, желая жизни, но поглощая только собственную свою пагубу, неожиданно привлекают уду в свою внутренность.** И ко мне этот коварный, так как знал я, что он тьма, облекшись в прекрасную наружность, приступил в подобии света, в надежде, что и **я, возлюбивший добродетель, приближусь к пороку, когда и мой легкий ум увлечется в пагубу»** (разрядки мои. – А.Д.).

315

ОТДАЛЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПСИХОДЕЛИИ

Главное психологическое состояние нашего времени, очевидно, можно определить одним словом. Это слово – *разочарование.*

Надежды на чудо социального равенства и материального рая на Земле разорвались осколками социалистических переворотов. Надежда на оккультизм, спиритизм и национальную идею погибла вместе с не помещающейся в сознание жестокостью нацизма.

Процессы, происходящие сегодня в нашей, например, стране удивительно похожи на диссоциацию личности. Государство, как и личность, лишилось *главного*, своего чувства «Я» – системы идей, которая *объединяла* его жителей, точно так же, как самость объединяет разрозненные бессознательные архетипы.

Главным в стране, точно так же, как и в отдельной душе, может быть только религия. Но человек не хотел понимать этой простой истины, даже пройдя через ужасы «дионисических» тоталитарных режимов – культов.

Надежда на чудо в области общественных отношений породила свой тип несамостоятельности мышления – *зависимость* от «вождей». Человек тоталитарного общества, осознанно или бессознательно, *превращается в «экстернала».* Он как бы передавал себя, управление собственным поведением, принятие решений на откуп посторонней силе, которую называет «властью» или «государством».

Возможно, наиболее ярко среди мыслителей XX века описал такой тип мышления и, соответственно, его носителя идеолог движения «новых левых» Герберт Маркузе. Он назвал подобную личность *«одномерным человеком».* В книге с таким же названием он представил совершенно новый для истории характер взаимоотношения личности и общества, где последнее *полностью доминирует над отдельным человеческим сознанием.*

«Одномерность» – это неспособность отдельного человека вырваться за границы общественного мнения или принятой в обществе системы взглядов. В случае, если личность пытается трансцендентироваться, то есть выйти за принятые в данном обществе рамки мышления, она полностью разрушается (диссоциируется).

316

В результате воздействия «дионисического» давления общества одномерный человек перестает испытывать даже потребность в преодолении рамок социального дискурса. *Его полностью устраивает тот факт, что им управляют.* Он *хочет* этого. Он получает от этого удовольствие.

Однако рано или поздно наступает разочарование – выясняется, что коллективные нормы и запреты способны удовлетворить метафизическую потребность человека (вкупе, кстати, и с чисто материальной) лишь на весьма короткий срок. В отличие от лидеров Утопии из романа Хаксли «О, дивный новый мир!» реальные вожди тоталитарных обществ даже не задумываются о необходимости хотя бы иллюзорного удовлетворения потребности своих рабов в *духовности* – трансцендентном измерении души. Они боятся этой потребности, видя в любых ее проявлениях потенцию человеческой *самостоятельности.*

«Заветы вождей» быстро превращаются в *догму.* Социальная система для выживания своего заинтересована в стагнации духовного начала у членов социума. «Духовный застой», наоборот, создает у последних когнитивный диссонанс. Потребность в преображении себя и действительности только усиливается, вызывая смутную тревогу

и брожение умов, ищущих прорыва к трансцендентному – подлинному «Я». Люди начинают воспринимать социальные рамки как кастанедовские «глоссы», как главное препятствие на путях собственного становления (преображения).

Беда любых социальных революций в том, что, требуя от личности сужения *личного начала*, стремясь активизировать эгосистолическое влечение, они даже не пытаются, для равновесия, предоставить человеку *хотя бы иллюзорную* возможность для удовлетворения эгодиастолы. Тоталитаризм, боясь на самом деле развития «Я»-чувства, на всякий случай не хочет давать личности возможности развивать и свою рассудочную «Я»-концепцию.

Тоталитаризм всегда будет вызывать быстрое разочарование в себе не только потому, что является разновидностью «дионисического» наркотика и, естественно, опасается конкурентов, но и потому, что галлюциногены, в отличие от тоталитарной идеологии, способны давать чет ловеку *иллюзию трансцендентности – иллюзию развития «Я»-концепции*.

317

За всеми этими разочарованиями, а их можно подсчитывать до бесконечности – со времен Великой французской революции до наших дней, – *не последовало* разочарования в возможностях и непогрешимости человеческого разума.

Наоборот! Разочарование в догмах разума коллективного лишь перенесло тяжесть человеческой надежды на чудо преобразования на индивидуальный (собственный) рассудок. Уходя от «одномерных» коллективных ценностей, человечество незаметно для себя повторно «наступало на грабли» Декартовой религии непогрешимости *индивидуального* разума.

В 60-е годы создание «рая» ожидали не от вождей, но от LSD – «научного» лекарства, «пророки» которого обещали, что после его приема каждый испытает индивидуальное преобразование. На поверку очередной «земной рай» оказался тем же, чем и все предыдущие, – галлюцинацией воспаленного воображения.

С точки зрения истории разочарований человека в собственной самонадеянности, «психоделическая революция» имела отнюдь не меньшее, а во многих смыслах и большее значение, чем коммунистическая или фашистская.

Интенсивность поиска «открывающей сознание» отмычки была настолько велика, что предупреждающие голоса разума тонули в реве энтузиазма. Первые опыты LSD вселяли утерянную в ходе социальных революций надежду на возможность мгновенного преобразования.

Надежда вызывала интеллектуальную зависимость – человек метался между наркодилерами, «гуру» и «групповыми терапевтами»; между концертами рок-кумиров и выставками «кислотной» живописи.

Идентификация себя с «морем кислоты» к закату «психоделической революции» вызывала страх даже у «экстер-налов». Но запущенная LSD *интеллектуальная зависимость* продолжала развиваться по своим законам. Когнитивный диссонанс не ослабевал, вместе с ним не ослабевала потребность в *идентификации* себя с каким-либо другим фетишем из внешнего мира и достижении *идентичности* с ним («фанатизма»).

Но разочарование поджидало, увы, и на этом «фронте».

Можно было утешаться идентификацией «Я – *фанатик* «битлов». Но что делать, если шоу-бизнес производит

318

10 000 «битлов» в год и все они в одинаковых мини-юбках поют одну и ту же песню? Остается только одно – несколько часов быть «фанатом» одной «звезды», а следующие несколько – другой; порядок здесь не имеет значения.

Из структуры LSD-переживания в поп-культуру проник феномен отсутствия главного – равнозначности всех образов и предметов *как объектов для идентификации личности*. «Кислота» навязывала цвета и образы, но вместе с ними культура впитывала и «метод» галлюцинаций – существующую между галлюцинаторными объектами систему равнозначных отношений.

После революции хиппи иерархия ценностей (значимостей) культуры, ствол которой давным-давно пытались подпилить «дионисические» предшественники психоделии, рухнул окончательно.

Отдельным представителям нарождающейся психологии «массового сознания» стало все равно, с чем *временно идентифицировать* самого себя – с научными сенсациями, «магами», поп-звездами, священниками, художниками-однодневками или... собственным автомобилем.

Автор как-то услышал замечательный ответ на свой вопрос, обращенный к 16-летнему подростку:

— Кто такой Иисус Христос?

— Это буддист, снимавшийся в знаменитом телесериале, только я не помню в каком.

«Массовое сознание» оказалось «рыночным» вариантом дионисического социализма. Попытка придать духовную значимость любому (всем) объекту окружающего культурного пространства обернулась отсутствием смысла в каждом из них:

Как всегда, первым эта тенденция появилась в искусстве – главном зеркале стремлений коллективного бессознательного.

Сюрреалисты в своей безумной попытке уйти к символам и образам обезличенного бессознательного постепенно утрачивали смысл как своего движения, так и собственного творчества. Как сказал Марсель Дюшан: «Они звали зверя хаоса из бездны сновидений, и он улыбнулся им оскалом бессмыслицы». Сюрреализм как движение закончился, продемонстрировав, что искусство немислимо вне художника и его *личной* системы ценностей (значимостей).

319

Мысль Дюшана можно сформулировать по-другому – *за попыткой уйти от личного кроется пустота хаоса*.

С точки зрения мыслей, изложенных в предыдущей главе, вполне логичен тот факт, что искусство художников, считающих себя *прямыми* продолжателями сюрреализма – таких, как: Эрнст Фукс, Станислао Лепри или Х.Р. Гиггер, – превратилось в нескрываемое обращение к inferнальным образам смерти, насилия,

разврата и их владыки. Именно эти художники стали главными творцами откровенно сатанинской символики, определившей во многом облик поп-культуры. На картинах сюрреалистов новейшего времени царствует *развоплощение* – человеческие фигуры не просто искажены, они медленно скатываются в хаос – срастаются друг с другом в конгломераты кровотокающей плоти.

Быть может, *только* такое продолжение и могут найти попытки «дионисического» творчества, пытающегося отринуть «Я»-чувство – образ Бога в человеческой душе?

Но, кроме явных эпигонов, были и те, которые, на взгляд автора, наиболее последовательно отразили в своем творчестве не приемы, но *результат* стремления сюрреалистов и культуры в целом к пресловутому «открытию сознания».

«Водоразделом», знаменовавшим поворот культуры, снова стала «психоделическая революция». Первая выставка *концептуалистов* состоялась в 1969 году.

Времена психоделии резко изменили облик художественного творчества. Еще бы! Появился действенный *инструмент*, позволяющий *любому*, причем *без* всяких *мук творчества*, терзавших еще наивных сюрреалистов, – с помощью одной инъекции проникать в мир образов, сходный с миром полотен самого Сальвадора Дали.

Видение реальности изменилось. Человек, казалось бы, получил возможность *видеть* множество *равнозначных* для него реальностей, что оказалось аналогом отсутствия какой бы то ни было реальности вообще.

В результате произошел метафизический сдвиг – сама реальность, сам визуальный образ внешнего мира (объект творчества) во внутреннем видении художника стал утрачивать свою значимость. Многие художественные критики 60-х годов назвали этот феномен «*дематериализацией*» искусства.

320

На уровне личности (мы уже описывали этот феномен) – объект познания стал абсолютно неотличим от способа, метода познания. Так же как и, в сознании отдельного «психо-навта» – на модных полотнах количество реальностей соответствовало числу используемых художником технических приемов. Объект перестал иметь значение. Банка с томатным супом на полотнах Энди Уорхола несла ровно ту же смысловую нагрузку, что и портрет кинозвезды.

За разочарованием в духовных ценностях последовало разочарование в реальности.

Искусство стало воспевать бессмыслицу.

Подлинным бытием творчества стало небытие.

В небытии объект не существует как конкретный предмет нашей реальности. Он существует как некая непознанная потенциальность мира – загадочный атом, *плавающий в хаосе, не затронут Логосом*.

«Внешний вид произведений искусства не столь важен, – писал американский художник Сол Левитт. – *Если оно имеет материальную форму, оно может выглядеть как угодно*».

Искусство, возникшее после психоделических лет, было провозглашено эпохой «*Искусства – После – Объекта (Post – Object – Art)*».

Произошла трансформация «искусства образа» в «искусство концепции». В соответствии с этим произведения живописи, например, стали вмещать любые «обрывки» бывшего когда-то значимым для художника материального мира. Композиции включали в себя фрагменты фотографий, текстов, ксерокопий, телеграмм, цифр, графиков, схем, репродукций и т. д.

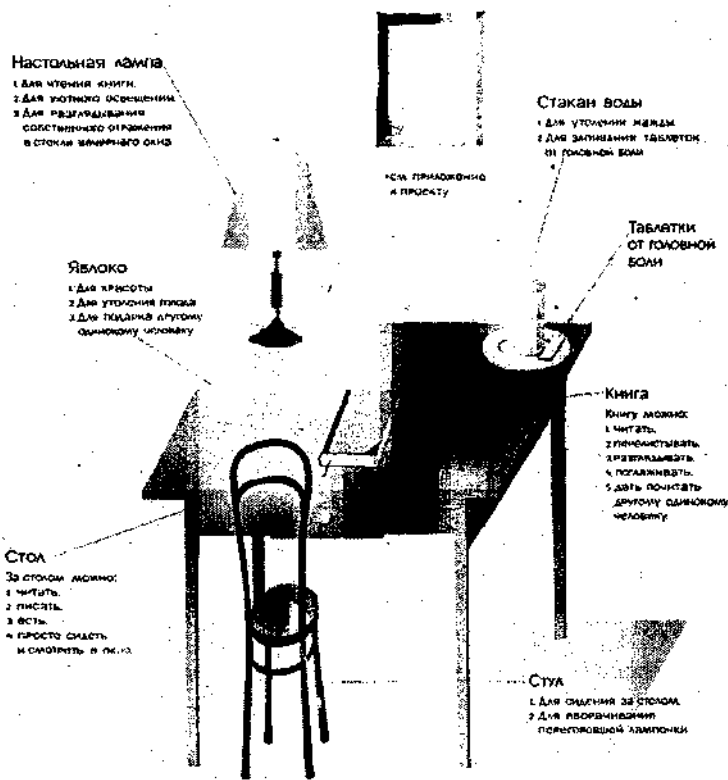
Их появление на полотне и сами эти полотна знаменовали уход от целостной *формы* произведения искусства, несущего единую значимость объекта восприятия, от *смысла* – к *методу* расположения неких объектов живописи в условном пространстве картины.

Художник в результате воздействия психоделической культуры, как ребенок, пытается восстановить обломки разбитой им мозаики, но не может этого сделать, не может вспомнить целого – изображения на мозаике до того, как она разбилась.

Примерно так же прошедший через диссоциацию личности в результате шизофрении или зависимости от LSD,

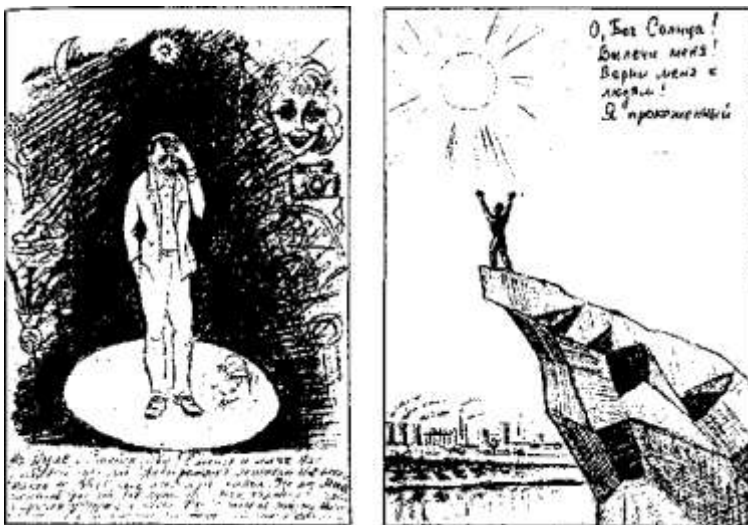
ПРОЕКТ

ПРЕДМЕТОВ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБИХОДА
ДЛЯ ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА

В. Пивоваров. Проект предметов повседневного обихода для одинокого человека. 1975
психически больной человек пытается собрать воедино осколки своей личности.

Разглядывая рисунки, больных шизофренией, можно ощутить потребность их авторов в поиске какой-то силы, которая сможет вновь *внушить* или привнести на полотно утраченный смысл, *ориентировать* в окружающей реальности и в собственной личности. Миры рисунков отражают хаос, тоскующий о возврате Творца – Логоса сознания.

Два рисунка больного Б.Р.Г. Приводятся по книге «Изобразительный язык больных шизофренией»

Авторы не могут (одни – в собственном воображении, другие – в плоскости своего болезненного способа переживания мира) отделить значимые элементы изображаемого от незначимых. Иерархии нет: все имеет одинаковое значение (или не имеет его вовсе); рисунок, картину невозможно оценить, а стало быть, невозможно и понять. Ведь *пониманием* мы называем такое расположение объектов и сопряжение их смыслов, которые не противоречат нашей внутренней иерархии значений.

Художникам, для того чтобы быть понятыми, приходится вносить в картину словесный комментарий. Без

него картина останется неспособной взаимодействовать со зрителем – как слепой без поводья.

Вот что стоит за кажущейся безобидной фразой о том, что объект искусства заменен методом. Концептуализм последовательно отразил на своих полотнах хаос, *вторгшийся в восприятие* мира вместе с эпидемией галлюциногенов.

Спиритизм и сюрреализм лишь мечтали об «открытии сознания».

LSD-25 открыл ящик Пандоры.

Концептуализм отразил *результаты* открытия сознания рукотворным «консервным ножом».

Итогом оказался хаос небытия.

Сюрреалисты своими «психическими автоматизмами» стремились уйти от личности, но создавали лишь *индивидуальные* образы хаоса. Их картины лишь предупреждали о его приближении. В большинстве их произведений существует единый образ, и он несет цельный смысл, имеющий непосредственное отношение к личности художника, пусть даже и к бессознательной ее части.

В произведениях концептуализма душа художника *раз-воплощается*. Даже сам творческий процесс концептуалисты часто характеризуют как «не-деяние».

«Мне бы хотелось, чтобы произведение искусства существовало в форме не-произведения... – писала художница-концептуалист Ява Хессе. – Моя основная задача – идти за пределы того, что я знаю и могу знать... То, от чего и куда я иду, представляет собой неизвестность. Как вещь, как объект оно примыкает к своей логической сути. Это – что-то, это – «ничто»».

Образ на полотнах концептуализма становится независимым от личности творца, а стало быть, утрачивает роль символа, который нуждается в творческом *понимании* зрителя.

Он больше не является результатом творческого усилия отдельной личности, не выражает ничего, кроме небытия. Но *небытием* его делает изначальная претензия на *всебытие*.

Он хочет превратиться в самодостаточное целое – из *объекта* пытается превратиться в *субъект*. Но и личностью образ стать, разумеется, не может, это – симуляция, всего лишь многомерная иллюзия..Реальный Папа Карло не мо-

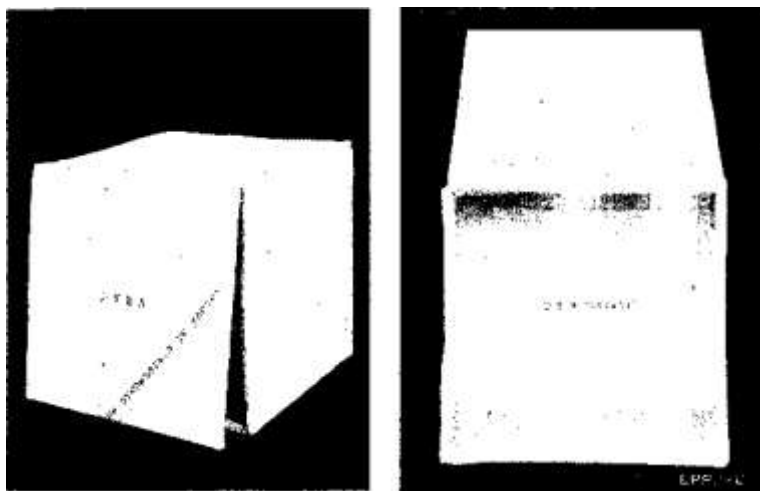
324

жет оживить Буратино, но может *заставить нас поверить* в то, что кукла является личностью, создав *миф* о ней.

С образом картины происходит буквально то же самое, что и с архетипом в психике диссоциированной личности, – он пытается присвоить «Я»-чувство, но не в состоянии этого сделать.

Быть может, точнее всего подобные ощущения передают «концептуальные объекты» художницы Риммы Герловиной. Возможно, они символизируют суть того, о чем написана вся эта книга.

Все очень просто:

Р. Герловиной. Два концептуальных объекта. «Душа». 1974

Мы живем в культуре «улетевшей души».

Ницше провозгласил эпоху гибели богов. Теоретики постмодернизма объявили «конец всякой философии» (Джозеф Ко шут). Конец философии означает конец любых попыток осознания *главного* в человеке и в реальности. Художница изобразила, что это значит на самом деле.

Для нашего века понятие образа имело решающее значение. Именно зрительный образ, впечатления зрительного восприятия стали в его ходе главной опорой в идентификации личности. Зрительные образы – «картинки»,

325

изображения – почему-то стали основным способом получения знаний о себе и мире в XX столетии. Если бы дело обстояло иначе, то ни небольшая группа сюрреалистов, ни кино с телевидением, ни «психоделическая революция» не произвели бы столь ошеломляющего влияния на культуру и психологию его жителей.

Задолго до «психоделической» в Америке произошла еще одна «революция» – это была «книжная революция» комиксов. Прimitивные книжки, выходявшие миллионными тиражами, можно было *не читать, а смотреть*. Именно они стали одним из первых симптомов *развоплощения* творческого начала в человеке,

возврата к первобытному мышлению, к языческому взгляду на мир и личность.

В седой древности человеческий язык отказался от письменности, в которой использовались «картинки»: символические *образы* – иероглифы, – в пользу текста, состоящего из *букв*.

Случайно ли это?

Как это ни странно, но буквы по сравнению с иероглифами *повышают степень человеческой свободы* (и ответственности). Буквы – это более высокая степень абстракции языка, чем визуальные образы.

Знаков в иероглифической письменности на несколько порядков больше, чем букв в алфавите, поэтому они в гораздо большей мере «программируют» как само бытие языка, так и человека, говорящего и читающего на нем.

Возможно, именно в силу этого народы, по сей день пользующиеся иероглифической письменностью – китайцы или японцы, – более других склонны к *коллективному мышлению*, созданию *групповых ценностей* и ритуалов.

Когда мы читаем книгу, перед нашими глазами проходят *буквы*, складываясь в предложения, абзацы, страницы. В нашем воображении параллельно возникают *образы*. Тот, кто писал ее, конечно, тоже видел их, но как-то по-другому, *по-своему*. Используя буквы, он оставил нам *творческую свободу видеть* своих героев сквозь призму уже нашей, читательской индивидуальности.

Такой свободы нет у читателя комиксов.

По И.П. Павлову, у человека имеются две «сигнальные системы», дешифрующие восприятие: «первая» – образная и «вторая» – словесная.

326

Творческий процесс, с этой точки зрения, не что иное, как непрерывный обмен сигналами между первой и второй сигнальными системами (в конечном счете между правым и левым полушариями головного мозга человека). Прочитанное слово вызывает поток образных ассоциаций, которые человек синтезирует в виде новых слов или понятий. Они, в свою очередь, вызывают более сложные образы... и так без конца.

Если какую-нибудь из фаз этого процесса сделать статичной: намертво закрепить условный рефлекс, привязать слова к *заранее заготовленным образным клише*, – общая динамика будет нарушена или, по крайней мере, застопорится.

Просмотреть фильм *проще*, чем прочесть его сценарий. Во время киносеанса мы в большинстве случаев избавлены от утомительного труда. Воображение просто «поедает» готовые, *навязанные* фильмом, образы. Общеизвестно и то, что хороший роман всегда лучше своей экранизации, что лишь подтверждает тезис: *слова дают гораздо больше свободы воображению*, чем готовые образы, созданные чужим и, зачастую, отнюдь не гениальным мышлением.

Правда, изображение откроет перед второй сигнальной системой возможность своего *анализа*, возможность оперирования чужими образами для создания *нового уровня понимания*. Но для этого необходима предпосылка: нужно, чтобы человек испытывал *потребность в анализе*....

Анализ немислим без существования «Я»-чувства – онтологической точки отсчета. Образ должен восприниматься *критически*, а критика возможна только при *наличии* индивидуальной точки зрения – *моего* особенного взгляда на мир...

Если «Я» находится в состоянии онтологической неуверенности, то получаемые «экстерналом» извне *готовые зрительные образы* неминуемо приобретут статус *навязанного воображения*. *Не сознающая собственного бытия личность будет воспринимать чужие фантазии машинально как свои собственные. Оперировать, мыслить она тоже будет не своими образами и идеями, а чужими...*

Мы описываем состояние идентичности, неминуемо ведущее к тотальному обесцениванию (инфляции) личности.

Присваивать чужие образы гораздо проще, чем мыслить самостоятельно. *Со-переживание, со-творчество* тре-

327

бует усилия, тогда как процесс «поглощения» готового образа – почти никакого. Особенно если воспринимать изображенное на экране без анализа, как нечто *равнозначное* окружающей реальности – как деревья, облака или автомобили.

Точно так же человек, находящийся внутри наркотического «трипа», переживает только то, что он видит. У него нет возможности выбора. Само воображение – это творческий акт, *галлюцинации воображения* – это *акт навязанный наркотиком или внешней средой*.

Более того, как мы видели на примере синхронистичности – галлюцинация и после прекращения действия наркотика способна навязывать человеку свою проекцию... События *внешнего мира* «психонавт» будет объяснять себе сквозь *призму увиденного внутри психоделического переживания*.

Конечно, для того, чтобы это произошло, «психонавт» должен быть личностью *онтологически неуверенной*. Тогда галлюцинация будет воспринята им как внушение – «новая» программа «биоко'мпьютера» личности.

Давайте теперь представим себе общественную ситуацию, в которой поток готовых зрительных образов (психологический наркотик) неиссякаем, а зрители, потребляющие этот поток, пребывают в состоянии перманентной онтологической неуверенности («экстернальности»).

Киногерои в таком обществе подменяют нравственный идеал, а любовь будет восприниматься только в контексте «мыльных опер». Сюжет фильма станет *готовым сценарием* собственной жизни зрителя! Те аспекты реальности, которые не будут совпадать с ходом киносернала, вообще выпадут из его восприятия, как несуществующие...

Почему, собственно, мы ведем описание в будущем времени?

Это и есть та самая духовная реальность, в которой мы существуем. Роман Виктора Пелевина «Generation «П» целиком посвящен неотличимости психоделических грез от воздействия на личность «готовых образов», поступающих из средств массовой информации. «Оранус» Пелевина и «виртуальный человек», о котором мы будем говорить ниже, – синонимы.

Опустошенность наших душ стала возможной благодаря «титаническим» усилиям века, направленным на пре-

328

одоление способности критически мыслить – на разрушение «Я»-чувства.

Психоделическая революция превратила *духовную тенденцию* в *психическую реальность*. LSD – это образ, *попытавшийся стать индивидуальностью*.

Точнее говоря – это образ, который человек попытался воспринять как независимую от себя сущность.

Сопереживание образам искусства в мире до LSD требовало участия двух равновеликих «Я» – субъекта творчества (художника) и объекта (зрителя). «Я» созидającego и «Я» понимающего (критического).

После психоделии образ начал подменять собой реальность. Реальность в мышлении «материалиста» воспринимается как аксиома. Галлюцинации для него становятся вариантом реальности просто потому, что органы чувств именно так ее воспринимают. Наблюдающее и анализирующее «Я» в этой ситуации становится ненужным. Зрительный образ в отсутствие *субъекта* восприятия пытается стать независимым, почти личностью.

Образ, как, впрочем, любая *вещь*, не может быть одушевленным. ***Предмет не может иметь отдельной от человека воли!***

Современная культура откровенно сомневается в этом. В 80-х годах одним из главных лозунгов рекламы компьютеров была фраза: «My computer likes me» – «Я нравлюсь моему компьютеру» (!). То ощущение, которое вызывало ужас у Бодлера в его гашишевых галлюцинациях – «трубка курит меня», – стало желанным чувством торговой цивилизации.

Но, несмотря на рекламное внушение, предмет все равно нельзя ни в чем обвинить. «Кислота» не может быть виновата в психоделии. Грибы или мак невозможно подозревать в наличии у *них* злого умысла по отношению к личности. Травы неповинны в человеческой глупости. Видимо, человеку очень хочется снять с себя ответственность, раз он объявляет вещь – инструмент – виновником *своих бед*.

Но человеку *онтологически неуверенному* найти виноватого *вне самого себя* просто необходимо. С начала века он бы не хотел брать на себя ответственность за изменение реальности и лелеял надежду на то, что рисованный мир «Супермена» *сам собой* сынет *равнозначен* миру повседневности.

329

Закономерное столкновение с галлюциногенами лишь *подтвердило* массовому бессознательному обоснованность таких ожиданий.

В галлюцинаторном пространстве мир фантазий неотличим от мира реального. Вероятность бегства в «иные реальности» превратилась в неоспоримый для материалиста *химический факт!* Тупик, в который зашла наркотическая психоделия, дал «зеленый свет» другим способам «открытия сознания», завершившимся открытием *виртуальности*.

Без опыта психоделии был бы немыслим не только концептуализм, но и такие связанные со свободным движением сознания *сквозь равнозначные реальности* феномены современной культуры, как «гиперлитература», современные спецэффекты в кино...

Ну и конечно, все те феномены, которые мы называем привычным словом «виртуальность», – виртуальная реальность компьютера, виртуальный монтаж, компоунинг, виртуальная музыка.

Компьютерная революция, колоссальный успех созданной Биллом Гейтсом операционной системы Windows, является не чем иным, как очередной победой комикса. Гейтс упростил восприятие, совершив на новом уровне очередной прорыв от *алфавита к иероглифу* – пиктограмме.

Именно переход от слова к картинке – готовому образу, который так легко подставить на место собственной мельчающей индивидуальности, позволил создать внутри компьютерных сетей целый игровой мир, представляющий, по сути, не что иное, как систему обмена такими же готовыми картинками – образами.

Виртуальный мир компьютера стал еще одной *материализацией* психоделического опыта восприятия равнозначных реальностей, с постепенной утратой чувства присутствия *главной* из них – реальности бытия.

В компьютерном пространстве, точно так же, как в эстетике постмодернизма, случайное изображение – *артефакт* – приобрело самодовлеющее значение, стал двойником действительности.

Артефакт – *случайный образ*, вытеснивший всю систему творческого воображения, – в виртуальной реальности превратился в фетиш, *подменяющий* личность. Процесс общения в Интернете происходит не между людьми, а между пиктограммами, ставшими субъектами общения.

330

Пиктограммы гораздо *проще*, чем человек. Подросткам, проводящим дни и ночи за компьютерами, гораздо проще общаться, пряча *себя за* пиктограммой, чем нести ответственность за общение с реальными людьми.

Человеку за компьютером кажется, что он свободно путешествует по новым виртуальным мирам. На самом деле он находится в мире чужих, жестко заданных и по преимуществу стандартных фантазий – осколков полностью обезличенного, «модного» воображения.

Бегство в *виртуальную* реальность – лишь разновидность влечения к эгосистоле. «Зависимость» от компьютера будет развиваться по схеме зависимости от LSD. И не только она одна...

Человек, задавленный потоком готовых образов и уже не верящий в существование самого себя, не станет мучительно искать пути к освобождению. Он будет пытаться затыкать «пробоины» своей истинной *потребности в творчестве* все теми же привычными заплатками из штампованных картинок. Возникнет когнитивный диссонанс. Личность превратится в наркомана – *пожирателя* кино-, теле-, шоу- и тому подобной продукции (вспомните для примера хотя бы фестивали «пожирателей рекламы»).

Уильям Блейк смертельно боялся стать «тем, что воспринимает». С помощью психоделии мы преодолели этот страх и *стали тем, что мы «воспринимаем», то есть... никем.*

«ОДНОМЕРНОСТЬ» И «ВИРТУАЛЬНОСТЬ»

Целью существования этого самого «никого» стала диссоциация – попытка *разменять* свое «Я» на разнообразные внешние образы и ощущения.

Фауст у Гете требовал от Сатаны *обмена* своей души на магические знания, на возвращенную молодость, он хотел вернуть себе вместе с ней чувство *целостности* – полноты бытия.

Мертвяще-холодная безжизненность рационального зна-ния, сбора предметов и фактов – эта тема гетевской трагедии давно уже стала очевидной для литературной критики.

«И кто больше всех знает, тот горше всех должен плакать, убедившись, что древо знания не есть древо жизни» –

331

так еще устами Манфреда был произнесен приговор европейской цивилизации, всецело опирающийся на Декартов культ разума.

XX век продемонстрировал, что Фаустова сделка со злом означает на самом деле. Люди создали из своего мира жуткую пародию на бессмертное творение Гете – они ежедневно пытаются обменять свою душу на то, что они считают магическими знаниями и предметами, на разноцветные «фантики» – иллюзии, *симуляции* реальности.

Употребление галлюциногенов привело массовое сознание к победе *видимости* (визуальности) над *содержанием*. Понятие внешней *формы* (оболочки, упаковки, *моды*) незаметно *подменило* понятие *смысла*.

Количество готовых форм, образов, теоретических концепций фальшивых реальностей-симуляций потенциально бесконечно. Удовлетворить с их помощью метафизическую потребность в понимании смысла жизни, в становлении собственного «Я» невозможно.

Однако столкновение с многообразием форм материальных иллюзий, которые предлагают «торговцы образами», запускает уже описанный нами механизм интеллектуальной зависимости.

Человеку кажется, что еще один комикс, еще одна «мистическая» брошюра, фильм, еще одна модная «шмотка», «стильная тусовка» или концерт поп «звезды» *откроют ему что-то важное*. Что-то такое, чего он не успел понять при предыдущем обмене заработанных денег на очередную симуляцию...

Человек не хочет верить в очевидное – в то, что за яркими формами готовых образов скрывается... ничто. **«Ничто ничтожит»...** Жизнь превращается в бессмысленную гонку за иллюзиями.

В 1976 году французский философ Жан Бодрийар написал книгу «Символический обмен и смерть», в которой подробно описал существование в мире «концептуальных» (несуществующих) ценностей.

Для одного из основателей философии постмодерна смысл жизни человека наших дней заключен в возможно более полном обмене самого себя на то, что мы называли «иллюзиями». Платон первым употребил по отношению к ним понятие «симуляция идеи», а Бодрийар использует еще более точный и образный термин – «симулякр».

332

По Бодрийару, в ходе такого обмена личность умирает, а сам процесс подмены индивидуальности симулякрами есть исходная форма *естественного* стремления человечества к тотальной духовной смерти – психологическому небытию. Более того, для Бодрийара состояние «общества постмодерна» – это социум *после конца света*, то есть после апокалипсиса.

Для него состояние сегодняшнего общества – это состояние *тотальной завершенности человеческих ценностей* – «странная смерть цивилизации».

Больше нет религии, производства, политического представительства, революционного движения, философии, искусства... Все феномены души и общества не разрушаются насильственно, но незаметно заменяются «симулякрами». «Симулякры» одерживают полную победу над реальностью, поскольку смогли навязать этому миру свою реальность и собственную модель времени:

«...Страшный суд уже происходит, уже окончательно свершился у нас на глазах – это зрелище нашей собственной кристаллизованной смерти.

Нашим апокалипсисом является само наступление виртуальности, которое и лишает нас реального события апокалипсиса».

Вот что получается, если следовать религиозной логике: если времена Сталина и Гитлера считать периодом правления Антихриста, а Бодрийар описывает наше время как время психологического Страшного суда, *то самим событием «виртуального апокалипсиса» нам придется считать 60-е годы времена пришествия «мессии LSD»...*

Но для французского философа это не трагический, а скорее... радостный факт. В своей более поздней книге «Иллюзия конца» Бодрийар предлагает даже... получать *удовольствие* от подобного оборота вещей:

«Наш апокалипсис – не реальный, а *виртуальный*. И он не в будущем, а имеет место «здесь и теперь»... Такое изменение знака катастрофы является исключительной привилегией нашей эпохи. *Это растворяет всякую нашу ответственность на сей счет. Конец всякому психозу предувствий, довольно паники, довольно мучений совести! Утраченный объект остался позади. Мы умерли, а потому свободны от Страшного суда»* (курсив мой. – А.Д.).

333

Радость Бодрийара – это то же самое, что и перечень «удовольствий» Тимоти Лири. Только в наши дни эти «удовольствия» перестали быть достоянием «узкого круга революционеров» от психоделии – их *вынуждено* испытывать все человечество...

Так и хочется переиначить общеизвестную в нашей стране фразу: «Господа! «Психоделическая революция» совершилась!»

Если Маркузе считал «одномерного человека» обманутым, *но еще живым*, то Бодрийар человека времен постмодерна – нас с вами – радостно определяет как... *живой труп*.

Исторический водораздел между «одномерным человеком» и «виртуальным (мертвым) человеком» проходит через десятилетия массового увлечения психоделией.

«**Одномерный человек**» путает личную реальность с реальностью *социальной*, переносит ответственность с себя на коллектив или общество. Но он «запрограммирован» только в «одном измерении» – в системе отношений «Я – общество»

Он сохраняет некоторую свободу – вспомните хотя бы знаменитые «посиделки на кухнях» 70-х годов! «Одномерный человек» ощущал социальное давление и пытался ему сопротивляться. «На кухне» он мог пользоваться своим воображением – *в своих мечтах он был всемогущ и свободен.*

«**Виртуальный человек**» путает уже не только личное с общественным. Он «путает» личное с любыми факторами и предметами окружающего мира. *Он превращается в то, что в данный момент воспринимает.* Такая личность теряет то главное, что еще сохранялось у «одномерного человека», – саму *потребность сопротивляться внушению.* У нее нет больше даже *мечты* о свободе.

«Виртуальный человек» – это абсолютно новый тип человеческого бытия. Ему просто не нужны такие понятия, как «свобода» и «достоинство». Если он и пользуется ими, то только временно, как очередным «симуляк-ром» – концепцией, используемой для достижения сиюминутных целей («Вы ограничиваете мою свободу», – говорит наркоман врачу, для того чтобы прекратить лечение и вернуться к наркотику – выбранной им форме рабской несвободы).

334

Действительно, о какой свободе или несвободе можно говорить в ситуации отсутствия «Я»? Личность, которая является тем, что ей внушили, будет испытывать постоянную потребность в новом внушении.

Когда случится конец света?

«**Итак, когда увидите мерзость запустения...**» – сообщает Христос об одном из признаков приближающегося апокалипсиса (Мф. 24, 15). Принято считать, что Он говорит о реальном Иерусалиме. Что, если Он имеет в виду «мерзость запустения» Иерусалима наших душ?

Старшее поколение жителей нашей страны воспитывалось с ощущением *главного* в своей душе. Было ли это *главное*, внушавшееся нам идеологией социализма, истинным или ложным – вопрос, выходящий за рамки этой книги. Но *главное* ощущение – *чувство осмысленности собственной жизни*, отдаваемой за то, чтобы будущие поколения жили в «земном раю» коммунизма, – все-таки было!

Сегодня молодой человек живет в мире равнозначных и иллюзорных ценностей. Он не в состоянии ощутить иерархию идей и объектов этого мира.

И это совершенно иная, абсолютно незнакомая нам психология. *Наша постоянная ошибка заключается в том, что если мы пытаемся учить или лечить «виртуального» человека, то исходим из того, что главное – любовь к семье, совесть или хотя бы стремление сделать карьеру – у него есть.*

Но это не так. Он стремится только получать и потреблять.

Поломка компьютера у современного подростка вызывает шок, сравнимый разве что с синдромом отмены наркотика. Молодой человек без компьютера теряет непослушный инструмент для работы – он теряет *себя*, свой отлаженный способ бегства от реальности.

Мир компьютеров стал вторгнувшимся в реальность доказательством *равнозначности (иллюзорности)*, которая изначально заложена в рассудочном знании вообще. В виртуальном мире Интернета доступна практически любая интеллектуальная информация. Но ее *значимость* определяется только *количеством* битов (единиц информации), которые соответствующие сведения занимают в «памяти» (на дисках) системы.

«Память» свободно покупается и продается (точно так же, как и услуги «web-дизайнеров» – людей, создающих

335

дополнительную иллюзию значимости с помощью рекламы). В результате *смысловая (иерархическая) значимость* информации для личности, сидящей у экрана компьютера, определяется количеством денег, которые захотел или смог потратить на распространение соответствующих знаний создатель сайта. *Смысл* существования информационного объекта и в этом случае незаметно подменяется *методом* расположения информации в виртуальном пространстве.

Происходит это, конечно, только в том случае, если у потребителя интеллектуальной информации *нет* конкретной задачи, для выполнения которой он собирает информацию в Интернете, то есть *нет независимой* от компьютерной сети *иерархии значимостей.*

Зависимость человека от *инструмента* говорит о его онтологической неуверенности. Он пытается найти свое «Я», создавая иллюзорную идентичность своей души с виртуальным пространством. На самом деле результат попытки идентификации самого себя с вещью (инструментом) не зависит от степени сложности самой вещи. Идентичность человек – компьютер в экзистенциальном смысле ничем не будет отличаться от идентичности человек – молоток... Она неминуемо приведет к инфляции и диссоциации личности.

Объекты (духовные, эстетические, материальные или информационные) в этом мире равнозначны. Обладание ими или их познание больше не в состоянии придать жизни смысл.

Смыслом существования «виртуального человека» становится *непрестанная смена объектов* или то, что обычно мы называем *развлечением.*

Перед нами снова игра, главное правило которой – отсутствие постоянства. Развлекающиеся «игроки» конкурируют друг с другом за обладание временными ложными «Я» – «масками» личности.

Словарь Владимира Даля так толкует слово «развлечение»:

«Развлекать – рассеять, заставить забыть на время что-либо и заняться другим... отвлекаться умственно от одного предмета, внезапно переходя к иному; быть рассеянным и невнимательным, перескакивая думой с одного на другое...»

Для того чтобы отвлекаться, нужно иметь *от чего...* «Раз-влечение» подразумевает наличие основного *главного* «влечения» – Веры, Дела, Поиска Истины – того, что способно определить личность, придать ей основу, трансцендентность и уважение к главному в другом человеке. Путешествие по реальностям внутреннего космоса – ради **развлечения** – одно из главных «открытий» психоделии.

В конечном счете психоделия и виртуальность тоже оказываются понятиями равнозначными «дионисическими»... Только первое означает процесс, а второе – результат этого процесса.

Полная потеря иерархии ценностей в человеческой душе – виртуальный апокалипсис – в конечном итоге **радует** Ж. Бодрийара. *Подмена смысла жизни развлечением*, а содержания – формой, по его словам, «спасает человечество от подлинного разрушения, **освобождает от трагедии бытия**».

Словно предвидя эти утверждения Бодрийара, отец Сергей Булгаков за полвека до этого писал:

«Можно освободиться от трагедии, но только ценою своеобразного духовного паралича личности».

ЛИЧНОСТЬ И «ИНДИВИД»

Что же все-таки происходит с нами?

Мы *спасены* виртуальностью или *умираем* вместе с ее пришествием?

Как описать психологию «нового» человека виртуальных времен?

Вот материал из статьи «Череп для дьявола», опубликованный в одной из самых популярных московских газет:

«В Алма-Ате в самом разгаре громкий судебный процесс. Бывшие медики, а ныне подсудимые, Евгений Турочкин и Михаил Вершинин, вспарывали животы и отрезали головы, а их приятель, Сергей Копай, варил черепа в ведре. Затем обрабатывал специальным раствором и продавал черным магам...

Из протокола допроса:

« – Кому пришла в голову такая мысль?

– Это была моя идея. Черепа оказались ходовым товаром.

— Как вы это делали?

— Варил черепа прямо на кухне, в хозяйственном ведре. Потом полировал и продавал черным магам за тысячу долларов. Остатки женских тел выносил на помойку. Ко мне неоднократно обращались люди с необычными просьбами. Кто просил черепа, кто свежую кровь...»

У них было все наготове: скальпели, ножницы, хирургические шприцы... Манипуляции со скальпелем и хирургической пилой проводились хладнокровно. Ванная комната превратилась в лабораторию по расчленению трупов.

Монстры вошли в раж. Убийство двадцатилетней девушки изуверы записали на видеокассету и планировали продать за большие деньги.

Во время следственного эксперимента кассету показали сестре пострадавшей... Видеофильм лишил последней надежды: «Жуткие кадры. Когда я увидела, как зарезали сестру, а потом расчленили, испытала шок, от которого до сих пор в себя прийти не могу».

В СИЗО один из конвоиров спросил Копая, зачем он убивал. На что последовал ответ: «Они все равно твари...» (курсив мой. – А.Д.).

Что это такое?

Безумие, как считает автор статьи, или *нормальное* проявление жизнедеятельности «виртуального человека», воспринимающего *другого* как вещь?

Возможно, это и есть цена «*освобождения от трагедии*»?

Случайно или неслучайно изнанкой виртуальности постоянно становятся наркотики, «черные маги» и сатанинские секты?

Дать ответ на эти вопросы возможно, исходя лишь из целостного мировоззрения – онтологически ясного взгляда человека на мир. В лице Ж. Бодрийара французский структурализм объявил, что виртуальность – *это хорошо*, так как не случится истинного конца света. Его утверждение можно заменить другим: «*Мы все уже сошли с ума... и это хорошо, так как истинного безумия с людьми уже случиться не может*».

Другой французский философ – теоретик постмодернизма Жиль Липовецки – в своей знаменитой книге «Эра пустоты» для описания человеком времен отсутствия главного пользуется фрейдовским термином «нарциссизм». Как

помнит читатель, впервые, задолго до Фрейда, нарциссом Шарль Бодлер назвал потребителя гашиша – галлюциногенной формы марихуаны.

Нарцисс – герой древнегреческого мифа, влюбившийся в собственное изображение и осужденный за это богами Олимпа.

Фрейд разделял «первичный нарциссизм», возникающий в раннем периоде детства, когда половая энергия ребенка (либидо) обращена полностью на самого себя, и «вторичный нарциссизм», который и имеет в виду Липовецки.

Вторичный нарциссизм, по Фрейду, – это изъятие человеком либидо от объектов внешнего мира и обращение его вновь на самого себя. Липовецки считает, что человек новейшего времени не способен выделить из равнозначных объектов и идей внешнего мира главные из-за их невероятного изобилия. На языке Фрейда это обозначает невозможность выбора объектов, которые заслуживают или не заслуживают нагрузки либидо – приложения внимания, интереса или любви.

По Липовецки, единственный способ самозащиты распадающегося «Я» от гибели – это вторичный нарциссизм – полная и окончательная влюбленность человека в самого себя. Обращение либидо взрослого на себя обозначает одновременно и полную отгороженность от внешнего мира. Внешние по отношению к «Я» люди и вещи оцениваются только через призму их способности или неспособности приносить удовольствие:

«Нарцисс запущен на орбиту. Неонарциссизму недостаточно нейтрализовать социальный мир, лишая его институты эмоционального значения; на этот раз обесценивается само «Я», оно теряет свою идентичность, причем, как ни парадоксально, благодаря своему сверхбогачеству (потенциально бесконечному количеству доступных объектов и идей. – А.Д.). Подобно тому, как общественная сфера эмоционально опустошается вследствие избытка информации, наше «Я» утрачивает свои ориентиры и свою целостность благодаря избытку внимания к себе самому: «Я» становится расплывчатым. Повсюду исчезает весомая реальность...»

Именно распад этого «Я» вырабатывает новую разрешительную и гедонистическую этику: усилия больше не в моде; все, что является принуждением или жесткой дисциплиной,

339 »

обесценивается в пользу культа желаний и их немедленного удовлетворения...

Свободные ассоциации, творческая спонтанность и ненаправленность, наша культура самовыражения и наша идеология благополучия прощряют дисперсию в ущерб концентрации, временное вместо постоянного – все это работает на расчленение «Я», на уничтожение организованных и синтетических психических систем...

Конец эпохи воли совпадает с эпохой чистой индифферентности, с исчезновением великих целей и великих начинаний, ради которых можно пожертвовать жизнью: «все и немедленно», а не per aspera ad astra (через трудности к звездам – латинский афоризм. – А.Д.). «Чтоб вы лопнули», – подчас читаешь на стенах домов... Наше «Я» уже расчленено на отдельные тенденции в соответствии с процессом распада, взорвавшего общество, которое превратилось в персонализированные молекулы. И вялый социум является точной копией равнодушного «Я», наделенного недостаточно сильной волей, нового зомби, пронизанного и управляемого информацией.»

Но вот что интересно. С точки зрения Липовецки, все эти процессы имеют положительное, позитивное значение для человечества. Липовецки не видит ни того, что нарциссизм является изнанкой наркоза, ни того, что окружающие люди становятся для нарцисса вещами:

«Страсть нарцисса возникает не ради восстановления утраченной целостности, она не компенсирует отсутствие личности, а вырабатывает ее новый тип, новое сознание с его неопределенностью и колебаниями. Пусть наше «Я» становится как бы «плавающим пространством», не имеющим ни постоянного места, ни ориентиров. Пусть это резерв в чистом виде, приспособленный к неустойчивости своей собственной системы; такова функция нарциссизма, тонкого инструмента, постоянного обновления «пси» (психической энергии. – А.Д.), который необходим для постмодернистского экспериментирования.»

Очищая наше «Я» от сопротивляющихся постоянных факторов и стереотипов, нарциссизм делает возможной ассимиляцию моделей поведения, разработанных теми, кто занят проблемами нашего физического и душевного здоровья: вырабатывая «характер», приспособляющийся к современной ситуации, нарциссизм участвует в важ-

340

ной работе по научному управлению телами и душами людей».

Если вы вчитаетесь в последний абзац, то услышите знакомое воспевание скиннеровских методов внушения. Липовецки радуется тому, что мир, состоящий из нарциссов, будет поддаваться «научному управлению» со стороны свободной от нарциссизма элиты. Внимательному читателю нашей книги будет понятно, что «нарциссизм» Липовецки на самом деле является одним из наиболее частых проявлений *эгосистического влечения «Я»* (в сущности, вариантом «понижения порога сознания»).

Личность прячется от равнозначности мира в самое себя, резко ограничивая тем самым способность своего восприятия реальности. Предельная самовлюбленность заставляет человека окончательно ослепнуть и оглохнуть по отношению к другому. Липовецки, постулируя нарциссизм как главную, единственную и положительную характеристику новейшего человека, как бы полностью лишает нас права на метафизическую потребность и эгодиасто-лу – расширение своего «Я», достижение цельности и мудрости.

Липовецки понимает пустоту точно так же, как понимал ее основатель микропсихоанализа Сильвано Фанти. Для них обоих пустота – это энергия, создающая нового человека и новое общество.

В отличие от французской философии свободная русская мысль XX века всегда воспринимала происходящее с нами, опустошенность наших душ как **трагедию**.

Русские религиозные философы различали понятия «личность» и «индивидуальность», то есть понятия, которые часто употребляют как синонимы.

В 1953 году И.А. Ильин выпустил в Париже свою пророческую книгу «Аксиомы религиозного опыта». Это замечательное исследование вышло в свет незадолго до начала «психоделической революции». Философ как будто пытается предупредить о чем-то...

«...Объясняется еще целый ряд явлений религиозного вырождения, как личных, так и социальных, из коих некоторые обычно совсем не осмысливаются как религи-озные.»

Таково явление человеческого **аутизма**. Под аутизмом разумеется такая жизненная установка человека, при кото-

341

рой он считает **себя** и **свои** настроения, потребности, вкусы, удовольствия, удачи, неприятности – **важнейшим делом жизни, мерилom всяческой ценности**. Бессознательно, в силу *неодоухотворенного инстинкта самосохранения* (выделено мной. – А.Д.), – такая установка присуща огромному большинству людей»...

Обратите внимание – Ильин пользуется психиатрическим термином «аутизм» для обозначения того же состояния души, которое Липовецки именует нарциссизмом. Для некоторых направлений современной психиатрии, в частности психиатрии советской, слова «аутизм» и «безумие» являются полными синонимами.

В этой книге мы еще не описывали способы самозащиты «растворяющегося», онтологически неуверенного «Я». За что оно может ухватиться?

Только за самого себя.

Такое «Я» должно будет войти в состояние эгосисто-лы, исключив для себя любую возможность для трансценденции. Человек должен запретить себе слова «Любовь», «Вера» (даже «Доверие»), «Мечта» и «Смысл»; заглушить в себе малейшие проблески романтики.

«Спрятавшееся» «Я» будет все время бояться, что другие проведут о его ничтожестве и унижат его еще больше. Центром его жизни станет желание самосохранения, и только оно одно.

Для самоопределения такой человек будет использовать фальшивые ценности – «симулякры». Говоря другими словами, он будет испытывать постоянную зависимость от собственных развлечений.

Существование *других «Я»* просто не будет приниматься им в расчет; они же – *вещи, а вещь можно использовать в своих интересах, можно делать с ней все, что угодно...*

Все взаимоотношения «виртуального человека» с другими сведутся к попыткам манипулировать ими.

Подобную человеческую конструкцию, конечно, трудно называть *личностью*. Ее место заняла конструкция, которую русская христианская философия именовала «индивидом».

«Личность не тождественна индивидууму... человек может иметь яркую индивидуальность и не иметь личности, если он не способен... к тому усилию, которое требует

342

реализация личности... личность предполагает существование сверхличного. Личности нет, если нет ничего выше личного. Тогда личность лишается своего ценностного содержания».

Николай Бердяев

Очевидно, чтобы всего этого не произошло, человек обязан когда-то осознать, что то, что дано человеку Богом, опасно растрчивать попусту. С точки зрения святых отцов христианства, и прежде всего святых каппадокийцев Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского, сама характеристика человека как *образа* и *подобия* Божьего состоит из двух частей.

Образ Божий в человеке есть данность; есть дар, достаемый человеку по праву рождения.

«Если будешь низко думать о себе, то напомню тебе, что ты – Христова Тварь, Христово дыхание, Христова честная часть, а потому вместе и небесный, и земной, присно-памятное творение. Ты – созданный Бог, через Христово страдание идущий в нетленную славу».

Святой Григорий Богослов

Однако одного дара мало; он нуждается в развитии.

«Тема человека вложена в него Богом, а задача человеческого творчества – осуществление и развитие этой темы. Человек призван быть со-творцом мира».

Протоиерей Сергей Булгаков

Индивидуальность – это образ Бога – заданность – генетика в привычной для нас терминологии.

Личность – это подобие Бога – духовное развитие – творчество – осмысленность мира.

Человек свободен. Насильно никто не заставит его развивать себя, свою душу во имя благодатного единения с Божественной жизнью. Бог вечно хочет нашей встречи и объединения. Но объединение предполагает устремленность двух волей навстречу друг другу. Встреча с Богом не может совершаться в одностороннем порядке, не может быть насильственной.

343

«Одна воля – в творении, но две – в обожении; одна воля – для создания образа, но две – для того, чтобы образ стал подобием».

Владимир Лосский

Если личность не формируется, то ее место занимает инфантильный «индивид».

Индивидуальность, не признавая наличия Божественного огня, не может определить и почувствовать себя. «Аутист», «нарцисс» или «индивид» и есть онтологически неуверенная, незрелая личность, из чувства самосохранения старающаяся доказать себе самой, что она и есть центр мироздания, что она сама способна «разобраться в себе».

Для того чтобы индивидуальность стала личностью, ей необходимо творчество – осознание и создание собственного мира. Она должна найти собственный смысл – собственный путь уподобления Богу. Только в этом заключена тайна ее свободы.

«Цель свободы... в том, чтобы добро действительно принадлежало тому, кто его избирает. Бог не хочет оставаться собственником созданного им добра. Он ждет от человека большего, чем чисто природной слепой причастности. Он хочет, чтобы человек сознательно воспринял свою природу, чтобы он владел ею – как добром – свободно, чтобы он с благодарностью принимал жизнь и Вселенную, как дары Божественной любви».

Владимир Лосский

В отсутствие творчества индивидуальность будет лишь пытаться найти все новые и новые «симулякры» –

маски и барьеры, прячущие ее от реальности.

То, что Ж. Бодрийар описывает как «виртуальность», И.А. Ильин называет «*властью пошлости*». Возможно, именно это знакомое русское слово наиболее полно воплощает весь спектр проблем виртуальной эпохи:

«Естественно и неизбежно, что там, где исключены высокие интересы, там мелкие обращаются в крупные, и где нет предметных – царят беспредметные. И вот именно сосредоточенность на своем личном, взятом не из главна-го, но превращенном в «главное» и не возводящем душу к главному (к Богу!), составляет сущность **религиозно-мерт-**

344

вящего себялюбия, того **пошлага эгоизма**, от которого вырождаются люди и гибнут общества. Черствый эгоизм не просто «нравственно-предосудителен» и жизненно-скуден; он **духовно-разрушителен**. Это не тот «истинный эгоизм», который Аристотель оправдывал как стремление «присвоить себе все прекрасное», то есть обогатить свой дух всем Божественным, " доступным человеку... Но эгоизм пошлости, духовной слепоты, страха, жадности и неспособности к любви. Ибо такой эгоизм растрчивает личную духовность, упускает священную природу жизни и смерти и теряет Бога».

Носителем пошлости для Ильина и является «индивид» – «виртуальный человек». Интересно, что, характеризуя этот грядущий человеческий тип, Ильин использует, кроме *аутизма*, понятие очень близкое по значению слову «виртуальность» – *релятивность*:

«Воспринимающий предметы **«не-по-главному»** переживает все поверхностно, легковесно, беспечно. Он берет все – мелким чувством, легкой мыслью, нецельным, капризным желанием. Его жизнь слагается из усмешек и прихотей. У него все ведет к пустому слову и праздному, безответственному делу. Он никогда и ни в чем не целен; ничего не любит глубоко, насмерть; ни с чем не связывает себя окончательно. У него нет **последних** вопросов и **последних** ответов. Он не знает духовной необходимости, священных пределов, судьбоносных решений. Он человек «многих возможностей», иногда – прямо противоположных друг другу: он всегда «может» – «так», и «иначе», и «еще иначе», в зависимости от расчета и приятности. Для него все «относительно»: он **релятивист**. И – ничто не окончательно и не безусловно: он, по существу, – **нигилист**. Поэтому самое бытие его – недостоверно и эфемерно: юный Гоголь называл таких людей «существователями», а позднее – «мертвыми душами». Такие люди – «не существенны», и все для них эфемерно и несущественно, как и они сами. Для них все несерьезно, все забава и развлечение; ничто не свято, ничто не неприкосновенно. *Все для них предмет иронии и насмешки; или же – предмет пользы и использования*» (курсив мой. – А.Д.).

Если для собственной пользы нужно вываривать черепа убитых девушек, то у такого «индивида» («аутиста», «реля-

345

тивиста», «виртуального человека», «нарцисса» или даже последовательного материалиста) не существует *внутренних причин не делать этого...*

Превращение личности в «индивид» делает *душевную болезнь и нормальное состояние души* (которое наука понимает лишь как способность личности принимать и разделять социальные нормы и ценности) почти неотличимыми друг от друга.

Многие думающие психиатры скажут вам, что современный мир – это мир больных шизофренией, но почти никто из них не сможет объяснить, *почему* он так считает. Врачи чувствуют, что происходящие в культуре духовные процессы удивительно схожи с шизофренической (или «кислотной») *диссоциацией личности*.

«Не в науке, конечно, зло и не в цивилизации, а в той *вере в себя*, которая отменяет веру в Бога и в Божественный нравственный закон, – писал И.С. Аксаков 80 лет назад. – Цивилизация и знания сами по себе не застраховывают человечество от одичания и зверства... Цивилизация сама по себе, вне нравственного идеала, не ею порожденного и *от нее независимого*, бессильна дать бытию *ту основу*, без которой немислимо самое его существование» (курсив мой. – А.Д.).

Предупреждения православных мыслителей не случайно *стали актуальными* в тот момент истории, когда дело дошло до галлюцинаций LSD. «Виртуальность», понимаемая в самом широком смысле этого слова, есть симптом того, что человеческое бытие полностью оторвалось от своих нравственных основ.

Дело в том, что *личности* (интернальной по определению) наркотик не нужен. Для цельного (не «зародышевого») человека величайшим удовольствием будет самостоятельное жизнеделание, понимаемое сколь угодно широко, познание Бога, а через Него – самого себя и другого человека.

Воздействие любого психоактивного вещества, любого внушения *личность* будет воспринимать как насилие над собственным разумом и душой. В худшем случае, она будет пытаться использовать наркотик как *один из инструментов* познания, но обязательно отшатнется от него, интуитивно почувствовав *угрозу развоплощения* (именно так православные мыслители называют тот феномен, ко-

346

торый мы имеем в виду под термином «диссоциация» личности).

Именно разницей между личностью и не-личностью (онтологической уверенностью и неуверенностью) и будет определяться отношение человека к приему галлюциногенов.

Для «индивида» («нарцисса») же, напротив, наркотик – простейшее средство достижения идентификации, мгновенно превращающейся в нарциссическую идентичность. Психоактивное вещество проведет селекцию восприятия, как бы устранив из сознания все то, что, поступая извне, Ч напоминает о необходимости принимать решения.

Наркотики позволяют на время заглушить в *душе боль* бессилия перед лицом бессмысленности собственного существования. *Боль души* – это не что иное, как искра Божья, которая, ни на минуту не угасая, требует от человека развития, не дает ему уснуть, тревожит и вызывает депрессию.

Здесь мы сталкиваемся с одной из интимнейших тайн человеческой личности; но здесь же, возможно, и

кроется ответ на вопрос: а что же *все-таки главное* в человеке? Для христианина, во всяком случае, подлинной основой, ядром, «завязью» личности является... *страдание*.

Человек изначально грешен. В некий неуловимый момент своего бытия он совершил первородный грех, вкусив яблоко (гриб?) некоей небожественной формы познания со вселенского Древа добра и зла. С той поры человек появляется на свет обличенный в собственной греховности. Он не всегда способен выразить это чувство словами, но оно всегда присутствует в нем *как основа личности*.

ПСИХОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ

Смысл человеческой жизни, в рамках христианского мировоззрения, можно определить как постижение причин индивидуального страдания (греховности) и их преодоление с помощью *понимания*.

Эта мысль кажется абсолютно заоблачной с точки зрения медицины. Ее цель – преодоление страдания с помощью рукотворных мер и химических веществ.

Не только медицина, но и вся современная европейская цивилизация несет на своих транспарантах лозунг

347

преодоления страдания – трагизма человеческого бытия. Почему же тогда результатом усилий цивилизации XX века является немыслимое ранее нарастание человеческих страданий?

Мы забываем, наверное, что не всякое страдание нуждается в лечении. Порой только оно одно и способно вернуть *человека к себе самому*, напомнив о том, кем, собственно, и для чего он задумывался как лучшая и главная часть природы и космоса.

Укорененный в христианстве, взгляд этот кажется непривычным. Но и психоаналитические учения, лежащие в основе современной науки о душе, выражали на своем языке практически то же.

Для Фрейда, например, «Я» – является... неврозом (страданием), связанным с невозможностью реализации полового влечения. Юнг же считал, что личность формируется благодаря «тени» – страдающей, «темной» части бессознательного.

Полнее других подобный взгляд на личность выразил Альфред Адлер. Исходя из главного тезиса его «индивидуальной психологии», личность развивается на основе первичного «комплекса неполноценности», которому соответствует «чувство неполноценности».

Привычный перевод адлеровского понятия «Minder-wertigkeitskomplex» – «комплекс неполноценности» – не совсем верен. Сплавленное из нескольких немецких слов, понятие это на самом деле не несет в себе того оттенка пренебрежительности, что связан у нас со словом «неполноценность».

Более точно следовало бы перевести как «комплекс пониженного достоинства» или «комплекс неполноты»; возможно, идею Адлера достаточно адекватно передает и такое словосочетание, как «комплекс *недостаточности*».

По Адлеру, в чувстве «*недостаточность личности*», определяющем первичность *ее страдания*, заключена энергия, *формирующая человеческую индивидуальность*. Личность формируется за счет потребности в преодолении *трагического чувства недостаточности*.

Многие профессионалы считают: главное открытие Адлера заключается в том, что ощущение собственной неполноты, недостаточности, несовершенства есть *нормальное* человеческое чувство.

348

«Быть человеком – значит ощущать свою недостаточность».

Альфред Адлер

Потребность в преодолении недостаточности Адлер называет «*потребностью в завершенности*». Если вдуматься, то этот термин, весьма частый в ранних адлеровских работах, является синонимом того самого понятия, которое в настоящей книге звучало как «потребность в преобразении».

Впрочем, сам Адлер вскоре отошел от этого термина, оперируя в дальнейшем понятием «Streben nach Macht», которое у нас переводили то как «стремление к силе», то как «стремление к власти».

В своих поздних работах именно эту потребность Адлер называет ведущей потребностью личности. Сама терминология ученого вызывала ожесточенные споры как среди его последователей, так и противников. Одни трактовали термин как *потребность в преобладании* – стремление человека к господству над другими людьми. Другие утверждали, что Адлер имел в виду *потребность в завершенности* – овладении всем конгломератом окружающих человека жизненных обстоятельств и понимание им ограниченности собственных возможностей.

Этот спор легко разрешим, если исходить из христианского взгляда на личность. Адлер был последовательным материалистом. Различие между личностью, имеющей опору в трансцендентном, и «индивидом» («аутистом», по И.А. Ильину) не имело для него никакого принципиального значения.

Вместе с тем для *христианской личности*, которая от рождения полагает *другого равным себе* или превышающим себя, не может существовать *потребности в преобладании*. Поступками такого человека будет руководить *потребность в завершенности* (в преобразении).

Только человеком с исходным отсутствием «Я»-чувства, живущим в мире равнозначности людей и вещей, – «*виртуальным индивидом*» – эта же *потребность в преобразении*, как мы уже видели, всегда будет ощущаться как *потребность в преобладании* – желании примитивного господства над другими.

Все в конечном счете упирается в то, в рамках какого мирозерцания будет осуществляться адлеровское «стремление к силе».

349

Пытаясь преодолеть двойственность понятия, сформулированного им как «стремления к силе», Адлер в конце

жизненного пути все-таки разделил его на «стремление к превосходству» и «стремление к совершенствованию»; причем использовал он эти термины в разных случаях то как антонимы, то как синонимы. В итоге он, видимо, так и не преодолел внутренней противоречивости своего взгляда на проблему целостной личности.

Для этого необходимо было допустить в реальность душевной жизни человека христианской парадигмы. Никто из психоаналитиков и психологов XX века решиться на такое не посмел.

Решился только Фридрих Ницше, который еще в конце XIX века писал: «Потребность в знании и потребность в власти – сущностно одно и то же».

Открытие Адлером «комплекса неполноты» и «*потребности в завершенности*» (нам кажется наиболее универсальным именно этот термин) как точки отсчета в вопросе формирования личности привело к созданию целого ряда других концепций научной психологии XX века.

Дж. Кренделл (1981) определял адлеровское стремление к «силе» как «*борьбу за самоосуществление, самостановление и совершенствование личности*». Но и здесь эта «борьба» не далеко отстоит от рамок «*естественного отбора*». Одно «Я» борется за свое становление с другими «Я». Конкурируя, они воюют, а не сотрудничают...

Из терминов Адлера формировались такие понятия, как: «самоактуализация» К. Гольдштейна (1939), «самореализация» К. Хорни (1950), «актуализация личности» А. Маслоу (1954), «актуализирующая тенденция» К. Роджерса (1959), «потребность в эффективности» Р. Байта (1959), «потребность эго-идентичности» Э. Эриксона (1963) и «потребность роста» Г. Менестера (1982).

Характерно, что ни одна из упомянутых нами психологических концепций, даже развернутая схема развития «эго» по Эриксону, так и не объясняет разницы между «*потребностью в совершенствовании*» и «*стремлением к превосходству*» или «господству» – для всех упомянутых теорий это в сущности одно и то же...

Эти понятия различны лишь в работах христианских мыслителей. Например, абсолютно незнакомый с работами Адлера И.А. Ильин разделял «*желание совершенства*»

350

(удивительно близкое к адлеровскому, даже по звучанию) и «*стремление к пошлости*» – характерное для «релятивиста» («нарцисса», «индивида» или «виртуального человека», в терминах предыдущей главы). Но психологи сегодня не читают христианских мыслителей – буддизма им вполне достаточно.

Тем не менее со времен Адлера мы, даже в области «научной» психологии, можем считать доказанным факт:

Личность развивается на основе неосознаваемого страдания.

Но открытие Адлера было отнюдь не новым. Еще в III веке до нашей эры греческий мудрец Анаксимандр сформулировал адлеровскую мысль следующим образом:

«*Всякое страдание происходит из несовершенства и неполноты бытия, составляющих самую сущность тварности* (со времен Анаксимандра слово «тварь» обозначает существо, сотворенное отдельным. – А. Д.). *Тварь есть бытие конечное, ограниченное во времени и пространстве, но внутренне посягающее* (то бессознательно, то сознательно. – А.Д.) *на бесконечность и неограниченность*» (эгодиастола. – А.Д.).

Только жизнь и страдания Иисуса Христа доказали человечеству, что его изначальное страдание может быть преодолено. Личность может стать бесконечной, не теряя присущей ей тварности (отдельности).

Радость Бодрийара по поводу наступления «виртуального апокалипсиса» – это восторг освобождения от *подлинного* страдания. Философ не замечает, что его радость одновременно является восторгом освобождения от тварности, то есть от отдельного, от личного, от *интимного, от христианского*.

Целый ряд философских учений *после* Декарта, но задолго *до* Бодрийара объявлял гедонизм – поиск человеком удовольствий, жизни без страдания – главным смыслом человеческой жизни.

Медицина, во всяком случае, видит проблему наркотиков только с гедонистических позиций.

Почти никто, кроме православных мыслителей, не задумывался о том, что произойдет с личностью, если ее лишит страдания вообще – полностью избавить от трагедии.

Останется ли при этом человек человеком?

Вдумайтесь в значение русского слова «*со-страдание*» (или в эриксоновские понятия интимности и доверия).

351

Если личность перестанет страдать, то сможет ли она почувствовать страдание другого...

...или превратится в урда из приведенной выше газетной статьи?

Пока еще большинство из нас чувствует этих людей *уродами*, но *уже* мало кто может объяснить, **почему** он так считает.

Одна *личность* обязана помогать другой личности преодолевать страдания. В этом – суть творчества, движения *образа к подобию*. Если этого движения нет – другой человек станет лишь вещью, череп которой вполне годится для продажи «черным магам».

Если человек совершил неправильный поступок или вовсе перестал совершать поступки – превратил свою жизнь в бессмыслицу – совершил грех, то он *должен* испытывать душевную боль.

Раньше мы называли эту боль совестью, но теперь подобное состояние души мы привычно причисляем к рангу депрессий и считаем *болезнью*, от которой надо лечить.

«Совесть совсем не есть отвлеченный «принцип долга», навязываемый воле сознанием, – пишет И. Ильин, – она не есть и сила суда или укора, поднимающаяся из бессознательного после дурного поступка и не имеющая «разумного» оправдания. Совесть есть голос **целостной духовности человека**, в которой **инстинкт** принял **закон Божий**, как **свой собственный**, а дух приобрел **силу инстинктивного влечения**. Совесть есть не сразу – инстинктивная потребность в нравственном совершенстве и предметно обоснованная воля к нему, а потому **творческое искание** его в каждом данном жизненном положении. Иными словами – совесть есть **целостное пребывание человека в луче Божьем**».

Совесть для русского философа есть основа личности, причем основа укорененная не в абстрактной нравственности, а непосредственно в биологии – *в инстинкте*.

Страдания совести позволяют преодолевать ощущения индивидуальной греховности, **понимая ее.**

Понимание и есть мудрость.

Когда Бог утерян культурой или даже, явно или не явно, запрещен ею, только имманентное, «генетическое» ощущение «Божественного луча», которое мы называем «страданием совести», способно привести человека к подлинному чуду преображения – становления целостной личности.

352

В фильме «Солярис» Андрея Тарковского (и в одноименной книге С. Лемма) загадочный разумный океан планеты Солярис выполняет... потаенную мечту «кислотных наркоманов». Он *оживляет* значимые образы человеческой памяти. Галлюцинации воображения постепенно превращаются в реальных живых людей из плоти и крови.

Наша замечательная актриса – А.С. Демидова вспоминает о своем споре с Тарковским: «Мы тогда много спорили: где грань, перейдя которую героиня «Соляриса» *из фантома превращается в человека*, научается чувствовать. Андрей говорил, что эта грань *в страдании*, а я считала, что в юморе, самоиронии».

Правы в этом споре были оба. Зигмунд Фрейд написал целую книгу, доказывающую, что юмор возникает как творческий акт, направленный на преодоление страдания.

«При этом для человека с христиански живою и художественно *индивидуализирующей* совестью, – продолжает Ильин, – само собою разумеется, что каждый грех каждого человека являет собою **единственное в своем роде**, неповторяемое сочетание душевных трудностей, неудач или падений. Именно поэтому людские грехи совершенно не сводимы к отвлеченному каталогу «позволенно-тей», «полупозволенно-тей», «не-совсем-позволенно-тей», «простимостей», «полу-простимостей» и «непростимостей», который, вопреки всякой христианской совести, предлагается в «моральных теологиях» иезуитов... **Несчастье греха столь же индивидуально и многообразно, сколь индивидуальны и многообразны сами люди и отдельные миги их жизни.** И грех, по самому существу своему, преодолевается, исправляется и исцеляется **только духовно:** духовным очищением и возвращением в Божий луч».

Такое толкование слова «совесть» позволяет по-другому объяснить противоречия Адлера. В детском и юношеском возрасте, когда рассудок не готов еще к рациональному пониманию душевной боли, сознание воспринимает зов «целостной духовности человека» как *чувство неполноты*.

Пользуясь христианскими терминами, мы можем определить «комплекс неполноты» как *первичное ощущение греха*, а «метафизическую потребность»¹ – как потребность в его преодолении и достижении ощущения *целостности личности* – онтологической уверенности.

12 А. Данилин «LSD»

Если в ответ на шишку или чувство бессмысленности существования мы не испытываем депрессии – у нас нет никакого **повода** измениться, нет причины для затраты духовных сил. Не ощущая душевной боли, душа не способна расти.

Христианство и психология говорят, в сущности, об одном и том же. Не пора ли нам научиться *понимать* друг друга?

Вдумайтесь в то, как удивительно точно и сжато сформулированы многие мысли нашей книги у Ивана Андреевича Ильина:

*«Всякое страдание проистекает из несовершенства или неполноты бытия, составляющих самую сущность **тварно-сти**. Ибо тварь есть бытие конечное, ограниченное во времени и в пространстве, но внутренне посягающее – то бессознательно, то сознательно – на бесконечность и неограниченность...»*

Таким бессознательным «посягательством твари» и была «психоделическая революция».

*«...Ибо высший смысл его (страдания. – А.Д.) продолжает Ильин, – предполагает, что земная тварь имеет некое священное задание на земле; что дело не сводится к ея случайному возникновению в недрах Беспредельного, к внутренней противоречивости ея бытия, к бессмысленному страданию от этой противоречивости и к роковому угасанию за свою земную неправду. Высший смысл тварности состоит в том, что **тварь имеет священное призвание на земле**. Грех ведет к страданию, страдание же должно научить тварь при жизни – духовности, мудрому самопознанию, очищению, отречению, религиозной искренности и возвращению в Божий луч. Страдание дает человеку для того, чтобы или **умудрить его** или **погасить его, неумуд-ренного...**»*

Конечно, бывают разные страдания и разные депрессии. Человеческая душа не может существовать, будучи заполнена одним только страданием. Депрессия, как и любовь, способна стать юнговской «идентичностью» – превратиться в болезнь. Для того чтобы отличить депрессию *нормальную* от страдания *болезненного*, и существуют врачи-профессионалы.

Однако профессионал вместе со всей культурой тоже постепенно превращается в «виртуального индивида».

Он

воспринимает личность пациента лишь как вещь, которой можно управлять с помощью таблеток или «зомбирования». Такой врач будет пытаться избавить пациента от малейшего душевного дискомфорта, который тот считает страданием. Он начнет лечить человека «таблетками *от души*» или «от личности». – читайте как хотите.

Любая наркомания есть попытка человека избавить свою душу от любого страдания, но в первую очередь от депрессии, вызванной чувством неполноты – неосмысленности собственного существования. Такая попытка не может закончиться ничем, кроме идентичности, инфляции... смерти души.

Певец пессимизма Артур Шопенгауэр говорил, что «у жизни есть только два полюса – страдание и скука». Наркотик устраняет оба... от жизни остается только *раз-влечение*... смерть.

Если неоязыческие цивилизации пытаются уничтожить любые признаки Божественной искры в человеке (не случайно цивилизации Гитлера и Сталина, каждая по-своему, объявляли о создании «новой породы людей»), то «торговой цивилизации» нужно лишь выделить из личности «индивида».

Товары нужно продавать *кому-то*. Для этой цели идеально подходит «Я» в состоянии эгосистолы – готовое к *зависимости* не только от наркотика, но и от любого товара, способного дать иллюзию идентификации.

Любой наркотик способен вызвать эгосистолу – она является закономерным результатом его хронического воздействия на личность. Поэтому наркотики в рамках торговой культуры неистребимы.

Они являются *абсолютным* (виртуальным) *товаром* виртуальной же цивилизации. Они неотделимы от нее по самой сути, так как являются лекарствами *от совести*.

Существует ли выход из психологического тупика цивилизации виртуальности (пошлости)?

Этот выход никуда и не исчезал последние две тысячи лет.

Иисус Христос изложил его в двух своих главных заповедях – заповедях любви:

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подоб-

ная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя»

(Мф. 22:31-33).

Обратите внимание: любовь к другому человеку здесь предопределена, существует в едином контексте с любовью к Богу. Одна любовь невозможна без другой.

Личность невозможна без признания Божественной искры в человеке, находящемся *рядом*.

И снова русское слово – «совесть». Это «со-весть» – совместное ощущение священной Вести, мысль, общая с другим (с другом).

Как нам известно со времен братьев Стругацких – «трудно быть Богом». Действительно, трудно, ибо требует абсолютного уважения к другому человеку, который является равновеликой и, одновременно, *ратострадающей* личностью – образом и подобием Божьим.

В 1922 году легендарный еврейский философ Мартин Бубер, вовсе не опираясь на христианство, описал превращение *уважительного* отношения людей друг к другу в систему общения, названной им «Я – Ты», в систему агрессивно-разрушительных отношений «Я – оно» или «Я – вещь».

«Психоделическая революция» и не помещающаяся в сознании *жестокость убийц* оказываются внешним (поведенческим) отражением процесса деградации христианской личности в «виртуального индивида» (первая отражает потребности, а вторая – систему коммуникации такого индивида).

Языческой «новой породе» человека назвать уже не удастся – нельзя дважды вступить в одну и ту же реку.

Язычество – слово *уважительное*, оно подразумевает определенный этап развития духовности.

«Суровая истина о нашей природе, – писал нейрофизиолог Алексей Алексеевич Ухтомский, – что в ней ничто не проходит бесследно и что природа наша делается, как выразился один древний мудрый человек. Из следов протекшего вырастают доминанты и побуждения настоящего, для того чтобы предопределить будущее. *Если не овладеть вовремя зачатками своих доминант, они завладеют нами*» (курсив мой. – Л.Д.).

Доминанта, по Ухтомскому, – это стойкий очаг возбуждения, организующий деятельность коры головного мозга человека. Бессознательные доминанты организуют наше

356

сознание. Какую же доминанту Ухтомский выделяет как важнейшую в человеческой психике?

Он называет ее **«доминанта на лицо другого»**. Ее сущность в том, чтобы «уметь конкретно подойти к каждому отдельному человеку, уметь войти в его скорлупу, захитить его жизнью, рассмотреть в другом не просто нечто равноценное себе, но и ценить другого выше собственных интересов, отвлекаясь от предвзятостей и теории»...

Главную доминанту Ухтомского невозможно понять иначе как христианское мировоззрение, найденное внутри нейрофизиологической науки. Нельзя не учитывать и того, что ученый окончательно сформулировал принципы своего учения в страшные для нашей страны «одномерные» 30-е годы.

Скептики скажут нам, что если мы призываем принять христианское мирозерцание, то мы зовем к другой форме *бегства от мира* – к другому наркотику...

Христианское мировоззрение не является уделом какой-либо церковной конфессии. В церкви периодами побеждали ереси, побеждал и стремящийся к бегству от мира аскетизм. Но само христианство никогда не отвергало мир. Христос звал к его спасению через *воплощение каждого отдельного человека*.

«...Эти великие и последовательные отвергатели мира, – писал И.А. Ильин об апостолах и святых, – отвергали не внешне протяженный **мир предметов**, не природу, созданную Богом во всей ее таинственной мудрости, но «мир» искаженных человеком **содержаний** и «мир» человечески искажающих состояний. Они отвергали «земное и низкое», «суету», «земные узы и зловерные страсти», «житейския удовольствия, развлечения и заботы» и связанное с ними «кружение земных помыслов», они отвергали вещелюбие, «мир» как «простор греха»...

Все это означает, что они **утверждали мир** как **мир бого-данных предметов**, пронизанных Божьими лучами, таинственно скрывающий в себе видимое присутствие невидимого Бога; и отвергали «мир» как **совокупность человеческих пошлых актов и человеком опошленных содержаний**. Религиозная мудрость знает о «чистоте» Божьего мира и исповедует ее. «Знаю и уверен в Господе Иисусе, – пишет апостол Павел, – что ничто не скверно само по себе; только почитающему что-либо скверным, тому скверно». И еще: «Для чис-

357

тых все чисто, а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены ум их и совесть». Мир вещей сам по себе чист и нескверен, мудро устроен и полон духовной значительности; но пошлый человек смотрит пошлым глазом и видит во всем пошлое».

Только мы способны придать вещи пошлое содержание. Только человек способен объявить химическое вещество... мессией.

Что такое очищенный наркотик – алкалоид?

Прибегая к языку И.А. Ильина – это растение, лишенное своей *богозданности*.

Исходя из христианского взгляда на мир, человек, кроме всего прочего, может и создать *скверную вещь* – лекарство *от совести*. Рукотворно и ради собственного удовольствия, то есть посредством того, что Ильин назвал *пошлым актом*, из растения, несущего в себе часть божественной гармонии, было выделено *опошленное содержание*. Из *целого* «таинственно скрывающего в себе Бога» была выделена *часть*, никакой духовности в себе не скрывающая.

С растением произошло то же самое, что и с личностью. Отринувшая трансцендентное цивилизация «выделила» из личности *«индивид»*, а из растения – *алкалоид*. «Виртуальный человек» столкнулся с «виртуальным» веществом. Пошлость начала свою месть с помощью пошлости. Оскверненная природа ответила осквернением ума.

Не только психология не хочет учитывать истины религии. Обратное так же верно. Автору приходилось спрашивать священнослужителей: «Почему Церковь так мало говорит и пишет о наркотиках?» И регулярно слышать в ответ: «О них ничего не сказано в святоотеческих писаниях...»

Это так, но те, кто заложил основы христианского миропонимания, жили во времена, когда наркотиков в нашем, сегодняшнем понимании этого слова просто не существовало!

Существовали *растения, которые были частью языческих религиозных культов, языческой духовности*, и только. Иначе – в качестве отдельного специфического духовного феномена – наркотики никем не воспринимались и не могли быть восприняты, потому что *ничем отдельным от язычества* они и не являлись!

358

В святоотеческих писаниях можно найти решительно все, что связано с духовными проблемами язычества...

Наркотик в современном понимании этого слова есть плод *алхимической гордыни* человеческого духа, пытающейся избавить человека от страдания. «Виртуальный человек» – это человек, полностью *свободный от страдания, а значит, свободный от самого себя*.

Алхимия же, в свою очередь (впрочем, как и картезианство или спиритизм), является производным *ереси гностицизма*, о которой со времен святого Епифания Кипрского написаны тысячи книг.

Святые отцы почти с абсолютной точностью предсказывали духовные последствия гностицизма. Трудно ожидать от них точного угадывания тех конкретных «молекулярных» форм, которые приняло язычество в XX веке.

Святоотеческие писания – не догмы марксизма. Христианство – это не бегство от мира. Это творческая возможность придать миру смысл.

«Самый страшный враг сейчас атеизм, а не фанатизм (религиозный. – А.Д.), – говорил Наполеон Бонапарт в

1806 году. – Я восстановил религию, и это главная моя заслуга, последствия которой неисчислимы, потому что если бы не было религии, то люди убивали бы друг друга из-за самой сладкой груши и самой красивой девушки».

Череп для продажи он представить себе еще не мог...

Христианский взгляд на мир – едва ли не единственное мировоззрение, напрямую *нуждающееся в личности* как отдельной, единой и неразрывной с Богом ипостаси.

Такой взгляд на мир может обеспечить личности достоинство и свободу. По блестящей мысли С.А. Левицкого:

«Свобода мировоззрения может быть обеспечена только мировоззрением свободы, а не свободой от мировоззрения».

НЕУВЕРЕННОСТЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Известный американский психоаналитик Эрик Эриксон (1902–1986) разработал свою «психосоциальную теорию развития «Я», используя понятия эмбриологии. Согласно его взглядам, «эго» в процессе своего развития проходит через генетически запланированные переломные моменты – ста-

359

дии развития. Каждая из них представляет собой решение уникальной задачи, которую жизнь предъявляет человеку в форме *«кризиса»*, или вызова, который личность должна принять и преодолеть.

По Эриксону, «кризис» – это не катастрофа, а критическая, «узловая» точка, состоящая из двух полюсов: трагического – вызывающего повышенную ранимость и позитивного – полюса возможностей к преодолению трагедии. «Кризис» Эриксона оказывается «трагической ситуацией» в классическом драматургическом смысле этого слова.

Эриксон всегда настаивал на том, что его идеи являются лишь развитием учения Зигмунда Фрейда о стадиях развития «либидо», понятого через новые открытия в социологии и биологии. На самом деле его теория гораздо ближе к взглядам, изложенным в нашей книге, чем к классическому психоанализу.

С позиций Эриксона не Фрейдово «оно» («ид» – бессознательное), а «эго» – *сознательное «Я»* – определяет *человеческое поведение*. Именно поэтому Эриксон назвал свое учение «эго-психология». Пытаясь оставаться в рамках классического «материалистического» психоанализа, эго-психология тем не менее возвращала человеческому «Я» функции *свободы выбора и ответственности*.

Эго-психология считает, что люди способны принимать самостоятельные осознанные решения и преодолевать жизненные трудности. Эриксон доказывал, что «Я» – это *автономная* система, взаимодействующая с реальностью при помощи восприятия, мышления, внимания и памяти. В его учении утверждается, что только «Я» может решить проблему адаптации человека в мире. Именно «эго» непрерывно взаимодействует с реальностью и в процессе своего развития становится все более и более компетентным.

Эриксон пытался вернуть в науку христианское представление о человеческой душе, хотя сам никогда не задумывался об этом.

Уже по этой причине взгляды Эриксона должны найти свое место в нашем исследовании. Но существует и еще одна важная причина – эго-психология, пусть на своем языке, но позволяющая нам проследить, какую роль играет проблема онтологической уверенности – неуверенности на протяжении всей истории человеческой жизни.

360

Эриксон выделяет 8 стадий – «кризисов» развития «эго».

В течение первого года жизни краеугольным камнем формирования здоровой личности, по Эриксону, является чувство *доверия* к близким. Соответствующий этому возрасту *первый «кризис»* получил название *«доверие – недоверие»*. Ученики Эриксона вместо понятие «доверие» стали называть ту же характеристику *«уверенностью в мире»*. Младенец, имеющий базальное чувство *«внутренней определенности»* (уверенности), воспринимает мир как безопасное и стабильное место, а других людей – как заботливых и надежных.

Формирование в ребенке чувства доверия не зависит от количества или качества пищи или от проявлений родительской нежности. По Эриксону, оно скорее связано со способностью родителей передать своему ребенку чувство *узнаваемости и постоянства семейных переживаний*.

Доверие (или уверенность) относится не только к внешнему миру, но и к миру внутреннему. Младенец должен научиться *доверять себе* и, в особенности, тому, что его органы эффективно справляются с биологическими потребностями. Автор может добавить – в этом возрасте появляется первое неосознаваемое чувство «Я»: «Я – это мое тело» (Эриксон считал, что «эго» формируется позже – вместе с речью, с формированием словесных понятий).

Доверяющий ребенок отличается от недоверяющего тем, что может переносить временное отсутствие матери без чрезмерного плача и страдания.

Причиной самого «кризиса» – трагедии – является ненадежность или несостоятельность матери и отвергание ею ребенка. В подобной ситуации формируется *базальная неуверенность*, выражающаяся в проявлении страха по отношению к другим людям, чувстве подозрительности и непрерывных опасений за свое благополучие. Такая *установка личности* проявится во всей своей полноте *на более поздних, разумеется, стадиях развития личности*.

Для нас важно отметить, что, по Эриксону, *неуверенность* появляется не только у детей, живущих в откровенно патологической семейной обстановке.

Родители, придерживающиеся противоположных принципов воспитания и постоянно спорящие; юные родители, неуверенно чувствующие себя в этой роли; родители, систе-

361

ма ценностей которых находится в противоречии с общепринятым в данной культуре стилем жизни (родители-

хиппи, например, или родители-«металлисты»), могут создавать в доме атмосферу постоянной неопределенности и двусмысленности, результатом которой является формирование *базового недоверия* у ребенка.

Чувство «недоверия» Эриксона чрезвычайно схоже с «онтологической неуверенностью» Р. Лэнга. Но Эриксон считал его не врожденным, а приобретенным, за счет дефектов воспитания в раннем возрасте, качеством личности. Феномен «жизнестойких детей» явно противоречит подобному взгляду. Истина снова скрыта где-то посередине.

Человек, несомненно, рождается на свет с врожденной склонностью к «уверенности» или «неуверенности» своей личностной позиции. Наша задача, зная это, всегда помнить разницу между *образом* и *подобием Бога в человеке*. «Данность – это не заданность». Воспитание самостоятельной творческой личности – это возможность проявления *Творчества* родителей.

Тончайшие наблюдения Эриксона позволяют понять этапы *нормального развития человеческой трагедии* – ее драматургию.

Первый «кризис», независимо от генетики, за счет наших ошибок может заложить базу для возникновения *чувства неуверенности*. *Неуверенность начинается с сомнений в телесной идентификации самого себя*.

Вторая стадия развития характеризуется у Эриксона «кризисом»: *«автономия – стыд и сомнение»*. Чувство доверия, приобретенное в возрасте от 1 до 3 лет, подготавливает почву для формирования *чувства автономии*. Младенец начинает открывать для себя, что его поведение влияет на других. Он начинает отстаивать свою независимость и самостоятельность, избегая при этом вызывающих «кризис» чувств стыда, сомнения и унижения. Если детей слишком сильно ограничивать или слишком строго наказывать за проявления их свободы, то их *базовое недоверие* будет резко усилено чувством *стыда и сомнения*.

«Автономия» Эриксона – это понятие, отражающее возникновение *внешних* (социальных) проявлений «Я»-чувства.

«Я» развивается, расширяя *от тела, как точки отсчета*, сферу «мое – не мое». Сначала отчетливо разделяются на

362

«мои – не мои» игрушки и другие предметы, следом за ними так же делятся и люди. В *сферу обладания* (развивающегося «Я»-чувства) попадают родители и близкие – «кто мой – кто не мой?». «Кем я могу управлять (обладать) – кем не могу?». Чувство отдельности «Я» приводит к попыткам манипулировать родителями.

Грубое ограничение свободы в этом возрасте приведет к усилению *неуверенности*, выражающейся в попытке *вернуть свое «Я» в исходное состояние*. «Стыд» и «сомнение» Эриксона выразятся в *желании «спрятать «Я»*. В этом возрасте впервые появляется *влечение к эгосистоле*.

Третья стадия развития характеризуется полярностью *«инициативность – вина»* и приходится на дошкольный возраст (3–6 лет), который Эриксон называл *«возрастом игры»*.

Окружающий мир предъявляет дошкольнику гораздо больше требований, чем младенцу. Для того чтобы ответить на этот вызов, необходимо активное и целесообразное поведение. Оно формируется во время игры.

Дети постепенно берут на себя ответственность *за свое тело*, свое поведение, игрушки, домашних животных. Эриксон подчеркивал, что *развитие родителями чувства ответственности усиливает инициативность*. Отсутствие ответственности будет усиливать неуверенность, вызывая ощущение *вины*. Вызывать ее будут, разумеется, и чрезмерные *наказания* за проявленную инициативу, которые Эриксон называет *«запретом свободы»*.

Появлению вины, по Эриксону, особенно способствуют родители, ревнующие детей друг к другу. Ревность вызывает чрезмерные наказания детей в ответ на их потребность любить и получать любовь от родителей противоположного пола.

Ребенок ощущает вину перед окружающими за неспособность или невозможность проявления своей *свободы* – *инициативы*. Если ребенок скован чувством вины, он чувствует покинутость и собственную никчемность. Такие дети боятся постоять за себя. Они чрезмерно *зависят* от взрослых и являются ведомыми в группе сверстников, опасаются принимать самостоятельные решения. *Боязнь ответственности с возрастом может стать нормой поведения*.

На этой стадии формируются первые *идентификации*. Дети начинают ассоциировать себя с людьми, чью работу и характер они в состоянии понять и оценить. Иден-

363

тификации с идеалами свидетельствуют о том, что *появилась потребность в их обретении*. Ребенок хочет изменить свою роль в окружающем его мире. Его *сфера «Я»* испытывает *стремление к расширению*. Она стремится включить в себя не только игрушки и родителей, но и сделать «своими» других людей и их идеи. *Впервые становится явным влечение к эгодиастоле*.

От родителей и педагогов зависит, не вызовет ли чувство вины трансформацию естественной склонности к формированию идеалов (*идентификации* с идеалами, обусловленной эгодиастолическим влечением), развитие юнговской идентичности (эгосистолической попытки спрятать себя за идеалом – *зависимости* от него).

Эриксоновские чувства вины и стыда отражают стремление замкнуться в себе – еще более выраженную, чем в предыдущем кризисе, эгосистолу – защитное стремление неуверенного «Я».

Четвертый период приходится на годы начальной школы (6–12 лет). Эриксон определял «кризис» этих лет *«трудолюбие – неполноценность»*. Как вы помните, М. Мид связывала этот период человеческой жизни с формированием «Я»-концепции. Характерно, что Фрейд, в представлениях которого «Я» является лишь сексуальным неврозом, считал этот период наименее значимым в человеческой жизни («латентным»).

Никогда ребенок не будет обладать большим желанием получать новые знания, чем на четвертой стадии развития. Вслед за М. Мид Эриксон считал, что в этом возрасте *впервые появляется собственно «Я» («эго»)* – формируется сознательная «эго-идентичность» (идентичность с собственным «Я»). «Эго» выражает себя *словами «Я – то, чему я научился»*.

Опасность (трагизм) на этой стадии скрывается в возможности появления *чувства неполноценности или некомпетентности*. В сущности, это и есть адлеровский «комплекс недостаточности», который понят Эриксоном через сознательное стремление ребенка к получению знаний (к *просвещению*). Само возникновение этого комплекса Эриксон относил к возрасту интенсивного получения *рациональных знаний* – от 6 до 12 лет.

Если дети сомневаются в своих способностях получать информацию или в собственной значимости в среде

364

сверстников, это может отбить у них желание учиться дальше.

Чувство неполноценности развивается, по Эриксону, особенно легко, если дети обнаруживают, что пол, национальность или социально-экономическое положение родителей, а вовсе не собственный уровень знаний и способностей определяет их значимость среди одноклассников и учителей. В результате *может усиливаться неуверенность личности* в своей способности эффективно взаимодействовать с реальностью.

Если ребенок раннего школьного возраста осознает, что его успех среди сверстников не зависит от него самого, то он может попытаться снять с себя ответственность за большую часть своих поступков и ощущений и перенести ее на людей и другие объекты внешнего мира.

Дети, испытывавшие в предыдущем кризисе чувство вины, уже уловили тот факт, что запрет инициативы имеет свои преимущества – он освобождает от ответственности. Они усвоили выгоду зависимости от взрослых. На четвертой стадии развития они начинают *сознательно оправдывать свои неудачи внешними по отношению к личности фактами и обстоятельствами*.

Описываемый возрастной кризис имеет для нашей книги решающее значение!

Именно в это время начнет формироваться то, что Дж. Роттер называл «экстернальным локусом контроля». ***Вместе с ним появится стереотип поведения, который мы, условно, называем «наркотическим».*** «Наркотическим стереотипом» мы будем называть склонность человека *перекладывать ответственность за свое поведение на сознательно выделенные им во внешнем мире объекты или оправдывать собственное поведение с помощью таких объектов*.

«Интернальный локус контроля» («уверенность») продолжит свое формирование в том случае, если затраченные личностью усилия приводят к справедливому успеху (или неудаче, если усилия затрачены не были) в своем школьном классе или группе.

На наш взгляд, этот возраст можно описать еще и как возраст возникновения первого и *основного когнитивного диссонанса*. Просвещение нужно человеку не ради самих знаний (накопления информации), а ради *ощущения собственной значимости* в глазах окружающих. Ребенок хочет

365

преобразить свою роль в окружающем мире – *преобразуя* самого себя с помощью обучения.

Школьный возраст оказывается возрастом окончательного формирования потребности в преобразении. Однако направление, «вектор» поиска ребенком собственной цельности («значимости», по Эриксону) ему может подсказать только культура взрослых.

Материалистическая культура, именно в младшем школьном возрасте, окончательно убеждает человека, что удовлетворить свое неясное влечение он может *только* с помощью рациональных знаний – накопления того или иного вида информации.

И именно в этом возрасте начинается формирование «виртуального человека» («аутиста» по Ильину или «нарцисса» по Липовецки).

Ведь информация, предъявляемая ребенку современной культурой, имеет свойства равнозначности и избыточности. Более того, она преимущественно визуальна и несет в себе тенденцию ограничения творческого воображения.

Ребенок, оказывающийся один на один перед невообразимым массивом эмоционально равнозначной информации, автоматически испытывает «чувство неуверенности в эффективности своего взаимодействия с реальностью» (Эриксон). Сегодня ребенок школьного возраста оказывается ровно в той же когнитивной ситуации, что и человек, впервые в жизни испытывавший на себе действие LSD!

«Недостаток внимания со стороны учеников, на который нынче жалуются все преподаватели, – пишет Ж. Липовецки, – это не что иное, как одна из форм холодного и небрежного отношения ко всем феноменам жизни, сходного с реакцией телезрителей, увлеченных всем и ничем, возбужденных и безразличных в одно и то же время, перенасыщенных информацией, с сознанием выборочным, рассеянным, которое является антиподом сознания добровольного или детерминированного».

Действие равнозначной информации напоминает действие наркотика (перечитайте главу о «психоделической революции»).

Если в раннем школьном возрасте ребенок не имеет мировоззренческой «точки отсчета», если родители и школа не в состоянии позаботиться о выработке *категорических императивов поведения, необходимых для выбора значимой инфор-*

366

мации, то единственное, на что ребенок сможет опереться... это он сам.

Критерием выбора станет чувство, которое мы обозначали как «мое – не мое» или «нравится – не нравится». Человек будет выбирать ценности *всей своей последующей жизни*, ориентируясь только на телесную и эмоциональную ось «приятно – неприятно». Сформируется «нарцисс» Ж. Липовецки.

Но даже для формирования такого нарциссического «Я» нужно ощущение центра личности (нравиться или не нравиться информация тоже должна *кому-то*). Стать «нарциссами» фактически смогут только «жизнестойкие дети» – дети, имеющие врожденно стойкое чувство «Я». Остальные, для того чтобы сделать выбор, будут вынуждены искать «точку отсчета» во внешнем мире. В отсутствие внутренней уверенности они будут рассчитывать на внешние объекты и идеи.

Равнодушная торговая культура уже в этом возрасте может подсунуть им наркотик в качестве «лекарства» для легкой идентификации самого себя.

Мы уже знаем, что на самом деле человеческая душа стремится к *духовному преображению* – открытию в себе трансцендентного измерения. Когнитивный диссонанс приводит к нарастанию неясной тревоги. Несовпадение истинной потребности и предлагаемой культурой избыточной и равнозначной информации особенно больно отражается на детях, у которых от «кризиса» к «кризису» нарастает *чувство неуверенности в себе* (по каким бы авторам оно ни понималось).

Родители могут убедиться в существовании этого диссонанса, наблюдая не соответствующую возрасту привязанность ребенка к волшебным сказкам, своим старым книжкам и мультфильмам. Дети чувствуют наличие в них волшебства – трансцендентности, которой их хочет лишить культура взрослых.

Пятая стадия в схеме жизненного цикла Эриксона соответствует подростковому возрасту. «Кризис» этого важнейшего периода в психосоциальном развитии человека Эриксон определял как *«эго» – идентичность – ролевое смешение»*.

Молодой человек выходит в жизнь. Общество требует от него столкновения с новыми ролями («масками» Э. Берна).

367

Главной проблемой этого возраста является способность *не потерять самого себя* во множестве требующихся от личности социальных ролей.

Задача подростка состоит в том, чтобы собрать воедино все имеющиеся к этому времени *знания* о самом себе (какие они – сыновья или дочери, студенты, спортсмены, музыканты, любовники и т. д.) и интегрировать эти многочисленные рациональные описания в *личную идентичность*.

«Эго-идентичность» – это состояние абсолютно сознательное. *Кризис идентичности*, по Эриксону, является следствием того, что подросток *не может принять ценности и идеологию*, носителями которой выступают родители, учителя, церковь и другие источники авторитета.

Идеология не принимается, но потребность в «идентичности», по Эриксону, сохраняется. *Кризис идентичности* или *«ролевое смешение»* (Эриксон использовал еще термин *«спутанность идентичности»*) – точно отражающий путаницу в словесных представлениях подростка о себе самом) чаще всего выражаются в неспособности *выбрать карьеру или продолжить образование...*

Эриксон – психолог-материалист – не может представить себе *иной цели* продолжения жизни личности... Может быть, поэтому молодые люди и не хотят принять нашу идеологию?

«Спутанность идентичности» приводит испытывающего ее подростка к пронзительному чувству своей бесполезности, душевного разлада и бесцельности. Ребят не покидает ощущение своей ненужности и неприспособленности. Именно их часто кидает в сторону того, что Эриксон называл *«негативной идентичностью»*, то есть в сторону преступности и наркотиков (здесь термину «идентичность» Эриксон возвращает первоначальный юнговский смысл).

Мы же с читателем уже понимаем, что склонность к идентичности такого рода была предопределена на предыдущих стадиях развития – к наркотикам в подростковом возрасте придут люди со сформированным «наркотическим стереотипом». Химические вещества окажутся одним из самых *простых* объектов, годных для оправдания собственной неуверенности и бессмысленности собственного существования.

368

Как это ни странно, но Эриксон видел проблему наркотиков только с позиций «ролевого смешения» – запутанности человека в собственных «масках». Описанное им же нарастание из стадии в стадию *чувства неуверенности* в подростковом возрасте им не учитывается.

Автор данной, книги считает подростковый возраст *возрастом предельного напряжения метафизической потребности*. Именно в этом возрасте *метафизическая потребность становится потребностью в преображении*. Чувство «Я» испытывает сильнейшее влечение к достижению целостности. На следующих этапах жизненного цикла «Я» перейдет к созидательной деятельности, а для *созидания* необходим *созидатель* – «центр» («самость», «уверенность»)!

Для обретения центра «Я» должно выбрать, определить свои экзистенциальные характеристики, которые мы описывали как «локус контроля» и онтологическую уверенность или неуверенность.

«Ролевое смешение» происходит из-за того, что на всех предыдущих этапах развития никто не заботился о том, чтобы личность умела выбирать *главное* в потоке обрушивающихся на нее *симуляций*. Ни «одномерное», ни тем более «виртуальное» общество не предоставляет «Я» возможности для подлинного становления. Они пытаются подменить его «симулякрами».

Мы помним, что в предыдущих возрастах-«кризисах» становление личности было связано с расширением сферы «мое – не мое», то есть с эгодиастолическим влечением.

В подростковом возрасте именно эгодиастолическая энергия «Я» упирается в «маски» и симуляции, предлагаемые ей культурой *вместо* религии. «Спутанность идентичности» – естественный процесс, возникающий из-за когнитивного диссонанса, вызванного равнозначностью информации.

Личность хочет прорыва к трансцендентному – расширения самой себя к Богу и космосу (именно в этом логика продолжающегося расширения «Я» – естественной эгодиастолы), а ей взамен предлагаются только фальшивые объекты для юнговской идентичности.

В результате человек мечется между объектами-идентификациями, не в силах выбрать ни одного из них. Потребность личности упирается в равнозначность смыслов (или бессмысленностей) тех идей и объектов, которые предла-

369

гает ей для идентификации «виртуальная» культура. Кажущийся избыток возможностей выбора оборачивается

невозможностью выбрать главное среди объектов, имеющих одинаковую значимость.

Одним из таких объектов являются наркотики. Человек может прийти к ним не только на механизмах эгосистолы (потребность спрятать «Я» осуществляется в этом случае с помощью «лекарства от души»), но и в результате столкновения эгоидистолы подростка с отсутствием духовного измерения в культуре. В этом случае наркотик будет использован первоначально как способ познания мира... что мы и видели на примере LSD.

Качеством, позволяющим личности успешно выйти из «кризиса» юности, Эриксон считает *верность*. Верность – это «способность подростка быть верным своим привязанностям и обещаниям, несмотря на неизбежные противоречия его системы ценностей» (Erikson, 1968). Верность – краеугольный камень идентичности. На социальном уровне она представляет собой способность молодого человека принимать и придерживаться морали и *идеологии* общества.

Понятием «верность» Эриксон пытается описать необходимость наличия *главной идентификации* в душе подростка. На наш взгляд, гораздо более точным понятием в этом случае было бы слово *«вера»*.

Но психоанализ – наука материалистическая, подобных понятий он не допускает. У «нового» подростка – «нарцисса», находящегося в мире виртуальных ценностей, – то, что Эриксон называет «верностью», оказывается *зависимостью* – невротической идентичностью с компьютерами, автомобилями, мобильными телефонами и *групповыми идеологиями* – псевдодуховными теориями коммерческих фирм и тоталитарных сект.

Эриксон придавал особое значение термину «идеология», *подменившему* собой в XX веке то, что люди вкладывали в понятие *веры*.

Согласно Эриксону, идеология – это неосознанный набор ценностей и посылок, отражающий религиозное, научное и политическое мышление в культуре. Ее цель – это «создание образа мира, достаточно убедительного для поддержания коллективного и индивидуального чувства идентичности» (Erikson, 1958).

370

Идеология Эриксона – это то, что предоставляет молодым людям упрощенные, но четкие рациональные ответы на главные вопросы, связанные с кризисом идентичности: «Кто я?», «Куда я иду?», «Кем я хочу быть?».

По всей видимости, идеалом «идеологии» Эриксона можно считать... «тезисы культурной революции» Мао Цзэ-дуна. Там, где психология опирается только на рациональное знание, сразу появляется знакомый запах *манипулирования* личностью.

Единственной причиной возникновения «спутанности идентичности» Эриксон считал недостатки самой «идеологии». Подросток не может ее принять только потому, что культура неспособна *правильно внушить* ему свою систему ценностей...

Шестой период жизненного цикла – период ранней зрелости – Эриксон характеризовал «кризисом» *«интимность – изоляция»*.

Главной задачей этой стадии человеческого развития Эриксон считал формирование гармоничного ощущения, которое определял термином *«интимность»*. Имеется в виду то сокровенное чувство, которое мы испытываем к супругам, друзьям или близким. Эриксон усматривает в нем нечто гораздо большее, чем просто сексуальную близость.

Оно включает в себя сочувствие и доверие между друзьями, а в более широком смысле – способность *вверять* себя кому-либо во внешнем мире. «Интимность» – это способность *«слить воедино вашу идентичность с идентичностью другого человека без опасения, что вы теряете нечто в себе»* (Evans, 1967). В слово «интимность» Эриксон вкладывает смысл очень близкий «доминанте на лицо другого», по А.А. Ухтомскому.

Именно гармоничное слияние идентичностей двух людей Эриксон рассматривает как необходимое условие прочного брака. Истинное чувство интимности, считает он, не может развиваться до тех пор, пока не достигнута «эго-идентичность» каждого из членов пары. Иными словами, для того чтобы находиться в истинных интимных отношениях с близким человеком, необходимо, чтобы к этому времени у личности сформировалось ясное осознание того, кто она и что собой представляет.

Любовь неуверенных личностей или людей в подростковом возрасте может оказаться попыткой *проверить* соб-

371

ственную идентичность, используя для этой цели другого человека. Эриксон считал, что многие подростки, особенно женщины, вступают в брак с целью обрести собственную идентичность в другом человеке и за его счет «идентифицировать» себя через него – испытать «идентичность» в юнговском смысле.

Если читатель внимательно читал нашу книгу, то он уже понял, что именно понятие интимности у Эриксона наиболее полно соответствует нашему представлению о «Я»-чувстве.

В этом возрасте оттачивается и окончательно определяется тот сложный комплекс чувства границ собственного «Я», который мы ранее характеризовали как «мое – не мое». Человек включает в понятие «мое» не только предметы, но и чувства, символические образы и другого человека.

Сознательная концепция Эриксона исключает существование экзистенциального чувства «Я». Однако истинная интимность в терминах Эриксона не может проявляться без онтологической уверенности – стабильного чувства «Я». Доверие – способность *вверять* себя кому-либо – осуществимо только при человеческой *уверенности* в том, что его «Я» сохранится в любом случае (независимо от результата проявления *доверия*).

Эриксоновское понятие «интимность» точнее всего передает русское слово *«независимость»*.

Главную опасность на этой психосоциальной стадии Эриксон видел как раз в том, что И.А. Ильин называет «аутизмом», а Липовецки «нарциссизмом», – в излишней поглощенности собой, ведущей к избеганию любых неформальных межличностных отношений. Эриксон описывал такое свойство «эго» понятием *«-изоляция»*.

Неспособность устанавливать доверительные личные отношения приводит к *«изоляции»* – чувству социального вакуума и одиночества. Изолированный человек Эриксона очень похож на «нарцисса» Липовецки – он устанавливает только поверхностные контакты, ограждает себя от любых проявлений любви и искренности, занимает формальную позицию в семейных и рабочих проблемах.

Он боится любви и доверия, так как испытывает страх попасть в зависимость от другого. Такой человек не способен на *со-страдание*. Изолированная личность Эриксо-

372

на – это личность *зависимая* (личность, у которой идентификации все время грозят превратиться в юнговскую идентичность).

«Изоляция» – в наших терминах окажется главным способом психологической защиты онтологически неуверенного человека. Но Эриксон так не считал! Он утверждал, что изоляция – это реакция личности на негативное воздействие внешней среды. Нравственное чувство для него лишь условие достижения интимности, и поэтому первое является производным второго.

Молодых людей, которые манипулируют другими и эксплуатируют их без всякого сожаления, он относил к числу личностей *больных*, испытывающих невротическую *изоляцию*.

Поведение убийц, вываривающих черепа для «черных магов», Эриксон объяснил бы экстремальной изоляцией в городской среде, из-за которой они не *смогли развить в себе адекватную способность к интимности*.

Но Эриксон как психолог и мыслитель формировался во времена, когда люди познавали мир имея в своем распоряжении иерархическую систему ценностей – категорический императив поведения.

Он не был в состоянии представить себе «виртуальную» культуру, в которой его понятие «изоляция» превращается *из невроза в норму человеческого бытия*. В мире, в котором вера, религиозные системы, знания и вещи стали одинаковыми кубиками детского конструктора, «изоляция» (или «нарциссизм» Липовецки) являются *необходимыми психическими механизмами выживания* или, во всяком случае, механизмами сохранения *отдельности*, или независимости, личности...

Нормальному выходу из «кризиса» *«интимность – изоляция»* способствует любовь, которая, по Эриксону (как, впрочем, и по любому другому автору с древнейших времен), и есть способность верить себя другому человеку.

Но любовь не в чести в мире «нарциссов». Любить нужно уметь. Но ни семья, ни школа, становящаяся все более и более виртуальной, учить этому не умеют.

Для нас ранняя зрелость – это возраст, в котором после подростковой бури «Я»-чувство приобретает определенность своих экзистенциальных черт. *«Я» кристаллизуется*, только теперь о нем можно говорить как об онтологически уверен-

373

ном или неуверенном – экстернальном или интернальном. От этой *определенности* позиций «Я» и зависят проявление эриксоновских «интимности» или «изоляции».

Само слово «зрелость» в русском языке означает нечто очень похожее. Но означает оно и время, когда «плод созрел» и ему предстоит «падать» с «ветки», на которой он рос, в самостоятельную жизнь. От сформированной экзистенциальной позиции будет зависеть *жизненный стиль* – внешний рисунок того, что человек называет взрослой жизнью.

Сохранившаяся, несмотря на все жизненные преграды, энергия эгодиастаны жизнестойкого человека трансформируется в *независимый* жизненный стиль. Такой личности трудно дать какое-либо определение, кроме понятия «*свободный человек*».

Желание спрятаться от жизни – эгосистолы – формирует *зависимый стиль жизни*, (даже если это зависимость «нарцисса» от системы собственных прихотей»), который в описаниях разных авторов получит разные названия. Мы пользовались понятиями «нарцисс» или «аутист».

Стиль жизни человека, который *зависит* от вещей, людей и их идеологии, неминуемо поведет своего «владельца» все дальше по дороге *зависимости*, до тех пор, пока она не завершится диссоциацией личности.

«Кризис» *седьмой* стадии жизни (от 26 до 64 лет) представляет собой выбор *«между продуктивностью и инертностью»*.

Продуктивность – это *озабоченность* человека не только благополучием своих потомков (следующего поколения), но и *всем состоянием общества как целого*. По мысли Эриксона, каждый взрослый должен или принять или отвергнуть мысль о своей *ответственности* за хранение и улучшение всего того, что называется культурой человечества.

Эриксон пишет о том, что мы могли бы назвать *сформированным чувством «Я»*, эгодиастаны которого *гармонично включает в себя заботу обо всем мире*.

Идеал продуктивности Эриксона – это то, что мы в этой книге назвали *мудростью* святых. Это уже достигнутое преображение.

Получается это далеко не у всех, да и сам Эриксон называет *мудростью* совсем иное чувство.

374

Те люди, которым *не удастся стать «продуктивными»*, постепенно *закрываются в состоянии поглощенности собой («нарциссизме» или «аутизме»)*, при котором основным предметом заботы становятся лишь личные потребности и удобства. Эти люди не заботятся ни о ком и ни о чем, они лишь потворствуют своим желаниям. Они относятся к окружающим как к вещам, считая возможным ими манипулировать.

С утратой продуктивности (развитие «застоя») *личность обедняется* (инфляция!) и испытывает чувство безнадежности и бессмысленности жизни. Эти чувства Эриксон и назвал *«кризисом старшего возраста»*.

Для нас сущность кризиса зрелости выглядит гораздо сложнее. Формирование «Я» в ранней зрелости завершает тот период, который, исходя из христианских представлений, можно считать этапом формирования образа Бога в человеческой душе. Теперь в возрасте средней зрелости образ должен превратиться в подобие. Это возраст творчества взрослой личности.

Николай Бердяев в 1914 году определил смысл человеческого творчества как попытку повторения творчества Божественного:

«Подобие Божие должно хотя бы попытаться повторить Божественное делание. Как Бог создал наш мир – так

и человек чувствует себя должным создать свой собственный».

Творчество – это трансформация влечения к расширению *своего* «Я» (эгодиастанты) в потребность расширить возможности *своего* *делания*. Творчество возможно только ради *другого* человека – и никогда для самого себя. Только улучшение жизни, обострение чувств, обогащение опытом *другой* личности как результат *моего* творчества может дать *мне* ощущение, что творческий акт состоялся.

Эриксоновский «застой» – это состояние прямо противоположное творчеству – медленное проваливание виртуальной личности в глубины самого себя – «аутизм» – по представлениям как И.А. Ильина, так и современной психиатрии.

Но как понятие «творчество», так и сами возможности *делания* в «виртуальной» культуре незаметно, но непоправимо видоизменяются. Мир «аутистов» и «нарциссов» подменяет альтруистический творческий акт эгоистическим «самовыражением».

375

Вот как описывает этот феномен все тот же энциклопедист от «Эры пустоты» Ж. Липовецки:

«...Каждый хочет поделиться своим интимным опытом, каждый желает быть услышанным, но происходит совсем как с граффити на стенах школы или в многочисленных художественных ателье: чем больше люди стараются выразить себя, тем меньше смысла мы находим в их выражениях; чем больше они стремятся к субъективности, тем нагляднее анонимность и пустота. Самое парадоксальное в том, что никто, по существу, не заинтересован в этом избытии самовыражений...

Это и есть нарциссизм – самовыражение на все случаи жизни; первичность акта связи относительно характера сообщения, безразличное отношение к его содержанию (так в творческом акте метод подменяет сущность. – А.Д.), «игровое» поглощение смысла; сообщение, не имеющее ни цели, ни слушателей. Автор сообщения становится его же главным слушателем. В результате – избытии спектаклей, выставок, интервью; слова, не имеющие ни для кого никакого значения, которые даже не разряжают обстановку; речь идет совсем о другом – о возможности и желании, независимо от характера «послания», о праве и желании нарцисса высказываться – высказываться ни о чем, просто высказываться ради самого себя, зато услышать свои слова, усиленные средствами массовой информации».

Последнюю, *восьмую* стадию жизни человека Эриксон характеризовал «кризисом» «эго» – *интеграция* – *отчаяние*. Возраст от 65 лет до смерти завершает жизнь человека. По убеждению Эриксона, последнюю фазу зрелости характеризует не столько качественно новый кризис, сколько суммирована и переоценка всех предыдущих стадий развития.

«Только у того, кто каким-то образом заботился о делах и людях, – писал Эриксон в 1963 году, – кто переживал триумфы и поражения в жизни, кто был вдохновителем для других и выдвигал идеи, – только у того могут постепенно созревать плоды семи предшествующих стадий. Я не знаю лучшего определения для этого, как эго-интеграция».

Чувство интеграции проистекает из способности человека охватить взглядом всю свою прошлую жизнь и смиренно, но твердо сказать себе: «Я доволен». Таких людей

376

не пугает неотвратимость смерти, так как они видят свое продолжение в потомках или в своих творческих достижениях.

Для характеристики интеграции Эриксон и использует слово «*мудрость*». Но в то же самое время он отмечает:

«Мудрость старости отдает себе отчет в относительности всех знаний, приобретенных человеком на протяжении жизни. Мудрость – это осознание безусловного значения жизни перед лицом смерти» (Erikson, 1982).

Несмотря на оптимизм высказываний ученого-материалиста, «чувство относительности всех знаний» привносит в его определение мудрости тщетно скрываемое отчаяние. Единственная идеология, которую принимал сам Эриксон, не в состоянии дать *надежду на жизнь вечную*.

На противоположном полюсе «кризиса» старости находятся люди, Относящиеся к своей жизни как к череде ошибок и нереализованных возможностей. Теперь на закате жизни они осознают, что слишком поздно начинать все сначала или искать новые пути к достижению целостности своего «Я».

Старость и ожидание смерти ставит все на свои места.

Личность перед лицом смерти не в состоянии оправдать себя ни собственным «нарциссизмом», ни «виртуальностью» культуры.

Бодрийара и Липовецки радовала пустота, воцарившаяся в обществе...

Пустота прожитой жизни не может радовать человека перед лицом персонального апокалипсиса, которого никому не дано избежать.

«Ты все пела, это дело... так пойдешь же, попляши!»

Радовавшийся жизни «нарцисс» испытывает отчаяние.

Отчаяние Эриксон характеризовал как отсутствие *интеграции* или *дезинтеграцию* (диссоциацию!). Оно проявляется у этих людей в неспособности вспомнить, что же являлось главным в их жизни. Чувство бессмысленности прожитой жизни даст знать о себе в непрерывном *страхе смерти*. Страх этот будет прятаться, в свою очередь, за постоянной тревогой и озабоченностью тем, что «что-то может случиться».

Эриксон полагал, что эти чувства, вкуче с одиночеством, горечью и жалостью к себе самому, могут вызвать у пожилого человека паранойяльные (бредовые) расстрой-

377

Возраст

Термины данного исследования

1.	Орально		Рождение – Базальное
			1 год доверие –
			базальное
			недоверие
2.	1–3 года		
	Мышечно стыд		Автономия –
	- анальная и сомнение		
3.	3–6 лет	Инициативность – вина	
	Локо- моторно-		
		Грудолюбие	
		неполноцен	
		ность	
4.	Латентная 6–12 лет		

Формирование онтологической «уверенности» – «неуверенности»

Первичные проявления «Я»-чувства. Формирование «эгосистолы»

Первичные проявления потребности в преобразении. Формирование «эгодиаголы»

Формирование основного когнитивного диссонанса. Появление «экстер-нальной» или «интер-нальной» личностной позиции. Формирование «наркотического стереотипа»

5	Полпостковая 12–19	Эго - илентичность – ролевое смешение	Трансформация физической потребности в <i>потребность в преобразении</i>
6	Ранняя зрелость 20-25 лет	Интимность - изоляция	- Завершение формирования «Я»-чувства и основных экзистенциальных позиций личности. Трансформация влечений к «эгосистоле» или «эгодиаголе» в соответствующий жизненный стиль <i>зависимый или</i>
7	Средняя зрелость 24–64 года	Продуктивность – застой	Этап Творчества сформированной личности
8	Поздняя зрелость 65 лет- смерть	Эго - интеграция – отчаяние	Исход – достижение <i>мудрости (целостности) или циация</i> в результате неспособности выделить <i>главное</i> в своей жизни

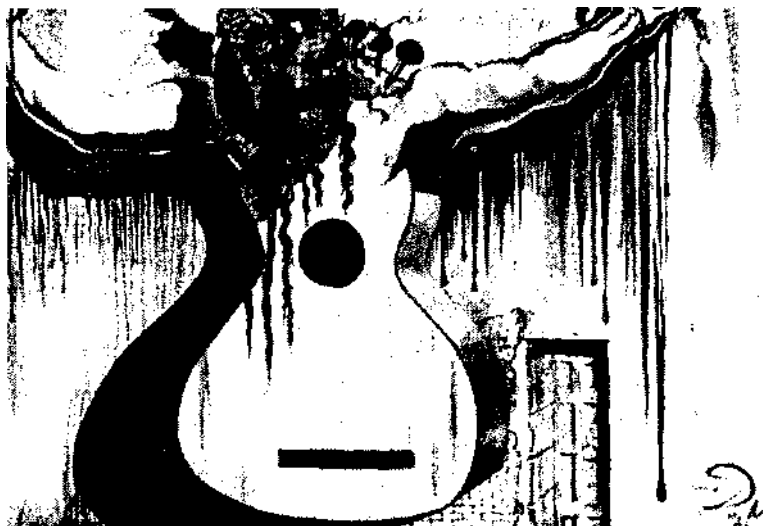
378

ства и старческое слабоумие – старческую *диссоциацию* личности.

В отличие от наркотика «виртуальность» культуры вызовет *диссоциацию только в старости*. Но вызовет все равно!

И добавить к этому уже ничего нельзя.

ПОЧЕМУ НАРКОТИКИ ВСЕ ВРЕМЯ СВЯЗАНЫ С ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКОЙ?

С. Дали. Декорация к балету «Кафе Чиниты». 1943

«Психоделическая революция», как и движение хиппи, главными своими пророками и глашатаями считала музыкантов. Вслед за Джоном Ленноном LSD стали принимать миллионы. Вслед за Бобом Марли сотни тысяч подростков и по сей день курят марихуану. Основные точки, где продаются галлюциногены сегодня, – это ночные музыкальные клубы и дискотеки.

Еще в своем «Государстве» Платон предостерегал: *«Нужно избегать введения нового рода музыки – это подвергает опасности все государство, так как изменение*

i

музыкального стиля всегда сопровождается влиянием на важнейшие политические области».

А вот мнение Аристотеля:

«Только музыка имеет силу формировать характер... При помощи музыки можно научить себя развивать правильные чувства».

В 1951 году (и снова на заре психоделии) в Лондоне вышла работа английского пианиста и композитора Сирила Скотта «Музыка и ее тайное влияние в течение веков». Эта книга, как и многие другие работы Скотта (а он был одним из ведущих теоретиков модернизма в Британии), имеет теософскую окраску. Мистические склонности не мешают автору убедительно, с помощью метода психологических параллелей, обосновывать свой взгляд на роль музыки в человеческой истории.

В частности, Скотт предполагает, что, например, оратории Генделя, с их яркостью, мощью, возбуждающей благоговейный трепет, восстановили английскую мораль и что именно популярность музыки Генделя способствовала возникновению того, что мы сейчас называем эпохой Викто-рианства в Англии.

Не скрывая того, что определенный формализм музыки Генделя в известной степени тормозил развитие мысли в этой стране, способствуя таким британским «родимым пятнам», как мелочная щепетильность или болезненная привязанность к традиции, Скотт считает, что во многом благодаря гармонически-божественному строю этих творений сформировались и такие черты английского национального характера, как осознание долга, чувство собственного достоинства, стремление к порядочности во взаимоотношениях, мораль частной жизни и т. д.

С точки зрения Скотта, музыка Баха оказала решающее влияние на мышление немцев. Именно в период открытия немецкой культурой клавирных и органнх творений Баха возникло колоссальное здание немецкой классической философии.

Но вот что интересно. Два величайших сочинения Баха – оратории «Страсти Господни по Евангелию от Матфея» и «Страсти Господни по Евангелию от Иоанна» – считались утерянными и не исполнялись более ста лет.

Именно в этом, по мнению Скотта, коренится причина бюргерской ограниченности, пресловутого филистерства и

380

прочих плодов немецкой цивилизации XIX века. В них в конечном счете и следует искать истоки той странной легкости, с которой фашизм овладел умами и душами одной из самых интеллектуальных в прошлом стран Европы.

У музыки Бетховена миссия была несколько иного характера. Произведения композитора содействовали углублению процессов понимания людьми друг друга. Скотт считает, что Бетховен был величайшим музыкальным психологом и... подлинным отцом психоанализа, так как благодаря именно его творчеству стало «энергетически возможным» развитие глубинной психологии и соответствующего взгляда на внутренний мир человека, на различные проявления его души.

Определенные стороны музыки Бетховена как бы функционируют в качестве «музыкального аналитика». Они способны извлекать на поверхность и освещать многие чувства, скрытые в глубинах бессознательного. Симфонии Бетховена, расширив эмоциональный диапазон людей своей эпохи, обогатили их пониманием доселе не проявленных и оттого недоступных сознанию свойств человеческой души.

Особым свойством личности, а стало быть, и творчества Бетховена является его способность пробуждать в людях сострадание друг к другу (ведь *все понять – значит все простить*). Современникам великого композитора было необходимо не только научиться понимать, но и чувствовать *индивидуальность* каждого отдельного жителя Земли.

Скотт, в частности, предполагал, что под влиянием именно этой музыки в Европе возникла такая общественная форма проявления сочувствия страдающим, как благотворительные фонды и учреждения.

Что касается музыки Шумана, то его «Детские сцены», «Рождественские альбомы» и огромное количество других произведений, посвященных детям, способствовали сближению взрослых и детских душ. По мысли Скотта, под влиянием популярных фортепианных и камерных циклов композитора в Европе около 1840 года появились первые детские сады.

Разумеется, невозможно пересказать всю большую книгу Скотта. Тем более, что в своих взглядах он был не одинок. Другой известный в самом начале XX века музыкант – суфий Хазрат Инайят Хан – писал, что, слушая

381

музыку, мы сталкиваемся с «мелодическим внушением». Если сопоставить их взгляды, то окажется, что процесс воздействия музыки на культуру удивительно схож с тем, что Джон Лилли называл «метапрограммированием человеческого биокомпьютера».

Музыка окажется не чем иным, как одной из форм «внушения» («настройки») человеческой души. Причем внушение это оказывает колоссальное влияние на судьбы культуры и психологии целых народов!

Интересно для нас и мнение К. Скотта о том, что в культурном пространстве начала XX века имел место своеобразный «духовный застой». Одну из его причин автор видит в исчерпанности «классической музыкальной энергетике», в неспособности ее влиять на «коллективные эмоции» общества.

Задача «новой» музыки, по Скотту, заключается в преодолении *заурядного и устаревшего* музыкального мышления – той инерции дремлющего духа, которая стала тормозом на пути дальнейшего развития человечества.

Эта миссия выпала на долю Стравинского, Шенберга, Хиндемита и некоторых других композиторов-модернистов. Их музыка должна была являться лишь прологом новых возможностей музыкального языка, которые, по мнению Скотта, должны были появиться в серьезной музыке конца XX века...

Сегодня можно констатировать, что все ожидания, связанные с надеждой появления качественно новых, значимых принципов гармонии и организации *классического* музыкального пространства и которые оказали бы решающее воздействие на души прошедших через наш «тревожный век» людей, оказались напрасными.

Почему это случилось?

Возможно, то, что Скотт определял как «исчерпанность музыкальной гармонии», на самом деле было исчерпанностью гармонии *души*?

Гармония музыки сохранила свою энергетiku, но душа больше не хотела ее слышать – она «оглохла».

Великие образцы классической музыки обязаны своим явлением в мир все тому же христианству, все их творцы, имена которых, собственно, и составляют само понятие *классики*, были христианами. И каждая часть их творчества была соотнесена как с воздаянием Христу,

382

так и с муками покаяния в *собственной греховности* перед Ним.

Классическая музыка конечно же была музыкой христианской. Нет, не ее энергетика исчерпалась. Человеческая душа исчерпала энергетiku веры. В конце XIX – начале XX века мир погружался в сон новой религии – материализма. И в Европе, и у нас степень восприятия христианской морали не простиралась дальше условного набора социальных ограничений, которые человек, загипнотизированный очередными апокалиптическими обещаниями, начал воспринимать как помеху на пути собственной свободы.

Человек начала века пытался преодолеть в себе христианина, точно так же, как мы уже несколько десятилетий пытаемся «преодолеть в себе Сталина». Христианство, в философии Ницше, стало духовным тормозом, превратилось в некое досаждающее социальное ограничение – мешающие восприятию «глоссы» К. Кастанеды.

И христианская музыка, теряя аудиторию, постепенно отторгалась, как и многие другие стороны христианского мышления. Результатом этого процесса стало опустошение резервуара, который можно определить как смысловую часть музыкального восприятия. В душу, чем дальше, тем больше, вторгался хаос, пустота, закладывалась матрица бессмысленности. Вот этот-то процесс и отражали, на наш взгляд, первые

композиторы-модернисты.

Что такое христианская музыка?

Для автора эта музыка композиторов, пытающихся воспроизвести в звуках постижение и преодоление через божественную гармонию своей душевной боли и своего человеческого несовершенства. Ее пронизывают токи трагичности существования и – контрапунктом к ним – одухотворяющее начало, несущее в себе возможность преодоления трагедии. Христианская музыка не отменяет страдания, но помогает его преодолеть с помощью понимания.

Иной род христианской музыки представляет собой как бы апофеоз радости. Трагический элемент в ней, как правило, не ощущается. *Это музыка, предназначенная исключительно для церковного исполнения.* В мессах, кантатах и хоралах звучит истина о существовании Бога.

Энергетику именно этих музыкальных форм Скотт считает исчерпанной.

383

Но в эпоху «сумерек богов» в музыкальной культуре возникло такое новое «энергетическое» явление, как популярная музыка.

Собственно говоря, до начала XX века популярной музыки в нынешнем понимании этого слова вообще не существовало. В XIX веке таковой обыкновенно считались легкие для понимания части классических произведений, а также специально написанные для публики пьесы, при всей своей неоднородности рядящиеся все в те же «классические одежды».

Популярную музыку и наркотики объединяет хотя бы то, что к обоим этим феноменам серьезная наука (впрочем, как и философия) относилась как к чему-то несерьезному, маргинальному, не заслуживающему «академического» внимания. Между тем никакой другой культурный феномен века не оказал, возможно, столь серьезного «программирующего» влияния на людские души, как популярная музыка.

В самом начале XX века, в эпоху «сумерек богов», из недр культуры чернокожего населения Америки в Западную Европу стал проникать блюз.

Вне всякого сомнения, блюз возник из ритма тамтамов негров Африки, его корни – в языческой древности. Почему-то этот непривычный ритм стал необходим культуре белых. В 1900-х годах он начал стремительно ассимилироваться тогдашней американской и европейской музыкой.

Скорость распространения новых ритмов была сравнима с эпидемией. Их влияние на культуру нарождающегося столетия были настолько велики, что его нельзя объяснить иначе как тем, что ритмы эти отвечали на какую-то *потребность* белого человека.

Влияния были взаимными. Блюз, с его языческими ритмами, менялся под воздействием европейской, христианской музыки, а последняя тянулась к блюзу.

Так возник джаз. Классический пианист и композитор Джордж Гершвин писал *симфоническую* музыку, которая принимала образцовые *джазовые очертания*. Его мелодии входят в репертуар лучших симфонических оркестров, но также исполняются и ведущими джазовыми музыкантами всех мастей. Подобная ассимиляция еще до Гершвина породила госпел – уличные песни-молитвы негров, основанные на языческом ритме и обращенные к Христу.

384

Очевидно, что блюз явился единственной музыкальной формой, которой удалось на протяжении столетия сохранить свою энергетическую мощь. Видимо, своим пульсирующим ритмом он как бы напоминал человеку о напряженном, предельном противоборстве Добра и Зла – антиномии, ставшей главной реальностью в эпоху «сумерек» духа.

Случайные ли это процессы? Бывают ли вообще случайности в области культуры?

Именно блюзовый ритм века, на взгляд автора, помогал человеку сохранять индивидуальность и устойчивое ощущение собственного «Я» наперекор всем попыткам манипулировать человеческим сознанием. Мелодия блюза то расходится, вовлекая в свое пространство нашу трансцендентную надежду, то усыхает до ломаного пунктира, символизируя неустойчивость, тревожную готовность, невротизм бытия.

Блюз – а внутри его мелодики всегда жив примат индивидуальности – как бы повествует о том, что, несмотря на любые испытания и любое давление, человек способен оставаться человеком, то есть личностью – самим собой.

Ритм тамтамов оказался неожиданно схож со структурой привычного военного марша. Марш – это почти единственная форма европейской музыки, которая была изначально призвана растворять индивидуальное начало слушателя. Действительно, для победы в военных действиях необходимо не скопище разрозненных индивидуальностей, а управляемая единой волей и нерассуждающая масса людей.

Маршевый ритм состоит из четырех долей такта. Блюз и джаз – это маршевый ритм, в котором одна из таких долей утрачивается. Внутри этого ритма возникает *диссонанс*. Диссонанс становится *импульсом трагедии* среди фигур обезличенной маршевой мелодии. На джазовом языке это называется свингом, и отсюда такое неповторимо-индивидуальное, импровизационное звучание джазовых и блюзовых композиций.

Скрытый в корнях блюза, *изначально трагический диссонанс* делал джаз не мелодическим, но духовным родственником христианской музыки. Культура хотела обновления, но сохраняла потребность в диссонансе как чувстве, охраняющем индивидуальность.

13 А. Данилин «LSD»

Внутренняя трагичность диссонанса создала музыкальную индивидуальность блюза-джаза. Ее энергетика оказалась необходимой европейцам, так как помогла сохранить чувство «Я». Жестокий век пытался уничтожить личность – джаз помогал ей выжить.

Отнюдь не случайно и не по глупости сталинский «дионисический» социализм запретил джаз, поставив слушание музыки в один ряд с... уголовным преступлением. Сталин правильно ощутил джаз как «музыку анархистов», это и была музыка ярких одиночек, непрерывно напоминавшая слушателю о существовании «Я» – образа Бога в человеческих душах.

Суфий Х. Инайят Хан пытался понять роль современной ему популярной музыки.

«Как возникает огромная популярность джаза, – писал он. – Джаз не заставляет мозг много думать о технической стороне музыки; он не принуждает душу углубляться в духовное; он не заставляет сердце чувствовать глубже – он затрагивает тело. Он позволяет ему обновить жизненную силу с помощью определенного ритма и определенного звука; это дает людям – я имею в виду большинство – большую энергию и заинтересованность, чем музыка, которая напрягает ум. Тех, кто не хочет быть возвышенным духовно, кто не верит в духовные вещи и кто не хочет утруждаться, джаз оставляет в одиночестве; хотя в то же время он затрагивает всех, кто слышит его».

Книга Инайят Хана «Мистицизм звука» написана в 1914 году, в годы становления новой музыкальной традиции блюза-джаза. Хан не знал тогда ни джазовых импровизаций, включая темы Баха, ни Эллингтона, ни гос-пельных распевов. Вряд ли сегодня найдется хоть один музыкант, согласный с тем, что джаз «не заставляет сердце чувствовать глубже».

Не знал Инайят Хан и того, что элементы классической музыки («музыка, развивающая дух», по его определению) и джаза сольются и к середине века во многом станут единым целым.

Можно утверждать, что джаз – это музыка, в которой дух и тело существуют в неразрывном единстве.

Вот как Инайят Хан описывает влияние звука на тело человека:

386

«Помимо психического и духовного эффекта, который звук производит на человека, существует и физический эффект. С метафизической точки зрения, дыхание является жизненным током праны; этот жизненный ток существует и в таких вещах, как жильные струны или кожа барабанов. В них тоже есть часть жизни, и именно в этой мере их жизненный ток становится слышимым, он затрагивает прану живых созданий и придает им дополнительную жизнь. Именно по этой причине примитивные племена, которые имеют только барабан или простые духовные инструменты, постоянно играя на них, входят в такое состояние, что наслаждаются *экстазом*».

Неслышанная популярность блюза-джаза, по всей видимости, стала возможной потому, что у человечества накопилась колоссальная потребность в такой энергетике извне, в *метапрограммировании собственной цельности*, – а именно это новые ритмы несли в себе.

Само слияние ритма тамтамов и основ классической христианской музыки уже обуславливалось потребностью в *слиянии духа и тела*. Танец способствовал этому слиянию и, несомненно, исподволь учил чувствовать другого человека.

Мы говорим об очень важных вещах. В самом понятии «джаз» кристаллизуется одна из основных экзистенциальных проблем века безверия – проблема отчужденности духа (или чувства «Я») от тела. Разрыв между телом (внешней оболочкой) и «Я» (ощущением индивидуальности) стал главным симптомом и диагнозом XX столетия.

Под «телом» подразумевается, естественно, не скелет и мягкие ткани, но ощущение себя в пространстве и времени как отдельного целостного и поэтому полностью отвечающего за свои действия существа. Вот как говорил об этом Лев Платонович Карсавин:

«Дух – синоним единства. Духовность обозначает ту либо иную степень единства. Но не мыслимо и не возможно единство само по себе; не возможен отвлеченный дух: его нет и быть не может. Единство – источник и начало множества...»

...Иными словами, личность ни духовна, ни телесна, но духовно-телесна. И, как дух, личность не единство, противостоящее ее телесности (в этом смысле она – аб-

387

страктный дух, дух без содержания), но единство самой этой телесности и воссоединение разъединяющегося или «дух животворящий». Дух не тело, но у него нет своего, «духовного», содержания (что делало бы его телом), ибо он – духовность телесности. Дух на тело «нисходит», телесное «берет», воссоединяет и воссоединяет с собою».

Разрыв между душой и телом – это разрыв между «Я» и поступком, между «Я» и принятием решения. Кому из нас не знакомо ощущение того, что он совершил поступок, который на самом деле его «Я» совершить не могло?

Поговорите с осужденными на смертную казнь, и вы услышите вечное раскольниковское – *это сделал не я, какой-то бес управлял моим телом и душой!*

В случае, когда *раскол* между телом и духом окончателен и невосполним, налицо болезненное состояние, недуг, который с начала XX века называется шизофренией.

Джазовая музыка была одним из немногих культурных механизмов, который помогал человеку встретиться с самим собой: посредством *танцевальных* элементов, пульсирующей энергетике тамтамов объединить тело и дух в синтезе внутренне напряженного чувствования не только себя как личности, но и партнера ■– *другого*. *Джазовый танец заставлял* сопереживать чувства партнера через единую сближающую внутреннюю тональность.

И вот что интересно: Роберт Лэнг, отрицательно относившийся к популярной музыке, пишет о нескольких своих пациентах, страдавших резко выраженной онтологической неуверенностью:

«Насколько я могу судить, существовала лишь одна ситуация, в которой они могли «дать себе волю» (в смысле – чувствовать себя способными на поступок. – *А.Д.*); *это случалось, когда они слушали джаз*».

Джаз способствовал тому, что Лэнг называл *онтологической уверенностью*.

Блюз, джаз и госпел привели в 40-х годах к появлению ритм-энд-блюза – танцевальной музыки, основанной на блюзовом ритме, госпелных распевах и джазовом смещении долей такта.

Ритм-энд-блюз, европейски смягченный, привел к стилю рокабили, ставшему популярным в 50-е годы. Ритм-энд-блюз и рокабили открыли эру рок-н-ролла – музыкального

388

направления, которое и по сей день во многом определяет сознание молодых.

Рок-н-ролл, в свою очередь, повлиял и на традиционных джазовых музыкантов. Появились новые направления. В джазе это – бибоп, а в популярной музыке – соответствующие ему необлюзовые стили: такие, как фанки или соул.

Развивался и сам рок-н-ролл. Его исполнители пытались двигаться в сторону от блюза, создавали самостоятельный «белый» ритм. Так возникла музыка в стиле бит, а вслед за ней и тяжелый рок.

Но именно здесь, в начале 60-х, что-то случилось...

Бит, а за ним и рок начали постепенно утрачивать связь со своими блюзовыми корнями. В рок-музыке мелодический ряд стал проще, утрачивалось пульсирующее теплое свинговое начало, и ритм выстукивался уже как бы ради самого себя.

Блюзовый ритм в рок-музыке лишился главного – диссонансов, внутренней трагичности музыкальной темы. В роке конца 60-х годов блюз начал свое движение назад к военному маршу.

Появление и выдвигание на первый план электро-бас-гитар создали возможность проведения массового «музыкального внушения» – навязывания ритма.

Если любителю рок-музыки во время концерта или приватного прослушивания снять энцефалограмму (нам несколько раз приходилось это делать), то окажется, что картина электромагнитной активности мозга будет аналогична той, что создается при сеансе гипноза. В электрофизиологии подобные изменения называют реакцией навязывания альфа-ритма. Вполне естественно, что эта реакция будет происходить легче всего в подростковом возрасте – в период гормонального и психологического становления личности.

Необходимо отметить, что при наличии у подростка даже небольших врожденных аномалий в кислородном снабжении мозга – так называемой «минимальной церебральной дисфункции» – реакция навязывания ритма может вызвать откровенно патологические состояния. Свойственная подростку возбудимость во время рок-концерта может превратиться в эпилептический припадок.

И вот что интересно – лечить такие состояния тоже можно с помощью музыки. Группа американских иссле-

389

дователей в 2000 году доказала, что прослушивание в течение 10 минут в день пьесы Моцарта для фортепиано (Соната до мажор для четырех рук – К. 521) снижает частоту приступов эпилепсии даже при тяжелых формах этого заболевания.

У всех присутствующих на рок-концерте навязанные ритмы будут вызывать *единые, общие для всего зала эмоции*. Такое «обобщение» влечет собой *растворение индивидуального, личностного в человеке*. Из глубин души начнут подниматься стадные инстинкты.

«Растворение» индивидуальности слушателей приведет к резкому повышению их внушаемости по отношению к источнику звука, то есть к исполнителю, самой музыкальной композиции и ее *тексту*.

Причем последний может при этом быть полной бессмыслицей. Даже сам подросток, просто читающий стихи своего рок-кумира вне волны «музыкальной психоделии», порой не может понять, а почему, собственно, этот бредовый и бессвязный текст воспринимался на недавнем концерте как откровение?

Все это так. Но ведь способность к растворению, связанная с концентрацией внимания на музыканте-исполнителе, есть следствие и необходимое условие любого исполнительства, любой музыки, а отнюдь не только рок-призведений.

И почему, например, при исполнении фортепианных сонат Бетховена, ноктюрнов Шопена или джазовых композиций в исполнении Оскара Петерсона ритмика, мелодика и гармония последних, с точки зрения повышенной внушаемости музыкальной аудитории, нас не беспокоит?

Вот что пишет о музыке выдающийся русский философ А.Ф. Лосев:

«И вот, чистое музыкальное бытие есть план глубинного *слияния субъективного и объективного бытия*. Мы должны здесь иметь в виду не субъективистически-психологическое растворение музыкального объекта (людей и вещей из внешнего мира. – *Л.Д.*) в недрах процесса личных переживаний, равно как и не простое уничтожение субъекта («Я». – *А.Д.*) в угоду объективного безразличия. Нет, в абсолютном музыкальном бытии именно присутствует субъективное бытие (бытие личности. – *А.Д.*) со всей своей невыразимой и абсолютно простой качествен-

390

ностью; здесь именно присутствует и объективное бытие со всем своим предметным обстоянием и качеством объектное™. Музыкальное бытие потому так интимно переживается человеком, что в нем он находит наиболее интимное касание бытию, ему чуждому. Его «я» вдруг перестает быть отъединенным; его жизнь оказывается одновременно и жизнью предметов, а предметы вдруг вошли в его «я» и зажили единой с ним жизнью. Слушая музыку, мы вдруг ощущаем, что мир есть не что иное, как мы сами, или, лучше сказать, мы сами содержим в себе жизнь мира. То, что было раньше отъединенным и дифференцированным переживанием в нашем субъекте, вдруг становится онтологической характеристикой того, что раньше мы отделяли от себя и называли объектом» (внешим миром. – *А.Д.*)

Лосев утверждает, что музыка есть величайший и божественный инструмент, позволяющий человеку *включить объекты внешнего мира в структуру своего «Я»*.

«Я» при этом не растворяется и не исчезает – оно *обогащается* чувственно-духовным познанием новых

объектов, будь то люди или природа, предметы или религии.

Лосев описывает классическую музыку – е сущности точно так же, как епископ Феофан описывает феномен истинного чуда.

Включение целого мира в состав собственного «Я» и есть то, что мы называли мудростью. И слушание такой музыки, следовательно, превращается в *подлинное таинство духовного просвещения.*

Но как только музыка лишается «голгофского» ореола, то есть глубины трагичности, какого-то свойственного и близкого ей внутреннего диссонанса, – *происходит подмена.* Вместо *обогащения личность* теряется – *растворяется в объектах внешнего мира.*

Чудо превращается в психоделию.

Следствием чуда является мудрость, следствием психоделии – абсолютная внушаемость или отсутствие способности к независимости.

Можно даже утверждать, что лишённые диссонанса формы популярной музыки – тяжёлый рок или диско-соул Боба Марли – *подменили* собой ту часть спектра христианской музыки, которая предназначалась для *церковного исполнения*, фактически взяв на себя функции традиционного церковно-

391

го хора. Правда, исполнялись эти «хоралы» уже в иной церкви...

Кому же служат молебны в этом храме?

Состояние, в которое попадает слушатель рок-музыки, напрямую обусловлено (навязано!) эмоциональным настроением исполнителя, его внутренней задачей.

Своего духовного настроения и своих задач рок-музыка никогда и не скрывала. Сатанинские изображения, всевозможные демоны, «зомби», расчленённые трупы, человеческие внутренности, черепа и другие «инфернальные» символы давно являются обычными составляющими дизайна обложек альбомов тяжёлого рока. В этом же ключе выдержаны и названия композиций.

Но возможно, это лишь элемент рекламы – потребительская упаковка для реализации музыкального товара, предназначенного для *развлечения* молодежи? Не может же, в самом деле, какая-то там музыка оказывать серьёзного воздействия на личность, считают взрослые.

Да, действительно. Разрушения мозговой ткани, аналогичного действию героина, музыка вызвать не сможет.

Но не под силу такое разрушение и LSD!

Все гораздо сложнее, если попытаться сопоставить в качестве инструмента воздействия на личность такие явления, как восточный мистицизм и LSD; марихуана и отдельные виды современной музыки...

Вот каким образом выглядят, например, результаты ме-тапрограммирования подростка «тяжёлым металлом»:

«Ну я просто не могу! Если я на ночь не поставлю себе на уши «Металлику», я не засну, и ва-ще. Если у меня плеер сломался, я не человек, а отморозок какой-то...»

«Жить неинтересно, понимаете, без железок (имеется в виду музыка в стиле «тяжёлый металл», трэш, гранж и т. д. – А.Д.) мне нечем жить. Скучно. Вам не понять. Все остальное просто не интересно. Да вы, наверное, доктор, эту музыку толком и слушать-то не пытались. Лучше ее ничего и быть не может... Не; я без наушников не ем ничего. Секс? Без трэша я не завожусь. Резинка, и все, а с музыкой мне хоть приятно...»

Что это такое, если не своеобразная форма психической зависимости?

Есть и еще одна очень интересная деталь. И слушатели, и исполнители тяжёлого рока постоянно говорят, что глав-

392

ное в нем даже не музыка. Музыка рока – всего лишь фон, некое, как считают они, обрамление, «банка для тусовки».

Изнутри же «банки» разговаривать, как вы понимаете, практически невозможно. Зато в ней «кайфово бухнуть, угарать или ширнуться».

Все остальное общение вертится вокруг одного-единственного, «знакового» слова – «Круто!».

По сути, происходит все тот же известный нам процесс зомбирования. Музыка «открывает» сознание своего поклонника, а дальше в «святое место» можно внедрить все, что угодно, – вплоть до наркотиков и насилия.

Существует целый ряд признаков *инфляции* («снижения умственного уровня»), появляющихся у фанатиков «тяжёлого металла» – неспособность, например, к созданию устойчивой семьи. «Трэш и брак несовместимы».

Их перестает интересовать секс.

«Трэш с балдой (с водкой. – А.Д.) – гораздо круче любого секса. Зачем он мне нужен?»

Заметно понижаются интеллектуальные способности. В словаре, как у «людоедки Элочки» из «12 стульев», сохраняется пять-шесть слэнговых словечек. Круг интересов ограничивается происходящим внутри «рок-тусовки». Авторитетами – объектами для идентификации (*идеалами* по Эриксону) зачастую становятся персонажи уровня героев мультфильмов «MTV» – Бивиса и Батхеда. Их поведение становится образцом для подражания, а высказывания – привычными речевыми трафаретами.

«...космическая система работает по закону музыки, по закону гармонии...»

Хазрат Инайят Хан

А если это *иная* музыка? Мы что же, окажемся в иной космической системе, в иной культуре?

Похоже, что именно это и произошло на исходе XX века.

Молодые люди, считающие себя «металлистами», страдают чувством все той же онтологической неуверенности. Их привязанность к какофонии и *потребность в навязанном ритме* служит своего рода щитом, отгораживающим личность от реальности. Это точно такое же проявление влечения к эгосистоле, как и попытка отгородиться от мира разноцветными иллюзиями LSD.

Интерес к трэшу и «тяжелому металлу» «не допускает» в сознание какие-либо иные интересы. Последние требуют хоть какой-то умственной или духовной работы – а это трудно; металлический грохот позволяет личности отодвинуть рутину жизни без всяких усилий...

Заточение самого себя в «банке для тусовки» интерпретируется подростками как *высшее проявление свободы*. Точно так же, как основным фактором своей свободы наркоман считает свое право принимать наркотики, хотя ничего, кроме этого, он, в сущности, делать не в состоянии.

И трэш и наркотики способствуют формированию той самой личностной позиции, которую Ильин называл «аутизмом», а Липовецки «нарциссизмом» – подросток замыкается на себе самом, заполняя сознание примитивной мелодией или веществом. И то и другое помогают «спрятать» свое «Я» – облегчают эгосистолу.

Какая же конкретная обстановка требуется трэш-фана-ту для ощущения собственной «свободы»? Мы можем проследить это по атрибутам, обязательным для любой тусовки (постоянной группы) «металлистов». Они состоят из неизменного набора *символов хаоса* – «раздолбанная тачка» с «пузырем водяры» под сиденьем, подчеркнута рваные джинсы и рубаша в заплатах, разломанная мебель, невыразимый беспорядок в грязном помещении, немые тарелки, разбросанные повсюду предметы одежды.

Подобный *хаос* среды обитания из обычного, свойственного подростку игнорирования «низких» житейских проблем постепенно оборачивается потребностью, вырастает в самоцель.

При попытке родителей убрать в комнате поклонника трэша подросток искренне протестует или, переживая, впадает в депрессию на несколько дней – вплоть до полной *ликвидации порядка*. *Порядок* становится чем-то принципиально непереносимым – главным признаком *несвободы*.

В свое время автор не мог понять символики одного из 12 подвигов Геракла. Для того чтобы получить *свободу* после назначенной богами Олимпа повинности за невольное убийство, Геракл должен был в числе прочего убрать... конюшни царя Авгия.

Только с годами пришло понимание: Геракл здесь – символ Логоса, всепобеждающего разума, а навоз, мусор

и невероятный беспорядок авгиевых конюшен – символ всепроникающего хаоса, тех самых хтонических сил, о которых не раз упоминалось на страницах этой книги. Опыт практикующего врача подсказал и другое: если человек не в состоянии – или просто не хочет – справиться с хаосом собственного дома, он близок к физической смерти или к *смерти собственной души – к диссоциации личности*.

Пока живы Божественный *Логос* и его подобие – *человеческий разум*, беспорядок пустоты должен уступать место *упорядоченности*. Упорядоченное расположение предметов в квартире – это наделение их *значимостью*. «Бардак» «металлиста» – это ощущение *равнозначной бессмысленности* вещей и законов окружающего мира.

Хаос в жилище и в душе гораздо ближе друг к другу, чем это может показаться.

В рок-тусовке элементы хаоса и разрухи вполне совмещаются с откровенно инфернальной символикой: головные повязки с черепами, майки с изображениями перевернутых крестов, орудий пыток и насилия – шипов, цепей, кастетов. Все это – под знаком черного, сатанинского цвета. Солнца трэш не любит (точно так же, как не любят его поклонники LSD и кокаина), а любит он плотно завешенные окна, кожаные, как у чекистов, черные куртки, на фоне которых так «хорошо» смотрятся свалявшиеся от грязи длинные, женственные волосы – «патлы».

Еще хуже обстановка с таким сменившим трэш направлением рок-музыки, как гранж. Поклонники Курта Кобейна носили на майках надписи: «Ненавижу себя и хочу умереть», а сам лидер «Нирваны», как известно, покончил с собой, приняв запредельную дозу героина и выстрелив себе в рот из охотничьего ружья... Обратите внимание: группа отнюдь не случайно получила свое название. «Нирвана» – это состояние просветленности души и максимального блаженства (максимального *раз-воплощения*) в буддизме.

Вот такое метапрограммирование. *Но оно работает!* По американским данным, среди членов фан-клубов «Нирваны» самоубийц в 18 (!) раз больше, чем в среднем по стране в соответствующих возрастных группах..

Конечно, большинство подростков «болеют» тяжелым роком и иже с ним недолго. В 18–19 лет трэш, как пра-

вило, проходит, как простуда. Но те конкретные люди, о которых мы пишем, уже перевалили подростковый рубеж. Сегодняшним «рок-наркоманам» 25-30 лет. Они, несомненно, пережили потребность в эггистоле, патологическую идентификацию, идентичность и инфляцию (юн-говское «понижение умственного уровня»), то есть все стадии формирования интеллектуальной и психической зависимости.

Если зависимость, скажем, от кокаина или LSD наше общество считает болезнью, то аналогичное страдание, наступающее у поклонников современной музыки, – почему-то нет. Нам не удалось найти ни одного исследования, посвященного изменениям личности (инфляции) у фанатиков «инфернальной» музыки, или работы, анализирующей истинные причины насилия в их среде.

Вместе с тем, если исходить из основных концепций нашей книги, влияние психоделии на популярную музыку проследить довольно легко.

Музыкальные направления, имевшие прямую связь с блюзовыми и классическими корнями, как-то и неожиданно быстро умерли. Ритм-энд-блюз, госпел, рокабилли, да и весь классический джаз как одна из форм *популярной музыки* за несколько лет, на грани 50-х и 60-х годов, потеряли свою популярность, которая, казалось бы, стабильно нарастала с 10-х по 50-е годы.

Выпало же это как раз на момент той самой «психоделической революции», о которой говорится в этой книге.

Из обусловленного наркотическим влиянием резкого упрощения блюзового такта первым родился психоделический рок. Последний породил «тяжелый рок», потом «рок панков», и вместе они произвели на свет «металлический рок» и все последующие градации «тяжелого рока».

Примерно то же произошло и с джазом. Он произвел на свет психоделического отпрыска – «музыкальный отчет» джазовых музыкантов об опыте приема наркотиков. Эта форма, выродившись, в свою очередь, дала жизнь «кислотному джазу» – музыке, которую также нельзя воспринимать без соответствующего подспорья – «кислоты»,

то есть LSD.

Растворяющее «Я» и способствующее формированию онтологической неуверенности действие наркотиков-галлюциногенов постепенно переносилось «кумирами молодежи» в иной

396

план – перелagалось на язык музыки. Это был естественный процесс.

Принимая наркотики, творцы новой музыки получали и новый «духовный» опыт «нарциссизма», который, в свою очередь, стремились передать в своих композициях.

Стала классической история о том, как Джон Леннон под воздействием LSD за одну ночь написал новаторскую песню «Lucy in the sky with diamonds» («Люси в небесах с бриллиантами»). Этим случаем огромное количество композиторов и исполнителей новой музыки оправдывало, оправдывает и будет оправдывать свое употребление наркотиков.

Мало кто задумывается о том, что эта и несколько других, *передающих наркотическое опьянение*, композиций стали основой всего нарождающегося стиля рок. Более того, Кен Кизи и его «Проказники» были убеждены, что участвовали в появлении «кислотных» произведений «The Beatles». Вот как об этом рассказывает Т. Вулф:

«Когда в конце 1966-го – начале 1967 года волна «кислотного» бума докатилась до Англии, считаться истинным человеком с понятием стало возможным лишь в том случае, если ты обладаешь «кислотой Аузли» (одного из производителей наркотиков. – А.Д.). В кислотном мире это была и гарантия качества; проверенная; обеспеченная; и символ положения в обществе. Именно в этом торчковом мире впервые приняли кислоту... «Битлз». Забегим немного вперед: после того как Аузли сошелся с Кизи и Проказниками, он собрал группу музыкантов, назвавшуюся «Благодарные Мертвецы». В результате общения «Мертвецов» с «Проказниками» родился звук, известный как «кислотный рок». И именно этот звук подхватили «Битлз», после того как начали принимать «кислоту», выпустив знаменитую серию кислотно-роковых пластинок: «Револьвер», «Резиновая душа» и «Оркестр Клуба одиноких сердец под управлением сержанта Пеппера»...»

Почти никто не хочет видеть и того, что сам Леннон до самой смерти так и не смог вернуться из своего, вызванного «кислотой», *развоплощения*, несмотря на то, что самыми разными способами пытался вновь стать самим собой.

Постепенно музыка, обусловленная наркотическим переживанием, несущая в себе энергетику галлюциногенов, входила в моду, вытесняя другие музыкальные стили. Нар-

397

котики делали модным определенное состояние души, а чуткая интуиция композиторов (и исполнителей) переводила эту моду в музыкальные мелодии, которые, в свою очередь, осуществляли «программирование» – эмоциональную настройку культуры на волну «дионисического» восприятия мира.

Популярная музыка 60–70-х годов медленно менялась под влиянием все тех же явлений наркотической и ненаркотической психоделии.

Одновременно с галлюциногенами культура медленно поддавалась и прямым «неязыческим» влияниям. The Beatles, как известно, прекратив прием наркотиков, стали духовными учениками Махариши Махеш Йоги. «Битлы» были к этому моменту настоящими языческими идолами массового сознания. Их поход к Махариши открыл двери для лавинообразного проникновения энергетики медитаций и восточного мистицизма в популярную музыку.

Открылась эра музыкального нью-эйджа, в *сладеньких* мелодиях которого отражался опыт «кислотной», психологической и псевдовосточной психоделии.

В те же годы, как бы подтверждая языческий характер нарождающейся под влиянием галлюциногенов новой культуры, вошла в моду так называемая «этническая» музыка. Имеются в виду как записи традиционной языческой народной музыки, так и совместные записи ее исполнителей со звездами джаза и альтернативного рока.

Интересно, что первыми в волне «этно» появились записи индийской традиционной музыки и кубинской музыки «вуду». Мелодии ислама и суфизма, индейцев Мексики и Северной Америки появились несколько позже. Удивителен, но лишь на первый взгляд, тот факт, что первыми поклонниками и пропагандистами этнической музыки и в Америке, и в России были *только* те люди, которые прошли через опыт приема LSD, мескалина и других наркотиков этой группы.

Довольно трудно описать словами чисто музыкальный аспект, обусловленный всеми этими процессами. Отечественные меломаны, например, нередко говорят, что по сравнению с блюзом или соулом музыка регги стала «нестерпимо сладкой».

Но что такое «нестерпимо сладкая» музыка? По всей видимости, это мелодия, в которой отсутствуют даже сле-

398

ды внутреннего диссонанса, – музыка, полностью лишенная *трагичности*, избавленная от человеческой души.

Личность – это мера страдания, степень осознания индивидуального греха. Человек не может быть личностью без ощущения внутренней боли за себя и других людей. Только душевная боль способна проложить дорогу к пониманию. В музыке это слышнее всего. Боль в ней выражают диссонансы. Мы называем сладкой музыку, предназначенную *только для отвлечения от этой внутренней боли*, – музыку, лишенную диссонансов.

Вот что сказал автору один из известных московских коллекционеров записей популярной музыки: «Регги – как анаша, может все в тебе размыть, но не может ничего внутри тебя создать».

Стало быть, не только наркотики, но и музыка способна исподволь «размывать» и разрушать ощущение «Я». Она может делать человека *внушаемым* перед лицом соответствующей музыке «виртуальной» культуры. Художник нивелирует значение образа, делая *видимый мир равнозначно бессмысленным*. Композитор принимает участие в формировании *равнозначной бессмысленности чувств*.

Следом за регги любая современная популярная музыка желает одного – превращения в наркотик. Если у слушателя возникнет *зависимость* от музыки – он будет ее постоянно *покупать*.

«Сладкая» музыка, естественно, использовала в своих интересах самую главную мелодическую форму века – блюз. Боб Марли отнюдь не придумал стиль соул, как считают многие сегодняшние поклонники регги. Соул до Марли был самой *трагической* формой негритянского блюза. Недаром само слово «соул» переводится на русский язык словом «душа». Меломаны часто характеризуют мелодии истинного соула как трагическую *музыку последнего, смертного предела*.

Марли лишил классический соул трагичности, превратив его в «сладкий» гимн своим языческим богам. Можно сказать, что в наиболее массовых своих формах популярная музыка, захватившая многие юные души после финала «психоделической революции», утратила блюзовые черты, став лишь *симуляцией* блюза.

Трагический диссонанс ритма исчез, и музыкальная ткань вернулась назад, в сторону военного, растворяющего личность марша.

399

Откровенной симуляцией стали стили, возникшие в конечном итоге на основе регги – пресловутые рэп и диско-соул. Многие меломаны сегодня удивляются тому, что бывший популярным очень короткий период в 70-х годах диско-соул, вернулся в 90-х и стал основой всей музыкальной «попсы».

В частности, появившаяся у нас в перестроечные годы эпидемия «звезд» отечественной популярной музыки исполняла и исполняет музыку, исторически относящуюся именно к этому стилю.

Чему тут удивляться! Не случайно некоторые меломаны интуитивно точно, не вдумываясь в сам смысл определения, называют иногда отечественных поп-звезд *«конопляной попсой»*. Виртуальному (пошлomu, по Ильину) человеку, смысл жизни которого сводится к тому, чтобы сбежать от самого себя, необходимо *развлечение*. Он будет покупать только развощающую музыку, а вовсе не ту, которая напомнит ему о душевной боли, а вместе с ней о необходимости личной ответственности за мир.

Во второй половине 60-х годов появилась еще одна форма современной музыки. Это была музыка, которую сочиняли и исполняли только на одном инструменте – электронном синтезаторе. «Отец» электронной музыки Клаус Шульц еще в конце 60-х годов говорил в своем интервью:

«Возможности синтезатора невообразимы. Единственное, с чем можно сравнить растворение души композитора и слушателя в звуках этой музыки, так это с самыми чудесными мгновениями путешествия с помощью LSD... Только с помощью синтезатора можно выразить LSD-переживания... Ни один художник не может этого нарисовать, но я могу это сыграть».

Электронная музыка была и осталась попыткой передать в звуковой форме «кислотные» переживания. Именно поэтому одним из синонимов понятия «электронная музыка» стал термин *«транс»* или «трансовая музыка».

Возможности синтезатора все более и более увеличиваются по мере развития компьютерных технологий. На языке электронной музыки написаны, наверное, уже сотни тысяч композиций. Но среди них нет ни одной, трогающей человеческую душу так, как прикасается к ней Бетховен.

Искусственный разум синтезатора, по всей видимости, не способен передать внутренний трагизм живой челове-

400

ческой души. Синтезатор не может выразить ту теплую боль души, которую передают акустические инструменты, соприкасаясь с пальцами исполнителя. «Он всегда остается, – по словам одного из самых известных исполнителей этого направления – Китаро, – холодным, как сама космическая бездна».

Добавим для точности – как безразличная космическая бездна буддизма. Недаром понятие «электронная медитация» является еще одним способом словесной передачи сути электронных композиций.

«Наденешь на репу (на голову. – А.Д.) наушники с трансом (с электронной музыкой. – А.Д.) – и сразу такой кайф! В глубокую депрессию погружаешься...»

Это высказывание одного из наших юных пациентов. Вы когда-нибудь слышали, читатель, о тако!« способе получения удовольствия («кайфа»), как погружение в депрессию? Оказывается, такое бывает.

Подросток расшифровывает это состояние вполне поэтично:

«Чувствуешь себя песчинкой на берегу Вселенной...»

Оказывается, это была «депрессия» (грусть), связанная с *приятным* ощущением собственной малости, доходящей до *чувства полного исчезновения самого себя* (песчинка в сравнении с Космосом).

Знакомое описание, не правда ли?

Такое чувство *пугало* многих «психонавтов» внутри LSD-переживания. *Молодых людей через 40 лет после «психоделической революции» оно радует*.

Так эффект наркотиков репродуцируется через родственную им музыку и *закрепляется в эмоциях нового поколения*.

Искусственная музыка способна только растворять «Я» слушателя. Компьютерный синтезатор априори лишен способности к передаче внутреннего трагизма бытия – его звуки проходят через компьютер. Они находятся слишком далеко от пальцев музыканта, далеко от его человеческого «Я».

Клаус Шульц говорил, что он извиняется перед своими поклонниками за то, что, написав однажды совершенно случайно пародию на самого себя, он придумал стиль техно. Это были несколько пародирующих рок-музыку танцевальных мелодий для синтезатора.

401 -

Однако синтезаторный рок, благодаря компьютерной обработке окончательно лишившийся даже оттенка блюзовой трагичности, оказался еще более мощным способом вызвать у подростков реакцию навязывания ритма, чем трэш или гранж. Возникли техно-клубы и техно-дансинги, на которых проходят танцевальные «техно-марафоны», *выдержать участие в которых без приема наркотиков практически невозможно...*

Монотонный, лишенный диссонансов электронный рок-стиль техно, сладкий диско-соул и те же наркотики, по сути, ничем не отличаются друг от друга. Говоря по-христиански, это просто разные способы отправления черной мессы в храме врага рода человеческого.

Стоит ли удивляться, что сегодня техно-дискотеки, по выражению одного из наших пациентов, «полностью захвачены кришнаитами»?

В любом из техно-дансингов нашей страны после 2–3 часов ночи появляются ребята, одетые заметно скромнее большинства посетителей. Под мышкой у них папочки-портфельчики с листами фильтровальной бумаги. Эти листы с помощью перфоратора разделены на отдельные «марки». На каждую «марку» нанесена доза LSD.

Из разговоров с посетителем техно-дискотек становится ясно, что музыка техно «не слушается без кислоты»; или «без кислоты никакого кайфа дрыгаться нет, да и на ногах вместе со всеми продержаться невозможно».

Примерно то же самое, но только в отношении кокаина и амфетаминов, можно услышать от завсегдатаев музыкальных клубов стиля «hause». Этот суперсовременный стиль, за последние 10 лет полностью захвативший ночные музыкальные клубы и дискотеки «стильной» молодежи, родился от *электронного* микширования ритмов популярной музыки диск-жокеями (или ди-джеями – людьми, определяющими музыкальную программу вечера).'

Существует Мекка поклонников клубной музыки. Это испанский остров Ибица. «Там есть только пляжи и гигантские танцевальные клубы. Там 24 часа в сутки и 365 дней в году играет музыка в стиле хаус и продаются наркотики». Последнее предложение – дословная цитата из мечтательного высказывания одного из наших пациентов.

Не кажется ли вам, читатель, что современные танцевальные марафоны безумно напоминают ритуальные танцы

402

древних языческих племен? Все племя целиком, равномерно, отрешившись от реальности, движется в ритме танца...

Все то же самое. Только нынешнее «племя» лишило танец всякого духовного содержания. Тот ритуальный танец объединял племя, помогал ему как единому целому стяжать «ману» – магическую силу. В современном танце пляшут виртуальные *индивиды*, объединившиеся на время с одной-единственной целью: спрятаться от себя, расслабиться. «Мана», которую они пытаются обрести, – это «дионисическая» энергия возвращения к хаосу – энергия *развоплощения*.

Музыкальный стиль «hause» по самой сути своей определению не поддается, поскольку представляет собой куски из произведений композиторов самых разных направлений, которые ди-джей микширует (смешивает) в ритме, который считает подходящим. Поклонники этой музыки говорят, что «хаус-музыки не существует, существует «хаус-культура».

Ритм подбора мелодических фрагментов делится на жесткий, близкий к року, танцевальный hard hause и более мягкий, трансый стиль. Мелодии нет никакой – ее заменяет ритм включения чужих композиций. В целом же электронное микширование всего лишь повторяет, в несколько иной форме, эффект рока, электронного синтезатора с его альтернативой – или изматывающий и навязывающий технотанец, или растворяющая в холодной нирване медитация.

Получается музыкальный вариант живописного концептуализма, в котором объект (мелодия) заменен методом (микшированием).

«Хаус-культура» – музыкальная эклектика, мешанина музыкальных стилей и направлений, возведенная в ранг закона, – на наш взгляд, является идеальным музыкальным выражением того, что Жак Бодрийар называл «виртуальностью».

Свободное смешение музыкальных стилей – это попытка уничтожения личного начала в музыке. Душе отдельного человека в такой музыке не за что зацепиться. Абсолютно виртуальная музыка требует виртуального слушателя. Идеальным слушателем станет человек, виртуальность которого усилена наркотиками.

Посетители hause-клубов, следом за поклонниками техно-дискотек, сообщат вам доверительно, что «ни слушать,

403

ни продержаться ночь напролет без «снега» (кокаина, подороже. – *А.Д.*) или «фена» (амфетамина, подешевле. – *А.Д.*) практически невозможно, да и бессмысленно» или что «слушать эту музыку без таблеток вообще нельзя: или экстаз принимай, или в клуб не ходи, тебя не поймут».

Дело в том, что: «без таблеток ты не сможешь разделить общей радости, не будешь тащиться, как все...». «Таблеточ-ки» помогают новым язычникам-«нарциссам» развоплотиться и на одну ночь ощутить себя членами «виртуального» племени.

Взрослые даже не задумываются о том, что существует музыка, которую невозможно слушать без наркотиков. То есть сама композиция, сам музыкальный стиль уже априорно предполагают наличие наркотического опьянения у слушателя...

Метапрограммирующие свойства музыки становятся необыкновенно значимыми в «виртуальную» эру. Благодаря технологическому прогрессу, мелодии становятся фактором, постоянно навязывающим эмоции человеку.

Вот как описывает это влияние уже известный нам Жиль Липовецки:

*«Для человека дисциплинарно-авторитарной эпохи музыка была ограничена определенными местами или моментами, будь то концерт, танцзал, мюзик-холл, бал или радио. Напротив, постмодернистский обыватель поневоле слышит музыку с утра до вечера; его так и подмывает куда-то бежать, уноситься и погружаться в пространство, наполненное синкопами; ему необходима стимулирующая эйфорическая или опьяняющая дереализация окружающего мира (обратите внимание, до какой степени эти слова Липовецки напоминают описание наркотического опьянения. – *А.Д.*)».*

Музыкальная революция, конечно же связанная с технологическими изобретениями сословия торговцев... представляет собой проявление персонализации (синоним понятия «нарциссизм», – А.Д.), один из аспектов постмодернистской трансформации личности. Подобно тому, как становится гибким распорядок учреждений, индивид тоже становится более подвижным; он и дышит в такт, ритмы захватывают его тело и чувства; в настоящее время такое вовлечение индивида в ритм стало возможным благодаря стереофонии, walkman (портативный индивидуальный плеер. – А.Д), космическим или «кислотным» звукам музыки.

404

Персонализация в масштабах общества соответствует нарциссизму личности, выражающемуся в желании получить «еще больше удовольствия», парить над самими собой, вибрировать всем телом под музыку, испытывать непосредственные ощущения, чувствовать себя вовлеченным в общее движение во время trip (наркотического состояния. – А.Д.), охватывающего весь организм человека. Стереофоническая техника, электронные звуки сделали музыку привилегированным средством нашего времени, поскольку она тесно связана с новым профилем индивида с чертами нарцисса, испытывающего жажду мгновенного погружения, жажду «поломаться» не только под ритмы последних хитов, но и под музыку самую разнообразную, самую замысловатую, которая отныне всегда к его услугам...

Музыка помогает устранить противоборство между реальным и воображаемым, что, прежде всего, обозначает трансформацию реальности и индивида» (выделено мной. – АЛ).

И в этом месте автор полностью согласен с мнением Липовецки, с одной лишь поправкой: речь идет далеко не о всякой музыке.

Только мелодическая традиция, возникшая как результат психоделии, чей духовный смысл сводится к репродуцированию того или иного наркотического опыта, может способствовать формированию воспеваемой Липовецки личности «нарцисса».

Существуют и некоторые неожиданные, чисто медицинские подтверждения описанных взглядов на популярную музыку.

С. Герунг – немецкий педиатр – обратил внимание на то, что дети, выросшие в семьях, в которых любили и часто слушали популярную музыку 40–50-х годов, отличались ранним формированием чувства «Я»: независимостью, активной жизненной позицией и большей легкостью принятия решений – даже по сравнению с теми детьми, в семьях которых слушали классическую музыку.

Группа исследователей из Дюссельдорфа (Германия) приводит данные о том, что в молодежных группах, которые были спонтанно увлечены «старой» популярной музыкой – классиками рокабили, ритм-энд-блюза и блюза 50-х годов, практически не отмечено злоупотребление наркотиками. Ученые рекомендовали использовать эту му-

405

зыку для профилактики наркотической зависимости в подростковом возрасте (!).'

Да и собственный, пусть и небольшой, опыт автора показал, что его пациенты, которых удавалось увлечь теми же музыкальными направлениями 50-х годов или современными записями композиций классиков блюза, гораздо легче прекращали прием героина. Наоборот, у подростков, истово увлеченных отечественной поп-музыкой, входящих в фан-клубы поклонников «тяжелого металла», панк-рока или просто постоянных посетителей ночных клубов «паше», практически не удавалось добиться стойких перерывов в употреблении наркотиков...

Наркотическая культура, в лице психоделического рока, регги, техно-музыки и т. п., искажила не только гармонию, лицо блюза, но вместе с ними и душу своих «фанатов».

«Что же вы делаете, доктор? Вы лишаете нас всех привычных форм радости», – скажет кто-то из читателей.

Ответить на это хочется замечательными словами А.А. Ухтомского:

«Радость должна быть; без радости человек уже сейчас мертв. Ради радости мы живем. Но радость действительно прочная и безбоязненная только та, к которой звал Бетховен в Девятой симфонии, – радость, прошедшая через все печали, знающая их, учитывающая все человеческое горе и все-таки победно зовущая к всечеловеческой радости, к которой мы все идем, несмотря на горести и болезни, на нищету и смерть!..»

Запретить популярную музыку в нашей стране так, как в ней когда-то был запрещен джаз, по счастью, уже никто никогда не сможет. Поэтому все зависит от того, удастся ли музыкальной элите общества создать «очаги музыкального сопротивления». Автор убежден в том, что удастся.

Известно же, что конец века ознаменовался нарастающим повсюду в мире интересом к «старой» классической музыке, по-новому «услышанной» современными исполнителями.

Кроме того, захлебнувшись в холоде музыкального постмодернизма, популярная музыка также начала отход к собственному прошлому, возвращаясь, в первую очередь, к тем стилевым направлениям, которые предшествовали «психоделической революции», – джазу, рокабилли, ритм-энд-блюзу и классическому блюзу.

406

В приложении № 1 мы попытались составить своеобразную таблицу музыкальных стилей в рамках наших представлений о полярности испытываемых популярной музыкой духовных влияний.

ОТКУДА В СССР ПОЯВИЛАСЬ ИНФОРМАЦИЯ О ГАЛЛЮЦИНОГЕНАХ?

Как известно, примерно до середины 80-х годов XX века проблемы наркотиков и наркоманов в нашей стране «не существовало». По крайней мере, так утверждала официальная статистика. Этот факт, разумеется, был ложью. Однако сегодня нам приходится признать, что он был ложью... лишь отчасти. Наркоманы были и наркотики тоже. Однако их процент на фоне целиком поглотившего советское общество тотального пьянства был ничтожен. Из-за отсутствия статистики мы не можем назвать точных цифр, но почти любой работавший в то

время психиатр подтвердит, что наркоман в его практике был отнюдь не частым пациентом.

Не могло состояться, казалось бы, в нашей стране и никакой «психоделической революции»... Это утверждение, правда, является истиной только в том случае, если под подобной революцией мы имеем в виду только массовое употребление LSD и других галлюциногенов. Картина будет выглядеть несколько по-иному, если под ней мы будем понимать поиск *особых состояний сознания*.

Давайте все-таки начнем с самих наркотиков. Многие жители нашей страны часто задают наркологам вопрос: при непроницаемости советских границ, при эффективности работы КГБ, откуда вообще в СССР появлялись наркоманы?

Откуда, например, они добывали LSD и другие наркотики описываемой группы?

Некоторые подобные источники нами уже назывались в разных книгах. Главным источником информации о наркотиках вообще, в первую очередь о наркотиках самодельных, конечно, были лагеря и тюрьмы. Между «зоной» и «волей» совершался постоянный «обмен знаний и веществ». Почти каждый житель страны знал, что завтра он может быть арестован; отсидевшие срок приносили из лагерей «тюремную

407

романтику», которой насковзь пропитана наша культура (достаточно взять хотя бы «блатную» музыку, которую мы совсем не обсуждали в предыдущей главе).

Из этой «романтики» в молодежную среду поступала притягательная и «таинственная» информация о наркотиках. Именно таким путем на улицах появились «псевдогаллюциногены».

Вторым источником были... сами спецслужбы. Чисто человеческое желание поделиться со «своими» загадочными веществами, которые проходили исследования в закрытых лабораториях и институтах, а иногда и желание просто подзаработать денег приводило к довольно значительной утечке наркотических веществ. В первую очередь это относится к LSD-25.

«Тюремный»^ источник в основном имеет отношение к самодельным психостимуляторам. Утечка галлюциногенов из стен закрытых лабораторий была ничтожно малой, зато вещества, проступавшие в неформальную среду таким путем, были химически чистыми. Нам известны только две или три группы отечественных «психонавтов», которым удавалось добыть LSD и мескалин таким образом. Остальным везло меньше.

Как, наверное, заметил читатель, история галлюциногенов во многом является историей книг, которые были о них написаны.

Более или менее доступными для неформальных «искателей» в нашей стране многие наркотики вообще и галлюциногены в частности сделала тоже книга.

В 1951 году в Государственном издательстве сельскохозяйственной литературы тиражом в 25 тыс. экземпляров вышел «Энциклопедический словарь лекарственных эфирно-масличных и ядовитых растений». С момента своего выхода и до сегодняшнего дня этот словарь является азбукой и энциклопедией отечественных наркоманов, торговцев наркотиками и производителей химического зелья.

И сегодня юные наркоманы 17–18 лет скажут вам, что они читали или что «им показывали *ту самую научную книжку*». До сих пор торговцы наркотиками используют для убеждения новичков различные статьи «Словаря», показывая тем самым, что если ученые пишут о наркотиках спокойным академическим языком, то ничего страшного и опасного в них нет.

408

Даже в 60–70-е годы, когда большая часть населения страны не имела никакого представления о том, что такое валюта, эта книга у букинистов стоила 50 долларов (причем продавали ее именно за наличные доллары, а не за их рублевый эквивалент). Опытные товареды книжного антиквариата расскажут вам, что все годы, прошедшие после выхода в свет, «Словарь» искали и покупали только те самые «несуществующие» наркоманы.

В «Энциклопедическом словаре», в частности, приводится вполне достаточная информация по сбору, обработке и химическому составу спорыньи. Эта информация ничего не даст человеку неподготовленному, но профессиональный химик на ее основе сможет достаточно легко синтезировать различные изомеры лизергиновой кислоты.

Химическая промышленность в те годы в нашей стране была развита очень хорошо, экспериментальных химических лабораторий и НИИ тоже было достаточно. Некоторые из них уже в самом начале 70-х годов начали выпуск небольших количеств LSD-25. Появившийся среди отечественных диссидентствующих интеллектуалов спрос почти автоматически порождал предложение.

Возникшая еще в 70-е годы ситуация до сих пор не претерпела качественных изменений. Большая часть LSD, которая появляется в наших танцевальных клубах, производится отечественными химическими лабораториями по принятым с 70-х годов технологиям.

Только подобных лабораторий сегодня гораздо больше, и речь, разумеется, идет о совершенно других деньгах. Необходимо предупредить покупателей отечественного «товара», что методы химической очистки алкалоидов спорыньи подпольными лабораториями оставляют желать лучшего. В порошке, который производится ими, могут содержаться вещества, вызывающие смертельно опасное заболевание – эрготизм.

Правда, еще большую опасность этого заболевания, вызывающего судороги, паралич и смерть, приносит употребление в сыром виде произрастающих в средней полосе России галлюциногенных грибов. Об этой опасности предупреждает и «Энциклопедический словарь». Но разве для отечественных наркоманов такого рода предупреждения играют какую-нибудь роль? Даже наоборот – они провоцировали на эксперименты с «запретным плодом»...

409

Автору известен не один десяток описаний того, как «искатели» бродили по подмосковным лесам и ели все, схожие по виду с намеками какой-нибудь самиздатской книжки, грибы подряд. Грибы эти, в традиционных

представлениях грибников, относятся к поганкам и мухоморам. Подсчитать, сколько человек погибло в результате такого поиска галлюциногенов, нам не удастся никогда.

Главное, что «Словарь» давал указания разновидности таких грибов, места их произрастания и... методику их сбора и заготовки. Появление такого рода официального издания в сталинском СССР лишней раз доказывает – коммунизм наркотиков не боялся. Власть считала свою идеологию, свою способность контролировать человеческие души самым сильным наркотиком среди существующих.

Так что галлюциногены в нашем отечестве производились на основе вполне научной книги. Однако их употребление отдельными неформальными группами отнюдь не исчерпывает сам феномен «советской психоделии».

Дело в том, что после хрущевской «оттепели» 60-х годов в нашей стране начало шириться и крепнуть некое не имеющее ни ясных центров, ни законченных форм, но тем не менее массовое психологическое явление, которое автору хочется назвать «духовным диссидентством».

Попытки коммунизма уничтожить индивидуальность в любых ее проявлениях во все времена существования советской власти вызывали сопротивление. Это сопротивление принимало разные формы и всегда беспощадно подавлялось властью имущими.

В 60-е годы в стране сложилась своеобразная психологическая ситуация. В воздухе появился запах свободы. Несмотря на разгон Хрущевым выставки художников-модернистов и примененные для этого бульдозеры, выставка все-таки состоялась, и никто из художников не был арестован и упрятан за решетку. В стране начали издаваться кое-какие переводные книги. Пусть они были изрезаны цензурой и выходили в свет крошечными тиражами для специалистов – это был все-таки какой-то источник другой, не советской, информации. Многим удавалось сквозь помехи в эфире слушать западные голоса с обрывками сведений о незнакомой и манящей культуре, в их числе была, разумеется, и информация о молодежной революции и LSD-25.

410

В конце 60-х появился феномен самиздата. Причем передававшиеся в нем из рук в руки жуткие машинописные копии (а позже и знаменитые «ксероксы») запрещенных книг и статей имели разную опасность для своих читателей. За чтение и распространение «политического» самиздата можно было попасть в тюрьму на срок *от* пяти лет. На распространение же самиздата психологического власти смотрели «сквозь пальцы», и достать, во всяком случае в больших городах Союза, «ксероксы» книг все тех же К. Кастанеды, Джона Лилли или С. Грофа не представляло ни особого труда, ни опасности.

У автора, подростка начала 70-х годов, уже тогда складывалось впечатление, что существует негласная установка властей – не препятствовать распространению «психоделической» и мистической литературы, появившейся в самиздате. Периодически, например при появлении «психоделических» книг в некоторых вузах, складывалось впечатление, что они распространяются не без участия «органов» безопасности.

Нужно сразу сказать, что это не имело никакого отношения к православным книгам, даже к работам русских религиозных философов; эти труды приравнивались к политическим, за их распространение можно было угодить за решетку. То же самое относится и к библиотекам. В Ле-нинке (Государственной публичной библиотеке СССР им. В.И. Ленина) западные издания Кастанеды или Гурд-жиева получить было достаточно просто, а православные и богословские издания, не говоря уже о «политических», – практически невозможно.

Создавалась удивительно двойственная ситуация. С одной стороны, большому количеству людей не хотелось становиться «одномерными» людьми Маркузе, и они пытались сопротивляться одуряющему однообразию советской жизни. С другой стороны, практически никто из этого поколения не представлял себе в реальности, что такое жизнь в свободном обществе (так, как это теперь понимаем мы с вами).

Условия советского существования были в общем-то тепличными. Действительно, каждый мог быть уверен, что он будет иметь какую-либо работу, а вместе с ней и нищенскую, но позволяющую как-то существовать зарплату. Некий унылый прожиточный минимум был гарантирован.

411

Человеку ищущему можно было не тратить время на проблему заработка на хлеб насущный. Для огромного количества советских служащих работа сводилась к бессмысленному просиживанию рабочих часов и практически не отнимала ни физических, ни душевных сил.

Вместе с тем страшная тень КГБ – отчасти истинная, отчасти мифологическая, обусловленная тем самым «страхом ведьм» (истинному КГБ не было никакого дела до большинства «духовных диссидентов»), – служила абсолютным запретом для какой-либо реальной, социальной или политической деятельности.

Складывается впечатление, что власти сознательно оставляли молодежи только одно – «психоделическое» – направление, «последний клапан» для духовного сопротивления.

Интерес к нему усиливался как разнообразными слухами, долетающими с Запада сквозь хрипы радиоприемников (примерно половина передаваемой «голосами» в 70-х годах информации была посвящена проблемам психологии и мистики), так и действовавшим со сталинских времен тотальным запретом всего, что было связано с познанием собственной личности.

ПСИХОДЕЛИЯ В НАШЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Все упомянутые обстоятельства привели советских искателей тайного духовного знания к весьма своеобразной отечественной «психоделической революции». Однако сами «психоделики» – конкретные химические вещества – играли в ней малую, почти незаметную роль.

Если в Америке стремительно нарастающая молодежная революция имела свои отчетливые этапы в виде волнообразного использования LSD и следовавшего за ним поиска психологических аналогов наркотического транса, то отечественная психоделия изначально занялась поиском того, что мы назвали «особыми состояниями

сознания»

Возможно, весь феномен «психоделии по-советски» более всего описывается понятием «эзотерические искания». Самое точное название использует В. Лебедев, называющий этот феномен «российской саньясой» («саньясин» в индуизме – искатель духовного откровения, не определив-

412

шийся еще с выбором учителя). Эпидемия мистических исканий лавинообразно распространялась по нашей стране на протяжении 70-х годов, точно так же, как «психоделическая революция» в Америке на протяжении 60-х.

Не все ее участники были в состоянии определить, что именно они ищут. Один из наших пациентов определял чувство, за которым следовал, как «сжигающий все внутри голод на познание всего запретного и запрещенного».

Если бы читатель во второй половине 70-х годов оказался бы, например, в выходной день около кинотеатра «Космос» в Москве, то в пестрой толпе, шумевшей на площади около кинотеатра, он обнаружил бы большую группу парапсихологов и несколько знаменитых «целителей». Между ними вы обязательно встретили бы двух-трех биологов, находящихся в поиске снежного человека и обменивающихся «ксероксами» с последними данными о нем; большую группу людей, обсуждающих проблему летающих тарелок и намечающих место очередной подпольной лекции очередного «гуру» от проблемы НЛО.

Вместе с ними вы обязательно увидели бы одного или двух откровенно больных людей, пытающихся по глазам найти в толпе преследующих их инопланетян. Здесь же вы встретили бы кого-нибудь из учителей карате, занимающихся набором в подпольную группу, и пару мрачных бородатых дядек, одетых «по-таежному», – скорее всего, это кто-то из постоянно путешествующих эзотерических отшельников. Там же вы смогли бы записаться на трансцендентальную медитацию у кого-нибудь на квартире и встретиться с последователями суфизма вообще и Гурджиева в частности и особенности.

Почему существовали подобные постоянные места встреч «эзотериков» – до сих пор не понятно до конца. Конечно, «органам» они были известны, но почему-то слабо их интересовали. Может быть, потому, что так было удобно наблюдать всех «сумасшедших» одновременно.

Возможно, службы эти, зная отнюдь не по слухам факты из истории американской психоделии, понимали, что все усилия «духовных диссидентов» ни к каким социальным изменениям привести не могут, и относились к «саньясинам» по принципу «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в политику не играло». Профессионалы из КГБ отчетливо понимали «идеологическую близость» психоделии и коммунизма – их совместную направленность на растворение личного в человеке.

413

Скорее всего, они отдавали себе отчет в том, что ничем, *кроме безумия*, игры в «эзотерику», закончиться не могут, и просто следили за тем, чтобы наиболее активные «искатели истины» своевременно оказывались в психиатрических больницах. Преследованию подвергались лишь откровенно противоречащие уголовному законодательству выходки.

Однако панический страх КГБ – бытовало даже специальное словечко «гэбэфрения» – делал духовные искания еще более запретными и заманчивыми. Он «добавлял эзотеризма в эзотерику», по выражению одного из наших пациентов, – прибавлял искателям чисто советскую ауру нелегальности знания.

Феномен эзотерических поисков был настолько массовым, что советская психиатрия была вынуждена выработать собственное к нему отношение. В 70-е годы появился новый для этой науки термин – *«метафизическая интоксикация»*. Обратите внимание на близость этого понятия к наркологии вообще. Оно подразумевает *отравление (интоксикацию) человеческой психики мистическими, философскими или религиозными знаниями*.

Это был очень удобный термин. Он позволял описывать любой искренний интерес к религии и к духовному опыту... как форму шизофрении.

Сам факт существования психиатрического синдрома как бы объявлял любые метафизические знания бессмыслицей, «отравляющей» человеческую психику, и позволял официальной медицине объявить сумасшедшим любого человека, искренне увлеченного проблемами души, которые, увы, могут иметь лишь метафизическое выражение.

Однако главный парадокс духовных поисков 70–80-х годов заключался в том, что, несмотря на всю политическую ангажированность самого термина, феномен *«метафизической интоксикации» существовал в действительности*.

Собственно говоря, само это понятие было лишь феноменологическим описанием тех же процессов распада и диссоциации личности, которые мы описывали в главе «Существует ли зависимость от LSD?».

Феномен отечественной «эзотерической эпидемии» 70-х годов никем толком еще не описан (появилась первая книга, пытающаяся в мемуарной форме рассказать об участии-

414

ках этой эпидемии, – это «Хроники российской саньясы» В. Лебедева), статистических данных нет и, скорее всего, никогда не будет. Отечественная психиатрия и психология, как нам кажется, вообще не считают эру «эзотерических исканий» отдельным, достойным внимания, социально-психологическим процессом.

Однако число «искателей духовной истины» в 70-е годы измерялось, как минимум, сотнями тысяч, а скорее всего, и *миллионами* людей. Отечественная психоделия имела отнюдь не меньший размах, чем американская.

Давайте, для того чтобы сориентироваться, попробуем разделить отечественные мистические искания 70-х и начала 80-х годов хотя бы на несколько условных направлений.

1. Ученые.

К этой большой и противоречивой группе искателей чудесного автор относит людей, которые хотели встретиться с тайной, не изменяя научному мировоззрению. То были «романтики материализма» – люди, верившие

в возможность прорыва к чудесному внутри той или иной формы научного знания. Они последовательно и убежденно искали *преображения в просвещении*.

Первой разрешенной свободой советского человека была свобода мышления физиков. Физики и математики создавали для советской власти атомную бомбу и ракеты. Они не могли работать не опираясь на современную информацию, приходящую из-за железного занавеса. Даже в «шарашках» – тюремных лабораториях за колючей проволокой – они могли позволить себе думать о том, что им было интересно. Прорывы математического и физического мышления 50–60-х годов были настолько мощными, что казалось, еще одно усилие – и науке откроется единое уравнение Вселенной – формула Господа Бога.

Мир физической науки казался людям, находящимся вне стен лабораторий и НИИ, миром особой романтики и духовности, а сами физики не хотели ограничиваться «оборонкой» и прикладной наукой. Многие из них на основе своих знаний пытались строить разнообразные теории о строении мира и поведении человека – физические теории психологии, медицины и... магии.

Оптимистическим ощущением возможности познания мира чудесного с помощью физики проникнуты, например,

415

книги братьев Стругацких. Возможно, все мыслящее поколение 70-х проникнуто этим ощущением *возможности постижения чуда* с помощью науки. Биологические и психологические теории физиков вырастали как грибы после дождя. Именно в их рамках возникла парапсихология как отдельное научное направление, описывающее физические представления об экстрасенсорных (внечувственных) возможностях человека и целительстве.

Главным, повторяющимся в сотнях разных интерпретаций, понятием новой науки стало представление о «биологическом поле» – некоей не уловимой приборами полевой информационной структуре.

Новые шаманы (они же маги и спириты), имеющие врожденный дар управления энергиями вновь открытого поля, получили названия «экстрасенсов». За одну-две недели «настоящий экстрасенс» мог обучить любого желающего исцелять людей от самых разнообразных заболеваний.

Но, кроме парапсихологии, существовал и целый ряд других «научных концепций», которые пытались использовать физические теории для *духовного преобразования* своих последователей. Чего здесь только не было!

Учение о блок-схемах человеческой индивидуальности; математические модели всех (!) ситуаций, возникающих в человеческой жизни, со способами преодоления «стереотипности жизненных констант»; разнообразные варианты «сверхновой научной астрологии»; учения о кристаллическом строении Земли и «геомагнитном программировании» человеческого поведения.

Рядом с теориями «экстрасенсов» находились учения о влиянии на человеческое поведение электромагнитных колебаний различной частоты и разработка соответствующих им приборов, которые за один сеанс электромагнитного облучения позволяют поднимать человека «вверх по лестнице эволюционного развития»; учение о взаимодействии с энергоинформационным полем растений; учение о мистической сущности золотого сечения любых физических объектов...

Перечень «наук» такого рода можно продолжать до бесконечности.

Однако самой популярной и распространенной среди искателей таинственного была наука о НЛО – неопознанных летающих объектах. В 70-е годы у этой науки, кото-

416

рой изначально были присущи черты спиритизма и религиозного фанатизма, возникли свои учителя, «пророки» и «проповедники». Чаще всего «пророками» тоже были ученые-физики или астрономы.

Обратите внимание. В 70-е годы над нами летало просто невообразимое количество «инопланетных тарелок». Оно было сравнимо разве что с числом лекций и самиздатовских материалов, им посвященных. В 80-е годы количество тарелок существенно уменьшилось. В 90-е почему-то напряженность потока информации о НЛО и социальный резонанс подобных сообщений практически сошли на нет.

От физиков и астрономов не хотели отставать биологи. Их уже не удовлетворяла теория Дарвина, но наука еще не знала, что можно предложить взамен, и занималась поиском недостающего звена эволюции в виде снежного человека и... все тех же пришельцев, в древние времена «осеменивших» землю своим ДНК. Самая знаменитая группа таких биологов-мистиков существовала при московском Дарвиновском музее.

Как это ни покажется странным, но именно к кругу мистиков относились и так называемые «групповые терапевты» и «психоаналитики» 70–80-х годов. Дело в том, что ни дипломированных психоаналитиков, ни психотерапевтов, прошедших обучение в европейских или американских центрах групповой психотерапии, в те годы у нас практически не было.

Поэтому большинство людей, которые называли себя «психоаналитиками» или «групповыми терапевтами», в лучшем случае учились по обрывочным и некачественно переведенным ксерокопиям, а в худшем – просто использовали эти слова, преподнося пациентам под видом западных учений собственную дикую смесь из «экстрасенсорики», обрывков религиозных учений и психологических терминов.

2. Поклонники восточного мистицизма.

К этой группе автор относит искателей духовного знания, объединявшихся в более или менее регулярные группы. Эти группы были убеждены в том, что чудо преобразования может произойти с ними только при использовании древних духовных практик Востока.

В российской психоделии к этим практикам относили в первую очередь индийскую йогу, связанные с ней техники

14 А. Данын «LSD» 417

медитации и то, что советские искатели особых состояний сознания считали суфизмом, а именно – некоторые элементы учения Георгия Гурджиева.

Во времена отечественной психоделии он считался «русским суфием», так как был абхазцем по

происхождению. Видимо, поэтому в 70-е годы все были убеждены, что в Советском Союзе обязательно должны быть прямые продолжатели традиции, идущей непосредственно от Гурджиева. Такие «дети лейтенанта Шмидта», разумеется, находились, и в очень больших количествах. Автор знал в Москве не менее пятнадцати групп людей, занимавшихся «гурджи-евскими духовными практиками», причем каждая из этих групп, вслед за своим руководителем, была убеждена, что *только* он может считаться прямым восприемником духовной традиции абхазского Учителя.

Скорее всего, выбор именно этих двух направлений восточной традиции был связан с тем, что в старой России выходило множество популярных книг по йоге. Гурджиева сделал известным его русский ученик П.Д. Успенский, книги которого были также очень популярны во время «первой русской психоделии» – накануне революции.

Машинописные копии и «ксероксы» книг Успенского и Рамачараки (одного из главных популяризаторов йоги в России начала века) во множестве распространялись в самиздате 70-х годов.

К этим двум направлениям массового мистицизма через некоторое время прибавилась третья, спортивная по своей внешней форме. Это было повальное увлечение молодых людей запрещенными тогда видами восточных единоборств, и в первую очередь японским карате. Занятия карате воспринимались поколениями 70-х не как спортивные упражнения, а как одна из форм мистического ученичества (которым, в рамках восточной духовной традиции, оно, несомненно, и является).

Несколько позже в России появились группы, исповедовавшие то, что они считали дзен-буддизмом (в основном Они опирались на самиздатовские переводы американского специалиста по традиции дзен Аллана Уотса).

3. Искатели «утерянной традиции».

Самая сложная и противоречивая часть искателей чудесного. Это очень большая разношерстная группа людей, которые, путешествуя от одной «научной» или эзотери-

418

ческой группы к другой, постепенно приходили к выводу, что за внешним флером всех этих учений должна существовать Древняя живая традиция, или Живое знание.

Это знание может быть получено либо при непосредственном контакте с подлинным Учителем, либо при достижении особого и неопределимого словами вида открытого сознания (некоторые из них называли это состояние «правильной открытостью»), в момент которого возможна мгновенная *духовная инициация*. Большинство искателей называли такое чудесное преображение (внезапное посвящение в духовную традицию) «передачей».

Имеется в виду мистическая передача подлинного знания, непосредственно от древних учителей по каналам вне-чувственного восприятия. Именно для получения «передачи» использовались все возможные и невозможные методы «открытия» сознания, включая сюда и галлюциногены.

То были преимущественно одиночки. Они не удерживались долго в какой-либо одной сколько-нибудь постоянно существующей группе. Слухи о все новых и новых учителях и учениях или просто чувство неудовлетворенности идеями очередной «духовной тусовки» («духовки», по брошенному неизвестно кем словечку) гнали их по стране, как перекати-поле.

В надежде на то, что «передача» состоится, эти люди очень часто разбредались по стране в поисках учителя. Разыскивали они и «чудесные» места на бескрайних просторах нашей Родины, в которых сама природа способствует обострению духовного чутья и получению вожденной передачи – инициации.

Никакой единой теории таких исканий в те годы не существовало. Некоторые «саньясины» придерживались буддистских или суфистских взглядов, однако большинство из них пользовались неопишуемой смесью понятий, надерганных из К. Кастаньеды, буддизма, даосизма, парапсихологии, суфизма по Гурджиеву, оккультизма, карате и... русской ненормативной лексики.

Объединяло всех этих людей, на наш взгляд, несколько главных мировоззренческих позиций.

Во-первых, все они были убеждены в том, что воспринимают мир неправильно. Для того чтобы приблизиться к передаче, нужно разрушить *обусловленность восприятия этическими и социальными нормами*. Нужно изменить вос-

419

приятие мира – правильным образом *открыть сознание*, а «передача» произойдет сама по себе.

Во-вторых, все они были убеждены в том, что где-то на свете существуют подлинные просветленные – истинные – мастера боевых искусств или прячущиеся от посторонних глаз тайные наставники буддизма или суфизма. В поисках учителей искатели не жалели ни сил, ни средств.

Они рвались в советскую Среднюю Азию – считалось, то там на каждом базаре сидит истинный суфий и ждет своих учеников. Самарканд и Бухара наполнялись искателями, полными надежд обрести просветление. Таким же местом массового паломничества становилась советская Бурятия и Алтай. Монахи единственного дацана (буддистского монастыря) на территории СССР страдали от нашествия «искателей», пытавшихся выяснить у них что-то, имевшее к буддизму весьма косвенное отношение.

На том же Алтае, в Сибири, в Забайкалье эзотерики искали Беловодье, Шамбалу, сибирских колдунов и шаманов (возможно, одной из главных сил, гнавших искателей в путь, была сама романтика духовных путешествий).

В-третьих, истинных учителей ни в Самарканде, ни в сибирской тайге, ни в психиатрической больнице найти никому не удавалось. Поэтому для большинства искателей единственным способом *прорыва к просветлению* становились «техники» унижения личности и абсолютно невероятные эксперименты и экзекуции, проводившиеся человеком над самим собой.

Если в неизвестной самиздатовской книжке, добытой подвижником через десятыя руки и не имеющей ни начала, ни конца, написано, что нужно сутки стоять на голове без перерыва на еду и сон и при этом непрерывно

медитировать на собственный пупок, искатель именно так и делал. А это одно из упражнений, которое считалось безвредным.

Многосуточное лишение себя сна и еды, выполнение неподготовленным человеком самых сложных обетов воздержания (без учета правил входа в голодание и выхода из него) и самых невообразимых асан (поз для медитации) должно было приводить и приводило к изменениям сознания и взаимоотношений с реальностью. А многосуточное лежание на гвоздях с лишением себя еды! А обучение задержке дыхания в собственной ванной!

420

Необходимо учесть, что все эти танталовы муки возлагал на себя человек, не имевший чаще всего даже отдаленного теоретического представления о том, для чего он это делает. Была только одна внутренняя задача – любой ценой изменить собственное восприятие. Задача такого изменения выражалась чаще всего оккультными понятиями типа «выхода в астрал» или «встречи с космическим разумом».

Термины подразумевали развоплощение — исчезновение индивидуальных границ восприятия, *выход души из тела*. Предполагалось, что на место, которое освободят личность и ее сознание, «выйдя погулять», попадет некая мистическая информация. Она-то и *преобразит* жизнь.

Для достижения этого эффекта использовались любые формы насилия над собственной психикой.

Одной из самых страшных таких форм были попытки самоизоляции с максимально возможным лишением себя сенсорной чувствительности. Один из пациентов автора год жил в вырытой им землянке в тайге. Большую часть этого времени он провел с заклеенными лейкопластырем глазами и носом, пытаясь на ощупь ставить силки для птиц и разыскивая корни для собственного пропитания. Он ждал «передачи», но за полгода возжеленной инициации («выхода в астрал») не случилось. Тогда он украл в ближайшей деревне несколько ящиков водки и следующие полгода пытался медитировать, выпив перед этим не менее двух (!) литров водки (глаза и нос при этом были так же заклеены)...

Как он умудрился остаться в живых при этом, известно одному Господу Богу. Но к нам он попал законченным алкоголиком, который при этом «нес» такой метафизический бред, что впору было проводить дифференциальный диагноз между белой горячкой и шизофренией.

Все это становилось возможным, так как большинство искателей было убеждено, что получить «просветление» можно всего за несколько месяцев. Негласно считалось, что «можно выйти куда-нибудь на минуточку просветлиться»; одним усилием «вылететь на путь» или «приподнять в себе кундалиничку».

Коллективное бессознательное всех «психонавтов» признавало только одно свойство чуда – оно всегда происходит одновременно.

421

До какой степени все это похоже на главную идею пророков LSD – один раз укололся, и просветление наступило!

Похоже и не похоже одновременно. Никто из американских «психонавтов» не был способен на столь отчаянное самопожертвование ради обретения вполне абстрактной духовной истины. По сравнению с «российской саньясой» американская психоделия выглядит организованной и чистенькой. Прием LSD – это *легкий* способ получения откровения, лишенный даже намека на жертву.

Еще бы! Только русские были готовы заплатить жизнью за экзотические переживания. Только в нашей духовной истории живы экстазы народных мистических сект – самоистязания и оргии хлыстов и скопцов и жертвенная преданность царей «Божественному старцу» Григорию Распутину.

Российская психоделия перевернула пирамиду потребностей, построенную Абрахамом Маслоу. Он утверждал, что человек испытывает потребность в «самоактуализации» только *после того*, как он удовлетворит более низкие потребности. По Маслоу, человек переходит к поиску смысла собственной жизни только после того, когда он сыт, одет и испытывает чувство защищенности от разрушительного воздействия окружающей среды.

Российская психоделия доказала – поиск духовной истины важнее инстинктивных потребностей. Ради того, что Маслоу называл «самоактуализацией», отечественные искатели готовы были не только разрушить свою психологическую защиту, но и отказаться от потребностей собственного инстинкта – от секса, сна и еды... Нам известны два случая смерти «саньясинов» от голода, причем умирали они не в тайге, а в отдельных квартирах в центре Москвы – в ходе экспериментов по влиянию длительного голодания на медитацию.

Никто в старой и новой российской психоделии не хотел понимать того, что человеческая душа должна быть подготовлена мировоззрением и верой к восприятию и пониманию чудесного. *Полученные случайно и неправильно понятые (чуждые мировоззрению) образы и идеи могут вести только к синхронистичности («чертовщине») и диссоциации личности.*

Вот что скрывается за предупреждением великого йога и философа Вивекананды о том, что не всякий может идти

422

1

путем медитаций: «Если человек не готов, он может сломаться».

Подлинных учителей – живых реальных источников информации – не было. Отечественные «психонавты» искали преображения *для себя* и надеялись в этом поиске на силу собственного разума. Они не понимали, что на самом деле единственной их Вч.рой была Декартова религия непогрешимости рассудка. Они верили, что разум подвести не может и долгожданная инициация все-таки случится. Но именно разум и подводил.

Один из мастеров российской «саньясы» в уже упоминавшейся нами книге рассказывает:

«Было такое выражение – «пройти под сатори», – когда человек уже ну почти-почти совсем «попал», но в какой-то момент своей возносящейся траектории оказывался, что называется, не готов: или неожиданно глубоко внутренне надламывался, не выдерживая, не вписываясь, что ли, в происходящие с ним изменения и превращения, *теряя силы, волю и ориентиров*, или погрязал в одинокой бытовой пасеч-никово-крестьяно-лесной идиллии, или, едва-едва балансируя в пограничных психофизических состояниях, вынужденно принимал промельки чистого сознания или приступы эйфории за Искомое, погружаясь при этом в неизбывный глубиннейший внутренний конфликт... Вариации на эту тему и определяли это самое «пройти под сатори», а в общем-то составляли существенную часть палитры российского эзотеризма. Чего-то «во всем этом» явно не хватало. И возникала сложная такая смесь некоей *удрученности, над-рывности, тоскливой грусти, специальной какой-то осторожной, страусиной позиции в жизни (не ухудшить бы карму!)*, *неоправданно бравадного, разудалого пофигизма, и много чего еще в эту атмосферу наворочено было...*»

Это не что иное, как еще один вариант описания *онтологической неуверенности*. Результатом самодеятельной шоковой психотерапии становился еще один вариант ее усиления, выражающийся в появлении *равнозначности* реальности и изобретенных воспаленным воображением (без всяких галлюциногенов в большинстве случаев) иллюзий. Возникает до боли знакомая «чертовщина» синхронистичности. Сознание «открыто» для внушения.

Единственными из искателей, которым периодически удавалось найти учителя, были те из них, которые искали

423

истину в христианстве. Чаще всего они стремились попасть к старцам.

Старцы существовали и искателей принимали. Некоторые из выбравших христианский путь посвящения становились монахами.

Однако большинство искателей традиции не устраивало ортодоксальное православие. Они жаждали прорыва к тому, что считали христианством «тайным», «эзотерическим», рвались, не понимая, что такого просто не может существовать, исходя из самой сути христианского учения.

То, что им в результате удавалось «найти», представляло собой адскую смесь из обрывков христианских ересей (в первую очередь, все того же гностицизма), ветхозаветной кабастики, оккультизма и новейшей «экстрасенсорики». Такие люди очень часто пытались жить в собственном доме, соблюдая христианскую обрядность и продолжая попытки найти ее «тайный смысл».

Образ жизни мгновенно делал их социальными изгоями, а попытка проникнуть в то, чего никогда не существовало в действительности (то самое «воспаленное воображение гностиков», по митрополиту Сергию), закономерно приводила к диссоциации личности. Чаще всего такие искатели очень быстро становились пациентами психиатрических больниц.

Некоторые находили «экологические ниши», пытаясь основать в русской глухомани что-то вроде американских коммун для ведения духовной жизни.

Но эти, основанные на психоделической гордыне разума, «христианские» коммуны медленно гнили и распадались, точно так же, как коммуны хиппи по другую сторону Атлантики.

Один из самых известных наших христианских «эзотериков» Игорь Чабанов так описывает свое состояние после обретения веры:

«...Да нет, тут уже другого пути нет. Когда ты нашел – ты уже потерял всякие возможности, уже *потерял себя*... Ты должен потерять себя прежде, чем постигнешь. Дальше твоя жизнь уже не будет принадлежать тебе. И будет только то, к чему сподобляет Господь. Ничего больше не будет, никакого осмысленного варианта бытия не может быть, потому что любой осмысленный вариант бытия возникает, только пока ты идешь туда».

424

Христианского в этой ничего нет, есть только психоделическое. Вера ждет от нас как раз *осмысленного* варианта бытия...

А вот как В. Лебедько описывает свои ощущения от посещения «коммуны» Игоря:

«Я чувствовал, что за всем, что эти люди говорят, стоит как бы попытка оправдаться. Оправдаться в том, что не получилось той жизни, за которой они приехали сюда десять лет назад. Да, был запрос на некую Духовную жизнь. Было какое-то представление – чем она должна быть. И как ответ на этот запрос – приезжает Чабанов. И конечно же оказывается не тем, кого бы им хотелось. Духовность, которую они хотели, – построить эдакий райский уголок в Красной Горке, – не получилась, – вместо нее – то, что предложил Игорь, – совершенно непонятные, да и неприемлемые, – *внечеловеческие* отношения...

...Напившись чаю, мы распрощались и пошли с Юрой гулять. Ночь стояла удивительная, теплая. Мы забрались на самый высокий холм, с которого видна была не только вся деревня, но и ближайшая округа. *А над деревней раздавался женский визг и крик, – это Игорь Чабанов бил свою жену, что, по словам жителей Красной Горки, происходило регулярно, – всякий раз, когда Игорь бывая пьян*».

До боли похоже на конец «кислотного» «дивного нового мира».

Вообще, жить в обществе, пытаясь разрушить *обусловленность восприятия*, – задача практически невыполнимая, а исполнить ее, находясь внутри общества тоталитарного – общества, *не признающего право личности на индивидуальный жизненный стиль*, было невозможно вдвойне.

Примерно половина искателей истины рано или поздно становились пациентами психиатрических больниц.

Обмен информацией между «психушкой» и «волей» осуществлялся непрерывно. Появились даже искатели, которые стремились попасть в психиатрические больницы, так как считали, что... подлинных учителей находят именно там.

Среди всей этой полярности и пестроты направлений и взглядов существовали, разумеется, и люди, которые для своего поиска изначально использовали галлюциногены. Несколько таких групп имело возможность получать как химически чистый LSD, так затем и продукт, синтезированный подпольными лабораториями. Самой известной такой

425

группой была группа «Контекст», объединившаяся вокруг В.Н. Михейкина (первого отечественного переводчика и распространителя работ С. Грофа в самиздате). Группа почти еженедельно собиралась на «марафоны самопознания».

В числе систематически использовавших галлюциногены групп не менее известны были люди, объединившиеся вокруг Н.В. Цзена. История жизни Николая Цзена – талантливейшего человека, духовного искателя и подлинного основателя отечественной групповой психотерапии – тоже еще не написана. Известно только, что после очередного приема LSD он положил голову на рельсы московского трамвая, оставив своим друзьям малопонятную записку, смысл которой сводился к тому, что *он познал все тайны этого мира и настало его время отправиться в путешествие в мир иной*.

Но конечно, главным наркотиком русской психоделии были галлюциногенные грибы – знаменитые «грибочки» 70-х, в изобилии произрастающие по всей средней полосе, но наиболее легко находимые в Ленинградской и Псковской губерниях. Для достижения галлюциногенного эффекта – «полета», как его называли отечественные «психонавты», – необходимо было съесть около 30 сырых грибов. Грибы эти в массовых количествах поедались на множестве частных пригородных дач, превратившихся, по выражению одного из наших пациентов, в «*вигвамы грибного культа*».

Галлюциногенные грибы принимались отечественными искателями, со свойственным нашему же отечеству беспределом, в количествах, в несколько раз превышающих смертельную дозу. Многие и умирали. Но эти жертвы, точно так же, как американские жертвы LSD, воспринимались как приношение на алтарь поиска «передачи».

Надо сказать, что, в отличие от американских «психо-навтов», подавляющее большинство отечественных никогда не считало галлюциногенные грибы и LSD самоцелью или «мессией». Для большинства они были лишь инструментом или запланированным этапом поиска «пути». Галлюциногены воспринимались только как «средство» практики – «лекарство», которое каждая из групп использовала в своих целях.

Именно в этом заключалось незаметное на первый взгляд, но очень важное для исследователя различие меж-

426

ду американским и российским вариантами «психоделической революции». Запад, коллективное бессознательное которого было воспитано католицизмом, искал *внешний*, по отношению к личности, источник преобразования – просвещения. Его психоделические лидеры объявили химическое *вещество божественной сущностью* – «мессией».

Коллективное бессознательное русских воспитано на сугубо православном – имманентном – ощущении присутствия Бога *внутри* души каждого человека.

«Саньясины», в отличие от «психонавтов», рассчитывали не на внешние, а на *внутренние* источники преобразования – на самих себя. О православии большинство из них имело крайне поверхностное представление, поэтому никто не задумывался о том, что *самоуверенность* – это лишь ощущение *образа* Бога, отнюдь не дающее права чувствовать себя Его *подобием*.

Не осознавая этого, «искатели» надеялись мгновенно – одним усилием, с помощью любых самоистязаний, из образа превратиться в *подобие*. На самом деле для этого нужны совершенно другие, в первую очередь *нравственные*, усилия. Усилия, направленные в сторону *другого человека*.

Своеобразность отечественного мистического «нарциссизма» заключалась вовсе не в мазохизме русского народа, как это утверждают некоторые зарубежные исследователи, а в *гордыне*, бессознательной неколебимой уверенности, что Бог, находящийся имманентно, выручит из любых неприятностей.

К сумасшествию «духарей» приводила не самовлюбленность, а чисто русская убежденность души в изначальном присутствии в ней магии, к которому нужно «просто прорваться» любой ценой. «Внешние» по отношению к человеческому телу средства воспринимались поэтому большинством искателей как нечто вторичное и необязательное.

Большинство отечественных «духарей» чувствовали опасность «психоделиков», возможность навсегда «застрять в их пространствах». «Грибочки для слабых – психический яд, – говорил один из наших пациентов. – Они могут слабого оставить в психоделии на всю жизнь. Есть риск превратиться в гриб, если расслабиться и не выгребать оттуда все время. Грибы – это соблазн, через который нужно пройти, главное, не задержаться в нем надолго».

427

Можно даже сказать, что задачей грибного экстаза «ду-харей» была *борьба* с галлюцинациями. Важно было во время действия наркотика сохранять связь с реальностью, не проваливаясь в галлюциногенные образы до конца. Искатели описывали это усилие разными словами. Часто это называлось «*фрулить*» – то есть управлять трансовым состоянием.

Говорили еще «грести», «выгребать», «держат корму по ветру» и т. д. Обратите внимание: все эти словечки так или иначе связаны с *водной стихией*, точнее говоря, с искусством управлять собой или своей лодкой *в воде*. «Выгребать» (сохранять чувство «Я») нужно было из водной, женской, хтонической стихии *грибного безумия*. Точно так же, как с помощью своего корабля Одиссей «выгребал» из бесконечности своего морского путешествия.

Для удержания контакта с реальностью («гребли») использовались разные приемы. Некоторые «мастера» рекомендовали танцевать и одновременно кричать «Агу», некоторые считали, что лучше всего помогают подпрыгивания и крики «Ха». Иногда для сохранения ощущения тела нужно было прикладывать к нему какой-либо горячий предмет (сигарету); зимой советовали проделывать все это на снегу с босыми ногами и т. д.

Для подавляющего большинства «духарей» это был этап, упражнение в поисках собственного духовного пути. Но для многих этап этот растянулся на долгие годы.

Возможно, что отечественная психоделия имеет уникальный по длительности опыт приема растительных галлюциногенов. Автору приходилось видеть на двух полуразрушенных подмосковных дачах людей, которые *около десяти лет* (!) ежедневно поедали галлюциногенные грибы.

Вполне возможно, что эти окончательно опустившиеся, ведущие животный образ жизни люди, пытающиеся спрятаться при звуках человеческого голоса, являются той самой недостающей *живой иллюстрацией тотальной диссоциации личности*, которой нам не доставало в главе, повествующей о психической зависимости от галлюциногенов. Только увидев их однажды, можно понять истинное «психоделическое счастье» – *счастье глубокого слабоумия* (окончательной инфляции личности).

Бывшие дачи ныне превратились в измазанные человеческим навозом конюшни. Они производят гораздо более страшное впечатление, чем то, которое оставляли, навер-

428

ное, конюшни греческого царя Авгия. Существование, которое ведут эти существа, нельзя назвать даже животным. В жизни зверя действует Божественный Логос. Животные не совершали первородного *греха развоплощения*. Их жизнь упорядочена инстинктом.

Трагедия человека заключена в том, что, обретя свободу, он больше не в силах превратиться в зверя. От свободы нельзя вернуться к инстинкту. Человек не может опуститься до животного уровня. *Он может только превратиться в чудовище*. В исходе инфляции он становится хтоническим чудищем древнегреческого мифа.

И здесь мы можем вспомнить наконец необыкновенно важные для всей этой книги слова Христа:

«Горе миру от соблазна: ибо надобно придти соблазнам: но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7).

Может быть, об этих словах мы должны были вспомнить раньше. О них нужно было помнить, говоря о трагической судьбе Джона Леннона, о ранней смерти «пророка» Тимоти Лири или о том, что Кен Кизи после своего «кислотного путешествия» так и не смог написать ни одной значимой книжки, а ведь начинал с «Кто-то пролетел над гнездом кукушки»!

Но ужас существования этих «зомби без хозяина» на идиллических подмосковных дачах лучше, чем многое другое, показывает, как *соблазн* становится *искушением*.

Жаль, что российская психоделия не смогла увидеть в этих «растворившихся в грибах» существах конечную цель и результат своих исканий.

Несколько наших пациентов рассказывали об участии в грибных мистериях известного российского писателя Виктора Пелевина.

«Только сам он грибы почти не ест, – говорила одна из них, – только все время строчит, гад такой – записывает, значит, то, что мы рассказываем...»

А один из героев уже упоминавшейся книги Лебедевко передает несколько иную информацию.

«В: – Вот эта ситуация, когда Володин с бандитами едят у костра грибочки, – из «Чапаева...», – это из реальных событий? Володин с вас написан?»

Т: – Кто-то П-н давал мне эти странички, когда еще их не публиковал; я их прочитал, – ну да, хорошо; но там

429

ведь всякое было, – чего там только не было на этой базе, когда мы грибы жрали!

Один раз мы с П-ным нажрались грибов так, что П-н вышел из Васиного дома на четвереньках, укусил грозную собаку овчарку так, что она забилась в будку, потом пошел в другой домик, лег спать и всю ночь толкал кого-то. Потом утром проснулся, – он, оказывается, с другой грозной овчаркой спал.

А там была женщина, с которой Вася жил, – она была собачница, у нее были овчарки, и обе они только на ночь спускались, – они действительно были очень злобные и грозные. Так вот, П-н одну из них укусил, – она его потом боялась...

Другой раз после грибочков он долго сидел под столом, а я его всячески пинал ногами».

Конечно, автор данной книги не может ручаться за абсолютную достоверность приведенных сведений. Однако они позволяют, без обильного цитирования, отослать читателей, интересующихся художественным описанием переживаний отечественных «психонавтов», к романам В. Пелевина «Чапаев и пустота» и «Generation «П».

Роман «Чапаев и пустота» является художественной иллюстрацией политического спора сюрреалистов. В его пространстве герои коммунистической революции и гражданской войны выступают в качестве... мастеров психоделии. В конечном итоге их духовным адресом оказывается растворяющая все бездна буддийской философии. Сущностью мира оказывается пустота. Для Пелевина, точно так же, как и для Андре Бретона, коммунизм и сюрреализм – одно и то же.

«Грибные» переживания героя второго романа оказываются только пародией на виртуальные процессы, происходящие в реальности. Герой романа не в состоянии отличить реальность «виртуальной» культуры от безумных переживаний наркотического транса. «Generation «П» можно, в свою очередь, считать иллюстрацией к философским творениям Жака Бодрийара.

Чтение обоих романов мы считаем строго обязательным для людей, считающих себя специалистами по борьбе с наркотиками.

Вполне возможно, что и полярное отношение читателей к упомянутым произведениям связано с их обусловленно-

стью галлюциногенными переживаниями. Романы можно использовать в качестве... психологического теста.

Человек онтологически неуверенный будет ощущать свою духовную связь с героями виртуально-галлюциногенного романа. Возможно, он будет даже... испытывать некоторую зависимость от текста. Читатель же, имеющий сформированную «Я»-концепцию, будет испытывать при прочтении этих произведений чувство интеллектуального интереса, тесно смешанного с чувством тревоги, скрытой угрозы и отвращения.

Можем ли мы найти что-то общее во всем этом хаосе и путанице эзотерических исканий 70-х годов?

Существует ли что-то, объединяющее парапсихологов с каратистами, а искателей мистической «передачи» с людьми, самозабвенно разыскивающими следы снежного человека или НЛО. Что позволяет автору называть всю эту противоречивую смесь отечественной психоделией?

В первую очередь, это искренность исканий.

Жизнь души в стране развитого социализма к середине 70-х годов стала невыразимо серой. Серость и «одномерность» – запрограммированность человеческого бытия – сдавливала личность так сильно, что потребность в освобождении, в *преображении бытия* настолько напряглась, что была готова снести любые социальные барьеры и идеологические запреты. Возможно, именно для того, чтобы эта потребность не снесла по дороге сам институт социализма, и был негласно разрешен «последний клапан» – эзотерические духовные искания.

Все искатели алкали посвящения в особого рода *знание*, способное сделать их *магами*. Как еще можно объяснить изобилие физических теорий биополя и строения души? Физики хотели достичь знания, дающего им *волшебную власть*, позволяющую *освободиться от одномерности*.

Их вела *метафизическая потребность в чудесном преображении* с помощью знания особого рода

Они хотели стать людьми свободными, если не внешне, то *внутренне*, – людьми, способными управлять собой и окружающим их миром, если не с помощью поступков (в реальном мире), то с помощью волшебства (идущего из мира внутреннего – от ощущения имманентного присутствия Бога в себе).

Этого знания, делающего их свободными от социалистической одномерности, они искали в рукотворных научных построениях, в западном психоделическом опыте и в мистических религиях Востока. Не ведая того, они искали то, что Ницше называл «дионисическим» началом души и что, по нашей версии, и было онтологией первородного греха.

Но весь этот поиск, точно так же, как и у американских «психонавтов», вливался в *поиск языческой духовности*.

Вдумайтесь: любое мышление в терминах биологического поля описывает человека не как некую отдельность, а как непрерывность, континуальность его тела и души. Недаром практически все «научные» попытки парапсихологов сформулировать философские основания своей науки упирались в представления о «сансаре» и «карме» (учение индуизма и буддизма о переселении душ).

В кармических представлениях смысл личности размыт бесконечной цепью рождений. За поступки отвечает не человек, а его предыдущие инкарнации (в сущности, то же самое, что и духи предков в родоплеменной психологии, вспомните пример короля из «Обыкновенного чуда»).

Многочисленные формы теоретических построений о НЛО оказывались на поверку почти чистым спиритизмом, внутри которого «научно» описывались эпизоды общения людей, похищенных инопланетянами (новых медиумов), космическими пришельцами. А на самих пришельцев переносилась ответственность за судьбы как отдельных людей, так и общества в целом.

«Какое все это имеет отношение, например, к поискам снежного человека?» – спросит нас читатель.

Да самое непосредственное! Чём, в сущности, для исследователей этого загадочного животного или не менее легендарного лох-несского чудовища были эти поиски, если не *попыткой создания тотема*. Тотем – это одухотворенное божественное животное, которое в родовом обществе воспринимается как прямой предок-прародитель членов рода. Тотем – символ, объединяющий племя, именно он является источником *магической силы (маны)*, позволяющей роду управлять силами природы.

Таинственные животные нового «племени» искателей позволяли членам этого «племени» прикоснуться к тайне, приобрести «предка», источник *магической силы*. Они хо-

тели получить *отличающее* их от других племен тайное знание, которое, по верованию древних, и наделяло своего носителя такой силой. Получить *от-дичие* – *по-русски означает стать личностью*. Поиск снежного человека был поиском древнего (архетипического) способа идентификации личности. У ряда искателей он тоже вызывал идентичность (бред), синхрон истинность и инфляцию личности.

Это и позволяет нам считать «ученых» одним из направлений российской психоделии. Парапсихологи, физики и «тарелочники» тоже стремились к «чудесному преображению», пытаясь найти свой источник языческой «маны».

Главной психологической задачей всех этих разнообразных исканий была общая задача психоделии – то была задача развоплощения – открытия сознания – *«самораскрытия»**, как говорили «духари» (чисто российское сленговое обозначение духовных искателей).

Все «учения» превращало в *психоделию* явно или неявно присутствующее в каждом из них буддийское представление о полной иллюзорности личности.

«У меня было много экспериментов со своим собственным сознанием, – говорит один из героев В. Лебедько. – Это вещи в основном бессюжетные. Основная тема этих экспериментов – поиски границ сознания. Одну из границ я нашел, когда сознание опускается в биомассу (естественно, в переживаниях, не умозрительно). Когда это происходит, – в какой-то момент ощущаешь, что в биомассе твоего тела, собственно, ничего человеческого нет. Там нет человеческого сознания. Если опускаться еще глубже, то там ситуация вообще такая, что страх

сойти с ума возникает совершенно четко. Вторая граница – была граница восприятия, когда восприятие перестает складывать мир. Мир становится как промокашка. И третье, пожалуй (я, правда, не назвал бы ее такой уж явной границей), – это когда перестаешь отличать свое тело от других тел. Можно было бы сказать, что это – разотождествление, но это не разотождествление, а когда нет своего и не своего. Но таких границ, наверное, много...»

Вот что говорит другой отечественный «психонавт»:

«Ну, самое интересное было тогда, когда я захотел попробовать полное разотождествление. Я подготовил трех ребят своих: каждый из них должен был принять под свое

433

руководство на время эксперимента, – один – мое тело, другой – психоэнергетику, третий – сознание. И это удалось – я разотождествился, и они потом рассказывали, как мое тело выполняло мышечные движения, как команды того человека, которому оно было поручено, психоэнергетика и сознание – тоже. Я же пребывал в пустой, как пустота, пустоте и темной, как темнота, темноте».

А вот как объяснял автору все это П. – один из друзей его юности. Он был одним из признанных лидеров «системы» – советских хиппи конца 70-х годов:

«Для того чтобы получить «передачу», надо унизиться. Твоя прежняя личность – это твой последний предел. Ее надо уничтожить, а для того, чтобы ее уничтожить, ее надо либо притупить, либо ошарашить. Тупить проще всего водкой, когда до полусмерти напиваешься, твое «Я» выходит погулять. Шарашить проще всего грибами – ты до такой степени удивляешься тому, что происходит, что тебя снова нет, остается пустое место, в которое, если тебе повезет и обстоятельства совпадут, может как нож в масло воткнуться «передача»...»

Обратите внимание, слово «унижение» используется в приведенном высказывании в качестве синонима слова «развоплощение».

Автор цитирует запись, хранящуюся на магнитофонной кассете. П. уже больше пятнадцати лет нет в живых, он погиб странной смертью в одной из московских психиатрических больниц.

В ней звучит слово «водка» – название главного химического вещества, объединявшего все «тусовки» искателей духовности («духовки»), по замечательному словечку одного из лидеров российской саньясы).

Независимо от направлений поиска, веры или теоретических убеждений для достижения «истины» искателями чаще всего использовались не галлюциногенные грибы... а водка.

«Но вот что интересно, – рассказывает один из героев книги В. Лебедько, – так это наличие почти везде и всегда неперемного атрибута: без водки дело просто не шло; Водка была абсолютным, ключевым Продуктом, который способствовал «Просветлению» безусловно. Пить считалось чуть ли не обязательным, – водка была важнейшим объектом медитации и для медитации в Российской Саньясе и,

434

похоже, долго таковым и останется. Бед от этого и трагедий было много, – чаще всего «искатели» благополучно спивались. А то и совершали, напившись, поступки, после которых обрести прежний смысл оказывалось едва ли возможным».

Фантастическое российское подтверждение того, что психоделия – это не эффект действия химического вещества, а поиск *особого состояния сознания*, заключается в том, что в русской психоделии водка, а отнюдь не грибы использовалась в качестве... главного галлюциногена. Результат действия этого напитка выражается, прежде всего, в развоплощении личности. «Тупить» и «унижать» – означает временно уничтожить в себе отдельность, достоинство, жизненный опыт – главные свойства личности или сознания.

Водка – это химический инструмент, вызывающий у человека состояние, которое Юнг характеризовал как «снижение порога сознания» или «понижение умственного уровня».

«Я помню, как я получал входное посвящение в Аджаяну, – говорит персонаж Лебедько, – у человека, который, в свою очередь, получил посвящение у самого далай-ламы. Это была жуткая пьянка. Человек, который меня туда привел, – вырубился, а меня раз шесть гоняли в магазин за водкой – проверяли, как я насчет гордыни. Потом уже все вырубился, и остался только я и этот человек, к которому меня привели. Тогда он вручил мне все эти атрибуты посвящения. Это все было очень чисто. Чисто, искренне...»

Один из наших пациентов – известный художник 80-х годов, считавший себя одним из искателей истины, – говорил автору следующее:

«Если я выпил мало водки – я мужчина, много водки выпил – я художник... Водка унижает, она отшибает твою персональную гордыню. Когда ты пьян как свинья, пьян до умопомрачения – ты самоуничтожился, тебя как бы нет, твоей кистью водит кто-то другой».

Главное русское лекарство превращалось в один из главных методов **унижения**, которое, в свою очередь, было чисто русским способом получения духовного просветления.

Для прорыва к «внутреннему богу» и древним сектантам-раскольникам и новейшим «саньясином» нужно было скинуть

435

оболочку того, что они считали «мешающим разумом» и что на поверку оказывалось «Я-чувством христианина.

Использовавшаяся всегда и везде водка отнюдь не была единственным «методом обучения».

Главным способом разрушения «социальных глосс», привязывающих человека к реальности, было *унижение* – создание абсолютно невыносимых для личности жизненных ситуаций.

Одна из пациенток 80-х годов, писательница по профессии, обратилась к нам после подобной попытки «духовной инициации»:

«Я во время упражнения извинилась и хотела выйти в туалет. Но учитель сказал, что это вид психологической защиты. Для преодоления этого вида защиты я была вынуждена раздеться ниже пояса и опорожнить кишечник в стоящую на столе вазочку с печеньем... Я даже сбежать не могла, так как вся группа стояла стеной и меня не

пускали».

Такого рода постановка друг друга в различные унижающие, как говорили «духари», «опускающие» ситуации, собственно говоря, была долгое время главным методом мистического обучения в группах. Те из них, которые занимались самодеятельным псевдобуддизмом, называли этот процесс «вычитанием».

Там считалось, что, для того чтобы слиться с Сущностью Вселенной, все появляющиеся личностные реакции, *связанные с чувством собственного достоинства*, необходимо «вычитать»... с помощью унижения.

«Так вот, совершали мы тогда такие, на первый взгляд простые действия, – говорит еще один герой В. Лебедеко, – а прорывы в результате них бывали очень мощные. Помню, в одной группе вместе с нами была довольно известная оперная певица. Мы ей дали задание – спеть стоя на холодильнике, при этом полностью раздевшись. Атмосфера в группе была серьезная, и она все-таки выполнила задание, но зато потом полгода не появлялась, настолько мощное потрясение она при этом пережила».

Ну как тут не вспомнить «классика русской психоделии» старца Григория Распутина, очень похожим способом приводящего девиц на путь «спасения души».

«...Ибо одною из излюбленных им мер, для вящего унижения «прекрасного пола», – писал о Распутине Н.Н. Евре-

436

инов, – было, как известно, принуждение гордых красавиц мыть ему ноги, причем при умовении ног своих отец Григорий, совершенно голый, заставлял обычно и женщин раздеваться донага, дабы в муках голизны своей грешницы сильнее почувствовали высшее смирение. «А может быть большие унижения для женщины, – справедливо говорит отец Григорий, – когда она, будучи сама обнаженной до полной наготы, моет ноги голому мужчине»...

Когда же, для унижения женской гордыни, и это средство оказывалось недостаточно, – старец прибегал к телесному наказанию, имея пред собой «евангельский» пример Христа, изгнавшего однажды верием торгующих из храма. Так, осталось памятным, как, среди многих случаев, отец Григорий, выйдя из публичного дома в Казани, где он просвещал души женщин, принужден был бичевать своим поясом беззависую перед ним голую девицу...

...Все эти данные, однако, бледнеют перед теми чудесами, какие достигались отцом Григорием во врачевании блудных страстей путем поцелуев, объятий, прикосновений особого рода, а главное – путем совокупления, ради совершенного изгнания из одержимых женщин блудного беса. Власть изгонять бесов, – признался святой старец, – была дана ему самим Господом Богом за усиленные подвиги поста и молитвы...

...Много женщин «освятилось» через отца Григория, так много, что и не перечесть всех. И были среди них всех возрастов и различного общественного положения; но особенно много «освятилось» молодых и богатых, в коих блудный бес, как известно, особенно властно дает о себе знать рядом с духом гордыни.

Автор приводит столь большую цитату для того, чтобы не приводить многочисленных одинаковых примеров из практики «мастеров» отечественного мистицизма. То, что написано в ней о Распутине, является как будто прямым пересказом событий, происходивших с отечественными «учителями» и их «ученицами».

Можно сказать, что создание «критических ситуаций» «духари» изначально хотели использовать ровно с той же целью, с которой дзен-буддизм использовал обучающие истории, так называемые коаны. Коаны невозможно объяснить с позиций обычной житейской логики, для их понимания ученик должен найти в своем восприятии духовное измерение.

437

Создание «критических ситуаций» в реальной жизни *гораздо более жестокий метод*, чем анализ написанных на бумаге историй. Приводил этот метод к огромному количеству искалеченных судеб – к усилению онтологической неуверенности, а иногда и к душевному заболеванию (диссоциации) у жертв. Судьбой *другого* человека легко жертвовать ради *своей* идеи.

Унижение в русском языке – это *понижение* личности до уровня вещи, *дозволяющее* использовать человека в этом качестве (отечественный лагерный жаргон, понимая эту истину буквально, в качестве синонима глагола «унизить» использует слово «опустить»).

Потребность в *волшебном знании для себя* почему-то все время оборачивалась потребностью в манипулировании другими. Адлеровское «стремление к совершенству» преобразуется в его же «стремление к силе». *Потребность в магическом знании оборачивается потребностью во власти.*

Путь мистического знания оказывается одной из дорожек к «виртуальному» апокалипсису.

«Сбегать учителям за водкой» было лишь одним из самых распространенных и простых «шокирующих заданий» (способов унижения) для ищущего просветления неопита. В «духовках» в те времена циркулировало огромное количество полумифологических историй про русских мистиков и процедурах посвящения. Одну из таких историй приводит и В. Лебедеко:

«Например, про то, как два ученика одного русского мистика, – некие Костя и Гурам, по рассказам хоть и разгильдяи, но очень непростые ребята, – встречали одного американского гуру. Тот американец был продолжателем, в каком-то колене, линии Гурджиева. И вот он приехал в Россию с намерением заняться просветительской деятельностью. И натолкнулся на Костю и Гурама. Те, – «после совместного распития», – увезли вяло сопротивляющегося американца из Москвы в какую-то далекую провинцию. Уже через неделю пребывания там с Гурамом и Костей гуру признался, что те давно уже перевели в практику и жизнь то, о чем они там в своей Американской Школе только рассуждают, а еще через две недели он запросился к ним в ученики. На это ему поставили условие, – раздобыть в течение пары часов бутылку водки. А дело было ночью, и происходило все это в середине восьмидесятых! Задание

438

достать ночью бутылку водки в то время было очень серьезным. Американец, правда, показал себя с наилучшей стороны: хоть и не через два часа, а уже под утро, но притащил-таки бутылку! Сияющий от счастья и с синяком под глазом».

Если бы только вполне анекдотическим поиском водки «метод» и ограничивался. Все обстояло гораздо сложнее!

Вот еще одна цитата из книги Лебедевко (мы просим прощения у автора за количество цитат, но это объясняется тем, что его книга на сегодняшний день единственный *опубликованный* источник, содержащий описание феномена отечественной психоделии):

«Вот цена, например, прозвучавшему вслух намерению: проходят люди из такого коллектива мимо какой-то «крутой» машины, и один из них говорит: «Вот бы на ней прокатиться!» Все – человек «попал» – теперь он должен это сделать как угодно: хочет – угоняет, хочет – ищет хозяина и договаривается, хочет – нанимает кого-то, кто ему машину эту угонит. Он сказал, что ему хотелось бы прокатиться. И если теперь он не будет из всех сил пытаться заявленное выполнить, так чтобы «продукт его деятельности» очевиден стал для всех, он лишается возможности быть в этой компании, а такое для него смерти подобно. Обучение осознавать свои импульсы и проявления этих импульсов вовне достигалось в том числе и такой вот внимательностью друг к другу. То есть принцип *«падающего подтолкни»* часто был ключевым в групповой работе (курсив мой. – А.Д.).

Я знал человека, который на Дальний Восток уехал из-за неосторожно брошенного слова. В подобной группе между делом он сказал, что то ли ему хочется уссурийского тигра посмотреть, то ли еще чего-то в этих краях. Ну и все – к нему повернулись друзья и многозначительно так посмотрели. А парень был нищ, гол как сокол, отнюдь не путешественник, а, напротив, маменькин сынок. Ну и что – парню пришлось зарабатывать на поездку на Дальний Восток, там устраиваться на работу, искать этого дурацкого тигра где-то... В общем, он два года болтался по Дальнему Востоку, по тайге, приехал, естественно, совершенно изменившимся человеком – очень на него вся эта история конструктивно подействовала».

439

Легендарный японский мастер карате Сото, приехавший в Россию для создания своей школы, отправлял начинающих учеников в Центральный парк культуры и отдыха по ночам. Целью таких прогулок был поиск неприятностей в виде навыка оказания психологического и физического сопротивления прогуливавшейся в парке шпане. Задание мастера выполняли практически все ученики. И очень многие покидали подпольную секцию карате из-за тяжких увечий и ножевых ран.

Еще более жуткая история потрясла всю российскую «саньясу» в начале 80-х годов. Это была история с убийством в Вильнюсе одного из искателей истины Талгата Нигматулина. Талгата забили по приказу одного из «учителей» некоего Абая. Каждый член группы по приказу «мастера» просто подходил и наносил удары. Это «групповое занятие» было связано, по всей видимости, с тем, что Абай пытался доказать группе, что он является гораздо более «посвященным учителем», чем другой учитель – Мирзобай (его многие русские эзотерики считали живым носителем традиции). В конечном итоге все свелось к выяснению традиционного отечественного вопроса: *«Кто самее!»*

История Абая показывает еще одну общую особенность западной и российской психоделии – *группы искателей очень легко превращались в секты*. Мастер – учитель или посвященный, имевший право «выставить» ученика в непереносимую для его личности ситуацию, – очень легко обожествлялся членами группы. Он становился кумиром – идиолом Ветхого Завета.

Некоторые духовные лидеры «русской саньясы» понимали эту опасность и всячески избегали такого рода «обо-жения» (существовало множество специальных психологических приемов «избегания авторитета»).

Но многие пользовались своим влиянием в собственных, вполне шкурных, интересах.

Превращение групп в секты происходило в нашей стране гораздо легче, чем, например, в Америке. Направленные на растворение индивидуальности усилия социалистической идеологии зря не прошли. *Метафизический голод* был настолько силен, что *люди почти без сопротивления отдавали себя в руки торговцев мистическими средствами идентификации личности*.

440

Именно эзотерические группы вместе с мышлением «секты социализма» подготовили невообразимый для них самих успех в нашей стране таких западных сект, как «Белое братство», «Аум Сенрике» или «научной» секты дианетики Рона Хаббарда. «Успех» выражался в тысячах диссоциаций – искалеченных сектами душ и человеческих судеб.

К чести «русской саньясы», надо сказать, что многие учителя на собственном, не всегда радужном, опыте прекрасно это понимали.

«Большей частью это люди, не имеющие достаточного уровня самоидентичности, – говорит по поводу участников эзотерических групп и школ психолог и известный в среде «посвященных» мистик Алексей Вовк, – то есть они чувствуют, что у них существует дефицитарность, поэтому обращаются (сознательно или «случайно») к подобному рода структурам...

...Но для большей части Учителя или сама Школа заменяют человеку индивидуальность, то есть там создается «Мм», "Мы"-концепция. И это препятствует развитию человека, то есть его инволюции, потому что все Школы направлены на эволюционную работу, а для того, чтобы эволюционировать, надо сначала инволюционировать...»

Однако по большей части дело ограничивалось одной только инволюцией (инфляцией). Точно так же, как и в ситуации с «психоделиками». Ведь считалось, что «передача» или «духовная инициация» после разрушения «оков личности» придет сама ло себе, но большинство людей в итоге бесконечного «вычитания» ждало не духовное просветление, а *безумие*.

В. Лебедевко приводит высказывания Владимира Данченко:

«...Так, московская школа самодеятельного околотибетского эзотеризма, насколько я с ней знаком, занималась именно тем, что они там друг друга долбали, из равновесия выводили. Разумеется, пользу можно извлечь из чего угодно, в том числе и из того, что тебя кто-то пытается смешать с дерьмом. Но в большинстве случаев такая практика приводит не к декларируемому разрушению защит, а к их укреплению, появлению феномена

«отмороженного сознания» (термин искателей, обознача-

441

ющий абсолютно то же самое, что и юнговское «снижение умственного уровня». – А.Д.), которое полагается целью человеческих стремлений. Защита ведь не сводится к бессознательности, она проявляется также в бесчувственности, не-переживании, не-реагировании, в голой констатации происходящего».

Данченко говорит о том процессе, который мы назвали *эгосистолой*. Слабенькое, неуверенное в осмысленности собственного существования «Я» «духаря» в результате подобных психологических техник испытывает потребность не в том, чтобы расширяться и осмыслить новый опыт, а всего-навсего в том, чтобы спрятаться, отгородиться от мира стеной «нарциссического» бесчувствия и пустых теоретических рассуждений.

Огромное количество подобных случаев и описывалось психиатрами 70–80-х годов под названием «метафизическая (или философская) интоксикация».

В отличие от американских «апостолов LSD», которые считали онтологическую неуверенность самодостаточным «источником наслаждения», «наши» прекрасно понимали, что в «эзотерическом идеале» личность развоплощается («унижается», «инволюционирует») для того... чтобы на ее месте возникла новая индивидуальность.

Но созданием новой индивидуальности должен *кто-то* заниматься. И этот «кто-то» будет просто человеком, а отнюдь не Богом.

Алхимик «развоплощает» растение для последующего выделения из него «магической квинтэссенции» – алкалоида. Он считает, что у него есть на это *право*.

«Мастер-эзотерик» пытается развоплотить личность другого человека, для того чтобы на ее месте создать новую... И тоже считает себя *вправе* делать это.

«...И что меня удивляло в некоторых продвинутых духарях, – продолжает В. Данченко, – так это то, что не любят они ближнего. И готовы делать с этим ближним что угодно – для его же блага, разумеется. Защиты там ломать и так далее...

Ну, идеологически это связано с представлением о благе как некоем сверхценном состоянии, которому нужно принести в жертву все остальные. Практически же речь идет о бесчувственности. Так что, если вы еще испытываете отрицательные эмоции в связи с тем, что я над вами

442

измываюсь, значит, у вас проблемы; а я вам оказываю неоценимую услугу, помогая эти проблемы осознать, – для *вашего же блага*».

Эти люди абсолютно уверены, что им точно известно, *что такое благо*. В этом же были уверены и коммунисты. Так что у «духарей» с советской властью гораздо больше общего, чем это принято думать...

Главное обвинение, которое автор хотел бы предъявить большинству «мастеров», заключается в том, что они *сами прекрасно понимали*, что вести дальше человека, который по их воле развоплотился (потерял остатки онтологической уверенности), им *абсолютно некуда*.

Развоплощение приводит к поспраанию, извращению Божественной *заданности* – образа Божьего в человеке. Из развоплотившегося в метафизическом смысле человека нельзя будет создать новую *личность*.

Из нее можно произвести *только «индивида»*. Эзотерический учитель – «индивид» – не в состоянии создать новую личность на месте разрушенной старой. Он может произвести на свет божий только «нового» искалеченного *эгосистолой* и *синдромом интеллектуальной зависимости* от «учителя» *раба*.

Российские «психонавты» искали внутренней свободы. Свободы от поврежденного большевиками мира, в жизни которого они участвовать *не хотели* и бороться с которым *не могли*.

Но взыскуемая ими свобода неминуемо оказывалась свободой *для себя лично*. Эти люди были напрочь лишены того, что Ухтомский называл *доминантой на лицо другого*. Желание свободы посредством обладания магическим знанием незаметно для искателя преобразовывалось в неборимое желание власти над другими людьми. Так было с «христианином» Распутиным, то же самое случилось и с многими российскими мистиками.

Такая свобода из Божественного дара, данного человеку для творческого усилия, для преображения себя и действительности, превращалась в *самоцель*.

Свобода лично для себя становилась *языческим идолом, которому слепо поклонялся человек*. Такая свобода превращалась в чистый произвол по отношению к другому, который воспринимался *как вещь* – средство для достижения свободы для себя.

443

С.А. Левицкий, описывая этот феномен под названием «*идололатрия свободы*», писал:

«Такая свобода... есть *прометеевский грех* – *узурпация священного огня свободы только для себя*. Тогда огонь свободы становится *пожирющим пламенем, с которым не могут справиться похитившие его и в котором они в конце концов сгорают, впадая в ожесточенное **рабство у самих себя, у собственной непросветленной самости***».

Левицкий описывает зависимость от собственных ошибок. Мы видели, как «непросветленная самость» – онтологическая неуверенность – «нарциссизм» разворачивается на всей протяженности человеческой жизни. На эту зависимость человека обрекает духовное невежество (как его собственное, так и окружающей его культуры).

Не ведая того, Левицкий описал участь большинства «мастеров» советского эзотеризма, в том числе и «христианина» Чабанова.

Расширение, трансценденция собственного духовного начала возможна только в сторону другого человека. Ее можно достичь только для ближнего своего, но не для себя одного. Этой простой, но по самой сути своей *абсолютно христианской истины* российские «саньясины» постигнуть не могли. Стрелка метафизического компаса в их исканиях, точно так же, как в исканиях их западных коллег, колебалась лишь около буддизма, суфизма и родовых культов.

ИСХОДЫ РОССИЙСКОЙ ПСИХОДЕЛИИ

Русские психиатры и психологи не могли наблюдать воочию последствия феномена американской психоделии для отдельной личности. Мы можем обсуждать их только косвенно, по доступной нам литературе.

Самые тяжелые варианты исходных состояний хронического «отравления мистикой», то есть принудительного развоплощения личности, нам уже известны. Прежде всего, это переход искателя в категорию больных шизофренией и, в результате, более или менее постоянное его пребывание в психиатрических больницах.

Во-вторых, это бегство от общества и самоизоляция в деревнях и на дачах. Подобное бегство в большинстве случаев заканчивалось приемом других психоактивных ве-

444

ществ – чаще всего водки и опиатов. Вещества эти усиливали процессы диссоциации и приводили к превращению людей в описанных выше хтонических чудовищ.

Одним из наиболее типичных примеров такого рода исходов является история «Кунты».

Группа студентов ленинградского университета в возрасте от 17 до 25 лет (в группе было около пятнадцати человек) решили создать новую йогу – «Кунту» – йогу символов. Задачей, которую ребята не скрывали, было их превращение в магов.

Они выкинули паспорта и поселились в заброшенной школе, в забытой богом деревеньке в Карелии.

В отечественной эзотерической среде до сих пор ходят легенды об этой группе. Разработанная ими (и утерянная) система медитации на символах, по легенде, *смогла* сделать их магами. Сохранились многочисленные истории о том, как ребята с помощью сосредоточения на магических рисунках соблазнили женщин, спасали утопленников, лечили безнадежные болезни и... прогоняли тараканов. Рассказы о «Кунте» вы можете найти и в книге В. Лебедько.

Судя по отзывам, в «российской саньясе» трудно было найти более сплоченную и фанатично стремящуюся к эзотерическому знанию группу. В процессе поиска они использовали и голодание, и грибы, и любые наркотики, которые могли достать.

Все это происходило в 1979–1981 годах. К началу 90-х в живых из членов той сплоченной группы осталось то ли два, то ли три человека.

Мистики говорят, что ребята прикоснулись к запретной системе символов. Они сами называли эту систему «Дис-сой» (возможно, в этом названии присутствует корень слова «диссоциация»).

В середине 80-х годов автору довелось познакомиться с одним из членов «Кунты», ныне тоже покойным. Вот фрагмент старой магнитофонной записи:

«Понимаешь, когда идет отработка символов «Диссы», ты практически мгновенно перестаешь существовать. Они разъедают. Причем разъедают мгновенно. Гораздо легче войти туда, чем потом оттуда выйти. Я не могу вспомнить, кем я был до всего этого... Прошлое как обрывки забытых сновидений, не более того. Это почти как один

445

момент в «Понедельнике» (имеется в виду роман брзть-ев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». – А.Д.) – ты можешь абсолютно все, но тебя нет и ты не можешь ничего...

Это ощущение такое, как будто ты уже за гранью безумия – в вакууме, из которого не можешь вернуться...

Я не помню, кто первый предложил морфий как лекарство от всего этого. Потом откуда-то взялся героин. Героин после «Диссы» казался так, мелочью, фуфлом каким-то... Но большинство ребят погибло от передозы...»

Вряд ли эта цитата нуждается в комментариях. Только несколько членов группы погибло *не* от наркотиков. Ее основатель и первый лидер был убит – получил 20 ножевых ранений в драке (о его смерти автор впервые узнал из «Хроник российской саньясы»).

По всей видимости, эта смерть связана с феноменом синхронистичности. Считавший себя магом, лидер группы просто не смог выбраться из вполне заурядного конфликта с питерскими хулиганами. Он был *развоплощен* – находился внутри синхронистичности – и не смог в критический момент *найти в себе самом ориентиров* для правильной психологической реакции. В ответственный момент его поведением управлял оживший символ – архетип, пытавшийся присвоить себе «Я»-чувство.

Ребята из «Кунты» изначально балансировали на краю пропасти. Безоглядная и насильственная медитация на символах приводила, точно так же, как и галлюциногены, к оживлению связанных с ними «синдромов констелли-рованного опыта».

Такие комплексы за счет постоянного и напряженного сосредоточения внимания на них членов группы превращались в «сущности». Они воспринимались «символическими психонавтами» как автономные части личности. Для достижения магического знания участник «Кунты» отчуждал одну часть своего «Я» от другой. «Йога символов» становилась *добровольной* диссоциацией личности – «Диссой» (?). *От полного распада собственного «Я» «психонавты» пытались лечиться водкой и героином...*

Сегодня мы можем сказать, что большинство людей, фанатично преданных поискам *внутренней* эзотерической истины, имело очень мало вариантов будущего: или пси-

446

хиатрическая больница, или водка в полуразрушенном деревенском доме, или смерть от ножа и наркотиков.

Большинство, но, конечно, не все. Оставались и другие варианты исхода, которые можно с некоторой натяжкой назвать *благополучными*.

Первый из них мы называем *мистической навязчивостью*.

Что это такое?

Человек испытывает метафизическую потребность. Опыт психоделии свидетельствует о том, что потребность эта отнюдь не менее значима, чем инстинктивные сексуальная и пищевая потребности человека.

Потребность состоит из двух «векторов» – потребности *самотрансценденции* (эгодиаистолы) и потребности в *самоограничении* (эгосистолы). Эгосистола является ее нормальной составляющей, ведь для того, чтобы себя как-то определить, необходимо *ограничить словами* представление о своем «Я».

Человеку, выражаясь другим языком, нужно не только расширить свое «Я»-чувство и включить в него звезды. Ему нужно выразить это словами. Он нуждается в формировании «Я»-концепции – сценария самого себя.

Опыт российской психоделии доказывает еще одну очень важную вещь.

Вдумайтесь, ощущение имманентного присутствия Бога в глубинах человеческой души *в сущности и есть «Я»-чувство*. В рамках наших рассуждений этот факт автоматически подразумевает наличие врожденной, *свойственной национальному бессознательному онтологической уверенности*.

Действительно, сохраняющаяся наперекор войнам и революциям наука и культура, да и вообще способность бывшего советского человека *к самостоятельному мышлению* после 70 лет «дионисического» давления идеологии на личность говорят о том, что процент «жизнестойких детей» в нашей стране издревле был выше указываемого американской статистикой.

Следовательно, и онтологическая неуверенность может являться некоей генетической склонностью личности, но

447

может существовать и как результат «педагогических» усилий общества и культуры. Ни старая советская культура, ни новая демократическая не были озабочены тем, чтобы создать возможность реализации стремления личности к трансцендентному. *В результате наши дети прочно перепутали духовную мудрость с развлекательным.*

Понять разницу между ними сложно. Гораздо легче неподготовленному сознанию, испытывающему потребность в чуде, *принять видимость за истину*.

В результате сознание наших детей открыто для внушения. Его «открывают» отсутствие духовности в образовании и окружающая виртуальная культура, которая «программирует» психику.

Открытое сознание примет любую сформулированную словами концепцию, которая обещает познание чудесного. Эта концепция должна лишь сопровождаться *визуальным* подтверждением того, что в ней содержится таинственная духовная истина, и тогда она легко вызовет зависимость личности от себя.

В мире, который от слова вернулся назад к зрительным образам, такая концепция должна всего-навсего содержать в себе элементы... телевизионного шоу. И испытывающая метафизический голод личность *сама себя ей запрограммирует*. Примитивная теория станет на некоторое время *яичным сценарием* ее идентификации.

Метафизическая потребность – воспитанная культурой онтологическая неуверенность – примитивная теория, снимающая с личности ответственность за собственную жизнь (с помощью языческих представлений о карме, биополе, пришельцах и т. д.), – визуальное подтверждение средствами шоу, включающими в себя и общеизвестные фокусы, – вот и вся формула современного психологического наркотика.

Идентифицировав себя с подобным учением, личность некоторое время *будет оправдывать, с его помощью, собственную несостоятельность*.

И все... Доморощенным магам не нужно даже развивать в себе какие-то паранормальные способности. Этот механизм представляет собой чрезвычайно выгодную экономическую схему – простейший товар на рынке духовных услуг.

Теорию мага или секты, с которой идентифицирует себя человек в ситуации онтологической неуверенности, будет очень сложно разрушить. Дело в том, что подобная теория

448

на некоторое время избавит человека от «комплекса неполноценности», который А. Адлер, например, считал *основной* структурой личности.

По мнению А.А. Ухтомского, фактор (в том числе и мысль), вызвавший удовлетворение той или иной неудовлетворенной потребности, сформирует в коре головного мозга стойкий очаг возбуждения – доминанту. Одним из главных свойств доминанты является ее способность «притягивать» к себе и включать в свою структуру любые другие электромагнитные импульсы, возникающие в нервной системе.

Нам всем знакомо подобное состояние. Случившееся, например, в семье несчастье на некоторое время заставляет человека истолковывать любую приходящую извне информацию как имеющую к этому несчастью отношение.

Однако душевная боль, которую испытывает человек после перенесенной беды, рано или поздно проходит. Чувство *неудовлетворенности собой* и связанная с ним потребность в самоактуализации у *одномерного и виртуального человека* не проходят никогда.

Это чувство не является генетическим качеством души отдельного человека. Неудовлетворенность – это отраженное в индивидуальной психике свойство коллективного *разума «виртуальной» культуры*.

Поэтому доминанты, возникшие как результат удовлетворения чувства собственной недостаточности, превращаются в *мировоззрение* – в патологическую «Я»-концепцию. Эта концепция служит своего рода *оправданием несостоятельности* жизни личности в реальном мире. Человек расстается с такими доминантами крайне неохотно. Сознание цепляется за них ради того, чтобы не испытать вновь мучительной неудовлетворенности собой.

Так образуется схожий с бредом феномен, который мы условно называем *патологической верой*.

Патологическая вера – очень сложное понятие. Его разбору, а вместе с ним и разбору сохраняющегося и распространяющегося с эпидемической силой вне больших городов нашей страны влияния тоталитарных сект мы

планируем посвятить часть следующей книги.

Здесь нам хотелось бы только отметить, что *патологическая вера* – это состояние *идентичности* личности с той или иной теоретической псевдорелигиозной конструкцией,

15 А. Данилин «LSD» 449

как правило *резко упрощающей* и искажающей первоначальный символ веры (из которого эта теория была насильственно скомпилирована).

Фактически, это истинный духовный наркотик, способный, как и все наркотики, привести человека к зависимости и диссоциации личности.

Сейчас мы обсуждаем несколько иную ситуацию. Эта ситуация возможна только в условиях *виртуальной* «духовности», в которой существование огромного количества схожих мистических теорий-товаров заставляет некоторых неуверенных людей формировать краткосрочные «виртуальные» доминанты, которые не приводят к *полной* мировоззренческой идентификации личности (юнговской «идентичности»), а вызывают лишь временный интерес – *краткосрочную* попытку идентификации.

«*Мистической навязчивостью*» страдают те самые, так и не выросшие, теперь уже 40–55-летние мальчики и девочки, для которых поиск эзотерической «истины» стал привычным фоном поведения – повседневной привычкой или единственной сферой *интеллектуальных* интересов.

Учениками эзотерических мастеров 70-х и постоянными пациентами целителей и колдунов 90-х становилась одна и та же категория людей. На лекции об НЛЮ и бесе-, ды экстрасенсов, выступления эстрадных гипнотизеров и сеансы Джуны и Кашпировского, на проповеди «Белого братства» и выступления психоаналитиков ходили люди, которые легко узнавались *по какому-то особенному выражению глаз*. Один из известных в 80-х годах эстрадных «телепатов» определял это выражение как «смесь огонька любопытства с ощущением затравленности и неуверенности» (помните, как специалист по групповой психотерапии Сандисон тоже удивлялся, что на прием постоянно ходит одна и та же группа пациентов).

Этот феномен упоминается и в работах Вильгельма Райха.

«Хорошо известно, – писал он, – что можно диагностировать наличие шизофрении, осторожно наблюдая за выражением глаз. Шизофренические личности имеют типичный мечтательно-отрешенный взгляд».

Под шизофреническими личностями Райх имеет в виду примерно ту же категорию людей, которую Роберт Лэнг называл онтологически неуверенной. И Райх, и Лэнг опи-

450

сывают формы *врожденной*, обусловленной генетическим аппаратом *слабости чувства «Я»*. Таких людей в человеческой популяции всегда было немного (психиатрия сегодня считает, что их 0,2–0,5%, в зависимости от страны проживания). Именно такие люди становятся первыми жертвами и *диссоциативных наркотиков* – галлюциногенов, и других феноменов психоделии.

У них как способ *защиты* от реального мира, угрозу которого такие люди ощущают непрерывно, почти мгновенно формируется захватывающая сознание *зависимость* в виде *патологической веры*.

Но слабость «Я»-ощущения человек *может приобрести не только от рождения, но и* в ходе своего развития, *сталкиваясь с растворяющими личность факторами* культуры. Более того, на протяжении всей книги мы с вами изучали, каким образом это происходит.

Психический мир наших «эзотерических искателей» формировался в условиях коммунистического сюрреализма. Культура нашей страны *считала своей задачей воспитание онтологической неуверенности у своего гражданина*, и это единственная задача «развитого социалистического общества», которая была успешно решена.

Давайте еще раз вспомним, как это происходило. Сначала, как мы видели, новая власть разрушала традиционные религиозные ценности – велась война с верой. В ходе этой войны личность жителей нашей страны утрачивала «центр» своего «Я». На его место в качестве смыслового стержня личности пропаганда подсовывала идеологические лозунги.

Хотел житель нашей страны середины 80-х годов осознавать это или нет, но смыслообразующим стержнем его личности была именно эта идеология господствующей партии. Но во второй половине 80-х у человека отобрали и ее.

В душах большинства населения не оказалось никакого духовного стержня, ни истинного, ни ложного: Человек внезапно оказался один на один с виртуальностью «свободного мира». Из ситуации, в которой его система ценностей была навязана извне и предопределена, он оказался в ситуации, в которой все, что раньше казалось ценностью, стало легко доступным и *равнозначным*.

Свобода подействовала на «одномерного» человека, как... LSD на европейскую культуру.

451

Постепенно формирующийся «духовный товар» легко находил в России своего потребителя – ведь он претендовал на создание системы ценностей. В стране, запретившей на долгие десятилетия своим жителям иметь *индивидуальные личностные* черты, такими потребителями и *жертвами* стало огромное количество людей, страдающих *благоприобретенной онтологической неуверенностью*.

Зависимость от «мистических товаров» испытывают личности, воспитание и образование которых сделало их «людьми внешнего контроля» – «экстерналами» Джулиана Роттера. Экстернальность и является главным экзистенциальным свойством воспитанной онтологической неуверенности.

Такие люди *могут, но не хотят* почувствовать себя ответственными за собственную жизнь и пытаются переложить рычаги управления своими поступками в руки «иных» сил. Решения, особенно связанные с личной ответственностью, должны принимать не они, а их «гороскопы», «ясновидящие» и «экстрасенсы».

В этом их отличие от людей с *врожденной* (генетически обусловленной) *онтологической неуверенностью*, которые *хотят* ощутить себя собой, но *не могут* этого сделать (Р. Лэнг именно так видел врожденную предрасположенность к шизофренической диссоциации личности).

Обе категории неуверенных людей составляют группу с «мечтательно отрешенным взглядом», за счет которых выживают современные «маги» – спекулянты на метафизической потребности. Именно для них во всем мире выходят оккультные газеты и журналы. Именно они кормят толпы «ясновидящих», «гадалок», «целителей» и «русских колдунов». Только они способны всерьез воспринимать рекламные объявления типа:

«АУРОРА – врач, психоаналитик (стажировка в Сорбонне), мастер космоэнергетики, экзорцист, потомственная народная целительница, обладательница двух лазерных лучей, идущих из глаз (по желанию пациентов покажет все его органы на своей ладони). Избавит от всех видов магических воздействий, некротических связей, энергетических подселений, обучит методам духовного целительства» и т. д., и т. п. и пр.

Неискушенный человек просто не поверит, что это объявление собранно из двух аналогичных, но вполне реальных объявлений в газете, выходящей в XXI веке!

452

Но вот еще более замечательное объявление:

«Президент московской школы супраментальных знаний. **Мастер** биоэнергетик, целитель, суперсензитивный корректор сознания. **Мастер** трансцендентальной медитации, гармонизации, техники высшей саморегуляции.

Художественный руководитель народного ансамбля «Приволье».

Лауреат. Дипломант. Поэт. Композитор.

Пупочкин Алексей Алексеевич».

Вот так! Учитесь «работать без отмычки». Хоть смейся, хоть плачь, но объявление приведено дословно (изменены, разумеется, название ансамбля и имя автора).

Какой же механизм позволяет такого рода «специалистам» не только кормиться за счет немолодых, уцелевших после психоделических 70-х искателей чудесного, но и вербовать себе новых «экстернальных» поклонников?

Мы уже писали об этом – это Декартов механизм *подмены потребности в духовном просвещении (в таинстве) просвещением рассудочным. Это механизм равнозначности смыслов, скрытый в природе интеллектуальной информации.*

Именно *равнозначность* удивляет профессионала в приведенных объявлениях. Возьмем первое из них.

Психоанализ – наука материалистическая, все его теоретики категорически отрицают возможность совмещения своих взглядов с какой-либо религией. Экзорцизм – это католические техники изгнания бесов, которые психоанализ считал мракобесием, а православие отрицает как ересь. «Космоэнергетика» – это термин «научной» парапсихологии, имеющий гностическое происхождение. Гностик никак не может быть экзорцистом, просто потому, что для этого акта необходим несгибаемый в вере священник, пол-ностью свободный от блуждания духа в ересях (соблазнах врага христианской веры). Получившая столь потрясающее образование (в Сорбонне!) дама просто не может оставаться «народной» целительницей (это понятие исключает другое, кроме «народного», профессиональное образование)...

Ну а что касается «идущих из глаз лучей», да еще и с демонстрацией «внутренних органов пациента», то это описание классической (и очень тяжелой, быстро приводящей к слабоумию) формы шизофрении.

Остается надеяться, что податели подобных объявлений не знают на самом деле ни одного учения, из которых они

453

«понадергали» «красивенькие» духовные термины. Объявления писали не шизофреники, а... жулики. Рассчитаны они на «виртуального» человека, который, как нам теперь известно, не способен выделить *содержание (смысл)* и поэтому готов попасть в зависимость от *формы (видимости)*, особенно если эта форма обещает ему магическую власть над реальностью.

Феномен Кашпировского *возможен только в мире «Жт стерналов» и «нарциссов»* – людей, *нуждающихся* во внешнем внушении («программировании»).

Участь самих «экстрасенсов» тоже зависти не вызывает. Работать целителем, занимаясь только обманом, невозможно. Онтологически неуверенный человек в процессе своего обучения «тайным наукам» начинает убеждаться в том, что способен управлять «космическими энергиями» или «биологическим полем» (сама эта вера практически неотличима от шизофрении).

В своей гордыне он думает, что способен сотворить... все то же рукотворное чудо. Мало того, что целитель пытается *присвоить* то, что ему не принадлежит; он еще пытается и *торговать* этим.

Результатом такой попытки становится зависимость от ложной веры. Формируется патологическая бредоподобная доминанта. «Экстрасенс» превращается из неуверенного в себе человека в... ЭКСТРАСЕНСА. Сначала он *идентифицирует* себя с этой «профессией», потом испытывает *идентичность* своей личности с *воображаемыми* способностями, за ней неминуемо следует *инфляция* (человек перестает относиться к себе критически, очевидные неудачи не влияют на его самоуверенность) и, наконец, *диссоциация* личности.

По непроверенным данным ряда московских психиатрических клиник (попросту – из разговоров с коллегами 80-х годов), каждый пятый или шестой «целитель» становился нашим постоянным пациентом.

Откройте рекламную страницу любой газеты или журнала, посмотрите на нее внимательно, и вы сразу увидите «виртуальный концептуализм» в действии. На пространстве страницы будут *равнозначно* существовать «психоаналитические экстрасенсы» и новейшая сантехника, порнографические ночные клубы и «суперсовременные» таблетки для похудания...

454

Но мы отвлеклись. Главным является то, что, в отличие от пациентов доктора Лэнга, многие отечественные «искатели истины» *имеют от рождения вполне сформированное чувство «Я»*. Окружавшая их сначала «одномерная», а потом и «виртуальная» культура просто не давала им возможности на основе *образа* сформировать *подобие* –

творческую «Я»-концепцию или то, что Р. Кеган называл «смысловым сценарием личности».

Говоря другими словами, они **чувствовали себя собой**, но ответить словами себе или окружающим на вопрос «Кто ты?» не могли. В то же самое время материалистическое образование убеждало их в том, что **простой** ответ на этот вопрос должен существовать!

В результате «Я»-чувство защищает такого искателя от полного провала в патологическую веру. Его шкала «мое – не мое» срабатывает вовремя. Он способен чувствовать грань угрозы развоплощения в предлагаемых ему мистических знаниях и упражнениях. Эта грань ощущается, как *нечто чуждое* по отношению к личности, а потому опасное, вызывающее страх. Это уже знакомый нам страх «измены мира» – синхронистичности.

Фрагмент диктофонной записи:

«– Почему же все-таки вы ушли из дианетики, если все было так интересно?»

– Сама не знаю... В какой-то момент стало страшно... Все хорошо, но во время одного разговора мне показалось, что они хотят что-то со мной сделать... изменить что-то важное внутри... Понимаете? После этого они стали казаться чужими...»

Чувство «Я» защищает, но потребность в чуде, в создании трансцендентной «Я»-концепции не ослабевает ни на йоту. Ощущение собственной недостаточности возвращается. Единственный выход, который видит сознание материалиста, – это поиск нового «учения» или «учителя».

Главной доминантой в таких случаях является сам *процесс учебы* – бесконечного поиска рациональной, сформулированной словами концепции «истинного» магического знания. Такие люди все время учатся в надежде обрести «окончательное знание», им все время кажется, что нужно приложить еще одно умственное усилие, закончить еще одни курсы, походить еще к одному целителю – и... все! Они обретут способность жить и действовать самостоятельно...

455

Они становятся жертвами равнозначности духовных смыслов «виртуальной культуры».

И дальше все развивается по схеме *интеллектуальной зависимости*. «Последний» целитель оказывается предпоследним и т. д. Сам процесс мистического ученичества оправдывает не хуже химического наркотика неспособность человека к самостоятельной жизни (*само-стоятельной* – «стоящей на себе», насколько все-таки велик русский язык!).

Обратите внимание: жители нашей страны с момента своего столкновения с виртуальностью свободного мира проходят этапы зависимости, чрезвычайно схожие с теми, которые проходила Америка после «психоделической революции». Все начинается с повального увлечения мистикой и сектами («американский» вариант мы описывали в главе «Мистика Востока»). По мере того как люди убеждаются в опасности сект и невозможности обрести *смысл* в упрощенных вариантах восточных религий и оккультизма, интерес ко всему этому сменяется всеобщей увлеченностью научной психологией.

Эту ситуацию в Европе удивительно точно описывал Ж. Липовецки:

«Когда прекращается экономический рост, на смену ему приходит психическое развитие; когда информация заменяет производство, рост самосознания требует все новых «источников сырья»: в ход идет йога, психоанализ, язык тела, примальная терапия, дзен, групповая динамика, трансцендентальная медитация; экономический подъем сопровождается преувеличенным значением «пси» и мощным ростом нарциссизма.

Направляя страсти на собственное «Я», которое становится пупом земли, «пси»-терапия, дополненная физическими упражнениями или восточной философией, создает ранее незнакомый образ Нарцисса, отныне отождествляемый с понятием «*homo psychologicus*» («человек психологический». – *А.Д.*). Нарцисс, одержимый самим собой, не витает в облаках, не находится под воздействием наркоза, он упорно трудится над освобождением собственного «Я», над великой судьбой собственной самобытности и независимости. Для этого нужно отказаться от любви, «*to love myself enough so that I do not need another to make me happy*» («любить самого себя так, чтобы не нуждаться в

456

ком-то другом, чтобы стать счастливым». – *А.Д.*) – такова новая революционная программа».

Примерно таким образом можно объяснить тот факт, что третьим по популярности высшим образованием в нашей стране стало образование психологическое. Испытывающая неуверенность молодежь пытается обрести смысл собственного бытия с помощью «научных» психологических знаний, которые в свою очередь кажутся ей магическими.

Но психология – это наука, состоящая из самых разнообразных, порой прямо противоречащих друг другу и *равнозначных* в силу своей субъективности взглядов, теорий и точек зрения. Наше психологическое образование сегодня в большинстве случаев не помогает личности обрести цельность, а, наоборот, усиливает ее онтологическую неуверенность.

Конечно, мы говорим о тех людях, которые пришли в психологию, пытаясь преодолеть конституциональную онтологическую неуверенность. Они ищут в науке способ идентификации самих себя, но точно так же, как и в случае знаний мистических, обретают лишь инфляцию и зависимость. Они начинают прятаться от реальности, но не в секте, а за системой понятных им знаний. Стремление к «навязчивой учебе» в таких случаях становится особенно заметно.

Существует еще один вариант «мистической навязчивости» – навязчивое творчество. Оно представляет собой многолетние и непрекращающиеся попытки передать свой опыт с помощью искусства или средств массовой информации. Чаще всего бывшие эзотерики пытаются выразить свои переживания на языке живописи. При некотором усилии любители искусства найдут подобные попытки и в прозе, и в поэзии, и в кино. Главной особенностью душевного состояния творцов психоделического искусства будет нарастающее с годами *чувство непонятности*.

На поверку чувство непонятности окажется творческим вариантом «аутизма» – отрыва автора от реального мира и его замыкание в скорлупе собственной гениальности. Произведения таких авторов с годами меняются

мало и упрощаются. Сами творцы все больше и больше ощущают себя великими, а публика в то же время интересуется их творчеством все меньше и меньше.

457

Зритель или читатель с годами все больше и больше чувствует эмоциональную пустоту, которая прячется за подобными произведениями искусства (особенно при том избытке подобных произведений, который мы наблюдаем сегодня). В жизни каждого из нас вполне достаточно эмоциональной пустоты. И мы интуитивно перестаем читать такие книги и ходить на подобные выставки. Мы боимся, что они усилят нашу и без того существующую *неуверенность в себе*.

II

Вторым относительно благополучным вариантом исхода из неистового духовного искательства является феномен, который мы называем *мистическим двойником*:

«Да нет. От Практики я уже давно отошел. Занимаюсь бизнесом и пока увлечен тем, что у нас в стране этим условно называется...

Что дала Практика? Рассказать об этом очень трудно, любые слова кажутся какой-то пошлостью, но проще всего ответить так: в конечном итоге я встретился с тем мысленным блоком космического разума, который был предназначен для встречи со мной. Теперь, но только в абсолютно критических ситуациях, я имею возможность особым образом сосредоточиться и услышать ясную мысль. Это не голос, это чужая мысль, которую я слышу ясно, хотя не могу себе представить источник этой мысли. В ней практически всегда содержится совет, который помогает выбраться... Нет, цитировать эти мысли я не могу. Никто мне этого не запрещал, но я точно знаю, что нельзя».

Вот еще одна запись. Высказывание это принадлежит известному московскому психотерапевту:

«Когда занимаешься профессиональной работой, становится страшно произносить вслух то, что ты от меня хочешь услышать. И тем не менее результат духовки меня устраивает. Я получил весть. Может быть, ты назовешь это кристаллизацией бреда, и будешь прав. Однако, когда я в чем-то окончательно запутался, в личных отношениях или в проблемах пациента, я отчетливо слышу, как кто-то надо мной добродушно посмеивается и дает советы, всегда ироничные и всегда не прямые... Подсказки, а не советы. Но

458

спутанность в голове уходит, и ты начинаешь понимать, как действовать».

Что это такое? Подлинная связь с некоей и загадочной духовной сущностью? Или все-таки встреча с собственным бессознательным?

Автор является сторонником второй версии. Дело в том, что у человека, чувство «Я» которого является от рождения устойчивым, кроме бесконечного ученичества может включиться другой защитный механизм.

Психика, измотанная ожиданием «передачи», упражнениями и унижением («вычитаниями»), становится на грань собственного разрушения – диссоциации. *Она может подсунуть искателю иллюзию того, что он ищет, выделив в собственном бессознательном «двойника».*

Как видно на следующем примере, феномен «двойника» далеко не всегда достигает уровня, на котором можно говорить о сформированной психиатрической патологии – бреде. Конечно, существуют психические расстройства, которые будут выглядеть очень похоже (с каждым случаем, вообще, можно разобраться только индивидуально), «двойник» может появляться и при истинной шизофренической диссоциации личности. В этой книге мы обсуждаем лишь те случаи, в которых появление «двойника» позволяет человеку жить в реальном мире и не «выпадать» из реальности в психиатрическую больницу.

«Двойник» в ситуации сохранного «Я»-чувства – это альтернативная доминанта измученного разума. Такой результат мистических исканий становится защитной реакцией, «Я» – ответом психики на угрозу развоплощения.

Человек получает возможность говорить с самим собой так, как будто он разговаривает *с другим*.

Более того, у человека появляется возможность дать этому другому *имя*. Он может называть его «духовным учителем», «тибетским махатмой», «голосом космического разума» или таким же «космическим» пришельцем, он может, в конце концов, обозначить его как «дух покойного предка», пробившийся наконец из мира теней...

Такой «двойник» даст человеку иллюзию удовлетворенности метафизической потребности. Но и не только это. Он позволит создать рассудочную мистическую «Я»-концепцию. Чувство «двойника» потребует своего объяснения. Возникшее объяснение устранил когнитивный диссонанс ~

459

С. Дали. Одна из иллюстраций к пьесе «Макбет» Шекспира. 1946

между метафизической потребностью и невозможностью ее удовлетворения с помощью ложных знаний.

Оба «вектора» метафизической потребности – потребность в трансцендентном чувстве и потребность в рациональном объяснении – тем самым будут, иллюзорно удовлетворены. Человек сможет переключить внимание и заниматься чем-то другим.

Вместе с тем закон абсолютен – человек, который ищет духовной свободы для себя, взамен может получить только себя.

Самое интересное, что некоторые мастера русского эзо-теризма все это осознавали. Вот что в уже упомянутой книге рассказывает В. Данченко:

«Я прочел о нем у того же Рамачараки. Какие-то стороны моего опыта описывались там в терминах «внутреннего учителя». Речь идет о возможности получать из глубины души неведомые тебе ранее знания, причем получать его в законченной, едва ли не афористичной форме. С таким учителем у меня были серьезные отношения, и все мои тексты были написаны с его помощью. Но благодаря изначальному постижению разницы между опытом и его концептуализацией у меня это не приняло форму контакт-терства, вещания от имени потусторонней сущности...

...Впадая в другую крайность – крайность объективизма, – можно сказать, что это был опыт сознательно-культивирующего отношения к интуиции. Говорят о бытовой интуиции и т. п. Суть в том, что интуиция может давать ответы на любые действительно значимые для тебя вопросы».

Как бы мы ни относились к понятию интуиция, она в любом случае является частью «Я»-чувства. Интуиция – это что-то, вне всякого сомнения, *принадлежащее мне*. Мы чувствуем ее как отблеск Божественного света в нашем личном сознании.

Значит, мы можем описать мистического «двойника» как попытку *придать интуиции свойство чуждости*. Из интуиции можно «изготовить» для себя... фальшивого собеседника.

Алексей Алексеевич Ухтомский объяснял образование подобных феноменов примерно следующим образом:

«Наиболее подготовленная к деятельности область нервных центров будет иметь доминирующее значение для

того, в какие рефлекторные последствия отольются влияния среды на организм».

Ухтомский описывает своего рода *тренировку* нервных центров: какую область нервной деятельности человек упорно тренирует, постоянно фиксируя на ней свое внимание, та и становится *доминирующей*. Диссоциация

личности в исходе «кунта-йоги» – один из примеров такой «рефлекторной тренировки» с помощью символов. Члены группы не наркотиками, но усилиями собственной воли заставляли образ «стать личностью», оживляли древние бессознательные архетипы и их синхронистическую энергию.

«Для низших отделов нервной системы, – продолжает Ухтомский, – последствия этого будут в том, что организм, подготовленный к дефекации, будет стимулироваться к дефекации и такими раздражителями, которые обычно должны побуждать его к убеганию.

Для высших центральных аппаратов последствие будет в том, что человек, предубежденный (на основании самочувствия?), что его окружают обжоры, эгоисты и подлецы, успешно найдет подтверждение этому своему убеждению и тогда, когда ему повстречается сам Сократ или Спиноза. Обманщик подозревает необходимо во всем обман, и вор везде усматривает воровство. Чтобы этого не было, нужна трудная самодисциплина – перевоспитание доминант в себе».

Продолжая Ухтомского, так и хочется сказать, что человек, *предубежденный* в том, что он должен услышать голос духовного учителя или покойного предка, рано или поздно его услышит и успешно найдет подтверждение этому своему убеждению в мистических теориях. Собственно, «предпрограммирование» сеанса LSD и есть создание аналогичной доминанты.

Об этом повесть «Двойник» Достоевского. Интересно, что из посмертно изданных записок и дневников писателя следует, что он считал эту маленькую вещь самым важным делом своей жизни. Во всяком случае, это была попытка высказать главное из того, что когда-либо мучило великого писателя.

Если первая русская психоделия – социалистическая революция – сделала реальностью художественную ткань романа «Бесы», то вторая обратила в реальность фантазмагорию «Двойника».

1

Существует ли выход из этого тупика человеческой замкнутости на самого себя – этого своеобразного «аутизма» мистиков?

Ухтомский считал, что выход существует лишь один: «Нужно неусыпное и тщательнейшее изо дня в день воспитание в себе драгоценной доминанты безраздельного внимания к другому».

И еще:

«И это опять все та же неизбежная тема о Собеседнике! Человек ведь ищет более всего «ты», своего alter ego, а ему вместо того подвертывается все свое же «я», «я», «я» – все не удается выскочить из заколдованного круга со своим собственным Двойником к подлинному «ты», то есть Собеседнику. Если это не делается само собою, то здоровый вывод может быть только один: все силы и все напряжение, вся «целевая установка» должна быть направлена на то, чтобы прорвать свои границы и добиться выхода в о т к р ы т о е море – к «ты».

Вот где можно прорвать границы собственного «аутизма» – они прорываются через *лицо другого*, через «ты»!

Но ведь это же...

Вторая заповедь Христа: «**Возлюби ближнего твоего**» (Мф. 22, 36-40).

«**Нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей своих**», – говорил Христос во время последней своей беседы с любимыми учениками (Ин. 15, 13).

Мы хотим, чтобы читатель ощутил мысль, которая в свое время потрясла автора, как некое внутреннее открытие:

В теории *физиолога* Ухтомского (и не только его одного) *заповеди* христианства становятся *законами* нейрофизиологии. Из области человеческой нравственности, которую XX век отринул, как никому не нужное и докучливое социальное ограничение, они переходят в область биологии мозга и психиатрии.

III

Существует и абсолютно благополучный вариант исхода личности из эзотерических исканий:

«...Ну как тебе объяснить. Это просто память. Такая кисло-сладкая память, как память о первой любви. Я уже

463

лет десять занимаюсь бизнесом. Мне это интересно. Ты ведь не знаешь, я женился и радуюсь своему ребенку так, что самому стыдно становится... В сущности, она была замечательная, эта романтика духарей, только жалко, что так много ребят погибло. Я думаю, и эта тайная мысль. Никому, кроме тебя, я этого не говорил, но мой духарский опыт научил меня чувствовать какую-то слабину в человеке. Я ее словами определить не могу, это ты будешь делать – ты же у нас психиатр, но с моими сотрудниками, партнерами и властями, бандитами мне это ощущение справляться помогает...»

Таких рассказов можно услышать не много. Среди искренних московских «искателей истины», не шадивших себя в поиске, выжили, не сошли с ума, не спились и ощущают русскую психоделию как часть собственной памяти – собственного опыта – собственной мудрости не более 2–3%.

Все известные автору люди, которым удалось преодолеть «саньясу» без последствий для себя, крестились (чаще всего уже во взрослом возрасте) и в той или иной степени осознают себя христианами. Автор не может считать этот факт доказательством своих взглядов, так как таких людей очень и очень немного.

Есть и другие варианты исходов, которые не помещаются в рамки этой книги: кто-то стал православным священником, кто-то смог *до конца* принять истинный буддизм и живет теперь в Непале или Тибете, кто-то начал цинично торговать теми знаниями, которые так и не принесли просветления ему самому...

Так или иначе, эти люди смогли избежать самого главного – диссоциации и распада собственной личности. Они смогли сделать свое мировоззрение цельным и приняли мир таким, какой он есть, каждый со своей точки зрения. Они стали мудрее, и мы не вправе судить их.

В общей сложности, всех этих людей, преодолевших психоделию, наверное, наберется 10–15%. *Это и есть процент «жизнестойких детей» в неблагоприятной человеческой популяции.* Возможно, удалось не только выжить, но и сохранить психическую цельность только тем людям, которые от рождения имеют жестко сформированное «Я»-чувство.

464

ЭПИДЕМИЯ ЭКСТАЗА, или ПРЕДШЕСТВЕННИКИ РУССКОЙ ПСИХОДЕЛИИ

Не случайно, наверное, ими Григория Распутина стало необыкновенно модным в наши дни. Уж больно фигура малограмотного «старца», повелевающего царями, соответствует тайным магическим фантазиям виртуального человека. Авторы большинства посвященных ему публикаций недооценивают того, что феномен Распутина – лишь верхушка айсберга в колоссальном духовном и историческом процессе, имя которому *раскол* Русской церкви.

В этой книге мы не будем даже пытаться анализировать его как целое. Напомним лишь, что часть священнослужителей и верующих не приняла церковных реформ конца XVII века и решила отделиться от Православной церкви для сохранения привычного обряда. Раскольники, разумеется, считали себя хранителями истинной – старой веры, поэтому стали именовать себя *староверами*.

Староверы через некоторое время разделились на общины «поповцев», во главе которых стояли беглые или расстриженные официальной церковью священники, и «беспоповцев». Эти последние, не имея в своей среде образованных священников, занялись *самостоятельным* поиском духовной истины. В их среде и возник уникальный феномен, который получил название русского мистического сектанства.

Фактически, процесс образования народных мистических сект почти ничем не отличался от процесса

образования групп «эзотерических искателей» 200 лет спустя.

В отсутствие духовного наставничества церкви сектанты основой своей веры считали вольную трактовку фрагментов Священного Писания, как правило исповедуемую их «пророками» или «христами».

В основе духовных практик сектантов лежали два основных состояния сознания. Во-первых, это уже знакомое нам *унижение духа и плоти*, которое в сектах достигалось с помощью жесточайшего аскетизма, изнурительных постов, жесточайшего самобичевания («хлысты») и оскпления мужчин и лишения половых признаков женщин («скопцы»).

Вторым состоянием – наградой за унижение – являлось необыкновенное возвышенно-экстатическое состоя-

16 А. Данилин «LSD» 465

ние души, возникавшее на молитвенных собраниях. Сами сектанты считали это состояние стяжанием благодати от Святого Духа (по сути, это христианский аналог искомой «саньясинами» XX века мистической «передачи»). Все нечеловеческие лишения, включающие в себя и членовредительство, они проходили ради этих мгновений *экстаза*.

Оргии – молитвенные собрания мистических сект – мы и считаем *первой русской психоделией*, генетической связи с которой новейшие русские «эзотерики» так и не смогли осознать.

Если всерьез психофизиологические последствия российской психоделии не исследовал практически никто, то исследованием русского мистического сектантства до революции занимались многие, в том числе и врачи. Понятие «*экстаз*» встречалось на страницах этой книги не один раз. Изучение сект позволяет понять, *что* скрывает в себе это слово.

Книги и материалы, посвященные русским сектам, сегодня практически недоступны для читателей, поэтому мы приводим, с комментариями, большие цитаты из двух, увидевших свет в начале XX века, книг доктора Д.Г. Коновалова.

«Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве – по своей природе представляется мне не чем иным, как своеобразным душевным *волнением*, разрядом нервно-психического возбуждения, вызываемого искусственными религиозными упражнениями, подготавливаемого суровым аскетическим режимом и обусловленного в значительной мере особенной психофизической организацией самих сектантов-экстатиков.

В своем полном развитии экстатическое волнение сектантов складывается из трех моментов, или периодов: приступа умиления, восторга и вдохновения.

1. В религиозных собраниях сектантов первые признаки наступления экстаза обнаруживаются в тот момент, когда присутствующие, поддаваясь возбуждающему действию экстазирующих средств – проповеди, чтению Писания, молитв и особенно пения, – начинают волноваться, рас-трогиваются, невольно утрачивают самообладание – словом, приходят в *умиление*. Самым заметным внешним выражением этого состояния являются слезы, обильные и неуправляемые. «На бесодках, – рассказывает Оренбургская хлыстовка, – сперва читают, потом поют стихи, и поют

466

так, что *невольно плачешь, слезы катятся градом, делаешься словно пьяная...* Я на что всегда держала при себе ум и не поддавалась, как другие плачут, но и то *приходила в умиление, делалась сама не своя* на этих беседках».

Такое умиление «нападает» на сектантов чаще всего под влиянием неизъяснимой *жалости*, навеваемой ни них трогательным содержанием проповеди, слова Божия и особенно распевцев, где постоянно говорится о невинных страданиях за веру «Божьих людей», – или живого чувства собственной греховности, которое, как выражаются сектанты, «пронизывает», «прошибает» их. Согласно показаниям Супоневских хлыстов, «слушая слово Божие» в собраниях, они «плакали, *сокрушаясь о грехах своих*, или потому, что в читаемом Евангелии или псалме попадались такие слова, что *жалко было*».

Чувство жалости изливается в обильных слезах и нередко сопровождается приливом необычайной взаимной *нежности*, любвеобилия и *доверия*: сектанты начинают обниматься, целоваться, прижимают к груди «христа» и пророков, называют друг друга ласкательными, уменьшительными именами, вытирают одни другому слезы, облизывают лица, оправляют одежду, волосы.

Проникаясь чувством своей греховности, сектанты плачут горькими слезами, громко, с криком и воплем, сокрушаются о грехах, публично, забывая всякий стыд, исповедуют их пред собранием, просят прощения у братьев и сестер, трогательно взывают к Богу о спасении: «Господи, таточку мш рщный, спаси жь Ты мене! Ты жь великий, Ты жь мылосердный!..»

Обратите внимание: первая фаза экстаза, по Коновалову, почти дословно соответствует первой стадии LSD-«Трп-па» (или эффекту действия наркотиков-психостимуляторов). В книге о кокаине мы очень много говорили об эффекте *доверия и открытости* по отношению к случайным людям, который является результатом действия как психостимуляторов, так и галлюциногенов.

«2. Чувство жалости и сокрушения, разрешившись в слезах, изъяслениях нежностей, открытой исповеди и молитве, оставляет в душе сектанта *ощущение* необыкновенной *легкости, подъема духа и радости*».

Ощущение душевной легкости и радости быстро распространяется по всему организму сектантов, одновременно

467

становится также и ощущением чрезвычайной легкости и подвижности тела. Сектанты ощущают, что тело их стало необыкновенно легким, как бы невесомым, воздушным, что их «сердце, все жилы и ноги радуются», «играют», «все члены приходят в движение», «начинают веселиться».

Под влиянием этого самочувствия сектанты предаются неуправляемому ликованию, веселью, радости или восторгу: улыбаются, смеются, плачут слезами радости и наконец, не чуя под собою ног, пускаются в «духовной пляс». «Мне самому случалось, – рассказывает хлыст, – после долгаго воздержания от плотского греха и строгого поста на собраниях плакать, как никогда не плакивал, присил у братии и сестер прощения, каялся во грехах, и,

когда меня прощали, на меня напал смех и такая становилась на душе легкость и радость, что прыгал до изнеможения».

По наблюдениям сектантов, ощущение легкости и восторженной радости есть следствие их изнурительных постов. «Раз, когда я выдержал пятидневный пост, – говорит хлыст, – мне далась такая легкость, что и я плясал». «Со мной радости случались, – показывала хлыстовка. – Я не могла носить больших постов, а работая в продолжение целого лета, я ела по одному разу в день и до того исхудала, что оставались одни кости да кожа, и тогда я так легко ходила, как будто я ходила по воздуху, и я как бы помолодела».

По мере усиления телодвижений растет и восторг.

Один урядник-хлыст, в пылу экстатической пляски, восклицал:

«Ох, братцы, такая радость, что если бы не потолок, то хватил бы выше звезд небесных!»

Таким крайне возбужденным, восторженным, бурным, страстным характером экстатическая радость русских сектантов резко отличается от тихой, мирной, хотя и глубоко проникающей, радости различных мистиков-созерцателей, религиозным идеалом которых является исихий кветизм. Наши сектанты – экстастики *sui generis*.

И вторая стадия экстаза удивительно напоминает вход в галлюциногенное переживание или пик действия высоких доз психостимуляторов. В описании Коновалова вдумчивый читатель может заметить появляющиеся признаки того, что сектант чувствует изменения не только собственного тела, но и окружающей реальности. Только потолок

468

мешает «хватить выше звезд». Реальность готова подчиниться воле сектанта. *В мир начинает проникать магическая синхронистичность.*

«3. Восторженная радость, нарастая постепенно, доводит наконец сектантов до полного *изступления, выхождения из себя или экстаза* в собственном смысле. От неизъяснимой радости они «бывают вне себя», «забывают себя», «впадают в какое-то забвение», чувствуют себя совершенно иными, как бы переродившимися существами. В этот период самозабвения, самоотчуждения и как бы раздвоения личности чрезмерно возбуждается воображение и память. Сознанием беспрепятственно и бесконтрольно овладевают продукты психического автоматизма, образы, появляющиеся в силу механической ассоциации. В связи с этим возникает *иллюзия богоодержимости*, энтузиазма: сектанту грезится, будто на него «накатить» Св. Дух, «завладал его палатой», влагает в его голову новые мысли и откровения, которые он и вещает, от имени Св. Духа, в глоссах или пророчествах. Необыкновенная легкость и свобода в смене и сочетании идей порождает своеобразную *иллюзию ясновидения и сердцевидения*, благодаря чему сектант начинает обличать сокровенные помыслы и грехи других.

Нередко автоматические образы достигают живости галлюцинаций. Сектантам представляется, будто они видят Бога, рай, ад, блаженство праведных и муки грешников. Особенно часто наблюдаются у наших сектантов обонятельные галлюцинации. Преследуемые галлюцинаторными запахами, первые малеванцы «среди религиозна-го и молитвеннаго настроения» «начинали жадно обнюхивать свои руки, платье, воздух и другие предметы, ища источника приятных запахов, наполнявших, как им казалось, помещение. Эти приятные запахи одни называли «сладкими», другие «ароматическими», «неземными, божественными», иные, наконец, выражались: «Пахнет святым Духом».

Возникновение обонятельных галлюцинаций в экстазе сектантов всего естественнее объяснять их первобытно-материалистическими воззрениями на Св. Духа, сошествие Котораго в момент экстаза на человека является главным догматом их веры. Сектанты представляют Св. Духа под образом дыхания, а благодать Св. Духа – чем-то вроде га-

469

зообразного вещества, разливающегося в воздухе или проникающего внутрь человека чрез дыхательные пути. Поэтому в собраниях, при появлении приступов экстаза у кого-нибудь из участников, другие начинают втягивать в себя воздух, «ловить ртом Св. Духа», как они выражаются. Одаренные духом сектанты обычно сообщают его другим посредством «дуновения в рот»: «друг в друга вдвывают дух». Радаев «стеснение в груди» и «захват дыхания», которые он ощущал в начале экстатического припадка, объяснял «сошествием на него Св. Духа». Столь грубо вещественное воззрение легко могло внушить мысль, что благодать св. Духа можно воспринять и обонянием, вдыхая в себя окружающий воздух, растворенный благодатным веществом в момент схождения Св. Духа на экстатиков. Быть может, здесь оказали долю влияния и сообщения, идущие из глубокой христианской древности, по которым апостолы, при сошествии на них Св. Духа в день Пятидесятницы, ощутили «приятное, неземное благоухание»... а также церковные песнопения, вроде следующего: «Прийди к нам Душе Святой, причастники Твоя содевая святости... и благоуханнейшего раздаяния» (Канон Св. Духу в неделю Пятидесятницы, песнь 6-я)».

Описание Коновалова говорит само за себя. Собственно экстаз оказывается до неотличимости схожим с галлюцинаторной фазой действия наркотиков. Синхронистичность на этой стадии превращается в галлюцинации воображения. Стадию «собственно экстаза» Коновалов характеризует в том числе как «*выхождение из себя*».

Нам хотелось бы обратить ваше внимание на буквальное понимание сектантами слова «вдохновение» – как *вдыхание* Духа Святого. Такое же буквальное понимание роли дыхания лежит в основе большого количества современных психотерапевтических техник.

Сектанты самостоятельно открыли то, что в индуизме называется «вдыханием праны». На этом понятии, в свою очередь, основана техника «холотропного дыхания» С. Грофа (вы помните, что он *заменял этой техникой прием LSD после запрета наркотика*) и новомодные техники «ребефинга».

«Периодом «вдохновения» заканчивается экстатический приступ, – продолжает Д.Г. Коновалов. – Придя в себя после пережитого эмоционального урагана, сектан-

470

ты испытывают облегчение и приятное самочувствие, которое, однако, соединяется с ощущением истомы, разбитости, а иногда полного изнеможения и временным параличом. Радельные экстазы, по словам Оренбургской хлыстовки, «делали всегда то, что *после них становилось как-то легко, радостно, светло*, но в то же время иногда чувствовалось, что как-то все тело болит, как будто тебя изрубили или ты изсякаешь духом, причем в таких случаях стоило придти кому-либо, одаренному духом, и дохнуть на тебя, как снова чувствуется легче, как точно исцелили тебя».

Инок Евфросин говорит о хлыстах XVII столетия: «Возбеся и пеняся, молятся духом; перестанет от молитвы, ано едва дух свой в себе видит». Радаев после эк-стазов «аки пьяный лежал иногда по суткам, не мог сидети или стояти».

В отмеченном чувстве облегчения, сопровождающем экстаз, заключается его очищающее и освобождающее действие древнегреческого оргазма и трагедии. Экстаз для сектантов – клапан, разряжающий гнетущее их нервное напряжение или возбуждение.

С души как бремя скатится, Сомненье далеко – И верится, и плачется, И так легко, легко...

Вот почему сектанты «всему на свете предпочитают свою плясовую молитву» и обожают своих «христов» и пророков, способных приходиться в экстаз и заражать им других.

Обратите внимание: после экстазического приступа, как и после приема наркотика, следует длительный период истощенности – астении. Весь цикл экстазического состояния Коновалов видит как «клапан», выпускающий избыточное нервное напряжение, с которым человек не в состоянии справиться иными путями.

Однако читатель может справедливо возразить, что в такой форме «разрядки нервного напряжения» нуждается вовсе не каждый человек. Да и сам Коновалов, в самом начале приведенных фрагментов, пишет об «особенной психофизической организации» сектантов, но никак не расшифровывает это понятие.

471

В выводах его книг все сектанты окажутся *больными истерией*.

В 1905 году Святейший синод разрешил старообрядцам открытое отправление своей веры и переиздание старообрядческих книг. По данным съездов старообрядцев тех лет, сектантов и раскольников в Российской империи было около 10 миллионов человек... Не слишком ли много больных истерическим неврозом?

Все станет гораздо понятнее, если иметь в виду, что медицинские описания истерии и неврастении в те годы включали то ощущение потери себя, которое мы называем онтологической неуверенностью. Для обретения хотя бы иллюзии уверенности в себе – чувственной, эмоциональной идентификации – и были нужны сектантские экстазы и *катарсис* греческой трагедии... а возможно, и весь *театр* как исторический и культурный феномен.

Коновалов продолжает:

«Бросим теперь ретроспективный взгляд на только что описанную картину сектантского экстазического волнения.

Означенное волнение поражает, прежде всего, чрезмерно-крайним развитием своих физических и психических элементов.

В экстазе у сектантов до крайности повышается деятельность физиологических функций. Их сердце и внутренности трепещут, как голубь, их ударяет в пот, слезы, смех и крик; все тело дрожит, извивается в конвульсивных движениях или подобно вихрю кружится и мчится в пространстве. Все эти телесные спутники экстазического волнения наступают и развиваются в форме резко выраженных автоматических или даже насильственных, непреодолимых движений.

Благодаря столь мощному и самодвижному развитию телесных явлений, сектантский экстаз нередко производит впечатление феномена, прежде всего, физиологического, простого разряда сильного нервного возбуждения, по отношению к которому душевные переживания кажутся чем-то производным, отраженным. Недаром сами сектанты свои экстазические восторги объясняют *игрой сердца и мускулов*, под наитием благодати Св. Духа, которая, по их словам, «проходит во все суставы».

В некоторых исключительных случаях экстаз сектантов, по той же причине, как бы утрачивает свой религиозный

472

характер, *кажется исключительно физическим явлением, совершенно сходным с его противоположностью – припадком бесоудержимости* (курсив мой. – А.Д.). В период возникновения малеванщины (массового сектантского движения на Украине, конца XIX века, «Христом» которого объявил себя крестьянин Кондратий Малеванный. – А.Д.) религиозные собрания более чем в сто человек иногда, под влиянием экстаза, «поголовно поражались судорогами всевозможного вида и форм. Такие собрания, лишённые всякого молитвенного или религиозного оттенка, производили, по словам очевидца, крайне тягостное впечатление своим *де-мономаническим* характером».

Абсолютная схожесть экстаза и хорошо известной врачам начала века «бесоудержимости» заставляют вспомнить еще одно понятие, встречавшееся в нашей книге. Так и хочется назвать экстаз *искушением* – тем самым словом, которым Олдос Хаксли характеризовал свое мескалиновое опьянение.

Искушением и экстаз, и LSD, и другие «экстазические» наркотики делает незаметная на первый взгляд *подмена*. Прорываясь к взаимодействию с тем, что в сектах называлось «Святым Духом», сектант на самом деле прорывался лишь к общению *с самим собой* – с древними *хтоническими* силами собственного бессознательного.

Силы эти во время временной экстазической диссоциации личности пытались стать сущностями, воспользоваться энергиями «Я»-чувства. Архетипы пытались стать на место «Я» – взять контроль над поведением сектанта. Возникла экстазическая синхроничность. У наблюдателя начала века (еще не преодолевшего в себе христианского мировоззрения) подобная «одержимость архетипами» могла вызвать и вызывала ассоциацию с

«бесоодержимостью».

Гордыня веры в возможность самодельного (рукотворного) чуда приводит сектантов к искушению, которое подменяет «аполлоническую» христианскую молитву «дионисическим» экстазом.

Такого рода *искушение* известно Христианству как **соблазн самообожествления**.

Подобное искушение становится особенно опасным для православного человека – человека, ощущающего Бога преимущественно имманентно – как основу собственной души. Действие соблазна собственного обожествления на

473

человеческую душу отчетливо видно на примере хлыстовских «христов», включая в их число и «старца» Григория Распутина.

Только вдумайтесь! Люди секты **изготавливали** (в прямом смысле этого слова) для себя *из* одного своего товарища «христа» или «богородицу». Им отрезали мужские половые органы или женские груди. И эти люди *с рукотворно изуродованными телами* во время экстатических оргий действительно чувствовали себя «богами» – говорили и «пророчили» от их имени.

Соблазн самообожествления – непосредственная, конкретная психологическая основа стремления сектантов к экстатическим состояниям. Этот факт делает религиозное понятие **важнейшим** понятием медицины и психологии.

В силу невероятной важности этого **соблазна** для нашей культуры нам придется сделать отступление, приведя его характеристику, сделанную И.А. Ильиным:

«Смирение и трезвение необходимы человеку для того, чтобы не впасть и в следующий, великий соблазн, ожидающий его на пути единения с Богом. Я разумею соблазн **само-обожествления**...

...во всех актах, ищущих единения с Богом, бывает **высшая степень интенсивности**, на которой человек **теряет свое самосознание**, перестает ощущать свою единичную, субъективную личность и погружается в свой Предмет, переживая **Его, а не себя**. Это погружение в религиозный Предмет может иметь различные степени полноты и различную степень длительности. Оно имеет свое начало и свой конец во времени. После его прекращения человек возвращается к своему обычному самосознанию и самочувствию и спрашивает себя о том, что с ним было? Он знает, что он «терял» себя в пребывании в Ином. Но как изъяснить эту «утрату» и это «пребывание»? Утрата может означать, что он **не создал** (или не ощущал) себя, потому что он сознавал (или ощущал) Иное; но она может означать, что он **переставал быть собою и сам становился Иным**. Не исчез ли он в Боге? **Не становился ли он сам Богом? Не «превращался» ли он в Бога?** И если он действительно «превращался в Бога», то он может «превратиться» в Него опять и опять... **И не от него ли самого зависит – по желанию «превращаться» в Бога?..**

474

...Не следует ли допустить, что Бог **и ныне пребывает в нем?** Что между ним и Богом, строго говоря, нет более граней, нет более «разницы», что он – **Бог, а Бог – это он сам?**

Весь этот ряд вопросов и умозаключений может переживаться человеком не в сознательно-дифференцированной форме, а в виде кратчайших «передач» чувства и самочувствия, в которых вопрос уже равносителен **положительному ответу**, а вывод оказывается готовым *посяганию-ем*. Наивность сочетается тогда с самонимием, идея Бога катастрофически уменьшается, скудеет и мельчает, субъективное самочувствие, напротив, безмерно разрастается, приближаясь к мании величия, – и соблазн овладевает человеком...

Предохранить от этого может только сила **трезвения и смирения**, особенно если она сочетается с той **духовной зоркостью**, которая составляет самую сущность **ума**, и с тою **мудрою улыбкою**, которая вызывается зрелищем малого существа, посягающего на величие (юмор). Религиозная «мания величия» всегда свидетельствует о низком уровне духовного опыта. Самообожествление человека всегда укрывает за собою особый вид духовной неосторожности и доказывает, что соблазненный не совершил необходимого каждому из нас очищения...

...для того, чтобы не впасть в соблазн само-обожествления, он должен – со всем смирением, и трезвением, и духовной зоркостью, и мудростью – **блести грань между собою и созерцаемым Предметом**. Переживаемую им в молитве «самоутрату» он должен воспринимать не как «применение» своей человеческой самосущности, но как опытное погружение своего духовного взора в открывающееся ему содержание Предмета. Выражая это в философских терминах, можно сказать: человек, возносящийся созерцанием к Богу, не должен мечтать об онтологическом «пресуществлении» своего человеческого естества, но должен осмысливать свою самоутрату, как состояние **сердечно-созерцательное, или «интуитивно-познавательное»**. Молитвенное общение с Богом не угашает в человеке его человеческой природы; видение Бога не снимает границ человеческой **индивидуации**; восприятие даров благодати осуществляется его **единичной личностью**, которая не перестает быть **ограниченным и несовершенным человеком**

475

ским субъектом» (обратите внимание: Ильин пишет о молитве, в сущности, то же самое, что Лосев о музыке, – и то и другое должно увеличивать *мудрость отдельной личности*. – А.Д.).

Возможно, эта цитата из Ильина и есть самая главная мысль нашей книги.

Ведь именно этот соблазн, только менее явно – на бессознательном уровне, станет движущей причиной **превращения обывателя в «экстрасенса» или «целителя»**. Именно он является причиной извечной гордыни человеческого разума, почувствовавшего себя равным Богу и захотевшей «самодельного», рукотворного преобразования.

Он же, следовательно, лежит в основе потребности «интернальной» личности в галлюциногенах. Как вы помните, в основе такой потребности лежит влечение к эго-диастоле – трансценденции, расширению своего «Я». **Соблазн обожествления самого себя** окажется движущей силой, **энергией** эгодиастолического влечения, какие бы поведенческие формы оно ни принимало. Эгодиастола – это и есть «посягательство твари на бесконечность», о

котором писал еще Анаксимандр. Именно поэтому в жизненном цикле человека она дает о себе знать в гораздо более раннем возрасте, чем защитная эгосистолическая потребность.

Следовательно, и в мистической секте личность будет проходить этапы интеллектуальной зависимости, на сей раз не от наркотика, а от экстатических оргий.

«В свою очередь, душевное возбуждение сектантов в экстазе достигает последней степени, – рассказывает доктор Коновалов, – доводит их, как мы видели, до полного изступления, *распада душевного единства* (курсив мой. – А.Д.), *парализуя* высшие задерживающие центры *личного сознания* и воли. «Бывая вне себя» от экстатической радости, сектанты забывают стыд, в собраниях лиц обоего пола пляшут совершенно нагие, не скрывая своих половых влечений, галлюцинируют, бредят, говорят, что на ум взбредет, иногда совершенно забывая сказанное по миновании приступа (амнезия)».

Читатель легко узнает в этом фрагменте начало «дионисической» *диссоциации* личности. Обратите внимание: сектантская диссоциация («паралич личного сознания», по Коновалову), как и диссоциация культуры XX века,

476

начинается с «забывания стыда», «наготы» и открытых проявлений «полового влечения», то есть фрейдовского «либидо».

«Паралич личного сознания» – это, собственно, и есть юнговское «понижение умственного уровня» («снижение порога сознания»). В течение экстаза, точно так же, как и во время наркотического опьянения, «понижение порога» способно привести *к потере сознания* в виде истерического или эпилептического приступа.

«Столь бурная картина экстатического волнения, – пишет Коновалов далее, – оказывается, однако, *в полном несоответствии, по своим размерам, с моментом, обуславливающим его наступление*. Сектанты приходят в экстаз необыкновенно легко, за исключением лишь редких случаев, когда требуются усилия, чтобы расшевелить их сердца. С современными малеванцами, как сообщалось на недавнем миссионерском съезде, достаточно бывает завести беседу о сошествии Св. Духа на апостолов, и они мгновенно приходят в экстаз: начинают трястись, говорить и писать на разных языках. Особенно легко и быстро экзальтирует сектантов пение духовных стихов. «Песенка, – по их выражению, – к Богу лесенка».

К началу приступа галлюцинации воображения ведет описанная Ухтомским «тренировка доминант». Этот феномен хорошо известен гипнотизерам – человек, который неоднократно проходил через сеансы лечебного сна, гораздо легче, чем новичок, входит в гипнотический транс.

Мы приводим эту аналогию потому, что с ее помощью можно видеть, как «тренировка доминант» приводит к своеобразной *внушаемости* сектанта. При произнесении «ключевых» слов он, как «запрограммированный» с помощью LSD шпион, впадает в трансное состояние.

Особенно интересно, с точки зрения нашей книги, отметить эффект действия «духовных песенок» как легкого способа «тренировки» экстатических доминант. Помните, с помощью магической песни шаманы туземного племени управляли действием галлюциногенного напитка аяхуаска?

Именно легкость «тренировки доминант» с помощью «песенок» (мелодий) использовал Боб Марли. Им продолжают пользоваться и творцы современной музыки. Теми же приемами «распевов» пользовалась и изучавшая для ЦРУ методы манипуляции сознанием секта Джонса в Гайяне.

477

Доктор Коновалов продолжает описание повышенной внушаемости и распада личности сектантов:

«Всматриваясь во взаимное соотношение элементов сектантского экстатического волнения, нельзя не заметить, что совместно они образуют неестественный комплекс. Чувство восторженной радости и блаженного упоения сопровождается с физической стороны множеством конвульсивных и других физиологических спутников, обычно сопрягающихся с мучительными состояниями – страданием, болезнью. Такая извращенность эмоциональной реакции показывает, что волнение перешло нормальную границу, достигло высшего предела, где уже исчезает специфическое различие в выражении совершенно противоположных чувств, где гнев, подобно восторгу, заставляет человека «прыгать и плясать, как разнузданного весельчака», где наслаждение и боль «заставляют нервы вибрировать одинаковым образом», исторгая одни и те же стенания.

Подобная же неестественность наблюдается и в последовательной смене отдельных элементов как физической, так и психической стороны экстатического волнения. Слезы сменяются смехом, скорбь о грехах – приступом необузданной радости. При этом смена совершенно противоположных волнений происходит с поразительной легкостью и быстротой. В момент, когда расчувствовавшиеся сектанты «заливаются слезами», по-видимому, прегорько рыдают, сокрушаясь о своих грехах, – *стоит вожаку сказать «будет!» и затянуть веселую плясовую песню, и картина мгновенно меняется* (курсив мой. – Л.Д.): сектантами овладевает неудержимый восторг, они не в силах усидеть на месте и пускаются в «духовный пляс». «Каждый раз, когда я приходила на радения к Мокшину, – рассказывает Воронежская хлыстовка, – дело начиналось так. Сперва начинали читать, потом петь стихи «Плачь, душа моя», и все начинают плакать, да так, просто навзрыд, и где слезы берутся. Затем Мокшин говорит: «Буде плакать!» – и все перестают, потом начинают петь «Пришла дева без порока, рай, рай». Все начинают радоваться, плясать, биться о землю и бог знает, что делать, так что волосы дыбом становятся от того, что творится: кричать, свищут, попадают все на землю, и это, как объяснял мне Мокшин, оттого, что Дух Св. входит в них». Сектантские вожаки давно подметили эту склонность умиленного пла-

478

ча мгновенно, под влиянием веселого пения, переходить в неистовую радость, какой нельзя вызвать без этого предварительного условия, например сразу приступая к веселым песням (ну, чем вам не «предпрограммирование» сеанса LSD! – А.Д.). Заправляя нарастанием экстатического волнения радующих сектантов, они сначала предлагают петь грустные, заунывные распевы и зорко следят за развитием приступа умиления. Заметив, что сектанты достаточно расчувствовались, – затягивают веселые, плясовые песни, с частым ритмом. И многочисленные свидетельства удостоверяют, что *посредством такого внушения чрез орган слуха*

достигается поразительный эффект (популярная музыка доказала поразительность такого эффекта с еще большей достоверностью. – А.Д.).

Наконец экстатическое волнение сектантов, легко наступающее и способное *приостановиться или радикально измениться по одному мановению вожака* (курсив мой. – А.Д.), будучи предоставлено собственному развитию, нередко длится чрезмерно долго, а *иногда как бы переходит в хроническое состояние*.

Выражаясь принятым в нашей книге языком, длительная идентичность личности с экстатическим состоянием приводит к инфляции – стойкому «снижению умственного уровня». Коновалов начинает характеризовать подобное состояние как психическое заболевание:

«Отмеченные особенности сектантского экстаза, в своей совокупности, позволяют охарактеризовать его как *ненормальное душевное волнение*. Современная психология устанавливает три главных признака ненормальной эмоции. Во-первых, неестественная реакция, выражающаяся в излишке или недостатке физиологических спутников, то есть чересчур резкое или крайне пониженное действие эмоции на организм. Во-вторых, непропорциональность между причиной и следствием эмоции или отсутствие рациональных мотивов для нея, и, наконец, чрезмерная длительность, в своем роде хроническое состояние эмоции. Все данные признаки налицо в сектантском экстатическом волнении. Ввиду этого и принимая в соображение господствующую роль в сектантском экстазе чувства радости, его можно определить как *ненормальную радость*.

Подобного рода ненормальная радость не составляет исключительной принадлежности сектантского экстаза.

479

Она наблюдается у здоровых и больных людей, вызывается искусственно и наступает самопроизвольно. В наиболее типичной и сходной с сектантским экстазом форме она искусственно вызывается посредством интоксикации, *особенно чрез опьянение алкоголем, гашишем, опиумом, абсентом и другими наркотиками («ядами интеллекта»)*, а естественно обнаруживается в эмоциональных припадках истерии, в кризах неврастеников и *приступах маниакального возбуждения у разного рода душевных больных* (курсив мой. – А.Д.).

Сами сектанты не находят лучшей аналогии для своего экстаза, как сравнение его с алкогольным опьянением. «Благодать Св. Духа, – говорят хлысты, – напояет нас как бы пивом; от сего благодатного пива сердца наши исполняются веселием Духа Св., и мы, будучи упоены Св. Духом, как пьяные, приходим в радостное святое изступление». Один хлыстовский распевец влагает в уста сектантки следующие слова:

На беседашке, на апостольской Я пила пивцо, я пьянехонька; Я пошла духом веселехонька.

Мне нет надобности подробно описывать симптомы алкогольного опьянения, чтобы доказывать, насколько в этом случае правы сектанты. Напомню лишь о повышении кровообращения, ощущении приятной теплоты, разливающейся-внутри организма, склонностей к изъятию нежностей – объятиям и поцелуям, излишней откровенности, способности «пустить слезу» или отдаться неумеренному веселью, ослаблению чувства стыда, склонности к эротизму, ощущению просветления сознания, обилию и коловращению мыслей, говорливости...

Сходство перечисленных симптомов с проявлениями сектантского экстаза очевидно и, мне кажется, не случайно. Я не раз отмечал в своей книге, что экстаз имеет склонность разряжаться по проторенным, привычным для организма путям, пользуется развитыми и скрепленными предшествующим упражнением системами нервных проводников (Коновалов описывает «тренировку доминант» на 20 лет раньше, чем Ухтомский. – А.Д.). Такими путями у большинства русских сектантов-экстатиков, бывших алкоголиков или страдающих алкоголической наследствен-

480

ностью, являются те, которые проложены и закреплены в своего рода сложные механизмы многократными разряжениями алкогольного опьянения. Экстаз для них – замена возбуждения, которое раньше давало им или их предкам вино».

Вот и еще одно описание спиртных напитков как галлюциногенов – аналогов экстатического состояния. Мы не во всем согласны с Д.Г. Коноваловым, но прямой ассоциативный ряд *экстаз – наркотики – безумие* принадлежит отнюдь не автору книги, которую вы читаете. Не будем мы в ней приводить и современную классификацию душевных болезней, соответствующих несколько устаревшим терминам Д.Г. Коновалова. Любой врач легко проделает эту работу самостоятельно.

Важно понять другое: медицинские исследования сектантства доказывают, что внешние по отношению к человеку химические вещества вовсе не являются обязательным условием для достижения всего комплекса «дионисических» психических состояний.

Они *лишь облегчают «прорыв» человека к собственному развоплощению*, который возможен и без их участия. Прорыв этот всегда оказывается *искушением* – прорывом не к Богу, а к *самому себе* – к структурам бессознательной психики.

Место наркотика в «сектантской психоделии», а потом и в «русской саньясе» занимало *добровольное унижение духа и тела*.

Но почему? Ведь, став человеком в лице Иисуса Христа, Бог совершил акт *кенозиса* (самоумаление, унижения). Христос – Бог и человек – прошел через целую цепь унижений, закончившуюся Крестной Смертью. Раскольники утверждали, что смысл их самоистязаний и заключен в уподоблении Христу.

Мы сталкиваемся здесь со сложнейшей проблемой характера и цели христианского «унижения» – аскезы.

Профессор и протоиерей Зеньковский, объясняя христианской молодежи суть сектантства, писал следующее:

«Сектантство, конечно, представляет огромный скачок в сторону **духовного минимализма**, отпадение от той мистической жизни, которая пребывает в Церкви. В сектантстве не только отпадает догматическая глубина церковной мысли, не только отпадает таинство, но в сектантстве разрываются связи с Церковью, или, во всяком случае, эти

связи становятся такими тонкими, бессильными, что на место таинственной жизни Церкви, как теле Христовом, чрезвычайно усиливается **эгоистический** интерес в **человеческом** общении внутри крошечной, замкнутой на самое себя группы людей, как не Божественной, а социально-психической связанности...»

Вот каким образом «христианство» сектантов становится *психоделией*. *Целью их унижения является эгоистическое стяжание благодати не для мира, а для самих себя – замкнутой группы людей (секты)*. Мы снова сталкиваемся с желанием рукотворного чуда.

Такой путь гораздо ближе не к христианству, а к языческому индуизму. Высший способ познания Браммы есть путь отказа от плоти – крайнего аскетизма (*tapas*). Владыка мира Праджapati готовится к акту творения, уничтожая сам себя. Брами, открывая свою сущность миру, тем самым уничтожает себя, дробясь на мелкие объекты, передавая свою сущность вещам, животным и людям. Индуистские боги совершают *tapas* ради самих себя или ради собственного «*инстинкта*» – *вселенского закона*, который выше их и абсолютно непостижим.

Христос проходит через страдания ради того, чтобы спасти наш мир. Страдая, Он делает нас самими собой – *личностями, свободными от вселенского инстинкта*.

И еще. Во всех муках своего Крестного Пути Он постоянно *остается собой*. Он не развоплощается – не превращается в Бога, которого невозможно унижить земной плетью или гвоздями, – *Он остается человеком*.

«Если русский народ, сжившийся с Православием и полюбивший его красоту, проникшийся его духом широты, его внутренней цельностью и полнотой, может отпадать от Православия, может духовно насыщаться в таком обедненном, насыщенном **эгоистическим** страданием, узком типе христианства, которое представляет сектантство, то не означает ли это глубокого и таинственного **вырождения** русского народа?»

В непонимании смысла страдания Зеньковский видит основу *вырождения*. Само это слово можно прочесть как синоним развоплощения. *Вырождение*, по Зеньковскому, – это медленное исчезновение образа Божьего из человеческой души, вызывающее онтологическую неуверенность или «снижение умственного уровня» целого народа.

И это утверждение лишь подтверждается тем, что русские ученые видели мистическое сектантство как основу целого ряда «дионисических» феноменов, с которыми мы уже сталкивались в нашей книге.

«Вера спиритов в духов, – писал профессор И.А. Си-корский, – в возможное общение с ними и в существование способов узнавать через посредство духов прошедшее, будущее и недоступное настоящее, – вся эта спиритическая догматика чрезвычайно сходна с догматикой скопцов, хлыстов и малеванцев.

Вера спиритов в духов основывается, как и у сектантов, на факте экстатических состояний, в которых медиумы могут писать, произносить слова или делать что-либо недоступное им ранее. И это недоступное спириты приписывают манипуляциям постороннего духа, действующего через организм медиума.

Подобно тому, как хлысты или малеванцы, проричая, произнося известные слова и делая телодвижения, не сознают их или, по крайней мере, не признают как собственные, а, напротив, признают их чуждыми себе, совершающимися волею вошедшего извне духа, также точно и пишущий или вертящий стол спирит не признает этих действий за свои, а относит их к действию постороннего духа, который управляет им как простым оружием.

Спиритизмом эта аналогия отнюдь не ограничивается.

Хлысты были необыкновенно популярны в русской богемной среде первых десятилетий XX века. Сектантов приглашали на собрания «Русского философского общества», основанного Мережковским. А. Блок и А. Белый (который воспел хлыстов в одном из лучших своих романов), М. Волошин и М. Цветаева участвовали в организованных поэтами «радениях».

Владимир Бонч-Бруевич, а следом за ним и А.В. Луначарский видели в мистическом сектантстве «народных революционеров», выступающих из недр человеческой массы для того, чтобы слиться с революционерами профессиональными. В.И. Ленин еще в юности встречался с сектантами из числа тех, которых было так много на его родной Волге. Между собеседниками оказалось много общего – стремление «перекроить жизнь», сплотить людей «в единую братскую семью» и устроить «рай на земле». Будущий вождь реагировал с энтузиазмом: «Эти силы необходимо

объединить и направить к общей цели». Ленин требовал от Бонч-Бруевича «всякие сведения о преследовании сектантов» и предлагал рассылать им «Искру».

«Хлыстовская тайная организация, – писал Бонч-Бруевич, – охватившая огромные массы деревень и хуторов юга и средней части России, распространяется все сильнее и сильнее... Хлыстовские пророки – это народные трибуны, прирожденные ораторы, подвижные и энергичные, *главные руководители всей будущей социалистической пропаганды*» (курсив мой. – А.Д.).

На II съезде РСДРП в 1903 году Ленин зачитывал доклад «Раскол и сектантство в России», написанный Бонч-Бруевичем. В резолюции съезда, написанной Лениным и принятой с поправками Плеханова, сектантство характеризовалось как «одно из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей». Внимание всех членов партии обращалось на работу с сектантами.

Большевик, богостроитель и *министр культуры и просвещения* в ленинском правительстве Анатолий Луначарский честно видел в Иринее Лионском (создателе первой буквальной трактовки апокалипсиса, осужденном на Вселенском соборе в Эфесе) и знаменитом хлыстовском «пророке» – Кондратии Малеванном... своих духовных предшественников.

Сопоставления мистического сектантства с духовной атмосферой предреволюционных лет можно было бы продолжать до бесконечности... Если бы это уже не было сделано в двух блестящих книгах Александра Эткинда.

А самого Эткинда «российская саньяса» 70–80-х годов считала одним из мастеров эзотерики.

И на этом можно закончить круг нашего повествования. •

КОРОТКАЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ГЛАВА

Каждая из предыдущих книг серии, которую вы читаете, заканчивалась разделом, посвященным психологическим техникам преодоления наркотической зависимости.

Автор решил заменить в этой книге психологические техники всего-навсего одним упражнением.

Мы делаем это по следующим причинам.

484

Во-первых, если вы внимательно прочли эту книгу, то **уже**, не заметив этого сами, проделали множество упражнений по соотнесению изложенных в ней взглядов со своими собственными ощущениями. Мы надеемся, что эти «упражнения» помогли вам ответить хотя бы на некоторые мучившие вас вопросы.

Во-вторых, искусству созидания собственной цельности нужно учиться не только людям, которые прошли через испытание галлюциногенами, но и каждому из нас. Живя в «виртуальном» мире, мы *все* испытываем зависимость от его иллюзий.

Только в научной психологии XX века было создано множество психологических техник, прямо или косвенно повышающих онтологическую уверенность личности. Вот лишь некоторые из тех, которые автор считает действенными.

Юнговские методики «символической трансформации самости».

Адлеровские техники, направленные на преодоление «комплекса недостаточности».

Методики «активных сновидений» (описанные по крайней мере десятком различных авторов).

Изобразительные техники «личной мандалы».

Различные методики творческого самовыражения личности («совместный скульптурный портрет», «трансформирующая живопись» и т. д.).

Определенные формы музыкальной терапии (в том числе по авторам, указанным в нашей библиографии).

Современная техника «символодрамы».

Ряд конкретных приемов «нейролингвистического программирования»... и многое, многое другое.

У автора есть, разумеется, определенный собственный опыт работы с некоторыми из перечисленных подходов. Но для его изложения требуется объем отдельной книги. И она планируется как следующая книга нашей серии.

В-третьих, упражнение, которое мы собираемся привести ниже, мы в любом случае считаем *главным* для формирования чувства *уверенности* в отдельной человеческой душе. И если вам это покажется странным, то это обозначает, что вы невнимательно читали всю книгу.

Это упражнение, направленное на развитие «доминанты на лицо другого», мы условно назвали «упражнением И.А. Ильина». Формулируется оно очень просто:

485

В любой жизненной ситуации, в любом общении и тем более в любом конфликте ищи, в чем перед другими виноват ты сам.

А вот как это упражнение описывает сам Ильин: *«Всякое само-оправдание скрывает за собой потребность доказать другим людям, а может быть, и себе самому, что **чувство вины**, таинственно шепчущее в глубине оправдывающейся души, – «неосновательно» и «имеет право» угаснуть. Однако такая потребность не заслуживает удовлетворения. Духовный рост человека требует не самооправдания, а самообвинения. Даже там и тогда, где чужая неправота по отношению ко мне и моя «неправота» по отношению к другим очевидны, надо исходить от того, что **и я был не прав**. Пусть эта моя неправота в данном случае «минимальна», «ничтожна», едва уловима; но религиозно-нравственная мудрость состоит в том, чтобы исследовать с величайшей тщательностью **не чужую** «очевидную» и «вопиющую» вину, а именно свою, «ничтожную» и «едва уловимую». При этом исследовании человек нередко и быстро убеждается в том, что его собственная вина была совсем уж не так ничтожна и что неуловимость ее была кажущаяся. Стоит ему только вооружиться совестно-нравственным «увеличительным стеклом», и он удостоверится, что нравственная ткань человеческой души, подобно материальной ткани тела, гораздо сложнее, утонченнее и деликатнее того, что видится на первый взгляд. Человек, вооружающийся совестною «лупой» **впервые**, может быть просто потрясен и подавлен тем зрелищем сложно-утонченной мотивации и динамики каждого отдельного поступка, которое ему предстанет в нем самом. Он вдруг убедится, что он до известной степени **желал** того и **втайне** готовил то, чего он явно опасался; что он в известном смысле **не хотел** того, о чем мечтал и о чем, может быть, даже молился; что какие-то струи его жизни текут в направлении, **обратном** тому, которое он считает главным и решающим в своей жизни; что в тончайших ответвлениях его души укрываются оттенки зависти, ревности, жадности, зложелательства, честолюбия, тщеславия, ненависти, мстительности – страстей, которых он считал в себе преодоленными и «вычищенными» и которых, может быть, и в самом деле были ослаблены до того, что уже не могли подвигнуть его на самостоятельную – и цельно – мотиви-*

486

рованный поступок; но искоренены они не были. И он вынесет впечатление, будто его религиозно-нравственный катарсис еще не начинался».

Как врач автор убедился в том, что поиск ощущения вины перед другим человеком, поиск *собственной совести* в любом случае приводит человека к укреплению онтологической уверенности.

Надо только помнить, что Ильин пишет не об *огульном самообвинении*, которое является лишь очередной ловушкой и в конечном итоге способом *самооправдания*.

Он говорит о непрестанном анализе *смысла* собственного поведения с точки зрения *другого* человека. Это и есть единственный способ *понимания* другого... *А все понять – значит все простить*.

Это сложное упражнение. Но те наши пациенты, которых удавалось убедить, что это и есть единственный *путь к себе*, через некоторое время испытывали подлинное *преображение*. Они становились *мудрее*, чего автор

хочет искренне пожелать каждому своему читателю.

Тем людям, которым упражнение Ильина покажется глупым и не заслуживающим внимания, нам хотелось бы рассказать старинную французскую сказку, которую лжк бил вспоминать английский писатель и философ-анархист Гилберт Кит Честертон:

«Сказка эта – про отчаявшегося поэта, который решил утопиться. Пока он спускался к реке, чтобы покончить с собой, он отдал свои глаза слепому, уши – глухому, ноги – хромоту и так далее. Читатель уже ждет его неминуемого конца, однако, вместо того чтобы броситься в воду, бесчувственный, слепой и безногий поэт присаживается на берегу и, поняв, что жив, радуется жизни. Только глубоко вникнув в смысл сущего, может быть, только в глубокой старости начинаешь понимать, сколь правдива эта история».

Пусть человек, не поверивший нам, закроет глаза и попробует отнять у себя машину, жену, работу, глаза, руки и т. д. – снять с себя, по очереди, свои оболочки-идентификации. Останется ли у него хоть что-нибудь после этого «вычитания»?

Может быть, тогда он перечитает сказку Честертон и поймет, что поэт смог остаться самим собой потому, что все, что у него было, он по дороге отдал **другим**.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга отобрала у меня год жизни. Это был безумно тяжелый год. Я – практический врач и поэтому не мог себе позвонить что-то вроде творческого отпуска. Вся книга написана в свободное от приема больных время. Я прошу у читателей прощения, если в ней остались «темные» места, которые так и не удалось прояснить.

Почти каждая глава все время хотела превратиться в отдельную книгу! Мне приходилось бороться с собственными мыслями за то, чтобы работа не растянулась в бесконечность. Надеюсь, что читатель для расширения полученных знаний прочтет и другие книги, которые цитируются или упоминаются в нашей.

Эта книга, целиком, является для меня экспериментом, ведь я пытаюсь в ней одновременно говорить с читателем на всех мировоззренческих «языках», с которыми знаком, – психиатрическом, психоаналитическом, философском и религиозном.

Целью такого «смешения языков» было показать читателю, что *все мы, в сущности, говорим об одном, только разучились слушать и понимать друг друга*.

Коллеги, которым я показывал рукопись, говорили мне: «Не мечите бисер перед свиньями!», «Вы пишете о слишком сложных проблемах и вас никто не будет читать!».

Пусть читатель простит автору сложность этой книги. Но я принадлежу к числу людей, которые считают, что поддаваться *соблазну упрощения* духовных проблем нельзя ни в науке, ни на бумаге.

Мне кажется, что ученые и издатели считают «среднего читателя» гораздо глупее, чем он того заслуживает. Я исходил из того, что люди, которые *все еще читают* книги,

488

давно устали от «детективов» и «ужастиков» в мягких обложках.

Человеческий ум напоминает мышцу – если его не тренировать, он *атрофируется*.

Более того, я не стал бы даже братья за перо, если бы не видел, что проблемы, поставленные в книге, *волнуют моих пациентов*. Они хотят понять, что с ними происходит, но в их распоряжении нет духовного, мировоззренческого языка, который позволил бы им *хотя бы объяснить* врачу, что именно болит в их душах.

Я не говорю уже о тех пациентах, которые принадлежат к числу российских «искателей эзотерической истины». Чаще всего проблемы, с которыми они обращаются за помощью, заключаются не в зависимости от наркотиков, а в психологической диссоциации, обусловленной тем, что личность окончательно запуталась в мистических и религиозных теориях, «учителях» и иллюзиях.

Уровень знаний, которого диалог с ними требует от врача или психолога, показывает *жизненную необходимость* обсуждения *сложнейших* проблем человеческого бытия.

Для того чтобы успокоить свои сомнения в том, что эта книга найдет своего читателя, я поставил еще один эксперимент. В Московском центре непрерывного образования взрослых автор однажды получил возможность 8 (!) часов подряд читать врачам и учителям лекцию на темы близкие к изложенным в этой книге.

Вместо ожидавшегося мной возмущения – слишком много теории! – я увидел неослабевающее внимание в глазах и услышал обращенные к себе слова благодарности за то, что «хотя бы кто-то пытается вернуть цельный взгляд на мир». Я очень благодарен слушателям из этой группы. Если бы не их поддержка, у меня, возможно, так и не хватило бы сил дописать книгу.

В заключение мне хотелось бы сказать, что проблема человеческого развоплощения затрагивает нашу жизнь в гораздо большей степени, чем это удалось описать в книге.

Мы теряем традиционные ценности, с которыми раньше мог себя идентифицировать растущий человек. Обесценивается, например, такое традиционное для нашей культуры понятие, как «дом» или «семейное гнездо». Частая смена мест жительства входит в моду и усиливает детское чувство неуверенности. Я не говорю уже о стабильности

489

самой семьи и появляющемся непостоянстве таких понятий, как «папа» и «мама».

Достаточно небольшого усилия науки, и мы начнем утрачивать лишь упоминавшееся в нашей книге чувство идентичности с собственным телом. Неосозанный страх, который культура испытывает перед клонированием, – это ведь тот же страх ведьм – страх развоплощения. Вместо одного тела у человека может появиться несколько... *Где же тогда «Я»?*

Можно перечислить еще много подобных проблем, но понять их, к сожалению, можно только в том случае, если культура имеет целостное – *главное* мировоззрение. Но подобного мировоззрения нет, и человек остается наедине со своей «виртуальной неуверенностью».

Такого мировоззрения нет и у врачей – «психопомпов», по Карлу Юнгу, призванных помогать человеческим

душам вновь обрести уверенность.

Вместе с тем здание классической немецкой психиатрии базируется на столь же классической немецкой философии. Французская психиатрическая школа основана на французском же экзистенциализме...

Только русская психиатрия и психотерапия с презрением отвергла работы и взгляды *своих* философов и мыслителей.

Отвержение психологией взглядов русских философов в советское время понятно – русская философская мысль в основе своей всегда была философией **христианского персонализма**. Подобного мышления «дионисический» социализм принять не мог.

Но советский период закончился, и профессионалам пора задуматься о том, почему наши предшественники именно через призму христианства понимали человека. Мы должны понять, какое значение их взгляды имеют для нашей *повседневной практики*. Наша книга, как и вся предшествующая ей серия, посвящена осознанию роли наркотиков в психологии и культуре. Если мы пытаемся осознать роль наркотиков *в нашей* стране, то, "а мой взгляд, мы можем опираться лишь на отечественную философскую традицию.

Я не могу со всей ответственностью назвать себя христианином. Мой путь к вере был путем разума. Я не встретил в своей жизни подлинного откровения. Я крестился и

принял символ веры в зрелом возрасте, и сделал это потому, что понял, что никаким иным путем, кроме христианского мировоззрения, не могу объяснить себе происходящее как со мной самим, так и с моими пациентами. Еще в I веке нашей эры Тертулиан писал:

«Христианами не рождаются, христианами становятся».

Я на собственном примере чувствую, что эти времена настали вновь.

Самый парадоксальный русский мыслитель, писатель и философ Василий Розанов большую часть своей жизни вел непрерывный спор с христианством и официальной церковью. Но перед смертью он призвал своего духовника, исповедовался и умер христианином. Как никто другой, он описал сомнения и соблазны русской культуры.

Записанную им незадолго до смерти мысль я использовал в качестве эпитафии, но на бумажном листке, датированном 14 апреля 1916 года, эта запись была не единственной. В тот же день он сделал еще одну.

Мне хочется использовать ее в качестве постскриптума к книге, так как только сочетание розановского эпитафия с постскриптумом дает описание чувств человека, который пришел к *подлинной мудрости*.

14.IV.2001.

P.S.

Но я этого не люблю.

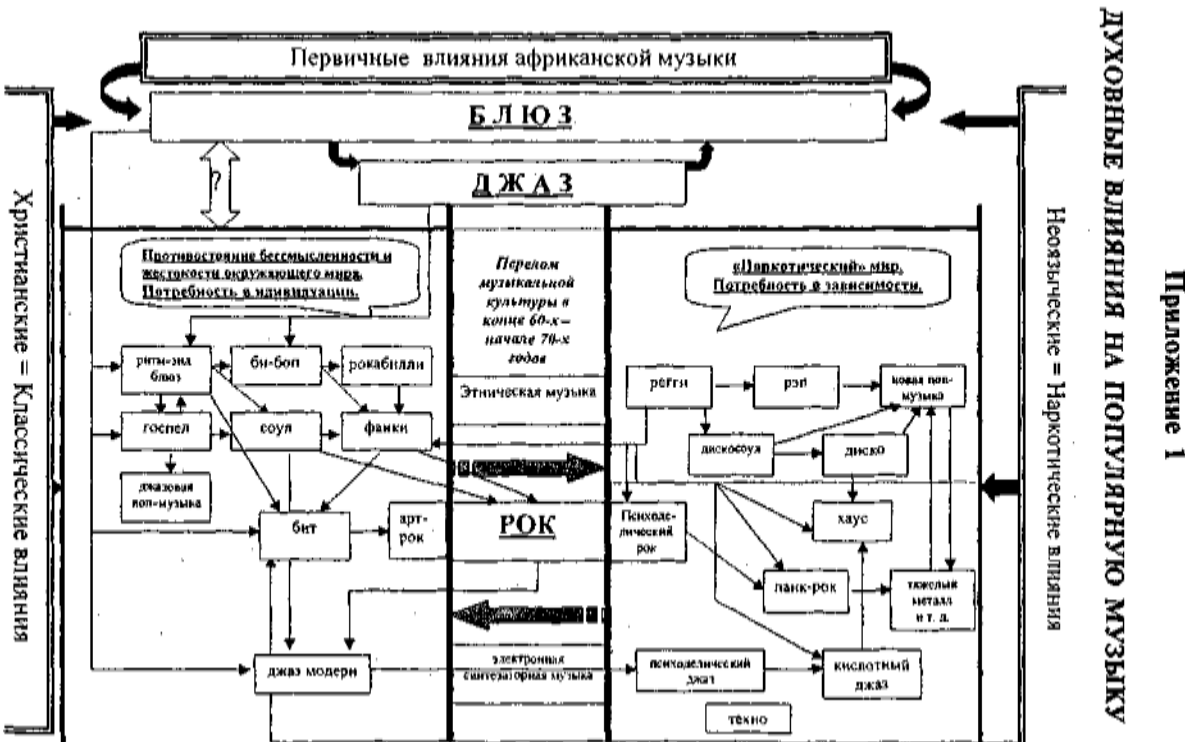
Ох, не люблю. По мне бы лучше туман.

И я бы все облизывал. Розанов не эгоистичен.

Он обнюхивает и грязь у себя под ногтем, и любит далекую звездочку.

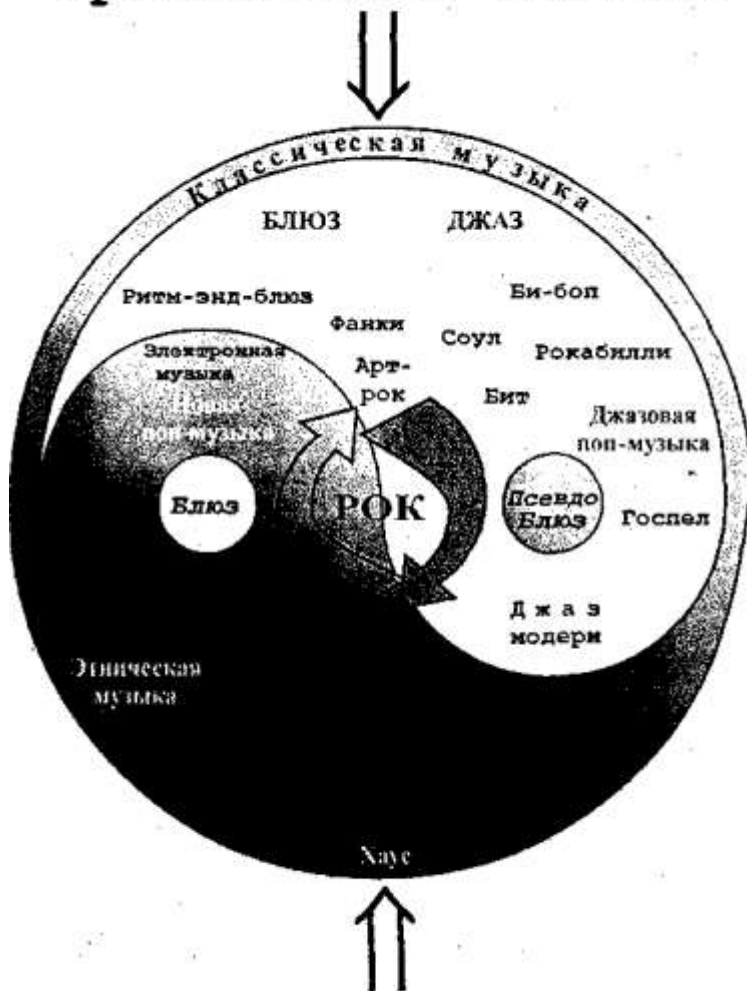
Я люблю чужие эгоизмы (своеобразия всех вещей) – своего эгоизма я не люблю.

Да его и нет во мне. Я люблю валяться на дороге, по которой проходят все.

Духовные влияния на популярную музыку
Приложение 1

Христианские влияния

Языческие влияния

Приложение 2

СЛОВАРЬ НАРКОТИЧЕСКОГО АРГО

Словарь, публикуемый нами из книги в книгу, получился не статическим текстом, а динамичным приложением к основному тексту. Время идет, пациенты автора меняются, из пыльных шкафов сами собой выпадают старые записи, которые казались утерянными. Вместе со всем этим меняется и, наверное, будет и дальше меняться словарь.

Мы не претендуем на научность и не анализируем этимологию понятий, включенных в него, хотя происхождение сленга интересно не только филологам, но и психо-логам, и тем более психоаналитикам. Для серьезного исследования представленных материалов мало, и мы предоставляем читателям самим проследить бытовые, тюремные, литературные и медицинские корни арготического языка наркоманов.

Авторы публикуют это приложение не для того, чтобы блеснуть весьма специфической эрудицией. Мы надеемся, что словарь будет полезен родителям, которые стали часто встречать незнакомые слова в телефонных и приятельских разговорах детей. Возможно, им смогут воспользоваться врачи и учителя для того, чтобы лучше слышать то, о чем говорят их ученики и пациенты.

Есть и еще один немаловажный смысл такой публикации. Слова расшифрованные, понятные перестают нести в себе притягательный для подростка вкус сладости «запретного плода». Если молодой человек поймет, о чем на самом деле говорят его «загадочные» сверстники, то «романтический» флер, окружающий наркотики и наркоманов, окончательно спадет с его глаз.

494

Обратите внимание: чем больше распространен наркотик, тем больше «секретных» синонимов арготического языка выработывает для него.

СЛЕНГОВЫЕ НАЗВАНИЯ ГЕРОИНА:

Белый, большая дурь, большой, гера, гертруда, герыч, гирик, главный, говно, грустный, дурь, ковырялка, коричневый, косой, кэг, лекарство, лошадь, медленный, мульташка, перец, светлый, скучный, слон, султан (датский или вообще импортный героин), убойный, хлеб, черный, эйч.

Вообще, названий героина в лексиконе подростка бесконечное множество, в телефонных разговорах, скрываясь от родителей, они могут использовать самые разные «образы», чаще всего продуктовые: «Мне нужно немного свежего белого хлеба», «Пришли мне банку черной икры», «Хочу нашего молока» и т. д.

СЛЕНГОВЫЕ НАЗВАНИЯ МАРИХУАНЫ:

Анаша, башатумнай, бошки, гандж, гарик, драч, дурь, дым, жареха, конопа, конопель, маняга, марго, маруся, маруха, молоко, план, пласт, пластилин, табакерка, трава, травка, шала, шан, шишки, шмаль.

СЛЕНГОВЫЕ НАЗВАНИЯ КОКАИНА И КРЭКА:

Дутый, кекс, мука, кикер, кокс, нос, свежий, снег, сырой, ускоритель, энергия.

СЛЕНГОВЫЕ НАЗВАНИЯ ОПИЯ-СЫРЦА (МАКОВОЙ СОЛО .КИ ИЛИ ОПИЙНОГО МАКА):

Встань-трава, жмых, кокняр, конар, мача, мацье, опи-уха, папа, папавер, турьяк, ханка, чернуха, черный, чер-няшка, шняга.

495

■ ДМ–мм

СЛЕНГОВЫЕ НАЗВАНИЯ ТАБЛЕТИРОВАННЫХ НАРКОТИКОВ:

Импорт, калики, килики, колеса – от этого слова происходят наиболее распространенные арготические понятия, обозначающие процесс приема таблетированных наркотиков (или лекарств) с целью опьянения, – «колесить», «ко-лесманить», «колесовать» и т. д. нло, сша, таблетки, танцульки, тарелки, таралетки, цветочки, экстаз.

СЛЕНГОВЫЕ НАЗВАНИЯ ПРОЦЕССА ИНЪЕКЦИИ И ВХОДА В СОСТОЯНИЕ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ:

Бахнутья, болтанутья, вливать, вмазываться, втеретья, гнать, двигать, двинутья, загонять, задвигатья, заправить трубу, кайфануть, колотья, мазать, мазатья, обдолбатья, отвиснуть, отдохнуть, оттопыриться, оттянутья, подзаправиться, подзарядиться, поправлятья, поставиться, припариватья, проснутья, пырятья, расколбаситься, раскумари-ватья, расслабиться, ставиться, стимульнутья, треснутья, ужалиться, ушибиться, чпокнутья, ширнутья, шмыгать, шпигать.

Последние пять названий чаще всего используют наркоманы, употребляющие психостимуляторы (первитин, эфедрон).

СЛЕНГОВЫЕ НАЗВАНИЯ ШПРИЦА:

Агрегат, баян, боинг, емкость, карандаш (инсулиновый шприц), конь, лайба, машина, машинка, насос, пырляка, сажало, снаряд (шприц, «заряженный» наркотиком), скрипка, сучок, шар (шара), шира.

ДРУГИЕ НАЗВАНИЯ ИГЛЫ ДЛЯ ИНЪЕКЦИЙ:

Бабочка (внутривенный катетер), булавка, выборка, жало, каниоля, колючка, контролька, копье, пчелка, стрелка, струна, сучок, шило, шира.

496

СЛЕНГОВЫЕ СЛОВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ НАРКОМАНАМИ, КОТОРЫЕ УПОТРЕБЛЯЮТ САМОДЕЛЬНЫЕ ПСИХОСТИМУЛЯТОРЫ:

1. Первитин:

болт, вареву, вареный, винт, карбид (наркотик очень низкого качества), кроссвордный, масло, сила, скорость,

стимул, умный, шуруп.

2. Эфедрой:

бодяга, болтушка, джеф, жидкий порох, кристалл, курица, марца, марцифаль, мультка.

3. Сленговые слова, используемые для описания процесса приготовления самодельных психостимуляторов:

апер – любой наркотический психостимулятор;
аптекарь – изготовитель наркотика или медицинский работник, через которого можно достать наркотики или психоактивные лекарства;
бодяга, недовар – некачественный раствор наркотика;
варщик, химик, делец, банкир – изготовитель самодельного наркотика;
вешалка – аптечные весы для взвешивания порошка;
выбрать – набрать раствор в шприц;
вторяк – растительное сырье из которого уже экстрагировали наркотические вещества;
загасить винт – закончить процесс изготовления первитина;
компанюха, дефицит, товар – общее название компонентов, используемых для приготовления наркотиков (характерные обороты: «съездить на столицу за компанюхой», «бросить тело в центр за компанюхой»);
корка – сухой остаток вещества после экстракции;
краснуха, кислота, кислый, черный, желтый – названия компонентов наркотика, нужных для реакции;
кухня – место и набор приспособлений для изготовления наркотика;
отбить – выделить наркотик из лекарственного сырья;

17 А. Данилин «LSD»

отгон – испаритель;
петух – ватный фильтр;
помазуха – активное вещество с большим количеством посторонних химических загрязнений;
потрясти бутылочку – приготовить первитин;
прикинуть – взвесить порошок;
реактор – пузырек, в котором идет реакция;
салют, сопли, тефа – названия главных лекарственных компонентов эфедрона;
Стендаль – комплект необходимых для изготовления наркотиков реактивов, имеющих красный и черно-бурый цвет (Стендаль – автор романа «Красное и черное»);
сотка – 0,1 грамма главного компонента первитина;
фурик – контейнер, емкость для порошка, в ней происходит химическая реакция;
чирка – 1 грамм главного компонента первитина;
эфедора, порох, кристаллы – названия главного компонента первитина;

ОБЩИЕ СЛОВА ИЗ НАРКОТИЧЕСКОГО АРГО:

абстыга – абстиненция, синдром отмены наркотика;
автопилот – сохраняющаяся способность управлять собой в невменяемом состоянии, как правило, после прекращения действия наркотика человек не может вспомнить, что он делал в состоянии автопилота;
аптека – официальные (разрешенные) лекарственные препараты, употребляемые как наркотики. Отсюда часто употребляемый оборот «**дружить с аптекой**» – постоянно использовать медицинские препараты как наркотики или иметь к ним легкий доступ;
астрал – странное и необычное состояние опьянения. Чаще всего применяется к опьянению LSD или галлюциногенными грибами. Используется в сочетаниях: «**выйти в астрал**», «**застрясть в астрале**».
база – наркотики или место их покупки;
баксы – доллары;
банкир – изготовитель самодельного наркотика;
банковать – продавать самодельный наркотик;
барыга – мелкий торговец героином, который контактирует непосредственно с наркоманом;

баш, баша – порция наркотика. Чаще всего так говорят о папиросе или сигарете с марихуаной;
башня – голова, психика;
беда – наркотики;
беляшка – порошок или ампулы морфия и синтетических морфинов, используемые в качестве наркотика;
бен-зин. Раньше использовалось с учетом контаминации с «бен» – первой уважительной частью восточных имен (бен-Абдула). Сегодня может обозначать как любые средства, используемые токсикоманами для вдыхания, так и в уважительном смысле – LSD или кокаин (источник энергии, «топливо»);
бзик, бзикнуться – болезненно пристраститься к чему-либо, чаще всего по отношению к таблетированным наркотикам или лекарствам – **бзикнуться на колесах**. В сегодняшнем аргоне может обозначать сумасшествие наркомана (он окончательно *бзикнулся*);
бодяжить – разбавлять перед продажей порошок наркотика похожими по внешнему виду лекарствами или химическими веществами. Может обозначать процесс растворения наркотика в воде – подготовку к употреблению;
болты – большие, вытаращенные глаза наркоманов, находящихся в состоянии опьянения;
брахман – торговец галлюциногенами;
бээфник – человек, употребляющий клей в качестве наркотика. Презрительное название любого токсикомана;
веревка – вена;
вес – вошенная бумажка с 1 граммом героина;
весло – ложка, в которой разводят водой порошок наркотика, иногда так называют и шприц;
взрывать, взорвать – зажигать или первым закуривать пускаемую по кругу сигарету с марихуаной;
вмазка – доза наркотика;
воздух – деньги;
волосатик, волосатый, волосун – хиппи;
вольты – галлюцинации и другие обманы восприятия;
впаривать, впарить – продать кому-либо разбавленный наркотик;
вредина – сигарета с наркотиком;
втертый – находящийся в наркотическом опьянении;
втирать – лгать, обманывать, обещать что-либо заведомо невозможное. Особенно часто – «**втирать очки**»;

выхлоп – появление вкусового ощущения во рту после инъекций или приема психостимуляторов. Выхлопы бывают строго определенные. Наркоманы называют их – «яблочный», «карбид», «сирень», «болото», «фиалковый» и «чесночный»;
гараж – колпачок для иглы шприца;
гепак – вирусный гепатит или большой этим заболеванием;
герфа – название одного из снотворных, используемых в качестве наркотика;
глюк – галлюцинация. **Ловить глюки** – принимать галлюциногенные наркотики. Отсюда же **глюколов**;

глюкач – наркотик-галлюциноген или соответствующий наркоман;
глюкало – бредовая идея или галлюцинация, возникшая под воздействием наркотика;
гонец – мелкий торговец наркотиками;
грибница – традиционное место группового приема галлюциногенов (чаще всего загородная дача);
грибы – общее название для самодельных наркотиков-галлюциногенов, изготавливаемых из различных грибов.
Отсюда же *«грибник», «грибочек»* и даже *«гроб»*;
двинутый – наркоман в опьянении или человек, сошедший с ума;
дербан – территория или время сбора наркотического растительного сырья: *«Поехать на дербан», «Пора дерба-нить»*;
деревяшка – ампула с готовым наркотиком (как правило, лекарственного происхождения);
депрессняк – состояние плохого настроения и отсутствие энергии в период отмены наркотика;
дискотня, дискотуха – дискотека;
догоняться – принять повторную дозу наркотика, после того как первая показалась недостаточной для достижения *кайфа*;
доза, дозняк – чаще всего вошенная бумажка с 0,05 грамма героина, иногда дозировка, необходимая для достижения кайфа (*«моя доза»*);
дорожка – отчетливо видная под кожей багрово-красная вена, склерозированная постоянными внутривенными уколами, также насыпанный на стекло или бумагу героин или кокаин, приготовленный для вдыхания носом;

500

драга – аптека;
драч – наркотик (**чаще анаша**);
дрянь – наркотик;
дует – прокол шприцем стенки вены, образование подкожного инфильтрата;
дуплет, дуplo, дуплить, отдуплиться – прием двух или более наркотиков одновременно (возможно наркотика вместе с водкой);
духарь – искатель эзотерической истины. Сегодня очень часто применяется по отношению к людям, систематически принимающим галлюциногены;
духовка – компания *«духарей»*;
дырка – незатягивающийся след от инъекции;
ерник – ложка, в которой разводят водой порошок наркотика;
жила – вена;
жмых – низкокачественный опий-сырец;
забодяжить – то же, что и бодяжить;
забой – музыка, рок (*«Под забой и ширнуться в кайф»*);
зависать, зависнуть – состояние суженного сознания с потерей чувства времени и застревание в притоне или компании;
завял, отвял – характеристики эпилептического припадка, потери сознания или смерти, связанных с приемом наркотика (*«...догнался Коля и завял»*);
заклиниться (клиниться) – видеть галлюцинации;
заколотый – окончательно опустившийся наркоман или человек, залеченный, живущий в больнице, существующий только на уколах;
заколоться – злоупотреблять наркотиками или умереть от этого. Часто о вене – *«заколотая жила»*;
заморочиться – заикнуться, застрять на каком-либо действии после приема наркотика (чаще всего психостимулятора). Очень часто, например, девочки часами выдавливают на себе прыщики, доводя кожу до появления язвочек. Очень часто заморочиться можно на уборке или на круглосуточном решении одного и того же кроссворда;
заправить, зарядить – набрать раствор наркотика в шприц;
зарастать (о вене) – состояние вены после частых уколов, нарушение ее проходимости;

501

затромбить – ввести некачественный наркотик с образованием в вене тромбов и непроходимости;
зеленая наркота – конченные, обреченные на гибель наркоманы;
игла – универсальная метафора наркомании;
измена, высадиться на измену – универсальный термин, описывающий любое патологическое состояние сознания, наступающее в результате передозировки наркотического вещества. Чаще всего это состояние отупения или отсутствия контакта с окружающим миром, но иногда так же называются галлюцинациями и вспышки ничем не мотивированной ярости и агрессивности;
ингаляция – процесс курения сигареты или папиросы с марихуаной;
йог – наркоман, употребляющий LSD, посетитель тех-нодискотек;
кайф – собственно состояние опьянения наркотиком;
кайфолом – человек, который портит удовольствие. Чаще всего милиционер или врач-нарколог;
кассета – название вошенной бумажки с дозой наркотика;
качать – сжимать и разжимать кисть руки, затянутой жгутом, чтобы застойные вены стали видны под кожей;
кимарить – быть токсикоманом (нюхать пары тех или иных веществ);
кислота – наиболее распространенное название LSD;
клинить, клиниться – видеть галлюцинации и описывать их окружающим;
книжка – пакетик с наркотиком;
книжки – наркотики;

колесманить – употреблять таблетки наркотического действия;
колесник – наркоман, употребляющий таблетки;
колодец – незаживающая от постоянных инъекций кожная рана над венной;
колотушка – печать на рецепте;
контроль – кровь в шприце, показывающая, что игла находится в вене;
конь – емкость с наркотиком (пакетик, пузырек, облатка). Чаще всего это слово применяется по отношению к упаковке, в которой наркотик передается в тюрьму или больницу;

502

корабль – бумажный пакетик с марихуаной. «Корабли» бывают «однопалубные», «двухпалубные» и «трехпалубные» – в зависимости от количества находящейся в пакете марихуаны;
кормушка – аптека или больница;
косуха – редкое название дозы героина, как правило, подразумевает плохое качество «товара». Иногда точно так же называют папиросу или самокрутку с марихуаной;
косяк – сигарета или папироса с наркотиком;
крест, кресты – аптека;
крыша – голова, психика (*«Крыша от наркоты поехала»*);
кубейка, куб (единица, квадрат) – 1 миллилитр готового раствора наркотика;
кукушка – слабоумный, окончательно опустившийся наркоман (как правило, принимавший психостимуляторы);
кукушонок – малолетний наркоман;
кумар (хумар), кумарит, раскумаривает, подкумаривает – первое ощущение приближающихся ломок; состояние, возникающее после того, как первая доза наркотика закончила свое действие; «предчувствие ломки». Связано с возникновением очень сильного желания принять наркотик. Может обозначать любой наркотик или наркотическое опьянение;
купец – более крупный продавец наркотика, как правило, общающийся не с наркоманами, а с барыгами;
лекарство – наркотик;
лепила – медицинский работник, у которого можно приобрести наркотики или рецепты;
лечиться – приходиться в себя во время синдрома отмены наркотика;
личнуха – подделанная личная печать врача;
ломки, ломаться – испытывать острую часть синдрома отмены наркотика;
лопата – ложка, в которой разводят водой порошок наркотика (*«Кругом гепак, лопата должна быть у каждого своя»*);
мазальщик, мазной – опытный наркоман, умеющий хорошо делать инъекции;
малява, малютка – рецептурный бланк;
макил, макля, махил – человек, меняющий вещи на наркотики, торговец наркотиками или сам процесс обмена;

503

мандрилка, мандюшка – леска или проволока, которую вставляют в использованную иглу для того, чтобы ее просвет не суживали соли;
марафет – наркотики;
марафон – длительное постоянное употребление наркотиков (особенно галлюциногенов) или употребление наркотиков на танцах;
марки – почтовые марки, с нанесенным на поверхность для клея LSD;
марца, марцан, марцефаль, марцовка – самодельные наркотические вещества, изготавливаемые с применением марганцовокислого калия;
масса – большая доза наркотиков;
медаль – синяк или воспалительный инфильтрат после неудачной инъекции;
медитация – духовные практики буддизма и индуизма. Сегодня самое распространенное название опьянения галлюциногенами (*«Взяли кислоты в клубе и медитировали до утра»*);
метла – ватный тампон для фильтрования;
метро – подмышечные вены;
музыка, музон – в тюремном жаргоне обозначало крепкий чай, чифирь. Сегодня, после того как наркотики стали «достоянием» ночных клубов, это слово может обозначать любое психоактивное вещество;
мулька – мы выделяем это слово в общем словаре, так как в последнее время оно может обозначать не только эфедрон, но и любой другой наркотик. Используется оно и для обозначения вещества, изготовляемого из «контак» и «колдакта» – лекарств от простуды;
мутить, замутить – длительный и «захватывающий» процесс, вызывающий удовольствие и предшествующий приему героина: от решения выйти на поиск героина до момента его употребления. Включает в себя добычу денег на приобретение очередной дозы, поиск продавца, компании, места приема;
мухомор – название гриба. В сленге часто употребляется как пренебрежительное название наркомана, употребляющего галлюциногены;
мытый – рецепт, на котором выведены предыдущие записи, от «**мыть**» – сводить записи;
наварить кайф, приварить кайфа – принять непривычно большую дозу;

504

навинтить, свинтить – подвергнуться аресту за распространение наркотиков;
наглотаться колес – выпить таблеток наркотического действия;
нарк, нарком, наркот, наркота, наркоша – наркоман;
неусидки – то же, что и **топотунчики**;

нифиль – фильтровальный тампон;
номер, номерной – новые образцы рецептурных бланков с номерами;
нулевка, нуль – новый, нераспечатанный одноразовый шприц или игла;
обломать кайф – испортить удовольствие;
обратка, оборотка – вены тыльной стороны руки;
огород – подпольная плантация конопли, мака или место (подвал) выращивания галлюциногенных грибов;
отжимать – экстрагировать наркотик из отвара или сырья;
отломаться всухую – пройти через ломки без лекарств, как правило, в добровольном заточении;
отморозок – идиот, тугодум. Частая характеристика конченого, окончательно опустившегося наркомана;
отрубаться – приходиться в бессознательное состояние под воздействием психоактивного вещества (засыпать, падать в обморок и т. д.);
оттягиваться – полностью расслабляться. Слово, как правило, применяется бесконтрольному «отдыху» под воздействием наркотиков: *«Предки уехали, и я оттянулся в полный рост»*;
отходняк – синдром отмены наркотика (то же, что и ломка);
паль – наиболее дешевый наркотик;
панкатура – панки;
патлатый – чаще всего о хиппи. Лохматый, с длинными, спутанными волосами;
парфюмерия, парфюм – наркотические средства, изготавливаемые из парфюмерии;
первак – первый, качественный раствор наркотика, полученный из чистого сырья;
перебирать – фильтровать;
перебить – сделать повторную инъекцию после неудачной;
передозняк – передозировка;

505

перетяга – жгут, наложенный на вену;
пятнашка, семнашка, девятнашка и т. д. – московские психиатрические и наркологические больницы;
петух – кусочек ваты, используемый в качестве фильтра;
планокиша – наркоман-курильщик;
пласт – упаковка таблетированных лекарств;
побочки – побочные явления при введении наркотиков, например резкая головная боль или рвота;
повар – изготовитель самодельных наркотиков;
подвиг – прием наркотиков;
подогреть – угостить кого-либо маленькой дозой наркотика;
подсадить – уговорить кого-либо в первый раз принять наркотик;
поискуха, искуха – состояние суженного сознания во время отмены наркотиков, выражающееся в непрерывном поиске либо «спрятанных» кем-нибудь наркотиков, либо в поиске других мелких предметов;
полина – политура, спиртовой лак с добавлением смолистых веществ, используемый токсикоманами в качестве одурманивающего средства;
поношка – доза наркотика, используемая для вдыхания носом;
потеряться – состояние полной потери контакта с внешним миром, ступор, ощущение невозможности думать, появляющееся при передозировке наркотика;
присесть на ухо – растормозиться, говорить без остановки и без смысла, «словесный понос»;
присоска, присосавшаяся девочка – девочка, некоторое время живущая с одним из продавцов или изготовителей наркотиков;
приход (не путать с кайфом!) – первый, самый сильный и острый, момент действия наркотика, ощущение его наличия в крови, наркотический удар. Кайф наступает тогда, когда приход заканчивается. В речи наркоманов можно услышать также: *«упасть на приход», «поймать на приход», «приходнуться»* и т. д.;
приходная девочка – девушка-наркоманка, регулярно вступающая в половую связь с распространителем или производителем наркотиков (в обмен на наркотик);
пробить на измену – сойти с ума, испытать галлюцинации;

506

пробка – грязь в игле или тромб в вене;
прогонять – фильтровать раствор;
продавать весом – продавать героин не менее чем по 1 грамму;
прокачка – прогон крови через шприц, который не вынут из вены. Таким образом наркоман пытается использовать наркотик, возможно оставшийся на стенках шприца;
промокашка – фильтровальная бумага или окончательно опустившаяся девушка-наркоманка;
пруха, прет, прец – то же, что и кайф;
пунш – смесь спиртного с таблетками и наркотиками;
пушер – мелкий торговец наркотиками;
пыха (пыхать, пыхнуть) – курево, часто наркотическое;
разбодяжить – разбавить героин для перепродажи или развести порошок водой;
развести на базар – как правило, относится к девушке-наркоманке, использующей стимуляторы, которую пожалели и оставили участвовать в общем процессе «кайфа» с помощью психостимуляторов – бессмысленной и непрерывной- болтовни всей группы наркоманов;
развести на хоровод – сделать так, что девушка-наркоманка в опьянении будет участвовать в групповом изнасиловании (использоваться как половой партнер всеми членами группы);
разводить, развести на деньги – обманывать, вымогать деньги;
раздербанить – разделить дозу наркотика;

раскрутить (на деньги) – получить у кого-либо деньги или наркотики уговорами или обманом;
релашка – транквилизатор, используемый в качестве наркотического вещества или лекарства во время синдрома отмены;

раскумариться – начать употребление наркотиков после перерыва или для облегчения синдрома отмены;

рисовать – изготавливать поддельный рецепт, отсюда **художник** – тот, кто хорошо это делает;

сесть в систему – испытать физическую зависимость от наркотика, требующую постоянного увеличения дозы;

сесть на иглу – начать колоться;

сидеть (на) – постоянно употреблять какой-либо наркотик;

507 "

синюшка – сожженная, тромбированная вена (**то же, что и дорожка**);

система – хиппи или состояние болезненной зависимости от наркотиков;

сифон – подкожный инфильтрат после неправильной инъекции;

сняться – снизить дозу наркотика или перейти на более легкие наркотические вещества;

сонник – снотворное или наркотик, без которого наркоман не может уснуть;

сопло, сопелс – жидкости для химической чистки одежды, употребляемые токсикоманами в качестве наркотика;

сопля, сопель – малолетний наркоман, токсикоман;

стаф – наркотик;

стимульной – наркоман, «сидящий» на эфедроне или первитине;

стекло – готовая ампула с наркотиком, медицинские наркотики;

стрелка – место встречи, в самом широком смысле этого слова;

стрем – страх, тревога, развивающаяся при наступлении синдрома отмены. Отсюда слова «**стремофобия**» или «**стре-мопатия**»;

сушняк (1) – порошок наркотика;

сушняк (2) – склерозированная вена;

сушняк (3) – нечеловеческая жажда во время отмены;

таблетолог, таблеточник – наркоман, употребляющий таблетки наркотического действия или врач психиатр – нарколог;

таракановка – жидкость для борьбы с тараканами; употребляемая в качестве наркотического вещества;

тарелочник – одно из универсальных сленговых словечек, обозначающих людей, которые увлекаются НЛЮ, оккультизмом, магией и т. д.;

таска – удовольствие, получаемое от наркотиков;

телега – бредоподобная бесконечная история, рассказываемая наркоманом в опьянении. Из таких историй, которые все рассказывают, но никто не слушает, формируется выражение «развести на базар»;

теплый – пьяный;

терка – поддельный врачебный рецепт, отсюда **терочная** – аптека;

508

товар – наркотик;

толкушка – поддельный врачебный рецепт;

токсик – токсикоман;

топотунчики, топотушки (топтунчики, топушки) – состояние возбуждения, неусидчивости, непоседливости, вызываемое, как правило, побочным действием назначенных врачом лекарственных препаратов. Такое состояние может возникать и как прямой эффект действия наркотических препаратов (особенно если при перекупке они были разбавлены психотропными лекарствами);

торч – наркотик (раньше так называлась преимущественно анаша). Слово может обозначать и самого наркомана и использоваться в качестве синонима слова «*кайф*»;

тормоз – тугодум, плохо соображающий человек или... врач-нарколог (тот, который тормозит процесс приема наркотиков);

торчать – постоянно принимать наркотик;

торчок – наркоман;

точка – место, где можно купить наркотики («*Взял товар на точке*»);

травник – наркоман, курящий марихуану, или изготовитель галлюциногенных наркотиков;

треуголка – поддельная треугольная печать поликлиники;

труба – толстая, хорошо заметная под кожей вена;

тряхалово (трясучка) – название побочной реакции – судорожных подергиваний конечностей и повышение температуры при попадании в кровь наркомана загрязненного раствора;

тусовка – компания;

тяга – сильное желание принять наркотик, патологическое влечение к нему («*Тяга такая, что мочи нет*»);

тяга (2) – одна затяжка сигареты или папиросы с наркотиком («*Мне только одну тягу оставили*»);

тяга (3) – растворитель, с помощью которого проходит экстракция вещества;

тянуть – курить, затягиваться сигаретой с наркотиком;

убиваться, убиться – накуриваться наркотиком (обычно анашой). Например: «*Он анашой убитый, чего с ним разговаривать*»;

угар – состояние выраженного наркотического опьянения;

угнездиться, попасть в гнездо – попасть иглой в вену;

509

уголок – самокрутка с марихуаной;

ушибленный – ненормальный, странный человек. Конченный наркоман;
фаза, сдвиг по фазе – сумасшествие или ненормальное странное поведение;
фаловать – надоедливо уговаривать кого-либо принять наркотик;
фантик – пустая облатка (как правило, вошенная бумажка от наркотика);
флавоый – сочувствующий хиппи, доброжелательно к ним относящийся, принимающий с ними наркотики;
фланировать – прогуливать занятия или уроки;
фен – порошок самодельного наркотика, представляющий собой смесь амфетаминов;
фуфляк – гематома или фурункул, возникший на месте инъекции;
фуфырь – пузырек с наркотиком;
хабар, хабара – доход, прибыль, выигрыш (чаще всего о перепродаже наркотиков);
хала – легкий, доставшийся без труда доход, барыш и т. д.;
халява – что-то нетрудное, доставшееся даром, бесплатно («Доза досталась на халяву»);
ханка – наркотики;
ханыга – окончательно опустившийся наркоман;
химик – наркоман или производитель наркотиков;
химия – любые наркотики или токсические вещества;
хипповать – вести себя как хиппи;
хипповый – сходный с хиппи. Наиболее частая характеристика праздного, богемного существования и его атрибутов, включающих в себя и наркотики;
хи-хи – сумасшедший дом или наркологическая больница;
хмырь – опустившийся наркоман;
холодильник – комната для задержанных при отделении милиции;
хоттабыч – наркоман, пристрастившийся к галлюциногенам;
хохлатый – панк;
хохотунчики, хохотунчик – беспричинный смех, состояние, когда человека смешит решительно все, наступающее под воздействием психостимуляторов;

510

хронолог (хренолог) – нарколог;
хрусты, хусты – деньги;
цветомузыка – наркотическое опьянение. Чаще всего опьянение галлюциногенными наркотиками;
центральной – главный, пользующийся наибольшим авторитетом. «Центровой наркоман», соответственно, имеющий отношение к продаже наркотиков или возможности их добычи;
центр, центра – локтевая вена, находящаяся в локтевом сгибе;
цидулька – справка из наркологической больницы о проведенном курсе лечения;
цикл, цикла, циклуха – циклодол;
циклить, циклевать, циклодолить – использовать циклодол в качестве наркотика;
чадить – курить сигарету с наркотиком;
чадный – человек, пьяный от наркотиков;
чалдон – бродяга, нищий, опустившийся наркоман;
чалдонить – слоняться без дела, побираться, гулять;
чалый – слово пришло из тюремного жаргона. В наркотическом аргументе обозначает «многоопытного», неоднократно лечившегося и отбывавшего срок заключения наркомана;
чес – сильное желание чего-либо, влечение к наркотикам («На меня напал чес на анашу»);
чинить, чиниться – лечиться, проходить курс лечения;
чифирь, чифер – особым образом вываренный чай, употребляемый в качестве наркотического средства;
чича – нарыв на месте укола;
чума – наркотик;
чумовой – пьяный, находящийся под действием наркотиков;
шаман – человек, занятый загадочным делом. Часто универсальная характеристика человека, пристрастившегося к галлюциногенным наркотикам;
шанить – курить марихуану;
шар – один миллилитр готового раствора наркотика;
шара – нечто бесплатное, даровое;
шаровой – наркоман;
шиза – сумасшедший, странный человек. Что-либо, вызывающее состояние непривычного, странного опьянения или само это состояние. Отсюда же *шизик, шизанутый*;

511

ширка – наркотики или любое опьяняющее вещество. Так же может называться и шприц;
ширево, ширевка, ширь – наркотики;
ширяльщик, ширяло, ширной – наркоман;
шкура, шкурняк – кожа;
шлак – сырье для изготовления наркотиков;
шлендатель, шлендрать, шлендить – заниматься проституцией для добычи наркотиков. Может значить и просто «кутить» или «бездельничать»;
шмаль – сигареты с наркотиком;
шмалить, шмалять, шмальнуть, шмолять – курить сигарету (чаще всего с анашой);
шманаться, шманаться – бродить, скитаться или бояться кого-либо и прятаться;
шняга – один из промежуточных продуктов кустарного производства героина;

шпиганка – наркотик или одна доза наркотика;
штaket, штaketина – сигарета с наркотиком, чаще всего с марихуаной;
шуба, шубовидный или шубоподобный – слова, пришедшие, в жаргон из психиатрической терминологии. Странное поведение под воздействием наркотиков. Поведение сумасшедшего человека. Как правило, характеризуют состояние наркомана под воздействием галлюциногенов;
шуга, шугань, шугняк – немотивированный страх во время отмены наркотика;
щука, щука наборная – крупный поставщик наркотиков;
эфедринить, эфедринщик – употреблять эфедрин в качестве наркотического средства. И соответственно, человек, который это делает;
яд – наркотик («Пришел домой и заглотнул яду»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: Прогресс, 1995.
Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. – М.: 1865.
Бабаян Э., Морозов Г., Морковкин В., Смулевич А. Изобразительный язык больных шизофренией с бредовыми и сверхценными образованиями. Ч. 2. – Базель, 1985.
Бакунин П. Основы веры и знания. – СПб, 1886.
Беляков А. Юность вождя. – М., 1958.
Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1993.
Бержье Ж., Повель Л. Утро магов. – М.: Миф, 1991.
Бехтерев В. Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб, 1903.
Бобринская Е. Концептуализм. – М.: Галарт, 1994.
Бодлер Ш. Искусственный рай. – СПб.: Петербург – XXI век, 1994.
Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Доб-росвет, 2000.
Бонч-Бруевич В. Избранные сочинения. Т. 1. – М., 1959.
Бонч-Бруевич В. Среди сектантов // Жизнь. – № 2. – Лондон, 1902.
Бубер М. Два образа веры. – М., 1995.
Булгаков С. Протоиерей. О чудесах евангельских. – Paris: Ymca press, 1932.
Бутлеров А. Статьи по медиумизму. – СПб, 1889.
Быков В. Спиритизм перед судом науки, общества и религии. Лекции-беседы. – М., 1914.
Введенский А. Религиозное сознание язычества. Т. 1. – М., 1902.
Ведьмы и колдовство. – Смоленск: Русич, 1995.

513

- Вулф Т.* Электропрохладительный кислотный тест. – СПб: Амфора, 2000.
Гайденко П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997.
Готтлиб А. Энциклопедия незапрещенных психоактивных средств. – Харьков: Авангард, 1997.
Грайвс Р. Мифы Древней Греции. – М.: Прогресс, 1929.
Гроф С. Области человеческого бессознательного. – М.: Издательство трансперсонального института, 1994.
Дасс Р. Это только танец. – Киев: София, 1994.
Даурли Д., Эдинггер Э., Зеленский В. К.Г. Юнг и христианство. - СПб., 1999.
Демидова А. Бегущая строка памяти. – М.: Эксмо-пресс, 2000.
Евзлин М. Космогония и ритуал. – М.: Радикс, 1993.
Евреинов Н. Тайна Распутина. – СПб.: Былое, 1924.
Зеньковский В. О сектантстве в России. – Париж: Вестник русского студенческого христианского движения. – № 4. – 1929.
Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. – Париж, 1953.
Инайят Хан Х. Мистицизм звука. – М.: Сфера, 1998.
Исаев С, Гальцова Е. (составители). Антология французского сюрреализма. – М.: Гитис, 1994.
Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000.
Кастанеда К. Учение Дона Хуана. – Киев: София, Ltd, 1992.
Кожевников В. Буддизм в сравнении с христианством. Т. I-II. - Пг., 1916.
Коновалов Д. Психология сектантского экстаза. – Сергиев Посад, 1909.
Коновалов Д. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. – Сергиев Посад, 1908.
Крэйг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2000.
Ламцов М. Череп для дьявола // Аргументы и факты. -2000. - № 23.
Ле Бон Г. Психология социализма. – СПб., 1908.
Лебедько В. Хроника российской саньясы. – Москва. – СПб., 2000.
Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-пресс, 1994.
Лилли Д. Программирование и метапрограммирование человеческого биокомпьютера. – Киев: София, 1994.
Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – СПб.: Владимир Даль, 2001.

514

- Лосев А.* Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990.
Лососий В. Очерк мистического богословия Восточной Цер-кви//Догматическое богословие. – М., 1991.
Лосский В. Спор о Софии. – Париж, 1936.
Лососий Н. Бог и мировое зло. – М., 1994.
Луначарский А. Религия и социализм. – СПб., 1908.
Лэнг Р. Расколотое «Я». – СПб.: Белый Кролик, 1995.
Маккена Т. Пища богов. Поиск первоначального древа познания. – М., 1995.
Маркузе Г. Одномерный человек. – Киев, 1995.
Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – Киев, 1995.

- Маслоу Л.* Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999.
Менделеев Д.И. Материалы для суждения о спиритизме. – СПб., 1876.
Мень А. Дионис, Логос, Судьба. – Брюссель, 1992.
Мудрость древних и тайные общества. – Смоленск: Русич, 1995 год.
Муретов М. Новый Завет как предмет православно-богословского изучения. – Сергиев Посад, 1915.
Наэм Дж. Психология и психиатрия в США. – М., 1984.
Николаев С. Расконвоированные. От идеологии к аксиологии. Этюды и статьи. – М.: Посев, 1998.
Ницше Ф. Сочинения в 2 томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1990.
Нолл Р. Тайная жизнь Карла Юнга. – М.: Рефл-бук, 1998.
Пелевин В. Generation «П». – М.: Вагриус, 1996.
Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1996.
Петрушин В. Музыкальная психотерапия. – М.: Владос, 1999.
Писания св. отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. – СПб., 1855.
Реньяр П. Умственные эпидемии. Историко-психиатрические очерки. – СПб, 1889.
Розанов В. Последние листья. – М.: Республика, 2000.
Роллан Р. Собрание сочинений с предисловиями автора, – М. Горького, А.В. Луначарского. Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Т. XIX. Жизнь Рамак-ришны. Жизнь Вивекананды. Т. XX. Вселенское евангелие Вивекананды. Махатма Ганди. – Ленинград: Гихл, 1936.
Сидоренко Е. Терапия и тренинг по Альфреду Адлеру. – СПб.: Речь, 2000.
Сикорский И. Психопатическая эпидемия 1892 года в Киевской губернии. – Киев, 1893.
Соломзе Д., Чебурсон В., Соколовский Г. Наркотики и общество. – М.: ООО «Иллойн», 1998.

515

- Сперанский Н.* Ведьмы и ведовство. – М., 1906.
Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. 1–2. – Нью-Йорк, 1956.
Сэмьюэлз Э., Шорте Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. – М.: ЭСИ, 1994.
Таевский Д. Синкритические религии и секты. Словарь-справочник. – М.: Интрада, 2001.
Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории. – М., 1997.
Трубецкой Е. Смысл жизни. – М., 1994.
Уотте А. Психотерапия. Восток и Запад. – Львов: Инициатива, 1997.
Ухтомский А. Интуиция совести. – СПб: Петербургский писатель, 1996.
Ухтомский А. Труды о доминанте. – Л.: Изд. Академии наук СССР, 1962.
Фанти С. Микроспихоанализ. – М., 1995.
Феофан, Епископ Кронштадтский. Чудо. Христианская вера в него и ее оправдание. Опыт апологетически-этического исследования. – Пг., 1915.
Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. – СПб: Ювента, 1999.
Флоровский Г. Хитрость разума. Предчувствия и свершения. – София, 1921.
Флоровский Г. Метафизические предпосылки утопизма // Путь. – Париж. – 1926. – № 4.
Фридман Л., Флеминг Н., Роберт Д., Хайман С. Наркология. – М.: Бином, 1998.
Хаксли О. О, дивный новый мир. 27 лет спустя. – М.: Серебряные нити, 2000.
Хаксли О. Двери восприятия. – СПб.: Петербург – XXI век, 1994.
Хьюелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб., 1997.
Чавкин С. Похитители разума. Психохирургия и контроль над деятельностью мозга. – М.: Прогресс, 1982.
Честертон Г. Писатель в газете. – М., 1984.
Шабанов П., Штакельберг О. Наркомания. Патопсихология. Клиника. Реабилитация. – СПб., 2000.
Шварцман К. «Технология поведения» Б. Скиннера и проблемы этики. – Вопросы философии. – 1977. – № 11.
Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. – М.: Рефл-бук, 1996.
Энциклопедический словарь лекарственных, эфирно-масличных и ядовитых растений. – М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1951.

516

- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996.
Эткинд А. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. – М.: ИЦ-Гарант, 1996.
Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. – М.: Новое литературное обозрение, 1998.
Юнг К.Г. АИОН. – М.: Рефл-бук, 1997.
Юнг К.Г. Воспоминание, сновидение, размышление. – Киев, 1994.
Юнг К.Г. Психология и алхимия. – М.: Рефл-бук, 1997.
Юнг К.Г. Синхронистичность. – М.: Рефл-бук, 1997.
Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуализации. – М.: Наука, 1996.
Ясперс К. Ницше и христианство. – М.: Медиум, 1994.
Alwin J. Music therapy. – London, 1966.
Baudrillard J. L'illusion de la fin. – Paris: Galilie, 1992.
Bindrim P. A Report oh a Nude Marathon. Psychotherapy // Fall. - 1968. - 5. - № 3.
Blum R. Utopiates. – New York: Atherton Press, 1964.
Bonny H.L. Music and Your Mind. Listening with New Con-sciousness. – Nation Hill Press. – 1973.
Box S. Hyperactivity: The Scandalous Silence // American Educator. - 1978. - 2. - № 2.
Brewer M. The Case Against EST: We're Gonna Tear You Down and Put You Together Again. – Psychology Today. – August 1975.
Cohn N. Cosmos, Chaos and the World to Come. – New Haven: Yale University Press, 1993.
Cohn N. The pursuit of the Millennium. – London: Seeker and Warburg, 1957.
Delgado J.M. Physical Control of the Mind: Toward a Psycho-civilized Society. Harper and Row. – New York, 1969.
Descharnes R. Neret G. Salvador Dali. Vol. I–II. – ' Benedikt taschen, 1994.

- Dobkin de Rids M.* Visionary Vine: Psychedelic Healing in the Peruvian Amazon. – San Francisco: Chandler, 1972.
Erikson E.H. Childhood and society. – New York: Norton, 1963.
Erikson E.H. Young man Luther: A study in psychoanalysis and history. – New York: Norton, 1958.
Erikson E.H. Youth: Change and challenge. – New York: Norton, 1963.
Erikson E.H., Erikson, J.M., Kivnick H.Q. Vital involvement in old age. – New York: Norton, 1968.

517

- Evans R.I.* Dialogue with Erik Erikson. – New York: Harper and Row, 1967.
Fischer R. Hill R. Thatcher K. and Schlieb J. Psilocybin-Induced Contraction of Nearby Visual Space. Agents and Actions. Vol. 1, no. 4. – 1970.
Fours P. Hallucinogens and Culture. – San Francisco: Chandler & Sharp, 1978.
Gardner G.B. Witchcraft today. – London, 1954.
Gardner, G.B. The Meaning of Witchcraft. Magickal Child Pub. Inc. – New York, 1959.
Grofs. LSD Psychotherapy. – Pomona, CA: Hunter House, 1980.
Gunther B. Sense Relaxation. – New York: Collier Books, 1968.
Gustaitis R. Turning On. Macmillan. – New York, 1969.
Hoffer A., Osmond H. The Hallucinogens. – New York: Academic Press, 1967.
Huxley A. Moksha: Writings on Psychedelics and the Visionary Experience. Michael Horowitz and Cynthia Palmer, eds. – New York: Stonehill, 1977.
Huxley A. The Doors of Perception. – New York: Harper, 1954.
Judd E. Hallucinogens and the Origin of Language, Sociolinguistic Newsletter, Vol. II. – 1980.
Karsten R. The civilization of the South American Indians. – London, 1926.
Kluver H. Mescal, the Divine Plant and Its Psychological Effects. – London: Kegan Paul, 1928.
Leary T. The Principles and Practice of Hedonic Psychology// Psychology Today. – January. – 1973.
Leary T. Metzner R. The Psychedelic Experience: A Manual Based on the Tibetan Book of the Dead. New Hyde Park. – N.Y.: University Books, 1964.
Lieberman M., Yalom L, Miles M. Encounter Groups: First Facts. – New York: Basic Books, 1973.
Litwark L. Pay Attention, Turkeys! // New York Times Magazine. – May 2. – 1976.
Ltt, Martin A. Shlain B. Acid Dream: The CIA, LSD, and the Sixties Rebellion. – New York: Grove Press, 1985.
Maliver B. The Encounter Game. – New York: Stein and Day, 1973.
Melville K. Communes in the Counter Culture. – New York: William Morrow, 1972.
Naranjo C The Healing Journey: New Approaches to Consciousness. – New York: Ballantine, 1973.
Neumann E. The Great Mother: An Analysis of the Archetype. – New York: Pantheon, 1955.

518

- Oss O.T. and Oeric O.N.* Psilocybin: The Magic Mushroom Grower's Guide. – Berkeley: Lux Natura Press, 1976.
Ott J. and Bigwood J. eds. Teonanacatl: Hallucinogenic Mushrooms of North America. – Seattle: Madrona Publishers, 1978.
Picon G. Surrealism 1919–1939. Skira. – London, 1997.
Pines M. Superkids // Psychology Today. – 12 (8). – 1979.
Pope H. The Road East. Beacon Books – New York, 1974.
Ratsch C Ethnopharmacologie und Parapsychologie. – Berlin: Express Edition GmbH, 1986.
Read C. Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia. – London, 1979.
Reich C The Greening of America. – New York: Bantam Books, 1971.
Rosch/Heider E. The Embodied Mind // Cognitive Science and Human Experience. MIT Press (with FJ. Varela and E. Thompson). – 1991.
Rotter J.B. Clinical Psychology // Prentice Hall. – 1964.
Rotter J.B. Some implications for a social learning theory for the prediction of goal directed behaviour from test procedures // Psychological Review. – 67. – 1960.
Rotter J.B. The growth and extinction of expectancies in chance controlled and skilled tasks // Journal of Psychology. – 52. – 1961.
Schultes R.E. The Botany and Chemistry of Hallucinogens. – Springfield, Mass.: Charles C. Thomas, 1973.
Scott C Music: its mysterious influence in ages. – London, 1951.
Scott C Philosophy of Modernism. – London, 1932.
Skinner B.F. Beyond Freedom and Dignity. – Knopf, New York, 1971.
Szara Sh. Psychotropic Drugs. S. Garattini and V. Ghetti, eds. – Amsterdam: Elsevier, 1957.
Szondi L. Lehrbuch der experimentellen. Triebdiagnostik. – Bern und Stuttgart, 1957.
Wasson G. R. Soma: Divine Mushroom of Immortality. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1971.
Watts A. This Is It. – New York: Vintage Books, 1973.
Weill A. The Natural Mind // Psychology Today. – October 1972.
Werner E.E. High – risk children in young adulthood: A longitudinal study from birth to 32 years // American Journal of Orthopsychiatry. – 59. – 1989.